

А.А.ЗИНОВЬЕВ

**НА ПУТИ К
СВЕРХОБЩЕСТВУ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Интерес к социальным проблемам у меня возник еще в ранней юности. Но обстоятельства сложились так, что моей профессией стала логика и методология науки. В течение нескольких десятилетий я разрабатывал свою логическую теорию. Результаты моих исследований я опубликовал в многочисленных работах, в том числе - в книгах "Основы логической теории научных знаний" (1967), "Логика науки" (1971) и "Логическая физика" (1972). Одной из особенностей моей логической теории является то, что она охватывает логические проблемы эмпирических наук, к числу которых относятся и науки социальные.

Мой интерес к социальным проблемам не ослаб. Но я стал их рассматривать как профессиональный логик, интересующийся социальными проблемами просто из личного любопытства, а не как профессиональный социолог, каковым я не был. Разумеется, мне пришлось знакомиться с сочинениями философов, социологов, историков и экономистов, имеющими отношение к интересовавшим меня социальным проблемам. Не буду перечислять их имена с целью демонстрации эрудиции, - я на это не претендую ни в какой мере. Читатель может найти имена этих авторов и справку о их вкладе в познание социальных явлений в бесчисленных справочниках и обзорных монографиях. Скажу здесь лишь то, что их сочинения, будучи любопытны в отдельных деталях, в целом ни в какой мере не отвечали моим потребностям. Даже в тех случаях, когда они казались мне приемлемыми в формулировках общих идей, они разочаровывали меня, когда авторы переходили к конкретным разъяснениям и применениям своих идей. А главное - все эти учения, на мой взгляд, совершенно не годились для научного понимания важнейших социальных феноменов современности - реального коммунизма, реального западнизма и величайшего перелома в социальной эволюции человечества, который произошел во второй половине нашего века.

Результаты моих размышлений об упомянутых социальных явлениях я начал публиковать в 1976 году и в последующие годы в контексте литературных и публицистических сочинений, а также в форме социологических эссе, в их числе - в книгах "Зияющие высоты" (1976), "Светлое будущее" (1978), "В преддверии рая" (1979), "Желтый дом" (1980), "Коммунизм как реальность" (1981), "Кризис коммунизма" (1990), "Гибель империи зла" (1994), "Русский эксперимент" (1995), "Запад" (1996) и "Глобальный человек" (1997). В этой книге дается более или менее систематическое изложение социологических идей автора, рассчитанное на широкий круг читателей, интересующихся социальными проблемами нашего времени.

Мюнхен, 1999
А. Зиновьев

Часть первая

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

В этой книге с самого начала речь пойдет о социальных явлениях. Но в первой части мы будем рассматривать правила и средства их познания. Причем не любые, а только такие, о которых полезно знать исследователю-одиночке (скажем - теоретику), обладающему лишь своим природным мозгом, некоторым образованием, общедоступной печатной информацией и возможностью самому наблюдать какие-то явления человеческой жизни. Это не значит, что знание таких правил и средств не нужно прочим людям, интересующимся социальными проблемами. Это не значит также, что исследователям-одиночкам не нужны другие правила и средства познания. На этот счет никаких ограничений нет. Это значит лишь то, что без таких средств и без соблюдения таких правил никакой исследователь-одиночка достичь научного понимания интересующих его явлений не сможет. В этом очерке сообщается, разумеется, не вся методология теоретических исследований социальных явлений, а лишь минимум из нее, необходимый для более или менее адекватного понимания последующего изложения. Должен предупредить читателя, что излагаемые в этом очерке методологические мысли не являются общепринятыми, так что я не могу порекомендовать никакие другие сочинения по логике и методологии науки, кроме моих работ, упомянутых в предисловии.

СОСТОЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Социальные объекты (явления, предметы, феномены) суть объединения людей и люди как члены этих объединений. О социальных объектах думают, говорят, пишут и читают фактически все нормальные взрослые люди. Причем даже самая примитивная мысль человека о каком-то социальном объекте есть либо его собственное открытие, либо заимствована у других людей, сделавших это открытие. Так что всякий человек - в какой-то мере исследователь социальных объектов. Говоря о социальных исследованиях, я буду иметь в виду всю сферу думания о социальных объектах, а не только профессиональные исследования.

Оказавшись в числе исследователей социальных объектов в таком широком смысле слова, я был поражен следующим фактом. Коммунистический социальный строй просуществовал в Советском Союзе и других европейских странах несколько десятков лет,

изучением его занималось огромное множество специалистов, а за все эти годы о нем не было напечатано ни строчки, заслуживающей звания науки. Это можно вроде бы объяснить тем, что советские правители и идеологи препятствовали поиску и правде о реальном социальном строе страны. Но многие советологи на Западе насочиняли тонны всякого вздора о реальном коммунизме, в котором найти зерно истины еще труднее, чем найти жемчужину в куче навоза. А сколько разоблачительных страниц насочиняли советские диссиденты, и ни одно слово в них не соответствует критериям научного понимания реальности. А уж они-то вроде бы должны были стремиться к истине!

И уж совсем не укладывается в рамки здравого смысла тот факт, что все известные мне теории и концепции западного общества оказались так же далекими от реальности социального строя западных стран, как сочинения советских авторов - от советской реальности. А ведь западные авторы вроде бы не испытывали ограничений свободы творчества, какие имели место в коммунистических странах для их коллег. В чем, спрашивается, тут дело?

Особенность социальных объектов состоит прежде всего в том, что люди сами суть объекты такого рода, постоянно живут среди них и в них, постоянно имеют с ними дело. Они должны уметь жить в качестве социальных объектов и в их среде. Для этого они должны как-то познавать их, что-то знать о них. Они приобретают свои знания в ходе воспитания, обучения и образования, от общения с другими людьми, на личном опыте, из средств информации, из литературы и фильмов. Таким путем у них складываются свои представления о социальных объектах, можно сказать - житейские или обывательские представления. В слово "обывательские" я здесь не вкладываю никакого негативного смысла. На этом уровне о социальных объектах думает подавляющее большинство представителей рода человеческого. Причем степень развитости таких представлений у различных людей различна. У большинства она примитивна, у многих высока. Но эти различия суть различия в рамках одного типа.

Что-то знать о социальных объектах и научно понимать их - это далеко не одно и то же. Можно много знать, но при этом мало что понимать, тем более - понимать на научном уровне. Обывательские представления о социальных объектах имеют ничтожно мало общего с их научным пониманием. Тем не менее гигантское число дилетантов высказывается о них, сочиняет бесчисленные книги и статьи. В наше время положение в этом отношении приняло поистине гротескные формы и катастрофические размеры. Интеллектуальный аспект человечества оказался не в меньшей мере загаженным словесным мусором и помоями, чем природная среда продуктами и отходами современной промышленности. Чуть ли не каждый мало-мальски образованный человек считает себя специалистом в понимании явлений своего общества только на том основании, что он имеет какой-то опыт жизни в нем и кое-что знает о нем. Такие дилетанты воображают, будто нет ничего проще, чем понимание явлений, которые они видят своими глазами, среди которых они живут, в которых принимают участие и которые сами творят. А те из них, кто занимает высокое положение в обществе, известен и имеет возможность публичных выступлений, считают себя и признаются другими за высших экспертов в сфере социальных явлений. Люди верят президентам, министрам, королям, знаменитым актерам и даже спортсменам больше, чем профессионалам в исследовании социальных явлений, хотя эти высокопоставленные личности и знаменитости обычно несут несусветный вздор, а он больше соответствует обывательским представлениям, чем суждения профессионалов. Последним верят тогда, когда они занимают высокое положение, признаются и поощряются властью имущими и погружают свои профессиональные достижения в трясину обывательского сознания и идеологии. {Таково первое серьезное препятствие на пути научного познания социальных явлений.}

Для самосохранения человеческих объединений, для упорядочивания совместной жизни больших масс людей и для управления ими жизненно важно то, что и как люди думают о социальных явлениях. Суждения о последних неизмеримо сильнее затрагивают интересы различных категорий людей, чем суждения о других явлениях бытия. Потому эта сфера изначально находилась и находится теперь под неусыпным контролем идеологии, включая идеологию религиозную. Идеология характеризуется определенной целью относительно человеческих объединений и определенными средствами ее достижения. Ее цель - формирование сознания людей в соответствии с требованиями самосохранения объединения и манипулирование поведением людей путем воздействия на их сознание, а не познание реальности. Она использует данные познания и опирается на них, но лишь как средство. Она отбирает в них то, что отвечает ее цели, и подвергает такой обработке, какая требуется для более эффективного воздействия на умы и чувства людей в желаемом духе. В результате создаваемая идеологией картина социальных явлений оказывается искаженным отражением реальности или вообще вымыслом.

Идеология навязывается членам человеческих объединений и так или иначе препятствует познанию социальных явлений. Эта роль идеологии была очевидна в коммунистических странах, в которых имела место канонизированная государственная идеология. Если бы марксизм был научным пониманием коммунизма, он должен был бы утверждать неизбежность и в коммунистическом обществе социального и экономического неравенства, необходимость государства и денег, неизбежность классов и других явлений, считавшихся язвами капитализма, и тогда он не имел бы массового успеха. И в западных странах, и в современной России, которые считаются неидеологическими, на самом деле засилие идеологии не только не уступает таковому в Советском Союзе, но значительно превосходит его. Конечно, идеология в них имеет другие формы и средства воздействия на людей. Однако и в них она выполняет функцию оболванивания людей. В частности, она прививает людям идеализированные представления о западном социальном строе и всячески очерняет коммунистический строй.

Вот так и получилось, что защитники коммунизма создавали ненаучную картину коммунистического общества, раздувая то, что они считали его достоинствами, и затушевывая то, что считалось недостатками "антагонистических" обществ, а критики коммунизма создавали и ныне создают тоже ненаучную картину коммунизма, изображая его как воплощение зла и умалчивая о его достоинствах или искажая их. То же самое имело место в отношении социального строя западных стран (западнизма) и имеет место теперь, причем в гораздо более изощренных формах и в более грандиозных масштабах. Как на Западе, так и в Советском Союзе научное понимание западнизма было исключено.

В настоящее время идеологическое очернение коммунизма и приукрашивание западнизма приняло неслыханные ранее размеры как на Западе, так и в бывших коммунистических странах. Так что теперь о научном понимании как коммунизма, так и западнизма и речи быть не может.

{Таково второе серьезное препятствие на пути научного понимания социальных явлений.

И третье препятствие на пути научного познания социальных объектов - гигантская армия людей, профессионально занятых в сфере науки.} Дело в том, что надо различать науку как сферу жизнедеятельности множества людей, добывающих себе жизненные блага и добывающихся жизненного успеха (известности, степеней, званий, наград) за счет профессионального изучения социальных объектов, и научный подход к этим объектам. Лишь для ничтожной части этих профессионалов научное познание есть самоцель. Научный подход к социальным объектам составляет лишь ничтожную долю в колоссальной продукции сферы профессиональных социальных исследований. Остановлюсь кратко на том, в каком виде мне представились социальные исследования, когда я проявил более или

менее устойчивый интерес к ним как исследователь, а не просто из праздного любопытства, причем как исследователь с "поворотом мозгов", радикально отличающимся от такового у профессионалов, занятых в этой сфере, добывающих в ней для себя хлеб насущный и добывающихся в ней жизненного успеха.

Социальные объекты суть эмпирические (опытные, видимые, наблюдаемые) объекты. В исследовании их затруднен и ограничен, а в основном вообще исключен лабораторный эксперимент в том виде, в каком он применяется в естествознании. Исследователи добывали сведения о социальных явлениях путем личных наблюдений, знакомства с источниками, в которых были зафиксированы результаты наблюдений других исследователей и очевидцев событий, знакомства со всякого рода документами и свидетельствами. Главными орудиями исследования были средства наблюдения фактов и логические средства - сравнение, отбор, обобщение, абстрагирование, классификация, определения понятий, умозаключения, гипотезы и т.д. Причем эти логические средства были в том виде и ассортименте, в каком они были описаны в сочинениях по логике и методологии науки и стали известны исследователям. А это был довольно бедный логический аппарат, который сам по себе ограничивал возможности осмысления эмпирического материала, доступного исследователям.

В XIX веке был разработан и получил широкую известность диалектический метод (диалектика). Но его постигла печальная участь. Гегель, который сделал самый значительный вклад в диалектику, мистифицировал ее в большей мере, чем кто-либо другой. Он ограничил число законов диалектики несколькими, перечисление которых и стало основным содержанием текстов на эту тему. Маркс взял диалектику на вооружение в своих сочинениях и несколько рационализировал ее. Но он не дал ее систематического построения, ограничившись отдельными разрозненными замечаниями. Энгельс придал диалектике вид учения о всеобщих законах бытия, распространив ее на сферы, где она была лишена смысла (даже на математику), и оторвав ее от сферы социальных явлений, где она была бы на своем месте. Обычным примером закона единства и борьбы противоположностей стали отношения плюса и минуса в математике и отношения пролетариата и буржуазии в социологии. В таком понимании из этого закона (как и из прочих) испарился всякий научный смысл. Преодолев гегелевскую идеалистическую мистификацию законов диалектики, марксизм принес с собой материалистическую вульгаризацию их. Последователи Маркса и Энгельса связали диалектику прежде всего с идеологией и политикой, изобразив ее как оружие пролетариата, как "алгебру революции". В странах победившего коммунизма диалектика в предельно упрощенном виде стала составной частью государственной идеологии. Нет ничего удивительного в том, что диалектика стала предметом насмешек. Одно из величайших достижений в истории человеческого интеллекта фактически было извращено и опошлено, во всяком случае - было исключено из арсенала орудий научного познания социальных явлений.

Пренебрежение к диалектике в современных социальных исследованиях не имеет никакого разумного оправдания. В реальной жизни очевидным образом происходит все то, о чем говорили диалектики. Социальные объекты возникают исторически и со временем изменяются, причем иногда так, что превращаются в свою противоположность. Они многосторонни, обладают одновременно различными свойствами, порою - противоположными. Они взаимосвязаны. Причины и следствия меняются ролями. Одни и те же причины порождают противоположные следствия. Развитие социальных объектов происходит путем дифференциации их свойств и обособления этих свойств в качестве особых свойств различных объектов, происходит раздвоение единого. Всему есть своя мера, нарушение которой ведет к разрушению объектов или к возникновению нового качества. Короче говоря, диалектики прошлого обратили внимание на реальные явления

жизни и эволюции социальных объектов, а современные исследователи этих объектов, боясь упреков в почтении к диалектике как идеологической доктрине, игнорируют это или не используют на уровне методологии научного познания, отрезая тем самым для себя возможность такого познания.

В XX веке к рассмотренным выше методам добавились методы "конкретной" ("эмпирической") социологии - сбор и обработка статистических данных о явлениях, имеющих злободневный интерес, а также опрос определенным образом отобранных людей по заранее разработанным анкетам (вопросникам) и обработка результатов этих опросов. Во второй половине века эти эмпирические методы захватили почти безраздельное господство в сфере социальных исследований, оттеснив на задний план теоретические (логические) методы традиционной социологии.

Не буду оспаривать пользу эмпирических методов для решения частных задач. Но было бы ошибочно, на мой взгляд, преувеличивать их достаточность и надежность. Их результаты зависят от субъективного произвола исследователей и опрашиваемых, от случайностей, от априорных установок и предвзятых убеждений, от пропагандистских целей и политической ситуации. Эмпирическими данными до такой степени переполнены все сообщения средств массовой информации и профессиональная литература, что можно констатировать своего рода террор эмпиризма. Числа, величины, проценты, свидетельства отобранных граждан, отсортированные факты и т.п. - это все кажется на первый взгляд бесспорным и убедительным. А между тем ничто так не искажает реальность, как манипулирование этими "бесспорными" величинами и фактами. Эмпирические методы социальных исследований стали не столько методами научного познания, сколько методами пропаганды и идеологического оболванивания масс.

Конечно, ни в какой другой сфере исследования исследуемые объекты не рассказывают о себе сами, как это имеет место с социальными объектами. Но трудно сказать, чего больше от таких помощников исследователя - пользы или вреда. Многие ли письменные свидетельства прошлого заслуживают доверия?! Многие ли из них адекватны сущности исторических событий?! Люди впадают в заблуждения, подвержены всяким влияниям, способны к обману. Люди могут думать одно, а делать другое. Их настроения и мнения меняются. Так что даже в тех случаях, когда требуется выяснить, что именно люди думают о какой-то проблеме, их признания и опросные данные далеко не всегда надежны. А когда нужно исследовать структуру человеческих объединений, взаимоотношения их сфер, слоев населения, классов, партий и прочих явлений, их функционирование и закономерности, то опрашивать мнение людей обо всем этом - значит заранее исключать всякую возможность научного понимания. Электроны, атомы, хромосомы, молекулы, животные и прочие объекты, не обладающие разумом, молчат, но они по крайней мере не врут, не клеветают, не хвастаются и не обладают прочими пороками, свойственными разумным существам.

Для построения целостной теории коммунизма, западнизма и того типа человеческих объединений, какие стали формироваться после Второй мировой войны, методы "конкретной" социологии не годились очевидным образом. Обращаться к массам людей с вопросами о том, что они думают по поводу проблем, в которых сами опрашиваемые не смыслят ничего, по меньшей мере нелепо. Однако в одном отношении "конкретная" социология сделала колоссальный шаг вперед по сравнению с преимущественно теоретической социологией предшественников. Заключается этот шаг в разработке и применении количественных методов.

В сфере социальных исследований величинам социальных объектов и их измерениям не придавалось почти никакого значения вплоть до возникновения "конкретной" социологии. Если исследователям и приходилось обращать внимание на количественный аспект изучаемых явлений, то они довольствовались самыми примитивными сведениями, какие

могли почерпнуть из исторических источников, или сравнительными оценками вроде "больше", "меньше", "увеличилось", "уменьшилось", "в два раза", "во много раз" и т.п. После Второй мировой войны положение резко изменилось. Началась буквально оргия величин. Теперь редко речи и публикации на социальные темы обходятся без ссылок на статистические данные, на величины, полученные в результате социологических опросов, на результаты математических вычислений, причем даже с использованием современной интеллектуальной техники. Социологические работы с использованием математического аппарата, требующего специальной подготовки, стали обычными. Можно сказать, началась эпоха количественного взгляда на социальные явления.

Это, конечно, не случайно. Наше время - время социальных явлений огромного масштаба. Измерение и вычисление их величин приобрело первостепенное практическое значение. Около шести миллиардов человек на планете, огромное множество стран и народов, сотни тысяч больших и миллионы малых объединений людей, миллионы предприятий и организаций, гигантские страны и блоки стран, исчисляемые астрономически огромными величинами ресурсы, затраты, продукты производства... Одним словом, за что ни возьмешься, имеешь дело с тысячами, миллионами, миллиардами. Можно сказать, что величины обрели качественный смысл.

В этом буйстве и торжестве величин есть один аспект, который мы не можем обойти вниманием, если хотим удержаться на научном уровне или подняться на него. Заключается он в следующем. Бесспорно, публикуемые количественные данные имеют значение для научного понимания социальных объектов такого рода, какие интересуют нас здесь. Более того, без них не обойдешься. Но эти данные так или иначе отбираются специалистами и препарируются. Их можно интерпретировать самым различным образом. Изобилие величин стало не столько средством достижения истины, сколько средством ее сокрытия. Этими величинами исследователь может воспользоваться в интересах истины лишь в том случае, если он заранее имеет ориентировочное представление о том, где эта истина лежит и в чем примерно она заключается, т.е. лишь как подкреплением и развитием результатов познания, добытых каким-то иным путем. Из этих количественных данных самих по себе невозможно извлечь научную социальную теорию, отвечающую требованиям логики и методологии науки. Они могут быть использованы для построения и развития такой теории, для верификации (проверки) ее отдельных положений. Но что именно измерять и вычислять, как и с какой целью, это зависит от теоретических средств, а не наоборот.

Теоретический подход к социальным объектам имеет иную ориентацию, чем эмпирически-практический, доминирующий в современной сфере социальных исследований. Например, с помощью методов "конкретной" социологии можно установить шансы того или иного кандидата стать президентом страны, но абсолютно невозможно выяснить фактический статус самой должности президента в той или иной системе власти. Можно установить уровень безработицы и предсказать ее эволюцию на несколько лет вперед, но невозможно выяснить реальные причины этого феномена. И отношение к количественному аспекту исследования иное. Те количественные данные, которые необходимы для построения такой теории, либо отсутствуют совсем, либо не публикуются, либо требуются большие усилия, чтобы их выуживать из океана ненужной информации.

Из комбинации рассмотренных выше явлений сложился своеобразный способ сочинительства и разговоров в сфере социальных явлений, который я называю интеллигентски-обывательским способом мышления. Для него характерны такие черты. Не стремление к ясности и к истине, а стремление произвести нужное впечатление на слушателей или читателей, создать видимость знаний, ума, глубины мысли, оригинальности и т.п. Сказать много, но хаотично и тенденциозно. Блеснуть эрудицией. Ссылаться на известные авторитеты прошлого и настоящего. Профессионально извращать

позицию противников. Уклоняться от риска. Манипулировать множеством словесных штампов выгодным для себя способом. Из множества частных истин конструировать суммарную и результатную ложь. Прятать ложь в массу отдельных истин, подобно тому, как сравнительно умные преступники прячут преступления в массу по отдельности непроступных поступков. Короче говоря, принимать участие в словесных спектаклях на тех ролях, какие удастся захватить в жизненных ситуациях. Этот способ мышления в наше время высочайшего уровня образованности, средств информации и общения стал характерным для состояния умов в сфере социальных проблем.

НАУЧНЫЙ ПОДХОД

Но в чем заключается научный подход к социальным явлениям? В наше время расцвета науки и ее колоссальной роли в жизни человечества найти человека, который был бы против такого подхода и который считал бы свои суждения ненаучными, вряд ли возможно. Важно, как именно понимается этот подход и как он реализуется фактически.

Слово "наука", как и вообще вся терминология сферы социальных исследований и разговоров, неоднозначно. Этим словом называют всякую более или менее систематизированную совокупность знаний, на овладение которыми нужно профессиональное обучение. В этом смысле в число наук попадают и алхимия, и астрология, и теология, и советология, и кремлинология, и кулинария... Наукой называют также совокупность знаний, которая характеризуется определенными целями и определенным подходом к изучаемым явлениям, определенным способом мышления и исследования. Буду такой подход к исследуемым явлениям называть научным. Я вижу задачу логической социологии в том, чтобы разработать такой подход в применении к социальным явлениям.

В этой части книги я хочу охарактеризовать самые фундаментальные черты научного подхода к исследуемым явлениям (можно сказать - научного "поворота мозгов"). Читатель не должен при этом рассчитывать на то, что я буду преподносить ему какие-то сенсационные открытия на этот счет. Те черты научного подхода, о которых я буду говорить, широко известны. Для представителей естественных и точных (дедуктивных) наук некоторые из них суть нечто само собой разумеющееся. Они тут навязываются самими условиями исследования и высоким уровнем профессионализма. В них не суют нос с претензией на поручительство никакие политики, журналисты, бизнесмены, известные артисты и спортсмены, государственные и партийные чиновники. Иное дело - сфера социальных исследований. Тут чем сложнее проблемы с научной точки зрения, тем настырнее в них суют нос именно политики, журналисты, чиновники, бизнесмены и прочие значительные личности, причем суют нос с претензией на открытия, понимание и поучительство. Тут отстаивание научного подхода к социальным явлениям надо начинать именно с самых фундаментальных и очевидных принципов.

Далеко не все, что делается в сфере профессиональных социальных исследований, может служить примером научного подхода к социальным объектам. Не все, что делается вне этой сферы, должно быть отнесено к ненаучному подходу. Научный подход есть особый способ мышления и познания реальности, качественно отличный от обывательского и идеологического. Он больше нужен в профессиональной науке и чаще тут встречается. Но нет запретов на выработку и применение его и для людей, не имеющих степеней и званий и не зарабатывающих на жизнь путем сочинения научных статей и книг.

Научный подход не есть нечто одинаковое для всех людей и для всех ситуаций познания. Он может иметь различные степени развитости, различные степени четкости, различные

степени "растворенности" (концентрации) в общем объеме мышления и познания. Обычные, средненормальные люди так или иначе овладевают какими-то элементами научного подхода или даже сами открывают их, не отдавая себе в этом отчета. И даже выдающиеся мастера научного подхода так или иначе покидают позицию научного подхода и отдаются во власть обывательского и идеологического способа мышления. Так, один из самых выдающихся умов в истории человечества - Маркс - создал в общем и целом величайшую в истории нерелигиозную идеологию, а не науку, хотя стремился к научному пониманию общества и был убежден в том, что создал именно таковое. Сколько лет марксизм превозносился как самая что ни на есть подлинная наука об обществе! Сколько миллионов людей было в этом убеждено и все еще убеждено! Точно так же обстоит дело с западной сферой социальной мысли, в которой на самом деле доля научного подхода не превышает таковую в марксизме.

Научный подход, повторяю, образует не одна или несколько общепонятных и общедоступных идей, а сложная совокупность средств, принципов, правил и т.д. познания. Некоторые из них, самые простые, доступны широкому кругу более или менее образованных людей. Для овладения другими нужны годы специального образования и опыт исследовательской работы. Третьими могут овладеть лишь немногие интеллектуально одаренные исключительные личности.

В общей словесной форме принципы научного подхода к исследуемым объектам выглядят очень простыми и бесспорными. К их числу относится прежде всего принцип субъективной беспристрастности, т.е. познание объектов такими, какими они являются сами по себе, независимо от симпатий и антипатий исследователя к ним и не считаясь с тем, служат результаты исследования интересам каких-то категорий людей или нет. Сам по себе научный подход не гарантирует истину. Он может впасть в заблуждения. Но его целью является все-таки истина, а не воздействие на умы и чувства людей, не имеющее ничего общего с познанием. Фраза "Платон мне - друг, но истина дороже" тут не просто крылатое изречение, а обязательное правило.

Позиция исследователя, руководствующегося принципами научного подхода к социальным явлениям, подобна позиции исследователя, наблюдающего муравейник. Заметив, например, разделение муравьев на различные категории, исследователь не становится защитником интересов одних из них, не раздражается гневом по поводу какой-то несправедливости, не предлагает никаких проектов более разумного и справедливого переустройства муравейника. Научный подход к социальным явлениям означает беспристрастное отношение к ним, отсутствие эмоциональной вовлеченности в отношения между людьми, безразличие к интересам тех или иных категорий людей. Он означает также правдивое описание изучаемых явлений, не считаясь с тем, какие чувства у людей это может вызвать. Но люди и их объединения по самой своей природе таковы, что они скорее примирятся с ложью о себе, чем с неприятной для них научной истиной. Они воспринимают такую истину как разоблачение своих сокровенных тайн, как клевету и как угрозу. Не случайно самопознание было истолковано в Библии как первородный грех. А в наше время беспристрастное научное познание социальных объектов стало фактически всеобщим табу. Огромное число представителей рода человеческого стоит на страже этого табу, допуская к жизни лишь крупицы истины, к тому же обработанные так, что в них не остается яда познания.

Требование беспристрастности в отношении объектов неживой и живой дочеловеческой природы очевидно. Да и то порою исследователи не могут избавиться от своих симпатий и антипатий по отношению к объектам, с которыми имеют дело. А в сфере социальных объектов отношение исследователей к личностям, массам, движениям, партиям, классам, социальным системам и т.д. накладывает свою печать на то, что они говорят и пишут о них.

Тут субъективизм и тенденциозность суть обычное дело. Устанавливаются оценочные штампы. Например, считается, что демократия - это хорошо, а диктатура - плохо, что коллективизация в России была злом, сталинизм был преступлением, советский период был черным провалом русской истории, Запад есть средоточие всех добродетелей, Советский Союз был империей зла. Попробуйте проанализировать с этой точки зрения то, что сообщается в средствах массовой информации на социальные темы, и вы вряд ли обнаружите беспристрастные (нетенденциозные) суждения. При ознакомлении советских людей с марксизмом всегда сообщали, что Маркс и Энгельс перешли на позиции пролетариата, и считали это признаком научности, а учения "буржуазных" мыслителей считали ненаучными уже на том основании, что они были на позиции буржуазии. А между тем именно классовая позиция Маркса была одной из причин, сбивших его с научного подхода к обществу и к социальной эволюции на идеологический.

Научный подход, далее, означает то, что исследователь в познании объектов исходит из наблюдения реально существующих объектов, а не из априорных (предвзятых) представлений, мнений, предрассудков. Социальные объекты суть эмпирические, т.е. наблюдаемые людьми посредством их природных органов чувств и усиливающих их приспособлений объекты. Если таких объектов нет в реальности, то не может быть никакой науки о них. Измышления о несуществующих эмпирически объектах наукой не являются. Это вроде бы очевидно. Но фактически этот принцип постоянно нарушается и даже умышленно игнорируется не только на уровне обывательского мышления, но и в сфере профессиональной науки. Еще совсем недавно, например, считалось широко признанным убеждение, будто наука о "полном коммунизме" ("научный коммунизм") возникла уже в прошлом веке, хотя этого полного коммунизма не было якобы даже в Советском Союзе. При этом исходили не из фактически данной советской реальности, а из утверждений людей, никогда не живших в реальном коммунистическом обществе, причем высказывавших свои суждения о коммунизме, когда его еще не было в реальности даже в виде первой его стадии, называвшейся социализмом. А многие мыслители шли в этом направлении еще дальше. Они полагали (думают так до сих пор), будто советский коммунизм был построен неправильно, поскольку согласно Марксу он должен был выглядеть совсем иначе. С точки зрения научного подхода к реальному коммунизму надо поступать как раз наоборот, а именно - брать за исходное то, как в реальности сложился социальный строй в Советском Союзе в силу его конкретных исторических условий и объективных социальных закономерностей, и смотреть, насколько созданная Марксом воображаемая картина будущего для него общества соответствует этой реальности. Неправильной тут является не реальность, а априорная теоретическая концепция, применяемая к ней.

Точно такая же ситуация сложилась и в отношении к современному социальному строю западных стран. Общепринято считать его капиталистическим с экономической точки зрения и демократическим с политической точки зрения. Причем капитализм и демократия описываются так, как это сложилось в XIX веке и в первой половине XX века в западной идеологии. И до сих пор тысячи специалистов упорно жуют и пережевывают эти ставшие бессмысленными представления, игнорируя тот очевидный факт, что социальный строй западных стран радикальным образом изменился, что во второй половине нашего века в этом отношении на Западе произошел качественный перелом. И даже самые умные и трезвые западные теоретики говорят об отклонении нынешней экономической и политической системы Запада от некоего правильного капитализма и некоей правильной демократии.

Научный подход означает, что исследователь познает то, что существует, возможно, невозможно, необходимо, случайно, закономерно и т. д., независимо от того, познает это

исследователь или нет, а не выдумывает то, что должно быть или чего не должно быть по его мнению. Позиция долженствования не есть позиция научная.

Социальные объекты суть объекты исторические, т.е. возникают в какое-то время, существуют в конечном временном интервале и в конце концов прекращают существование. Кажется естественным, что научный подход к ним должен заключаться в изучении конкретной истории их конкретных экземпляров. Но эта кажимость ошибочна. Не изучение конкретной истории дает ключ к научному пониманию социального объекта, а, наоборот, изучение сложившегося (до известной степени) объекта дает ключ к научному пониманию конкретного исторического процесса его формирования. Надо знать то, что сложилось в результате исторического процесса, чтобы понять, как это происходило в истории.

Надо различать два вида подхода к социальным явлениям как к историческим - два вида историзма. Один из них можно видеть в истории как особой сфере науки. Ее основная установка - выяснение того, что конкретно происходило в таких-то районах планеты в такое-то конкретное время, а также выяснение того, как конкретно возникали, существовали и погибали конкретные социальные объекты. И в современности предмет внимания историков - конкретные события, личности, даты. Второй вид историзма можно видеть в социологических концепциях, так или иначе учитывающих исторический характер социальных объектов, а также рассматривающих эти объекты с точки зрения их эволюции во времени. Тут не конкретное пространство и время принимается во внимание, а обобщенные пространственно-временные характеристики объектов того или иного рода.

О социологических концепциях я уже говорил. Что касается конкретных исторических исследований, то тут положение не лучше, чем в социологии. Не берусь судить, в какой мере прошлая история человечества сфальсифицирована умышленно, в силу неумения специалистов и идеологического давления. Думаю, что в достаточно большой мере, чтобы не принимать ее свидетельства как надежные. История же современная (происходящая на наших глазах), охватывающая все самые важные явления социальной жизни человечества нашего века, сфальсифицирована и фальсифицируется с таким размахом и настолько изощренно, что искать тут какие-то прочные опоры для научного подхода бессмысленно.

Научный подход к социальным объектам предполагает, наконец, следование правилам логики и методологии науки. И это требование кажется бесспорным, само собой разумеющимся. Вряд ли вы найдете человека, который с ним не согласился бы. И опять-таки фактически лишь ничтожное число исследователей и в ничтожной мере следуют ему. Почему? Конечно, многие умышленно нарушают правила, о которых идет речь. Но это не значит, будто они знают эти правила. Обычно они их не знают вообще или знают на самом примитивном уровне.

Подавляющее большинство говорящих и пишущих на социальные темы просто не умеют пользоваться этими правилами. Лишь самые примитивные из этих правил и на самом примитивном уровне усваиваются как бы сами собой, просто в практике образования и работы. Но в более сложных случаях без специального изучения этих правил следовать рассматриваемому принципу невозможно, подобно тому, как невозможно без специального обучения правилам грамматики того или иного языка грамотно писать на этом языке.

Но мало сказать, что исследователь должен следовать правилам логики и методологии науки. Важно, как понимаются сами эти правила, каков их ассортимент, насколько они соответствуют потребностям познания. Если, например, вы хотите строго определять понятия, но не знаете различий между определениями и утверждениями, а из видов определений знакомы только с самыми примитивными определениями путем указания родовых и видовых признаков объектов, то вашему намерению грош цена. А попробовав найти в логических сочинениях полезные советы на этот счет, вы убедитесь, что хорошо

разработанной, общепринятой и пригодной для неспециалистов в логике теории такого рода не существует. Так обстоит дело и с прочими разделами логики и методологии науки. Ее состояние фактически не соответствует задаче обеспечения научного подхода к социальным проблемам современности. В моей логической социологии я стремился хотя бы в какой-то мере компенсировать этот недостаток.

Научный подход к социальным объектам в каком-то смысле есть развитие на профессиональном уровне того явления в интеллектуальной деятельности людей, которое часто называют здравым смыслом, народной мудростью и ясновидением. Здравый смысл (в моем понимании) есть способность человека, которая основывается, во-первых, на знании некоторых очевидных эмпирических фактов и на интуитивном понимании некоторых простейших социальных законов и, во-вторых, на интуитивном следовании некоторым простейшим законам логики. Это выражается в изречениях народной мудрости, например "Своя рубашка ближе к телу", "Избави меня, Боже, от моих друзей, а от врагов я избавлюсь сам", "Наши недостатки суть продолжение наших достоинств", "Как аукнется, так и откликнется" и т.п. Здравый смысл противостоит тому явлению в человеческом интеллекте, из которого развивается профессиональное идеологическое мышление.

Результаты научного исследования эмпирических объектов фиксируются в знаниях об этих объектах. Эти знания можно рассматривать в трех аспектах - языковых средств, объективного содержания и способов получения. Они суть аспекты единого феномена. Тем не менее они различны. В первом из них мы абстрагируем правила образования терминологии науки и правила оперирования языковыми конструкциями как особыми объектами, отличными от объектов, к которым они относятся. Этими правилами занимается логика в традиционном смысле (формальная логика), - правилами построения определений понятий и суждений и правилами умозаключений. Во втором аспекте речь идет об обобщенном описании эмпирических объектов, к которым относятся языковые образования. Этим занимается онтология в традиционном смысле - наука о познаваемом эмпирическом мире. И в третьем аспекте имеются в виду действия исследователей, предпринимаемые ими с целью получения суждений об объектах. Обобщенным описанием этих действий занимается гносеология, она же эпистемология, или учение о методах познания в традиционном смысле. Как они это делают - это другой вопрос. Ниже я изложу ряд соображений об этих трех аспектах, которые совершенно необходимы для понимания социологических рассуждений автора.

ЯЗЫК

Наши взаимоотношения с миром, в котором мы живем, опосредованы языком. Это опосредование играет для нас гораздо более серьезную роль, чем это принято думать. Здесь мало сказать, что эта роль большая или даже огромная, - слова "большая" и "огромная" в данном случае ровным счетом ничего не говорят о качестве играемой роли, которая количественно может быть и незначительной. Мы, люди, обладаем определенными свойствами, сложившимися в результате длительной социально-биологической эволюции. Мы живем в определенных исторически данных условиях. И потому мы из поколения в поколение вынуждаемся выделять в окружающем нас мире лишь определенные явления, вынуждаемся выделять их определенными, доступными нам способами, вынуждаемся отражаемые нами явления фиксировать в определенных средствах языка. Мы оперируем этими средствами, не отдавая себе отчета в их происхождении и их логических свойствах. Мы узнаем при этом в мире лишь то, что позволяют нам эти средства и к чему они нас принуждают. До поры до времени они вполне достаточны для нашей ориентации в мире,

для фиксации нашего жизненного опыта и результатов познания. Но в познании возникают ситуации, когда оперирование привычными языковыми средствами становится серьезным препятствием на пути к пониманию явлений природы и общества, ведет к заблуждениям и путанице. Чтобы выбраться из таких затруднений, требуется специальное изучение и усовершенствование имеющихся языковых средств, а также изобретение новых.

Логическое усовершенствование языка до известной степени освобождает человека от той негативной власти, какую имеет над его сознанием плохое состояние языка. Но оно навязывает человеку позитивную власть языка в том смысле, что обнаруживает границы возможного и неизбежного.

Общеизвестно различие обычного и научного языка. Первый считается естественным, поскольку он является продуктом многовекового творчества всего народа, говорящего на том или ином конкретном языке. Второй считается искусственным, поскольку он является продуктом творчества сравнительно небольшого числа специалистов в течение сравнительно короткого периода времени. Взаимоотношения обычного и научного языков многообразны. Я хочу здесь остановиться только на некоторых вопросах в связи с этим, имеющих интерес с точки зрения цели книги.

Научный язык базируется на обычном языке и не может существовать без него в качестве языка. Уничтожение обычного языка привело бы к уничтожению и языка науки - последний стал бы непонятным. Граница между обычным и научным языками в некоторой мере относительна, исторически условна. Часть терминов и высказываний из научного языка переходит в обычный.

Современный обычный язык даже среднеобразованных людей переполнен терминами, утверждениями и идеями, заимствованными из психологии, медицины, социологии, физики и других областей науки и техники. Научные открытия и технические изобретения вторгаются в обычную жизнь людей, в литературу, в прессу, в телевидение и в кино вместе с их особыми языковыми средствами. С другой стороны, средства обычного языка используются в науке для введения специальных терминов науки и разъяснения их смысла, а на первых порах вообще образуют основу для формулирования и развития новых научных идей и открытий. Короче говоря, в наше время сложился своего рода второй уровень обычного (внеаучного) языка, по богатству понятий и мыслей в огромной степени превосходящий обычный язык в традиционном смысле. Но отнюдь не превосходящий его с точки зрения уровня логической культуры. Понятия и утверждения науки, попадая в сферу обычного языка, трансформируются в нем по смыслу до такой степени, что лишь их чисто графическая или звуковая форма напоминает об их первоисточнике.

В сфере социальных исследований сложилось такое положение, что лишь отдельные фрагменты ее языка и лишь частично удовлетворяют критериям логики и методологии науки. А основная масса слов живет и функционирует по правилам дологического, внелогического и псевдологического мышления. Это особенно сильно ощущается в теоретической социологии, где именно логические средства должны играть главную роль. А тут вы не найдете буквально ни одного термина, который можно было бы признать логически правильно обработанным. Тут вы можете насчитать десятки различных определений "капитализма", "рынка", "демократий", "государства", "культуры", "идеологии" и прочих основных понятий. Тысячи специалистов манипулируют словами как особыми объектами, не отдавая отчета в их предметном смысле. Они обучаются манипулировать ими применительно к определенным контекстам и ситуациям по принятым в их среде правилам, мало что общего имеющим с интересами познания.

Размышляя на темы о реальном коммунизме и западнизме, а также о происходящем эволюционном переломе, я пришел к выводу, что для научного понимания этих феноменов необходимо прежде всего осуществить логическую обработку языка социальных

исследований. Причем эта обработка должна охватить не отдельно взятые понятия, а весь их комплекс. Результатом ее должна явиться не сумма разрозненных фрагментов, а целостная теория (система, концепция), построенная в соответствии с правилами логики и методологии науки. Мыслители прошлого, создававшие теоретические системы, подвергались насмешке напрасно. Они чувствовали, что научный подход к социальным явлениям может быть практически реализован именно в форме всеобъемлющих теоретических систем. Иное дело - "техническая" реализация верной идеи. Она зависит от многих факторов, в том числе - от состояния самой логики... Ниже я изложу мои соображения об определении и экспликации понятий.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Определить объект - значит определить обозначающее его языковое выражение. Последнее называется понятием. Определить объект и определить понятие об объекте - это одно и то же.

Общеизвестны определения путем указания родовых (общих) и видовых (специфических, отличительных) признаков. Например, "Ромбом называется (ромб есть) четырехугольник, у которого все стороны равны". В социальных исследованиях приходится иметь дело с объектами, в отношении которых родо-видовые определения совершенно недостаточны. Тут требуется более совершенная и сложная техника определения понятий. И исследователи фактически пошли этим путем, не отдавая себе в этом отчета и смешивая неявные определения слов с утверждениями об объектах, обозначаемых вводимыми в употребление словами. Я анализировал с этой точки зрения многие известные общие социологические концепции и нашел, что все они, будучи в основном феноменами в сфере определения понятий, претендуют на статус совокупностей утверждений об эмпирически данных объектах, относительно которых вроде бы не должно быть сомнений в смысле их обозначения (названия).

А между тем тут имеет место существенное различие. Утверждения об эмпирических объектах имеют значения истинности (ложны, истинны, неопределенны и т.п.), а определения не имеют. Они ни истины, ни ложны. Они характеризуются иными признаками. Они суть решения исследователя называть какими-то словами выделенные им объекты. Они характеризуются тем, соблюдены или нет правила определения смысла терминологии, насколько они полны и насколько четко выражены с точки зрения правил рассуждений (выводов), насколько удачно выбраны объекты для исследования той или иной проблемы.

Между определениями и утверждениями имеет место логическая связь. В общем виде она такова: если принимается определение, согласно которому определяемый объект А имеет признак В, то тем самым принимается как аксиома утверждение, что А имеет признак В. Например, если принято определение "Ромб есть четырехугольник, у которого все стороны равны", то это равносильно принятию аксиом "Ромб есть четырехугольник" и "У ромба все стороны равны". Таким путем из определений можно выводить чисто логически следствия. Или, например, если вы в определении понятия "общество" включили в качестве одного из определяющих признаков наличие в человеческом объединении государственной власти, то из этого следует, что всякое общество имеет государственную власть, и если в объединении нет такой власти, то объединение не есть общество.

Надо различать определения объектов и перечисление их различных функций, форм и состояний. В определении объекта указываются только такие признаки, которые сохраняются при всех обстоятельствах, пока существует объект. Функции же, формы и

состояния объекта могут меняться и разнообразиться. В практике словоупотребления определяющие признаки объектов и такие, которые по идее в определениях не должны фигурировать, не различаются. Это - один из источников неопределенности и многосмысленности терминологии. В определениях объектов стремятся втиснуть все, что известно об этих объектах. А так как у разных авторов знания различны, то каждый считает свое понятие об объекте единственно правильным, а прочие - неправильными. Или происходит мысленное умножение объекта, говорится о его качественном изменении и т.п. В результате простые проблемы запутываются и становятся неразрешимыми.

При рассмотрении сложных социальных объектов, состоящих из многих различных объектов, приходится давать определения объекту в целом и его компонентам. При этом должно быть построено одно сложное определение, расчлененное на ряд частичных определений, а не просто некоторое число разрозненных определений. В этом сложном определении между его частичными определениями и определением в целом должна иметь место логическая связь. Объект в целом должен быть определен через его составные части, а части - в отношении друг к другу и к целому. В логике этот тип определения не описан должным образом. В дальнейшем нам с такими определениями придется иметь дело неоднократно. Забегая вперед, упомяну здесь об определении общества и его социальной организации совместно с определениями основных компонентов этой организации - государства, экономики и других. Если брать элементы этого сложного комплекса по отдельности и изолированно друг от друга, они превращаются в предмет бесконечного словоблудия. А будучи взяты именно как элементы единого комплекса, они оказываются сравнительно простыми для понимания.

Приведу еще один прием, который также я ввел в логическую социологию и неоднократно использовал (он пригодится и в дальнейшем). При теоретическом исследовании объектов некоторого данного типа мы вправе выбрать для наблюдения их наиболее развитые и четко выраженные экземпляры. Рассматривая их, мы стремимся найти самое абстрактное их определение - идем от конкретного к абстрактному. При этом мы руководствуемся таким принципом. Самые абстрактные признаки объектов, включаемые в их исходное определение, суть признаки, определяющие их качество. Они сохраняются, пока существуют объекты. Они образуют "нижнюю" эволюционную границу объектов. Найдя такое исходное определение, мы восходим от него к высшему уровню развития объектов - идем от абстрактного к конкретному. При этом мы прослеживаем реальное развитие потенций объектов, изначально заложенных в их определенном выше качестве. В процессе развития абстрактные признаки в конце концов достигают уровня, на котором они воплощаются в особые структурные компоненты объектов, - реализуются в виде, близком к абстрактному "чистому" виду. Это и позволяет в конкретных наблюдаемых объектах найти их абстрактные основы и проследить процесс их развития от их исторического и логического начала до качественного "потолка", предела.

Главным в определениях с точки зрения их роли в познании социальных объектов является не нахождение слова для обозначения выбранного объекта, а процесс выбора объекта и выделения его признаков, которые указываются в определяющей части определения. От того, какие именно объекты исследователь выбирает и какие именно признаки в них выделяет, зависит успех исследования в целом. Тут имеет место свобода выбора. Но она ограничена интересами, возможностями и предполагаемыми результатами исследования. Выбор слова для сокращения того, что говорится в определяющей части определения (т.е. для краткого обозначения объекта, выделенного определением), кажется делом полного произвола исследователя. Но и тут есть свои ограничения. Они вынуждают прибегать к особой логической операции - к экспликации понятия.

ЭКСПЛИКАЦИЯ ПОНЯТИЙ

Одно из требований логики и методологии науки - определенность и однозначность терминологии. А если вы обратитесь к сочинениям на социальные темы, то первое, что вы заметите, это игнорирование этого требования. Все основные понятия (без исключения!) здесь являются многосмысленными, расплывчатыми, неустойчивыми или вообще утратили всякий смысл, превратившись в идеологически-пропагандистские фетиши. Просмотрите хотя бы небольшую часть только профессиональных (т.е. совсем не худших) сочинений на социальные темы, и вы найдете десятки различных значений слов "общество", "государство", "демократия", "капитализм", "коммунизм", "идеология", "культура" и т.д. Люди вроде бы употребляют одни и те же слова и говорят об одном и том же, но на самом деле они говорят на разных языках, лишь частично совпадающих, причем манипулируют словообразными феноменами, как правило лишенными вразумительного смысла.

Такое состояние терминологии не есть лишь результат того, что люди не договорились относительно словоупотребления. Дело тут гораздо серьезнее. Имеется множество причин, делающих такое состояние неизбежным. Назову некоторые из них. Различаются явления, которые ранее не различались. Обращается внимание на различные аспекты одних и тех же явлений. Происходят изменения объектов внимания. Многие люди размышляют о социальных явлениях и высказываются о них, а у всех у них различный уровень понимания и различные интересы. Люди употребляют одни и те же слова в различных контекстах и с различной целью. Многие умышленно замутняют смысл терминов. К тому же логическая обработка терминологии требует особых профессиональных приемов и навыков, которыми почти никто не владеет. Просмотрите из любопытства справочники, в которых даются определения социальной терминологии. Приглядитесь к ним внимательнее. И даже без специального образования вы можете заметить их логическое убожество. А ведь эти определения создаются знатоками! Так что же на этот счет творится в головах у прочих?

Бороться против этой многозначности и неопределенности слов путем апелляции к требованиям логики и призывов к однозначности и определенности слов - дело абсолютно безнадежное. Никакой международный орган, наделенный чрезвычайными языковыми полномочиями, не способен навести тут порядок, отвечающий правилам логики. Сколько в мире печаталось и печатается всякого рода словарей и справочно-учебной литературы, которые стремятся к определенности и однозначности терминологии, а положение в мировой языковой практике нисколько не меняется в этом отношении к лучшему. Скорее наоборот, ибо объем говоримых и печатаемых текстов на социальные темы возрос сравнительно с прошлым веком в тысячи раз и продолжает возрастать, а степень логической их культуры сократилась почти что до нуля.

Возможно ли преодолеть трудности, связанные с неопределенностью и многосмысленностью языковых выражений, которые стали обычным состоянием сферы социального мышления и говорения? В науке для этой цели была изобретена особая логическая операция - экспликация языковых выражений. Суть этой операции заключается в том, что вместо языковых выражений, характеризующихся упомянутыми неопределенностью и многосмысленностью, исследователь для своих строго определенных целей вводит своего рода заместителей или дубликаты этих выражений. Он определяет эти дубликаты достаточно строго и однозначно, явным образом выражает их логическую структуру. И в рамках своего исследования он оперирует такого рода дубликатами или заместителями выражений, циркулирующих в языке, можно сказать - оперирует экспликатами привычных слов. Обычно в таких случаях говорят об уточнении смысла терминологии. Но тут мало отмечать аспект уточнения, ибо экспликация к уточнению не

сводится. К тому же уточнение есть некоторое усовершенствование наличных языковых средств, тогда как в случае экспликации имеет место нечто более серьезное: фиксируется полная непригодность данных выражений и вводятся дубликаты, заместители для них.

Задача экспликации состоит не в том, чтобы перечислить, в каких различных смыслах (значениях) употребляется то или иное языковое выражение, и не в том, чтобы выбрать одно какое-то из этих употреблений как наилучшее (т.е. подобрать объект для слова), а в том, чтобы выделить достаточно определенно интересующие исследователя объекты из некоторого более обширного множества объектов и закрепить это выделение путем введения подходящего термина. Особенность ситуации тут состоит в том, что вводимый термин является не абсолютно новым языковым изобретением, а словом, уже существующим и привычно функционирующим в языке именно в качестве многосмысленного и аморфного по смыслу выражения. Возникает, естественно, вопрос: а почему бы тут не ввести совершенно новый термин? Часто так и делается. Но тогда эта операция не является экспликацией. При экспликации использование старого слова имеет вполне серьезные основания. В случае введения совершенно нового термина создается впечатление, будто речь пойдет о чем-то другом, а не о таких объектах, к которым так или иначе относятся привычные слова. Например, когда я вводил термин "коммунизм" как экспликат этого слова в широком разговорном языке, мне многие читатели советовали изобрести другое слово, поскольку каждый понимает коммунизм по-своему. Но я все же настаивал именно на этом слове, поскольку оно ориентировало внимание именно на тот объект, который меня интересовал и мое понимание которого, отличное от обывательских и идеологических представлений, я хотел изложить.

Экспликация стремится ориентировать внимание читателя на те объекты, о которых читатель уже имеет некоторые представления, но она при этом стремится придать такой поворот мозгам читателя, какой необходим (по убеждению автора) для научного понимания этих объектов. Главным в этой операции является именно поворот мозгов, который стоит за определением слов, а не сами эти определения, как таковые. Так что ошибочно рассматривать экспликаты слов просто как одно из употреблений многосмысленных слов в дополнение к уже имеющимся смыслам.

В случае экспликации понятий читателю сообщается новый способ понимания объекта, о котором у читателя уже накоплена какая-то сумма знаний, можно сказать - уже имеется интуитивное представление об объекте. Задача исследования при этом заключается в том, чтобы, осуществив экспликацию интуитивного представления об объекте и опираясь на нее, предложить читателю нечто новое, что невозможно узнать без такой логической работы ума. Так что читатель должен быть готов к тому, что в последующем изложении многое ему покажется известным и даже банальным, и отнестись к этому с терпением и терпимостью. Главная трудность в сфере социальных исследований состоит не в том, чтобы делать какие-то сенсационные открытия неведомых фактов, наподобие микрочастиц, хромосом, генов и т.п. в естественных науках, а в том, чтобы увидеть значимость общеизвестных и привычных явлений, осмыслить их и обнаружить именно в них закономерности грандиозных исторических процессов и огромных человеческих объединений.

В текстах на социальные темы, включая относящиеся к сфере науки, специальные термины употребляются, как правило, в логически плохо обработанном или совсем необработанном виде. Чтобы эти тексты приобрели какую-то осмысленность, они нуждаются в дополнительных истолкованиях (в интерпретациях) и примысливаниях (в частности - в том, что называют чтением между строк). Задача экспликации состоит в том, чтобы исключить такого рода интерпретации и примысливания, которые различны у различных людей, неустойчивы, многосмысленны, изменчивы. Одно из требований

научного подхода к изучаемым объектам - сделать тексты осмысленными сами по себе, вычитывать в них то, и только то, что в них содержится без всяких интерпретаций и примысливаний. На практике добиться этого почти невозможно или возможно лишь в ничтожной мере. Для этого требуется хорошо разработанная логическая теория, которой нет, требуется специальное образование, которое никто не получает, и требуются гигантские усилия. Достаточно сказать, что если бы даже было возможно осуществить полностью логическую экспликацию текстов, то получились бы тексты, в десятки и даже сотни раз превосходящие по объему эксплицируемые тексты. Оперирование ими было бы невозможно. А если учесть интеллектуальное убожество подавляющего большинства таких текстов, то вообще, как говорится, игра не стоит свеч. И ко всему прочему люди, производящие такие тексты, не заинтересованы в логической ясности и определенности, - они имеют цели, мало общего имеющие со стремлением к научной истине.

ЛОГИЧЕСКИЕ УМОЗАКЛЮЧЕНИЯ

Подавляющее большинство рассуждений, претендующих на то, чтобы считаться логичными, таковыми на самом деле не являются. Они являются псевдологичными, логичнообразными или в лучшем случае лишь частично логичными.

Логичными являются рассуждения (умозаключения), совершаемые по особым логическим правилам. Относительно природы этих правил в логике до сих пор нет ясности. Возьмем для примера умозаклучение по одному из правил силлогизма, которое является наиболее широко известным. В общей форме оно имеет такой вид: "Если все предметы, называемые словом А (относящиеся к классу А), имеют признак В и предмет С называется словом А (относится к классу А, есть А), то предмет С имеет признак В". Обычно это правило иллюстрируют таким примером: "Все люди смертны, Сократ человек, значит, Сократ смертен". Почему это правило имеет силу? На этот счет философы насочиняли тома всякой чепухи. Согласно моей логической теории это правило есть часть определения языковых знаков "Все", "имеет признак" и "относится к классу" (или "есть").

Возьмем другой пример. Общепринято, что эмпирическое тело не может одновременно находиться в разных местах. Почему? Обычно говорят: таков закон природы. Но природа тут ни при чем. Это утверждение есть следствие из определения языкового выражения "разные места". Попробуйте определить, какие места в пространстве считаются разными! Тут возможны два варианта. Первый. Места А и В являются (называется) разными, если для любого эмпирического тела С имеет силу следующее: если тело С находится в одном из мест А и В, то оно не находится в другом. Из такого определения очевидным образом следует рассматриваемое утверждение. Второй вариант есть ослабление первого: вместо любого тела С (вместо всех эмпирических тел) говорится лишь о некоторых телах. В первом варианте предполагается, что разные места не пересекаются (не имеют общих "точек"), во втором допускается, что разные места пересекаются. Для второго варианта рассматриваемое утверждение неверно.

Одним словом, логические правила умозаклучений (правила логических умозаклучений) суть части определений языковых выражений (логических операторов и терминов) или следствия из таких определений. Обычно они остаются неявными и фрагментарными, люди пользуются ими безотчетно и по привычке, причем фактически очень редко. Если вы попытаетесь четко выявить (эксплицировать) логическую структуру рассуждений на социальные темы полностью, вы обнаружите, что более 99 процентов текстов строится совсем не по правилам логических умозаклучений, а размер эксплицитных текстов будет в десятки раз превосходить эксплицируемые тексты. Обычные

рассуждения создают видимость логичности за счет примеров, привычных словесных ассоциаций, неявных допущений, словесных штампов и других совсем не логически бесспорных средств.

Правила логики являются общими для любых наук, в которых для них есть условия и надобность. Они не образуют специфическую дедуктивную основу социальных исследований. Последнюю образуют определения языковых выражений, обозначающих социальные объекты, и утверждения об этих объектах. Поскольку результаты социальных исследований фиксируются в языке и сами исследования осуществляются в языке, к ним относятся и правила логики. К рассмотренным выше логическим правилам следует добавить совокупность определений и утверждений, образующих логическую онтологию.

ЛОГИЧЕСКАЯ ОНТОЛОГИЯ

Приведу далеко не полный список понятий, с помощью которых строятся знания об эмпирических объектах и описывается в логически обобщенном виде содержание этих знаний (т.е. то, о чем в них говорится): предмет (объект), признак (свойство, черта, характеристика), отношение, раньше, позже, одновременно, временной интервал, момент, дальше, ближе, на том же расстоянии, между, внутри, структура, состояние, существование, изменение, переход, процесс, ряд, развитие, деградация, простое, сложное, часть, целое, система, качество, количество, возможность, необходимость, случайность, связь, причина, следствие, тождество и т.п. Все эти понятия необходимы для описания знаний о социальных объектах как объектах эмпирических. Многие из этих понятий как-то обработаны в логике и методологии науки, но общее состояние является, на мой взгляд, неудовлетворительным. Все эти понятия должны быть эксплицированы в том разделе логики, который я называю здесь логической онтологией. Это - огромная работа, которая еще должна быть проделана. Мои суждения на этот счет читатель может найти в моих работах, упомянутых в предисловии. Здесь ограничусь отдельными замечаниями, полезными для понимания социологических идей.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ И АБСТРАКТНЫЕ ПРЕДМЕТЫ

Фиксируя эмпирические предметы в языковых выражениях, мы вольно или невольно осуществляем абстракции, т.е. принимаем во внимание одни признаки предметов и игнорируем другие. В большинстве практически важных случаев мы предполагаем, что предметы обладают и другими признаками, и воспринимаем выделенные и зафиксированные в языке их признаки лишь как своего рода метки. Но очень часто мы относимся к отраженным в языке предметам так, будто они обладают лишь известными нам признаками и не обладают другими. Такого рода уродами, чудовищами или, наоборот, совершенствами нам представляются чуть ли не все явления нашей общественной жизни, глубоко затрагивающие интересы людей, - правительства, партии, массовые движения, идолы политики и культуры, оппозиции, экономики, свобода, диктатура, демократия и т.д. Власть языка порою оказывается здесь настолько мощной, что отраженный в языке кусочек реальности кажется гораздо более реальным, чем сама реальность во всем ее объеме, со всеми ее позитивными и негативными свойствами. Если, например, в языковых выражениях вроде "демократические свободы", "народовластие", "равенство", "личная инициатива" отражены некие положительные (с точки зрения некоторой категории людей) свойства данного общественного устройства, то обозначаемые этими выражениями

общественные феномены рассматриваются исключительно как абсолютные социальные добродетели. Тот факт, что с этими добродетелями в реальности неизбежно связано какое-то зло, что в иных условиях это зло преобладает, игнорируется. А если в языковых выражениях вроде "диктатура", "неравенство", "ограничения демократических свобод" отражены некие отрицательные явления общественной жизни, то обозначаемые ими феномены рассматриваются как абсолютное зло всегда и при всех обстоятельствах.

Язык позволяет нам создавать термины таких предметов, которые в принципе не могут существовать эмпирически, - абстрактных предметов. Примером таких абстрактных предметов могут служить "материальные точки" в физике - допущения физических тел, не имеющих пространственных размеров. К той же категории абстрактных предметов относятся всякого рода "духовные" существа, не обладающие телом, абсолютно проницаемые для других тел и сами способные проникнуть через любое материальное препятствие.

ИНДИВИД И МНОЖЕСТВО (КЛАСС)

Объекты (предметы) могут рассматриваться с точки зрения сходных признаков (свойств), т.е. как представители множеств (логических классов) объектов с такими признаками, и с точки зрения их индивидуальности (неповторимости, уникальности). Это - разные аспекты познания, а их обычно смешивают или по крайней мере не различают. В первом аспекте у объектов выделяются отдельные признаки, которые могут быть у других и более объектов, а во втором выделяется совокупность признаков, какая присуща только одному объекту, и никакому другому объекту в мире вообще, или предполагается наличие у объекта такой совокупности признаков. Имеются средства такой индивидуализации объектов. Это обычно указание на пространственно-временные характеристики и отличительные признаки, заведомо неповторимые. Возьмем, например. Октябрьскую революцию 1917 года в России. Она есть представитель множества (класса) революций, что фиксируется словом "революция". Ее индивидуальность фиксируется словами "Россия" и "Октябрь 1917 года". Революций в истории человечества было много, а Октябрьская революция 1917 года в России всего одна, и другой индивидуальный объект, который может быть назван этими словами, никогда не был и не будет.

То, что сказано выше, входит в определение самих понятий. И это надо помнить при рассмотрении социальных объектов. Игнорирование имеющего здесь место различия ориентации внимания является широко распространенной логической ошибкой и умышленным идеологическим приемом запутывания проблем. Обычно берут социальное явление как индивидуальное, т.е. как неповторимое, и подгоняют его под какую-то (подходящую) общую схему, т.е. переключают внимание на признаки, присущие множествам объектов. В результате сущность явления, связанная именно с его индивидуальностью, испаряется, ее затемняют общими разговорами. Таким путем, например, создали идеологически ложную картину сталинизма, рассматривая его с точки зрения его сходства с гитлеризмом, создали идеологически ложную картину социально-политической системы посткоммунистической России, рассматривая ее по аналогии с некоторыми признаками западных стран.

Выделение сходных (общих) признаков у различных объектов есть одно из важнейших средств познания этих объектов. Но это - лишь одно из средств, причем ограниченное определенными правилами. В социальных исследованиях приходится иметь дело зачастую с индивидуальными (уникальными, неповторимыми) объектами. Например, в мире

существует только один неповторимый западный мир, существовал только один советский коммунизм, существует только одно человечество и т.д. Абстрактные допущения о возможности аналогичных явлений на других планетах не отменяют необходимости при исследовании упомянутых явлений прибегать к средствам познания, ориентированным именно на их уникальность, а не ограничиваться ни к чему не обязывающими общими разговорами.

АТОМАРНЫЙ ОБЪЕКТ

Атомарным (или элементарным) объектом для данной сферы исследования (для данной предметной области) является такой объект, который не расчленяется на другие (частичные) объекты, а все прочие объекты этой сферы рассматриваются как объединения атомарных. Атомарность тут относительна. За пределами данной сферы атомарный объект может рассматриваться как сложный. В сфере социальных исследований атомарным объектом является отдельно взятый человек, причем взятый исключительно как член объединений людей, т.е. как существо социальное. В биологии человек рассматривается как сложный объект.

Атомарность относительна также в том смысле, что сложные объекты, состоящие из атомарных, рассматриваются в зависимости от свойств атомарных. При этом выделение тех или иных объектов как атомарных и их свойств в этом качестве зависит от того, какие сложные объекты предстоит исследовать. Тут зависимость двусторонняя. Например, в социальном исследовании нам даны как эмпирические факты объединения именно людей, и мы, естественно, берем людей в качестве социальных атомов, выделяя в них свойства, необходимые для понимания объединений людей.

СОСТОЯНИЕ, ИЗМЕНЕНИЕ, СОБЫТИЕ

Когда речь идет о состоянии объекта, предполагается некоторый временной интервал, и внимание ориентируется на то, что можно сказать об объекте в этом интервале.

Изменение объекта фиксируется путем сопоставления его состояний в различные временные интервалы, следующие один за другим. Если эти состояния различны, то говорят об изменении объекта. Частные случаи изменения - возникновение и исчезновение объектов.

Слово "событие" употребляется как обозначение возникновения, изменения (смены состояний) и исчезновения объектов (например, произошла революция, началась война, разразился кризис, рухнула социальная система и т.д.). События именно происходят, случаются. Они происходят в какое-то время. Интервал времени, в течение которого они происходят, сравнительно невелик или не принимается во внимание, т.е. внимание ориентируется на сам факт события.

ПЕРЕХОДНОЕ СОСТОЯНИЕ

В случае с эмпирическими предметами между этими двумя состояниями имеет место еще третье состояние - переходное. Это состояние характеризуется тем, что в это время невозможно установить, существует предмет (уже или еще) или нет, обладает он

некоторым свойством или нет, находится в данном месте или нет и т.д. Таким образом, в случае изменений приходится иметь дело не с двумя состояниями, а с тремя - с двумя определенными (или статичными) и одним неопределенным, переходным. Этот факт послужил одним из источников идей неклассической (многозначной) логики.

В рассуждениях об общественных событиях и процессах принимать во внимание особенности переходных состояний точно так же в высшей степени важно. Не все утверждения, правомерные в отношении статичных состояний, правомерны в отношении переходных. В частности, многие утверждения, истинные в отношении советского общества в брежневский период, лишены смысла в отношении сталинского периода. Нелепо, например, говорить о нарушении неких норм советской жизни в сталинское время, если эти нормы еще не сложились, если они еще были в процессе формирования.

Неопределенности в суждениях о переходных состояниях возникают не только из-за трудности или даже невозможности обнаружить и точно фиксировать те состояния вещей, которые позволяют говорить о том, что произошло изменение, но из-за сложности самих переходных состояний. Например, процесс десталинизации страны в Советском Союзе не был кратковременным мероприятием хрущевского руководства. Он начался задолго до смерти Сталина, растянулся на многие годы, происходил во всех сферах жизни общества и во всех районах страны. Если мы точно определим, что такое сталинизм как специфическое явление в советской истории и во всей советской жизни, в отличие от того состояния советского общества, которое стало нормой для него в результате десталинизации, то мы столкнемся с затруднениями в применении суждений, имеющих безусловную силу в отношении классически-сталинского периода и в отношении, допустим, брежневского периода, к некоторым годам незадолго до смерти Сталина и после его смерти. Многие явления сталинизма утратили силу во многих учреждениях, сферах жизни и районах страны еще до смерти Сталина, многие же продолжали существовать даже после доклада Хрущева. Потому в этот период возникали постоянно бесперспективные дискуссии, например, по проблеме, преодолен сталинизм ("ошибки периода культа личности") или нет.

НЕОБХОДИМОСТЬ, ВОЗМОЖНОСТЬ, СЛУЧАЙНОСТЬ

Понятия необходимости, возможности и случайности относятся к событиям. Между ними имеют место чисто формальные (знаковые) отношения. Например, событие считается возможным, если, и только если не является необходимым то, что оно не происходит; событие считается случайным, если, и только если оно не является необходимым. В онтологическом аспекте устанавливается то, когда именно события могут считаться необходимыми, возможными и случайными. Например, событие считается необходимым относительно данных условий, если событие такого рода происходит всегда, когда имеются эти условия: событие считается случайным относительно данных условий, если возможно, что оно не происходит при этих условиях. В логической онтологии может быть разработана система таких утверждений, позволяющих вполне осмысленно оперировать рассматриваемыми понятиями.

Обращаю внимание на то, что рассматриваемые понятия применимы на онтологическом уровне лишь к объектам как представителям множеств (классов) однородных объектов. Они имеют смысл лишь при определенных условиях. Событие может быть необходимым (или случайным) относительно одних условий и случайным (соответственно - необходимым) относительно других условий.

Оценка событий как необходимых, возможных и случайных ничего еще не говорит о роли этих событий в тех или иных ситуациях. Например, событие может быть случайным в

некоторых условиях, но сыграть решающую роль в отношении другого события в связи с совокупностью обстоятельств, породивших это другое событие. Приезд Ленина в Россию в 1917 году был случайным событием относительно условий, породивших революционную ситуацию. Но это событие в совокупности обстоятельств, породивших Октябрьскую революцию, сыграло решающую роль. Аналогично избрание Горбачева на пост главы КПСС было случайным событием относительно соответствующих процедур организации КПСС, но это событие сыграло решающую роль в советской контрреволюции после 1985 года в совокупности с прочими событиями, породившими ее.

ПОДЛИННОСТЬ И КАЖИМОСТЬ

Социальные объекты состоят из людей. Люди выполняют какие-то функции и совершают соответствующие им действия не ради самих этих функций и действий, а лишь постольку, поскольку могут существовать и удовлетворять свои интересы благодаря этим функциям и действиям. Они стремятся производить на других людей выгодное для себя впечатление, скрывать какие-то свои намерения, раскрытие которых может принести им ущерб, вводить других людей в заблуждение относительно себя и впадать в заблуждения относительно самих себя. В результате признаки социальных объектов разделяются на две группы. К первой из них относятся такие признаки объектов (т.е. людей), которые характеризуют их независимо от их стремления выглядеть для других выгодно для себя. Ко второй группе относятся признаки, характеризующие социальные объекты в том виде, в каком они стремятся себя показать другим. Для первых признаков будем употреблять слово "подлинность" (или "сущность"), для вторых - "видимость" или "кажимость" (часто употребляется слово "явление" в смысле именно кажимости).

Подлинность и видимость далеко не всегда совпадают. Видимость выставляется напоказ и преувеличивается, а подлинность затушевывается, маскируется, скрывается и даже отрицается как реальность. В наше время способности и возможности людей придавать социальным явлениям видимость, не соответствующую их подлинности (сущности), достигли высочайшего уровня. Все люди в той или иной мере обучаются этому. Этим занимаются многочисленные специалисты, специальные учреждения, средства массовой информации, политики, дипломаты, деятели культуры. Если принимать за чистую монету бесконечные речи партийных вождей, парламентариев, президентов и прочих личностей, фигурирующих на сцене истории, то можно подумать, будто они ночи не спят, думая о благе народов. Но главным в их спектаклях является не стремление решать проблемы наилучшим образом в интересах тех, кого они касаются непосредственно, а стремление решать наилучшим для себя образом проблемы своего положения в ситуации, когда они вынуждены проявлять заботу о других.

В наше время аспект видимости в большом числе (если не в большинстве) жизненно важных случаев приобрел такие масштабы, формы и значение, что оттеснил аспект сущности на задний план, взял над ним верх и сам стал выглядеть как сущность объектов. Произошло своего рода эволюционное оборачивание. Наиболее высоко развитые человеческие объединения стали превращаться в сборище социальных актеров. В паре "Быть или слыть" вторая установка стала играть более важную роль для людей. Дураки стали выглядеть как мудрецы, моральные уроды - как образцы добродетелей, преступники - как опора законности. Безобразие - как красота. Мощнейшая система воспитания, образования и идеологического оболванивания создали вымышленный мир кажимостей, занявший в жизни людей более важное место, чем мир сущностей.

СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМА

Известно, что власть в одних западных странах, считаемых демократическими, является монархической, а в других - республиканской. Это - виды демократической власти. Возьмем монархическую власть. Она имеет место в некоторых западных странах, которые считаются капиталистическими, и в странах с феодальным социальным строем. Но можно ли считать капитализм и феодализм видами монархии? Тут возникает затруднение. Очевидно, тут мы сталкиваемся с отношением между признаками объектов, отличным от отношения между общими признаками и частными. В диалектике для этого отношения была выработана пара понятий "содержание" и "форма". В нашем примере монархическая и республиканская власть суть формы государственной власти.

Пара понятий "сущность" и "кажимость" фиксирует отношение между объектами и познающими их субъектами, а пара понятий "содержание" и "форма" - отношение между различными признаками одних и тех же объектов. При этом исследователь различает в самом объекте то, что характеризует объект как ответ на вопрос "Что имеет место реально (или что происходит)?", и то, что характеризует тот же объект как ответ на вопрос "Как (в каком виде) это "что" существует (или происходит)?".

Различие содержания и формы социальных объектов относительно, но не произвольно. Порою оно принимает такие размеры, что даже профессиональные исследователи в своих сочинениях удваивают одни и те же объекты. Например, многие западные авторы, критикующие западную систему власти, утверждают, будто она не является подлинной демократией или является нарушением последней. А между тем "подлинная" демократия, о которой они говорят, есть содержание реальной демократии, а то, что они считают отступлением от нее, есть реальная и закономерная форма ее существования.

Взаимоотношения содержания и формы разнообразны. Одно и то же содержание может выражаться в разных формах, - объекты могут быть сходны по содержанию и различны по форме. Объекты могут быть сходны по форме, но различны по содержанию, - одна и та же форма может выражать различное содержание. Отношение содержания и формы характеризуется степенью соответствия. Эта степень заключена в пределах от полного несоответствия до полного соответствия. Со временем она меняется. Может форма отставать от содержания. Может, наоборот, содержание отставать от формы. Имеет силу социальный закон тенденции к установлению их адекватности, т.е. более или менее нормальной степени соответствия. В процессе жизни объекта возможно доминирование того или другого компонента пары над другим. Форма может устаревать. Старая форма "сбрасывается", уступая место новой, соответствующей новому содержанию.

КАЧЕСТВО И КОЛИЧЕСТВО

Во всяком социальном объекте можно обнаружить качественный и количественный аспект - качество и количество. Качество объекта (в моем словоупотреблении) образует совокупность его структурных компонентов с их свойствами и взаимоотношениями, благодаря которым этот объект сохраняется и без которых он существовать не может. Количество образует все то в объекте, что может быть подсчитано, измерено, вычислено и зафиксировано в величинах.

Даже отдельно взятый человек имеет социальную структуру - управляющий орган (мозг) и управляемое им тело. Количественно он характеризуется величиной "один". Способности его могут быть измерены (например, интеллектуальный уровень). Средства измерения

изобретаются людьми. И работа эта есть явление сравнительно новое. Даже понятие "один" получило точное определение лишь в конце прошлого и начале нашего века (в основаниях математики, в формальной арифметике).

Качество и количество объекта суть именно аспекты единого целого. Они существуют не наряду друг с другом. Один без другого вообще не существует. Между ними имеют место разнообразные отношения. Одно дело, например, организация системы власти из нескольких десятков или сотен человек, и другое дело - из нескольких десятков и сотен тысяч, а то и миллионов человек. В реальной практике жизни эта зависимость постоянно игнорируется с соответствующими негативными последствиями. Когда советские реформаторы после 1985 года начали перестраивать советское общество по западному образцу, идеологи перестройки, изучавшие диалектику годами, полностью игнорировали рассматриваемую банальную истину, ссылаясь на образцы социальной организации, например, в Швеции и Швейцарии. Эту истину игнорировали и западные идеологи, поощрявшие и превозносившие советскую перестройку. Но они это делали умышленно, вполне отдавая себе отчет в том, что эта перестройка приведет страну к краху и деградации.

Отношение качества и количества характеризуется степенью соответствия. Есть определенные границы, в которых колеблется нормальная для самосохранения объекта степень соответствия, именуемая в диалектике мерой. Выход за ее пределы ведет либо к разрушению объекта, либо к качественным изменениям. Например, увеличение числа членов группы сверх некоторого максимума ведет к тому, что либо группа разделяется на две, либо сокращается число членов (излишние исключаются), либо в группе образуются подгруппы со своими руководящими лицами. Если число членов группы недостаточно для выполнения ее функций, группа либо ликвидируется, либо увеличивается численно, либо изменяет статус (например, сокращается объем выполняемых ею дел). С такого рода операциями люди имеют дело постоянно в практике своей жизни, не задумываясь над тем, что поступают в соответствии с одним из социальных законов, который заметили диалектики.

Отношение качества и количества не ограничивается утверждением диалектики, согласно которому количественные изменения ведут к качественным. Не все качественные изменения суть результат количественных. В человеческих объединениях постоянно происходят качественные изменения в рамках тех же количественных характеристик (например, переструктурирование). И количественные изменения не всегда ведут к качественным. В науке и в практике жизни людей известны так называемые допороговые изменения, не влияющие на качественное состояние объектов. И даже в случаях, когда количественные изменения ведут к качественным, первые суть лишь одно из условий вторых, причем порою не главное. С другой стороны, количественный аспект зависит от качественного. Например, размеры объединений людей зависят от организации, от типа управления, от квалификации членов объединения, от целей и т.п. Так что не только количественные изменения ведут к качественным, но и качественные ведут к количественным. Причем одни и те же количественные изменения в различных условиях ведут к различным качественным, а одни и те же качественные - к различным количественным. Так что диалектический "закон" перехода количественных изменений в качественные не есть всеобщий закон бытия. Это вообще не закон. Это есть лишь отдельное явление эмпирической реальности, замеченное философами прошлого, но не разработанное должным образом.

Количество фиксируется в языке в величинах. Величины разделяются на абсолютные и относительные. Первые выражаются в числах, вторые - в отношениях чисел (в процентах, степенях). С точки зрения научного подхода те или иные величины сами по себе не имеют смысла. Они имеют таковой лишь в связи с качественной характеристикой объектов и

целями их исследования. В теоретическом исследовании, о котором идет речь в этой книге, измерение и вычисление величин играет роль подсобную. Причем интересы такой ориентации исследования настолько расходятся с интересами "конкретной" ("эмпирической") социологии, что данные второй не имеют для первой почти никакого полезного значения, а зачастую просто вводят в заблуждение.

СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ

Сфера социальных явлений включает в себя огромное разнообразие видов эмпирических связей объектов, которое лишь в ничтожной мере привлекло внимание логики и методологии науки, да и то косвенно и без использования идей и аппарата современной логики.

Чаще всего говорят о причинно-следственных связях. Но что такое причина и следствие? Никакой очевидности тут нет. И тем более нет некоего единственно правильного и общепринятого определения этих явлений. Известно несколько десятков различных определений. Не буду заниматься их логическим анализом. Возьму лишь то, что общее большинству из них: признание того, что следствие во времени следует за причиной, и того, что причина так или иначе участвует в порождении следствия.

По самим условиям социальной сферы методы выявления причинно-следственных связей применимы далеко не всегда и не так уж надежны. А в случае сложных исторических событий, представляющих собою совпадение и переплетение многих миллионов и миллиардов событий в пространстве и времени, понятие причинно-следственных отношений вообще теряет смысл. В таких случаях имеет место переплетение бесчисленных причинно-следственных рядов. Одни из этих рядов не зависят друг от друга, другие сходятся, третьи расходятся, четвертые затухают, пятые зарождаются и т.д. Индивидуальное историческое совпадение их в некотором пространственно-временном объеме само не есть причинно-следственный ряд, подобный входящим в него рядам, и не есть ни причина чего-то и ни следствие чего-то просто в силу определения самих понятий "причина" и "следствие" и методов выявления причинности. Потому искать тут причинное объяснение просто бессмысленно. Когда исследователи все-таки говорят в таких случаях о причинах, они используют слово "причина" не как научное понятие, а как весьма неопределенное и многосмысленное выражение общеразговорного языка. Методы обнаружения причинно-следственных связей к таким ситуациям в принципе неприменимы. Суждения, высказываемые в таких случаях в терминах причинности, в принципе непроверяемы. Потому в таких случаях всякий может выдумывать свою собственную концепцию. Потому тут возможны различные, порою взаимоисключающие, объяснения. И если какая-то концепция получает более или менее широкое признание, то происходит это не в силу ее логической доказуемости или эмпирической подтверждаемости, а совсем на других основаниях. Короче говоря, можно принять допущение, что каждое эмпирическое явление причинно обусловлено (ничто не происходит без причины), но фактически и логически ошибочно думать, будто для каждого эмпирического явления можно указать его причину или причины.

В теоретических социальных исследованиях причинно-следственные связи занимают ничтожно мало места. Основное внимание уделяется связям структурным, функциональным и генетическим, компоненты которых являются сосуществующими в пространстве и времени. И даже в тех случаях, когда компоненты связей возникают во временной последовательности, основное внимание исследователей сосредоточивается на их последующем сосуществовании. Понятия причины и следствия лишены смысла в

применении к их отношениям. Например, какими бы ни были отношения государства и экономики во времени и как бы ни рассматривали их отношения представители различных школ и направлений в социологии, все они единодушны в одном: никому в голову не приходит мысль рассматривать государство как причину экономики или наоборот.

При всех разнообразиях эмпирических связей общим для них являются контакты эмпирических объектов, в которых происходит передача одними из них другим вещества или энергии. При этом одни отдают что-то, а другие это "что-то" усваивают (присваивают). Более сложные случаи - обмен. Контакты бывают непосредственными и опосредованными (через третьи объекты), одноактными, спорадически повторяющимися и регулярными. Более сложные случаи - разделение целого на части с сохранением связи частей и объединение объектов в целое с сохранением их различия.

Специфика социальных связей (чаще употребляют выражение "социальные отношения") заключается в том, что в контакты вступают люди и объединения людей и связи их образуются, существуют и проявляются в сознательных действиях одних из людей и их объединений по отношению к другим. В этих контактах одни из компонентов связи отдают другим, а другие получают от них что-то, что необходимо и полезно для их существования. Одни отдают - это значит, что у них это отнимают силой или ставят в такие условия, что они вынуждаются отдавать "добровольно". Возможна и бывает заинтересованность в отдаче - при этом отдающие что-то выгадывают для себя. Другие получают - это значит, что они отнимают это у других силой, так или иначе вынуждают на "добровольную" отдачу или создают условия для выгодной для других отдачи. Отдают люди вещи, себя, свои силы и способности, продукты своей деятельности. Величина отдаваемого равна величине получаемого плюс потери на акт передачи. Невозможно получить больше того, что могут отдать. Более сложный случай - обмен. Для него имеет силу закон эквивалентности. На этой основе развиваются все прочие виды социальных связей, включая структурные и генетические. Исследование их образует основное содержание всякой теоретической социологии, в том числе и нашей логической социологии.

ОБЪЕКТИВНЫЕ ЗАКОНЫ

Научное исследование ориентируется на открытие законов объектов или объективных законов.

Слово "закон" многозначно. В конкретных науках и в методологии науки говорят о законах науки (или научных законах), имея в виду определенного типа суждения об исследуемых объектах. Законами объектов называют то, о чем говорится в таких суждениях. Речь идет об одном и том же, только в первом случае - о языковых выражениях, фиксирующих законы объектов, а во втором случае - о том, что фиксируют эти выражения.

Научными законами (законами объектов) называют обобщения результатов наблюдений и экспериментов, которым приписывают какую-то особо важную роль в науке. С логической точки зрения суждения такого рода суть общие суждения фактов. К числу таких суждений относится, например, утверждение о том, что в демократических странах имеет место разделение власти на законодательную и исполнительную. Это - суждение о наблюдаемом факте, аналогичное по его логическому статусу суждению "Нормальная собака имеет четыре ноги". Кстати сказать, социологическая наука в основном состоит из суждений такого логического типа.

Научными законами (суждениями законов) называют также суждения, явно или неявно предполагающие определенные условия, при которых они всегда истинны. Я в дальнейшем буду иметь в виду только их, говоря об объективных законах.

В языковой практике условия законов обычно не учитываются совсем или подразумеваются как нечто само собой разумеющееся и всегда имеющее место. Это порождает путаницу, бессмысленные споры, идейные "перевороты" и даже умышленные спекуляции, когда обнаруживается важность явного учета условий в случаях их несоблюдения и изменения. Порою такие ситуации принимают грандиозные размеры, вовлекая большое число людей и растягиваясь на много десятилетий и даже на века. Например, спекуляции такого рода в физике приняли поистине эпохальные и глобальные размеры, по уровню мракобесия не уступая мистификациям средневековья. А в сфере социальных явлений на этот счет творится нечто невообразимое.

Чтобы некоторое суждение (совокупность суждений) А приобрело статус научного закона, необходимо условие В установить (подобрать специально!) таким образом, чтобы А было истинно всегда при наличии условия В. Если при наличии условий В возможны случаи, когда А ложно, то А не может рассматриваться как закон, отвергается в качестве закона. В практике познания условия В устанавливаются всегда лишь частично и приблизительно. В ряде случаев они вообще являются воображаемыми, невозможными в реальности. В таких случаях суждения "А при условии В" вообще не верифицируются (не подтверждаются и не отвергаются) путем сопоставления с эмпирической реальностью. Их ценность устанавливается косвенно, т.е. тем, что с их помощью получаются выводы, которые соответствуют или не соответствуют реальности. Они принимаются как аксиомы или на основе логических рассуждений, в которых А выводится из каких-то посылок, включая в них В. Условия А могут быть в той или иной мере достигнуты в эксперименте или выявлены в результате логической обработки данных наблюдений.

Надо различать общие черты (признаки) различных явлений и законы этих явлений. Для обнаружения общего необходимо сравнение по крайней мере двух различных явлений. Для выявления закона нужны логические операции иного рода. Закон может быть открыт путем изучения одного экземпляра явлений данного рода. Для этого нужен логически сложный анализ эмпирической ситуации, включающий отвлечение от множества обстоятельств, выделение непосредственно незаметного явления в "чистом виде", своего рода очищение закона от скрывающих его оболочек. Закон находится как логический предел такого процесса, причем не как нечто наблюдаемое, а как результат логических операций. Законы эмпирических объектов вообще нельзя наблюдать так же, как наблюдаются сами эти объекты.

Законы не следует также смешивать с причинно-следственными отношениями, с необходимостью, сущностью, содержанием и другими явлениями бытия, фиксируемыми логическими и философскими понятиями. У всех у них различные функции в фиксировании результатов познания, они выражают различные аспекты познания, различно ориентируют внимание исследователей. Однако как в языковой практике, так и в сочинениях профессионалов, которые по идее должны были бы тут наводить порядок, царит на этот счет невообразимый хаос.

Законы эмпирических объектов (законы бытия) не зависят от воли и желаний людей и вообще от чьей-либо воли. Если есть объекты, к которым они относятся, и есть необходимые условия, то они имеют силу, никто и ничто в мире не может отменить их действие. Можно ослабить их действие, скрыть, придать форму, создающие видимость их "отмены". Но они все равно остаются. Они именно такими и открываются исследователями, чтобы быть универсальными в отношении соответствующих объектов при соответствующих условиях.

Надо различать законы, как таковые, фиксируемые в абстрактной форме (скажем, абстрактные законы), и их конкретные проявления в частных случаях. Условия закона в реальности и в исследовании ее никогда не выполняются полностью, а порою не

выполняются вообще. Одновременно действует множество законов, которые воздействуют на форму проявления друг друга и даже действуют порою в противоположных направлениях. Потому кажется, будто законы потеряли силу или их не было вообще. В реальности законы действуют как скрытые механизмы явлений и как более или менее явные тенденции.

Надо различать законы и следствия действия законов - закономерные явления. Люди, например, давно заметили регулярность смены времени суток и закрепили это знание в суждениях, выражающих уверенность в том, что на смену дня обязательно придет ночь, а на смену ночи - день. Но это не значит, будто они открыли закон природы, вследствие которого происходит смена дня и ночи. Обычно эмпирические законы в том смысле, как мы рассмотрели выше, и закономерные явления не различают и в качестве суждений законов рассматривают обобщения наблюдаемых фактов, подкрепляемые многократными повторениями и не сталкивающиеся с противоречащими фактами. В практике познания такого рода "законы" часто опровергаются, и по сему поводу устраиваются сенсации, кричат о "революциях" в науке, о ломке "устаревших" представлений. С логической точки зрения, однако, в таких случаях лишь выясняется ограниченность простой неполной индукции и логическая ошибка необоснованности обобщения.

Объективные законы суть законы эмпирических объектов, но сами они эмпирическими объектами не являются. Они сами по себе не возникают, не изменяются и не исчезают. Это не значит, что они вечны и неизменны. Просто по самому смыслу понятий к ним нельзя применять понятия возникновения, изменения, исчезновения, неизменности, вечности. Они не имеют независимости от объектов существования. Об их существовании мы судим не путем их непосредственного наблюдения (их невозможно видеть, слышать, трогать руками), а по их проявлениям в ситуациях с эмпирическими объектами. Они открываются на основе наблюдений эмпирических фактов, но открываются благодаря особого рода интеллектуальным операциям.

Сфера действия рассматриваемых законов ограничена множеством эмпирических объектов определенного вида. Никаких всеобщих законов бытия, имеющих силу в отношении любых (всех) эмпирических объектов, не существует хотя бы уже потому, что условия законов для объектов различных видов логически несовместимы в некое единое условие. Возможно, конечно, сформулировать утверждения, имеющие силу для всех эмпирических объектов. Но они (с логической точки зрения) будут либо логически ложными (противоречивыми), либо частями неявного определения понятия "эмпирический объект". Этому определению можно придать форму системы аксиом. Выводимые в этой системе утверждения истинны по определению понятий. Они не являются эмпирическими законами. Их можно назвать дефинитивными законами. Они не открываются в изучаемых эмпирических объектах.

СУБЪЕКТИВНЫЕ И ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

Социальные объекты суть объекты эмпирические. Значит, на них распространяется все то, что говорилось в предшествующем разделе об объективных законах. Но они обладают свойствами, отличающими их от всех прочих эмпирических объектов, а именно - они обладают интеллектом, волей, способностью ставить цели и добиваться их осуществления, способностью планировать свои действия и предвидеть их результаты, короче говоря - обладают тем, что называют субъективными факторами. Наличие этих факторов порождает трудности в отношении признания объективных социальных законов, аналогичных в рассмотренном выше смысле законам объектов неживой и живой дочеловеческой

(неразумной) природы. В самом деле, о каких независимых от воли и сознания людей законах может идти речь, если социальные объекты суть существа, наделенные волей и сознанием?!

Взгляд на субъективные факторы как на играющие решающую роль в историческом процессе и в организации человеческих объединений был доминирующим в истории социальной мысли и остается таковым в современном западном мире. Он поощряется западной идеологией, пропагандой и культурой. Описаниями сознательных и волевых действий людей, организаций, учреждений, властей заполнены бесчисленные газеты, журналы, книги. Ими полны телевизионные передачи и фильмы. За безработицу, инфляцию, кризисы, войны и прочие язвы современности винят политиков, предпринимателей, партии и конкретных людей.

Субъективные факторы до сих пор понимаются как нечто такое, что не подвержено действию объективных законов, и противопоставляются факторам объективным, которые считаются независимыми от воли и сознания людей. И для этого есть основания. В чем заключаются объективные факторы? Люди появляются на свет в условиях, которые достаются им в готовом виде от предшествующей истории и которые они уже не в силах переделать. Эти условия даны им как реальность, независимая от их сознания и воли. В человеческой жизни принимает участие большое число явлений, неподконтрольных их воле. Возникают непредвиденные следствия даже сознательной деятельности. Людей много, их цели разнообразны и зачастую противоположны. Суммарный результат их деятельности далеко не всегда совпадает с тем, к чему стремятся отдельные участники объединений. Люди совершают ошибки в своих расчетах. Возможности предвидеть ход событий ограничены. Думая о ближайших результатах своих действий, люди не задумываются над более отдаленными их последствиями. Плюс к тому - неосознанные и животновобразные действия. И даже в тех случаях, когда последствия действий можно предвидеть, люди часто не считаются с ними, поскольку их частные интересы в момент совершения действий оказываются сильнее разумных предвидений. Наше время дает на этот счет устрашающие примеры, которые общеизвестны. К числу объективных факторов относятся свойства явлений природы, образующих среду существования людей и играющих в их истории и социальной организации роль несомненную.

На мой взгляд, различие субъективных и объективных факторов есть бесспорный факт, но противопоставление их в плане объективных социальных законов лишено смысла. Эти законы суть законы именно сознательной и волевой жизнедеятельности людей и их объединений. Они все-таки существуют и неумолимо делают свое дело.

В истории социальных исследований объективные социальные законы, как правило, не замечались, не осознавались в качестве таковых или отрицались совсем. Сравнительно немногие исследователи говорили об их существовании и как-то описывали их. Но суть дела не в общих заявлениях на этот счет, а в том, как именно понимаются эти законы и каким образом признание их выражается в теоретических построениях. Самой значительной, на мой взгляд, социальной концепцией, признающей объективные социальные законы и построенной на основе определенных законов такого рода, является марксистский исторический материализм. Критическое отношение к нему послужило одним из источников идей моей логической социологии. В дальнейшем я неоднократно буду высказываться по этому поводу. А сейчас я изложу мое понимание социальных законов.

СОЦИАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ

Социальные законы отличаются от законов неживой и живой дочеловеческой природы прежде всего объектами, к которым они относятся. Они суть законы человеческих объединений, структурирования этих объединений, функционирования и взаимоотношений их частей, поведения людей как членов этих объединений и т.д., короче говоря - законы социальных объектов.

Особенность социальных законов, далее, состоит в том, в каком смысле они объективны. Тут мало признать объективность в том смысле, в каком мы признаем объективность законов и вообще явлений неживой и до-человеческой живой природы, т.е. в смысле признания их существования вне сознания исследователей, независимо от воли и сознания исследователей. Проблема тут заключается в том, что социальные законы суть законы сознательной и волевой деятельности людей, но они при этом не зависят от сознания и воли людей. Кажется, будто одно исключает другое, будто тут имеет место логическое противоречие. На самом деле тут никакого противоречия нет. Тут надо различать два различных явления, а именно - отдельно взятые действия людей как эмпирические объекты и законы таких действий. Отдельно взятые социальные действия людей являются сознательно-волевыми, но законы этих действий таковыми не являются. Отдельные действия суть эмпирические явления, которые можно наблюдать непосредственно. Законы же их так наблюдать невозможно. Для обнаружения их, повторяю, нужна особая работа ума, особые познавательные операции. Применяя эти операции, исследователь должен сам сознание и волю людей рассматривать как объективные свойства особого рода эмпирических объектов, а именно - людей как вполне материальных существ, обладающих такими признаками, как сознание и воля. И эти признаки находятся вне сознания исследователя, не зависят в этом смысле от сознания и воли исследователя.

С точки зрения логических свойств нет принципиальной разницы между суждениями о законах физической, химической, биологической и т.д. природы и суждениями о социальных законах. Классическим примером первых может служить закон механики: "Тело сохраняет состояние покоя или равномерного прямолинейного движения до тех пор, пока внешние силы не выведут его из этого состояния". Логическая структура его в явном виде такова: "Если на тело не действуют никакие внешние силы (условие А), то оно будет сохранять состояние покоя или прямолинейного равномерного движения (В)". Наблюдать ситуацию, фиксируемую в В, невозможно. Можно наблюдать только бесчисленные факты перемещения тел, причем с ускорением, с замедлением, по различным траекториям, с меняющимися траекториями и скоростями. Никто также не наблюдал то, о чем говорится в А, ибо на тела обычно действуют какие-то внешние силы. Это утверждение было изобретено впервые Ньютоном, причем изобретено не по правилам простой индукции, а по правилам мысленного эксперимента.

Возьмем теперь для сравнения один из самых простых социальных законов: "Если человек вынужден выбирать из двух вариантов поведения, которые одинаковы во всем, кроме одного признака, он выбирает тот из них, который лучше для него с точки зрения этого признака". В частности, если человек вынужден выбирать место работы из двух вариантов, которые одинаковы во всем, кроме зарплаты, и зарплата есть единственный источник существования для него, то он выберет тот вариант, где платят больше. В реальности такие условия выбора вряд ли могут встретиться. В реальности людям приходится выбирать из вариантов, различающихся по многим признакам, выбирать под давлением всякого рода обстоятельств, а не только из расчета на абстрактно лучший вариант. К тому же люди совершают ошибки в оценке ситуаций.

Объективность социальных законов вовсе не означает, будто люди не могут совершать поступки, не считаясь с ними. Как раз наоборот, люди их обычно вообще не знают и постоянно игнорируют их, поступая так, как будто никаких таких законов нет. Но люди столь же часто игнорируют законы природы, отчего последние не перестают существовать. Если, например, люди сеют пшеницу на покрытой льдом каменистой почве, о них не скажешь, что они считаются с законами природы?!, Они наказываются за свое пренебрежение к законам природы (за их нарушение!). Аналогично они наказываются за свое пренебрежение к социальным законам. Нарушение законов бытия не есть их отмена или изменение. Это - поведение, по тем или иным причинам не считающееся с ними.

Возьмем такой простой пример для пояснения. Пусть некоторое множество людей решило создать группу с целью совместных действий, для которых требуется именно много людей. Это решение их сознательное и волевое. Но чтобы группа могла достаточно долго функционировать как единое целое и справиться с задачей, в ней должен быть руководитель или даже руководящая группа, причем руководитель должен быть достаточно компетентен (адекватен делу), как и прочие члены группы. И эти требования суть объективные законы организации и успеха дела. Они суть независимые от сознания и воли людей факторы их сознательно-волевой деятельности. Люди не в состоянии отменить эти факторы по своему произволу, как они не в состоянии отменить закон тяготения. Люди изобрели летательные аппараты, позволяющие преодолевать силу тяготения. Но это не означает, будто сила тяготения перестала действовать. Так и в сфере социальных явлений. Приняв решение назначить руководителем группы некомпетентного дурака и распределив обязанности членов группы, не считаясь с их квалификацией, люди тем самым не отменили упомянутый выше закон группировки и адекватности людей занимаемым должностям. Они создали группу, подобную летательному аппарату, построенному без учета закона тяготения.

Вся история человечества полна бесчисленных примеров нарушения законов организации государственности и экономики и негативных последствий нарушений. Это дает основания теоретикам, идеологам и обывателям вообще отвергать социальные законы. Они представляют эти законы в виде неумолимых механизмов, которые действуют явно в каждом отдельном случае, и люди не могут их игнорировать. На самом деле люди, игнорируя (и в этом, и только в этом смысле нарушая) одни социальные законы, действуют в силу каких-то других законов. В реальности одновременно действуют различные законы, так что каждый из них проявляется именно через массу отклонений и нарушений, как и законы природы. Если бы было возможно наблюдать механизмы природных законов изнутри их сферы, как мы это делаем в отношении социальных законов, мы увидели бы картину, аналогичную той, какую видим в общественной жизни.

Если полностью выявить логическую структуру суждений и всего процесса открытия социальных законов, то можно установить, что тут имеет место предельное для данной ситуации исследования абстрагирование. Дальнейшее абстрагирование означает выход за эти пределы и утрату специфики интересующего исследователя объекта. Это - не предел обобщения, а предел отвлечения от эмпирических явлений. И обратный путь к реальности тут есть не прямое применение общих суждений к частным ситуациям, а процесс конкретизации абстрактных суждений путем включения в логические рассуждения каких-то факторов, которые не принимались во внимание в ходе открытия законов.

В конкретных социальных исследованиях и рассуждениях было бы громоздко каждый раз явным образом выражать логическую структуру той или иной ситуации. Обычно это не делают, отчасти подразумевая ее, а чаще вообще не отдавая отчета в этом и не умея это делать. Но, имея какую-то интуицию на этот счет, говорят о тенденциях, о стремлении и т.п.

Число социальных законов не ограничено логически. Их открытие ограничено способностями и потребностями исследователей. Все типы законов, которые можно видеть в естественных науках, в принципе могут быть открыты и в сфере социальных явлений. Это обусловлено тем, что типы законов характеризуются способами их открытия исследователями, которые (способы) изобретаются самими исследователями в соответствии с правилами логики и методологии науки.

Рассмотрим еще один пример с целью пояснения сказанного. Возможности человеческого объединения удовлетворять потребности своих членов неравномерны. Возникает несколько уровней таких возможностей и соответственно потребностей. Чтобы обеспечить удовлетворение потребностей некоторого числа людей на высшем уровне, нужно при всех прочих постоянных условиях (отвлекаясь от них) заставить трудиться и жить на более низком уровне в несколько раз больше людей. Конкретная величина должна быть измерена или вычислена в зависимости от типа объединения и его конкретных свойств. Причем с увеличением числа людей, претендующих на высший уровень удовлетворения потребностей, растет и число людей, вынужденных довольствоваться более низким уровнем, и растет в большей степени, чем рост первых. Характер роста упомянутых величин опять-таки можно измерить и вычислить. Так что обещание коммунистов обеспечить всех по потребности есть утопия, если его понимать буквально.

Социальные законы действуют не в одиночку, не изолированно друг от друга, а всегда в какой-то совокупности. Если исключить действие несоциальных факторов и принимать во внимание только социальные, то логически правомерно такое предположение: все, что в сфере социальных явлений происходит в силу стечения социальных обстоятельств, есть результат совокупного действия социальных законов, т.е. все это происходит закономерно. Но закономерно не означает, что это происходит с необходимостью. Закономерность и необходимость суть разные аспекты бытия и его познания. Например, разрушение природной среды есть закономерный продукт эволюции западной цивилизации, но не необходимый.

Социальные законы универсальны, т.е. одни и те же для всех времен и народов, где появляются социальные объекты, к которым они относятся, и соответствующие условия. Различны лишь конкретные формы их проявления и действия. Например, государственная власть организуется и функционирует по одним и тем же законам везде, где она возникает. Это не значит, что она везде одинакова. Она разнообразится в зависимости от различных факторов, достигает различных уровней развитости. Но законы, по которым это происходит, одни и те же. Поэтому исследователь, имеющий цель открыть именно социальные законы, а не что-то другое, вправе выбрать для наблюдения наиболее развитые и четко выраженные образцы социальных объектов. Нелепо, например, брать для исследования законов государственности примитивные общества, разумнее для этой цели выбрать западные страны с высокоразвитой системой государственной власти.

Социальные законы суть самые глубокие механизмы социальных явлений. Авторы сочинений на социальные темы так или иначе говорят о язвах общества и ищут тех, кто виновен в них. Одни при этом называют в качестве источника зол диктаторов и тиранов, другие - капиталистов и феодалов, третьи - партии и организации вроде партий нацистов, партий коммунистов, органов государственной безопасности, четвертые - экономический и технологический прогресс, пятые - чрезмерный рост населения, шестые - идеологию, седьмые - биологические законы, и никто не называет такой источник зол и таких тиранов человечества, какими являются объективные социальные законы. От этих зол и тиранов человечество не избавится никогда и ни при каких обстоятельствах. Меняя условия своей жизни, люди избавляются от одних тиранов такого рода, но с необходимостью попадают во власть других, порою - еще более жестоких. В мире никогда не было, нет и не будет

идеального общества всеобщего благоденствия не по произволу каких-то злоумышленников, а в силу объективных законов бытия.

Наше время дает богатейший материал для познания социальных законов, близкий к лабораторным условиям. Мы являемся свидетелями крушения одних человеческих объединений и образования других. На наших глазах происходят стремительные и грандиозные социальные преобразования. Этот опыт позволяет пересмотреть традиционные и привычные социологические концепции, сложившиеся на основе опыта прошлых веков, отбросить многочисленные предрассудки, накапливавшиеся в сфере социальных исследований веками. Но, увы, в наше время происходит такая мощная и всеобъемлющая идеологическая фальсификация именно упомянутых перемен и преобразований, что рассчитывать на использование рассматриваемой возможности не приходится.

ЗАКОНЫ ДИАЛЕКТИКИ

Выше я сказал, что никаких всеобщих объективных законов, имеющих силу для всех эмпирических объектов (всеобщих законов бытия), не существует. А между тем именно на создание такого учения о всеобщих законах бытия претендует диалектика, по крайней мере в том виде, какой она приобрела в советской философии. Остановимся на этой теме специально, поскольку диалектический подход к социальным явлениям есть, на мой взгляд, необходимое условие построения научной теории социальных явлений.

Надо различать диалектический подход к изучаемым явлениям и диалектику как учение о законах бытия. Первый уместен не всегда, а лишь в отношении объектов определенного рода и лишь с определенной целью. Иногда он необходим для научного познания, но не обязателен во всех случаях познания. Когда его навязывают в качестве обязательного, он превращается в идеологическую чепуху. Но к тем же результатам ведет его запрет или игнорирование в случаях, когда он на месте и необходим.

Что касается диалектики как учения о законах бытия, то надо различать то, какой вид это учение имеет в сочинениях мыслителей прошлого и их последователей, и то, как такое учение может быть построено в рамках логики и методологии науки, т.е. вне идеологии. Во втором случае правомерно лишь следующее. Замечая факты возникновения, изменения, связей, эволюции и т.д. эмпирических явлений (факты объективной диалектики), мы вправе ввести соответствующие понятия и осуществить обобщения в рамках этих явлений, а не для всего бытия вообще. Например, наблюдая факты единства и борьбы противоположностей, мы вправе определить, что это такое, ввести соответствующие обозначения и произвести какие-то обобщения наблюдаемых процессов возникновения противоположностей, их взаимоотношений, конфликтов и их разрешений. Но логически ошибочно утверждать, будто всем явлениям бытия свойственно такое. Из определения понятий такой вывод не следует. Зато можно показать, что такое чрезмерное обобщение на все бытие порождает логические противоречия. Если всем явлениям бытия свойственны единство и борьба противоположностей, то и объектам, которым не свойственны единство и борьба противоположностей, свойственны единство и борьба противоположностей. А это логическое противоречие означает, что рассматриваемое обобщение на все явления бытия ложно. Можно возразить, что объекты, которым не свойственны единство и борьба противоположностей, не существуют согласно нашему обобщению. Но в таком случае обобщение превращается в тавтологию: всем объектам свойственны единство и борьба противоположностей, за исключением тех, которым они не свойственны. Аналогично обстоит дело с прочими чрезмерными обобщениями диалектики. Сказанное не есть

словесная казуистика. Диалектика как учение есть языковая конструкция, и, как таковая, она должна строиться в соответствии с правилами логики. И прежде всего она должна быть логически непротиворечивой. Пренебрежение к логическому аспекту было и остается характерным для всех сочинений на тему о диалектике. Это - один из отличительных признаков идеологии: сочетание псевдологичности с фактической антилогичностью.

Логическая обработка понятий и утверждений, отражающих диалектику бытия, устанавливает сферу применимости и уместности диалектики как учения, удовлетворяющего критериям научности. Диалектика как учение очевидным образом лишена смысла в математике и вообще в так называемых точных науках, в которых объекты создаются определениями понятий, но вполне правомерна в сфере эмпирических наук, объекты которых существуют независимо от исследователя и его понятий. Но даже в этой сфере далеко не всегда есть надобность в диалектике и условия для ее применения. Условия применимости диалектики оказались ограниченными самими ее понятиями, а надобность в ней - характером исследуемых объектов. Сфера социальных исследований является такой, да и то в ограниченном смысле.

Рассмотрим такой пример. По опыту знаем, что в объединении людей, рассчитанном на длительное существование и деятельность в качестве единого целого, должен образоваться управляющий орган из одного или нескольких членов объединения. Он должен взять на себя функции, аналогичные функциям мозга отдельно взятого человека. На долю прочих членов объединения выпадают функции управляемого тела. Если это не будет сделано, объединение будет нежизнеспособным, будет плохо функционировать и распадется. Выразаясь языком диалектики, тут происходит раздвоение единого: члены объединения разделяются на руководителей (управляющих), воплощающих в себе "мозг" объединения, и руководимых (управляемых), воплощающих в себе управляемое "мозгом" "тело" объединения. Первые сохраняют тело, вторые - мозг. Но в объединении происходит их разделение и воплощение в его различных частях. Эти части противоположны - одна управляет, другая управляется. Их функции и интересы в этом отношении противоположны. Вместе с тем они образуют единство. Одна часть нуждается в другой. Лишь в единстве они могут существовать как целое. И лишь в целом они оказываются противоположностями.

Анализируя такого рода сравнительно простые ситуации, я установил для себя следующее. То, что философы в весьма туманной (именно философской!) форме обобщают под именем законов диалектики, отчасти может быть понято как неявные определения понятий и логические следствия из этих определений (т.е. как дефинитивные законы, по моей терминологии), а в другой части - как законы эмпирической комбинаторики. Поскольку я ограничивался сферой социальных объектов, я эти законы для себя назвал законами социальной комбинаторики.

В простых случаях действие законов социальной комбинаторики настолько очевидно, что людям в голову не приходит мысль, что тут вообще действуют какие-то законы, подобно тому, как бесчисленным людям, видевшим падение яблок на землю и даже испытавшим их удары по своей голове, не приходила в голову мысль о законах тяготения. И тем более в отношении таких банальных ситуаций кажется неуместным употребление высокофилософских слов вроде "закон", "диалектика", "противоположности" и т.п. - это все равно что стрелять из пушек по воробьям. Вот если поговорить о целых обществах, эпохах, цивилизациях, человечестве и т.п. - это другое дело! Это масштабно и престижно.

А между тем именно "маленькие" законы социальной комбинаторики делают основную работу по организации и эволюции человеческих объединений. Они имеют силу и в отношении "больших" социальных явлений. Только тут они дают о себе знать более или менее заметным образом в переломные эпохи, когда "философские пушки диалектики"

кажутся уместными и даже очевидными. Не случайно поэтому в революционный XIX век многие выдающиеся умы были диалектическими, и диалектика завладела умами нескольких поколений, жаждавших преобразований социального строя своих стран и веривших в их прогрессивность. Не случайно также то, что в нашу эпоху величайшего перелома в истории человечества страх перед тем, что приходит на смену настоящему, порождает ненависть к диалектическому "повороту мозгов", ориентирующемуся на истину, какую бы дурную весть она ни приносила.

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ

Философская диалектика содержит учение о законах эволюции. Эти законы суть следующие: 1) единство и борьба противоположностей; 2) переход количественных изменений в качественные; 3) отрицание отрицания. Первый из них определяет некую первопричину или первоисточник изменений объектов. Бесспорно, что в некоторых случаях борьба противоположностей (в частности, борьба антагонистических классов) порождает какие-то изменения в жизни людей. Но так бывает далеко не всегда. И превращение борьбы противоположностей во всеобщий источник (двигатель) социальных изменений (включая развитие) есть типичный пример идеологического извращения реальности. Я принимаю законы раздвоения единого, поляризации частей, их противостояния и т.д. в качестве законов социальной комбинаторики наряду с другими. Что касается причин (источников) изменений, то тут в каждом случае надо искать какой-то конкретный комплекс факторов. Никакого универсального, пригодного для всех случаев изменений объектов объяснения их причин не существует хотя бы уже потому, что реальные причины изменений в различных случаях могут исключать друг друга.

О соотношении качества и количества я уже говорил. Добавлю к сказанному еще следующее. Возникновение нового качества в эволюции социального объекта есть возникновение нового, более высокого уровня в его социальной структуре. В дальнейшем этот аспект социальной эволюции будет рассматриваться как один из важнейших.

В философской диалектике возникновение нового качества рассматривается как качественный скачок, как перерыв непрерывного. Что из себя на самом деле представляет этот скачок, перерыв непрерывного процесса? На самом деле это есть процесс, происходящий в протяженном временном интервале, а не нечто абсолютно внезапное, не требующее времени. Всякое изменение эмпирических объектов происходит во времени, т.е. в течение временного интервала, превышающего некоторую минимальную величину. В истории человечества такие "скачки" растягиваются порою на многие десятилетия и столетия. Впечатление вневременного скачка создается по многим причинам. Исследователи обычно игнорируют в таких случаях фактор времени или отодвигают его на задний план, обращают внимание на конечный результат процесса и качественное отличие его от предшествовавшего состояния. Когда процесс завершается, промежуточные и частичные состояния, события и перемены исчезают в прошлое, и образуется как бы разрыв, создающий впечатление внезапности перемен. Сравнительно со временем существования объектов в рамках устойчивого качества время на переход в новое качество обычно невелико, выглядит как исторический миг. Элементы нового качества вызревают в рамках привычной среды, и люди не воспринимают их как приближение нового качества. Когда они осознают это, процесс уже в основных чертах завершается, перелом остается позади. А порою люди, страшась нового, активно не хотят замечать его приближение, выдавая нежеланное за несуществующее. Именно такую ситуацию переживаем мы сейчас. Чувствуя и подозревая, что формирующееся в человечестве качественно новое состояние

несет с собою огромным массам людей нечто устрашающее, люди прилагают усилия к тому, чтобы не осознавать его, надеясь, будто тем самым могут предотвратить его. Но, увы, они уже опоздали: мы уже живем в "миг" истории, в котором новое качество стремительно складывается, и уже вряд ли кто в состоянии остановить этот процесс "скачка".

Эволюция социальных объектов включает в себя, как я уже сказал, возникновение качественно новых, более высоких уровней организации. При этом имеет силу закон "снятия" или диалектического отрицания. Заключается он в следующем. Возникновение более высокого уровня организации социального объекта означает, что некоторые явления более низкого уровня исчезают ("отрицаются"), а некоторые сохраняются в новом состоянии в "снятом" виде, т.е. в виде, "очищенном" от их исторических форм, преобразованном применительно к новым условиям и "подчиненном" явлениям нового состояния. В таком "снятом" виде сохраняются те явления предшествующего состояния, без которых новый уровень невозможен. Отбрасываются те явления, которые препятствуют переходу на новый уровень. Так осуществляется историческая преемственность состояния и непрерывность процесса. Одновременно происходит перерыв непрерывности путем отбрасывания старого.

В эволюционном процессе бывает, что несколько таких снятий (отрицаний) следуют во времени друг за другом в одном социальном объеме. В этой связи я ввожу понятие эволюционного расстояния: это - число снятий между двумя состояниями объектов во времени. Вполне логично принять такое утверждение как аксиому: чем больше (меньше) эволюционное расстояние между двумя объектами, тем меньше (больше) влияние законов предшествующего на последующий. Действие этого закона в случае больших эволюционных расстояний очевидно. Например, при рассмотрении социальных явлений мало кто считается с законами биологических клеток, молекул, атомов, электронов. Но при этом многие пытаются свести социальные явления к явлениям высокоразвитых живых организмов (социальная биология).

При возникновении более высокого уровня организации возникают новые явления, каких не было на предшествующем уровне, - совершается эволюционный шаг вперед (или вверх). Но за это приходится "платить", т.е. отказаться от каких-то достижений предшествующего состояния. Происходит, как я уже сказал, отрицание предшествующего уровня. Если эволюция идет дальше и происходит подъем на еще более высокий уровень, совершается второе снятие и второе отрицание - отрицание отрицания. Поскольку социальная эволюция есть эволюция объединений наделенных сознанием существ, а возможности осознаваемых преобразований логически ограничены, то отрицание отрицания выступает в некоторых чертах как отрицание каких-то черт предшествующего состояния, явившегося результатом первого отрицания, и как возврат к некоторым чертам состояния, предшествовавшего первому отрицанию, причем к чертам, отвергнутым первым отрицанием. В наше время действие этого закона очевидным образом можно наблюдать в грандиозных масштабах в процессах, происходящих в бывшем коммунистическом и в западном мире.

В эволюции социальных объектов имеют место два аспекта - внешний и внутренний. В первом из них объекты эволюционируют как части более сложных объектов и под влиянием внешних факторов, а во втором - как автономные явления в силу внутренних закономерностей. Для характеристики второго аспекта употребляется понятие "развитие". Развитие объекта (в моем словоупотреблении) есть раскрытие или развертывание его внутренних изначальных потенций. Эти потенции могут быть незначительными или значительными. Но не бесконечными. Они имеют потолок, исчерпываются. В большинстве случаев объекты сравнительно быстро достигают потолка, изначально predetermined заложенными в них потенциями. И если они не погибают и не деградируют, они

консервируются в одном состоянии "навечно". Лишь некоторые имели и имеют значительные потенции развития. Но, повторяю, и для них есть потолок.

Если социальный объект разрушается внешними силами, но сохраняются образовывавшие его люди и условия их выживания, то из остатков объекта в случае надобности возникает новый объект, максимально близкий по социальному качеству к разрушенному. Происходит это в силу законов регенерации, о которых я упоминал мельком выше: люди восстанавливают то, чему обучены, что способны делать.

Эволюция социальных объектов есть процесс многомерный. В особенности это касается больших человеческих масс. В одной и той же массе людей одновременно происходят самые разнообразные эволюционные процессы, идущие в разных измерениях, в разных направлениях, порою - противоположных, по разным путям. Они переплетаются, взаимодействуют, препятствуют или способствуют друг другу, порою обособляются, обрываются. Наблюдатели видят их совокупное проявление и совокупные результаты. Они пытаются втиснуть их в некую одномерную и упрощенную схему. Так возникали и возникают многочисленные исторические, социологические и философские концепции эволюции человечества, отмечающие отдельные стороны процесса и абсолютизирующие их. А получить из совокупности этих концепций картину многомерной эволюции человечества в такой же мере возможно, в какой возможно из тысячи мышей сложить одного слона.

Эволюция больших человеческих масс не есть процесс, одинаковый для всех их частей, происходящий с одинаковой скоростью и равномерно распределенный. Ее можно представить себе в виде трясины, из которой вырастают и переплетаются побеги социальной жизни. Они как бы устремляются вверх, к Солнцу. В этой трясине живой социальной материи образуются участки, которые становятся своего рода "точками роста". За ними тянутся и другие части этой материи. Проходит время, совершаются бесчисленные драматические события, прежде чем значительные куски социальной материи вовлекаются в процесс роста. И нужны столетия, чтобы значительная масса человечества вовлеклась в этот процесс.

Эволюционный процесс имеет определенную направленность. Она не есть результат некоего свободного выбора. Она определяется в результате ожесточенной борьбы различных сил в течение десятилетий и веков. В этой борьбе бывают периоды, играющие решающую роль в определении направления эволюции, - переломные эпохи. Если направление эволюции в основных чертах уже определилось, то вступают в силу объективные социальные законы, делающие степень предопределенности исторического процесса довольно высокой, порою близкой к фатальному максимуму.

Эволюция социальных объектов происходит в конкретных исторических условиях. Многое, имеющее место в этом процессе, безвозвратно исчезает в прошлое. Но не все. Что-то остается в структуре и в свойствах сложившихся объектов, причем остается насовсем. Это "что-то" образует качество объектов. История объекта воспроизводится в жизни объекта в "сокращенном" и "очищенном" от исторических форм и случайностей виде. История объекта как бы сжимается в его качество. Это, как мы увидим в дальнейшем, важно иметь в виду при прогнозировании будущего социальных объектов.

ЛОГИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ

Социальные объекты суть объекты эмпирические. К ним применимы общие методы эмпирических исследований. Но они обладают чертами, отличающими их от других

эмпирических объектов. Естественно, что тут имеются свои особенности в отношении способов исследования. Ниже я рассмотрю эти особенности лишь с точки зрения теоретического исследования, т.е. особенности чисто логических приемов, для которых не нужно никаких лабораторий и приборов, достаточно лишь мозга и органов чувств отдельного исследователя.

Для исследователя-теоретика не нужны и методы "конкретной" социологии, ибо то, что они могут дать ему, может быть известно, стать известным или выяснено чисто логически и без них. Например, ему не надо ломать голову над тем, кто именно будет выбран президентом США, ибо он и без этого заранее знает, что кто-то будет выбран, и кто бы ни был выбран, социальный строй США и тип политической системы от этого не изменится.

Исследователь-теоретик должен принять как аксиому, что самые глубокие тайны значительных социальных явлений не спрятаны где-то в подвалах здания общества, за кулисами политической сцены, в секретных учреждениях и в кабинетах сильных мира сего, а открыты для всеобщего обозрения в очевидных фактах повседневной жизни людей. Люди не видят их главным образом потому, что их мозги "повернуты" не в ту сторону, что они не хотят видеть очевидное или признать видимое за нечто значительное. Во всех сенсационных разоблачениях неких тайн и скрытых пружин человеческой жизни и истории не было сделано ни одного серьезного научного открытия. В них вообще истины содержится не больше, чем способен заметить здравомыслящий и непредубежденный ум в самых заурядных житейских делах.

Современный мир перенасыщен информацией. Все то, что необходимо для работы ума исследователя-теоретика, имеется в изобилии. И даже при хаотическом и спорадическом ознакомлении с информацией об интересующих его объектах исследователь-теоретик, имеющий на плечах голову с определенным "поворотом мозгов", в состоянии открыть для себя самые глубокие механизмы социальных объектов. В принципе любая достаточно обширная и разнообразная информация об этих объектах содержит в себе материал, необходимый и достаточный для научного подхода к ним.

Работа исследователя-теоретика не есть механически-канцелярская рутина вроде той, какую выполняют бесчисленные специалисты в "конкретной" социологии. Это - работа творческая. Она включает в себя пробы наугад, ошибочные пути, пересмотр многих мыслимых вариантов, удачу, случайности, отказ от вроде бы найденных решений и т.п. Ему приходится манипулировать в сознании с большим числом объектов и понятий, чтобы получить логически последовательную и согласованную в деталях картину сложной и изменчивой реальности. С этой точки зрения его работа наполняет работу дирижера большого оркестра. Только он, в отличие от дирижера, имеет дело не с послушными и поддающимися обучению людьми, а с неподвластными его воле объектами.

В работе исследователя-теоретика далеко не все поддается организации, упорядочиванию. Но все же имеются некоторые приемы и правила, облегчающие его поиски истины. Сейчас я сделаю несколько пояснений на этот счет, дабы читатель составил предварительное представление о характере приемов логической методологии.

СРЕДСТВА ПОЗНАНИЯ И ПОЗНАВАЕМОЕ

Исследуемые объекты обладают какими-то признаками. И применяемые исследователем средства тоже обладают своими признаками. С помощью этих средств исследователь отражает признаки познаваемых объектов, создает их субъективные образы. Но признаки наших познавательных средств не являются отражениями (образами) признаков познаваемых объектов. Кажется, это должно быть очевидно. Например, тот факт, что наши

суждения об объектах состоят из понятий и логических операторов, обусловлен свойствами употребляемых нами знаков, а не свойствами обозначаемых ими объектов. Свойства микроскопа, с помощью которого мы разглядываем бактерии, не являются образами свойств бактерий. Но в практике познания всегда имела место и до сих пор имеет место чудовищная путаница на этот счет. Далеко не всегда можно строго различить, что идет от средств познания и что от познаваемых объектов. Объективизация субъективного и субъективизация объективного суть обычные явления даже в рамках науки, не говоря уж о том, что творится вне ее. Классическим примером на этот счет может служить ситуация в современной физике. Объективизация субъективных средств измерения пространственно-временных характеристик и отношений физических объектов, какую тут можно видеть на высшем уровне науки, ничуть не уступает мракобесию прошлого, порожденного невежеством. Огромный вклад в путаницу, о которой идет речь, внесли некоторые философы, замутнив своим логически безграмотным словоблудием довольно простые проблемы.

В сфере социальных исследований четкое различие того, что познается, и того, какими средствами это "что" познается, особенно важно по той причине, что тут, как я уже отмечал, затруднены и даже вообще невозможны лабораторные эксперименты и специально организованные опытные наблюдения, какие используются в естествознании. Тут их заменяют средства мысленного эксперимента (абстракции, допущения, рассуждения) и логическая обработка эмпирических данных. А возможности манипулирования объектами в мыслях и в их словесном выражении являются почти неограниченными. Тут людей не могут остановить никакие материальные преграды (ничего не стоит допустить, будто их нет) и никакие правила логики и методологии науки, в особенности если эти правила им не известны, их игнорирование никак не наказывается или если перед ними стоят цели, ради которых они готовы на умышленную фальсификацию реальности. С другой стороны, сами социальные объекты зачастую таковы по самой своей природе, что описание их такими, какими они являются на самом деле, т.е. независимо от применяемых нами средств их познания, просто невозможно без фиксирования самих этих средств в их описании. Тут ситуация сходна с той, какая имеет место в ряде физических исследований, когда приборы становятся элементом характеристики самих объектов. Так что если мы хотим познать социальные объекты такими, какими они являются независимо от применяемых нами средств познания, мы должны не просто отвлекаться от этих средств, а должны достаточно четко представлять себе, какими именно средствами мы вынуждены при этом оперировать и каковы свойства самих этих средств.

Трудность тут заключается в том, что средства познания в конкретном исследовании некоторого социального объекта выражаются (фиксируются) в том же языке, что и получаемые с их помощью знания об объекте. Они различаются лишь по роли в едином тексте, а это далеко не всегда заметно. Те, кто плохо знаком с логическими средствами познания, вообще не замечают тут принципиальное различие. Возьмем такой простой (и упрощенный) пример. В утверждении "Ищущий работу человек отдает предпочтение такому месту, где, при прочих равных условиях, больше платят" слиты воедино фиксирование средств познания, относящихся к исследователю, и результата познания, относящегося к познаваемому объекту. Различие, о котором идет речь, заметнее в тексте, содержащем допущение "Допустим, что имеется два или более места работы, которые, с точки зрения ищущего работу, одинаковы во всем, кроме оплаты", во-вторых, утверждения относительно людей, ищущих работу и, в-третьих, умозаключения, в результате которых получается вывод о том, что ищущий работу человек предпочтет то место, где больше платят. Но и в этом случае требуется известный навык в оперировании логическими

средствами. В более сложных случаях исследователям приходится иметь дело с многочисленными операциями, которые обычно не выражаются явно и даже не осознаются, приходится вести исследование по многим линиям и на разных уровнях. Различение того, что познается, и того, как познается, оказывается не по силам даже искушенным исследователям.

ОБНАРУЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ

Эмпирические объекты обнаруживаются с помощью органов чувств. Но это не значит, что органов чувств всегда достаточно для этого. Зачастую нужны приборы, усиливающие органы чувств, и сложные интеллектуальные операции, обрабатывающие данные наблюдений и экспериментов. В отношении социальных объектов это особенно важно иметь в виду. Эти объекты, как правило, не выражены явно, разбросаны в пространстве и времени, перепутаны с другими объектами, находятся в стадии становления или в переходных ситуациях, умышленно скрываются. Возникают многочисленные социальные объекты, которые играют важную роль в жизни людей, порою - решающую, но существование которых даже умышленно отрицается. Зачастую требуются трудоемкие исследования, чтобы обнаружить их и привести факты, подтверждающие их существование. Да и эти факты не убеждают, если какие-то влиятельные силы не принимают решение признать их. Порою существование каких-то объектов очевидно для всех, но они считаются несуществующими. В большинстве случаев понятие "существует" вообще не определено достаточно строго с логической точки зрения, так что отсутствуют критерии проверки (подтверждения или опровержения) суждений с этим словом.

Самый простой социальный объект - отдельный человек.

Он является социальным объектом лишь как член объединения себе подобных, в котором он занимает определенное положение, играет какую-то роль, выполняет какую-то функцию. Это - по определению выражения "социальный объект". А чтобы это "увидеть", надо увидеть множество его действий, каких-то других людей и их действия. Надо как-то сгруппировать это в сознании в целое. А это - сложная (сравнительно с чувственными образами) познавательная операция. И еще более сложные операции требуются для того, чтобы "увидеть" объединения людей в некоторое целое. Тут нужно наблюдать множество людей, множество их действий, связи этих действий.

Социальный объект существует эмпирически не как одноактная совокупность действий некоторого множества людей, а как периодически совершающаяся совокупность таких действий, как периодическое самовоспроизводство с сохранением основных черт, определяющих характер этого объекта. Возьмем в качестве поясняющего примера отделение банка. Чтобы оно появилось, нужно решение каких-то ответственных лиц. Все социальные объекты так или иначе возникают с участием сознания людей и их волевых решений. Нужно было, далее, помещение для работы сотрудников отделения банка, нужно было отобрать этих сотрудников и нанять их. Сотрудники работают в этом помещении определенное время. Они совершают определенные операции по обслуживанию клиентов. Клиенты знают, где расположено отделение банка, какие операции совершает, когда открыто (в какое время там собираются сотрудники и работают). Одним словом, этот объект существует не как некое застывшее и неподвижное состояние слитных в одно пространственно ограниченное целое частичек (вроде дома, дерева, камня), а как жизнедеятельность большого числа передвигающихся в пространстве и времени людей, которые совершают многочисленные поступки, жизненные линии которых лишь иногда

пересекаются в одной "точке", именуемой таким-то отделением банка. Эта "точка притяжения" множества людей и образует особый социальный объект.

Гораздо сложнее дело обстоит с такими объектами, как экономика, система власти, классы, партии, идеология, общество, цивилизация и т.п. Если в естественных науках для обнаружения объектов зачастую требуются сложнейшие приборы (как, например, для открытия атомов, электронов, хромосом, генов), то в сфере социальных объектов для этого порою требуются сложнейшие логические операции и преодоление всякого рода предрассудков и запретов. Порою все элементы объекта по отдельности бывают известны и очевидны, но то, что они образуют некий единый объект, остается неявным. И требуются особые интеллектуальные операции, чтобы открыть скрытое единство в очевидных фактах. Главный познавательный инструмент в социальных исследованиях - логические приемы познания.

МЫСЛЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

В сфере социальных исследований затруднен и, как правило, вообще исключен лабораторный эксперимент в том виде, в каком он применяется в других эмпирических (опытных) науках. Его место тут занимает мысленный эксперимент. Он осуществляется как совокупность абстракций, допущений, операций с понятиями и суждениями. Для них имеются особые правила, которые определяют пределы абстракций и допущений, порядок рассмотрения объектов, способы введения понятий, характер умозаключений и т.д. Приведу несколько примеров.

Нельзя отвлекаться от признаков объектов, которые указываются в определениях объектов, так как без этих признаков они не могут существовать. Нельзя допускать соединение объектов, признаки которых логически исключают друг друга, так как такие соединения невозможны логически, а значит, и эмпирически. Нельзя принимать допущения, противоречащие социальным законам объектов. Если вы посмотрите с этой точки зрения на сочинения и разговоры на социальные темы, вы вряд ли найдете хотя бы одно, в котором такого рода правила не нарушались бы. С этой точки зрения все сочинения о будущем человечества логически абсурдны, так как в них допускаются объекты с логически несовместимыми признаками, а признаки, без которых объекты невозможны, исключаются из рассуждений.

Мысленный эксперимент принимает самые разнообразные формы. Это, например, извлечение объектов из связи с другими, помещение их в связи с другими, расчленение на части и объединение частей в целое, упрощение, осреднение и т.д. Часто требуется прием рассмотрения объектов в "чистом" (т.е. в идеализированном) виде. При этом происходит отвлечение от всех признаков и связей объектов, за исключением тех, которые фигурируют в определениях их понятий.

Частным случаем выделения объекта в "чистом" виде является выбор в реальности для исследования такого экземпляра из объектов данного рода, который наиболее близок к абстрактному ("чистому") образцу. Такие экземпляры считаются классическими. Например, для изучения капитализма Маркс выбрал в качестве такого образца его состояние в Англии тех лет, а Токвиль рассматривал США как образец демократии. Добавлю к этому то, что советский социальный строй мог служить классическим образцом реального коммунизма. В Советском Союзе коммунистическую социальную организацию можно было наблюдать почти как в лабораторных условиях.

Компонентами логической методологии являются правила последовательности рассмотрения сложных объектов. В истории науки были предложены методы перехода от

простого к сложному (Декарт), гипотетико-дедуктивный метод (Милль), метод восхождения от абстрактного к конкретному (Гегель, Маркс) и другие. Скажу кратко о них.

ОТ ПРОСТОГО К СЛОЖНОМУ

Требование переходить от простого к сложному при рассмотрении какой-то совокупности объектов само по себе является неопределенным и примитивным назиданием скорее педагогического, чем методологического характера. В моей логической социологии оно, однако, приобретает вид работающего методологического приема. Суть его в двух словах такова. При исследовании сложных человеческих объединений необходимо выделить (найти) простейшие объекты (своего рода социальные атомы), путем комбинаций которых и эволюции этих комбинаций образуются прочие интересующие нас объекты. Грубо говоря, все сложное в мире есть нагромождение, комбинирование, взаимодействие простого. Отношение простого и сложного имеет место в определенных рамках. Образование сложных объектов из простых происходит по определенным объективным законам - по законам социальной комбинаторики. На эту тему мы будем неоднократно говорить в дальнейшем.

ОТ ГИПОТЕЗ К РЕАЛЬНОСТИ

Гипотезы, используемые в исследовании социальных объектов, можно разделить на формально-эвристические и содержательно-эмпирические. Вот несколько примеров первых: все в социальном мире есть результат нагромождения простых явлений; можно логически вычислить все возможные объекты определенного рода, исходя из определений их простейших форм; люди не способны создать социальные объекты, которые невозможны или невычислимы логически; реальные социальные объекты суть лишь реализации логически мыслимых возможностей в тех или иных конкретных ситуациях; все социальные объекты измеримы и выразимы в величинах; для любых логически допустимых комбинаций величин объектов в принципе возможно изобретение правил вычисления их суммарного эффекта, достаточно близкого к реальности. Такие гипотезы влияют на то, как исследователь будет строить свое исследование. Но они не входят в содержание социологических теорий, получающихся в результате исследований конкретных социальных объектов.

Гипотезы второго типа суть допущения относительно исследуемых объектов. Такие допущения либо вообще невозможно проверить сами по себе, либо противоречат эмпирическим фактам. Принятие их оправдывается тем, что благодаря им становится возможной дедукция в данной области науки и получаются нужные следствия. Эти допущения в своей основе суть абстракция, т.е. решения не принимать во внимание какие-то признаки исследуемых объектов или принимать во внимание только такие-то признаки объектов. Например, все объекты данного класса могут приниматься как различающиеся только по положению в пространстве, как абсолютно независимые друг от друга и т.п. Очевидно, намерения исследователя не имеют значений истинности. Их нельзя подтвердить или опровергнуть. Их можно только оправдать или нет в зависимости от их последствий. И хотя они сами по себе могут быть заведомо ложными, неопределенными и даже непроверяемыми, получаемые с их помощью следствия могут считаться истинными.

Например, в научном исследовании некоторого общества следует допустить, что оно разделяется на стандартные социальные ячейки, имеющие стандартную структуру; что

граждане отдают все свои силы обществу через такую ячейку и через нее получают все жизненные блага; что социальное положение человека адекватно его вкладу в общество; что вознаграждение производится в соответствии с трудовым вкладом индивида и его социальным положением и т.д. Такое общество, разумеется, не существует в реальности. Но мы можем постепенно учитывать реальные обстоятельства, деформирующие наш идеальный, абстрактный образец, и выводить следствия, проверяемые реальными фактами. И судьба наших исходных допущений зависит от того, насколько выводимые из них и с их помощью следствия соответствуют реальности, насколько точно и полно построенная на основе таких допущений теория позволяет предвидеть будущие события.

ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ

Одни и те же объекты выглядят различно, когда рассматриваются в связи с другими объектами и когда извлекаются из этой связи и рассматриваются в "чистом" (идеализированном, абстрактном, воображаемом) виде. Знания, которые исследователь получает в первом случае, назовем конкретными, а получаемые во втором случае - абстрактными. Когда эти знания разорваны, не образуют элементы единого процесса познания, они выглядят как логически несовместимые. Одно дело, например, абстрактные знания о капитализме, демократии, рынке, конкуренции, коммунизме, планировании и т.п., и другое дело - конкретные знания об этих же самых явлениях в их реальности. В первом случае упомянутые явления рассматриваются в идеализированном виде даже в том случае, когда принимаются во внимание их существенные черты. Во втором случае эти же явления рассматриваются со всеми их достоинствами и недостатками, какие можно наблюдать в их конкретной реальности. И очень часто конкретные представления об объектах противопоставляются абстрактным представлениям о них так, как будто реальные объекты в их конкретном виде суть "неправильные" реализации неких "правильных" образцов. Считается, например, что реальная западная демократия и экономика есть нарушение некоей правильной демократии и экономики, что в Советском Союзе был неправильно построен некий правильный коммунизм. А между тем тут имеют место одни и те же объекты, только рассматриваемые различно, и при этом конкретные "неправильности" суть реальное проявление абстрактных "правильностей".

Пусть перед исследователем стоит задача теоретического исследования социального объекта такого рода, как упомянутые выше. Он получает множество разнообразных сведений о нем из личного жизненного опыта и личных наблюдений, от других людей, из средств массовой информации, из книг, из лекций и т.д. Это - исходный пункт его исследования и постоянный источник информации. Его цель - не беспорядочное барахтанье в этом море информации о конкретном состоянии объекта, а нахождение определенного упорядоченного (систематизированного) его понимания. Это - конечный пункт его исследования и постоянный ориентир в блужданиях в море информации. Чтобы проделать этот путь, исследователь должен одновременно мысленно двигаться в двух аспектах, которые противоположно направлены, но неразрывно связаны и совместно ведут к одной цели. Первый из них - путь от конкретного к абстрактному, второй - от абстрактного к конкретному.

Отношение этих путей не является таким, будто сначала совершается один, а затем другой. Дело тут не в последовательности, а в другом. Дело в том, что сложный процесс исследования состоит из множества более или менее целостных актов (блоков). В каждом акте имеют место оба рассматриваемых аспекта исследования. Они имеют место и в

исследовании в целом. В первом аспекте исследователь, имея перед собой конкретную реальность, стремится найти в ней (выделить мысленно, абстрагировать) такие объекты и такую их упорядоченность, исследование которых даст возможность найти объяснение явлений реальности и построить целостное, логически связанное описание этой реальности. Это осуществляется как совокупность проб. Не все они могут быть удачными. В конце концов одна может быть удачной. Причем удачность ее устанавливается движением мысли во втором аспекте, исходящем из результатов исследования выбранных в первом аспекте объектов.

В первом аспекте исследователь обеспечивает возможность введения определений абстрагированных объектов. Эти определения становятся явными или неявными аксиомами. В этом аспекте исследователь обеспечивает также возможность открытия законов исследуемых объектов. Во втором аспекте исследователь выясняет, как эти законы согласуются с конкретной реальностью. Это происходит как исследование, упорядоченное определенными правилами методологии науки. Именно совокупность этих правил определяет процесс исследования в целом. Последний выглядит как движение мысли от абстрактного к конкретному. Первый аспект остается неявным, предполагаемым как нечто само собой разумеющееся, но в структуре полученного знания не фиксируемое.

Представим себе простейшую познавательную ситуацию: нам нужно изучить объект А, который существует в связи с объектом В и испытывает его воздействие. Мы должны отвлечься от В. Но не просто игнорировать его, а мысленно допустить, будто В не действует на А, и рассмотреть А при этом допущении. Изучив А таким образом, мы получим некоторое знание Х об А. Следующим шагом нашего исследования пусть будет решение рассмотреть А при том условии, что на него действует В. При этом мы не просто получаем какое-то новое знание об А, логически не связанное с Х, а вносим некоторый корректив в Х с учетом В. Полученное таким путем знание У будет конкретизацией Х. Знание Х по отношению к У мы оцениваем как абстрактное, а У по отношению к Х - как конкретное. Переход от Х к У есть простейший случай перехода (восхождения) от абстрактного знания к конкретному. При этом должны быть использованы или изобретены вновь какие-то логические правила получения У на основе Х.

Обращаю внимание на две особенности получаемого таким способом знания. Первая особенность: мы получаем не два различных знания наряду друг с другом, а одно целостное, но внутренне расчлененное знание, между компонентами которого имеет место определенная логическая связь. Вторая особенность: фиксирование способа получения знания тут является частью знания, поскольку операции с объектами осуществляются как мысленные, а не реальные, и поскольку без этого утверждения об объекте лишены смысла. Фиксирование способа исследования объекта становится частью описания самого объекта.

Более сложные случаи - рассматривается взаимное воздействие объектов друг на друга, принимается во внимание большое число объектов и т.д. При исследовании сложных объектов операции перехода от абстрактного к конкретному совершаются по многим линиям и в несколько этапов. Эти операции разнообразятся в зависимости от характера объектов, их связей и видов логических правил переходов. Процесс познания и изображения объекта оказывается многомерным и многоступенчатым движением мысли от предельно абстрактных оснований ко все более конкретной картине объекта.

Восхождение от абстрактного к конкретному предполагает логические операции - анализ и синтез, мысленный анализ объектов и синтез получаемых в анализе знаний. Знания, получаемые в анализе, являются абстрактными по отношению к тому знанию, которое получается в результате их синтеза. Последнее является конкретным по отношению к предыдущим. Конкретное (синтетическое) знание является не простой суммой абстрактных (аналитических) знаний, а новым знанием, получаемым из абстрактных посредством

специально изобретенных для этого логических операций. Эти операции специально изобретаются такими, чтобы результат их применения удовлетворял критериям соответствия некоторой эмпирической реальности. Поясню эту ситуацию такой абстрактной схемой.

Пусть дана ситуация, в которой участвуют три объекта А, В и С. В результате анализа выделяются две связи - связь А и В (обозначим ее Х) и связь А и С (обозначим ее У). Исследование Х при условии отвлечения от У (ее мысленно исключаем) дает знание М. Исследование У при условии отвлечения от Х дает знание N. Исследователь изобретает особые правила, с помощью которых из знаний М и N логически выводится знание О. Классический конкретный пример для этого - известное из школьных учебников правило параллелограмма сил в физике.

Идеи метода восхождения от абстрактного к конкретному не получили признания в теоретической социологии. В "конкретной" социологии рассмотренные приемы анализа и синтеза растворились в математических методах в отношении конкретных проблем. А в теоретической социологии по-прежнему доминирует примитивная схема: с одной стороны - конкретность, понимаемая как рассмотрение явлений реальности в том виде, в каком они предстают перед наблюдателем непосредственно в данных ему условиях ("ползучий эмпиризм"), а с другой стороны - абстрактность, понимаемая как выдумывание беспредельно общих теоретических концепций путем скачка от эмпирических явлений к высотам абстракции. Работа ума, опосредующая эти логически разорванные крайности, выпадает как непосильная, ненужная и даже порою запретная.

МОДЕЛИ

В сочинениях на социальные темы часто употребляют слово "модель" в отношении абстрактного знания в рассмотренном выше смысле. Это словоупотребление в данном случае совершенно неуместно. С точки зрения логики и методологии науки модель есть имитация существующего или проектируемого объекта, создаваемая для решения каких-то проблем, касающихся моделируемого объекта, не путем непосредственного изучения самого объекта (его может и не быть в реальности), а путем манипуляций с моделью как со своего рода заместителем объекта. Модель специально создается или выдумывается такою, чтобы имело место соответствие ее и объекта по определенным признакам и чтобы можно было из знаний, полученных на модели, по определенным (и заранее известным) правилам получить знания об объекте. Модель объекта не есть знание об объекте. Это средство получения знания об объекте. Абстрактное же знание, о котором говорилось выше, есть именно знание об объекте. И правила согласования абстрактного и конкретного знаний суть правила совсем иного рода, чем правила моделирования. Это суть правила, образующие в совокупности метод восхождения от абстрактного к конкретному.

В наше время модели в явном или неявном виде широко применяются в социальных исследованиях, в особенности - знаковые (компьютерные). Но при всех обстоятельствах модели не заменяют социальные теории.

ТЕОРИИ

Слово "теория" многосмысленно. Теориями называют всякие более или менее общие и обширные совокупности понятий и утверждений, объединенных в некоторое связанное целое. Я называю научной социальной теорией совокупность понятий и утверждений, которая

удовлетворяет следующим требованиям: 1) она относится к определенному типу объектам (к определенной предметной области); 2) она удовлетворяет критериям логики и методологии науки; 3) она дает научное объяснение определенному множеству эмпирических явлений и позволяет делать подтверждающиеся прогнозы.

В практическом исполнении эти требования могут быть выполнены лишь с той или иной степенью приближения к логическому идеалу, начиная от исходного стремления в чем-то следовать им и кончая строго математизированными конструкциями, какие встречаются в так называемых точных науках.

ИССЛЕДОВАНИЕ И ИЗЛОЖЕНИЕ

Систематизированное изложение знаний, получаемых в процессе исследования объектов, есть не просто запись итога познания, а важная часть исследования. В теоретических социальных исследованиях эта часть является важнейшей, решающей. При этом должны быть четко осознаны и отработаны средства исследования, доведена до логического конца их роль в познании.

Конечно, имеются различия между тем, как исследователь фактически шел к своим результатам, и тем, как он излагает эти результаты для других (для предания гласности). Эти различия очевидны. Нет надобности говорить о них. С точки зрения логической социологии основной принцип изложения знаний заключается в следующем: изложение есть запись (фиксирование) процесса исследования в форме, очищенной от превратностей конкретной деятельности исследователя и максимально приближенной к его логическим закономерностям. Можно сказать, что изложение есть экспликация логического аспекта исследования.

Объектами нашего внимания являются человеческие объединения. Они многочисленны и разнообразны. Нужен какой-то порядок в их рассмотрении. В качестве исходного пункта выбрать такие, рассмотрение которых может послужить основой для рассмотрения других. С моей точки зрения, ключевым к познанию и описанию человеческих объединений, их взаимоотношений и эволюции может послужить рассмотрение того типа объединений, конкретными образцами которого являются современные высокоразвитые страны, именуемые довольно часто национальными государствами. Я буду употреблять для обозначения объединений этого типа слово "общество".

Слово "общество" неоднозначно. Оно употребляется в десятках различных смыслов (значений), начиная от названий небольших групп людей (общества охотников, филателистов, спортсменов и т.п.) и кончая всем многомиллиардным человечеством (употребляется выражение "Глобальное общество"). И никакое из этих словоупотреблений не является единственно правильным ("подлинным"). Но и отказаться от этого слова на том основании, что оно многосмысленно, нельзя. На таком основании пришлось бы вообще отказаться от привычного разговорного языка и употреблять только специальные символы. Но чтобы сделать эти символы понятными читателям, мы должны были бы прибегнуть именно к тем многосмысленным словам, от которых отказались. Так что мы вольно или невольно обречены на экспликацию понятия "общество". В чем заключается операция экспликации, мы рассмотрели в первой части.

Я осуществляю эту экспликацию в два этапа. На первом этапе я выделяю из множества человеческих объединений такие, которые буду называть человеичниками. На втором этапе я выделяю из множества человеичников такие, которые буду называть обществами. Человеичники более низкого эволюционного уровня, чем общества, я буду называть предобществами (или дообществами), а более высокого уровня - сверхобществами.

Разумеется, с терминологической точки зрения можно было бы поступить иначе, а именно - назвать обществами любые человеческие объединения, которые я называю человеичниками, и различать типы обществ, дав им особые названия. Но суть дела от этого не меняется. Если читателю не нравится мое словоупотребление, он вправе переименовать все рассматриваемые здесь объекты на свой лад. Важно лишь то, чтобы каждый раз было однозначно определено, о чем именно идет речь, и чтобы можно было достаточно четко установить сущность происходящего перелома в социальной эволюции человечества, которая, на мой взгляд, заключается в переходе от эпохи обществ к эпохе сверхобществ. Именно переходный характер эпохи, в которую мы живем, делает особенно важным логико-методологический аспект ее познания.

Часть вторая

ЧЕЛОВЕИЧНИК

ЧЕЛОВЕИЧНИК

Человеичником я называю объединение людей, обладающее следующим комплексом признаков. Члены человеичника живут совместно исторической жизнью, т.е. из поколения в поколение, воспроизводя себе подобных людей. Они живут как целое, вступая в регулярные связи с другими членами человеичника. Между ними имеет место разделение функций, они занимают в человеичнике различные позиции. Причем эти различия лишь отчасти наследуются биологически (различие полов и возрастов), а главным образом они приобретаются в результате условий человеичника. Члены человеичника совместными усилиями обеспечивают самосохранение человеичника. Человеичник занимает и использует определенное пространство (территорию), обладает относительной автономией в своей внутренней жизни, производит или добывает средства существования, защищает себя от внешних явлений, угрожающих его существованию. Он обладает внутренней идентификацией, т.е. его члены осознают себя в качестве таковых, а другие его члены признают их в качестве своих. Он обладает также внешней идентификацией, т.е. люди, не принадлежащие к нему, но как-то сталкивающиеся с ним, признают его в качестве объединения, к которому они не принадлежат, а члены человеичника осознают их как чужих.

Таким образом, не всякое объединение людей есть человеичник. Скопление людей на стадионе, демонстрация, армейское подразделение, монастырь, союз охотников или писателей, коллектив сотрудников учреждения, партия и т.п., все эти объединения человеичниками не являются. Они суть явления в человеичниках, но не человеичники согласно нашему предварительному (ориентировочному) определению. Это определение именно ориентировочное. Цель его - дать предварительное представление читателю, о каких объектах пойдет речь. А эксплицитное определение понятия "человеичник" читатель получит, прочитав эту часть книги до конца.

Эволюционными предшественниками человеичников являются известные стада и стаи животных, а также объединения вроде муравейников. Слово "человеичник" я ввел по аналогии со словом "муравейник". Предшественниками не в том смысле, будто человеичники произошли от этих объединений живых существ, а в смысле эволюционной классификации: если расположить такие объединения в некоторый вертикальный ряд по степени развитости, то человеичники будут возвышаться над ними.

От объединений насекомых и животных человеичники отличаются материалом (веществом, материей) и его организацией. Материал человеичника образуют люди и все то, что создается, используется ими в их жизни, - орудия труда, жилища, одежда, средства транспорта и связи, технические сооружения, домашние животные, культурные растения и прочие материальные явления (предметы). Назовем это материальной культурой.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ЧЕЛОВЕИЧНИКА

Человеческий материал человеичника образуют люди. Они явились результатом длительной эволюции. Мы предполагаем как исторически данные их способности совершать сложные и разнообразные действия, преобразовывать окружение применительно к своим потребностям, использовать вещи как орудия деятельности, изготавливать орудия, создавать искусственные сооружения, действовать коллективно, заимствовать и имитировать достижения других людей, накапливать материальные средства и навыки действий, обучаться и совершенствовать навыки, обучать других, познавать реальность, предвидеть последствия действий и планировать их, закреплять результаты познания в знаках (символах), общаться посредством знаков и многие другие способности.

Коротко говоря, люди выделились из животного мира и образовали качественно новый уровень в эволюции живой материи благодаря таким трем способностям: 1) сохранять, накапливать и использовать результаты и средства познания окружающего мира независимо от биологически приращенных средств; 2) сохранять, накапливать и изобретать материальную культуру независимо от биологических способностей и готовых даров природы; 3) самоорганизовываться независимо от биологически наследуемой способности поведения. Мы можем это утверждать, глядя на историю человечества с высот ее результатов. Но мы вправе это делать, ибо то, что мы можем наблюдать теперь, есть результат развития именно того, благодаря чему люди выделились из животного мира и возвысились над ним.

Человеческий материал человеичника есть не просто сумма отдельно взятых людей. Он обладает свойствами как единое целое или по крайней мере содержит в себе такое ядро или основу. Для обозначения его буду употреблять слово "народ". Это слово также неоднозначно. Но я в него не вкладываю никакого иного смысла, кроме того, что оно обозначает множество образующих человеичник людей, взятое как целое.

Исторически народ и человек в том виде, как мы их можем наблюдать теперь, сложились в единстве. Человек возник и эволюционировал как член объединения себе подобных (как представитель народа), народ - как объединение и совместная жизнь таких существ. Но рассматривать их мы должны в какой-то последовательности. Я начну с человека.

СОЦИАЛЬНЫЙ АТОМ

Еще в древности была высказана мысль, что все в мире есть результат комбинирования некоторых элементарных частичек - атомов. Я принял это допущение в моей логической

социологии в отношении социальных объектов. Что считать социальными атомами, это напрашивалось само собой: люди. Но не просто люди со всеми теми свойствами, какие вообще у них можно обнаружить (таковых огромное число), а лишь со свойствами социально значимыми, т.е. с такими, которые непосредственно играют социальную роль, учитываются в определении человека как члена человеческого сообщества. Человек в качестве социального атома состоит из тела, способного выполнять необходимые для существования действия, и управляющего телом органа. Другими словами, человек в качестве социального атома обладает телом и сознанием, задача которого обеспечить поведение тела, адекватное условиям его жизни, и его самосохранение.

СОЗНАНИЕ

Хотя мы вступаем в XXI век, хотя человечество добилось баснословных успехов в познании бытия, до сих пор живет и даже преобладает взгляд на человеческое сознание как на особую идеальную (нематериальную) субстанцию, принципиально отличную от субстанции материальной (вещной). Это разделение духа и материи и лишение духа материальности из религии перешло в идеалистическую философию (или наоборот?), а из идеалистической философии - в "перевернутом" виде в философский материализм. На самом деле сознание людей (мышление, дух) есть явление не менее материальное, чем прочие явления живой и неживой природы. Никакой бестелесной (нематериальной, идеальной) субстанции вообще не существует. Сознание есть состояние и деятельность мозга человека со связанной с ним нервной системой. Идеи (мысли) суть состояния клеток мозга и комплексы вполне материальных знаков. И если люди при рассмотрении и переживании идей отвлекаются от всего этого или не отдают себе в этом отчета, если они абстрагируют лишь один аспект идей, а именно - аспект отражения мозгом и знаками явлений реальности, или сосредоточивают лишь на нем внимание, то это не означает, будто идеи на самом деле таковы. Таким путем можно навывдумывать любое число неких бестелесных субстанций, абстрагируя отдельные признаки предметов и приписывая им самостоятельное существование (длина, скорость, сила и т.п.). Надо заметить, что в наше время многие ученые на высотах науки в этом отношении ничем не отличаются от дикарей, попов и философов.

Человеческое сознание есть продукт длительной эволюции природы человеческих объединений. Прошли многие миллионы лет, прежде чем оно проделало путь от примитивного отражательного механизма одноклеточных организмов до сознания современного человека. Оно является сложнейшим феноменом, для научного понимания которого требуется достаточно высокий уровень специального образования и ума. Но это условие игнорируется. Сознание берется сразу в готовом виде и ищется простое и общедоступное объяснение. И оно находится в виде признания некоей бестелесной и даже бессмертной души или нематериальной (идеальной) субстанции. В наше время в связи с развитием интеллектуальной техники (компьютеров) появилось искушение рассматривать человеческое сознание по аналогии с компьютерами. При этом как будто специально позабыли о том, что компьютеры суть имитация сознания, причем лишь некоторых его элементов, что механизм сознания неразрывно связан с телом человека, каким не обладают компьютеры, что сознание включает в себя сопоставление его состояний с явлениями внешнего мира, чего нет в компьютерах, что сознание отдельного человека есть лишь частица суммарного и совместного сознания миллионов людей во многих поколениях и многое другое. Так что компьютерное "объяснение" не так уж далеко продвинулось вперед от признания бестелесного духа.

Обычно, говоря о сознании людей и целых человекоидов, имеют в виду содержание сознания (образы, мысли, идеи) и игнорируют аппарат сознания, без которого это содержание не существует. Положение тут подобно тому, как если бы мы захотели сохранить написанное на холсте масляными красками изображение, уничтожив материальные холст и краски, или сохранить описание событий в книге, уничтожив бумагу и типографскую краску, благодаря которой напечатаны буквы. Но изобретатели бестелесной души и нематериальной субстанции могут позволить себе нечто подобное, поскольку они свое игнорирование материального аппарата сознания компенсируют вполне материальными словами, с помощью которых говорят и пишут о якобы бестелесной душе или нематериальной субстанции. Любопытно, что осталось бы от их собственного нематериального сознания, если бы их лишили материальной головы и материальных средств выражения того, что творится в их мозгу?!

Человеческий аппарат сознания включает в себя прежде всего прирожденный (чувственный) аппарат, состоящий из головного мозга, нервной сети и органов чувств. Он обладает способностью создавать в себе чувственные образы явлений реальности (ощущения, восприятия), хранить их в себе (память), воспроизводить без непосредственного воздействия явлений внешнего мира, комбинировать из имеющихся образов новые (воображение, фантазия) и т.д. Этот аппарат сознания, как и создаваемое с его помощью содержание сознания (чувственные образы), неотделим от тела человека. Он передается по биологическому наследству. Он, конечно, развивается и совершенствуется по мере созревания, взросления и обогащения жизненного опыта человека. Но это не меняет того, что сказано о нем выше. Этот аппарат изучается психологами и физиологами. Я его предполагаю данным. И думаю, что читатель тоже имеет о нем представление, вполне достаточное для понимания последующего изложения.

Человеческий аппарат сознания включает в себя, во-вторых, искусственный, неприрожденный, непередаваемый по биологическому наследству аппарат, можно сказать, более высокого уровня - знаковый аппарат. Последний возникает на основе чувственного аппарата, предполагает его в качестве необходимого условия и средства, переплетается с ним. Чувственный аппарат испытывает влияние знакового. По мере разрастания знакового аппарата его роль становится настолько значительной, что он в какой-то мере и в каких-то случаях становится доминирующим.

Суть знакового аппарата, коротко говоря, заключается в том, что люди с помощью чувственного аппарата устанавливают соответствие между различными явлениями реальности и оперируют одними из них как своего рода заместителями или двойниками других. Первые в этом их отношении становятся знаками вторых. Со временем изобретаются или отбираются особого рода предметы, удобные для этой цели. Они отделимы от человека, легко воспроизводимы. Люди научаются из имеющихся знаков создавать новые. Изобретаются правила оперирования знаками. Этим правилам обучаются, они не наследуются от рождения. Эти знаки и правила оперирования ими передаются из поколения в поколение путем обучения. В своем чувственном аппарате люди оперируют чувственными образами знаков как заместителями обозначаемых ими предметов. Таким образом между предметом и его чувственным образом появляется знак предмета и чувственный образ знака в качестве посредников.

На рассмотренной основе развивается язык и способность оперировать языковыми знаками по особым правилам, включая логические операции. Знаки, включая знаки языка, суть все без исключения материальные (вещественные, осязаемые, видимые, слышимые) явления. Никаких нематериальных знаков не существует. Возможно такое, что из данных знаков образуется новый знак, для которого нет реального предмета или предмет остается лишь воображаемым (например, "ковер-самолет", "круглый квадрат", "всемогущий Бог").

Но невозможно такое, чтобы знак реального предмета был нематериален, т.е. невидим, неслышим, неосязаем. Считать знаки идеальными (нематериальными) образами материальных предметов есть вздорный предрассудок. Знакам в мозгу людей, оперирующих ими, соответствуют состояния и комбинации его клеток, а операциям со знаками - смена этих состояний и комбинаций. И никакой нематериальной (идеальной, духовной) субстанции вне материальных знаков и способности материального мозга оперировать ими не существует. Прогресс человеческого сознания был, есть и будет, пока существует человек, прогрессом изобретенного людьми мира знаков - закрепленных в знаках результатов познания, изобретений и опыта жизни. Абсолютно все то, что футурологи, "научные" фантасты, парапсихологи, телепаты, ясновидцы и т.п. измышляют насчет мыслей (духа) вне сферы знаков, есть мракобесие того же рода, что и мракобесие наших предков на заре человечества и мракобесие религиозное.

Совокупность знаков, накопленных, изобретенных и как-то используемых человечеством, образует знаковую культуру. Последняя включает в себя знаки различного рода - изображения видимых предметов, жесты, звуковые сигналы, имитацию действий и т.д. Колоссальным скачком в эволюции знаковой культуры явилось возникновение языка. С развитием языка возникла возможность практически неограниченного знакового творчества. Открылись богатейшие возможности для фантазии, изобретательства, искусства, научного познания. Вместе с тем открылись и не менее богатые возможности для лжи, словесных махинаций, мистификаций. Благодаря языку стало возможным изобретение религий и современных идеологий, словесных форм манипулирования массами людей.

Возникнув, знаковая культура приобретала все большее значение в жизни людей. Известны случаи, когда те, кто распоряжался знаковой культурой, распоряжался всем человеческим объединением. Знаковая культура проникала во все сферы жизни людей. Она стала обычным явлением, как воздух, еда, одежда. Все основные элементы жизни людей стали носить на себе печать знаковости. Значительная часть поведения людей стала по преимуществу знаковой (ритуалы, этикет, дисциплина, массовые сборища, празднества и т.п.). А в наше время в высокоразвитых человеческих объединениях трудно назвать какой-то более или менее важный элемент жизни людей, который в той или иной мере не был бы связан со знаковостью.

Думаю, что биологическое развитие аппарата человеческого сознания (мозга и нервной системы) завершилось. Человеческий мозг в современном состоянии вполне достаточен для удовлетворения потребностей человечества в интеллекте. Надо только принимать во внимание совокупный интеллект миллионов людей во множестве поколений, накопление знаний, развитие средств оперирования знаками, образование, узкую специализацию, информационно-интеллектуальную технику. Более того, способности человеческого мозга оказались в некотором роде избыточными. Сейчас перед человечеством стоит проблема не столько отбора и накопления гениев, сколько проблема ограничения интеллектуальных потенциалов миллиардов людей. И надо признать, успехи на этом пути оказались огромными.

ПОВЕДЕНИЕ

Будем называть сознательным такое действие (поступок) человека, когда человек до совершения этого действия имеет в сознании цель действия, т.е. осознает, в чем именно должно заключаться действие, и рассчитывает на определенный результат действия. Совокупность действий человека образует его поведение. Поведение человека включает в себя сознательные действия, но не на сто процентов состоит из них. Люди в значительной

мере действуют непроизвольно, наугад, животнобразно. Так что можно говорить лишь о степени сознательности поведения. Эта степень достаточно велика, чтобы положить между животными и людьми непреодолимую для первых преграду и породить новое качество в эволюции живой материи. На мой взгляд, именно достаточно высокая степень сознательности поведения образует самое глубокое основание качественного "скачка" человека в эволюции живой материи. Во всяком случае, вся социальная эволюция начинается с этого.

Сознательное действие не всегда рационально (разумно) в смысле соответствия условиям и успеха. Действие может быть сознательным и в то же время нерациональным (неразумным), т.е. безуспешным, неудачным и даже вредным для человека. Действие может быть бессознательным, но рациональным в смысле соответствия условиям и успеха. Сознательность действий не дает автоматически гарантий, что поведение людей будет в таких случаях мудрым и успешным. Глупость, ошибки и неудачи в поведении людей суть столь же обычные проявления сознательности, как и умность, правильность и успешность. Сознательность действий есть прежде всего появление в действиях живых существ нового ингредиента - сознания. А то, что это послужило основой колоссального прогресса обладающих сознанием существ сравнительно с прочим животным миром, - явилось результатом истории, а не исходным пунктом. В этом "скачке" этот прогресс не был запланирован.

Сознание является фактором человеческих действий не само по себе, а посредством эмоционально-волевого механизма. Этот механизм является продуктом биологической эволюции людей. Он становится компонентом человеческой деятельности благодаря сознанию. Это не уменьшает его роль в поведении людей, - без него человек вообще не может существовать как активный член человеческого общества. Более того, его роль в качестве компонента механизма сознательного поведения неизмеримо возрастает сравнительно с предшествующим (досознательным) состоянием.

Люди реагируют на явления реальности эмоционально. Они делают это, создавая в сознании образы этих явлений, т.е. через посредство этих образов. Эмоции в таких случаях производятся именно образами явлений, а не непосредственно самими явлениями. Схематично тут действует такая цепь: явление - образ - эмоция - действие. Естественно, искусственное создание таких образов в сознании людей (посредством слов, жестов, представлений) производит аналогичные эмоции. На этом основывается воздействие на людей путем воздействия на их сознание. Схематично: образ - эмоция - действие. Так формируются особого рода знаки - сигналы к действиям или воздержанию от них, приказы, внушения и т.п., - манипуляционные знаки. Разрабатываются целые системы таких знаков и приемы их использования. Это достигло высокого уровня в религиях. А в наше время средства такого рода неизмеримо превосходят все, что было изобретено за всю прошлую историю.

Для сознательного действия, как я уже сказал, характерно наличие и осознание его цели - планируемого и желаемого результата. Достижение цели приносит состояние удовлетворения. В простейших случаях эти компоненты сознательности действия привычны и очевидны. В сложных случаях образуются комплексы сознательных действий, разбросанных в пространстве и следующих друг за другом во времени. Между ними образуются разрывы. Их единство как сознательных явлений устанавливается уже не столь просто и не всегда удается. В этих случаях можно говорить о сознательном поведении или сознательной деятельности человека. О социальных законах этой деятельности мы будем специально говорить дальше.

НАРОД

Народ есть явление историческое. Одно дело - народ в примитивных человеюниках из нескольких десятков или сотен человек. И другое дело - народ в человеюниках из многих миллионов человек. Исторически народ образуется путем биологического размножения, ассимиляции представителей других человеческих масс и объединения (смешения) различных масс людей, в том числе - народов. Я рассмотрю признаки народа как социального феномена на материале достаточно высоко развитых экземпляров.

Народ существует как целое в течение жизни множества поколений и воспроизводится с определенными устойчивыми чертами как его представителей, так и всей их совокупности. Народ есть, с одной стороны, образование биологическое, т.е. возникающее и воспроизводящееся из людей как животных определенного вида, а с другой стороны - образование социальное, т.е. возникающее и живущее по социальным законам. Народ не есть всего лишь разросшаяся семья, племя, союз племен и родов. Это - новый тип и новый уровень человеческих объединений. Это - именно человеческий материал человеюника.

В силу длительного совместного существования в человеческом объединении, складывающемся в единый народ, вырабатывается единый язык (если его не было до этого), устанавливаются бесчисленные личные контакты и деловые связи, совместные или сходные школы, сходные моды в одежде и традиции в быту, браки заключаются в основном в рамках этого объединения, люди проводят всю свою жизнь (за немногими исключениями) в этой среде, короче говоря - образуется некая единая человеческая масса и среда, воспроизводящаяся в более или менее устойчивом виде из поколения в поколение. Люди оказывают влияние друг на друга, приспосабливаются к общим для них условиям бытия. Изобретаются средства искусственного воздействия на людей, вынуждающие их быть средненормальными представителями целостности. Формируется то, что можно назвать характером этого феномена именно как целого - характером этого народа.

Характер данного народа не является непосредственным обобщением свойств его отдельных представителей. Это, подчеркиваю, есть его характер как целого, а не его отдельных представителей по отдельности, подобно тому, как характер лесного массива не есть характер каждого растущего в нем дерева и каждой его части по отдельности. То, что верно в отношении отдельных людей или их отдельных групп, логически ошибочно распространять на целый народ. И то, что верно в отношении целого народа, логически ошибочно распространять на его отдельных представителей и отдельные группы. Например, если вы увидите в некотором народе музыкально одаренных людей, это еще не означает, что народ можно считать музыкально одаренным. И если некоторый народ музыкально одарен, из этого не следует, что каждый его представитель таков. Один народ может включать в себя много глупых и бездарных людей, имея в целом высокий интеллектуальный и творческий уровень. А другой народ может включать в себя большое число умных и талантливых людей, имея в целом низкий интеллектуальный и творческий уровень.

Признаки народа разделяются на две группы. К первой относятся признаки, характеризующие народ именно как множество людей, можно сказать - состав народа. При этом люди разделяются на различные категории (возрастные, половые, этнические, по роду занятий и т.п.) и подсчитываются величины и пропорции этих категорий. Несводимость таких признаков к признакам отдельных людей очевидна. Ко второй группе относятся признаки, характеризующие народ как целое, как единое существо, отвлеченное от его разделения на отдельных людей и их группы. При этом народ рассматривается по тем же признакам, что и отдельные люди, - с точки зрения интеллекта, творческих потенций, смелости, предприимчивости, жестокости, доброты, склонности к панике и предательству,

стойкости, чувства собственного достоинства, общительности, сдержанности, степени организованности и других социально значимых признаков.

В случае признаков второй группы характер народа связан со свойствами его представителей, взятых по отдельности. Но связан не по правилам силлогизма и простой (обобщающей) индукции. Тут отношение иного рода. Характер народа включает в себя комплекс признаков (черт, свойств), которые распределены между различными представителями народа в различных комбинациях, пропорциях и величинах. В достаточно большом народе можно обнаружить все возможные варианты такого рода. Индивид, обладающий всем комплексом этих признаков, и к тому же в развитой форме, не существует. В комплекс признаков народа могут входить такие, которые могут оказаться несовместимыми в характере отдельно взятого индивида.

Характер того или иного конкретного народа выясняется опытным путем. Причем до сих пор это делается лишь на уровне обывательского сознания. Чаще это делали и делают писатели и иностранные наблюдатели, - народы сами правду о себе не любят. Иногда предпринимались попытки специального изучения, главным образом - когда предполагалось покорение изучаемого народа. Например, немцы перед нападением на Советский Союз в 1941 году изучали характер народов, населявших Советский Союз, особенно - русского народа. На Западе в период "холодной войны" делалось то же самое в еще больших масштабах. И результаты изучения эффективно использовались западным миром в борьбе против советских народов, русских в первую очередь. В наше время изучение характера народов, включая точные количественные измерения и вычисления, становится жизненно важным делом. Печальный опыт Советского Союза после 1985 года может служить классическим примером того, что происходит со страной, если ее руководители в своей -реформаторской деятельности не считают с характером человеческого материала своей страны. Время от времени появляются тревожные сигналы того, что даже в нынешних западных странах все заметнее ощущается несоответствие наличного человеческого материала требованиям современной технологии и условиям деловой активности.

Обращаю внимание читателя на то, что для измерения величин, определяющих характер народов, необходимо изобрести особые средства измерения и вычисления. Это должны быть особые тесты (эталон), подобные тем, какие уже применяются социологами для других целей, а также логико-математическая обработка определенным образом отобранных и собранных статистических данных. Характеристики народа нельзя точно оценить путем приведения примеров выдающихся личностей и событий из истории этого народа. Не следует преувеличивать достоинства людей как отдельно взятых индивидов. Человек выглядит как некое выдающееся существо лишь в сравнении с животными, поскольку людям всем приписывают качества выдающихся представителей рода человеческого, изредка появляющихся в массе посредственностей, и поскольку результаты общих усилий накапливаются веками и искусственно перепедаются в той или иной мере людям по отдельности.

В наше время возникли многочисленные социальные проблемы, решение которых существенным образом зависит от фактических качеств и потенций народов. И тут отделаться идеологической демагогией, будто способности людей и народов универсальны, одинаковы у всех и безграничны, уже нельзя. Народы различаются по интеллектуальному уровню, по степени предприимчивости, по степени самоорганизации и многим другим признакам, играющим огромную роль в организации управления, в экономике, в овладении современной технологией и т.д. Опыт человечества на этот счет несомненен, закрывать на него глаза из страха обвинений в расизме - значит сохранять идеологические заблуждения другого рода.

Характер народа формируется и развивается путем искусственного поощрения одних прирожденных способностей людей и препятствования другим. Происходит это как искусственный отбор индивидов с определенными природными способностями. Для нас здесь несущественно, почему те или иные способности и их носители поощряются, а другие - наоборот, порицаются. Важно, что это происходит. В результате случаются такие парадоксальные на первый взгляд явления, когда в одном народе рождается больше индивидов с некоторой способностью, чем в другом, но они не поощряются в первом и поощряются во втором, так что со временем второй народ путем искусственного отбора накапливает преимущество перед первым в отношении этой способности.

Характер народа не есть всего лишь сумма различных признаков, случайно собранных вместе в силу исторических условий его бытия. Тут, как и во всем на свете, есть свои закономерности, зависимости, корреляции. Характер народа есть единый комплекс взаимосвязанных признаков. Если такой характер сложился (на что уходят века!), к нему нельзя добавить ничего постороннего и из него нельзя исключить ничего существенного, не нанося ущерб целому и не разрушая его.

Сказанное не означает, что народы с данным характером не меняются со временем и сам характер не эволюционирует. Это происходит. Народы исторически изменяются, но в рамках одного и того же типа характера и на его основе. Характер народа устойчив, даже консервативен. Изменение его сверх меры ведет к его разрушению и к разрушению его носителя как целостного образования.

Хотя характер народа не сводится к характеру его отдельных представителей, но у последних складывается определенный психологический тип, благодаря которому они становятся адекватными своему объединению, приспосабливаются к условиям жизни в нем. Тут имеет место взаимная зависимость. Характер целого народа складывается как развитие природных качеств его представителей. Одновременно происходит формирование психологического типа отдельных членов объединения, становящихся носителями и хранителями характера объединения как целого.

В достаточно долго живущем народе складывается механизм сохранения его характера и передачи из поколения в поколение, - механизм социальной наследственности. Это - не биологический, а социальный механизм. Он содержит в себе биологический механизм в снятом виде. Но главным в нем является искусственный отбор, система воспитания, культура, религия, моральные нормы и другие социальные факторы. Этот механизм состоит из огромного числа разнообразных действий людей. Абстрактно рассуждая, из отдельного человека можно воспитать заранее намеченного типа существо. Но когда речь идет о большом числе людей и большом числе их свойств, причем применительно к существующим условиям и в множестве поколений, то срабатывает механизм социальной наследственности, являющийся важнейшим элементом механизма самосохранения народа. Этот механизм консервативен. Сложившись, он вынуждает народ приспосабливать сами условия жизни к своему характеру. Если нарушаются границы адекватности характера народа условиям его существования, наступает кризисная ситуация, упадок народа и даже гибель.

В наше время в связи с успехами генной технологии и манипуляций с эмбрионами живых организмов возникли идеи и опасения, будто начнется производство людей заранее заданных типов в массовых масштабах. Не буду гадать, насколько это возможно. Но если такое произойдет, и искусственные (созданные по определенной программе) люди станут значительной или даже основной частью человеческого материала человекоидов, с точки зрения социальных законов положение с человечеством изменится лишь в том отношении, что эти законы будут проявляться в конкретных формах, максимально близких к их абстрактному содержанию. Как бы ни мудрили с человеческим материалом, при всех

обстоятельствах в массе людей должны сохраняться в какой-то концентрации и в каких-то пропорциях человеческие свойства, без которых немислима их социальная организация и социальное бытие. Если это не случится и грань социальности будет перейдена, произойдет эволюционный "скачок" от социальных организмов, какими являются человеики, к объединениям сверхлюдей, т.е. роботообразных существ.

У различных народов, формирующихся и живущих в сходных условиях, оказывающих друг на друга сильное влияние и имеющих общие или сходные исторические корни, складываются сходные характеры. Так произошло с народами западноевропейскими. Они образовали особый человеческий материал, которому предстояло сыграть самую выдающуюся роль в истории человечества.

В мире постоянно происходили и происходят смешения различных человеческих масс. Не любые такие смешения образуют народы. Между смешивающимися массами людей должны быть достаточно сильные соответствия, чтобы через несколько поколений они слились в однородное целое. Отсутствие таких соответствий стало одной из причин того, что население Советского Союза и США не превратилось в единые народы. В Советском Союзе признали это и стали говорить о новой человеческой общности, наднародной (наднациональной). В США стараются изобразить массу населения как особую американскую нацию (как особый народ). Но что бы при этом ни говорили в пропаганде, что бы о себе ни думали сами граждане США, они не образуют единый народ. Это - объединение качественно иного рода.

Не любые примеси к данному народу и не в любом количестве перерабатываются этим народом в свои части. Характерна с этой точки зрения иммиграция миллионов людей в страны Западной Европы и проникновение в них инородцев иными путями (например, в качестве иностранных рабочих и нелегально). Эти люди не становятся немцами, французами, итальянцами, швейцарцами и т.д. Как качественно, так и количественно они уже стали одним из факторов разрушения европейских народов. Тут уже формируется новая, наднародная (сверхнародная) человеческая общность. Она не есть всего лишь расширение и объединение европейских народов. Факторы, придающие этому скоплению единство, отличаются от тех, какие в свое время послужили факторами объединения людей в народы.

Нужна некоторая минимальная численность человеческого объединения, чтобы оно развилось в народ. Имеется и максимальная граница, перейдя которую данное скопление людей либо не может превратиться в народ, либо дезинтегрируется на части, если оно было народом. Эта максимальная граница была нарушена в Советском Союзе, например. К этому идет дело и в Западной Европе. Так что нет ничего удивительного в том, что такие объединения распадаются на мелкие части.

Народ есть индивидуальное явление, результат уникального стечения обстоятельств истории. Если данный народ однажды распадается или по каким-то причинам погибает, он уже никогда не восстанавливается.

Замечу, кстати, что рабы не являются частью народа. Они входят в материальную культуру человеикика наряду с домашними животными и орудиями труда. Рабы, которые становились частью какого-то народа, переставали быть рабами. Не являются членами народа данной страны военнопленные, путешественники, иностранные рабочие, нелегальные иммигранты из других стран. Сейчас в странах Западной Европы миллионы иностранцев заняты в экономике и стали привычным элементом их жизни. И если даже кто-то из них становится гражданином этих стран, это не означает, что они становятся частичками народов этих стран. В наше время они становятся одним из факторов разрушения этих народов.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЧЕЛОВЕИНИКА

Самой значительной социальной концепцией, в которой материальная культура занимала важнейшее место, была и, настолько мне известно, до сих пор остается марксистская концепция. Но если даже это не так, я здесь буду отталкиваться от нее, поскольку именно отрицание ее основных положений на этот - как и в ряде других случаев - счет послужило для меня отправным пунктом для выработки моих взглядов на этот феномен.

Согласно марксистской концепции способ производства образует материальный базис общества, на котором вырастают надстройки, включая государственные учреждения, а также правовые идеи и учреждения. Сам способ производства образуют производительные силы и производственные отношения. Производительные силы суть средства производства и приводящие их в действие люди. Средства производства являются определяющим фактором в способе производства. На первый взгляд все это имеет смысл. Но лишь на первый. Определяющим фактором в производительных силах, как бы мы их ни понимали, были и останутся люди, ибо человеиик по определению есть объединение людей, а не каких-то мертвых (во всяком случае - неодушевленных) вещей. Более того, люди приводят в действие средства производства, а не наоборот. Даже в тех случаях, когда какие-то люди становятся придатками машин, всегда имеются другие люди, которые "соединяют" машины с людьми-придатками и приводят в движение тех и других. Материальная культура, играющая в человеиике роль, подобную той, какую марксисты приписывали средствам производства, не сводится к последним. Вычленить в ее современном состоянии средства производства практически (да и теоретически) невозможно, не превращая само это понятие "средства производства" в бессмыслицу. Подавляющее большинство наиболее важных изобретений людей играет роль средств производства лишь в общей массе материальной культуры человеиика. А приводит материальную культуру в движение весь совокупный человеческий материал человеиика. Так что у нас остается лишь различие массы людей и массы созданных ими и используемых ими неодушевленных вещей.

Главным в производственных отношениях, согласно марксизму, является то, в чем владении находятся средства производства. Но возникает вопрос: а чем обусловлено то или иное владение средствами производства? Кроме того, средства производства суть только часть материальной культуры человеиика. Последняя как-то распределяется между членами человеиика и как-то используется ими в зависимости от этого распределения. Чем обусловлено это распределение? Ведь не является же оно биологически врожденным у людей?! Такого рода вопросы побудили меня критически отнестись к марксистской концепции и радикально изменить ориентацию внимания при рассмотрении человеческих объединений.

Материальная культура человеиика вкраплена в природную среду. Освоенная человеииком часть этой среды становится частью его материальной культуры. В какой мере и как природная среда включается в материальную культуру, является одной из важнейших характеристик человеиика. В наше время этот аспект жизни человечества приобрел первостепенное значение для его судеб.

Материальная культура человеиика есть не просто скопление каких-то материальных средств жизнедеятельности людей, а совокупность взаимосвязанных явлений, обладающих некоторыми устойчивыми чертами как целое. Различаются типы таких совокупностей.

Тип, уровень и направление эволюции материальной культуры человеиика определяются многими факторами: возможностями (закономерностями) самой материальной культуры, как таковой; возможностями человеиика тратить на нее; способностями человеческого материала производить, совершенствовать, хранить и

использовать ее; соотношением сил прогресса и противников прогресса и другими факторами. Эти факторы предопределяют и границы, выход за которые угрожает самому существованию человека.

Отношение между народом и материальной культурой определяется следующими принципами. Материальная культура должна быть подконтрольной народу, сильной ему и необременительной. Приносимые ею блага должны превышать траты на нее - она должна быть выгодной для народа. Народ должен быть адекватен своей материальной культуре в том смысле, что должен справляться с ней, уметь с ней обращаться, использовать и воспроизводить ее в соответствии с ее назначением и ее свойствами. Принципы такого рода суть социальные законы. Они нарушаются. Если нарушения выходят за определенные рамки, люди наказываются за это. Думаю, что во второй половине нашего века в странах западного мира и под их влиянием на всей планете начался процесс изменения материальной культуры, ведущий к выходу ее за упомянутые границы. Наивно думать, будто западная материальная культура способна безнаказанно ассимилировать любые изобретения и сооружения, а незападная материальная культура - любые элементы западной.

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

Все социальные объекты образуются из социальных "атомов" - из людей. Человек как социальный "атом" обладает телом, способным совершать разнообразные действия, и сознанием, управляющим телом, т.е. управляющим органом. Человек возникает и существует как член объединения себе подобных. Он осознает себя в качестве такого и выполняет в объединении определенную роль (функцию), т.е. более или менее регулярно совершает определенные сознательные действия. С другой стороны, множество людей становится именно социальным объединением лишь в том случае, если в нем образуется управляющий орган ("мозг" объединения) из одного или более людей. Должно произойти разделение членов множества людей на таких, которые становятся воплощением "мозга" множества как целого, и прочих, которые образуют управляемое им "тело" множества как единого целого. Этот закон имеет силу для образования любых устойчивых объединений людей в целое.

Если в человеческом объединении не происходит рассмотренное выше разделение на управляющий орган и управляемое тело, оно оказывается нежизнеспособным. Управляющий орган должен быть один. Он может быть сложным, расчлененным на части, но он сам должен быть единым объединением. Если в объединении появляются два или более таких органов, возникают конфликты, объединение распадается или образуется какой-то неявный орган единства, подчиняющий себе явные, претендующие на эту роль. Борьба за единовластие в объединении есть форма проявления рассматриваемого закона. Образно говоря, Наполеон в армии должен быть один. Если их два, в армии идет между ними борьба за первенство. Много Наполеонов делает армию небоеспособной. Это не дело характеров людей, а проявление объективных законов. Поведение Сталина, до сих пор вызывающее возмущение, было закономерным и целесообразным с точки зрения интересов единства системы власти и страны. Западный плюрализм власти поверхностен. Он есть плюрализм в рамках единства власти. Тут имеются элементы власти, так или иначе делающие ее единственной в человеке, несмотря на спектакли демократии.

И управляемое тело тоже должно быть одно (едино) в том смысле, что в нем не должно быть части, которая не подлежит контролю управляющего органа. Если такая часть возникает, то такое отклонение от закона сказывается на состоянии объединения и в конце

концов как-то преодолевается (если, конечно, объединение не погибает). Бывают случаи, когда один и тот же управляющий орган управляет двумя и более объектами. Но это бывает в порядке исключения и временно. Или управляемые тела имеют какую-то компенсацию такого дефекта.

Помимо разделения членов объединения на управляющий орган и управляемое тело, происходит разделение функций членов объединения в других аспектах. При этом способности, слитые в социальном "атоме" в единство, дифференцируются в качестве функций различных членов объединения, образующих органы целого.

Объединение людей как социальный объект создается для совместных действий в качестве единого целого. На него переносятся свойства входящих в него атомов. Это прежде всего - цель действий объединения. Носителями ее становятся люди, образующие управляющий орган объединения. При этом происходит различение цели объединения и функций (роли) его членов. Человек может выполнять определенную функцию в действиях объединения (совершать частичные действия), имея совсем иные цели. Это разделение касается и отношения между объединением людей и более сложным объединением, частью которого является первое.

Вступает в силу, далее, то, что имеет место множество действий людей и их объединений, образуются объединения из множества групп. В результате происходит сложное разделение между целями людей и их групп с одной стороны, и их функциями в группах и более сложных объединениях. Возникают разрывы, конфликты срастания и этих явлений в разнообразных комбинациях. Люди могут играть благородные роли, имея гнусные цели, и наоборот. Могут в качестве цели своей жизнедеятельности иметь желаемые или фактически исполняемые роли. Смешение всего этого является обычным не только в обывательском и идеологическом, но и в профессиональном научном мышлении.

Части объединения людей, регулярно выполняющие в нем определенные функции, становятся органами объединения. Между органами и исполняемыми ими функциями устанавливаются закономерные отношения. Назову два основные из них. Во-первых, орган и функция в идеале должны взаимно-однозначно соответствовать друг другу, т.е. определенные функции должен выполнять определенный орган, а орган должен выполнять только эти функции. Во-вторых, между органом и функцией должно иметь место отношение взаимной адекватности. Тут тоже речь идет о соответствии, но иного рода, а именно - о том, насколько орган справляется с использованием функции и насколько функция отвечает возможностям органа. Орган со временем изменяется - усложняется, увеличивается, совершенствуется. Изменяется и функция (усложняется, дифференцируется), а также условия ее исполнения. Так что адекватность органа и функции постоянно нарушается. Но действует и тенденция к ее установлению. В реальности это происходит как борьба, полная драматизма и жертв.

Люди, входящие в состав того или иного органа объединения, имеют свои личные цели и интересы. Между ними и функциями органа точно так же имеют место закономерные отношения. Люди функционируют постольку, поскольку исполнение функций органа позволяет удовлетворять их потребности, т.е. соответствует их эгоистическим интересам. Орган функционирует, поскольку удовлетворение эгоистических интересов его членов вынуждает их к этому. Только в порядке исключения люди жертвуют своими интересами ради интересов органа в целом. Например, представители власти изображают из себя умных и заботливых отцов и матерей своего народа, будучи корыстными и тщеславными хапугами за счет народа. Но они вынуждены ради своих интересов поступать так, чтобы в какой-то мере соответствовать их функции отцов и матерей народа.

Сложные социальные объекты суть комбинации социальных "атомов", воспроизводящие основные черты этих "атомов". Так что их можно рассматривать как эмпирически

реализующиеся экземпляры из числа логически непротиворечивых вариантов. И все эти варианты в принципе можно логически вычислить на основе некоторых простых и очевидных допущений (мы здесь с ними уже встречались и будем встречаться в дальнейшем). Можно также вычислять количественные границы объектов и их эволюционные возможности. Сложное и разнообразное в социальном мире, как и в любом другом, есть лишь нагромождение, комбинирование и т.д. простого и однообразного.

Исторически и логически простейшим человеешником является объединение из немногих людей, способное биологически воспроизводиться в ряде поколений. Управляющий орган его образует один человек, воплощающий в себе в нерасчлененном виде все функции "мозга" объединения. Прочие члены объединения в столь же недифференцированном виде воплощают в себе функции "тела". Все совместно занимаются воспроизводством и обучением человеческого материала. Это, можно сказать, "одноклеточный" человеешник. Прошли миллионы лет, прежде чем возникли современные гигантские человеешники из десятков и сотен миллионов человек. И вся сложнейшая структура "многоклеточных" человеешников явилась результатом увеличения числа людей и их структурирования по законам социальной организации.

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕШНИКА

Для теоретических описаний человеешников обычным является стремление найти некий решающий фактор, который определяет структурирование, функционирование и эволюцию человеешника и исходя из которого можно объяснить все прочие явления человеешника. Я утверждаю, что такого единого всеопределяющего и всеобъясняющего фактора не существует, и поиски его суть показатель лености ума и идеологического упрощения. Дело в том, что одни и те же факторы играют различную роль в различных конкретных условиях, в историческом возникновении человеешника и в структуре сформировавшегося человеешника, в структурировании и функционировании, в разные периоды эволюции и т.д. человеешника, а также в разных типах человеешников и в различных взаимоотношениях. Кроме того, взаимоотношения различных факторов в человеешнике самом по себе, независимо от их познания, и с точки зрения исследователя, вынужденного считаться с правилами методологии познания и логики, далеко не всегда совпадают.

Человеешник возникает, организуется, живет и эволюционирует одновременно в различных измерениях, - он есть многомерное образование. Это не означает, будто его структурные компоненты возникают независимо друг от друга и затем объединяются в готовом виде в единое целое. Это означает, что каждое измерение имеет свои закономерности, несводимые к закономерностям других измерений. Ни одно из них не вырастает из другого. Это означает, во-вторых, что структурные компоненты человеешника формируются и живут одновременно в разных измерениях. В конкретной реальности различные измерения переплетаются, взаимно проникают друг в друга, изменяются. Различить их достаточно четко и выделить в "чистом" виде можно лишь в абстракции и в наиболее характерных проявлениях.

Человеешник есть организованное объединение людей. В его организации принимают участие самые разнообразные факторы. Все эти факторы практически учесть невозможно. Да в этом и нет надобности. Наука изобрела способы, как сводить к минимуму число факторов, которые необходимо и достаточно принимать во внимание в таких случаях. Мы здесь выделим из числа всевозможных факторов такие, которые играют роль организаторов всей совокупности организующих факторов. Будем называть их факторами или средствами

социальной организации человека, а тот вклад, который они вносят в суммарную организацию человека, назовем социальной организацией.

Факторы социальной организации общеизвестны: это - деловые клеточки, власть и управление, сфера хозяйства, сфера религии и идеологии, а также другие сферы, являющиеся результатом развития упомянутых основных. В дальнейшем мы будем рассматривать эти факторы систематично. А пока я дам им некоторую предварительную характеристику.

В нормальном человеке компоненты социальной организации образуют единый комплекс. Это означает, во-первых, что между ними имеет место такое разделение функций, при котором они совместно обеспечивают единство человека и условия жизнедеятельности всех членов человека. Во-вторых, это означает, что между ними устанавливаются отношения взаимного соответствия (адекватности). Последние заключаются в том, что компоненты социальной организации приспосабливаются друг к другу, "притираются" друг к другу. Они координируют свои действия, позволяют друг другу существовать и выполнять свои функции. Разумеется, все это - лишь тенденции, прокладывающие себе дорогу через нарушения, несоответствия, конфликты, вражду, порою - в кровопролитных войнах.

Социальная организация ограничена как по составу компонентов, так и по их величинам. Зародившись, она исторически развивается. Но происходит это не за счет произвольных и случайных внешних дополнений, а по законам имманентной социальной комбинаторики. Все внешние привнесения должны так или иначе ассимилироваться, стать внутренними факторами. Они должны принять такой вид, как будто являются результатом имманентного процесса. Иначе они оказываются жизнеспособными и наносят ущерб человеку.

Соответственно и определения понятий социальной организации и ее компонентов должны осуществляться посредством логического комплекса определений (посредством комплексного определения, по моей терминологии). В отношении социальной организации в целом это очевидно: она определяется путем перечисления и определения ее компонентов и описания их отношений. Что касается ее отдельных компонентов, то при определении и описании одних из них необходимо принимать во внимание другие, а не только их роль в комплексе в целом. Если они вырываются из связи с другими и рассматриваются сами по себе, они превращаются в неразрешимую загадку и в предмет бессмысленных споров о словах. Если же их брать именно в комплексе с другими, то касающиеся их проблемы упрощаются и порою оказываются банальными.

При рассмотрении компонентов социальной организации человека надо различать их свойства как целого, т.е. их функции в человеке (что они такое для других, говоря языком диалектики), и свойства их как особых объектов, т.е. что они такое "в себе и для себя". Например, функция власти как органа целостности человека не есть функция каждого ее подразделения и каждого занятого в ней человека по отдельности. Люди, делающие карьеру в системе власти, как правило, имеют свои эгоистические цели, а демагогию об интересах человека используют как орудие карьеры. Отдельные предприниматели думают о своих доходах, а не о целях хозяйства как целого. И ради удовлетворения своих интересов они жертвуют интересами человека. Как говорится, своя рубашка ближе к телу.

Но одно не исключает, а предполагает другое. Компоненты человека как целого выполняют свои функции лишь постольку, поскольку образующие их люди имеют свои эгоистические интересы и стремятся удовлетворить их, как правило не считаясь с последствиями для человека в целом. Однако это возможно лишь до известного предела. Более или менее нормальные отношения между частями и целым устанавливаются как процесс реальной жизни людей. Некие образцовые отношения тут возможны лишь в

абстракции или как исключение. В реальности идет борьба различных сил. Принимаются какие-то меры против отклонений, угрожающих человеку и каким-то его частям.

Между компонентами социальной организации устанавливаются различного рода отношения, помимо упомянутого взаимного соответствия. Это, например, отношения субординации, координации, доминирования, производности. Эти отношения со временем могут меняться и варьироваться в различных людях. Например, в одних людях может доминировать власть, в других - хозяйственная сфера, в третьих - религиозная сфера.

При рассмотрении социальной организации человека надо различать конкретно-исторический процесс формирования человека и процесс исторической жизни сформировавшегося человека. В первом процессе происходит первоначальное появление компонентов человека в конкретной истории, во втором происходит упорядочивание их в соответствии с их силами и ролями в их комплексе, а не в соответствии с их историческими "заслугами", ролями и формами. Во втором процессе они сбрасывают с себя исторические одежды и надевают другие, адекватные их ролям в настоящем состоянии. Эти процессы (скажем, исторический и структурный) отчасти совпадают, а отчасти нет. Случаи, когда отношения компонентов социальной организации меняются на противоположные, суть обычное явление в истории.

Общепринято считать, что социальная организация человека влияет на характер народа, обладающего этой организацией. Люди, естественно, приспосабливаются к условиям своего социального бытия. Но столь же верно и то, что люди сами в какой-то мере приспосабливают условия своего бытия к своим качествам, - люди определенного типа создают соответствующий их характеру тип социального устройства. Тут зависимость двусторонняя. А между тем вторая часть истины не только не общепризнана, а скорее отвергнута. Признание роли человеческого фактора в формировании и развитии социальных систем является табу и расценивается как расизм. Смысл этого табу очевиден. Западная идеология стремится убедить всех, будто социальный строй западных стран является наилучшим и годится для всех стран и народов без исключения. Она не может допустить даже намека на то, что для каких-то народов коммунистический строй предпочтительнее, что он лучше соответствует их природе. Еще недавно коммунистическая идеология стремилась навязать человечеству убеждение, будто коммунистический социальный строй пригоден для всех народов.

Люди и народы обладают разнообразными свойствами. Но не все эти свойства играют одинаковую роль в формировании человека и его социальной организации. Есть свойства социально значимые и социально незначимые. Социальный строй западных стран создавался, сохранялся и завоевывал себе место на планете не просто какими-то человеческими существами, а народами вполне определенного вида. Аналогично коммунизм имел успех в России в значительной мере благодаря характеру русского народа. После того как социальный строй определенного типа уже сложился у какого-то народа, он может быть заимствован другими народами или навязан им силой извне. Таким путем многие черты западного социального строя распространялись по планете. Таким путем коммунизм развился у ряда народов под влиянием коммунистической России или был навязан Советским Союзом после Второй мировой войны силой. Да и в этих случаях в различных народах, заимствовавших тот или иной социальный строй извне, находились какие-то предпосылки для этого. А когда речь идет об исторически первом или спонтанном возникновении того или иного социального строя, то оно было бы невозможно без определенных качеств человеческого материала. Опыт последних десятилетий показал, что коммунизм не имел глубоких корней в характере многих народов России и Восточной Европы, и они с поразительной легкостью и быстротой отказались от него, когда

представился случай, хотя преимущества его были для них очевидны. С другой стороны, попытки навязать социальный строй западного типа (западнизм) во многих регионах планеты терпели неудачу или вели к катастрофическим для населяющих их народов последствиям. Любой народ способен воспользоваться какими-то благами (далеко не всеми!) западной цивилизации, если их преподнесут ему в готовом виде. Но далеко не любой народ способен сам создать нечто подобное. Убеждение, будто различные типы социальных систем суть ступени в развитии одного и того же абстрактного "человечества" и будто любой народ может пройти эти ступени в своей имманентной эволюции, есть предрассудок.

Сходство социальной организации различных человеичиков не означает, будто их народы могут легко объединиться в одно целое и образовать один народ. Негативный опыт Югославии и Советского Союза показал, что народ есть довольно консервативное явление. Объединение различных человеичиков с различными народами часто (если не чаще) не удавалось, а если удавалось, то на это требовалось исторически длительное время. А чаще это происходило как борьба, как покорение и поглощение одних народов другими в результате кровавых войн.

При рассмотрении социальной организации человеичика надо различать то, как человеичик организуется сам по себе, т.е. независимо от того, изучаем мы его или нет, и закономерности исследования и описания его. Если, например, мы начинаем описание социальной организации с системы власти, это не означает, будто власть, с нашей точки зрения, есть некий "базис" человеичика. Отношения между членами социальной организации и их роли описываются в содержании определений понятий и утверждений, а не в логической последовательности и логической связи понятий и утверждений.

Социальная организация человеичика есть организация людей. Люди не вечны. Одни умирают, другие рождаются. Происходит воспроизводство социальной организации путем заполнения освобождающихся мест новыми людьми и заполнения вновь образующихся мест. В человеичике складывается определенный механизм для этого.

Чтобы человеичик сохранялся, он должен производить достаточно большое число людей для поддержания его социальной организации, причем способных выполнять соответствующие функции, т.е. быть адекватными их месту в социальной организации. Это - абстрактный закон. Но как он действует конкретно? Через нарушения в конкретных случаях и в ожесточенной борьбе людей за лучшие места. Возможности людей различны, и они их используют. Так что тут имеет место изначальное и непреходящее неравенство. Человеичик равных возможностей есть сказка идеологии.

Люди обладают различными природными способностями, которые не наследуются социально, и различным социальным положением, которое получают в силу рождения в определенных социальных категориях (классах, слоях, родственных группах и т.д.). Фактически значительная часть (а порою большинство) мест в социальной организации является социально наследственной. Не биологически наследственной, а именно социально, т.е. выходцами из семей членов человеичика соответствующих категорий. Поскольку для исполнения функций в большинстве случаев достаточно средних природных способностей и образования, получаемого представителями соответствующих категорий людей, наследование социального положения людей обеспечивает в основном устойчивое воспроизводство социальной организации примерно в том же виде. Но лишь в определенных границах. Постепенно накапливается несоответствие между сложившейся системой распределения людей по местам в социальной организации и потребностями выживания человеичика. Оно порождает социальную борьбу. Если такая борьба оказывается безуспешной, человеичик ослабляется или даже разрушается.

Задолго до марксизма возникло убеждение, будто социальная организация является источником всех зол или, наоборот, всех благ, какие можно наблюдать в человеках. Коммунисты, например, объявляли капитализм источником всех зол, а в коммунизме видели источник всех благ. В период "холодной войны" западная идеология изображала капитализм как источник всех благ, а коммунизм как источник всех зол. На самом деле жизнь людей зависит не только от социальной организации, но и от других факторов, включая природные условия, характер человеческого материала, историческое стечение обстоятельств. Можно жить плохо с хорошей социальной организацией и хорошо с плохой. Различные народы с одинаковой социальной организацией могут жить различно, одни - лучше других, другие - хуже. Превосходство одних народов над другими нельзя сводить к превосходству социальной организации. Если одни народы побеждают другие в какой-то борьбе (например, в войне), это не значит, что первые имеют лучшую социальную организацию, чем вторые.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ЧЕЛОВЕИНИКА

Я различаю прежде всего деловой и коммунальный аспекты человеиника. В первом люди делают все то, что необходимо для их существования, вырабатывают, сохраняют и совершенствуют трудовые навыки и средства труда, создают материальную культуру. Во втором аспекте люди совершают поступки в зависимости от того, что их много, что их интересы не совпадают, и они вынуждены с этим считаться.

Рассматриваемые аспекты суть именно аспекты, а не части человеиника. Занимаясь делом, люди вступают в отношения друг с другом. Свои поступки по отношению к другим людям они совершают в делах. При всех обстоятельствах их действия управляются сознанием, сознание формируется в их деятельности, они воздействуют друг на друга путем воздействия на сознание. В примитивных человеиниках эти аспекты слиты воедино. Со временем происходит их дифференциация путем возникновения структурных компонентов, выполняющих различные функции, и путем более или менее явной группировки действий людей и частей их жизни. Но единство аспектов сохраняется. Например, промышленное предприятие возникает в деловом аспекте. Но его можно рассматривать и как средство объединения людей в группу, т.е. как явление в коммунальном аспекте. Если предприятие полностью сосредоточится на изготовлении вещей и будет игнорировать другие предприятия, оно обанкротится. Конкуренция есть явление в коммунальном аспекте, но она есть отношение между деловыми объединениями. Государственные учреждения специально создаются для регулирования отношений между людьми, т.е. для упорядочивания коммунальных отношений. Но и в них люди занимаются делом. Отношения начальствования и подчинения и иерархия таких отношений суть одновременно явление как в деловом, так и в коммунальном и менталитетном аспектах.

Взаимоотношения рассматриваемых аспектов различны в различных человеиниках и даже в рамках одного и того же человеиника в различных сферах и в разное время. Например, в человеиниках западного типа деловой аспект доминирует над коммунальным, а в человеиниках коммунистического типа - наоборот, коммунальный доминирует над деловым. В экономике преобладает деловой аспект, в государственности - коммунальный. Но это не означает, что какой-то из аспектов является слабым, неразвитым. Так, коммунальный аспект в человеиниках западного типа развит ничуть не меньше, чем в человеиниках коммунистического типа, а в последних колоссальных размеров достигает деловой аспект.

Деловой и коммунальный аспекты различаются в одном измерении человеичника. В другом измерении различаются телесный и "духовный" (менталитетный) аспекты. В первом из них люди живут и действуют как существа телесные. Во втором люди обучаются и обрабатываются применительно к условиям и требованиям своего человеичника. Я называю его менталитетным, поскольку формирование и поведение человека в качестве члена человеичника есть прежде всего формирование его сознания (менталитета) и сознательное поведение. Различение этих аспектов возникает одновременно с различением делового и коммунального аспектов. Происходит, далее, дифференциация внутри каждого из аспектов, причем в разных измерениях. Как суммарный эффект получается топологически очень сложная структура. Упрощая ее, я в дальнейшем выделяю для рассмотрения три основные, на мой взгляд, аспекта - деловой, коммунальный и менталитетный.

ДЕЛОВОЙ АСПЕКТ

Жизнь человеичника есть прежде всего совокупность деловых поступков его членов. К числу таких поступков (дел) относится добывание и производство материальных ценностей. Но не только это. Делом является и создание культурных ценностей, и создание средств развлечения, и бытовое обслуживание, и управление людьми, и поддержание общественного порядка. В общем, делом в этом (социальном) смысле является то, что человек совершает более или менее регулярно и что признано как необходимое или полезное. Оно должно удовлетворять какие-то потребности людей.

Дело должно выполняться в соответствии со свойствами объектов, участвующих в нем, и в соответствии с правилами самого дела как особого объективного процесса. Для удовлетворительного исполнения дела нужны особые навыки. Исполнители дела должны быть адекватны требованиям дела. Затраты средств и усилий на дело должны соответствовать ценности его результатов. Разумеется, эти требования постоянно нарушаются, следствием чего являются неуспех дела, плохое качество исполнения, наказания исполнителей.

Дело есть работа, причем в большинстве случаев не очень-то приятная, утомительная, раздражительная. Не надо строить иллюзий на какую-то врожденную любовь людей к труду, особенно - к таким видам труда, о которых они даже не помышляли еще не так давно. Предоставленные самим себе, люди в большей мере суть прирожденные лодыри и халтурщики, чем добросовестные трудолюбивые. Они чаще смотрят на работу как на потерю времени и сил, как на вынужденную необходимость. Еще не так давно массы людей заставляли работать силой и наказаниями. И теперь труд для большинства людей является так или иначе принудительным, поскольку они не имеют других путей приобретения средств существования. Лишь для сравнительно небольшой части людей работа приносит удовольствие, да и то не столько сама по себе, сколько тем, как она вознаграждается и как выглядит в глазах других людей. Идея превратить труд для всех людей в удовольствие есть идея утопическая. Никакой прогресс науки и техники никогда не избавит человечество от принудительности труда для большинства людей и от ожесточенной борьбы за более легкие, выгодные и интересные виды деятельности, а также от борьбы за возможность принуждать других к труду и распоряжаться ими по своему усмотрению. А это происходит по законам коммунального аспекта главным образом и лишь отчасти самого делового аспекта.

По мере разрастания человеичников, разделения труда и усложнения самих трудовых операций происходила дифференциация делового аспекта на аспект исполнения дела и аспект обучения делу (образования и обучения профессии). Современные человеичники

превратились в объединения профессионалов, а аспект образования и профессионального обучения выделился в особое подразделение структуры человека.

В современных человеках число занятых делом людей исчисляется миллионами и десятками миллионов, а число профессий - десятками тысяч. И они далеко не одинаковы с точки зрения требуемых способностей и обучения, трудности и интересности дела, престижности, доступности, вознаграждения. В большинстве случаев работа по профессии есть тяжелый труд, рутина, скука, стресс. В меньшинстве случаев это - удовольствие, развлечение, творчество, слава, престиж, благополучие. За лучшие профессии идет борьба, в которой абстрактная справедливость реализуется лишь как случайность и как среднестатистическая величина в огромном числе случаев.

В силу огромности величин и изменчивости ситуаций имеет место динамичное соотношение между спросом на профессиональные силы и предложением их. Постоянно возникает расхождение между ними в каких-то отношениях. Такое расхождение возникает даже в коммунистическом обществе, в котором гарантируется всеобщая занятость, а профессиональная подготовка планируется в соответствии с потребностями. Со временем возникшее расхождение преодолевается. Возникает другое и т.д. Это происходит в определенных рамках. Важно то, что нормально существующий человек должен справляться с возникающими тут проблемами. Он должен также своими силами обеспечивать расширяющийся спрос на профессионально подготовленные кадры. Для этого человек должен иметь достаточно большой и разнообразный человеческий материал, чтобы в нем можно было отбирать людей для высококвалифицированных профессий и дел. До недавнего времени современные люди так или иначе решали эти проблемы и держались в допустимых рамках. Но во второй половине века тут наметился перелом.

Этот перелом заключается в том, что вследствие революции в материальной культуре и в организации делового аспекта произошел разрыв между фактическим состоянием профессионализма человеческого материала и новыми потребностями в нем, причем разрыв такого рода, какого никогда не было ранее. Чтобы сгладить его, потребовалось не только изменение пропорций и величин профессий, не только переобучение и обучение новым профессиям многих миллионов людей, но изменение самого человеческого материала и создание нового типа существ, каких не было ранее. Решение этой проблемы оказалось не под силу отдельно взятым странам. Потребовалось объединение усилий многих людей. Потребовались также новые средства обработки человеческого материала и новые формы организации жизни людей.

КОММУНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Людей в человеке много, и они вынуждены совмещать какие-то поступки и вступать в какие-то отношения друг с другом в зависимости от самого этого факта. Они вынуждены с этим так или иначе считаться. Каждый член человека как социальный индивид поступает при этом в силу социальных законов, которые я называю законами экзистенциального эгоизма. Так как поступки людей в этом их качестве являются сознательными, законы экзистенциального эгоизма принимают вид законов рационального расчета. Когда обвиняют каких-то конкретных людей в расчетливости и усматривают в этом нечто аморальное, то это равносильно тому, как если бы мы стали осуждать людей за то, что они хотят есть, пить, одеваться, совокупляться, и за прочие естественные потребности.

В соответствии с законами социального расчета поступают все взрослые и нормальные члены человека. Для регулирования их взаимоотношений во всяком достаточно долго

живущем человеке вырабатывается и передается из поколения в поколение совокупность правил (норм) поведения его членов, а также совокупность способов принуждения членов человека к соблюдению этих правил и наказаний за их нарушения. Таким образом, коммунальный аспект раздваивается на аспект рационального расчета (экзистенциального эгоизма) и аспект норм поведения. При этом важно иметь в виду то, что законы рационального расчета суть объективные социальные законы, а нормы поведения суть искусственные изобретения людей, ограничивающие действие этих социальных законов определенными рамками, без которых человек долго существовать не может.

Нормы поведения суть защитные средства людей от самих себя. Они суть результат длительной эволюции людей. Далеко не всегда это удавалось и сохранялось. Но если удавалось и доказывало свою полезность для самосохранения человека, то становилось объективным фактором его бытия. Замечу между прочим, что в силу диалектических законов бытия компоненты рассматриваемой пары (социальные законы и нормы поведения) в процессе эволюции взаимно стимулировали друг друга, - не только первые вынуждали изобретать вторые, но и изобретение вторых поощряло первые.

ЗАКОНЫ РАЦИОНАЛЬНОГО РАСЧЕТА

От биологической эволюции люди унаследовали законы экзистенциального эгоизма. Согласно этим законам определяющими факторами поведения людей являются их личные интересы и интересы биологически близких сородичей. Человек стремится не действовать во вред себе, препятствовать действиям других во вред ему, избегать ухудшения условий своего существования, отдавать предпочтение лучшим условиям существования.

В совместную жизнь в человеке люди включаются с этим принципом. Будучи обращены на социальную среду и благодаря сознанию упомянутые законы принимают форму законов рационального расчета. Их суть, коротко говоря, такова. Нормальный член человека осознает свое положение в человеке, свои интересы и ту или иную конкретную ситуацию с этой точки зрения и совершает сознательно-волевые поступки в соответствии с законами экзистенциального эгоизма. Эти поступки разнообразны. Их конкретный вид зависит от особенностей человека, особенностей его положения и данной ситуации. Но суть их всегда одна: осознанный эгоистический интерес человека. И от этого людей избавить невозможно. Заглушая это у одних людей, заглушающие сами с удвоенной силой отдаются во власть этих законов.

Возьмем для примера такую ситуацию. Все соблазнительные для данного индивида возможности удовлетворения его желаний (благ, карьеры, успеха) уже заняты другими. Очевидно, наш индивид может удовлетворить свои интересы лишь одним путем, а именно - за счет других индивидов. Врагом индивида в такой ситуации становится другой индивид, который препятствует реализации его желаний. Естественно, он должен стремиться ослабить врага. Его "другом" становится тот, кто помогает ему или кого он может использовать в своих интересах. Главный враг для индивида - другой индивид (коллега, человек той же профессии и т.п.), который способен лучше его выполнять ту же работу, умнее и способнее его, может добиться больших успехов. И если этот индивид имеет возможность как-то помешать такому потенциальному конкуренту, он это делает.

Другой пример - всеобщая скрытая и зачастую открытая вражда к людям с выдающимися способностями. Обычно окружающие сразу замечают потенции таких индивидов. Они воспринимают их как угрозу своему положению и принимают меры к тому, чтобы помешать им проявиться. Такие индивиды обычно пробиваются благодаря протекции посторонних. Если им это удастся, с ними мирятся как с людьми более высокого

социального уровня. И все это происходит не из-за какой-то испорченности людей, а в силу вполне "здоровых" социальных законов.

Не стройте никаких иллюзий насчет своих собратьев. Причем чем они образованнее и умнее, тем виртуознее они как социальные индивиды, действующие в силу законов рационального расчета. Если такой индивид ради своей значительной (с его точки зрения) выгоды может совершить преступление, будучи убежден в том, что останется неразоблаченным и ненаказанным за это, он это преступление совершит. Конечно, бывают исключения, в семье, как говорится, не без уroda.

Законы рационального расчета реализуются в системе правил коммунального поведения. На овладение ими уходят годы. Причем не все овладевают ими в одинаковой мере и полностью. И в поведении люди часто делают ошибки. Обычно правила коммунального поведения действуют в совокупности, трансформируя и маскируя друг друга. Этим правилам люди обучаются. Делают они это на собственном опыте, глядя на других, в процессе воспитания, благодаря образованию. Они напрашиваются сами собой. Даже у самых глупых людей хватает ума открывать их в какой-то части самим. А человек поставляет своим членам неограниченные возможности для тренировок. Описанием и изображением поведения людей под воздействием этих законов полна литература, кино, газеты, телевидение. Даже критика такого поведения и проповедь отрицательного к нему отношения в основном обучает этому поведению. В большинстве случаев люди даже не отдают себе отчета в том, что они получают систематическую подготовку и проходят систематическую практику на роль социальных индивидов, живущих по законам рационального расчета.

Хотя правила коммунального поведения естественны, люди предпочитают их маскировать и скрывать, делать вид, что поступают совсем по другим мотивам. Люди совместно вырабатывают какие-то самозащитные средства против буйства коммунальности (религия, мораль, идеология, право), в свете которых правила коммунального поведения выглядят как нечто отвратительное и порицаемое обществом. Когда мы людей называем шкурниками, карьеристами, ловкачами, лицемерами, интриганами, завистниками, лжецами, подхалимами, властолюбцами, хапугами, мы лишь фиксируем факты поведения их в силу законов коммунальности, причем - в крайних формах. На самом деле именно эти качества лежат в основе коммунального поведения. Люди изобретают многочисленные способы избежать их, которые точно так же становятся правилами коммунальности. Согласно этим последним морально порицаемые явления коммунальности принимают форму морально поощряемых. Бездарность должна принять форму таланта, подлость - форму добродетели, трусость - форму смелости, клевета - форму истины. Все в принципе понимают суть дела, но поскольку соблюдаются некие формальные правила, все принимают за чистую монету именно видимость, а не суть.

Правила коммунального поведения индивидов суть самые простые и самые фундаментальные социальные законы, на которых можно увидеть, каким образом объективность и субъективность этих законов прекрасно уживаются без всяких логических противоречий. Законы коммунальности, будучи изобретениями самих людей, являются вместе с тем неподвластными их воле по той простой причине, что люди просто не хотят их нарушать. Они и изобретаются для того, чтобы лучше устроиться в жизни, лучше приспособиться к социальной среде, организовать людей в группы, ограничить друг друга во избежание катастрофических последствий своего поведения. Эти правила находятся опытным путем в ряде поколений и затем навязываются каждому индивиду по отдельности как принудительные законы природы. Именно добровольность масс людей в следовании коммунальным правилам является самой глубокой основой того, что эти правила становятся господами их поведения.

Поведение людей по правилам коммунальности не есть поведение по правилам морали, если даже они совершают поступки, одобряемые морально. Тут имеет просто совпадение различных способов оценки поступков. Правила морали были в свое время изобретены как одно из средств самозащиты людей от буйства коммунальности, т.е. от самих себя как существ коммунальных. Какие-то правила морали сохраняются и в условиях господства коммунальности. Но они тут играют роль второстепенную и сугубо формальную. Убежденно моральный (поступающий именно в силу принципов морали) человек тут становится редким исключением, уклонением от общей нормы. Люди здесь соблюдают какие-то правила морали потому, что это требуется правилами коммунальности. Люди тут не являются, а лишь выглядят моральными, и этого достаточно. Потому тут исчезает такое явление, как угрызение совести. Потому тут люди становятся чрезвычайно гибкими социальными хамелеонами. Человек, сделавший принципы морали основой своего поведения и неотъемлемым элементом своей натуры, тут обречен на душевные страдания и на конфликты со средой. Если человек хочет добиться успеха, первое, что он должен сделать, это полностью очиститься от внутренней моральности и развить моральную мимику, т.е. способность использовать внешние формы морального поведения как средство сокрытия своей неморальной сущности и как средство в поведении по законам коммунальности. Искусство лицемерия здесь становится настолько обычным делом, что одним из правил поведения становится запрет на разоблачения лицемерия.

Коммунальные правила не есть нечто только негативное. Они вообще не есть негативное. Они - объективное. Они порождают следствия, которые какие-то люди воспринимают как негативное. Но они же порождают и средства защиты от них. Поскольку людей много и каждый действует в силу правил коммунальности, люди так или иначе вынуждены ограничивать друг друга, создавать коллективные средства самозащиты.

Правила коммунальности кажутся мало значащими пустяками, если их взять по отдельности и если рассматривать отдельно взятые поступки людей. Чтобы понять, какую роль они на самом деле играют в обществе, надо их взять в совокупности и в массе, т.е. принять во внимание то, какое число поступков и какие поступки миллионы людей совершают в соответствии с ними каждую секунду. Именно эти ничтожества, а не всемогущие тираны играют решающую роль в жизни общества, превращая в свои игрушки и инструменты самые значительные (с обывательской точки зрения) личности. Суть научных открытий в социологии состоит не в том, чтобы раскопать какой-то глубоко запрятанный грандиозный секрет жизни общества, а в том, чтобы увидеть, какую грандиозную роль играют очевидные всем пустяки.

Законы рационального расчета имеют силу и в отношении объединений людей, поскольку они функционируют как единое целое и поскольку их при этом представляют и олицетворяют (возглавляют) люди, причем в ситуациях, когда им приходится иметь дело с другими объединениями того же рода. Эти законы имеют силу и в отношении целых человекообразных существ. Все они суть живые существа, состоящие из людей и групп людей и управляемые людьми и группами людей. Есть социальные законы, согласно которым то, что свойственно отдельно взятым людям, становится свойствами групп, объединений групп и целых человекообразных существ. Целые страны ведут себя так, что их поведение может быть охарактеризовано теми же понятиями и критериями, какими оценивается поведение отдельных людей.

По мере увеличения и усложнения человекообразных существ, увеличения их числа и усложнения их отношений роль законов рационального расчета возрастает. Разнообразятся и становятся все более изощренными формы их проявления. Возникают особые специалисты и учреждения, занимающиеся их реализацией. Разрабатываются целые отрасли знания, посвященные поведению в их духе. В соответствии с этими законами ведутся войны,

действуют политики и дипломаты, хозяева и управляющие деловых фирм и т.д. Все это происходит, разумеется, не открыто и откровенно, а под видом благородных, гуманных, деловых, полезных и необходимых дел. И это все - не просто обман, а закономерная форма проявления объективных законов социального бытия.

Хотя законы рационального расчета, повторяю, вполне естественны, люди предпочитают о них помалкивать и даже скрывают их. Людей веками приучали облекать свое поведение в формы, приемлемые с точки зрения моральных и других ограничителей, и скрывать законы его как нечто предосудительное и даже преступное. Так что нет ничего удивительного в том, что эти законы до сих пор не заняли подобающее им место в сочинениях социологов. В истории социальной мысли лишь изредка проскакивало признание этих законов как объективных факторов социального бытия. Как правило, их проявление рассматривалось как нечто бесчеловечное. Но ничего бесчеловечного тут нет. Эти проявления ничуть не бесчеловечнее, чем явления дружбы, взаимопомощи, уважения и т.п. Последние вполне уживаются с первыми и объяснимы как нечто производное от первых. Читатель наверняка сталкивался со случаями, когда, например, одни люди оказывали пустяковую помощь другим (делали вроде бы доброе дело) и всячески рекламировали это, приобретая репутацию добрых, отзывчивых и бескорыстных личностей, будучи совсем иными по существу и в каких-то скрытых интригах. А разве не такова во многих (если не во всех!) случаях "бескорыстная" помощь западных стран другим (бедным) странам и народам мира?! А как ее раздувают и приукрашивают в западных средствах массовой информации! И вряд ли можно измерить, что в мире приносит больше зла людям - то, что считается добром, или то, что откровенно выглядит как зло.

Возможно ли построить систематическое и полное описание законов социального расчета? Задача логически сложная, но не невыполнимая. Для этого надо суметь перечислить все логически мыслимые ситуации, в которых эти законы имеют силу. С логической точки зрения эти ситуации таковы. В них оказываются отдельно взятые люди и объединения людей, действующие как единое целое, - назовем их социальными субъектами. Они должны совершать поступки в среде из множества себе подобных. Каждый из субъектов множества имеет цели, достижение которых зависит от других членов множества. И для таких ситуаций мы должны выяснить все логически мыслимые варианты поведения социальных субъектов и выделить из них наиболее выгодные для этих субъектов с точки зрения их интересов.

Не все поступки по законам рационального расчета равнозначны. Многие из них имеют слабые последствия, многие вообще остаются без последствий. Но среди них бывают такие, которые играют существенную роль в судьбах людей. Они оказывают влияние порою на судьбы целых человеколюбивых и народов. Социальные субъекты часто имеют возможность выбора наиболее выгодного для них варианта поведения в той или иной ситуации. Выбор не всегда бывает удачен. И не менее часто выбор вообще бывает ошибочным с точки зрения интересов субъектов. Вариант, выгодный в одних условиях и в одних отношениях, может оказаться невыгодным в других. Одним словом, законы социального расчета действуют через массу отклонений, нарушений, случайностей, проб и ошибок, а не как детали неживой машины и не в каждом конкретном случае прямо и явно, словно по предписанию некоего начальства.

Кроме того, люди в интересах самозащиты от своих собратьев вынуждены создавать средства ослабления, ограничения и сокрытия рассматриваемых законов. Это - совокупности норм поведения людей и их групп в своих человеколюбивых и по отношению к другим человеколюбивым и их представителям (к чужим). Изобретается также определенная система обучения этим нормам и наказаний за их несоблюдение. Для этой цели изобретаются такие средства принуждения, как религия, мораль, право, суды, тюрьмы.

НОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ

Нормы поведения социальных субъектов разделяются на запреты, разрешения, обязанности и права. Логическую основу их всех образуют запреты. Людям запрещено совершать некоторые действия (поступки) - это означает, что если они совершат эти действия, то они будут как-то наказаны за это, или другие люди будут препятствовать им в этом. Поступки не являются запрещенными, если за совершение их люди не наказываются. Незапрещенные поступки относятся к категории разрешенных. Обязательными поступками являются такие, которые запрещено не совершать. Логически следует, что обязательные поступки разрешены, а неразрешенные запрещены. Если поступок не является обязательным, его разрешено не совершать. Разумеется, фактические взаимоотношения норм поведения гораздо сложнее, причем создатели и хранители их не осознают их логические отношения. Последние устанавливаются профессиональной логикой.

Социальный субъект имеет право на определенного рода поступки или на приобретение, обладание и распоряжение определенным рода объектами - это означает, что ему это разрешено, а другим запрещено препятствовать ему в этом. Слово "право" тут употреблено не в специально юридическом или социологическом смысле, а как слово общеразговорного языка. Люди не имеют такого (как сказано выше) права, если у них нет разрешения на это, а другим не запрещено препятствовать им в этом. Если поступок запрещен, социальный субъект не имеет на него права, - это логически следует из определений нормативных выражений языка.

Нормы (правила) поведения являются формальными в том смысле, что касаются не конкретных индивидов и отдельных поступков, а логических классов (категорий) субъектов и поступков. Если выразить их в языковой форме и выявить при этом логическую структуру суждений, то они примут такой вид: всем социальным субъектам, относящимся к такому-то логическому классу, запрещено, разрешено, не запрещено, вменяется в обязанность, предоставляется право и т.д. то-то и то-то. В отношении индивидов эти нормы действуют по схеме: если этот индивид относится к такому-то логическому классу, в отношении к нему имеют силу такие-то нормы.

В реальности дело, конечно, не сводится к выяснению логических свойств нормативных выражений. В реальности вырабатывается сложная система социальных отношений людей, в которой мы можем абстрагировать нормативный аспект, находящийся далеко не в совершенном с логической точки зрения состоянии.

Нормы поведения социальных субъектов не являются социальными законами - это важно помнить. Они могут как-то отражать социальные законы, но они суть явления иного рода. Социальные законы не изобретаются. Нормы же, о которых идет речь, искусственно изобретаются. Законы, как правило, не осознаются. Открытие их - дело специалистов, с которыми они, надо сказать, справляются плохо. Нормы же обязательно должны осознаваться и признаваться членами человеческого общества. Законы сохраняются, поскольку сохраняются объекты, к которым они относятся. Нормы же искусственно сохраняются и поддерживаются искусственно изобретенными средствами - обычаями, традициями, расправами, судами, тюрьмами, религией, моралью. Социальные законы сами по себе неизменны и универсальны. Системы норм поведения меняются со временем и различны в различных человеческих обществах. Хотя это вроде бы очевидно, даже в профессиональных социальных исследованиях нормы поведения зачастую смешиваются с социальными законами, проявляющимися в поведении. Во всяком случае, их различие не замечается или игнорируется умышленно.

Совокупность норм поведения может быть обширной и разнообразной, порою разработанной настолько, что чуть ли не каждый поступок членов человеиника оказывается нормированным. В литературе всякого рода в свое время много говорилось о том, каким кошмаром для людей было это засилье норм поведения и какую борьбу вели представители таких человеиников, чтобы как-то ослабить этот гнет. И в наше время можно видеть этот социальный нормативизм (так назову этот феномен) у бесчисленных народов. Причем роль его нельзя считать чисто негативной. Он складывался как условие выживания народов. Разрушение его во многих случаях (если не как правило) вело к разрушению человеиников. Современные человеиники являются в высшей степени нормативными. Помимо общеизвестных моральных и юридических норм, можно назвать нормы этикета, служебного поведения, армейской дисциплины, поведения в средствах транспорта и т.п. Вся жизнь людей с рождения до смерти опутана всякого рода искусственно изобретенными нормами поведения. Человек буквально шагу ступить не может, так или иначе не считаясь с какими-то нормами. Причем все нормы, как правило, принудительные. Нарушение их так или иначе замечается и наказывается. На овладение системой норм уходит значительная часть жизни и сил большинства людей.

Хотя система норм поведения имеет тенденцию к полному охвату поведения членов человеиника, практически это не достигается никогда. Остаются ненормированные поступки. В человеинике происходят изменения, в результате которых люди начинают совершать поступки, еще не охваченные нормами. Люди нарушают установленные нормы. Многие нормы таковы, что допускают диапазон, в рамках которого возможен выбор, допускают различные истолкования и исключения. Наконец, вводятся нормы, предоставляющие людям какую-то свободу поведения. Таким образом, в человеинике складывается какая-то часть ненормированного поведения его членов.

Между множествами нормированных и ненормированных поступков имеют место определенные соотношения. Если первое множество является малочисленным, из этого не следует, что второе многочисленно. В примитивных человеиниках, например, норм было сравнительно мало, но это не означает, будто люди были свободны в поведении. В современных западных странах множество нормированных поступков огромно, но и множество ненормированных поступков тоже велико. Для точных измерений необходимо исходить из множества потенциальных поступков данного человеческого материала и выяснять, как оно разделяется на нормированные и ненормированные. Это надо сделать для разных категорий людей и поступков. И лишь на этой основе вычислять степень и характер нормированности человеиника. По моим наблюдениям, степень нормированности человеиника (степень закрепощения) имеет тенденцию возрастать, а степень ненормированности (свободы) снижаться. Замечу кстати, что гражданская демократия (демократические свободы) возникает не просто из чьих-то желаний облагодетельствовать людей, а как защитная реакция от нормативного тоталитаризма.

Нормы поведения могут функционировать только при том условии, что существуют достаточно эффективные средства принуждения людей к их соблюдению и наказания за их нарушения. В противном случае они становятся фиктивными.

МЕНТАЛИТЕТНЫЙ АСПЕКТ

Третий аспект человеиника охватывает все то, -что касается сознания (менталитета, психики) его членов. В него включается формирование сознания у новых поколений дюддей, поддержание состояния сознания взрослых, какое требуется условиями и интересами самосохранения человеиника, снабжение людей "пищей" для сознания ("духовной пищей"),

выработка и поддержание правил поведения, необходимых для выполнения упомянутых задач, манипулирование людьми путем воздействия на их сознание.

Сознание людей есть результат коллективного творчества. Это - их искусственное изобретение, не передаваемое новым поколениям посредством биологической наследственности и не сохраняющееся само собой. Для этого нужны искусственные средства, и они вырабатываются в менталитетном аспекте. В нем люди сами воспроизводятся в качестве социальных объектов, т.е. обладающих сознанием искусственных существ.

Сознание людей как членов человеиников включает в себя определенное понимание окружающего мира, самих себя и вообще всего того, что важно для ориентации людей в мире. Оно включает в себя субъективное отношение людей к тому, что встречается в их жизненном опыте, - систему оценок и ценностей. Оно стандартизируется определенным образом. Члены человеиника не только выглядят сходными телесно, но и являются сходными "духовно" (менталитетно). Причем менталитетное сходство является гораздо большим, чем телесное, ибо тут сходство создается искусственно, преднамеренно и по определенным образцам. И в наше время кажущегося менталитетного разнообразия индивидов в основе их менталитета можно обнаружить поразительное однообразие.

В рамках менталитетного аспекта возникали и развивались верования, культы, религии, философия, наука, искусство. В современных человеиниках этот аспект достиг масштабов двух других основных аспектов.

ОСНОВНЫЕ УРОВНИ ЧЕЛОВЕИНИКА

Человеиник возникает, организуется, живет и эволюционирует одновременно на трех уровнях - на микро-, макро- и суперуровне. Объекты первого суть отдельно взятые люди и их объединения в частичные группы. В современных человеиниках эти группы суть общеизвестные фабрики, заводы, конторы, магазины, больницы, школы, банки, университеты, аэропорты, театры, издательства, родственные группы, молодежные компании, любительские общества, спортивные команды, клубы, криминальные банды, религиозные общины, воинские части и т.д. Объекты второго уровня суть объединения объектов первого уровня, сфера деятельности которых - человеиник в целом. Это - органы власти и управления, полиция, армия, церковь, суды, организация хозяйства, культура и т.д. Они выполняют в человеинике различные функции и совместно обеспечивают его жизнедеятельность как единого целого. На суперуровне происходит структурирование членов человеиника вне объектов первых двух уровней, но на их основе.

Взаимоотношения между уровнями варьируются в зависимости от условий, многосторонни и изменчивы. Возможно доминирование какого-то из них над другими. Но при всех обстоятельствах имеет силу как тенденция к установлению взаимного соответствия (адекватности) уровней, так и тенденция к его нарушению. Роль различных уровней в организации человеиников различна в различных человеиниках и меняется со временем в тех же самых человеиниках. Но имеет силу тенденция к некоторому устойчивому соотношению.

МИКРОУРОВЕНЬ

Минимальная социальная группа обладает такими признаками. Она состоит по крайней мере из двух человек. Эти люди более или менее регулярно (в течение длительного

времени) делают какое-то дело как единое целое. Один из членов группы выполняет функции управляющего органа - принимает решения, отдает приказания, управляет членами группы при выполнении дела. Руководитель группы выполняет свои функции исключительно путем непосредственных личных контактов. Он должен лично контролировать поведение членов группы при исполнении дела. Минимальное число членов группы определяется потребностями дела группы, максимальное - возможностью руководителя группы контролировать подчиненных лично.

Сложные группы образуются так. Простейший случай - разделение группы на две и подчинение одной из них другой, в результате чего сохраняется единство и возникает более сложная группа. Тот же эффект получается, когда две группы объединяются в одну путем подчинения одной из них другой. Более сложный случай - объединение людей, имеющее управляющий орган, внутренне дифференцируется на два или более объединения с сохранением исходного объединения и с образованием в каждой из частей управляющих органов. Тот же эффект получается, если два или более объединения сливаются в одно с сохранением своих руководящих органов и с образованием общего руководящего органа.

Всякое достаточно большое число людей, вынужденное жить как единое целое длительное время, разделяется на множество групп, между которыми устанавливаются отношения субординации (начальствования и подчинения), координации, соответствия и т.д. Эти отношения устанавливаются как отношения управляющих органов групп, в конечном счете - людей. Складывается иерархия этих отношений.

В отношениях между людьми и их группами в самих основах структурирования имеют силу объективные социальные законы. Приведу некоторые из них для примера. Группа стремится сделать каждого своего члена (индивида) максимально зависимым от нее. И она имеет для этого средства. От нее зависит успех индивида по работе, жизненные блага, награды и наказания. Индивид же, со своей стороны, стремится по возможности стать независимым от группы, приобрести привилегии, поддержку и источники дохода вне группы, использовать группу в своих интересах. Положение начальника считается лучшим, чем положение подчиненных. Труд начальника имеет более высокий статус и оплачивается лучше, чем труд подчиненных. Начальник стремится к максимальному подчинению нижестоящих, а последние - к максимально возможной независимости от начальства. Начальство стремится свести к минимуму риск и ответственность.

Уже на микроуровне неизбежно разделение людей на начальников и подчиненных, на имеющих власть и подвластных, а также на различные категории людей в группах. Это служит самой глубокой основой неравенства в распределении социальных позиций и жизненных благ. Развитие человеичника есть усложнение системы различий людей и их неравенства в различных аспектах. И от этого люди не в состоянии избавиться, пока они образуют человеичники.

Человеичники в основе своей имеют клеточную структуру. Минимальный случай - одноклеточный человеичник. Надо думать, что он был историческим предшественником многоклеточных человеичников. Тут отношение подобно отношению между одноклеточными и многоклеточными организмами. Эволюция человеичников по этой линии есть одно из измерений социальной эволюции.

Понятие клеточки является соотносительным с понятием целого. Клеточка есть часть целого. Но не любая, а в каких-то определенных отношениях или с точки зрения определенных признаков целого. Она есть минимальная часть целого в этих, и только в этих отношениях.

Клеточки достаточно больших и развитых человеичников разделяются на такие, которые являются минимальными частями человеичника в целом, обладающими основными свойствами человеичника в целом, и такие, которые являются минимальными частями

какого-то подразделения человеиника, обладающими основными свойствами этого подразделения. Например, к числу первых может принадлежать административный район страны, к числу вторых - промышленное предприятие. Первые будем называть коммунальными, вторые - деловыми.

Клеточки могут состоять из родственников, в частности - это может быть семья. Но тут клеточка образуется не потому, что есть семья, а, наоборот, семья в определенных условиях становится клеточкой. Такое встречается даже в современных странах, а не только было в феодальном прошлом. Клеточки могут быть образованы и из чужих друг другу людей, что есть обычное явление в современных человеиниках. Клеточки могут быть исключительно деловыми, как в западных странах. Но могут одновременно выполнять и другие функции, например - воспитания членов клеточек, организации их быта и отдыха, как это имело место в Советском Союзе.

Особо следует выделить деловые клеточки, благодаря которым и в которых большинство работоспособных членов человеиника добывает средства существования для себя и членов своих семей, добывается успеха, делает карьеру, приобретает и повышает квалификацию, удовлетворяет потребность в деятельности и в общении с другими людьми. Положение членов таких клеточек в человеинике определяется прежде всего их положением в их клеточках. В современных человеиниках это - предприятия и учреждения, благодаря которым человеиник может существовать (заводы, учебные заведения, магазины, больницы, органы власти и т.д.).

Клеточки объединяются в многоклеточные образования. Простейший случай - сосуществование внутренне независимых друг от друга клеточек. Их совместность определяется внешними для них факторами. Более сложный случай - обмен и заимствования, сначала спорадически, затем - регулярно. Подругой линии - совместная деятельность, разделение функций, постоянная потребность друг в друге. Сложные клеточки различаются по степени сложности. Усложнение идет по линии усложнения клеточек, образующих управляемое тело, и управляющего органа. Последний сам может быть клеточкой, причем тоже сложной. Усложнение идет во многих измерениях. Образуется иерархия клеточек в плане вхождения одних в структуру других, а также в плане их субординации как управляющих и управляемых. Все возможные тут варианты логически вычислимы. Все реализующиеся варианты суть члены множества этих логически вычисляемых вариантов.

МАКРОУРОВЕНЬ

На макроуровне различаются сферы, охватывающие человеиник в целом. Они состоят из клеточек, но выполняют определенные функции в интересах человеиника именно как целого. Основные сферы суть следующие: 1) власти и управления; 2) хозяйства; 3) менталитета. Они возникают в результате разрастания и дифференциации рассмотренных выше аспектов - коммунального, делового и менталитетного. Их возникновение и является структурным воплощением этой дифференциации: особой функцией какой-то части членов человеиника становится деятельность в определенном аспекте. Условием образования человеиника является возникновение управляющего органа - власти и управления человеиником как единым целым. Это означает, что постоянной функцией некоторой части членов человеиника становится функция управляющего органа, - сознания и воли человеиника. Сам факт образования такого органа означает, что прочие члены человеиника становятся частицами его управляемого тела. Поскольку власть сама не производит ничего, то основной функцией подвластного тела человеиника становится обеспечение себя и

людей, занятых во власти, средствами существования, - функция хозяйства. Одновременно с органом управления происходит формирование органов защиты от внешних нападений и органов внутреннего порядка человеческого. Они в свою очередь вносят свою долю в разделение членов человеческого по линии разделения функций. В другом разрезе происходит разделение власти над телами и над "душами" людей и образования органов второй. Происходит также разделение дела по добыванию и производству средств существования для тела людей и дела по формированию самих людей и снабжению их "духовной" пищей. Как суммарный эффект и возникают рассматриваемые основные сферы.

ВЛАСТЬ

Слово "власть" неоднозначно. Говорят о власти людей над вещами и силами природы. Говорят о власти вещей, сил природы и обстоятельств над людьми. Я буду говорить о власти исключительно как о социальном явлении. Поясню, что именно я имею в виду.

Буду называть социальными субъектами отдельно взятых людей как существа, обладающие волей и сознанием, и объединения людей, в которых какие-то их члены выполняют функции воли и сознания в отношении объединений в целом. Будем говорить, что один социальный субъект имеет власть над другим, если, и только если первый может в каких-то отношениях распоряжаться вторым по своей воле. Первый будем называть носителем власти (властителем), второй - объектом власти (подвластным).

Власть может быть частичной и кратковременной. Но может быть и многосторонней и постоянной, пожизненной. В этих пределах колеблется степень власти и подвластности. Предел власти - когда властитель распоряжается всеми важнейшими аспектами жизни подвластного субъекта, включая его биологическую жизнь. В человеческих складываются сети и иерархия власти, так что одни и те же люди оказываются в положении властителей по отношению к одним и в положении подвластных по отношению к другим людям. Отношение власти и подвластности есть одно из самых фундаментальных социальных отношений.

Всякие властители стремятся к максимуму над подвластными и к максимально возможному расширению множества подвластных. В этом смысле они не имеют никаких ограничений в самих себе. Рассчитывать на какую-то их "совесть", "доброту", "человечность", "разумность" и т.п. в этом их стремлении нелепо, ибо это не соответствует природе феномена власти. Властители имеют ограничения своим стремлениям лишь вовне, а именно - в других властителях и в подвластных, в сопротивлении последних амбициям властителей. С разрастанием множества властителей в их среде происходят расколы, образуются враждующие и конкурирующие группировки. И функцию упомянутого сопротивления присваивают себе представители множества властителей, которые вовлекают подвластных в сопротивление по мере надобности и возможности. Подвластные стремятся к минимуму подвластности. Иногда они восстают и выходят из-под контроля властителей. Добровольность подвластности имеет место лишь тогда, когда она в какой-то мере выгодна подвластным.

Люди и целые народы различаются по степени властности (по способности властвовать над другими). Встречаются выдающиеся индивиды и народы с этой точки зрения, как и во всякой другой способности. Но для удовлетворения потребностей человеческого и человечества во властителях средних способностей властвовать более чем достаточно. Как показывает опыт, из безвольных "тряпок" получаются порою более "железные" и "твердокаменные" властители, чем из волевых. И все же высокая степень властности повышает возможности ее обладателей в борьбе за существование.

В силу закона экзистенциального эгоизма люди стремятся к власти прежде всего для самих себя и во вторую очередь для подвластных. Дело обстоит не так, будто некие благородные, бескорыстные и самоотверженные личности жертвуют собою для блага подвластных. Конечно, такие личности встречаются как исключение и уклонение от нормы. Множество нормально-средних властителей образуют люди, живущие за счет функции власти и использующие эту функцию в своих корыстных целях.

СФЕРА ВЛАСТИ ЧЕЛОВЕЙНИКА

Отношения власти и подвластности охватывают всех членов человејника во всех измерениях их жизни. Из этих отношений я выделяю особую макросферу человејника, исполняющую функцию власти в отношении человејника как целого. Иметь на этот счет ясность с самого начала очень важно, поскольку из-за отсутствия ее возникают весьма серьезные теоретические проблемы. Например, больше люди в некотором человеческом объединении могут иметь власть в рассмотренном выше смысле над представителями государственной власти этого объединения, не будучи в числе этих представителей. Жена может иметь власть над мужем, который является президентом страны, но из этого не следует, будто она - высшая власть в стране. В дальнейшем я буду говорить о сфере власти человејника.

Власть есть многосторонний феномен. Она характеризуется наличием у социального субъекта как носителя (обладателя) власти таких признаков: 1) осознание своего положения в отношении подвластных субъектов; 2) осознание того, что он может и хочет требовать от подвластных, способность сформулировать свое желание в знаках (в языке); 3) сообщение своей воли подвластным (приказание); 4) способность и средства принудить подвластных к исполнению приказа; 5) контроль за исполнением приказа. В простейших случаях и в исторически исходных формах человеческих объединений все эти стороны слиты воедино. С увеличением и усложнением объединений происходит разделение сторон целого в виде функций различных людей и их объединений, совместно выполняющих функции власти. Все то, что мы можем наблюдать во власти современных человејников, так или иначе может быть представлено как развитие, исходящее из рассмотренного зародыша. Это - не собирание каких-то разрозненных явлений в целое, а именно развитие путем дифференциации сторон целого и обособления их в виде функций частей. Конечно, при этом могут иметь место внешние влияния и объединения разных явлений. Но при всех обстоятельствах внешнее влияние должно ассимилироваться, а объединившиеся явления должны установить такие отношения, какие установились бы в случае дифференциации единого. Другими словами, упомянутые стороны власти не существуют изолированно друг от друга. И даже когда они разделяются и воплощаются в различных субъектах, они остаются сторонами (функциями, свойствами) целостного феномена власти.

С развитием человејника сфера власти разрастается и превращается в систему определенного типа. Этот тип зависит от многих факторов, в их числе - от размеров человејника и от характера человеческого материала. Например, требуется некоторый минимальный размер человејника (число людей), чтобы власть приобрела форму демократии. И выше некоторого максимума величины человејника власть не может возникнуть или сохраниться достаточно долго как демократия. Аналогично есть зависимость типа власти от размеров территории, от климатических условий, от способности народа к самоорганизации, от окружения. Тип власти зависит, разумеется, и от степени сложности человејника, от культуры и идеологии. Но свести тип власти к какому-то одному фактору ошибочно.

Сфера власти есть управляющий орган человека. Она включает в себя выработку приказа (решения) по содержанию (т.е. по языковому выражению) и сам акт отдачи приказа, выражение воли власти заметным для подвластных способом и принуждение подвластных к исполнению этой воли, отдачу приказа и контроль за его исполнением. По мере усложнения человеческих объединений и самих органов власти происходит разделение функций власти во всех упомянутых измерениях. Приказание может быть таким, что для его исполнения требуется множество людей, множество действий, распределение обязанностей, порядок действий, качество исполнения. Все это становится функцией управления. Когда такое отношение между имеющими власть и подвластными становится регулярным, происходит разделение функции выработки и отдачи приказаний, с одной стороны, и функции управления процессами исполнения приказаний. Вторая обособляется в качестве особого компонента сложного феномена власти.

За приказывающей частью власти сохраняются какие-то функции управления - она управляет управляющей частью. Управляющая часть наделяется некоторыми функциями приказаний - она доводит приказания приказывающей части до исполнителей и вносит в них свою долю (детализация с учетом обстоятельств, свойств исполнителей и т.д.). Это раздвоение власти - типичный пример диалектического раздвоения единого с сохранением его целостности. В реальности такое раздвоение происходит во многих измерениях и на разных уровнях. Складывается многомерная сеть и иерархия таких отношений. Лежащее в глубине процесса раздвоение скрывается, запутывается, измельчается. Одновременно происходит разделение функций власти и в других измерениях.

УПРАВЛЕНИЕ

Полностью неуправляемых социальных объектов не существует согласно самому определению понятий. Есть лишь разные формы и степени управления и управляемости. Полностью неуправляемый социальный объект просто отмирает в качестве объекта социального. Когда говорят о каких-то социальных объектах как о неуправляемых, неявно предполагают их неуправляемость определенными органами и формами управления или низкую степень управляемости.

Управляющему органу принадлежат право и обязанность выработки и принятия решения относительно деятельности управляемого тела, приведения решения в исполнение, контроля за его исполнением, поддержания соответствующего порядка, необходимого для этой деятельности, поощрения одних граждан и наказания других. Эти право и обязанность могут быть захвачены или навязаны силой, получены по традиции, установлены путем соглашений или законодательным путем.

Имеются определенные корреляции между управляющим органом и управляемым телом, нарушение которых делает социальную группу менее жизнеспособным. Тут опасно как чрезмерное разрастание управляющего органа, так и его недостаточность для управления чрезмерно разросшимся и усложнившимся управляемым телом. История животного мира и человечества дает бесчисленные примеры на этот счет.

Управление есть деятельность управляющих органов. Тут имеются определенные правила, следование которым приносит желаемый успех, а несоблюдение которых приносит нежелательную неудачу. Опять-таки целостной и детально разработанной теории таких правил не существует. В последнее время в связи с ростом роли управления в западной экономике тема управления стала предметом внимания специалистов. Но обсуждение этой темы проходит в основном в узких рамках экономики и политики. Кроме того, разработке общей теории управления мешает идеологическое лицемерие. Тут

признание такого рода идей, какое можно видеть у Макиавелли, считается аморальным, а опыт гитлеровской Германии и коммунистической России считается преступным. А между тем правила управления не могут быть частью правил этики и права. Масса людей готовится специально для дела управления. Они изучают множество всяких наук. Но о правилах управления, как таковых, они узнают косвенно или как о чем-то весьма банальном (вроде улыбок, поклонов и галстуков), а главным образом познают их на опыте.

Надо различать управление делом, в которое вовлечено определенное множество людей, и управление людьми независимо от конкретного дела, раз эти люди по каким-то причинам собраны вместе. Управление конкретным делом всегда есть управление людьми, занятыми этим делом, а управление конкретным объединением людей есть так или иначе и управление делом, которое свело этих людей вместе, хотя это дело и может заключаться лишь в том, чтобы жить вместе. Доминирование того или иного аспекта (дело и совместность) порождает различные типы управления - деловое и коммунальное (или порядковое). Первое подчиняется общим законам дела, второе - законам коммунальности. Но каждое содержит в себе в ослабленном виде свойства другого.

Надо, далее, различать два аспекта во взаимоотношениях управляющего органа и управляемого тела: 1) первый приспосабливается ко второму; 2) второе приспосабливается к первому. Постепенно устанавливается относительное их равновесие, но с доминированием одного из них в зависимости от характера общественного организма. Доминирование первого аспекта дает приспособленческий тип управления, а доминирование второго - волюнтаристский.

Надо, далее, различать взаимоотношения между различными управляющими органами в одном и том же социальном пространстве, например - взаимоотношения между внутриклеточным управлением и управлением всею совокупностью клеток. Тут опять-таки возможны различные варианты. Отмечу два из них как основные. Первый из них - управляющие органы и принципы управления однотипны, между ними доминирует отношение субординации. Назову этот тип гомогенным. Второй из них - управляющие органы и принципы их деятельности разнотипны, между ними доминирует отношение координации. Назову его гетерогенным. Возможны и другие варианты, включая комбинации этих двух, а также комбинации из трех и более слоев управления.

Различаются также непосредственное и опосредованное управление. Во втором между управляющим органом и управляемым объектом имеется посредник, не входящий в структуру управления. Имеется малоступенчатое (в частности - одноступенчатое) и многоступенчатое (иерархизированное) управление, централизованное и децентрализованное, единоначальное и коллегиальное.

Надо, наконец, различать командный и регулировочный аспекты управления. Доминирование одного из них дает соответственно командный и регулировочный тип управления. В случае первого управление осуществляется путем приказов (указов, директив, инструкций), отдаваемых руководящим органом нижестоящим инстанциям руководства или управляемым объектам. В случае второго упор делается на систему правил, за соблюдением которых следит руководящий орган. В реальности управления большим человеческим коллективом включает в себя огромное число актов, способов, учреждений и аспектов управления. Все они сплетаются в сложную и многостороннюю систему управления, которая характеризуется не одним каким-то бросающимся в глаза и раздутым в идеологии и пропаганде признаком, а многими признаками, которые не всегда гармонируют друг с другом, а порою даже вступают в конфликты и порождают противоположно направленные следствия. Тем не менее каждый тип человеческого коллектива создает свою систему управления, в которой доминируют вполне определенные явления, позволяющие говорить о типе этой системы. Так, для некоторых человеческих коллективов характерна

порядковая, волюнтаристская, гомогенная, централизованная, командная, прямая, многоступенчатая система управления, а для других - деловая, приспособленческая, гетерогенная, опосредованная, регулировочная система.

Каждая система имеет свои принципы функционирования. Вот для примера некоторые принципы первого из упомянутых видов управления. Максимальный контроль за всеми аспектами жизни общества и отдельных граждан. По возможности не допускать то, что не может контролироваться. Если этого невозможно избежать, то допускать это в той мере, в какой это не угрожает общей установке на максимальное контролирование. По возможности ограничивать число управляемых объектов, сводить к минимуму число "точек" и акций управления. Не допускать конфликтов между частями целого. В случае возникновения таковых отдавать предпочтение интересам управляемости. Не допускать непредвиденного.

А вот для примера некоторые принципы другого вида управления. Контролировать только такие "точки" управляемого тела, контроль над которыми дает возможность контролировать все тело. Сводить число таких точек к минимуму. Если контролируемое тело нормально выполняет свои жизненные функции, не надо мешать ему избыточным контролем. Не мешать неуправляемым явлениям, если они не вредят делу. При всех конфликтных ситуациях отдавать предпочтение интересам дела.

Управление как особый вид деятельности имеет свои законы. Управляющий должен иметь достаточные знания об управляемом объекте, информацию об его состоянии, об исполнении своих приказаний. Должен давать приказания, соответствующие объекту и его состоянию. Его приказания должны быть ясны управляемым, должны быть однозначны. Он должен настаивать на исполнении приказаний, наказывать управляемых за их плохое исполнение или неисполнение. Управляемые должны понимать, что от них требуется, признавать авторитет управляющего и т.д. Все это общеизвестно как азбука управления. Но в реальности эти азбучные правила постоянно нарушаются, что сказывается в состоянии управляемого объекта и дела.

Всякое управление предполагает потоки информации. Естественно, прогресс информационной техники породил колоссальный энтузиазм в отношении прогресса всей системы управления. Считается, что новая информационная система, основанная на использовании современной информационной техники, доставляет информацию ответственным лицам (управляющим) полнее, точнее и быстрее, чем старая система личных докладов сотрудников своим начальникам. Кроме того, в старой системе один начальник может иметь не более шести подчиненных, которые докладывают ему. В новой же системе это число в принципе не ограничено, вернее - оно ограничено лишь качествами подчиненных, обязанных докладывать непосредственно одному начальнику.

Абстрактно рассуждая, все это так. Но в реальности вступают в силу факторы, несколько отрезвляющие энтузиастов управления без иерархической системы начальствования и подчинения. Прежде всего, возможности управляющего в смысле овладения получаемой информацией ограничены. Информацию-то ему может передавать любое число людей, да вот сколько информации может переварить он сам?! Способны ли информационные машины обрабатывать поток информации так, как это делают на различных уровнях информационной иерархии люди, знающие положение дел и имеющие опыт отбора и оценки информации? Абстрактно такие машины можно вообразить, обучив их критериям отбора. Но такие критерии должны быть постоянными. А в изменчивой и разнообразной реальности все равно нужны люди, которые учитывают перемены и вводят новые критерии в машины. Так что на место людей без машин приходят лишь люди с машинами.

Относительны и прочие достоинства новой системы. Полнота и скорость движения информации являются тут избыточными, а точность ее несколько не увеличивается за счет

машин. К тому же никакая техника не может заменить волевой и оценочный аспект целиком. Тут так или иначе решают люди.

Надо различать цели и интересы людей, вовлеченных в ситуацию управления (управляющих и управляемых), и средства управления. Основные средства суть физическое насилие, манипулирование сознанием людей и распоряжение жизненными благами.

ПОРЯДОК

Жизнь человеиника - множество поступков (действий) его членов. Это множество должно быть как-то упорядочено, чтобы человеиник мог жить как единое целое, т.е. должен быть установлен и поддерживаться определенный порядок. Члены человеиника должны быть как-то защищены друг от друга.

Порядок может создаваться и поддерживаться сам собой, если существа, образующие объединение, биологически обречены на строго определенную форму поведения, которую они не в силах нарушить. Но люди обладают широким диапазоном поведения от природы и возможностями свободного поведения. В их социальной жизни имеет место большое число ситуаций, биологически непредусмотренных. Так что проблема порядка человеиника оказывается первостепенной важности. Для выработки и сохранения порядка необходимо определенное постоянно действующее насилие, ибо сам собой порядок тут не может возникнуть и сохраняться. Эту функцию выполняют все члены человеиника, обладающие какой-то долей власти над другими людьми. Но эта их властность должна как-то упорядочиваться. В человеинике эту функцию поддержания порядка берет на себя сфера власти и управления.

Если группа людей небольшая и условия жизнедеятельности примитивны, функцию порядка может выполнить один человек. По мере разрастания человеиника и усложнения поведения людей происходит разрастание и усложнение самих органов порядка. Происходит это по общим законам социальной комбинаторики. Происходит сосредоточение функции насилия в сфере власти, с одной стороны, и распределение ее по всем частям и подразделениям человеиника, с другой. Организация человеиника с этой точки зрения есть организация тотального насилия.

ХОЗЯЙСТВО

Хозяйством человеиника я называю то, что члены человеиника специально создают искусственно (а не находят в готовом виде) и делают регулярно, чтобы добывать и производить средства существования. В хозяйство входит создание орудий труда и искусственных сооружений, разведение домашних животных и выращивание культурных растений, строительство жилищ, изготовление одежды и т.д. - создание материальной культуры, благодаря которой человеиник живет.

В силу определения у животных нет хозяйства. У них есть зона, в которой они добывают средства существования. И у людей охота, собирательство и грабеж сами по себе еще не хозяйство. Для хозяйства, повторяю и подчеркиваю, нужно, чтобы люди создавали специально искусственные предметы и делали это регулярно.

На заре человечества почти все население человеиника занималось хозяйством. По мере увеличения человеиников и роста производительности труда стало расти число людей, которые сами непосредственно не занимались в хозяйстве, а жили за счет того, что делали другие. Эти люди появились прежде всего в сфере власти и в менталитетной сфере, а также

как обслуживающие других членов человеческого общества, обладавших властью и богатством. С другой стороны, часть членов человеческого общества, способных содержать не только себя, но и других, относительно сокращалась. Их постоянной функцией в человеческом обществе стало снабжение всего человеческого общества средствами существования. Они образовали особую сферу - хозяйственную. Так что образование сфер власти и хозяйства суть результат единого процесса. Власть смогла образовать особую сферу лишь при условии образования сферы хозяйства.

Производительность хозяйственной сферы долгое время оставалась такой, что основная масса членов даже сравнительно развитых человеческих обществ была занята в сфере хозяйства. Казалось, будто это и есть основное дело человеческого общества. Положение коренным образом изменилось совсем недавно, главным образом - уже в нашем веке, особенно заметно - во второй половине века. Число людей, занятых в хозяйственной сфере, сократилось относительно числа людей, занятых в других сферах (в системе власти и управления, в культуре, в науке, в сфере обслуживания и т.д.), настолько, что стало возможно рассматривать сферу хозяйства как одну из многих, причем даже не как главную. В современных наиболее развитых человеческих обществах в хозяйственной сфере занято даже менее 20 процентов работающих. Более того, теперь определяющую роль в жизни таких человеческих обществ играет уже не хозяйственная сфера, а другие. Такую эволюцию человеческих обществ не могли предвидеть во второй половине XIX века и даже в начале XX века. Иначе марксистский "исторический материализм" вряд ли имел бы такой колоссальный успех.

Люди, занятые в сфере хозяйства, либо вынуждаются другими людьми или обстоятельствами личной жизни снабжать других членов человеческого общества средствами существования, либо делают это добровольно. В первом случае они должны сами иметь какие-то средства существования, чтобы делать то, что от них требуют другие. Им дают возможность жить, чтобы за их счет могли жить те, кто принуждает их к деятельности в сфере хозяйства. Во втором случае они делают свое дело не из любви к другим людям, а с целью иметь что-то для себя. Заботясь о себе, они заботятся о других. И таким путем хозяйство выполняет свою фундаментальную функцию в человеческом обществе: обеспечение человеческого общества необходимыми для его существования материальными благами. Все последующее усложнение и прогресс хозяйства есть развитие (развертывание, дробление, детализация и т.д.) этой основной функции.

Развитие функции хозяйства происходит во многих измерениях. Назову некоторые из них. Можно различить первичный и вторичный уровни хозяйства. Первичный уровень образует все то, благодаря чему члены человеческого общества добывают непосредственно из природы и других человеческих обществ и приносят в свой человеческий обществ. На этом уровне средства существования поступают в человеческий обществ. Вторичный уровень образует то, что члены человеческого общества извлекают из продуктов первичного уровня. Со временем происходит дифференциация на обоих уровнях, так что образуется иерархия уровней.

По другой линии можно различить добычу и производство самого необходимого для жизни людей (для удовлетворения основных потребностей) и добычу и производство сверх этого необходимого (для удовлетворения производных потребностей). В других разрезах происходит дифференциация подразделений хозяйства в зависимости от разнообразия потребностей различных категорий членов человеческого общества, от разнообразия создаваемых предметов потребления и многих других факторов. Происходит также усложнение хозяйства по линии дифференциации этапов производства, производства различных компонентов продукции и т.д. Происходит, наконец, разделение людей на выполняющих хозяйственные функции и выполняющих функции власти и управления в сфере хозяйства, а также установление иерархии вторых.

Многие социальные мыслители (философы, социологи, историки) до сих пор считают сферу хозяйства базисом всякого человеиника. Крайний случай такого подхода к человеиникам - марксистская концепция. Да и западная идеология упорно навязывает такой взгляд всему человечеству, вовлекаемому в зону влияния Запада. Само собой разумеется, человеиник не может существовать без хозяйственной сферы. Но ошибочно утверждать, будто способ организации и степень развитости этой сферы определяет собою все прочие компоненты любых человеиников. Одно дело - роль хозяйства в существовании человеиника, и другое дело - его роль в организации того или иного человеиника в целом. В истории человечества возникали и возникают различные виды человеиников и различными путями. И далеко не всегда способ организации и состояние хозяйства определяли все прочие явления человеиника. Известны случаи в прошлом и в настоящем, когда формирование человеиника начиналось с образования системы власти и последней приходилось создавать хозяйственный "базис". Причем создавать не для того, чтобы стать "надстройкой" над ним, а чтобы использовать его в своих интересах. Так произошло, например, в России после революции 1917 года.

МЕНТАЛИТЕТНАЯ СФЕРА

В примитивных человеиниках менталитетный аспект был слит с другими. Делом формирования сознания людей занимались почти все взрослые члены человеиника. Причем занимались они этим в процессе деловой и коммунальной жизнедеятельности. Думаю, что в простейшем (как логически, так и исторически) случае человек, воплощавший в себе управляющий орган человеиника, исполнял в недифференцированной форме функции власти и управления не только телами, но и "душами" людей. Социальное управление вообще есть управление путем воздействия на сознание людей, а сознание еще не отпочковалось от телесной деятельности в качестве деятельности особого рода. Лишь со временем произошло отпочкование функции "заведования" менталитетом людей в виде функции особых людей.

По мере эволюции человеиников происходило разрастание сознания людей, усиление его роли, увеличение числа действий, специфически связанных с сознанием, росла роль познавательного аспекта сознания. Стали появляться люди и организации людей, особой функцией которых становилась деятельность в этом аспекте, изобретались особые средства для этого. Происходила дифференциация различных функций процесса обработки людей, складывались особые ритуалы, обряды. Поскольку это невозможно закрепить биологически, менталитетный аспект должен функционировать постоянно как своего рода замена механизма биологической наследственности, - как механизм социальной наследственности (преемственности). Для этой цели в человеинике стала складываться особая менталитетная сфера.

Менталитетную сферу образует часть членов человеиника, специфической функцией которых является работа над менталитетом прочих членов человеиника. Делом, сходным со специфическим делом менталитетной сферы, занимаются и другие люди, группы, организации. Но они не входят в менталитетную сферу в качестве ее частей. Над человеческим менталитетом в конкретных человеиниках работают и другие сферы. Но это не есть их специфическое дело. Менталитетная сфера вмешивается в деятельность других сфер. Но это - не ее специфическое дело.

Менталитетная сфера человеиника есть постоянно действующий компонент социальной организации. Люди, занятые в ней, профессионально занимаются менталитетом членов человеиника и живут за счет этой деятельности. Они признаны в человеинике в этой роли,

не преследуются, а, наоборот, почитаются, имеют авторитет и влияние на людей. Люди и группы людей, занятые в менталитетном аспекте (в аспекте, а не сфере!) и живущие за счет своей деятельности в этом аспекте, но не признанные или даже преследуемые в этом их качестве, в менталитетную сферу не входят.

Задача менталитетной сферы заключается, прежде всего, в том, чтобы выработать сознание человеичника как целого, сохранять его, разрабатывать и приспособливать к меняющимся условиям жизни людей. Сознание человеичника как целого не есть сумма и обобщение сознаний отдельных его членов как по содержанию, так и с точки зрения формы (аппарата). Это - историческое изобретение человеичника в множестве поколений. Задача менталитетной сферы, во-вторых, заключается в том, чтобы навязывать это сознание членам человеичника, стандартизировать их сознание, сделать их индивидуальное сознание воплощением сознания человеичника как целого. И третья основная задача менталитетной сферы - управлять поведением людей путем формирования в них стандартного сознания и воздействия на него. В целом - задача менталитетной сферы - сделать людей способными жить в их человеичнике и сохранять его своей жизнедеятельностью как единое целое, а также сделать людей лучше управляемыми и манипулируемыми.

Обработка человеческого сознания есть обучение людей способности оперировать знаками, заполнение памяти определенным образом изготовленными и отобранными знаками, тренировка мозга на определенные операции со знаками, стандартизация мозговой деятельности людей, снабжение людей стандартной "духовной" пищей, тренировка на стандартное знаковое (символическое) поведение, создание символического мира с помощью знаков реального мира, погружение людей в вымышленный символический мир, выпуская их из него в мир реальный лишь в той мере, в какой это требуется интересами самосохранения.

Специфическими средствами выполнения этой задачи являются совокупности идей, особого рода учения. Менталитетная сфера должна изобретать их, хранить, пополнять, исправлять и т.д. Но делать это не ради их самих - сами по себе они ценности не имеют, - а чтобы вбивать их в головы прочих членов человеичника. Идеи сами по себе в головы людей не поселяются и тем более не уживаются там долго. Для этого нужен определенный механизм, и он создается в менталитетной сфере. Это - особые люди и их объединения, заботящиеся о том, чтобы рассматриваемые идеи (учения) доводились до сознания всех членов человеичника, организующие особые ритуалы для этого, тренирующие людей на определенное поведение в соответствии с идеями.

Менталитетная сфера в своей эволюции прошла путь от одного или нескольких людей до грандиозных организаций из десятков и сотен тысяч человек, от примитивной совокупности знаков и знаковых операций до сложнейших знаковых систем и операций, требующих длительного профессионального обучения. В исходном пункте функции хранителя жизненного опыта и познания, воспитателя, учителя и контролера поведения членов человеичника образовывали единый, недифференцированный комплекс и были сосредоточены в ведении одного или нескольких членов человеичника, олицетворявших его интеллект. По мере разрастания, усложнения и обогащения менталитетного аспекта происходило отпочкование ряда функций менталитетной сферы в виде функций других сфер - науки, культуры, права, норм морали, этикета и т.п. В итоге за менталитетной сферой осталось то, что было главным в исходном пункте, а именно - обработка и стандартизация сознания членов человеичника и манипулирование ими путем воздействия на их сознание. Только теперь - на более высоком уровне развития сознания. В отношении менталитетного аспекта в целом эта сфера взяла на себя роль его организующего ядра и контролера.

Функции менталитетной сферы более конкретно можно классифицировать так: 1) разработка, хранение и вбивание в головы людей определенного мировоззрения и определенной системы ценностей (оценок); 2) вовлечение людей в определенные действия, касающиеся их сознания, принуждение к этим действиям; 3) контроль за мыслями и чувствами людей и организация их на такой контроль в отношении друг друга. Мировоззрение человејника образует совокупность взглядов (представлений) на все то, что так или иначе входит в круг интересов членов человејника, - на окружающий мир, на свой человејник, на человека и т.д. Система ценностей определяет эмоциональное отношение людей к окружающим явлениям и к поступкам людей. Действия, упомянутые в пункте 2, являются средством обработки сознания и поддержания его в должном состоянии. Таковы, например, религиозные обряды, ритуалы, собрания. Контроль за мыслями и чувствами людей не менее важен для человејника, чем контроль за телесным поведением. Порою он достигает чудовищной силы. Он опирается на систему телесных наказаний. Он не есть всего лишь результат злого умысла плохих людей. Он есть необходимое средство самоорганизации и самосохранения человејника. Он превращается в зло, когда превышает меру и становится неадекватным условиям и требованиям самосохранения человејника.

Надо различать менталитет отдельно взятых людей (скажем, индивидуальное сознание) и менталитет человејника как целого. Между ними нет полного совпадения. Второй, как уже было сказано, не есть сумма и обобщение первых. Не все, что можно обнаружить в сознании одного человека, можно обнаружить и в сознании другого. Не все, что верно в отношении менталитета человејника, верно в отношении каждого члена человејника. Менталитетная сфера концентрирует в себе "вещество" сознания и распределяет его по членам человејника так, что каждому достается какой-то "кусочек" в зависимости от его положения в человејнике и индивидуальных обстоятельств. Тут, как и во всем прочем, нет абсолютного равенства.

Состояние менталитета отдельно взятых людей и человејника в целом складывается под воздействием многих факторов, а не только менталитетной сферы. В число этих факторов входят личный жизненный опыт человека и размышления над ним, общение с другими людьми, обучение и образование, внешние влияния и т.п. Задача менталитетной сферы - контролировать и регулировать эти прочие влияния, ограничивать или вообще исключать их. Насколько это удастся практически, это характеризует степень эффективности менталитетной сферы.

Менталитетная сфера, с одной стороны, отражает прирожденные способности людей и приспособляется к тому, как менталитет людей складывается стихийно, независимо от нее (семья, окружение, личный опыт). С другой стороны, она разрастается и приобретает свои средства воздействия на людей, сама стремится приспособлять менталитет людей применительно к своим средствам и потребностям. При этом она сама все более подвергается действию законов коммунального и делового аспектов. В современных человејниках она достигла в этом отношении таких масштабов и такой мощи, что стала формировать менталитет людей, не считаясь с природными возможностями их.

СУПЕРУРОВЕНЬ ЧЕЛОВЕЈНИКА

Суперуровень человејника образует структурирование его вне компонентов социальной организации микроуровня и макроуровня, но на основе их и в зависимости от них. Для образования этого уровня в качестве значительного элемента в структуре человејника, достаточно четко отличающегося от микроуровня и макроуровня и играющего качественно новую роль сравнительно с ними, необходимо следующее условие: сравнительно большое

число членов человеиника, имеющих возможность свободно перемещаться в социальном пространстве человеиника, вступать в разнообразные контакты по своей воле и создавать более или менее устойчивые объединения во всем пространстве человеиника, отличные от локальных и родственных групп, какие возникают на микроуровне. Суперуровень человеиника в таком понимании есть сравнительно новое явление в истории человечества. Мы его рассмотрим в следующем разделе.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЖИЗНЕННЫХ БЛАГ

Какими бы ни были намерения отдельных личностей, что бы люди ни выдумывали насчет смысла и целей жизни, в основе человеческого бытия было, есть и будет стремление приобретения жизненных благ. Эти блага, коротко говоря, суть следующие. Родившись, вырасти и стать взрослым человеком, способным жить в своем человеинике. Получить воспитание, образование и профессиональное обучение, чтобы зарабатывать средства существования и занять положение, отвечающее личному статусу. Иметь общение, соответствующее самосознанию и потребностям в общении. Удовлетворять культурные потребности (развлечение). Иметь медицинское обслуживание. Иметь обеспечение по старости. Обеспечить свое потомство так, чтобы оно не опускалось ниже достигнутого уровня и имело по крайней мере то же самое. Все то, чего человечество достигло за всю свою историю, есть лишь механизм добывания и распределения жизненных благ.

Положение людей в принципе не является абсолютно надежным. Никаких прирожденных и незыблемых гарантий на этот счет нет. О каких-то гарантиях люди должны были позаботиться сами. И они в течение длительной эволюции сделали одно из величайших открытий. Самыми надежными гарантиями обладания жизненными благами (жизненного благополучия) являются следующие: 1) накопление материальных богатств в личном владении и способность удержать их за собой; 2) достижение как можно более выгодного положения в человеинике и использование его для приобретения наибольшей доли материальных благ, для накопления богатств и силы удержать их в личном владении; 3) передать богатства детям.

Эти законы экзистенциального эгоизма имеют силу в отношении всех средненормальных людей. Исключения, конечно, бывают, но они не отменяют эти законы.

Человеиник организуется так, что в нем с необходимостью возникает различие социальных положений для различных его членов. Каждый из них стремится использовать свое положение, чтобы иметь максимум благ. И возможности их в этом отношении не равны. Это образует самую глубокую основу неравенства в распределении жизненных благ. И никакое изобилие жизненных благ не может избавить от этого, ибо всякое изобилие относительно и в нем неизбежна иерархия уровней.

Любой человеиник сохраняет и сам порождает иерархию в распределении жизненных благ, соответствующую социальной иерархии. Так что неравенство в обладании благами есть изначальный закон человеческого бытия. И это справедливо в социальном смысле: социально справедливо то, что соответствует социальным законам человеиника. Несправедливо то, что не соответствует этим законам, не вытекает из них, выходит за их рамки, противоречит им. На этот счет имеется своя мера, причем как верхняя, так и нижняя. Стремление установить равенство в распределении, нарушающее нижнюю границу меры неравенства, столь же ненормально, как и превышение верхней границы.

Социальная структура создает возможность неравенства в распределении жизненных благ. Но возможность эта превращается в действительность в ожесточенной борьбе между людьми, группами людей, народами, странами. Если тут какая-то социальная

справедливость достигается, то лишь на время, через кризисы, катастрофы, через бесчисленные жизненные драмы и трагедии. Люди, добившиеся в этой борьбе наивыгоднейшего положения, приобретают силы и умение удерживать сложившееся положение даже тогда, когда система распределения приходит в вопиющее несоответствие с реальной ситуацией в человеке. Именно это служит непосредственной основой для устроений масс, толкающих их на восстания, революции, войны и т.п.

Возникнув однажды, неравенство в распределении жизненных благ само становится опорой социальной организации, породившей ее круг замыкается. Неравенство становится преемственным и устойчивым. Требуется длительное время (порою века), чтобы накопились силы, способные разрушить сложившуюся систему неравенства. Разрушить, чтобы создать новую, более адекватную новой ситуации в человеке

Распределение жизненных благ никогда не было стихийным, хаотичным. То, что принято считать стихийным и хаотичным, есть явление сравнительно позднее, частичное и относительное. В основе же всегда лежала и лежит какая-то форма упорядоченности распределения. Это - одна из функций власти. Власть охраняет сложившиеся правила распределения и вырабатывает новые. В этом отношении распределение кусков туши убитого животного вождями племени и распределение бюджета страны, исчисляемого миллиардами долларов, суть явления однопорядковые. В человеке складывается определенная устойчивая система распределения, являющаяся необходимым условием его самосохранения. Причем та часть человека, которая имеет лучшее положение с точки зрения распределения жизненных благ, силой принуждает прочих членов сохранять эту систему. Эта сила состоит тоже из членов человека, получающих за свою службу долю благ.

СОЦИАЛЬНАЯ БОРЬБА

Все социальные объекты суть люди и их объединения. А люди суть живые существа. Самым фундаментальным фактором, определяющим их поведение, является стремление удовлетворить их жизненные потребности. Условия жизни людей, потребности и условия их удовлетворения различны, порою - противоположны. На пути у одних людей при этом стоят другие люди как препятствия, причем препятствия активные, имеющие свои интересы и стремящиеся удовлетворить их. Так что реальная жизнь человечества была, есть и останется вечно борьбой между людьми, их объединениями, народами, странами, группами стран. Какой бы прогресс человечества ни происходил и какие бы меры люди ни изобретали, эта борьба не исчезает, она лишь принимает новые формы. От нее не могут избавить никакие строгости и никакое насилие, ибо сами эти строгости и насилие суть формы социальной борьбы. Дружественные объединения, забота о ближнем, взаимная выручка и помощь и т.п., являясь средствами ограничения всеобщей вражды и борьбы, в не меньшей мере являются средствами усилить свои позиции в социальной борьбе. Более того, социальная борьба между людьми, их различными категориями и объединениями в известных формах и масштабах есть условие существования и прогресса человека. В этом смысле утверждение диалектики о том, что борьба противоположностей есть движущая сила социальной эволюции, фиксирует очевидное и всеобщее явление социального бытия.

Виды социальной борьбы разнообразны. Насилие, убийство, обман, клевета, интриги, конкуренция, препятствование, бойкот, демонстрация, забастовка, терроризм, диверсия, восстание, революция, война и т.д., - человечество в этом отношении так же далеко продвинулось вперед по сравнению с животным миром, как в отношении материальной

культуры, познания, искусства и прочих явлений, считающихся позитивными продуктами прогресса. Описаниями фактов социальной борьбы переполнены произведения художественной литературы, кинофильмы, телевизионные передачи, исторические и политические сочинения, газеты. Но научные их исследования незначительны, фрагментарны, рассеяны и погружены в идеологические и пропагандистские контексты. Наиболее значительными, на мой взгляд, явились учения о классах и классовой борьбе. Они, сыграв свою историческую роль, выродились в идеологические явления, уже неадекватные современной социальной реальности.

СЛОЖНЫЕ ЧЕЛОВЕЙНИКИ

Человејники разделяются на одноклеточные и многоклеточные. Последние разделяются на простые и сложные. Сложные образуются либо путем объединения двух или более человејников в один, либо путем внутренней дифференциации человејника на части, являющиеся потенциальными человејниками, либо путем комбинации первых двух путей. Упомянутые части являются потенциальными человејниками в том смысле, что сохраняют основные черты человејников в таком состоянии, что в случае распада сложного человејника на части последние могут стать самостоятельными человејниками. В случае слияния двух и более человејников в один они сохраняются точно так же, как потенциальные человејники. Простые человејники не содержат частей, являющихся потенциальными человејниками.

В больших сложных человејниках образуется иерархия частей, являющихся потенциальными человејниками. Это можно видеть в территориальном делении, например, современных западных стран. Известны многочисленные случаи, когда при распаде сложных человејников потенциальные человејники становятся самостоятельными человејниками. Так, например, произошло в случае распада Югославии и Советского Союза. Но в большинстве случаев образование таких частей диктуется другими обстоятельствами - интересами управления, делением населения на этнические группы, природными условиями. Играет свою роль социальный закон однообразия структурирования: люди просто применяют имеющиеся навыки ко всем подходящим случаям. Так что законы образования сложных человејников остаются скрытыми.

МИР ЧЕЛОВЕЙНИКОВ

Человејники возникали, возникают, организуются и эволюционируют не изолированно друг от друга, а в более обширной социальной среде из скопления людей и их объединений. Буду употреблять для обозначения такой среды слово "мир".

На планете существовали и существуют различные миры. Например - арабский, африканский, средиземноморский, западноевропейский, евразийский и другие. В мире могут иметь место какие-то элементы организации. Например, религия и религиозная организация может охватывать все человејники данного мира, придавая ему некоторое единство. Но мир как целое не есть человејник. В истории предпринимались и до сих пор предпринимаются попытки организации миров в единые человејники. Иногда они удавались на какое-то время. Но в таких случаях возникали сверхчеловејники, а миры прекращали существование в качестве социальных феноменов особого рода. Такая тенденция приобрела большую силу в наше время. Она стала одной из определяющих линий эволюции человечества.

Человечество в целом было и пока еще остается не просто совокупностью человеичников, но и совокупностью миров, состоящих из человеичников. Прогресс человеичников был не просто прогрессом отдельно взятых человеичников, а прогрессом миров из человеичников, в которых рождались новые виды человеичников. В отдельно взятых человеичниках просто не было достаточно сил для этого прогресса. Именно в мирах, а не в отдельных человеичниках были изобретены языки, деньги, религии, государства и другие социальные феномены, без которых человечество теперь немислимо.

Мы живем в эпоху образования человеичников глобального масштаба, стремящихся к мировой гегемонии и к объединению всего человечества в единый глобальный свержчеловеичник. Если это случится, это будет завершением социальной эволюции человечества с точки зрения размеров объединений. Что будет потом - бессмысленно гадать. Эволюционный процесс на этом, конечно, не остановится. Он будет происходить внутри глобального свержчеловеичника, который будет восприниматься как нечто естественное. Разумеется, господа этого мирового Левиафана полностью сфальсифицируют историю человечества, как это делалось раньше и делается с удесятеренной силой теперь, и будущим свержчеловеикам даже в голову не придет мысль о возможности иного устройства их жизни. Не исключено, конечно, и то, что начнется процесс распада, деградации и вымирания. Но мы обо всем этом никогда не узнаем.

ТИПЫ ЧЕЛОВЕИЧНИКОВ

В истории человечества были и существуют в наше время многочисленные индивиды (экземпляры) и виды человеичников. Они различаются по размерам, по продолжительности жизни, по степени сложности структуры, по человеческому материалу и многим другим признакам. Достаточно сравнить примитивные человеичники из нескольких сот человек, еще уцелевшие каким-то чудом на планете, и современные западные страны, достигшие высочайшего уровня развития и состоящие из десятков миллионов человек, чтобы увидеть, какой грандиозный эволюционный процесс тут произошел и происходит на наших глазах.

Вместе с тем различные человеичники обладают сходными чертами, выделение которых позволяет строить их обобщенные описания и классификации. Для известных мне классификаций характерны такие черты. Отдельные признаки человеичников вырываются из связи с другими и выдаются за такие, которые определяют характер человеичника в целом. Черты, характерные человеичникам определенного типа, абсолютизируются и выдаются за черты человеичников вообще. Человеичники располагаются в умозрительный ряд, и последний выдается за некий объективный закон эволюции человеичников, т.е. этот ряд онтологизируется. Характерным примером на этот счет может служить марксистская классификация.

Марксистское социальное учение создавалось на основе наблюдения западных стран прошлого века. В них экономика доминировала над другими сферами общества, высокого уровня достигли капиталистические отношения и классовая поляризация населения. Маркс и его последователи абсолютизировали черты человеичников такого типа, превратив их в определяющие черты всякого человеичника. Согласно марксизму, существовали четыре типа общественно-экономических функций (по их терминологии): первобытно-общинная, рабовладельческая, феодальная и капиталистическая. В будущем (для того времени) должна возникнуть пятая - коммунистическая. В их исторической последовательности усматривался некий закон перехода от низших форм к высшим.

Сама по себе идея выделить типы человеичников, ввести критерии их сравнения и расположить их в теории по этим критериям в упорядоченный ряд "от низшего к высшему"

вполне правомерна. Но при этом можно удержаться в рамках науки лишь при том условии, что будут соблюдены правила логики, а именно - если этот умозрительный ряд не рассматривается как последовательные этапы эволюции одних и тех же человеческих объединений и не выдается за некий объективный закон развития человечества. Но именно это требование в марксистской концепции было нарушено. Разбросанные в пространстве и времени куски человеческой истории были изображены как этапы развития чего-то одного. Упорядоченный умозрительный ряд различных явлений человеческой истории был представлен как последовательные этапы развития всякого челове́йника. Логическое средство упорядочивания разрозненных явлений было представлено как объективный закон истории. Нечто подобное можно обнаружить и в других социологических концепциях.

Характерным для известных мне классификаций челове́йников является также смешение типов челове́йников в целом и типов социальной организации челове́йников. В истории человечества никогда не было, нет и не будет челове́йников, социальная организация которых совпадает с какими-то ее абстрактными типами. Конкретная история человечества есть история социальных уродов и помесей, лишь в той или иной мере приближающихся к абстрактным образцам социальной организации. Наследственная монархия, например, является признаком общества феодального, а ее между тем можно увидеть во многих демократических (капиталистических) странах в XX веке. Товарно-денежные отношения характерны для общества капиталистического, но их можно видеть и в обществе феодальном. В западных странах сохранились владельцы наследственных поместий, что является пережитком феодализма. Но потомки феодалов вполне вписались в капиталистические привилегированные, слои и многие сами стали предпринимателями и политиками.

Социальная организация конкретного челове́йника может характеризоваться признаками различных типов социальной организации, но тип социальной организации, как таковой, не есть смешение любых произвольно выбранных признаков. В конкретных челове́йниках могут уживаться признаки разных типов социальной организации, но в самих этих типах - нет. Тут требуется комплекс взаимно соответствующих признаков. Социальная организация конкретных челове́йников может меняться со временем. К типу социальной организации, как таковому, понятие изменения неприменимо: он специально определяется именно таким.

Социальная организация конкретных челове́йников изменяется в процессе их жизни, порою - весьма радикально. Но эти изменения не беспредельны. Какой бы ни была эта организация, она становится более или менее устойчивой, раз челове́йник живет с ней достаточно долго. Устанавливаются границы изменений, выход за которые несет угрозу существованию челове́йника. Чем дольше челове́йник живет с данной социальной организацией, тем труднее изменить ее без разрушения челове́йника.

ЭВОЛЮЦИОННЫЕ УРОВНИ ЧЕЛОВЕ́ЙНИКОВ

Эволюционный процесс человечества происходит во многих измерениях (по многим линиям) одновременно. Я здесь выделяю то измерение эволюции, которое, на мой взгляд, является доминирующим в наступившую эпоху. Оно определяет характер и направление эволюции человечества в целом.

Много миллионов лет назад в рамках животного мира появились люди и челове́йники. Сначала это были одноклеточные челове́йники. Они размножались, увеличивались в размерах, совершенствовались, распространялись по планете. Возникали многоклеточные и сложные челове́йники. Одни распадались, другие появлялись. Вступали в контакты, враждовали, влияли друг на друга. Это происходило в рамках более или менее обширных

миров. Прошли миллионы лет. Люди и человеиники достигли высокого уровня развития. Стали возникать новые виды человеиников, которые мы будем называть обществами. Общества оказались жизнеспособными, сравнительно быстро прогрессировали, успешно конкурировали с другими человеиниками. Постепенно человеиники типа обществ стали играть доминирующую роль в каких-то мирах и в массе человечества. История человечества стала по преимуществу историей возникновения, существования, эволюции, прогресса, борьбы, гибели обществ - эпохой обществ. Высшим достижением этой эпохи явились страны западного мира. Человеиники более низкого уровня организации, чем общества, я буду называть предобществами.

Исторически предобщества были предшественниками, материалом и условиями возникновения обществ. Это, например, большие семьи, роды, племена, союзы племен. Но сказанное не означает, будто какие-то отдельно взятые (изолированные) предобщества имманентно (без внешних воздействии) превращались в общества. Думаю, что в отдельно взятых предобществах было мало материала и разнообразия явлений, чтобы породить общества. Скорее всего, в каких-то достаточно обширных мирах предобществ возникали эволюционные линии, которые, переплетаясь и взаимодействуя, создавали условия и возможности для появления обществ.

Возникновение обществ не означало, что предобщества исчерпали себя и стали превращаться в общества. По всей вероятности, общества существовали совместно с предобществами. Их различия обнаружились не сразу. Предобщества могли эволюционировать своими путями. У них возникали признаки, подобные признакам обществ. Общества долго существовали в формах явлений предобществ. Не удивительно, что историки, не имеющие критериев различения предобществ и обществ и имея дело с ситуациями, о которых я только что упомянул, обычно принимали и до сих пор принимают предобщества за общества.

Увеличение предобществ и образование их объединений (порою - гигантских) сами по себе еще не вели к качественному скачку в эволюции человеиников - к образованию обществ. В этом не было предопределенности. Для нас важно то, что это фактически случилось. Тут мог сыграть роль случай. Возможно, что в результате покорения одним предобществом других возникла иерархическая структура, развивавшаяся в общество. Существенно здесь то, что общество возникло как человеиник более высокого уровня организации, чем предобщество.

Отношение общества и предобщества характеризуется теми понятиями диалектики, о которых говорилось выше. В частности, возникновение общества, будучи диалектическим отрицанием предобщества, не означает полное исчезновение явлений предобщества. Многие из этих явлений сохраняются и воспроизводятся в обществе в качестве его явлений, но сохраняются в "снятом" виде. Явления предобщества в составе явлений общества "очищаются" от их исторических форм, трансформируются применительно к условиям общества, становятся подчиненными законам общества. Они не характеризуют общество специфически и не образуют его основания.

То, чем общество в самой своей основе (при возникновении) отличается от предобщества, что делает его качественно новым образованием более высокого уровня социальной организации сравнительно с предобществом, образует его "нижнюю" эволюционную границу.

Возникает вопрос: как это возможно говорить о качественном отличии общества от предобщества, если мы не рассмотрели предобщество? На этот вопрос можно ответить серией других вопросов. А как возможно говорить о качественном отличии человека от животных, не рассмотрев животных?! А как можно говорить о качественном отличии живой материи от неживой, не рассмотрев неживую?! Так можно продолжать далее.

Логическое решение проблемы такой дурной бесконечности тривиально, и к нему в науке прибегают постоянно: те признаки человеиника, которые мы выделим и опишем как совокупность признаков, определяющих специфику общества, и образуют (с нашей точки зрения) качественное отличие общества от предобщества. Предобществом же будет называться человеиник, не обладающий такой совокупностью признаков. А насколько удачно или неудачно это будет сделано у нас, пусть читатель судит сам. Одно дело - правила методологии науки, как таковые, и другое дело - как они реализуются в конкретном исследовании.

Наша задача облегчается тем, что общества имеют длинную историю. Мы можем выбрать в качестве эмпирического материала высоко развитые экземпляры обществ и слабо развитые экземпляры предобществ, оставив без внимания смешанные, переходные, уродливые и т.п. формы человеиников. Таким путем качественное отличие обществ от предобществ будет заметно достаточно отчетливо. Поиски форм человеиников, относительно которых не поймешь, что это такое, мы предоставляем другим.

Об обществах накоплена огромная информация. Возникновение и эволюция многих обществ зафиксированы в исторически достоверных документах. Многие общества возникли или были разрушены на наших глазах. Общества изучались и изучаются бесчисленными специалистами. В установлении нижней эволюционной границы обществ основная интеллектуальная работа, по моему мнению, теперь заключается не в ее открытии и собирании новых эмпирических данных, а в логической обработке имеющихся. Сейчас если бы собрали сведения абсолютно обо всех конкретных человеиниках до мельчайших деталей и об их истории буквально по дня и по часам, это несколько не изменило бы ситуацию с точки зрения познания. Это не устранило бы необходимость логической работы исследователей. Думаю, что скорее наоборот, затруднило бы. Избыток информации есть не меньшее зло для ученого, чем ее дефицит.

Часть третья

ОБЩЕСТВО

НАША ЦЕЛЬ

Перейдем к рассмотрению общества. Понятие общества является ключевым для понимания всех основных социальных явлений современности, включая западнизм, коммунизм и эволюционный перелом, происходящий в наше время. Что такое общество - это кажется очевидным, само собой разумеющимся и общеизвестным. Но если посмотреть на положение с логической точки зрения, то можно заметить, что именно в этом ключевом пункте больше всего неясности, путаницы, смешения разных явлений, нарушений всех правил логики и методологии науки.

Наша цель в этой части книги состоит в том, чтобы осуществить экспликацию понятия общества и совокупности понятий основных компонентов его социальной организации. Тут мы имеем пример комплексного определения понятий, о котором говорилось в первой части. Так что речь здесь пойдет о явлениях, которые общеизвестны, а не о каких-то открытиях тайн, еще неведомых в социальной науке. Но общеизвестность явлений не означает, что эти явления понятны. К тому же понимание может быть различным. Предлагаемая здесь экспликация понятий будет не совокупность дефиниций, какие можно найти в философских и социологических справочниках, а определенным способом понимания социальных явлений, существенно отличающимся (если читатель внимательно вдумается в него) от известных в социологии и философии.

УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОБЩЕСТВА

В сочинениях на тему об обществе обычно смешиваются условия возникновения обществ, условия их самосохранения и признаки, указываемые в определении понятия "общество". Тут имеют место частичные совпадения, но полного совпадения нет. Среди условий возникновения общества могут быть такие, которые, сыграв роль, исчезают в прошлое. Среди условий самосохранения могут появиться такие, в которых не было необходимости при возникновении. А в определении понятия указывается совокупность признаков, по которой общества отличаются от всех прочих объектов, независимо от того, как они возникают и воспроизводятся. Они предполагаются данными как эмпирическая реальность.

Назову некоторые условия возникновения обществ, знание которых важно для составления предварительного (ориентировочного) представления о том объекте, который нас интересует.

Общество образуется тогда, когда в каком-то ограниченном пространстве скапливается достаточно большое число людей и вынуждается на постоянную совместную жизнь в течение многих поколений не в силу родственных отношений (хотя они не исключаются), как это имеет место в предобществах, а по каким-то другим причинам. Например, это может быть скопление в одном регионе множества разноплеменных людей для защиты от врагов или в силу природных условий. Эти люди по крайней мере в значительной части являются чужими друг другу, а то и вообще враждебными, как это имеет место, например, при завоевании одних людей другими. Среди людей в рассматриваемом скоплении могут быть и связанные родственными узами, что очевидно, поскольку тут имеются и образуются семьи. Но в данных условиях чуждость людей друг другу приобретает решающее значение. Для общества необходим некоторый минимум людей, не связанных родственными отношениями, хотя бы для того, чтобы родственные связи утратили прежнее значение. Конечно, эти связи не исчезают совсем. Но для человека как члена общества число родственно близких людей невелико в сравнении с числом тех чужих людей, с которыми ему приходится иметь дело, не говоря уж о численности прочих членов скопления людей, с которыми ему вообще не приходится сталкиваться.

Для общества необходимо не просто скопление достаточно большого числа разрозненных людей, но нечто большее, - необходим достаточно многочисленный народ или группа народов, по каким-то причинам вынужденная объединиться. Думаю, что важнейшим случаем такого объединения является покорение одних народов другими или представителями других народов. Общество, скорее всего, образуется не столько из друзей, вынужденных враждовать, сколько из врагов, вынужденных дружить.

Рассмотренный человеческий материал в обществе подвергается дальнейшей эволюции. Высшим результатом этой эволюции является образование человеческого единства, большинство или по крайней мере наиболее важная часть которого осознает (идентифицирует) себя прежде всего в качестве граждан своего общества. Можно было бы в этом случае употребить слово "нация". Но и оно многозначно. Нацией называют множество людей, имеющих юридическое гражданство данной страны, этническую группу, охваченное "национальной" идеологией множество жителей страны и т.д. Я буду такое человеческое единство называть гражданством.

Скопление людей, образующих общество, состоит не непосредственно из отдельных людей. Это - не толпа. Оно состоит из множества устойчивых групп. Эти группы сравнительно невелики по размерам. Если даже какие-то из них состоят из родственников, небольшая семья например, основу их образуют не родственные связи, а интересы какого-то общего (совместного) дела. Они до известной степени автономны в своей жизнедеятельности. Каждая из них имеет свои частные интересы. Последние могут совпадать для некоторых из них, могут различаться для других и даже быть противоположными, могут совпадать в одних отношениях и различаться в других. Но всем им свойственно одно общее: эти частные интересы различных групп могут быть удовлетворены только в составе объединения этих групп в единое целое. Общество возникает как общее для разнородных людей и их групп с различными интересами условие удовлетворения их частных интересов.

Возникновение общества предполагает возникновение каких-то общих интересов у разрозненных частных групп людей и порождает какие-то общие интересы общества как целого, и прежде всего - интересы самосохранения его как целого. Частные интересы никогда не совпадают полностью с общественными. Части общества всегда отдают предпочтение своим частным интересам перед общественными. Они отдают предпочтение общественным интересам только в двух случаях: когда это явно в пользу их частным интересам и когда они на это вынуждаются силой и обстоятельствами. Трудно сказать, каково соотношение добровольности и принуждения в образовании и сохранении общества. Я склонен считать, что элемент принуждения является доминирующим. Даже в тех случаях, когда общественные интересы становятся функциями отдельных людей и их объединений (учреждений, организаций), частные интересы последних не совпадают полностью с общественными, вторые становятся средством удовлетворения первых. Так что всегда требуется какое-то принуждение, чтобы общественные интересы удовлетворялись.

Человеки образуются отчасти стихийно и неосознанно, а отчасти в результате сознательно-волевых действий людей. Пропорции тех и других факторов различны. В образовании предобществ доминируют неосознанные факторы. Люди, создающие предобщества, суть скорее очеловечившиеся животные, я бы даже назвал их предлюдьми. В образовании обществ доминируют сознательные факторы.

Создатели общества осознают необходимость каких-то мер для создания или сохранения единства данного им скопления людей, принимают сознательные решения для этого и изобретают средства, реализующие их решения. Это не означает, будто люди собираются и договариваются создать именно общество, причем по некоторому разумному проекту. Ничего подобного не происходит. С этой точки зрения концепция общественного договора - наивная сказка, хотя и близкая к реальности. Сознательность тут заключается в том, что некоторые члены данного скопления людей совершают некоторое множество сознательных и волевых действий, благодаря которым в течение исторического (длительного) времени и в ожесточенной борьбе, через массу проб и ошибок, неудач и успехов формируется общество.

Сознательность действий по созданию общества не означает, будто его создатели на научном уровне понимают то, что они творят. В системе государственности западных стран занято более пятнадцати процентов работающих людей. Это - десятки миллионов человек. А многие ли из них, сознательно исполняя свои функции, имеют в головах научное понимание общественных феноменов?!

Конечно, не все люди, участвующие в процессе создания общества, в какой-то мере осознают происходящее, а только часть из них, возможно - единицы. Большинство служит лишь строительным материалом для сознательных творцов общества. К тому же последние редко осознают творимое ими так, как это делают их потомки, глядя на их деятельность с высот результатов истории. И творят они историю не как абстрактные мыслители, а как живые существа, имеющие свои личные интересы и использующие для удовлетворения их свое сознание и волю.

Общество есть продукт сознательной деятельности людей, есть их искусственное изобретение. Но это не означает, будто оно создается по произволу строителей. Если бы люди создавали общество полностью по своему произволу, никаких проблем не было бы. Они изначально жили бы как в раю. А скорее всего, никакого общества у них не получилось бы, - они передрались бы, ибо вряд ли достигли бы единства в своем произволе. Творцы общества вынуждены считаться с объективными факторами, в их числе - с социальными законами.

Сказанное не исчерпывает всех условий возникновения общества. Упомяну еще такие, как необходимость пространственных границ (внешней "оболочки"), сосредоточение основной жизнедеятельности членов общества во внутреннем его пространстве, способность добывать и производить самое необходимое для своего существования, создавать внутреннюю самоорганизацию и свой образ жизни. Общество обладает достаточно высоким уровнем суверенитета, т.е. независимости от других человекообразных существ. Для этого общество должно иметь достаточно высокий уровень материальной культуры. Другие условия станут ясны из дальнейшего изложения.

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

В нашу задачу не входит описание истории и видов обществ, вообще не входит описание обществ со всеми их свойствами. Наша задача - принимая как данность возникновение и существование обществ как качественно особого типа и уровня социальной организации, описать, в чем именно заключается это качество.

Основные компоненты социальной организации общества суть те же самые, что и всякого достаточно развитого человекообразного существа. Мы их перечислили выше. Обычный подход к ним состоит в том, что не выделяется их специфика как феноменов именно общества. Например, берут систему власти и управления общества и ищут корни ее в прошлом, доходя до вождей племен, глав семей и даже вожаков стад человекообразных существ. А не в меру усердные находят истоки этого явления в стадах и стаях животных. Аналогично хозяйство общества рассматривается просто как добывание и изготовление средств существования, уходящее корнями в отдаленное прошлое вплоть до каменных орудий, пещер, охоты на мамонтов и звериных шкур. И в отношении менталитетной сферы поступают подобным образом: находят ее корни в верованиях и ритуалах примитивных племен. Я уж не говорю о том, что ни у кого вы не заметите даже намека на верхнюю границу компонентов социальной организации общества.

Конечно, общество не изобретает компоненты своей социальной организации полностью заново, на пустом месте, можно сказать - не начинает с нуля. Оно использует наличный материал и придает ему вид, соответствующий его условиям и интересам. На этой исторически данной основе происходит эволюция, в результате которой возникают качественно новые явления. Но то, что придает новый вид наличному материалу и становится предпосылкой нового уровня организации, выделяется нами именно для того, чтобы стать началом описания общества как особого социального объекта. И искать тут какие-то корни или истоки его в прошлом бессмысленно в силу самих наших намерений найти начало нового качества. Поиски корней и истоков нового качества в данном случае означают, что мы, отыскав нижнюю эволюционную границу объекта, забываем об этом (о том, что искали именно начало) и применяем затем логически недопустимое отрицание именно начала.

Специфические для общества компоненты социальной организации возникают исторически, имея среди своих условий предобщественные формы или развивая в себе их черты в качестве своих собственных черт или условий функционирования (в "снятом" виде, напоминая). Но они возникают в более обширной социальной среде и на более богатом материале истории. Они имеют и другие условия и истоки.

При рассмотрении социальной организации общества в целом и ее компонентов по отдельности необходимо принимать во внимание фактор развития. При этом надо вспомнить то, что говорилось в первой части книги. Как бы ни происходил конкретный исторический процесс для тех или иных конкретных обществ, в теоретическом исследовании мы должны исходить из единства компонентов его социальной организации и рассматривать конечный результат их развития как раскрытие изначально заложенных в них потенций. Мы должны исходить из высшего результата развития, который можно наблюдать в современных обществах, и в нем посредством логических операций выявить исходный пункт развития, определив тем самым специфику социальной организации общества.

При этом мы должны различать состояние компонентов социальной организации как исторического условия образования самой этой организации и их состояние как результата развития в качестве компонентов сложившейся организации. Надо иметь в виду также то, что эволюционные линии каждого компонента до известной степени автономны, их взаимная адекватность никогда не достигает идеала и достигает более или менее высокой степени лишь со временем. В отношении каждого компонента могут иметь место качественные изменения, неадекватность формы и содержания, перемена ролей и т.д., короче говоря, все "фокусы" осмеянной диалектики.

Конкретные общества различаются по многим признакам. Различаются они и с точки зрения социальной организации. Но мы эти различия здесь оставляем без внимания. Мы принимаем такое допущение. Мы рассматриваем достаточно большие и развитые общества. Для каждого компонента социальной организации одного такого общества найдется компонент в организации любого другого, играющий аналогичную роль. Такое же допущение мы принимаем для признаков компонентов социальной организации по отдельности. Это допущение означает, что мы рассматриваем социальные законы и закономерные явления общества.

Социальная организация общества является результатом сознательной деятельности людей. Не просто в том смысле, что она создается с участием сознания (таковы все социальные действия людей), а в том смысле, что роль ее осознается и она преднамеренно делается для этой роли. Это, напоминая, происходит не как полный субъективный произвол (хотя в конкретной истории и произвол имеет место), а в соответствии с объективными законами организации человеков. Социальная организация есть

организация рациональная. С этой точки зрения общества суть исключительные явления в истории человечества. Предобщества еще не являются организованными рационально. Возникающие сверхобщества являются сверхрациональными. Они поглощают рационализм обществ, но организуются, как увидим в дальнейшем, уже не по законам рациональности.

Учтя сказанное выше об экспликации понятий, я буду употреблять для обозначения основных компонентов социальной организации общества выражения "сфера государственности" ("государство", "государственность"), "сфера экономики" ("экономика") и "сфера идеологии" ("идеосфера"). Для обозначения соответствующих компонентов социальной организации предобщества буду употреблять приставку "пред", а сверхобщества - приставку "сверх".

ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ

В какой последовательности рассматривать компоненты социальной организации общества? В реальности имеют место разнообразные варианты взаимоотношений между ними. Причем эти отношения меняются со временем. Но независимо от того, как они складываются исторически и какой вид принимают в тех или иных конкретных обществах, имеются логические правила на этот счет. Если, например, в некотором виде обществ в социальной организации доминирует религия, из этого не следует, что научное описание этих обществ должно начинаться с религии. Логично начать с фундаментальных компонентов, поскольку прочие суть результат дифференциации их дифференциации, отпочкования от них, комбинирования, а также производные от них. Рассмотрение же фундаментальных компонентов логично начать с такого, благодаря которому прочие основные компоненты становятся специфическими компонентами социальной организации именно общества и могут быть определены в этом качестве со ссылкой на него, независимо от того, в каких отношениях они ни находились с иной точки зрения.

Рассмотрев все логически возможные варианты, я пришел к выводу, что для описания социальной организации общества, взятого в "чистом" виде (абстрактно), исходным должно быть признание четкой дифференциации основных сфер общества и оформление сферы власти и управления в качестве особой сферы (сферы государственности), и описание надо начинать именно с нее. Определение прочих сфер как специфичных обществу предполагает государство и не может быть логически корректно определено без ссылки на него, тогда как государство может быть определено без ссылки на них. При этом, повторяю, не следует смешивать логические отношения понятий с эмпирическими отношениями определяемых объектов.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Мое понимание государства сложилось много лет назад как отрицание марксистского учения о государстве. В двух словах суть этого учения такова. Государство есть продукт раскола общества на антагонистические классы. Оно возникло как орудие господствующих (эксплуататорских) классов. Оно есть надстройка над экономическим базисом. В будущем коммунистическом обществе оно отомрет, поскольку исчезнут классы.

Вырабатывая свое понимание государства, я, разумеется, знакомился с сочинениями философов, социологов, историков и других специалистов, так или иначе затрагивавших проблемы государства. Но главным источником моих идей послужила та информация, которую я получал по самым различным каналам о состоянии государственности в

современном мире и о возникновении ее в многочисленных случаях в наше время. Возникновение государства не есть одноактная операция, случившаяся однажды в прошлом. Это - событие, имевшее место в истории большое число раз, как и возникновение обществ. Такие события можно наблюдать и в наше время. После Второй мировой войны, например, возникли многочисленные новые общества и соответственно государства в этих обществах, включая разгромленную в войне Германию и страны Восточной Европы. В результате распада советского блока и самого Советского Союза и разгрома коммунистической системы в странах этого региона возникло множество новых обществ с новой государственностью.

Государство есть эмпирически данное явление, причем очевидное всем взрослым и здравомыслящим людям, не претендующим ни на какое глубокомыслие. Государство - это вполне материальные, во всяком случае - вполне ощутимые элементы жизни общества: органы власти всех уровней, начиная с высшей власти (парламент, конгресс, президент, министры и т.п.) и кончая самой низшей (локальные учреждения); полиция; суды; тюрьмы; армия. И каковы функции этих органов общества, точно так же общеизвестно. Но когда за дело берутся мыслители, они с самого начала хотят продемонстрировать высоты своего понимания и дают такие определения общеизвестным и очевидным вещам, которые превращают эти вещи в нечто непостижимое для здравого ума. Начинается неразбериха, которая тянется столетиями, причем каждый новый великий мыслитель добавляет в эту неразбериху кусочек своей мудрости, от которой неразбериха становится еще запутаннее.

Как я уже говорил, не только социальная организация в целом, но и каждый ее компонент является многомерным. Это относится и к государству. При рассмотрении ее надо различать по крайней мере такие аспекты: исторический и структурный, государство для себя и для других, внутренние явления государства и отношение его к окружению, государство и другие сферы и т.п. Причем эти аспекты надо брать в их взаимодействии, переплетении и эволюции. Я, конечно, не могу все это охватить здесь, как это следует сделать в теории государства. Ограничусь лишь тем, что непосредственно касается темы книги.

Исторически государственность возникает в различных человеко-и-в-их-среде (в мирах) в сложных и разнообразных конкретных условиях. Она не сразу рождается в готовом виде и не остается неизменной. Одно дело - государственность в примитивном состоянии, когда она еще не велика по числу людей, когда ее функции еще не дифференцировались и не отделились в виде особых функций ее подразделений, когда еще не произошло четкое структурирование ее учреждений, когда она в целом еще не отделилась от прочих сфер общества как особая сфера. И другое дело - развитая государственность с огромным числом занятых в ней людей, с разделением и обособлением функций и подразделений, обособившаяся от прочих сфер общества.

Государство возникает и существует и для самого себя, и для привилегированных классов, и для всего общества. Ошибочно раздувать какой-то один из этих аспектов в нечто абсолютное и всеобъясняющее. Важно понять отношение их в комплексе свойств и функций государства.

Возникновению государства в конкретных случаях могло предшествовать расслоение человеческих объединений на классы. Государство могло возникать одновременно с таким расслоением. Оно могло испытывать влияние такого расслоения и само могло влиять на последнее. Оно само послужило одним из источников разделения людей на классы.

ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

Государство есть управляющий орган общества. Но дело обстоит не так, будто сначала возникает общество, и затем в нем формируется государство. И не так, будто сначала возникает государство, и затем оно создает общество или общество создается при его участии. Государство формируется как орган формирующегося общества, а общество формируется как человек с таким управляющим органом, каким является государство. Это - единый процесс.

Если в каких-то обществах государственная власть находится в руках богатеев, военных или попов и эти конкретные общества держатся на этом, из этого не следует, будто экономика, армия или церковь образуют основу общества как особого типа социальной организации человек вообще. В чьих бы руках ни находилась государственная власть, какой бы вид она ни имела и в каком бы состоянии ни находилась, что бы ни служило основой сохранения того или иного конкретного общества, неизменным остается одно: если в человеке нет государственности, этот человек не есть общество, а если в человеке в каком-то виде возникла государственность, то тут можно констатировать зарождение общества. Наличие государственности в этом случае есть показатель (признак) того, что человек зародился именно как общество. Наличие государственности при этом не является единственным показателем зарождения общества. Имеются (должны быть) и другие. Государственность есть необходимый признак общества, но не достаточный.

Надо различать, далее, зависимость государственности от других компонентов социальной организации, с одной стороны, и место этих компонентов в установлении специфики социальной организации любого общества, с другой стороны. В первом случае возможно, что тип экономики определяет тип государства. И в этом смысле (и только в этом!) допустимо говорить об экономике как базисе общества в марксистском смысле. Но такое бывает не всегда, бывает и наоборот. Бывает и идеология в этом смысле базисом для государства, но тоже не всегда. Во втором же случае дифференциация человека на государственность (управляющий орган человека) и подвластную ей часть человека рассматривается как начало образования общества. И понятия базиса и надстроек тут лишены смысла.

ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ

Как я уже говорил, никакого социального закона превращения предобществ в общества нет. Общества возникают в мирах человек, а не путем имманентного превращения отдельно взятых (изолированных) предобществ в общества. В результате имманентного развития изолированного предобщества могут развиваться предпосылки для общества, но не общество. Для исторически первичного возникновения общества требуется по крайней мере два предобщества. При этом одно предобщество (или какая-то его часть) должно покорить другое предобщество (другие предобщества). Часть членов предобщества победителя становится властью в новом объединении. Если она организует покоренных в целое с целью иметь для себя постоянный источник существования (в виде поборов, дани, налогов), то это становится началом государственности, а новое объединение - началом общества.

Возможно, что вследствие разрастания одного предобщества последнее разделяется на два и более предобщества. И тогда возможно одно из них покоряет другое (другие) и становится господином над другим (другими). Таким путем может зародиться общество и государство. Но все равно это не означает, что предобщество превратилось в общество и

породило государство имманентно. Этому так или иначе предшествовало образование нескольких предобществ, их обособление, вражда и завоевание. Да и то сказанное есть лишь возможность. Для реального возникновения общества и государства требовался более богатый мир людей и историческое время, насыщенное кровопролитными сражениями за господство одних человеческих объединений над другими.

Когда накапливается число обществ и опыт жизни в обществах, становится возможным превращение каких-то предобществ в общества без внешнего завоевания, путем заимствования опыта других. Становится даже возможным историческое творчество в смысле изобретения новых форм государственности. Но и тут вряд ли дело обходится без борьбы за власть и без насилия над подвластными.

Думаю, что тут действует общий социальный закон возникновения людей и новых уровней их организации. Скорее всего, и предобщество возникало исторически из множества человеческих объединений в результате возвышения одного из них над другими, т.е. путем образования нового объединения с социальной иерархией. Как увидим дальше, этот закон имеет силу и для возникновения сверхобщества в мире обществ.

ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ, КАК ТАКОВАЯ

Надо различать государство как совокупность людей, совместно выполняющих некоторую функцию в обществе (государство как орган общества), и эту функцию, как таковую, скажем - функцию государственности. В реальности полного соответствия тут нет. Государство как орган в реальности постоянно выходит за рамки функции государственности или столь же часто не выполняет эту функцию полностью. С другой стороны, в то, что должно быть делом государства как органа, и делом только его, вмешиваются внесосударственные люди и организации. Жалобы на все такие явления несоответствия фактического поведения государства как органа и функции государственности часто встречаются в статьях и книгах на социальные темы. Люди хотят, чтобы то, что возможно лишь в идеале, непосредственно выполнялось в реальности. Но соответствие между государством как органом и функцией государственности есть лишь абстрактный закон, который в реальности проявляется через отклонения от него, которые тоже закономерны.

Функция государственности заключается в том, чтобы обеспечить жизнь и самосохранение общества как единого целого. С точки зрения словесного выражения идея эта не новая. Но за одинаковой словесной формой часто стоят разные концепции. Я себе представляю это так. Общество складывается из каких-то групп людей - из частей. Последние имеют свои частные интересы. Эти интересы могут у каких-то частей совпадать, могут различаться и даже быть противоположными. Но у них есть одно общее: они могут быть удовлетворены только в составе объединения этих частей в целое. Целое, таким образом, есть условие удовлетворения каких-то частных интересов. Причем не обязательно все части без исключения могут быть заинтересованы в целостности их объединения. Какие-то из них могут стремиться к дезинтеграции целого. Но в совокупности частей имеется достаточно большое число таких, которые стремятся к целостности и имеют силы противостоять дезинтеграционным стремлениям. Далее, появляется какая-то группа людей, которая использует эту ситуацию в своих интересах. Она стремится поживиться за счет потребности этого скопления людей в целостности и делает своим частным интересом удовлетворение этой потребности. Эта группа людей может появиться извне данного скопления, вступить в него и разрастись в нем. Она может выделиться из числа

представителей этого скопления, обособиться в нечто автономное и опять-таки разрастись в нем. Она может сложиться как смешанный вариант. Важно то, что она становится носителем интересов целого. Она заботится о себе, но средством удовлетворения своей заботы волею судьбы избирает заботу о создании, сохранении и упрочении данного скопления людей как целостного объединения. Таким образом, интересы целого - вовсе не интересы всех частей целого, а лишь условие удовлетворения частных интересов и частный интерес особой части целого, которая и развивается в государство.

Государство способно выполнять функцию целостности общества лишь при том условии, что оно, будучи "уполномочено" обществом на эту роль в историческом процессе своего формирования, становится самодовлеющим социальным феноменом, существующим для самого себя, а не для чего-то другого, - становится субъектом истории, использующим общество как сферу и орудие своего собственного бытия. Без такого, я бы сказал, "государственного эгоизма" государство просто немыслимо. Оно должно прежде всего позаботиться о себе, чтобы позаботиться должным образом о том, органом чего оно является. Оно живет за счет того множества людей, которое организуется им или с его участием в целостное общество.

Функция государства как органа целостности общества детализируется и развивается в сложную систему функций: охрана целостности, установление правового порядка, охрана этого порядка, защита общества от внешних угроз и т.д. Среди этих задач государства оказывается также и забота о частных интересах каких-то определенных категорий, слоев, классов и групп населения, а также примирение вражды между ними. Но ошибочно сводить к этому сущность государства и его основную роль в обществе. Последняя, повторяю и подчеркиваю, состоит в том, что государство есть основа, орган, условие, носитель целостности общества, орган самосохранения общества как особого целостного социального существа, орган, управляющий его поведением в таком качестве.

В основе своей (и, надо полагать, в историческом исходном пункте) власть человеиника включала в себя власть как физическое принуждение людей к определенному поведению, власть как обладание и распоряжение материальными ценностями и власть как влияние на сознание подвластных. С увеличением и усложнением человеиников произошла дифференциация этих аспектов власти, произошло образование различных сфер, их разрастание и структурирование, образование системы власти в сферах. Можно сказать, что произошло разделение властей. Я называю его первым великим разделением властей.

Одновременно действовала тенденция сохранения или восстановления единства власти. Она действовала как борьба различных властей (военных, хозяйственных, церковных) за власть над всем человеиником, за доминирование в системе власти. Имели место и до сих пор видны варианты доминирования той или иной власти и их комбинации. Но при всех вариантах происходило сосредоточение всех средств власти в руках той ее части, которая брала верх. В конце концов, в каких-то человеиниках произошло обособление особой сферы власти, отличной от прочих сфер и противостоящей им в качестве органа управления человеиником в целом. Это - другой аспект формирования государства. Оно возникает не просто как превращение догосударственной власти в государственную, а как образование нового структурного уровня власти, подчиняющего себе все прочие явления власти и преобразующего их применительно к своим интересам.

Отмечу еще один аспект формирования государства. Всякая власть обладает функцией приказаний и функцией принуждения тех, к кому относятся приказания, к их исполнению. Обособление первой функции в качестве функции высшего уровня власти общества придает последней характер государственности. Возможно, что эту функцию присваивают военные начальники, богачи или служители религии. Но тут все равно можно констатировать государственность, если упомянутые лица исполняют функции высшей

власти, а не превращают эти функции в военные, хозяйственные или религиозные. Решающим тут является осознание обществом этих функций власти как функций власти высшей. В данном случае надо различать содержание и форму власти. Власть по содержанию может быть государственной, но рядиться в неадекватную ей форму военной, экономической или религиозной власти. Порою эта форма утверждается прочно и надолго, делая государственность неполноценной или недоразвитой.

Адекватной содержанию государственности является форма профессиональной, т.е. чисто политической власти. Эта форма устанавливается, когда система власти разрастается до сравнительно больших размеров, а ее функции усложняются настолько, что требуется профессионализм для их исполнения и требуются затраты усилий и времени, исключаящие прочие занятия.

СТРУКТУРА ГОСУДАРСТВА

Результатом рассмотренного выше длительного и многостороннего процесса явилось возникновение в системе власти нового структурного уровня - уровня высшей власти, власти, как таковой, власти политической. Функцией этого подразделения власти стала власть над всей совокупностью власти в обществе и через нее власть над обществом как целым. Именно этот уровень придает всей системе власти характер государственности в ее самом развитом виде.

Государственность структурируется по многим линиям. Основные из них суть следующие. Во-первых, происходит структурирование в зависимости от территориального деления страны. Складывается иерархическая структура, начиная от учреждений центральной власти и кончая учреждениями власти минимальных территориальных единиц. Между ними устанавливаются различные отношения, включая подчинение низших уровней высшим и распределение власти, т.е. некоторую автономию низших уровней по отношению к высшим. Территориальные власти в той или иной мере копируют власть более высоких уровней (принцип стандартизации).

Вторая основная линия - структурирование государственности на микроуровне. Для подавляющего большинства лиц, занятых в системе государственности, их дело является работой, требующей профессиональной подготовки и навыков. Для них участие во власти есть рутинная работа в деловых клеточках. По этой линии государственность разрастается в сеть и иерархию деловых учреждений (клеточек), связанных в целое отношениями субординации и координации. Это - бюрократически-административный аппарат.

Структурирование государственности по рассмотренным двум линиям я буду называть организационным.

И третья основная линия структурирования государственности - дифференциация различных функций власти и обособление их в виде особых подразделений власти. Я называю это структурирование функциональным. Тут имеет силу социальный закон соответствия в следующем смысле: каждой функции соответствует какое-то множество частей государственности и каждой части - функция. При этом возможно, что одной функции соответствует несколько частей, а одной части - несколько функций. Это означает, что одна функция распределена между несколькими различными частями и одна часть исполняет несколько функций. Но в идеале тут имеет место тенденция к взаимно однозначному соответствию (т.е. одна функция - одна часть).

Самым крупным разделением властей по третьей линии является разделение на законодательную и исполнительную власти. Иногда к этим подразделениям присоединяется отделение судебной власти (так в США). Я называю это структурирование

вторым великим разделением властей или разделением властей второго уровня, поскольку оно происходит уже в рамках отделившейся государственности. Классически отчетливую форму это разделение приобрело в государственности западного типа.

Функции, исполняемые государственностью, различаются по широте действия, по степени сложности, по степени важности, по тому, какие категории людей они затрагивают и какие материальные ресурсы приводят в действие, по затратам на их исполнение и другим признакам. Практически тут происходит своего рода суммирование, так что можно говорить о социальном статусе функций государства. По социальному статусу можно различать уровни государственности, в самой грубой форме - низший, средний и высший. К высшему уровню относятся функции, имеющие стратегически важное значение для общества в целом и его положения в окружающем мире.

Степень сложности структуры государственности зависит от степени сложности общества и отражает ее. Тут имеет силу закон соответствия между частями общества и частями государственности.

Государственность есть система власти, структурированная и организованная определенным образом, с дифференциацией функций и отношениями субординации и координации ее частей. Элементы ее структуры и функции не зависят от людей, занимающих посты и исполняющих эти функции. От людей зависит то, кто попадает на эти посты и как используют эти функции. В массе людей, попадающих в систему государственности, имеет силу закон адекватности людей занимаемым постам. Но действует он как тенденция, нарушаемая массой отклонений от норм.

Отношения между людьми в системе государственности регулируются правилами дела. Отношения в силу личной преданности, любви, уважения, корысти и т.п. суть негосударственные отношения.

ЛЕГИТИМНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

Власть является государственной лишь при том условии, что она легитимная, т.е. признана обществом как законная. Власть может обладать силой заставить население признать ее, покориться ей, примириться с ней. Но для государственности этого мало. Для нее требуется именно законность как в ее установлении, так и в воспроизводстве.

Феномен легитимации власти возник в результате длительного и сложного исторического процесса. Он возник не в рамках изолированных человеков, а в более обширных скоплениях людей - в рамках целых миров и цивилизаций. Общеизвестны, например, такие формы легитимации. Властители высших уровней делали легитимной власть на более низких уровнях, - императоры делали легитимной власть королей и герцогов. Право легитимации королей и императоров присвоила себе в свое время христианская церковь. В истории в течение многих веков шла борьба между светской и церковной властью. Последняя использовала свою силу легитимации светской власти, чтобы самой доминировать над нею. Освещение светской власти церковью придавало ей статус данной от бога. Вожди, короли, цари и императоры выдумывали родословные, дабы выглядеть законными преемниками власти давно умерших, зачастую вымышленных правителей, а то и богов. Устраивались публичные церемонии, игравшие роль компонентов механизма легитимации власти. Принятие Наполеоном титула императора, коронация и женитьба на представительнице легитимной власти императора Австрии - это была не блажь честолюбца, а исторически конкретная форма легитимации созданной революцией и Наполеоном нелегитимной власти. Такие церемонии устраиваются до сих пор.

Формой легитимации власти являются различные формы выборов правителей. В рамках зародившейся и до некоторой степени легитимной власти принимались и принимаются юридические законы, укрепляющие легитимность и делающие ее преемственной (например, законы о престолонаследии, конституции). При любых переворотах те, кто захватывают власть, торопятся узаконить ее. В наше время сразу сочиняют конституции, узаконивающие власть захватчиков.

Хочу особо подчеркнуть формальный характер легитимации власти в качестве государственной. Пусть читатель не сочтет это за нарочитый парадокс, но сущность легитимации состоит именно в ее формальности. А задача этой формальности заключается в том, чтобы навязать людям сознание незыблемости власти и наказуемости за непослушание ей. Узаконивание власти есть способ осознания обществом ее силы и права на насилие, признание фактора власти как стоящего над подвластным. Идея же власти как защитника подвластных есть явление идеологическое и производное от этой задачи легитимации власти. Не случайно, повторяю, даже фактически сильные правители и режимы (не говоря уж о слабых) стремились и стремятся как-то узаконить свою власть или опереться на какую-то уже узаконенную видимость власти. Какой бы ни была конституция, принятая в Советском Союзе в 1936 году, она выполнила свою историческую роль, а именно - сделала советскую государственность легитимной в глазах всей планеты. Сохранение монархии в качестве элемента власти в демократических странах в значительной мере есть средство ее легитимации, а не признание монархии как необходимого элемента демократии, каким она не является.

С этой точки зрения всякие разоблачения выборных процедур как показных, сугубо формальных, не меняющих положения, жульнических, фиктивных и т.д. лишены социологического смысла. Какими бы безвластными ни казались выборные учреждения власти и какими бы ни были выборы, они самим фактом осуществления и существования выполняют свою главную функцию - функцию легитимации власти как государственной. Последняя должна выглядеть в глазах общества как законная, а законность по своей сути формальна. И власть при этом должна осознавать себя именно формально законной. Если этого нет, власть не является государственной.

Почему власть должна быть узаконена? Не ради же слова "государственная"?! Потребность власти в узаконивании возникает не всегда, а лишь в определенных условиях, а именно тогда, когда человек разрастается, усложняется и разбрасывается в пространстве настолько, что одними лишь средствами насилия удержать власть над ним и сохранить единство самой власти становится невозможным. Требуется изобрести и вбить в головы людей идею, будто власть исходит от неких сверхчеловеческих сил или по крайней мере от сил вне данного человека (бог, древние правители), а в случае выборной власти - исходит от некоего народа, будучи воплощением его свободной воли. Этим силам придавали роль учредителей некоего закона, а в случае выборной власти изображают народ, стоящий над каждым человеком в отдельности как высшая сила, творцом такого закона. Благодаря этому изобретению невыполнение распоряжений власти и всякие покушения на нее стали рассматриваться как выступления не против конкретных лиц во власти и конкретных проявлений власти, а против обезличенного и сверхчеловеческого закона. Замена идеи божественности власти на идею народа как на источник власти была лишь сменой формы легитимации власти. В конкретной истории это был длительный процесс борьбы и социального творчества людей.

СУВЕРЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА

Государственность суверенна. Это значит, что она законно (формально!) не признает в рамках своего подвластного общества никакой другой власти над собой и не делит власть ни с кем, кто (и что) находится вне государственности. Опять-таки это - лишь в идеале, лишь абстрактный социальный закон. В реальности этот закон постоянно нарушается. Я имею в виду борьбу за власть, интриги, расколы, посторонние влияния, околоправительственные круги, лобби, коррупцию, родственные связи и т.п. Все это имеет место и процветает. Но это происходит в рамках одной государственности, около нее, с ней, за ее счет. И все это не устраняет ее формальный суверенитет. Глава правительства может быть под каблуком жены или любовницы, но они от этого не становятся явлением, подчиняющим себе государственность страны. Конечно, тут есть свои пределы, выход за которые делает государственность несuverенной. И тогда она разрушается в этом качестве, остается государственностью лишь по внешней форме и по названию.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Государственность возникает в такой тесной связи с правовым (юридическим) аспектом человека, что они образуют одно целое. Говоря о государстве, мы должны говорить о правовых (юридических) законах, а говоря о праве - должны говорить о государстве. Уже легитимация государственной власти в конце концов принимает форму правовой операции.

Государственность действует в рамках правовых норм и в соответствии с ними. Даже в случае абсолютистских и диктаторских систем государственности это так или иначе в той или иной мере имеет место. Бывают диктатуры как формы государственности и диктатуры как негосударственной формы власти. Так называемая абсолютная власть абсолютна не во всем, но лишь в некоторых отношениях, и это - выход за рамки государственности.

Задача государства - управление обществом как целым. Специфическими средствами этого являются законодательство и принудительный аппарат исполнения законов. Законодательство есть введение в жизнь общества правовых норм (юридических законов), регулирующих взаимоотношения между членами общества, между управляемыми членами общества и управляющей властью, между членами самой системы государственности, а также контроль за соблюдением этих норм, принуждение граждан к их соблюдению и наказание за их нарушения. Будучи узаконено (легитимировано), государство само становится органом легитимирования других феноменов общества. Одной из важнейших тенденций государственности является стремление охватить законодательством как можно больше явлений жизнедеятельности членов общества. Если вы сравните объем правовых норм в начале государственности западных стран с таковым в наше время, вы увидите, что он вырос в большей мере, чем любые другие явления общества, - в тысячи, если не в десятки тысяч раз.

Государственная власть есть узаконенное право на принуждение подвластных к определенному поведению и на средства осуществлять это право на деле, - полиция, армия, суды, тюрьмы. В паре "власть и управление" власть имеет приоритет. Она есть власть и над управлением, а не власть в силу управления. Управление есть реализация власти. А государственная власть есть прежде всего власть закона. И лишь постольку она есть власть людей, издающих и исполняющих законы и живущих за счет этой функции.

ПУБЛИЧНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Из сказанного выше следует, что деятельность государства по управлению обществом является публичной. Опять-таки это есть лишь абстрактный закон, который постоянно нарушается. Общеизвестно, каких масштабов достигает скрытая часть деятельности властей современных обществ. Официальные измерения соотношения публичной и скрытой частей деятельности власти мне неизвестны. Но я думаю, что степень скрытности очень высока и имеет тенденцию расти. Причем степень скрытности власти коммунистических стран вряд ли превосходит таковую демократических стран Запада. Впечатление, будто в западных странах доминирует гласность, а в коммунистических - секретность, создается за счет пропаганды и умения западных властей производить желаемое впечатление.

ОБЯЗАННОСТИ ГОСУДАРСТВА

Государство имеет не только права, но и обязанности. Основные обязанности - организация и охрана общественного внутреннего порядка и защита общества от угроз и нападений извне. Внутренний порядок общества есть прежде всего его социальная организация. Государство часть ее, но такая часть, которая обязана сохранять, укреплять и охранять его. Потому создается впечатление, будто государство существует вне общества и над ним. Материала для такого представления реальность дает достаточно. Государство имеет тенденцию к такому положению в обществе и в той или иной мере достигает его. Оно образует автономное объединение множества членов общества в рамках общества - "общество в обществе". Оно при этом зачастую пренебрегает своими обязанностями, что порождает социальные конфликты, восстания, перевороты и т.д.

ТИПЫ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Государственность классифицируется по самым различным признакам: монархическая, республиканская, авторитарная, диктаторская, олигархическая, тираническая, демократическая и т.п. Нас будут интересовать два типа ее - западнический и коммунистический. Мы их рассмотрим в следующих частях книги. Оба они характеризуются целостными комплексами признаков. У них много общего в организации и функционировании административно-бюрократического аппарата, армии, полиции, дипломатии, секретных служб и т.п., а также в социальных отношениях занятых в них людей. Все это - общие черты всякой высокоразвитой и большой по размерам государственности. Но они обладают и специфическими чертами, на которых мы и будем акцентировать внимание.

ОГРАНИЧЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Государственность в чистом виде не существует. Она не исчерпывает ситуации в обществе, в которых имеет место какая-то власть. Она смешана с явлением внесударственной власти. Она вынуждена прибегать к негосударственным методам правления и вмешиваться в дела, выходящие за рамки ее законных функций. С другой

стороны, в деятельность государства вмешиваются негосударственные явления. Государство не охватывает целый ряд проблем, которые оно, казалось бы, обязано решать. По мере развития общества, изменения условий управления и возникновения явлений, не предусмотренных в его стадии, когда складывалось государство, назревает несоответствие между государственностью и требованиями управления обществом. Разрастание самой государственности ведет к образованию явлений, выходящих за ее рамки. Даже самое поверхностное наблюдение политической жизни современных западных стран позволяет сделать вывод, что система государственности переживает непреходящее кризисное состояние и что огромную (а порою - решающую) роль в управлении западными человеками приобретают явления внегосударственные.

ПРАВОВАЯ СФЕРА

С возникновением общества в нормативном аспекте возникает особый феномен - правовая или юридическая сфера. Эту сферу образует множество людей, групп, организаций, учреждений и т.п., специальным делом которых являются правовые нормы (юридические законы) и поступки членов общества, поскольку они подлежат оценке с точки зрения правовых норм. Поскольку специфика этой сферы определяется правовыми нормами, я в дальнейшем буду для краткости употреблять слово "право", предполагая сказанное выше.

Если оставить в стороне перипетии конкретной истории и выделить чисто социальную суть дела, то можно утверждать, что право возникает вместе с государством и как нечто единое с ним. Лишь со временем оно развивается в особую сферу, поскольку колоссально разрастается нормативный аспект, требующий упорядочивания в виде государственного законодательства, которое в свою очередь требует армию особых специалистов.

Право возникает прежде всего как совокупность норм (юридических законов), определяющих изначальные и фундаментальные атрибуты власти и подвластного человека, благодаря которым они приобретают социальное качество соответственно государства и общества.

Надо различать формальную функцию рассматриваемых норм и их содержание. Государственная власть может быть различного типа. Например - самодержавная и деспотическая в дореволюционной России и демократическая в США. И структура населения может быть определена законами различно, как это имело место, например, в тех же упомянутых странах. Всякое общество создает какую-то правовую систему, иначе оно не общество (по определению!). Но далеко не во всяком обществе люди свободны в том смысле, в каком они свободны в современных западных странах. Общество может иметь правовые нормы, лишаящие людей "прав человека" в западном смысле, закрепощающими людей, как это имело место в России до ликвидации крепостного права и в США до отмены рабства. Становление общества есть процесс формирования какого-то государства и какого-то права, а не обязательно хорошего, с чьей-то точки зрения, государства и права. Для реальных людей человека, в котором это происходит, это может быть кошмаром, а не благом.

Рассматриваемая совокупность правовых норм обладает такими чертами. Во-первых, она устанавливает статус государства, его строение, права, обязанности и способ воспроизводства. Государственной власти придается монопольное право на нормативную (правовую в юридическом смысле, законодательную) деятельность, касающуюся общества в целом, а также право суда и право наказания за преступления против законов.

Государственная власть, подчеркиваю, становится монопольным законодателем и судьей, отнимая эти функции у церкви и общин, у частных лиц и у негосударственных властителей.

Во-вторых, рассматриваемая совокупность норм устанавливает статус подвластных государству людей, их социальное положение (социальные категории), отношения между этими категориями людей, их права и обязанности по отношению к государству. Это и есть фактическое установление в данном скоплении людей основ общества.

На бумаге описание этого процесса занимает немного места. А в реальности он растягивается на десятилетия и на века, происходит как ожесточенная (порою кровавая) борьба и не всегда доводится до завершения и не всегда бывает удачен. В России, например, он растянулся на несколько столетий и не приобрел четких форм вплоть до революции 1917 года. Растянулся и "растворился" в конкретной среде в Англии. Очень быстро произошел в США. Стал молниеносно (с исторической точки зрения) происходить во многих случаях в наше время благодаря воздействию со стороны великих сил извне и прошлому опыту. Но это уже происходит не как историческое творчество, а как нечто локальное, имитационное, искусственное и насильственное.

Рассмотренная совокупность правовых норм образует фундаментальное (скажем так) право общества. Оно, с одной стороны, фиксирует реальные явления, уже сложившиеся в человеческой исторически и, с другой стороны, становится условием дальнейшего нарастания, усиления и развития этих явлений рождающегося и родившегося общества. Оно само разрастается и пополняется, фиксируя происходящие в обществе изменения, и корректируется. Государство, возникнув, играет важную (если не решающую) роль его сохранения и приспособления к новым условиям. Но его нельзя считать продуктом государства на все сто процентов. Оно, повторяю, по происхождению и по основам есть часть единого с государством исторического комплекса явлений. Кроме того, правовая сфера, как и государственная, развивает свои средства самовоспроизводства, причем обретает тенденцию к самовозрастанию, которая сдерживается лишь внешними ограничениями.

Государство, став монополистом в сфере законодательства и профессионалом в этом деле, продолжило начатое фундаментальным правом дело, развивая часть права, которую я называю государственным правом. Эта деятельность идет по многим линиям, основные из которых суть следующие. Во-первых, законодательство, охватывающее общество в целом и формально, т.е. не персонифицировано (общегосударственные законы). Во-вторых, обеспечение правовой защиты членов общества и их объединений (гражданское право). И в-третьих, установление законов, в рамках которых должны совершаться правовые соглашения частных лиц и их объединений. По этой линии развивается часть правовой сферы, выходящая за рамки государственного права, скажем - частное право. Разумеется, все это принимает различные формы в различных обществах и достигает различных степеней развитости.

Государство также монополизирует и стандартизирует систему судов и средств наказания. Государственные средства к принуждению соблюдения норм поведения становятся более сильными, чем все прочие.

Не любые решения и распоряжения власти суть правовые нормы. Некоторые западные авторы обращали внимание на то, что государство якобы занимается не своим делом, принимая решения по текущим частным проблемам. Но государство есть явление не только в коммунальном, но и в деловом аспекте. И в последнем его решения и распоряжения, естественно, не являются вкладом в его правовую деятельность. Тем не менее по этой линии действительно происходит выход системы власти за рамки государственности.

Наличие законов не означает, что они выполняются автоматически. Нужны средства и усилия государства, чтобы они выполнялись. Нарушения законов - обычное дело в жизни

общества. Надо различать то, что написано на бумаге и имеет претензию быть законом, и то, что в реальности функционирует в качестве закона. В советском кодексе законов, например, были прекрасные (с точки зрения словесного выражения) статьи, но далеко не все они функционировали реально как законы. Они играли скорее идеологическую, чем юридическую роль. Диссидентское движение началось в Советском Союзе с требования соблюдать советскую конституцию, и власти обрушили на таких требователей репрессии. Да и в западном праве можно найти практически не действующие законы.

Не выполняются автоматически и законы, определяющие права членов общества, причем как в фундаментальном, так и в государственном и частном праве. Нужны усилия и траты со стороны граждан, чтобы добиться того, что им положено по праву. И это не всегда удается. Партнеры правового отношения стремятся избежать выполнения своих обязанностей и часто имеют для этого силу. Правовая сфера общества есть живое явление. Она изменяется с изменением общества. Но это происходит как борьба общественных сил. Адекватность этой сферы потребностям общества никогда не бывает полной. Но есть некоторые пределы, в которых колеблется степень неадекватности, не угрожая тяжелыми последствиями.

Правовая система данного общества есть система общества этого типа, а не вообще. Она может иметь отдельные черты, сходные с аналогичными системами обществ других типов. Но оценивать ее нужно критериями ее общества, а не абстрактно. С этой точки зрения правовая система советского общества была не хуже и не лучше таковой западных стран, если их сравнивать абстрактно, сами по себе. А сравнение их с точки зрения соответствия их своему обществу на научном уровне мне не встречалось.

Выше я говорил, что право возникает вместе с государством. Вместе с тем я говорил, что государство нуждается в легитимации. Никакого противоречия между этими утверждениями нет, ибо легитимация власти исторически есть самолегитимация по существу, лишь использующая дополнительные оправдания, чтобы укрепить свое положение. А в сложившейся государственности происходит легитимация не власти вообще, а лишь конкретных лиц, вступающих в систему власти. И делается это уже на основе принятых государством законов.

Правовые (юридические) нормы (законы) - не единственные правила, регулирующие поведение людей в обществе. Их сфера действия ограничена, во-первых, такими поступками людей, когда люди имеют свободу выбора поступков и свободу совершать их или не совершать, причем поступками, которые затрагивают интересы других людей. Она ограничена, во-вторых, тем, что нормы для таких поступков устанавливаются государством или узакониваются им, если они возникли практически, и государство имеет силу принуждать людей к их исполнению и контролировать исполнение. Правовые нормы не требуются для поступков, которые социально безразличны. Они не требуются также в случаях, когда люди не имеют свободы выбора, когда люди вынуждаются на какие-то поступки без всякого юридического принуждения.

Правовые нормы теряют практический смысл, если государство не в состоянии принуждать людей к их соблюдению и контролировать поступки людей с этой точки зрения. Кроме того, правовые нормы теряют смысл, если они составлены так, что допускают взаимоисключающие толкования и применения, а также если в кодексе законов имеются взаимоисключающие нормы.

В современных обществах системы правовых норм разрослись до колоссальных размеров, стали чрезмерными и дорогостоящими. Неимоверно разросло число специалистов, занятых в правовой сфере, чрезмерно возросла их власть и злоупотребления ею, стали обычными ситуации в рамках правовых норм, неразрешимые правовыми нормами. В самой реальности возникает огромное число ситуаций, не поддающихся

нормированию в рамках правовых норм. Все более обычными становятся поступки, не поддающиеся оценке юридическими критериями. Люди научаются игнорировать правовые нормы, оставаясь неразоблаченными и неосуждаемыми юридически. В рамках правовой сферы появились специалисты по безнаказанному и неразоблаченному нарушению юридических законов. Над правовой сферой вырастает феномен, который я называю сверхправом.

МОРАЛЬ

Никакой особой моральной сферы в человеке не было и не будет. Моральными нормами и моральным состоянием людей "заведует" религиозная и идеологическая нерелигиозная сфера, а также система воспитания и контроля за поведением людей, распределенная по различным сферам. Это происходит не потому, что люди недооценивают моральные нормы или не имеют средств для создания особой моральной сферы, а в силу неопределенности, аморфности и изменчивости самих норм поведения, именуемых моралью. Многие из норм поведения, считавшиеся правилами морали, замещаются юридическими нормами и правилами, обусловленными свойствами окружающей среды и материальной культуры. Многие отмирают за ненадобностью или невозможностью следования им. Возьмем, например, правило "Не лги, не обманывай". Следовать ему педантично в условиях современного человека невозможно. Чтобы хоть как-то защититься от всеобщей атмосферы лжи и обмана, люди разработали систему юридических норм, согласно которой обманщики и лжецы хотя бы в некоторых важных ситуациях наказывались или могли быть наказуемы за ложь и обман, и это несколько сдерживает современных людей, развивающих свои способности на этот счет до высочайшего уровня.

Выражение "Моральный поступок" многозначно. В одном смысле имеется в виду поступок, считающийся добродетелью. Но что такое добродетель?! В другом смысле имеется в виду поступок, соответствующий нормам морали, но не обязательно добродетельный с точки зрения каких-то людей. Например, убийство на дуэли в некоторых человеческих объединениях считалось моральным поступком, а в других - аморальным. Дать общее определение моральных поступков и указать общие критерии, пригодные для всех времен и народов, для любых ситуаций в принципе невозможно. Кантовский "категорический императив" как критерий морали является просто бессмыслицей или ложным, если его проанализировать на строгом логическом уровне. Например, человек, который не хочет, чтобы другие люди поступали по отношению к нему по правилам морали, является моральным, поступая в отношении других не по правилам морали.

В общем виде можно сформулировать лишь логические принципы относительно понятий и суждений учения о явлениях морали. Это, например, такие принципы. Множество поступков людей, к которым применима оценка в понятиях морали, устанавливается опытным путем. Тут нет никаких априорных ограничений. При этом должны быть заданы критерии оценки поступков как моральных (удовлетворяющих нормам морали) и аморальных (неудовлетворяющих этим нормам). В отношении поступков, которые не включаются в это множество, оценка их как моральных или как аморальных лишена смысла. Таковы, например, поступки дипломатов, политиков, военных и т.п. при исполнении ими своих профессиональных обязанностей в отношении противников. Мы имеем, таким образом, три возможности в отношении поступков людей с точки зрения морали: поступки моральные, аморальные и вообще не являющиеся ни моральными, ни аморальными (не оцениваемые в понятиях морали).

В общей форме можно также сказать, что моральные нормы вырабатываются (изобретаются) людьми как средство ограничения законов рационального расчета (экзистенциального эгоизма). Они разделяются на запреты совершать какие-то поступки и обязательства. Обязательства при этом логически сводятся к запретам не совершать определенные поступки.

МИКРОУРОВЕНЬ ОБЩЕСТВА

Макроуровень общества формируется над микроуровнем в том смысле, что макрообъекты состоят из микрообъектов и организуют микрообъекты в масштабах общества. В предобществах, логически рассуждая, должен доминировать микроуровень, а макроуровень развиваться под его влиянием. В обществах отношение уровней меняется на противоположное: макроуровень становится доминирующим, а микроуровень формируется и развивается под его влиянием.

В предшествующей части я говорил о клеточках человекиника. Клеточная структура человекиников зарождается уже в предобществах. Но лишь в высокоразвитых обществах она становится всеобъемлющей структурой микроуровня. Здесь колоссально увеличивается число клеточек, образуются их многочисленные различные виды. Государство вынуждается на то, чтобы их упорядочивать и стандартизировать, создавать юридические нормы их образования, функционирования и взаимоотношений друг с другом, государством и прочим обществом. Собственно говоря, разрастание клеточной структуры становится возможным в значительной мере (если не главным образом) благодаря государству. Государство дает им защиту и стандартные (формальные) правила существования.

Как бы и кем бы клеточка ни создавалась в условиях общества, она должна быть признана обществом, как таковая, и узаконена. Она должна действовать в рамках правовых норм. В ней должен быть человек (или группа людей), ответственный перед соответствующими учреждениями государства за ее состояние и деятельность в целом, - юридический субъект. Ответственность юридического субъекта перед государством является непосредственной. Клеточка имеет орган, управляющий ее внутренней деятельностью. Это может быть один человек или группа из нескольких человек. Управляющий орган и юридический субъект могут совпадать, как это чаще и бывает, но могут и различаться, как это теперь тоже часто встречается.

Основную массу клеточек общества образуют объединения людей, в которых эти люди добывают средства существования, создают жизненные ценности, выполняют общественно-полезные функции. Они различаются по многим признакам - по размерам, по структуре, по специализации, по продолжительности существования, по престижу и т.д. Есть клеточки из тысяч человек и есть из нескольких. Есть даже из одного человека. Но последние суть чисто формальный и вырожденный случай. Фактически тут имеют место юридически неоформленные клеточки или аморфные, клеточкообразные структуры. Одни клеточки живут десятки лет, другие - несколько месяцев. Одни разбросаны на больших территориях, другие локализованы в малых пространствах, порою - в несколько квадратных метров. Одни являются простыми, другие состоят из большого числа групп.

Большие клеточки, как правило, расчленяются на более мелкие группы вплоть до минимальных. Каждая группа, в свою очередь, имеет руководителя (начальника) или руководящую группу из нескольких человек. Члены клеточек занимают различные позиции и выполняют различные функции. В сложных клеточках имеет место иерархия таких позиций. Люди в клеточках изначально (по самому способу их образования) разделяются на

управляющих и управляемых, на начальников и подчиненных. Это - одно из самых фундаментальных социальных отношений во всяком обществе.

В современных обществах основные клеточки суть объединения людей, в которых люди работают, занимаются делом. В них люди принимаются на работу. В них есть люди, которые имеют право принимать других на работу, так что члены их разделяются на работодателей (нанимателей) и работников (нанимаемых). Те и другие суть юридически свободные граждане общества.

Не вся человеческая материя современного общества имеет клеточную структуру. Есть бесструктурная среда.

Есть объединения, не имеющие статуса клеточек. Это, например, родственные группы, если они не образуют юридически узаконенные деловые предприятия.

Семья сохраняет значение в обществе, поскольку сохраняются родственные отношения, наследование имущества, ответственность родственников перед законом, продолжение дела родителей, личные привязанности и т.д. Без семьи частная собственность и накопление богатств теряют смысл. Семья и родственные отношения вообще играют существенную роль в сохранении (воспроизводстве) социальной организации общества. В современных обществах происходят заметные изменения в характере семейных отношений. Распад семей стал обычным явлением. Для большого числа людей семья вообще потеряла социальный смысл. Но все же для достаточно большого числа членов общества семья еще сохраняет значение, и это остается одним из необходимых условий воспроизводства социальной организации.

Клеточки объединяются в более сложные структуры. Если объединение становится клеточкой, а объединяющиеся клеточки теряют статус клеточек, то происходит слияние клеточек в одну. Если объединяющиеся клеточки сохраняют статус клеточек, то возникают сверхклеточные структуры. Тот же эффект получается в случае разделения клеточки на две или более клеточки с сохранением их единства. Если сложное объединение само есть клеточка, происходит разделение функций юридического субъекта и распределение их между различными уровнями. Тут возможно возникновение особых клеточек, специальным делом которых становится управление объединенными клеточками и координирование их деятельности. Складывается запутанная система отношений между клеточками, проконтролировать которые государство не в силах.

В зависимости от способа образования и характера юридических субъектов клеточки разделяются на две категории. К первой категории относятся такие клеточки, которые создаются решениями властей. Власти определяют их деловые функции и отношения с другими клеточками. Сотрудники их нанимаются на работу по профессии. Они не являются собственниками ресурсов, которыми они распоряжаются, и собственниками результатов их деятельности. Заработная плата устанавливается законом. Размер ее зависит от занимаемой должности, уровня квалификации и личных заслуг. Сотрудники получают зарплату независимо от реализации результатов деятельности клеточки. Юридические лица клеточек назначаются вышестоящими органами власти и управления с учетом профессиональных данных и опыта работы. Они суть государственные чиновники. Эти клеточки можно назвать государственными или общественными, поскольку государство представляет общество в целом. Ко второй категории относятся клеточки, которые создаются по инициативе частных лиц и организаций, а не распоряжениями властей. Но и тут полного произвола нет. Эти клеточки должны получить на это разрешение властей, официально зарегистрировать характер своего дела. Они возникают и существуют в рамках законов. Точно так же законом должны быть определены их юридические субъекты, т.е. лица или организации, распоряжающиеся деятельностью клеточек и несущие за это ответственность перед государством и законом. Юридические субъекты свободны определять характер дела

клеточек, их внутреннюю организацию и отношения с окружающей средой, но в рамках правовых норм. Такие клеточки принято называть частными. В их основе лежат отношения частной собственности.

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Частная собственность в течение многих веков была в центре внимания социально активной части человечества. В наше время интерес к ней не ослаб, а даже усилился. Это связано с тем, что весь период "холодной войны" шел под лозунгами антикоммунизма, ибо в коммунизме видели угрозу западному миру, а основу социального строя западных стран видели именно в частной собственности. Апологетика ее стала важнейшим элементом идеологии западнизма, а насильственное ее навязывание бывшим коммунистическим странам стало орудием насаждения западных порядков в этих странах и подчинения их Западу. Так что феномен частной собственности заслуживает особого внимания.

Идеологически-обывательское представление о частной собственности возникло много веков назад и в почти неизменном виде сохранилось до сих пор. Одни в ней видели основу всех зол, другие - основу всех благ. Домарксовские социалисты и коммунисты разделяли первое убеждение и считали ликвидацию частной собственности необходимым и достаточным условием установления общественного порядка всеобщей справедливости и благополучия. Это представление перешло в марксистский коммунизм с тем коррективом, что основу всех зол ограничили частной собственностью на средства производства. Сложилась идеология, что для создания общества всеобщей справедливости и изобилия надо ликвидировать частную собственность на средства производства - передать землю крестьянам, а фабрики рабочим. Эта идеология более чем на целое столетие овладела умами и чувствами миллионов людей и до сих пор еще сохраняет силу, хотя ей во второй половине нашего века был нанесен сильнейший удар со стороны Запада, выдвинувшего на первый план идеологию частной собственности как основы всех благ и прогресса человечества. Частная собственность объявлена изначальным явлением человеческой истории, а стремление к ней - изначальным (и даже прирожденным!) свойством человека.

Что такое частная собственность? И почему она в фундаментальном праве западных стран объявлена священной и неприкосновенной? Почему право частной собственности включено в число основных прав человека?

Прежде всего надо различать владение (обладание) и собственность. Не всякое владение есть собственность. Владеть чем-то - это значит распоряжаться этим по своему усмотрению. Владеть чем-то можно благодаря физической силе, обману, находке, традиции и т.п. Владеть можно природными способностями и навыками. Владение является индивидуальным, если владелец - отдельный человек. Владельцем может быть группа людей, семья, род, племя, целый человек. Владение может быть кратковременным и долговременным, временным и постоянным, в одном поколении и наследственным, отчуждаемым (передаваемым другим) и неотчуждаемым.

Владение средствами существования, добывания их, средствами самозащиты и удержания за собой своих владений есть абсолютно необходимое условие существования людей и человекоподобных. Конечно, какие-то предпосылки стремления к владению упомянутыми средствами были у животных, являющихся эволюционными предшественниками людей. Но в полную силу оно развилось лишь у людей, причем как явление социальное (изобретенное, искусственное), а не биологическое (не прирожденное). Люди еще в древности открыли для себя (в опыте жизни, конечно, а не теоретически!) универсальные законы социального бытия: 1) чем больше твои владения, тем надежнее

твое существование; 2) владения можно накапливать и передавать по наследству детям; 3) нужна сила удерживать свои владения, иначе их у тебя отнимут другие. Стремление к увеличению, улучшению и упрочению владений жизненными благами стало важнейшим стимулом человеческой активности и эволюции. И надо признать, что прогресс человечества на этом пути был колоссальным. И проходил он отнюдь не как равномерное и мирное распределение благ, а как ожесточенная борьба и как рост неравенства.

Но до сих пор речь шла не о собственности, а о владении. Я буду употреблять слово "собственность" для обозначения вида владения, который характеризуется такими признаками. Это, во-первых, владение чем-то таким, что отделимо от владельца (отчуждаемо от него), что может стать владением другого владельца. Собственность, во-вторых, есть владение узаконенное, владение по праву. Право (юридический закон) само по себе не приносит то, что становится собственностью. Владение чем-то должно быть приобретено какими-то путями. Но чтобы стать собственностью, оно должно быть узаконено, - должно быть объявлено законным или приобретенным в рамках юридических законов. Украденная вещь, например, становится владением вора, но не становится собственностью, если такое воровство запрещено законом. Так что заявление Прудона, что собственность есть кража, с точки зрения нашего определения ложно.

Таким образом, собственность, согласно нашему определению, есть явление общества, а не любого человека. Она предполагает наличие права и государства. И она никак не может быть базисом общества, а право и государство не могут быть надстройкой над ней.

Юридические законы (документы), согласно которым некоторое владение становится собственностью, разделяются на общие и индивидуальные. Первые охраняют владение гражданами какими-то категориями объектов, не индивидуализируя тех и других. Например, это касается предмета быта. При этом предполагается возможность как-то доказать, что эти вещи принадлежат определенным лицам. Во втором случае юридическими документами фиксируется конкретно, что именно и каким индивидуальным личностям принадлежит. Это касается, например, земельных участков, домов, дорогих вещей, денежных сумм в банках, акций.

Собственность является персонифицированной, если собственники суть конкретные (индивидуальные) личности или группы таких личностей (например, семья, род). Собственность является неперсонифицированной, если собственник есть объединение людей, каждый из которых не есть собственник части собственности объединения. Члены такого объединения могут меняться, а объединение остается собственником. Примером такого обезличенного собственника может служить коллективное хозяйство коммунистической страны (колхозы, совхозы). Оно является собственником каких-то ценностей, хотя члены его по отдельности собственниками не являются. Состав коллектива меняется. Меняется его руководство, распоряжающееся собственностью.

Собственность может быть временной и постоянной, с правом передачи другим и без него, с правом предпринимательства и т.д. Короче говоря, большое число разнообразных форм владения, так или иначе узаконенных юридически, называется общим словом "собственность". В законодательстве как-то отражается различие этих форм.

Что считать частной собственностью? Обычно так называют лишь случаи, когда собственник персонифицирован, т.е. есть конкретный индивид или группа таких индивидов (семья, партнеры). Но как быть с объединениями многих лиц, каждое из которых обладает частичкой собственности, но не распоряжается собственностью в целом? Как быть со случаями, когда большими ценностями, принадлежащими многим лицам, распоряжаются и представляют собственность перед государством лица, собственниками не являющиеся? Не считать их частной собственностью? Но такие феномены ведут себя в обществе подобно

персонифицированной собственности. Очевидно, тут требуется логическая обработка терминологии.

Я здесь ограничусь таким ориентировочным определением. Частной собственностью являются такие случаи: 1) когда собственник персонифицирован; 2) когда многие персонифицированные собственники предоставляют на законных основаниях какой-либо индивидуальной личности, группе таких личностей или конкретной организации право распоряжаться их суммарной собственностью.

Выражения "общественная собственность", "общенародная собственность" и "государственная собственность" обычно употребляются как плохо определенные и многосмысленные. Общество (страна) владеет какой-то территорией и ее ресурсами. Это - владение, а не собственность, если оно не узаконено. Если есть международное право, согласно которому это владение общества узаконивается, оно становится собственностью данной страны. Государство частично является собственником каких-то ценностей, частично владеет чем-то, частично распоряжается владениями общества. Не все, чем владеет общество, есть собственность государства. Выражение "Государственная собственность" двусмысленно. Оно обозначает собственность государства как организации наряду с частной собственностью индивидуальных лиц и объединений, и тогда ее можно считать частной. Такими были, например, личные владения царей и королей. Но это выражение обозначает также общественное (всего общества) владение, в отношении которого государство выступает как юридическое лицо.

Частная собственность есть сложный и изменчивый феномен. В простейшей форме она заключается в следующем. Объект А есть частная собственность индивида (человека, семьи, группы) В, если В владеет объектом А, есть возможность как-то доказать это и есть юридический закон, согласно которому то, чем владеют индивиды, есть их собственность и они могут распоряжаться ею некоторым образом в своих интересах. Более сложная форма - закон, разрешающий передавать собственность другим, продавать, дарить. Еще более сложными формами являются законы, регламентирующие использование собственности, отношения между собственниками и их отношения с государством (налоги). В современных западных странах есть законы, в рамках которых собственность может приобретаться. Одним словом, частная собственность в развитой форме есть совокупность отношений между ценностями и их обладателями, между собственниками и несобственниками, между собственниками и государством и т.д., короче - совокупность социальных отношений в рамках правовых норм.

Собственность сама по себе не есть явление экономики. Надо различать собственность, как таковую (как особое социальное явление), ее использование (различные ее функции в обществе) и эволюцию. Она есть явление экономики постольку, поскольку используется как источник дохода для государства в виде налогов и для частных лиц в виде условия частного предпринимательства. Но функции ее не сводятся к экономическим. Среди них можно назвать также накопление ценностей, власть и управление людьми, жизненные гарантии, индивидуальную самозащиту, стимулы деятельности, условие жизненного успеха, просто средство существования (трата) и другие. Она становится одним из важнейших элементов социальной организации общества.

Государственная форма власти возникла исторически в человекообразных, в которых во владении определенных категорий лиц накопились сравнительно большие ценности и потребовались средства их сохранения и охраны пользования ими. Но это не означает, что собственность явилась базисом для государства и права. Этим целям служили и догосударственные и доправовые средства предобщества. Благодаря государству и праву частные владения превратились в частную собственность. Эти владения были одним из исторических условий возникновения государства и права, но не единственным и не

всеобщим. В ряде случаев нищета и разруха человекиника, угроза гибели, стремление к завоеваниям, потребность в крупных сооружениях и другие явления тоже служили историческими условиями возникновения государства и права.

Частная собственность имеет количественные границы. В отношении нижней границы это очевидно. Никому не приходит в голову зачислять в категорию частных собственников бедняка, владеющего тряпьем и куском хлеба. Но есть и верхняя граница. Нельзя присвоить себе абсолютно все. А главное - начиная с некоторой величины, собственность для своего функционирования требует определенным образом организованный штат людей и определенные правила обращения с нею, независимые от собственника и делающие его в известном смысле символическим собственником.

Частная собственность есть феномен исторический. Никакого врожденного чувства собственности и тем более прирожденного права собственности нет. Она формировалась по многим линиям. У большинства народов она не развилась в полную меру или даже совсем не развилась. У народов западного мира она достигла высшего уровня развития, причем сравнительно недавно. Фактически таким рубежом ее исторического оформления явились параграфы буржуазных конституций "Частная собственность священна и неприкосновенна". Возникнув и став привычной, частная собственность оказала обратное влияние на породившие ее факторы, став одним из краеугольных камней западного общественного устройства. Круг истории замкнулся.

ГОСУДАРСТВО И ХОЗЯЙСТВО

Государственность в принципе сама не производит никаких жизненных ценностей. Она существует за счет налогов и распоряжается соответствующими ресурсами. Предприятия, являющиеся ее собственностью, суть второстепенный источник дохода для нее. Тем более они нередко убыточны. Государство содержит их в каких-то целях за счет того, что оно имеет как непроизводительная часть общества. Государство тратит то, что произведено не им и вне его. Если власть сама производит или добывает что-то, она либо есть власть до государственная, либо выходит за рамки функций государственности. Специфический для государства способ добывать жизненные блага - дань с подвластного населения, в наше время - в виде налогов.

ЭКОНОМИКА

Если в коммунистическом обществе с его доминированием государственности над прочими сферами именно понятие государственности не было выработано в соответствии с критериями логики и методологии науки, то в западном обществе с его доминированием экономики в аналогичном состоянии осталось понятие экономики. Как и в случае с государственностью, дело тут не только в идеологических табу, но и в "повороте мозгов" тех, в чьем ведении находится сфера размышлений и суждений об экономике и о том, что с ней связано.

Экономика современных высокоразвитых обществ есть сложный, многомерный, во многих отношениях диалектически противоречивый и изменчивый феномен, погруженный в более обширную социальную среду, что затрудняет ее определение. Возьмем, например, определение экономики как добычи, производства и распределения материальных благ, необходимых для существования людей. В этом смысле слово "экономика" будет сноситься к любым человекиникам, включая предобщества, причем даже самые примитивные. С

другой стороны, оно не будет охватывать производство культурных ценностей, сферу развлечения, обслуживания и связи и многое другое, что в современных обществах входит в сферу экономики. В наше время в западных странах в экономику включают всякие инвестиции капиталов с целью получения доходов и зачастую вообще все то, что связано с деньгами (налоги, распределение бюджета и т.п.). Но это, однако, нельзя отнести к любым обществам.

Я в отношении понятия экономики воспользуюсь тем же приемом, что и в отношении других понятий, а именно - экспликацией. Я считаю, что употребляемые в языковой практике значения слова "экономика" в совокупности дают интуитивное представление об экономике, достаточное в качестве материала для экспликации, но не заменяющее эксплицитное понятие и не делающее экспликацию излишней.

Одно из требований моего "поворота мозгов" - требование соблюдения меры обобщения. Следуя ему, я выделил общества как особый тип человеичиков, выделил государственность как особый тип власти и управления, специфичный для общества. Аналогично я намерен поступить в отношении экономики, т.е. выделю экономику как тип хозяйства, специфичный для общества.

К сфере экономики я отношу сферу хозяйства в том ее виде, какой она принимает в условиях общества, т.е. при наличии государства и права. Экономика предполагает ряд предпосылок. Среди них следует назвать, во-первых, разделение членов человеичника на сравнительно большое число од неродных деловых групп, способных действовать более или менее самостоятельно, автономно. Назову это атомарностью хозяйства. Во-вторых, следует назвать достаточно высокую производительность труда деловых групп, благодаря которой они могут регулярно отдавать часть своего труда и продуктов труда кому-то и после этого продолжать жить и осуществлять свою производительную деятельность. И в-третьих, следует назвать наличие внешних этим деловым группам сил, которые более или менее регулярно отбирают у этих групп часть продуктов их труда (в виде дани, поборов, грабежей) и принуждают работать на них. Но это - именно предпосылки экономики, но еще не экономика. Хозяйство становится экономикой тогда, когда функцию охраны упомянутых групп и поборов с них (в качестве вознаграждения за охрану) берет на себя государство. Государство узаконивает эти группы и поборы с них (налоги), осуществляя при этом социальную стандартизацию хозяйства.

Именно государство организует хозяйство человеичника в особую стандартизированную сферу, которая "кормит" не только себя, но и весь прочий человеичник. Организует, узаконивая хозяйственные клеточки и вводя правовые нормы, в рамках которых должна протекать жизнь хозяйственной сферы. Благодаря государству образуется внутренне связанное в некоторое целое общечловеичниковое хозяйство (с единой денежной системой, обменом, разделением функций).

Как бы хозяйственная сфера общества ни складывалась исторически и какой бы вид она ни принимала в конкретных случаях, мы в этом явлении абстрагируем то, что с ним происходит вследствие усилий государства, имеющих целью обеспечения общества средствами существования, и называем абстрагированное нами словом "экономика". В идеале экономика должна быть по крайней мере основным источником существования общества и удовлетворять его основные потребности. В идеале, так как в реальности этот абстрактный закон постоянно нарушается.

Таким образом, процесс осознания и признания экономики как фактора общества включал (и всегда включает) государственно-правовые мероприятия. Все последующее развитие экономики протекало и протекает в рамках правовой (законодательной) деятельности государства, классическим образцом которой является деятельность

западнистской государственности, или как деятельность самого государства, классическим образцом которой является деятельность коммунистической государственности.

Если деятельность каких-то предприятий протекает вне рамок государственности (вне и вопреки юридическим законам и без контроля государства), то эти предприятия теряют (если имели) или не приобретают статус элементов экономики. С этой точки зрения преступный бизнес не есть явление в рамках экономики. Если по отношению к нему употребляют слово "экономика", то либо не заботятся о строгости терминологии, либо имеют в виду то, что этот бизнес в какой-то мере легализован и играет роль в экономике. Тот факт, что в экономике постоянно нарушают юридические законы, не отменяет статуса права и статуса экономики как феномена в рамках права.

Государство поддерживает, охраняет, организует и даже в какой-то мере создает экономику не для экономики самой по себе, а для себя, как источник своего существования и как арену своей жизнедеятельности. Оно служит экономике, поскольку экономика служит ему самому. Государство не есть прислуга неких хозяев экономики. Люди, образующие государственность (работающие в ней), могут быть марионетками людей, образующих экономическую сферу, могут быть у них на содержании, могут быть их ставленниками. Но это не означает, будто государственность по своей социальной сущности есть слуга экономики как сферы производства и распределения жизненных благ общества.

Между государством и экономикой имеет место разделение функций в обществе. Это - различные сферы со своими закономерностями структурирования и функционирования. Но в реальности одна из них постоянно и в самых различных формах вмешивается в деятельность другой и стремится взять верх. Это - тоже нормальное явление в их жизни. Важна мера их автономии и мера взаимного вмешательства друг в друга. Эта мера в реальности нарушается. В наше время все более усиливаются негосударственные элементы в государственности и неэкономические в экономике.

Экономика заключена в определенные социальные границы. Последние определяются такими факторами: 1) фундаментальной функцией, обособление и развитие которой породило экономику как особую сферу общества; 2) юридическими законами, в рамках которых происходит экономическая деятельность людей; 3) социальными законами экономики как особого социального явления. В реальности, повторяю, имеют место выходы за эти рамки. Если эти выходы являются настолько значительными, что влияют на всю ситуацию в сфере хозяйства, и если они становятся устойчивыми (постоянными, регулярными), то экономика либо утрачивает качество экономики, либо поглощается объектом более обширного масштаба и более высокого уровня организации - сверхэкономикой.

ЭКОНОМИКА И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Среди множества факторов, питавших (и питающих до сих пор) взгляд на экономику как на базис общества, надо отметить смешение экономики и материальной культуры общества. Экономика участвует в создании материальной культуры. Но последняя создается общими усилиями общества. Экономика использует достижения материальной культуры и производит их. Но она вообще не есть компонент материальной культуры. Последняя есть совокупность предметов, создаваемых и используемых людьми, есть нечто статичное и по крайней мере пассивное. Экономика же есть функционирующая ткань общества, нечто действующее, живое. Это - организация и деятельность людей. Экономика и материальная культура суть феномены в различных измерениях общества. Известная фраза Маркса, в которой капитализм ассоциировался с паровой машиной, а феодализм с

ветряной мельницей есть просто литературно-идеологический трюизм. Любопытно, какие технические изобретения нашего времени стал бы Маркс считать символами капитализма и какие коммунизма?! Я об этом говорю не в порядке упрека Марксу, а в качестве примера тому, как предрассудки, основанные на смешении различных феноменов и на плохой обработке понятий, могут веками владеть умами людей.

СТРУКТУРА ЭКОНОМИКИ. УРОВНИ ЭКОНОМИКИ

Экономика структурируется и функционирует одновременно во многих измерениях (аспектах) и на различных уровнях. Мы уже затрагивали ее микроуровень, говоря о деловых клеточках, и аспект собственности. К этим темам мы еще вернемся в следующих частях (о западнизме и коммунизме). А здесь я хочу обратить внимание на различие содержательного (или вещественного) и формального (или денежного) аспектов экономики. Рассмотрю сначала содержательный аспект.

Основу и ядро экономики образует обеспечение общества пищей, жильем, одеждой, средствами коммуникации и вообще всеми необходимыми для жизни членов общества предметами потребления. Это, можно сказать, первичная экономика. По мере развития общества и роста производительности труда над этим основанием вырастает, можно сказать, вторичный уровень экономики, снабжающий общество предметами потребления сверх жизненно необходимых. Разумеется, первичный уровень не есть нечто раз и навсегда данное, неизменное. Необходимые жизненные потребности людей и возможности их удовлетворения растут, грани между первичным и вторичным уровнями варьируются, не являются абсолютными и неизменными. Тем не менее люди, как правило, устанавливают тут различие достаточно определенно, особенно - в трудных ситуациях. Внутри каждого из упомянутых уровней устанавливаются, в свою очередь, подуровни.

Пропорции уровней колеблются в определенных границах. В нормальном обществе клеточки первого уровня должны быть достаточны для нужд общества. Число занятых в них людей не должно превышать некоторый максимум, но и не должно падать ниже некоторого минимума. Большой процент таких людей означает низкую производительность труда. А слишком малый процент угрожает нормальному состоянию населения, ибо именно люди такого рода служат ядром и основанием общества.

По другой линии над экономикой, занятой производством и распределением материальных благ, вырастает экономика второго уровня (по этой линии второго!), занятая использованием экономики первого уровня как источника доходов и перераспределением произведенных ценностей. В экономике второго уровня происходит, в свою очередь, вертикальное структурирование (образуются свои подуровни). Тут тоже имеют место границы, в рамках которых колеблются пропорции этих уровней и их взаимоотношения в смысле их ролей в обществе.

Происходит структурирование экономики с точки зрения зависимости одних ее подразделений от других, так что одни из них диктуют свои условия другим, а также с точки зрения преимуществ одних перед другими. И самым, пожалуй, значительным фактором структурирования экономики становится развитие денежного механизма. Вся экономика разделяется на вещный и символический уровни, причем во многих измерениях.

СФЕРЫ ЭКОНОМИКИ

Большинство известных мне авторов разделяют экономику западных стран на три сферы: сельское хозяйство, промышленность и обслуживание. Некоторые авторы дают несколько иную классификацию. В первую сферу они включают сельское хозяйство, добычу руд и лесоводство. Во вторую сферу включают переработку сырых материалов в готовую продукцию. В третью сферу включают услуги, в том числе медицинское обслуживание, обучение, управление, церковь.

Научная ценность классификации такого рода невелика. Переработка сырого мяса в бифштексы и антрекоты есть переработка сырых материалов в готовую продукцию, но вряд ли это отнесешь к сфере промышленности. Понятие "сфера обслуживания (услуг)" вообще является бессмысленным. В эту сферу не попадают те люди из промышленности и сельского хозяйства, которые заняты не непосредственным производительным трудом, а трудом по его обслуживанию. По некоторым данным в промышленности таких большинство. В одну категорию обслуживания (услуг) объединяются разнокачественные предприятия и учреждения, одни из которых обслуживают непосредственно людей (магазины, рестораны, парикмахерские и т.п.), а другие - другие предприятия, в том числе - промышленные и сельскохозяйственные (транспортные фирмы, исследовательские и информационные учреждения и т.п.). К тому же вообще нелепо включать в экономику больницы, школы, университеты, церковь и административные учреждения. В таком случае с не меньшими основаниями в эту сферу можно включать органы власти, полицию и армию.

Но если оставить в стороне то, что конкретно зачисляется в ту или иную сферу экономики, и рассмотреть это разделение как на сферы производительные и распределительные, то исследования их дают важную информацию о структуре современных обществ.

Социологи характеризуют соотношения упомянутых сфер экономики количеством занятых в них людей. В различных источниках приводятся различные величины, чаще такие. От 20 до 25 процентов работающих заняты в промышленности, от 3 до 6 процентов - в сельском хозяйстве, от 70 до 75 процентов - в сфере обслуживания.

Согласно приведенным данным, в сфере производства материальных ценностей в странах Запада занято меньше одной трети работающих граждан. Причем процент занятых в материальном производстве имеет тенденцию к сокращению. Есть основания предполагать, что лет через пятьдесят, если не произойдет ничего из ряда вон выходящего, он упадет до десяти или даже до пяти. Бесспорно, это говорит о росте производительности труда. Но какого? Труда работающих людей. Назову такую производительность абстрактной. Производительность труда общества в целом, однако, характеризуется также многими другими факторами, в том числе наличием массы трудоспособного населения, не занятого в хозяйстве. Если его присоединить к той части работающих, которая занята в сфере производства материальных ценностей, то картина будет уже не такой радужной. А эта часть населения имеет тенденцию увеличиваться. Я предполагаю, что через те же самые пятьдесят лет, если опять-таки процесс не будет прерван из ряда вон выходящими событиями, она вырастет до таких размеров, что пропадут выгоды от сокращения производительной части населения, т.е. выгоды от роста абстрактной производительности труда. Думаю, что тут Запад достиг некоторого потолка, преодолеть который невозможно.

Из тех 20 - 25 процентов работающих, которые заняты в промышленности, отнюдь не все заняты непосредственно производительным трудом. Большинство из них занято в сфере обслуживания производительной части в собственном смысле слова. Если их включить в сферу обслуживания, то, наоборот, суждения о высоте производительности труда западных

стран будут еще восторженнее. И еще бессмысленнее, поскольку никаких вразумительных критериев различения производительного и непроизводительного труда не существует. Да и вряд ли они возможны в принципе. Если, например, считать производительным трудом производство материальных ценностей, то как быть с производством вооружений, предметов роскоши и вещей, которыми пользуются паразиты и преступники?

От 3 до 6 процентов работающих занято в сельском хозяйстве. Но характеризует ли это реальную социальную структуру западного общества существенным образом? Почему бы, например, не подсчитать, сколько людей вообще занято в той сфере экономики, в которой продукты сельского хозяйства производятся, хранятся, транспортируются и вообще достигают потребителя, причем не только внутри данной страны, а и во всем мире, кормящем эту страну? Думаю, что картина получилась бы иная.

ПРОИЗВОДСТВО, РАСПРЕДЕЛЕНИЕ, ПОТРЕБЛЕНИЕ

Самой абстрактной схемой всякой экономики является такая: производство готовой к потреблению продукции (включая услуги) - приобретение этой продукции потребителем (включая использование услуг). Короче: производство - потребление. В западной экономике эти два компонента схемы разделены и обособлены так, что наибольшую часть того, что люди производят, они не потребляют сами, и наибольшую часть того, что они потребляют, они не производят сами. Эта часть настолько велика, что можно сказать: люди производят то, что сами не потребляют, и потребляют то, что не производят сами.

Приведенная выше схема усложняется тем, что производство готовой к потреблению продукции дифференцируется и возникает отношение между производством материалов для окончательной продукции или частичной продукции (деталей) для нее. Эта схема может усложняться еще более за счет того, что производству готовой к окончательному потреблению продукции может предшествовать два и более этапов производства. Важно здесь то, что некоторые производители здесь выступают также и в роли потребителей. Например, в схеме "производство материалов - производство деталей - производство более сложных частей - производство окончательной продукции" второе, третье и четвертое звено являются и потребителями.

Усложнение отношений производства и потребления происходит также вследствие того, что между производством окончательной продукции и ее потребителем вклиниваются посредники, задача которых - довести готовую продукцию до потребителя. Это, например, магазины. Задача таких посредников - распределить готовую продукцию по потребителям. Посредник, в свою очередь, может дифференцироваться, т.е. распределение будет осуществляться в два и более этапов. Например, первым этапом распределения может быть крупная фирма, а вторым - магазины, приобретающие у нее товары.

Все элементы этих схем атомизированы, т.е. состоят из множества отдельных предприятий производителей и множества отдельных потребителей. Окончание одних цепочек движения вещей и услуг может стать началом других. Цепочки перекрещиваются. Продукция от производителей может расходиться по многим различным линиям (к разным посредникам и потребителям). К потребителям продукция может сходиться по разным линиям (потребитель приобретает различные вещи и пользуется различными услугами). Образуются пункты распределения, в которые продукция стекается по разным линиям и откуда она уходит точно так же по разным линиям.

В обществе складывается густая сеть производителей, распределителей и потребителей. Отношения между ячейками этой сети находятся опытным путем и строятся на основе договорных соглашений. Это индивидуальная сеть в данном районе страны и в стране в

целом. В стране складывается множество таких более или менее обширных и до известной степени автономных сетей, которые переплетаются в сети более сложные и в конечном счете в единую хозяйственную сеть страны.

Рассмотренная сеть образует основу экономики общества. На ней вырастает формальный (денежный) аспект экономики, включая капитализм. Капитализм возникает не в стороне от нее, а над ней. Завоевав ее, он расширяет ее, придает ей удобный для себя вид. Если он вторгается извне в данный чужой мир, он должен ее так или иначе создавать, иначе чужой мир не станет обществом западного типа.

СПРОС И ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Пункты распределения, о которых я говорил, это - рынок, на котором происходит встреча потребителей и производителей. Здесь имеет место взаимное влияние потребителя и производителя. Потребитель воздействует на производителя путем выбора из множества предлагаемых вещей и услуг того, что ему хочется или что он может позволить себе. Производитель воздействует на потребителя, предлагая и так или иначе навязывая ему то, что он хочет сбыть. Чем детерминируется выбор, осуществляемый потребителем? Тут играют роль привычки, вкусы, реклама, случай, покупательные возможности, отсутствие времени на более тщательный выбор, отсутствие опыта, безразличие и другие факторы. Выбор того, что сделано лучше при той же цене, и того, что дешевле при том же качестве, образует основу так называемой свободной конкуренции производителей. Это лишь одно из правил, которым руководствуется покупатель, причем не всеобщее. К тому же разница в предлагаемых вещах и услугах, которые может себе позволить потребитель, обычно не настолько велика, чтобы вообще осуществлять какой-то сознательный и расчетливый выбор. Да и разница в ценах вещей и услуг, которыми себя ограничивает потребитель, обычно незначительна. Так что фактически роль свободной конкурентной борьбы за покупателя на некоем свободном рынке не является всеобъемлющей, как это изображают апологеты свободного рынка и свободной конкуренции. Их роль ограничена прежде всего не какими-то мерами государства, монополиями, картелями и другими внешними факторами, а самим конкретным процессом жизни людей, пользующихся рынком. Только в тех случаях, когда дело касается больших покупок, осуществляемых профессионально занятыми этим делом людьми, действует коммерческий расчет в чистом виде. Но каков объем таких покупок в общем объеме покупок?

Ассортимент производимой продукции и услуг детерминирован исторически сложившимися потребностями потребителей, а последние, в свою очередь, детерминированы привычно производимыми вещами и услугами. Тут исторически складывается определенный жизненный стандарт, который, с одной стороны, стимулирует производство (т.е. предложение) товаров и услуг, а с другой стороны, он же и ограничивает производство. Спрос не безграничен. Тут складывается более или менее устойчивое и динамичное равновесие спроса и предложения (потребления и производства), лишь время от времени и лишь частично нарушаемое привходящими обстоятельствами и новаторством производителей. Одним словом, в западной экономике в ее глубине существует некий твердый "стержень" ("скелет"), вокруг которого становится возможной ее динамика.

Сказанное также может служить примером, иллюстрирующим одну особенность процессов в социальном организме: они являются не линейными, а циклическими в том смысле, что в них причины и следствия меняются местами, взаимно стимулируют друг друга, так что в них невозможно найти концы. Эти циклические процессы, конечно, получают какой-то "толчок" (имеют начало) в истории организма и постоянно

поддерживаются какими-то внешними и внутренними "толчками". Но в основном они приобретают некоторую автономию, подобную обмену веществ в живом организме.

Одним словом, хозяйство как процесс производства, распределения и потребления вещей и услуг имеет свои собственные закономерности, независимые от его денежного облачения. Оно образует определенный "обмен веществ" между организмом общества и его средой, а также между частями организма довольно высокой степени интенсивности уже само по себе, независимо от его денежной формы.

ФОРМАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ЭКОНОМИКИ. ДЕНЬГИ

Формальный или денежный аспект экономики во всех обществах, за исключением обществ западнистских, играл и играет роль именно формы или средства экономических явлений в содержательном (вещественном) аспекте, какую бы власть ни приобретали деньги над людьми. В западнистском обществе, которое считается капиталистическим, форма экономики берет верх над ее содержанием. Это мы рассмотрим в следующей части. А здесь рассмотрим, что такое деньги.

Проблема денег является, пожалуй, одной из самых запутанных и даже мистифицированных проблем в сфере социальных исследований. Марксизм больше других учений стремился преодолеть эту мистификацию, сведя проблему денег к чисто экономическому аспекту. Марксовское учение стало обоснованием идеи исчезновения денег в коммунистическом обществе, поскольку в нем будет ликвидирован капитализм и будет иметь место изобилие предметов потребления ("каждому - по потребности").

Проблема денег есть, на мой взгляд, проблема прежде всего методологическая (и даже логическая) и лишь затем социально-экономическая. Основная трудность в решении ее - отсутствие должного "поворота мозгов", т.е. в методологии подхода к ней, а не в недостатке информации на эту тему. Никакие особые исторические открытия и секретные данные тут не требуются. Весь необходимый эмпирический материал доступен наблюдению и даже очевиден. Так что тут дело именно за логической обработкой известного материала. Я не собираюсь здесь строить целую теорию денег, - это лишь одна из тем книги, причем не главная. Я изложу лишь простейшие идеи логической социологии на этот счет.

Надо различать определение денег (понятия "деньги") и описание различных функций (использований) денег, их различных форм и эволюции. Не все, что известно о деньгах, надо вписывать в определение понятия. В определение понятия должны быть включены такие, и только такие признаки денег, благодаря которым какие-то объекты становятся именно деньгами, которые сохраняются у них при любых их использованиях, вариациях и изменениях. Этих признаков должно быть достаточно для выделения денег. Но в число этих признаков не должны входить избыточные признаки, характеризующие какие-то употребления денег или какие-то их формы. Например, в определение денег не должно входить использование их как капитала. Не должно входить также указание на то, что в качестве материала для денег используется золото и серебро. Изложенное логическое требование к определению понятия денег обычно игнорируется (а точнее говоря, остается неизвестным). И авторы, пишущие о деньгах, обычно уже в исходном пункте торопятся включить в определение понятия денег как можно больше известных им сведений о них.

Чтобы ввести логически корректное понятие денег, надо взять самый развитый уровень и очевидный случай денег, какой мы можем наблюдать в повседневной жизни современных людей. Тут определяющие признаки денег выражены наиболее отчетливо, можно сказать - в "чистом виде". Тут мы имеем пример тому, что говорилось выше (в разделе об определениях): то, что в исторически исходных формах денег скрыто в множестве других

явлений и для обнаружения чего нужна сила абстракции, в развитых формах приобретает почти самостоятельное существование, независимое от исторических оболочек.

Говоря о деньгах, обычно представляют их себе абстрактно, как некую единую и недискретную субстанцию (аналогично тому, как понимается сознание в виде некоей идеальной недискретной субстанции). В таком представлении деньги превращаются в нечто мистическое и уму непостижимое, подобно тому, как мистифицируется сознание. На самом деле деньги суть множество отдельных пространственно ограниченных, оформленных и сравнительно небольших предметов - монет, банкнотов. Надо начинать с рассмотрения этих элементов (своего рода "атомов") множества денег по отдельности, чтобы понять все множество. Ситуация тут подобна той, какая имеет место в отношении сознания: для научного понимания сознания надо начинать с его "атомов", т.е. с элементарных материальных частичек сознания - с отдельных знаков.

Деньги суть совокупности особого рода материальных предметов, изобретаемых и производимых людьми для каких-то практических целей. Чтобы понять, какими свойствами обладают эти предметы, как они используются людьми и как это сказывается на организации человеческих объединений, надо, повторяю, начать их рассмотрение с отдельных денежных "атомов". И на основе рассмотрения последних ввести определение понятия "деньги", установив тем самым границы самого качества денег. Напомню читателю, что при этом нижняя эволюционная граница денег позволит установить и их верхнюю эволюционную границу.

Как мы сейчас увидим, при условии изложенной выше методологии проблема определения денег оказывается банально простой. Отдельно взятый денежный "атом" (скажем, деньга) есть знак. Вопрос заключается в том, знаками чего именно являются денежные знаки.

Денежные знаки суть знаки величин ценности каких-то объектов для людей. Слово "ценность" здесь есть слово обычного разговорного языка. Не нужно его ассоциировать с экономическим понятием стоимости и цены товаров. Подчеркиваю, денежные знаки суть не просто знаки ценности (важности, значимости) объектов для людей, а именно величин ценности. Самые различные объекты (предметы, явления) имеют ценность для людей, причем в различной степени (больше, меньше, вдвое важнее и т.п.). Вот этот признак - величину ценности объектов - обозначают денежные знаки. Обозначая величины ценности, они, естественно, обозначают и то, что объекты имеют какую-то ценность.

Будучи знаками величин ценности, деньги являются средством измерения этих величин. Они изобретаются как определенная система измерения величин, - с особыми единицами величин и их отношениями, как масштаб (шкала) измерения. Тут ситуация аналогична средствам измерения пространственных размеров предметов, расстояний, интервалов времени, температур и т.п.

Денежные знаки изобретаются с целью использования их людьми в их практической жизни. Как конкретно они используются, это в определение денег не входит. Для определения важно иметь в виду, что при всех видах использования они функционируют именно как знаки. Напоминаю, что знаки используются как своего рода дубликаты или заместители того, что они обозначают. Деньги суть знаки величин ценностей, и, как таковые, они и фигурируют в действиях людей. Они должны быть удобными в обращении (например, малые размеры), одинаковыми для каждой категории знаков (стандартными), легко дублируемыми и неиндивидуализированными. Последнее означает, что они должны быть независимыми по своему назначению от конкретности использующих их личностей, т.е. то, что они обозначают, не зависит от того, кто ими пользуется, и в них никак не указано, кто ими пользуется, - они безразличны по отношению к их владельцам.

Деньги как знаки величин ценностей сами (в наличном виде) фигурируют в действиях людей, использующих деньги. Фигурируют именно как материальные вещи (как монеты и банкноты). Это важно иметь в виду. Игнорирование этого, казалось бы, очевидного явления делает проблему денег теоретически неразрешимой. Деньгами называют ценные бумаги, расписки, чеки и другие явления, играющие роль знаков ценностей, но не являющиеся деньгами в определяемом здесь смысле.

Чтобы денежные "атомы" стали знаками величин ценности и масштабом измерения, нужно, чтобы они были признаны в этом качестве всеми членами человеческого общества. А это возможно только одним путем, а именно - путем определенного государственного законодательства. Денежная система вводится в употребление и узаконивается государственной властью, охраняется и сохраняется ею. Это - второй определяющий признак денег. Лишь благодаря этому узакониванию определенных предметов в их роли знаков величин ценности эти предметы приобретают социальное качество - качество денег. И это качество возникает не в результате некоего имманентного развития знаков ценности самих по себе, а как результат сознательно-волевой деятельности государства.

Опять-таки подчеркиваю вроде бы второстепенную деталь, играющую важную роль для определения денег. Государство в этом случае узаконивает введение в употребление самих денежных знаков определенного вида, а не просто принимает какие-то законы, в рамках которых должна протекать деятельность людей, использующих деньги, и законы, касающиеся документов, становящихся знаками ценностей.

Исторически деньги могли возникать в самой различной форме, могли использоваться для самых различных целей. Они стали средством распределения и накопления ценностей, господства одних людей над другими, управления, расчетов, планирования, организации людей. Роль их в жизни людей стала настолько огромной и многосторонней, что современные человеческие общества без них так же немыслимы, как и без языка. Деньги превратились в фактор экономики, когда производство товаров (т.е. вещей и услуг на продажу) стало играть важную роль в жизни обществ. Возникли и расширились возможности использования денег с целью дохода (прибыли) вне этой сферы - в сфере культуры, права, услуг, почты и т.д. Экономика, обретая денежную форму, охватила в наиболее развитых странах сферу хозяйства и распространилась на все сферы общества, где можно было добывать жизненные блага путем создания деловых клеточек, приносящих прибыль. В современных обществах, в которых сфера хозяйства приняла форму частного предпринимательства и оказалась в зоне действия законов капитала, в экономику стали включать всякие инвестиции капитала с целью извлечения прибыли и вообще операции с деньгами по законам капитала.

В развитых обществах стали функционировать огромные массы денег. Сложился денежный механизм, специально занимающийся тем, что связано с производством и функционированием этих денежных масс (банки и другие финансовые предприятия).

Возникли знаки самих денег, исполняющие функции знаков ценностей. Это - юридически оформленные документы, удостоверяющие, что определенные люди являются обладателями определенных денежных сумм или предметов, оцениваемых в определенных денежных суммах; долговые обязательства; чеки; банковские счета. Все это обычно считают формами денег. Но с точки зрения введенного выше определения денег такие знаки ценностей деньгами не являются. Они являются знаками денег, т.е. знаками знаков.

Сравним эту ситуацию с ситуацией для знаков языка. Слово "стол", например, обозначает столы. Опираясь на него как на знак, мы произносим или пишем его. Именно его. Если мы возьмем выражение "Слово "стол", то оно будет не знаком столов, а знаком, обозначающим произносимые или написанные (напечатанные) слова, обозначающие столы. Как говорят в логике, выражение "Слово "стол" есть метазнак по отношению к знаку

"стол", т.е. знак знака или знак второго уровня. Нечто подобное происходит с деньгами. Упомянутые выше знаки ценностей суть метазнаки по отношению к денежным знакам. Их можно, конечно, называть деньгами второго уровня или сверхденьгами. Тогда определение денег должно быть построено так, чтобы в число денег включались деньги первого уровня, или первичные деньги (в том виде, как мы и определили деньги выше), и деньги второго уровня, или сверхденьги.

Сумма сверхденег, циркулирующих в современном мире, во много десятков раз превосходит сумму циркулирующих денег. Сложился механизм, обеспечивающий функционирование сверхденег. Он слился с денежным и даже поглотил его.

Деньгам приписывают мистическую власть над людьми. Это - все равно как если бы мы приписали власть ружей, пушек, самолетов, танков и т.п. самим по себе над людьми. Власть денег есть власть людей, располагающих деньгами и распоряжающихся деньгами, а также условий жизни людей, в которых социальные отношения принимают форму денежных. А эта власть узаконена и поддерживается аппаратом государства, полицией, судами, армией. Денежный и сверхденежный механизм в единстве с системой собственности, поддерживаемые упомянутыми силами общества, приобретают, в свою очередь, власть над теми, кто их поддерживает и охраняет. Образуется сложная сеть власти, опутывающая все общество и всех его членов. Денежный фетишизм образуется, когда деньги вырываются в сознании людей из этой сети и наделяются самостоятельным бытием. Это - идеологический феномен. Его до известной степени культивируют специально, ибо это - средство манипулирования людьми.

МЕНТАЛИТЕТНАЯ СФЕРА ОБЩЕСТВА

Нам предстоит рассмотреть, пожалуй, одну из самых запутанных проблем в понимании общества, а именно - выделение и описание его менталитетной сферы. Эта сфера в современных высокоразвитых обществах сложилась в результате длительного и многомерного исторического процесса. Она является тут огромным и необычайно сложным образованием, разобраться в социальной структуре которого без соблюдения правил логической социологии в принципе невозможно.

Менталитетная сфера общества есть компонент социальной организации именно общества. Это означает, что она узаконена, живет и действует в рамках государственных (юридических) законов данного общества. Если какое-то явление менталитетного аспекта (обращаю внимание - аспекта, а не сферы!) выходит за рамки юридических законов общества или даже запрещено законом, но все-таки существует нелегально, оно не есть компонент социальной организации этого общества. К числу таких явлений относятся, например, запрещенные религиозные секты и революционные организации, стремящиеся к свержению существующей социальной организации.

Приведенное ограничение важно, конечно, для выделения менталитетной сферы. Но оно само по себе ничего не говорит о том, как эта сфера устроена и как функционирует. Чтобы выяснить это, необходимо считаться с такими обстоятельствами. Менталитетная сфера есть явление эмпирическое, т.е. подлежащее наблюдению как определенная совокупность фактов, а не выдуманное априорно, до фактов и вопреки им. А тут имеет место смешение самых различных феноменов, начиная от первобытных форм и кончая самыми современными. Причем первые тут порою выглядят как новейшие, а вторые - как возрождение дремучего прошлого. Так что решить стоящую перед нами задачу путем чисто эмпирического сравнения частных случаев конкретных обществ в принципе невозможно. Тут нужна совокупность исследовательских приемов иного рода.

Я исхожу из следующих эмпирических предпосылок. Когда число людей в человеичнике невелико, и менталитетный аспект развит слабо, один человек в одиночку или с несколькими помощниками может выполнять все то, что требуется для жизни и самосохранения человеичника в этом аспекте. В больших и развитых человеичниках происходит разрастание и усложнение менталитетного аспекта, возникает особая сфера из множества людей, каким-то образом организующихся, происходит разрастание и усложнение этой сферы как особого компонента социальной организации человеичника. Первоначально это - одна единая сфера. Со временем происходила ее дифференциация на ряд различных сфер и отпочкование от нее в виде самостоятельных сфер, отчасти выходящих за рамки менталитетного аспекта, а то и вообще теряющих исторически исходные функции. Таким путем на уровне общества произошло отпочкование сфер науки, искусства, образования, развлечения, информации. В современных обществах в менталитетной сфере функционируют религиозные организации, школы, университеты, газеты, журналы, книжные издательства, театры, кино, музеи, галереи, писатели, художники, всякого рода творческие союзы, научные учреждения, радио, телевидение и т.д. и т.п. Если принять в расчет огромное число людей, обслуживающих тех, кто профессионально занят в менталитетной сфере, то в этой сфере оказываются заняты до 20 процентов работающих членов общества (если не больше).

В результате дифференциации менталитетной сферы и образования различных сфер со своей особой специализацией произошло то, что основная функция исторически исходной единой (недифференцированной) менталитетной сферы стала функцией одной из ее частных сфер, образовавшихся в ее развитом состоянии. Будем называть эту сферу идеологической или идеосферой.

Описанное состояние менталитетной сферы характерно для социальной организации человеичника типа общества. Это не означает, будто конкретные общества возникают сразу в таком виде, и будто во всяком обществе это выражено явно. Такое состояние можно наблюдать в высоко развитых обществах, да и то лишь с определенным "поворотом мозгов". Западные страны суть высоко развитые общества. Но тут даже среди специалистов широко распространено (если не общепринято) убеждение, будто с крахом национал-социализма, фашизма и после серьезного поражения коммунизма окончилась эпоха идеологий и наступила постидеологическая эпоха, будто западное общество вообще является неидеологическим или свободным от идеологии. А между тем по степени развитости и засилию идеологии западные страны превосходят все общества прошлого и современности. Чтобы "увидеть" это, необходим аппарат логической социологии.

ИДЕОСФЕРА И РЕЛИГИОЗНАЯ СФЕРА

Прежде чем перейти к обобщенному описанию идеосферы общества, остановлюсь на отношении ее к религиозной сфере. Западные мыслители, считающие западное общество неидеологическим и говорящие о конце эпохи идеологий, полностью игнорируют идеологический аспект и идеологическую роль религий и религиозных организаций, хотя эта роль, казалось бы, очевидна, - пример тому, что сами эти мыслители находятся во власти идеологии.

Хотя литература, посвященная религии, необъятна и я просмотрел довольно значительную ее часть, я не встретил ни одного определения религии, которое удовлетворяло бы, на мой взгляд, требованиям логики. Пока речь идет о "великих" религиях, тут вроде бы все ясно. Но когда требуется ограничить религию от близких к ней явлений, возникают неясности именно логического порядка. Это касается дорелигиозных

форм верований, а также различного рода верований и сект, претендующих на статус религиозных. Вспомните, какая борьба в прошлом шла против явлений, считавшихся ересями и псевдорелигиями. И в наше время происходит нечто подобное. Например, в Германии не только религиозные организации, но даже государственные отвергают претензию сайентологии на статус религии. И никто из бесчисленных специалистов в отношении такого рода явлений не может предъявить точное и бесспорное определение, с которым согласились бы все участники дела.

Да и в отношении "великих" религий ясность ограничивается лишь религиозными учениями и ритуалами. Но как быть со случаями, когда религиозные организации (например, христианская церковь) владеют огромными богатствами, включая земли, имеют предприятия и банки, ведут себя как хозяйственные феномены? Как быть со случаями, когда эти организации имеют вооруженные силы, ведут войны, имеют свой суд и захватывают высшую власть в человекообразных (как это имеет место до сих пор в ряде арабских стран)? Как быть со случаями, когда эти организации создают политические партии и активно участвуют в политических событиях? Одним словом, религии, взятые с их организациями и реальной жизненной активностью, без которых они теряют смысл, а не только с учениями, храмами и религиозными ритуалами, выходят далеко за рамки менталитетной сферы.

Как бы мы ни определяли религию, взятую с людьми и организациями и их реальной активностью, этот социальный феномен возник задолго до обществ и служил одним из условий их возникновения по крайней мере в ряде случаев. Хотя он вырос в менталитетном аспекте и в качестве менталитетной сферы человекообразного, со временем функции менталитетной сферы стали лишь одними из его фактических функций.

Религия и религиозные организации суть элементы менталитетной сферы общества лишь в той мере, в какой они суть элементы этого общества. Ватикан, например, не есть элемент социальной организации Англии, Франции, Германии и даже Италии как конкретных обществ, подобно тому, как иностранные посольства не являются элементами социальной организации тех стран, в которых они живут и действуют.

В наше время можно видеть три варианта положения религии (включая организации и их деятельность, напоминая) в обществе. Первый вариант наиболее отчетливо выражен в ряде мусульманских стран (например, в Иране). Тут менталитетная сфера вообще не отпочковалась от сферы государственности. Последняя здесь принимает религиозную форму, а религия является государственной идеологией, играет главную роль в идеологической сфере. В прошлом в России, когда было слабо развито образование и светская культура, церковь была подчинена государству, была государственной. Она выполняла роль идеологической сферы, последняя была слабо развита и составляла одну из функций церкви.

Второй из упомянутых вариантов имеет место в западном мире. Исторически тут произошло следующее. В Римской империи имела место высоко развитая государственность. Была государственная религия, исполнявшая функции менталитетной сферы. Вместе с тем тут сравнительно высокого уровня достигали светская философия и культура, тоже входившие в менталитетную сферу. Имели место элементы науки, политические и правовые идеи и учения. Возникло христианство. Со временем оно стало государственной религией и стало доминировать над светским аспектом менталитетной сферы. Церковь настолько усилилась, что возвысилась и над светской властью и стала феноменом всего западноевропейского мира, т.е. вышла за рамки отдельных человекообразных. В рамках этого мира возникали человекообразные с признаками обществ. Одни объединялись, другие распадались. Созревала и усиливалась светская государственность. Шла борьба за высшую власть между церковью и государствами. Последние постепенно брали верх.

Происходило своего рода раздвоение церковной власти. С одной стороны, церковные власти были подразделениями власти церкви всего западного мира. А с другой стороны, они стали частью социальной организации в отдельных человеках, делили власть со светской властью и даже становились подчиненными ей.

Возникновение религий и религиозных организаций было в свое время шагом вперед в эволюции менталитетного аспекта человеков. Но всему свое время. Законы диалектики неумолимы, как бы к ним ни относились мыслители. И в западном мире христианская религия и церковь какое-то время безраздельно господствовали над душами людей, держали в своих руках весь менталитетный аспект зарождающихся обществ. Этот аспект был сравнительно беден. Массы людей были невежественны, имели весьма ограниченный жизненный опыт. И людей не так уж много было. Но постепенно происходило разрастание и усложнение обществ, появление и усиление явлений менталитетного аспекта, выходящих за рамки церковной власти, - разрастание светского образования, культуры, начал науки, философии, социальной светской литературы, социальных исследований, этики, эстетики, педагогики, исторических исследований, медицины и т.д. Возникали очаги светской культуры при дворах правителей. Возникали государственные университеты. Церковь не могла уже удержать в своих руках полностью дело формирования человеческого менталитета, контроля за ним, манипулирования им. Она сохранила за собой лишь часть этого дела.

Упомянутые выше нерелигиозные элементы менталитетной сферы приобретали в западных обществах доминирующее значение. Отделение церкви от государства, гонения на религию, веротерпимость и религиозный плюрализм - все это было признаками того, что общество становилось или уже являлось нерелигиозно идеологическим. Религия становилась второстепенным компонентом менталитетной сферы, выполняя фактически идеологические функции наряду с нерелигиозной идеологией и даже уступая ей. Возникновение и усиление нерелигиозной идеологии было опять-таки колоссальным шагом вперед в эволюции менталитетного аспекта человеков по отношению к состоянию безраздельного господства религиозной идеологии. Этот шаг был сделан, я думаю, в эпоху Возрождения. Нерелигиозная идеология явилась в мир как борьба против религиозного мракобесия, как просвещение масс людей, как новый взгляд на бытие, на человека, на общество. Она опиралась на те фактические перемены, которые произошли во всех аспектах западных человеков. Она вносила свой творческий вклад в социальный прогресс. Прошли века. В мире произошли грандиозные перемены. Изменилось состояние и историческая роль западной идеологии.

Третий из упомянутых вариантов можно было наблюдать в Советском Союзе и других коммунистических странах, где господствующая роль в менталитетной сфере перешла к антирелигиозной идеологии и к идеологическим государственным организациям.

Можно, таким образом, констатировать два уровня в эволюции менталитетной сферы человеков. Низший - недифференцированная менталитетная сфера. Назовем ее доидеологической. Более высокий уровень - дифференциация менталитетной сферы, отпочкование сфер познания (науки), искусства, образования, развлечения и других, образование идеосферы. Назовем этот уровень идеологическим. На этом эволюция менталитетной сферы не закончилась, как увидим далее.

ИДЕОСФЕРА ОБЩЕСТВА

При рассмотрении идеосферы мы с самого начала должны принимать во внимание следующее. Это - именно сфера общества, которую образует множество людей, группы и

организации людей, в совокупности выполняющих специфические функции в обществе, профессионально занятых выполнением этих функций и удовлетворяющих свои жизненные потребности за счет этой своей деятельности. Проблема заключается в том, каковы эти функции, как организованы упомянутые люди для их исполнения, какими средствами они располагают и как ими оперируют, каков совокупный результат их деятельности. Обычно же вся эта совокупность факторов игнорируется, и идеосфера сводится к совокупности идей, учений, лозунгов, причем лишь определенного рода, в силу привычки и предрассудка считаемых образцами идеологии.

Людей, образующих идеосферу, будем именовать идеологами. Объектом деятельности идеологов являются люди. Причем не люди вообще, а члены их общества, и не все в людях, а лишь их сознание. Задача идеологов - не изучение сознания таким, каким оно является само по себе, независимо от идеологов, а формирование сознания людей таким, как это требуется интересами самосохранения общества. Идеологи призваны делать сознание таким, какое требуется заранее заданным образцом. Конечно, они в какой-то мере изучают сознание как материал своей работы, как-то опираются на то, что складывается в сознании людей стихийно, на основе их жизненного опыта и общения с окружающими людьми. Но они делают и нечто такое, что в сознании людей без них не существует. Они участвуют в производстве человеческого материала, адекватного условиям и потребностям общества, обслуживая один аспект этого производства - аспект менталитета.

На заре человечества функции идеологов выполняли знахари, колдуны, целители, шаманы и т.п., потом - жрецы, потом - служители религии. В наше время их дело продолжают философы, социологи, писатели, журналисты и прочие производители "духовной пищи" для многомиллиардного прожорливого и в этом отношении человечества. Конечно, за миллионы лет тут имел место прогресс. Но прогресс все в том же деле: в "пробуждении" сознания людей путем их идейной "обработки".

Множество людей, образующих идеологическую сферу общества, не есть всего лишь скопление одиночек. Их объединяет в единую сферу, во-первых, общее дело, которым они заняты, - работа над менталитетом членов общества, профессиональная подготовка, употребляемые ими средства, допуск к этой работе, вознаграждение за нее. Во-вторых, какая-то их часть организована в группы и даже в сложные иерархизированные организации, учреждения, предприятия. А прочие из них рассеяны по другим клеточкам общества, в которых они выполняют функции, в совокупности образующие единый поток. Это единство достигается за счет профессиональной подготовки и дела, которое они должны выполнять в клеточках. Они просто не способны поступать по-другому. К тому же идеологическая сфера опирается на государственную организацию, поддерживается ею, служит ей и сама использует ее в своих интересах. Опорой ей являются и другие сферы - экономическая и культуры.

С точки зрения организации идеологическая сфера общества заключена в пределах от одной всеобъемлющей организации до множества сравнительно автономных организаций и "неорганизованных" (в рассмотренном выше смысле) индивидов, т.е. в пределах между монизмом и плюрализмом. Пример первой крайности - общества с единственной государственной церковью или нерелигиозной идеологией (например, мусульманские и коммунистические страны). Вторую крайность можно наблюдать в западных странах. Плюрализм в идеосфере не означает наличие нескольких идеосфер, подобно тому, как плюрализм в экономике не означает наличие нескольких экономических сфер. Это - плюрализм в рамках одной идеосферы.

В результате деятельности идеосферы в обществе создается и постоянно поддерживается своего рода идеологическое поле, в сфере влияния которого вынуждены жить все члены общества на всех ступенях социальной иерархии и от рождения до смерти. Вместо слова

"поле" можно употреблять более сильные слова "клетка" или "камера". В эти идеологические клетки загоняются не только те, кто подвергается идеологической обработке, но и те, кто их обрабатывает. Это осуществляется путем заполнения мозгов людей определенным идейным содержанием и обучения их определенному способу оперирования содержанием сознания, способу думания, "шевеления мозгами". Это происходит не как одноактная операция, а как процесс жизни в постоянно поддерживаемом и возобновляющемся идеологическом поле, - в постоянном потоке слов, образов текстов и т.п., вливающимся в головы людей. Фундаментальная функция идеосферы - сделать основную массу членов общества (желательно всех) неспособной к самостоятельному и объективному пониманию явлений реальности, позволяя им в этом отношении лишь то, что необходимо и достаточно для исполнения ими их социальных функций.

Идеосфера создает и сохраняет клетку для сознания людей не по злему умыслу, а по той причине, что без этого вообще невозможно превращение больших масс людей в обладающие сознанием существа. Дело в том, что сознание людей не есть нечто биологически приращенное. Оно явилось изобретением истории человечества. Оно "пробуждалось" исторически с нуля, если не считать биологические предпосылки. И в наше время оно у вновь рождающихся людей "пробуждается" с нуля и является искусственным продуктом их индивидуального формирования. Сам процесс "пробуждения" сознания есть процесс создания какой-то "клетки" для него, ибо эта "клетка" есть не что иное, как материя сознания. Оно просто не может существовать эмпирически без такой "клетки". Не загоняя сознание в "клетку", его просто не "пробудишь" к жизни. А тут речь идет о сознании огромного числа людей, причем в ряде поколений. А люди - отнюдь не социальные ангелы. Они должны быть организованы и соблюдать определенные нормы поведения, дабы их объединение могло сохраняться как целое. В самой природе сознания не заложено на этот счет никаких предписаний и ограничений. Это должно быть специально изобретено и привнесено в сознание каждого человека извне, причем - навязано ему в принудительном порядке. Сознание людей всегда "пробуждалось", "пробуждается" и будет всегда "пробуждаться" лишь настолько, насколько это требуется интересами самосохранения их объединений, а не в соответствии с его абстрактно мыслимыми потенциями и не ради некоего прогресса человеческого интеллекта вообще. Подавляющее большинство членов общества обречено жить в идеологической клетке. Лишь немногим одиночкам удастся вырваться из нее в какой-то мере. Но они рассматриваются обычно как отклонения от нормы, каковыми они и являются на самом деле.

Благодаря деятельности идеосферы в обществе создается достаточно большое число людей с усредненным и стандартизированным сознанием. Эти люди образуют среду одинаково думающих, одинаково оценивающих явления жизни и одинаково поступающих в определенных ситуациях граждан. Они определяют суммарное состояние менталитета общества. Они вовлекаются в определенные действия, организуемые представителями идеосферы, становятся частью ее механизма в овладении "душами" членов общества. Так что идеологическое поле (клетка), о котором я говорил выше, есть нечто бестелесное. Это - вполне телесная организация и самоорганизация человеческой массы, создаваемая и постоянно поддерживаемая идеосферой. Сила идеосферы - это не только средства воздействия на сознание людей, которыми она располагает профессионально, и не только ее поддержка со стороны государства и других сфер общества, но и только что рассмотренная масса членов общества.

Идеи, говорил Маркс, становятся материальной силой, когда овладевают массами. Но идеи овладевают массами не сами по себе, не своим содержанием, как таковым, а лишь постольку, поскольку существует материальный механизм, вырабатывающий эти идеи и

вбивающий их в головы людей. Такой механизм и образует идеосферы и создает его в обществе своей жизнедеятельностью.

Исторически чисто опытным путем (методом случайных проб и ошибок) были найдены средства исполнения специфической функции идеосферы. Никакого научного понимания сознания у идеологов никогда не было, как нет его до сих пор. Но оно и не требовалось. Задача стояла, стоит и будет вечно стоять одна: сделать сознание всех членов челоуейника более или менее одинаковым в некоторых отношениях, сделать людей способными жить в челоуейнике приемлемым образом, способными ориентироваться в окружающей среде и при этом не выходить за некоторые рамки, выход за которые угрожает самосохранению челоуейника. Поскольку сознание заключается в способности оперировать знаками, то и основным средством воздействия на него стали специально изобретенные знаки и определенные правила оперирования ими в отношении обрабатываемых людей - совокупность особого рода слов, фраз, текстов, учений. Даже тогда, когда используются другие изобразительные средства (иконы, портреты, статуи, зрелища, музыка), всегда предполагается их связь со знаками языка и истолкование в этих знаках. Будем такую совокупность знаков называть идеологической или идеологией в узком смысле слова.

Идеология может быть зафиксирована явно в виде одного систематизированного учения, как это имеет место, например, в случае великих религий и марксизма-ленинизма, или может оставаться несистематизированной, рассеянной по многочисленным и разнородным текстам так, что изложить ее в виде единого систематического учения представляется весьма затруднительным делом, как это имеет место, например, в современных западных странах. Возможны смешанные варианты между этими крайностями.

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Идеология проявляется в том, каким образом данные научного познания и творчества в сфере культуры преподносятся членам общества в книгах, газетах, журналах, театре, кино, телевидении и вообще во всем том, что люди видят, слышат, читают. Есть два пути абстрагировать ее в качестве особого социального феномена. Первый путь - попробовать выявить в океане информации и зрелищ какие-то общие ее черты и зафиксировать их в виде систематизированного учения. Но какими при этом критериями выделения идеологических явлений руководствоваться? Я думаю, что для этого есть второй путь, который я здесь предпочитаю, а именно - указать метод (совокупность критериев), с помощью которого можно в каждой частичке упомянутого океана информации и творчества отличить то, что относится к идеологии, - указать критерии отличения явлений идеологии от других. Первый из упомянутых путей зависит от этого второго.

Идеология создается по определенным правилам, которые в совокупности образуют идеологический способ мышления (или аппарат идеологизированного сознания). Этот способ прививается всем идеологически обрабатываемым людям (в той или иной мере, конечно). Благодаря этому способу люди и без идеологов делают то же самое в отношении явлений бытия, которые они наблюдают, в которых они участвуют и о которых узнают от других людей и из средств информации, что делают или делали бы профессиональные идеологи. Они научаются сами идеологически "переваривать духовную пищу", как-то получаемую для своего сознания, - научаются сами сохранять идеологическую клетку для своего сознания. Люди не могут вечно находиться под контролем идеологов. Идеологи не могут уследить за всем и за всеми. Так что значительная часть идеологической работы передается самим обрабатываемым. Идеи овладевают массами тогда глубоко и устойчиво,

когда их "переваривание" в нужном духе становится привычным делом для представителей масс

Для того чтобы охарактеризовать идеологический способ мышления, надо отличить его от научного. В первой части книги я назвал, например, такие черты последнего: непредвзятость, беспристрастность, объективность, профессиональность, логичность и диалектичность. Идеологический способ мышления является с этой точки зрения антиподом научного.

Рассмотрим самые фундаментальные черты идеологического мышления (идеологизированного сознания), знание которых позволит читателю составить себе достаточно определенное представление об этом феномене.

Задача идеологов состоит в том, чтобы научить и приучить людей видеть и понимать окружающий мир и самих себя не такими, какими они являются сами по себе (объективно, в силу законов бытия), а так, как это требуется согласно априорным учениям самих идеологов, - учить людей не самостоятельному познанию бытия, а тому, как люди должны видеть бытие, что пропускать в свое сознание из того, с чем им приходится сталкиваться, и в каком виде. Иначе говоря, идеологи изобретают определенное видение (понимание) бытия, и оно становится априорным по отношению к формируемому сознанию членов общества. Идеологи навязывают это видение всем членам общества, включая и самих себя, поскольку и в их сфере происходит воспроизводство человеческого материала, выполняющего функции идеосферы, поскольку они сами обучаются тому же.

Надо различать то, как исторически формируется идеология, и то, как она функционирует, сформировавшись в основных чертах. На первом пути она исходит из каких-то результатов познания и постоянно подпитывается ими, использует какие-то средства познания. Но она делает это не с целью познания, а с целью создания средств исполнения своей функции в обществе, - с целью создания аппарата априорного видения мира и переработки сведений об этом мире в духе этого аппарата.

Идеологи изобретают определенного рода интеллектуальные (языковые) схемы, штампы, клише, этикетки, ярлыки, образы, обобщающие примеры и образцы, притчи, крылатые фразы, лозунги и т.п., причем не в качестве подсобных средств на пути к познанию бытия таким, каково оно есть, а в качестве конечного и высшего результата познания. Они сами претендуют на роль высшей истины, истины в последней инстанции. Люди должны усвоить эти продукты идеологов и лишь через них смотреть на явления бытия.

Эти идеологические продукты производятся и воспроизводятся для разных потребителей идейной пищи, одни для всех (как религиозные учения), другие - для избранных (как философские концепции). Но качественно они суть явления одной природы. Их социальная функция - дать людям априорный интеллектуальный аппарат восприятия окружающего их мира и интеллектуальной ориентации в нем. Будучи необходимым и полезным на начальных этапах формирования сознания людей и их объединений, этот аппарат со временем разрастается и приобретает мощь клетки для сознания людей. Будучи вынужден в какой-то мере и на какое-то время уступить научному познанию и поделив с ним власть над душами людей, он в конце концов вновь возвращается к своему изначальному всевластию на новой ступени. А пока классическими образцами отношения между идеологией и научным познанием могут служить костры инквизиции прошлого, а в наше время - идеологические оргии в коммунистических странах и антикоммунистические оргии в западных странах в период "холодной войны" и особенно после поражения коммунистического социального строя в европейских странах советского блока.

Другая черта, отличающая идеологическое мышление от научного, - пристрастность. Задача идеологической сферы - самосохранение общества, защита его социальной организации и сложившегося образа жизни населения, а также защита от врагов.

Естественно, в содержание идеологии должна входить апологетика существующего социального строя, создание образов врагов как носителей зла, выработка у людей определенного субъективного отношения к явлениям бытия (определенной системы их оценки), а также определенной системы ценностей, которая призвана придать смысл жизни людей и влиять на поведение их как членов общества. Проведите хотя бы самое примитивное исследование идейного состояния населения западных стран, и вы установите факт (впрочем, очевидный и без исследования), что сознание западных людей битком набито не только априорными штампами в отношении всех важнейших явлений бытия, но и априорными оценками этих явлений.

Идеологические учения создаются для широких слоев населения, а не для профессиональных исследователей. Они неоднородны, различаются по степени трудности, вернее - по степени запутанности, словесных ухищрений, суемудрия. Тем не менее все они сочиняются с расчетом на то, чтобы у них были потребители и чтобы потребители соответствующих уровней смогли что-то "проглотить" и "переварить". На низшем, а значит, на самом широком уровне они должны легко запоминаться, быть образными и общедоступными, производить впечатление на чувства, должны отвечать каким-то желаниям людей, сулить исполнение желаний, создавать иллюзию понимания и приобщенности к высочайшей мудрости, интриговать, мистифицировать. Даже тогда, когда они сочиняются мыслящей элитой и вроде бы предназначаются для избранных (вроде гегельянства, марксизма, всякого рода модных философских концепций XIX и XX веков), они исполняют идеологическую функцию, поскольку из них извлекаются отдельные слова, изречения и сравнительно простые для запоминания тексты, которые пускаются в идеологический оборот. Тучи интерпретаторов работают над этим. Их продукция тоже кажется для довольно широких кругов понятной и дающей успокоительные объяснения. Успокоительные в том смысле, что люди, воспринявшие их, считают, что теперь им "все понятно". Идеологические учения, на каких бы словесных высотах они ни возникали, должны быть так или иначе "заземлены", т.е. должны опуститься на уровень обывательского мышления или, что то же самое, поднять обывательское мышление на уровень воображаемых высот мышления идеологического. Так было в отношении марксизма в Советском Союзе.

Ясность и понятность идеологических феноменов является, однако, иллюзорной, что тоже входит в число черт идеологии. Идеология возникает на сравнительно высоком уровне менталитета, о чем говорит состав языковых выражений, которыми она оперирует: "вселенная", "вечность", "разум", "бог", "движение", "дух", "человек", "власть", "добро", "зло", "судьба" и т.д. Все эти выражения изобретались и до сих пор циркулируют на дологическом и внелогическом уровнях. Все они нуждаются в особых истолкованиях (в интерпретации), чтобы создавать иллюзию осмысленности и понятности. И эту функцию выполняют профессиональные идеологи всех сортов, начиная от самых примитивных попов и кончая рафинированными теологами и философами, засоряющими мозги людей заумной и, как правило, логически бессмысленной фразеологией.

Идеология претендует на статус истины, причем истины наивысшей. И когда-то она имела на то основания, когда люди еще не очень далеко ушли от животного состояния, когда не было еще науки и идеологи возвышались над прочими собратьями именно в отношении познания реальности и развитости интеллекта. Но эти времена прошли, по крайней мере - в развитых обществах современности. Фактически же идеология заключена в пределы от очевидных истин до тотальной фальсификации всего, что касается познания явлений бытия. То, на что мы привыкли смотреть свысока в бормотаниях и жестах мудрецов примитивных народов, в современных обществах развилось в космически огромный мир идеологического оболванивания сотен миллионов людей.

В идеологии есть отдельные элементы, которые имитируют истину, создают впечатление истины. Есть даже отдельные истинные утверждения. Но в целом и в основном в ней доминирует то, что уводит от реальности и создает картину нереального, вымышленного мира. Эта картина не есть ложь, к ней просто неприменимы понятия истинности и ложности. Это - явление качественно иного рода. Идеологическая картина не мешает людям в их повседневной жизнедеятельности. В большинстве случаев люди даже не отдают себе отчета в том, что они находятся в поле ее влияния (заклучены в идеологическую клетку). Идеологическое мышление дает о себе знать не в каждом слове и не в каждой фразе. Зачастую люди живут так, как будто никакой идеологии вообще нет. Им не приходится предпринимать попытки преодолевать поле идеологии, подобно тому, как они живут в поле физического тяготения и выполняют свои жизненные функции привычным образом. Но идеологическое поле может обнаружить себя именно в одном слове и в одной фразе - все зависит от того, что это за слово и что за фраза и в какой ситуации они высказываются. Сколько людей было убито, сожжено и посажено в тюрьмы за такие слова!

Вымышленный мир, изобретаемый идеологами, создается так, чтобы он походил на настоящий, включал в себя элементы реальности, не мешал людям исполнять их житейские функции. Более того, он создается так, чтобы в какой-то мере облегчал людям жизнь, избавляя от необходимости размышлений, колебаний, трудных решений, излишних тревог. Для подавляющего большинства людей это - благо. Без этого не просто людям было бы хуже жить, без этого общество вообще не смогло бы долго существовать.

Идеологическое учение есть не просто сказка о бытии, а руководство к поведению людей. Оно в этой роли по самой своей сути должно быть догматичным и априорным, установочным независимо от изменений и вариаций реальных ситуаций. Оно дает правила поведения людей в определенных ситуациях без научного понимания этих ситуаций, можно сказать - вслепую (без раздумий). Потому идеология не терпит критики в свой адрес и реформ. После того как она сложилась на основе какого-то познания и жизненного опыта, она должна функционировать в неизменном виде как вневременная истина, имеющая априорную силу. Классическим примером на этот счет могут служить великие религии. Отказ от привычной идеологии повергает людей в состояние идейного хаоса и растерянности. Они сами не в состоянии выработать объективное понимание ситуации и соответствующие правила поведения. Грандиозный пример этому дает советское население после отмены марксизма-ленинизма в качестве государственной идеологии (в годы "перестройки" и контрреволюции после 1985 года).

Идеологическое мышление является нелогическим с точки зрения формального аппарата - дологическим, антилогическим и псевдологическим. Поясню, что это значит.

ЛОГИЧЕСКОЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Обычно мышлением называют то, что происходит в человеческом мозгу, - деятельность мозга. Это довольно неопределенно. Я в деятельности мозга выделяю оперирование знаками и называю это знаковым мышлением. В рамках знакового мышления я выделяю логическое и идеологическое мышление как различные его формы, части, аспекты. Нормальное знаковое мышление современного, достаточно развитого человека есть смесь этих форм в различных пропорциях и комбинациях. Я буду рассматривать их здесь в абстрактном ("чистом") виде, чтобы определить специфику идеологического мышления.

Логическое мышление есть мышление по правилам логики и методологии науки. Логическая "техника" (логический аппарат) есть совокупность средств и правил научного исследования объектов, есть "техника" достижения, фиксирования и использования

научной истины. Не следует думать, будто все люди владеют этой техникой одинаково и будто во всех случаях оперирования языком люди пользуются ею. Обычно люди очень редко пользуются логической техникой, а если пользуются, то на довольно примитивном уровне и неосознанно. Лишь немногие специалисты пользуются ею на высоком уровне и осознанно. Причем даже они пользуются ею чаще в силу привычки, приобретенной в процессе обучения, не отдавая себе отчета в сущности применяемых средств. Я в свое время измерял степень логичности (отношение числа логических операций к длине текстов) различных категорий текстов и установил, что у писателей, политиков, журналистов и представителей других профессий, много пишущих и много говорящих, степень логичности ничтожно мала (порою - близка к нулю).

Техника (аппарат) идеологического мышления определяется функциями идеологии в обществе. Идеология, как таковая, ничего не исследует (не познает). Если какие-то идеологи занимаются исследованиями, они это делают не в качестве идеологов. Идеология использует результаты чьих-то познаний, перерабатывает их с целью выполнения своих профессиональных обязанностей, используя свои профессиональные средства (технику). Систематического научного описания этих средств (техники, аппарата идеологии) не существует. Причины такого состояния - это не так-то просто сделать, а общественная заинтересованность в этом отсутствует. Даже наоборот, имеет место сильнейшая заинтересованность в том, чтобы это не делалось. Читатель скоро сам поймет почему.

Чтобы дать систематичное научное описание техники идеологического мышления, надо сначала построить систематичное описание техники логического мышления, т.е. дать систематическое построение логики и методологии науки. А как обстоит дело с этим, я уже говорил. Надо, затем, в каждом шаге изложения теории логического мышления указать возможные нарушения правил логики и показать, как эти нарушения осуществляются технически. Надо, таким образом, построить своего рода теорию антилогики, которая и будет описанием аппарата идеологического мышления. Так что читатель, я думаю, уже догадался, почему нет общественной заинтересованности в научном изучении и систематическом описании техники идеологического мышления: это выглядело бы как создание учебников для воров, убийц, насильников, мошенников и т.п. Техника идеологического мышления, взятая в "чистом" виде, есть техника эксплуатации результатов познания в интересах искажения реальности, обработки масс людей и манипулирования ими.

Приведу несколько примеров, поясняющих сказанное выше. Логическое мышление оперирует строго определенными понятиями, которые имеют смысл независимо от их употребления в конкретных знаковых контекстах. Оно стремится к точным и однозначным определениям понятий, без которых немислимо никакое научное исследование. Иначе обстоит дело с языком идеологического мышления. Употребляемые им языковые выражения неопределенны по смыслу, многосмысленны, нуждаются в дополнительном истолковании, меняют смысл в зависимости от истолкования. Идеологически мыслящие люди научаются манипулировать (жонглировать) словами не как понятиями с определенным смыслом, а как особыми объектами в определенных словесных ситуациях. Они научаются помещать их в связи с другими словами, которые признаются каким-то кругом людей в качестве осмысленных. Например, все основные термины социологии ("общество", "государство", "демократия", "капитализм", "коммунизм", "тоталитаризм", "рынок", "культура" и т.д.) не имеют устойчивого, однозначного и строго определенного смысла. Употребляющие их знают, в каких словесных ситуациях и как их принято употреблять. И этого для них достаточно, чтобы быть признанными в определенных кругах словесных жонглеров такого рода в качестве знатоков проблем, о которых идет речь. Эти люди делают тем самым нечто подобное тому, что делали в свое время колдуны, шаманы,

жрецы и тому подобные бормотатели бессмысленных звуков. Только их уровень бормотания значительно выше. В их бормотании время от времени мелькают осмысленные слова и фразы, создающие видимость логического мышления.

Обычным приемом идеологического мышления является такой. В сложном, многостороннем и изменчивом явлении выделяются отдельные черты, удобные с точки зрения пропаганды. Эти черты непомерно раздуваются. К ним сводится сущность явления. При этом используются отдельные факты, ссылка на которые придает видимость правдивости описания явления. А в результате получается извращенная и тенденциозная его картина. Этот прием широко использовался в советской антизападной пропаганде. И в еще большей степени использовался и используется в западной антисоветской и антикоммунистической пропаганде. Сущность коммунистического социального строя при этом сводилась и сводится к репрессиям сталинского периода и к сталинистской организации системы власти.

Авторы идеологических речей и сочинений стремятся придать своим утверждениям видимость доказательных, как это требуется принципами логического мышления. Обычными при этом являются ссылки на конкретные примеры. Согласно правилам логики отдельные конкретные примеры не могут служить доказательством общих утверждений. В лучшем случае они могут служить аргументами при их опровержении, да и то не всегда (в первой части мы рассмотрели ситуации, когда это не имеет силы). Точно так же обычным является стремление придать видимость логической последовательности фактически логически бессвязному потоку слов. И на этот счет имеются разнообразные приемы, в частности - подмена понятий и ссылки на авторитеты.

Исторически идеологическое и логическое мышление возникали как нечто единое, как недифференцированное знаковое мышление. Со временем они стали выделяться из общей среды знакового мышления и как-то различаться. Идеологическое мышление возникло на таком уровне знакового мышления, когда стали возможны логические ошибки, но еще не выработалась способность их обнаружения и исправления, когда обнаружилась полезность логических ошибок и возникла возможность развивать знаковое мышление независимо от логического. Вместе с тем идеологическое мышление сохранило генетическую связь с логическим и претензии на логичность. Будучи антиподом логического мышления, оно стремится выглядеть логическим, имитируя его. Оно нарушает правила логики, используя сами правила логики. Оно продуцирует ложь, используя истину. И на этом пути оно достигло высоких результатов, порою - виртуозных. Более того, оно в качестве средства манипулирования людьми, "промывания" мозгов в массе своей неизмеримо превзошло логическое мышление. Оно стало всеобъемлющим, овладев сознанием не только широких слоев населения, но и правящей и интеллектуальной элиты. Логическое мышление стало единственной защитой от засилия идеологического. Да и то защитой весьма слабой, ибо даже в тех случаях, когда оно достигает высокого уровня, оно так или иначе погружается в трясину идеологического и эксплуатируется последним. В настоящее время происходит тотальная фальсификация истории и современной ситуации на планете. В нее вовлечены десятки (если не сотни) тысяч специалистов и мощнейшие средства массовой информации. И осуществляется она с помощью высокоразвитой техники идеологического мышления.

ИДЕОЛОГИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Со временем Наполеона, который с презрением относился к идеологии и идеологам, пошла традиция смотреть на идеологию как на ложное, извращенное отражение реальности. В справочниках и словарях часто идеология так и определяется как ложное

учение. Я такой взгляд на идеологию отвергаю. Но я тем самым не хочу сказать, будто идеология дает истинное отражение реальности. Такое утверждение тоже было бы ложно. Есть иной подход, а именно - что идеология ни истинна, ни ложна. Ее вообще нельзя рассматривать с точки зрения истинности и ложности. Отдельные фрагменты, будучи взяты сами по себе, т.е. вне их идеологической среды и исключительно с точки зрения и отношения к реальности, могут оказаться истинными или ложными. Подходить же к идеологии в целом с критериями истинности и ложности - это все равно как рассматривать картины Пикассо, Кандинского и ряда других художников XX века того же рода с точки зрения их адекватности какой-то якобы изображаемой реальности.

В отношении идеологии и ее частей уместна оценка в соответствии с критериями эффективности воздействия их на умонастроения и поведение людей. При этом утверждения идеологии не непосредственно соотносятся с реальностью, а опосредованно, т.е. в качестве факторов поведения людей и их объединений вплоть до целых стран и народов.

Идеология извращает реальность. Но она это делает в основе своей не в силу дурных намерений и глупости, а в силу своей роли и средств исполнения роли, т.е. изобразительных средств. Лишь на этой морально безупречной основе развивается практика сознательного извращения реальности и система приемов для этого. При этом идеология переходит в пропаганду. В сфере идеологии начинают доминировать специалисты, готовые проводить любую пропагандистскую линию за те блага, какие дает им их профессия и положение в обществе, и из корыстных и карьерных соображений. В случае с коммунистической идеологией продолжателями дела ее основателей стала огромная армия беспринципных прохвостов, а законными наследниками великих основателей идеологии западнизма стали интеллектуальные пигмеи, безнравственные шкурники и карьеристы. И это не есть некое перерождение. Это - результат естественно-исторического развития самой идеологической сферы в силу ее объективных законов.

ЖИЗНЕННЫЕ ЦЕННОСТИ

Жизненные ценности - это то, что люди считают важным для их жизни, что образует цели и мотивы их деятельности, о чем они мечтают и к чему они стремятся, достижение чего образует смысл их жизни.

Жизненные ценности можно классифицировать во многих разрезах, в том числе на фундаментальные (первичные) и производные (вторичные), индивидуальные и общественные, реальные и символические, естественные и искусственные. Эти разрезы не исключают друг друга, так что одни и те же ценности могут фигурировать в различных категориях. Фундаментальные индивидуальные ценности касаются естественных потребностей людей в пище, одежде, жилье, семье, общении, здоровье, развлечениях, отдыхе и т.д. и средств их удовлетворения. Как показывает опыт, эти ценности не всегда очевидны. Люди привыкают к ним как к чему-то само собой разумеющемуся, как к дарам природы. И тем более люди, как правило, не отдают себе отчета в том, какой ценой и благодаря каким средствам достигаются эти ценности. А порою люди умышленно отвлекаются от понимания этих средств, ибо оценка их людьми часто не совпадает с оценкой благ, какие благодаря им достигаются. Если бы западным людям систематически разъясняли, каким путем достаются им жизненные блага и какую цену им приходится за них платить, то обаяние этих благ резко сократилось бы.

Одна из задач идеологии и заключается в том, чтобы объяснить людям, какими ценностями они обладают или могут обладать в их обществе и благодаря чему. Разумеется,

объяснить не на уровне объективной науки, а именно идеологически, т.е. идеализируя как сами ценности, так и пути их достижения.

Осознание ценностей общества массой населения и принятие их не есть одноактная операция. У людей так или иначе наступает усталость к пропаганде, развиваются критические умонастроения, люди быстро привыкают к тому, что имеют, и забывают о том, чему они обязаны тем, что имеют, а в случае ухудшения жизненных условий начинают приписывать причины ухудшения основам своего общества. Короче говоря, состояние умов и чувств людей подвержено влиянию множества факторов. Задача идеологии - постоянно поддерживать нужное идейно-психологическое состояние общества, вырабатывать и поддерживать в людях иммунитет в отношении чуждых обществу влияний, изо дня в день вбивать в головы людей свою систему ценностей.

Индивидуальные ценности - это то, к чему люди стремятся добровольно, они жаждут иметь их. Людей даже приходится сдерживать в этом их рвении силою власти, права, общественного мнения и другими средствами. Общественные же ценности связаны с интересами человеческих объединений и с обязанностями граждан по отношению к этим объединениям. Добровольно и бескорыстно к этим ценностям стремятся лишь одиночки, выпадающие из нормы. Это - общее правило. Люди охотно стремятся к этим ценностям, если они лично вознаграждаются за это властью, карьерой, богатством, почетом, известностью, увлекательностью жизни и работы. За все это идет не менее ожесточенная борьба, чем за доступ к ценностям индивидуальным.

Ценности разделяются на естественные и искусственные. Первые рождаются из опыта жизни и подкрепляются им. Вторые же возникают из стремления ограничить негативные следствия первых. Они изобретаются отдельными представителями рода человеческого и навязываются прочим людям путем проповеди, пропаганды и даже насилия. К их числу относятся моральные и духовные ценности. Они изобретаются с целью ограничить негативные проявления человеческой натуры, облагородить и скрыть суть естественных ценностей, дать людям, которым естественные ценности доступны в ничтожной мере, компенсацию и утешение. Эти ценности принимались людьми отнюдь не с распростертыми объятиями и не с ликованием. Христианская церковь и власти прибегали к необычным жестокостям, чтобы хотя бы немного повысить нравственный уровень масс населения.

Важнейшая производная ценность - деньги и все то, что может быть превращено в деньги и принести деньги. Деньги суть универсальная ценность, т.е. символ, аккумуляция и возможность реализации любых ценностей. Начиная с некоторого уровня они становятся самооценностью, придавая полностью извращенный характер всей системе ценностей. На эту тему написано и сказано, пожалуй, больше, чем на любую другую социальную тему. Слово "извращенный" я здесь употребляю не в морализаторском негативном смысле, а как обозначение обычных в общественной жизни и эволюции превращений социальных феноменов.

Вторая производная ценность, конкурирующая с деньгами, - власть над другими людьми. И третья - слава. На эти темы сказано и написано тоже более чем достаточно.

Надо различать ценности и идеалы. Ценности - это то, что люди ценят, а идеалы - то, к чему стремятся. Ценности существуют. Не все ими обладают в одинаковой мере. Для кого-то приобретение их может стать идеалом жизни. Но идеал - то, что еще не существует или чем люди еще не обладают, но что они хотели бы осуществить или иметь.

Идеалы бывают индивидуальные и общественные. Разработка последних и навязывание их обществу есть задача идеологии и культуры. Идеалом в коммунистическом обществе было всеобщее благополучие, равенство и справедливость. Это считалось достижимым путем ликвидации капитализма. Идеалом в идеологии западнизма является сохранение, упрочение и навязывание всему человечеству ценностей западнизма. И где-то на заднем

плане и между прочим мелькают те же идеалы коммунизма. Поскольку в качестве идеалов рассматривается существующее социальное устройство с его системой ценностей, то западное общество не имеет идеалов в строгом смысле слова, т.е. как чего-то такого, чего в реальности нет, но на достижение чего общество ориентируется и толкается своей идеологией.

СУПЕРУРОВЕНЬ ОБЩЕСТВА. СОЦИАЛЬНЫЕ КЛАССЫ

Суперуровень общества образуют явления, которые возникают на основе микроуровня и макроуровня, в зависимости от них и под их влиянием, но не сводятся к ним. Они не входят в компоненты социальной организации общества на микроуровне и макроуровне или выходят за их рамки. Они возникают, надо думать, уже на ранних стадиях развития обществ и в сравнительно простых и небольших обществах. Но они становятся значительным и влиятельным компонентом их структуры лишь в достаточно больших и сложных обществах. В современных огромных и высокоразвитых обществах они достигают таких масштабов и такого влияния на их жизнь, что во многих отношениях они начинают доминировать над явлениями других уровней.

Суперуровень общества образует определенная структура его членов, конкретнее говоря - социальные классы и слои и социальные объединения. Уточним эти понятия.

Социальные классы суть частный случай классов (множеств) логических. Последние образуются так. Выделяются (абстрагируются) какие-то общие (сходные) признаки многих объектов и строятся языковые выражения типа "Класс (множество) А", где слово "класс" (или "множество") играет роль особого логического оператора (классообразующего оператора), а "А" есть языковое выражение (термин), которое обозначает объекты, обладающие выделенными общими признаками. Например, "Класс деревьев", "Класс чисел", "Класс рабочих", "Класс пенсионеров", "Класс безработных". В разговорном языке оператор "Класс" обычно опускают или о нем вообще ничего не знают и употребляют общие слова во множественном числе, например - "столы", "деревья", "рабочие", "пенсионеры", "безработные". Свойства оператора "Класс" определяются в логике (я построил для этого особую теорию). Важно иметь в виду, что при образовании логических классов оставляется без внимания все то, что касается отношений между объектами, включаемыми в класс (между элементами класса), и отношений между элементами различных классов. Повторяю и особо подчеркиваю, что здесь слово "Класс" играет роль логического оператора, оно не обозначает никакие объекты, не является термином и понятием.

Социальный аспект классификации социальных объектов предполагает логический, но не сводится к нему. В этом аспекте слово "Класс" употребляется не как логический оператор, а как особый термин (понятие), обозначающий какие-то социальные объекты. Какие именно, это должно быть определено в рамках социального исследования, а не в логике. Как делалось и делается это в фактических сочинениях, другое дело. Важно то, что обычно рассмотренные аспекты не различаются и смешиваются. Различные авторы дают различные определения социальных классов, обвиняя друг друга в неправильном понимании их, хотя дело тут всего лишь в различии словоупотребления. Конечно, и в этих проблемах имеют место правильность и неправильность понимания, но они относятся к "повороту мозгов", т.е. к тому, как понимается реальность, отражаемая в той или иной терминологии.

Понятие социального класса может быть определено, как и прочие социологические понятия, средствами экспликации. Тут возможны различные варианты. Чтобы установить, какой из них предпочтительнее, надо принимать во внимание следующие обстоятельства.

В современном развитом обществе число возможных логических классов огромно, в десятки (если не в сотни) раз превосходит число таковых в обществе прошлого века. Логическая классификация при этом может осуществляться во многих различных измерениях, так что одни и те же объекты могут оказаться в различных логических классах. Сами объекты могут обладать признаками, позволяющими относить их к различным и даже взаимоисключающим логическим классам. Например, логические классы начальников и подчиненных вроде бы не пересекаются, а человек может быть начальником в одном отношении и подчиненным в другом. Чтобы избежать противоречия, нужно принимать во внимание случаи относительности признаков, по которым образуются логические классы.

Можно перечислить признаки социальных объектов, из числа которых выбираются те, которые включаются в определение понятия социального класса. Напоминаю, что не все, что нам известно или может быть известным о социальных классах, должно включаться в определение самого общего понятия "социальный класс". И надо различать это общее понятие и понятия отдельных видов социальных классов. Задача общего понятия - указать, по каким критериям (по каким признакам) надо строить определения видов социальных классов общества.

Я считаю, что в один социальный класс должны включаться члены общества, занимающие сходное положение в социальной организации общества (в деловых клеточках, в основных сферах). Их должно быть достаточно много, чтобы они стали заметным явлением в жизни общества, и их роль при этом должна быть достаточно важной. Их социальная позиция должна быть признана обществом и узаконена в той или иной форме, на том или ином уровне государственности или другими организациями общества, уполномоченными государством на такое узаконивание.

Упомянутое узаконивание логических классов в качестве классов социальных особенно важно для определения последних. Я считаю, что логически и, надо полагать, исторически исходным разделением членов общества на социальные классы явилось разделение на класс правителей (властителей) и класс управляемых (подвластных). Одной из фундаментальных акций государства является именно узаконивание основных логических классов и даже создание таковых. Так что не государство явилось следствием разделения общества на классы, а, наоборот, возникновение государства одновременно означало и имело следствием установление социальных классов.

При этом на представителей различных классов накладывались определенные обязанности и ограничения, представителям каких-то классов предоставлялись особые права и привилегии - узаконивалось классовое неравенство. Устанавливались определенные отношения между классами и между классами и государством. И это играло решающую роль в закреплении социальной организации общества.

Все это так или иначе фиксировалось в документах, имевших юридическую силу. Так, например, в феодальных обществах были узаконены сословия дворян, крестьян, мещан и т.п. Но не только в них. В советской конституции было зафиксировано разделение граждан на рабочих и крестьян, а также интеллигентскую прослойку. В официальных документах советские люди на вопрос о социальном положении называли также класс служащих. И в современных западных странах существуют бесчисленные юридические законы, фиксирующие социальное положение (т.е. классовую принадлежность) граждан. Это - одно из оснований налоговой системы. Кроме того, существует педантично разработанная система всякого рода официальных документов об образовании и квалификации, без которых, как правило, невозможно заниматься соответствующей деятельностью. И вообще, современная правовая система, узаконивающая классовый статус граждан, превосходит аналогичные законы прошлого в той же мере, в какой современное общество превосходит общества прошлого по степени внутренней развитости.

Обычно (чаще неявно) предполагают, что между представителями социального класса имеют место более или менее устойчивые связи, например, совместное времяпровождение, родственные связи. Предполагают сходство в образе жизни, в уровне культуры и в других отношениях. Иногда предполагают организации, объединяющие какие-то части логических классов для каких-то совместных действий в защиту общих интересов и наличие таких интересов, например - партии, профсоюзы, стачечные комитеты и т.п., ведущие борьбу против увольнений, за повышение заработной платы, за улучшение условий работы. И это действительно так. Но это не следует включать в само определение понятия.

Социальный класс не есть множество однородных людей. Он имеет более или менее сложную структуру. Например, класс государственных служащих представляет иерархию социальных позиций. Но и это не следует включать в определение понятия социального класса. Это все есть результат познания уже определенного объекта.

Данная выше экспликация понятия социального класса не охватывает все возможные логические классы социальных объектов. Это не означает, что неохваченные определением логические классы не существуют и не играют важную роль в жизни общества. Какие-то из них могут играть более важную роль и быть более многочисленными по числу элементов (включаемых в них членов общества), чем некоторые социальные классы. Из этого следует лишь то, что для обозначения их требуется другое понятие. Можно, конечно, поступить так: назвать социальными классами любые логические классы социальных объектов. Но тогда придется вводить различия между социальными классами и закреплять их особой терминологией, что не меняет сути дела. Я предпочел изложенный выше вариант, дабы сохранить принятый стандарт в определении феноменов социальной организации общества. Социальные классы в моем определении становятся благодаря узакониванию компонентами социальной организации общества на суперуровне.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЛОИ

От социальных классов я отличаю социальные слои. Социальный слой (в моем определении) есть логический класс социальных объектов, который не узаконен юридически, но не противоречит юридическим законам. Хотя он не признается юридически, он признается фактически как самими представителями слоя, так и другими (не обязательно всеми) членами общества. Слой охватывает лишь часть членов общества, является достаточно устойчивым.

Признаки, по которым образуется логический класс членов слоя, должны быть социальными и указаны так, чтобы относительно по крайней мере большинства членов общества можно было установить, относится он к этому слою или нет. Конечно, между слоями могут быть довольно неопределенные пограничные зоны, когда в отношении каких-то людей могут быть колебания.

С моей точки зрения, разделение населения на социальные слои происходит в соответствии с социальным статусом членов общества. При этом социальным статусом я называю совокупность признаков, определяющих положение человека в обществе. В число этих признаков включаются такие: размер собственности и дохода, положение на иерархической лестнице социальных позиций, престижный уровень профессии, образование, уровень культуры, сфера общения, связи, перспектива роста, перспектива для детей и другие.

Переход одного слоя в другой, более высокого или более низкого уровня, образует вертикальную динамику населения. Она различна в различных обществах. Она была очень высокой в коммунистических странах в начальные годы их истории, потом заметно

снизилась. Это - общий социальный закон: в сложившихся обществах вертикальная динамика населения имеет тенденцию к снижению.

В социальный слой включаются не только главы семей, но и все прочие их члены. Слой имеет тенденцию к замыканию и самовоспроизводству. В нем складываются свои традиции, эстетические и моральные принципы, личные контакты и многое другое, что делает его сравнительно автономным социальным целым. Он имеет иерархическую структуру в зависимости от статуса членов. Социальные слои образуются в различных измерениях общества. Но включать знания обо всем этом в определение понятия социального слоя не следует, ибо это будет превышением полномочий определения как особой логической операции. Все это следует учитывать в описании конкретных слоев того или иного общества.

Не всякий логический класс есть социальный слой. Например, в обществе западного типа бессмысленно логический класс частных собственников рассматривать как слой, поскольку почти все взрослые члены общества в какой-то мере обладают частной собственностью. Зато вполне правомерно говорить о слое богатых людей, установив в качестве критерия зачисления людей в этот слой некоторую минимальную величину материальных богатств (частной собственности). Не образует социальный слой логический класс уголовных преступников, ибо их статус противоречит юридическим законам. Не является социальным слоем логический класс женщин, ибо определяющий признак класса не является характеристикой социального статуса женщин.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ

Объединение объектов есть какое-то число (два и более) объектов, между которыми имеют место какие-то эмпирические связи, каждый из которых как-то зависит от других, так что они образуют некоторое целое. В случае социальных объединений члены объединения осознают себя в качестве таковых и выполняют в объединении какие-то функции. Они зависят от других членов объединения, как-то связаны с ними. Социальные объединения могут быть узаконенными или незаконными. Во втором случае они должны быть признаны фактически каким-то образом. Социальные объединения весьма разнообразны по типам - клики, касты, кланы, союзы, партии, движения и т. п. Они весьма интенсивно изучаются в современной социологии. И мы уже на эту тему говорили выше и будем говорить в дальнейшем.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЧЛЕНОВ ОБЩЕСТВА. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ

В современных больших обществах многие миллионы людей занимают какие-то социальные позиции. Сложилась грандиозная система подготовки людей для занятия этих позиций - для замены отработанного человеческого материала новым и для занятия вновь образующихся позиций. Тут имеет силу социальный закон соответствия людей занимаемой ими позиции. В реальности этот закон действует как ожесточенная борьба людей за лучшие места в системе социальных позиций. В ход идут все доступные средства. Преимущества в этой борьбе имеют не некие абстрактно лучшие, а те, у кого более выгодные данные с точки зрения конкретных условий борьбы за конкретные места. Разумеется, тут можно установить определенные закономерности, что и делают специалисты в "конкретной" социологии. Например, они выяснили, что общество равных возможностей есть

идеологически-пропагандистская сказка, что "вертикальная динамика" в современных обществах (переход из низших слоев в высшие) не так уж велика и она имеет тенденцию к снижению, что принадлежность семьи к определенному слою играет большую (если не решающую) роль в жизненном успехе вступающих в жизнь новых поколений. Но такого рода "открытия" очевидны и без специальных исследований.

Полагаю, что никакого единого для всех членов общества принципа распределения жизненных благ ("по труду" и "по потребностям", о них будем говорить дальше) не существует. В реальности идет борьба за жизненные блага, в которой каждый стремится использовать свое социальное положение, свои силы и способности. Одни делают это, используя приобретенное или унаследованное имущество и капитал, другие - делая служебную карьеру, третьи - продавая свои способности, четвертые - добиваясь успеха в творчестве, пятые - улучшая квалификацию, шестые - грабя и воруя, седьмые - организуя дело, короче говоря, добывая блага теми путями, какие доступны для них в обществе. В современном обществе таких путей не счесть.

Развивается система принципов распределения, вплетенная в общий процесс жизнедеятельности людей. Опытным путем и в результате борьбы интересов находят какие-то нормы вознаграждения за конкретные виды деятельности. Тут имеются свои частные принципы, имеющие силу в узких пределах. Например, человек, занимающий более высокий пост, чем другой человек в рамках одной и той же сферы оплаты, должен получать больше, чем второй. И мало кто оспаривает этот принцип. Недовольство возникает тогда, когда нарушается некоторая норма в разнице оплаты. Точно так же считается само собой разумеющимся то, что предприниматель, лучше других организовавший бизнес или использовавший конъюнктуру, имеет и более высокий доход.

Неизбежная в развитом обществе иерархия социальных позиций, источников доходов и способностей людей урывать для себя доли жизненных благ порождает неравенство в распределении. В обществе возникают силы, стремящиеся ограничить крайности неравенства и делающие в этом направлении что-то реальное. Но как показывает опыт истории, успехами на этот счет человечество похвастаться не может и вряд ли когда-либо сможет. Самых больших успехов в этом отношении добились в коммунистических странах. Но и в них по мере улучшения общих условий жизни неравенство в распределении благ стало увеличиваться и достигло довольно значительного уровня.

Неизбежным следствием неравенства в распределении жизненных благ является возникновение класса богатых. К этой теме я вернусь ниже.

В системе распределения благ надо различать уровни не только в величинах долей благ, достающихся членам общества, но и в следующем смысле. Первичным уровнем распределения (или первичным распределением) я называю нахождение благ в собственности и поступление благ в собственность конкретных юридических субъектов общества, т. е. конкретных членов общества, конкретных групп людей или организаций, которые вправе распоряжаться этими благами по своему усмотрению (разумеется, в рамках юридических норм). Вторичным уровнем распределения (перераспределением) я называю такой, на котором первичные владельцы благ сами становятся источниками приобретения благ другими людьми. Первичные владельцы благ тратят их в своих личных целях так, что распределяют какую-то часть своих владений между другими людьми. Люди, зарабатывающие колоссальные суммы денег и обладающие гигантскими состояниями, в одиночку не могут их "проесть". За их счет "пасется" множество других людей, так что они становятся своего рода пунктами перераспределения первичных благ. На уровне перераспределения развивается своя иерархия и сеть перераспределений.

Обычно распределение благ рассматривается с точки зрения долей благ, достающихся членам общества. Такой подход односторонен и далеко не всегда уместен. В

рассмотренном случае с перераспределением благ мы должны из суммы благ, достающихся отдельным лицам, вычесть часть, которую они должны отдать другим, чтобы воспользоваться какой-то частью своих владений. Огромное количество членов общества формально имеет сравнительно небольшие доходы, но фактически пользуется неизмеримо большими благами. Это, например, представители органов власти, использующие государственные средства в своих личных интересах. Так, в коммунистических странах работники аппарата партии и государства имели сравнительно небольшие заработные платы, а фактически распоряжались благами более значительными. Я считаю для такого рода случаев ввести другой критерий распределения благ, а именно - величину трат общества на того или иного конкретного человека. Этот критерий применим к довольно большой части членов западных обществ, а в коммунистических странах он являлся не менее важным, чем критерий величины благ, достающихся в личное владение.

ТИПЫ ОБЩЕСТВ

Общества различаются по многим признакам, в том числе по типам социальной организации. Известные классификации не могут считаться научными, поскольку не удовлетворяют логическим требованиям классификации. В частности, так называемый первобытно-общинный строй вообще характеризует не общество, а предобщество. Никакого рабовладельческого типа общества в смысле типа социальной организации не существует хотя бы потому, что рабы не являются членами общества они суть элементы материальной культуры наряду с домашними животными и орудиями труда (по Аристотелю, говорящие орудия). В США, например, имело место рабовладение, но общество относилось к западному (капиталистическому и демократическому) типу.

С точки зрения типа социальной организации общества различаются, например, на такие, в которых доминирует государственность (например, дореволюционная Россия), такие, в которых доминирует экономика (например, США), и такие, в которых доминирует идеология (например, Иран).

СЛОЖНЫЕ ОБЩЕСТВА

Развитые общества, за исключением некоторых случаев, имеют сложную территориальную структуру, т. е. разделяются на территориальные части, которые, в свою очередь, разделяются на более мелкие части вплоть до минимальных. Все эти части в идеале должны быть социально однородны, т. е. ни одна территориальная часть не должна господствовать над другой. Разумеется, в реальности принцип социальной однородности общества часто нарушается в силу каких-то обстоятельств. Но это не отменяет сам принцип как характеристику общества в "чистом" виде.

Сложное общество образуется из слияния двух или более обществ в одно или в результате дифференциации одного общества на части. В первом случае новое объединение приобретает черты полноценного общества, а вошедшие в его состав общества теряют какие-то признаки общества и какие-то сохраняют в той или иной форме. Такими сложными является большинство современных обществ. Следы их образования очевидны в их административно-территориальной структуре (штаты в США, земли в Германии, в Великобритании округа, во Франции регионы и департаменты, в Италии регионы и провинции и т. д.). Во втором случае в рамках общества образуются части, подобные тем,

какими становятся общества, объединившиеся в одно целое общество. Эти части суть потенциальные общества, которые при случае могут стать самостоятельными обществами. В сложных обществах происходит какое-то усложнение социальной организации сравнительно с частями, например образование уровней местных властей. Однако тут не происходит качественных изменений, выходящих ощутимым образом за рамки общества. Сложное общество остается обществом.

Империи являются сложными человеюниками. Социальный тип империи определяется типом метрополии. Эти объединения я не рассматриваю.

ВЕРХНЯЯ ЭВОЛЮЦИОННАЯ ГРАНИЦА ОБЩЕСТВА

Существует не только нижняя эволюционная граница общества, не достигнув которой человеюник не приобретает качество общества, но и верхняя граница, перейдя которую человеюник утрачивает это качество. Развитие общества, как и любого эмпирического объекта, не безгранично. Не все, что возникает в процессе эволюции человечества, может быть ассимилировано обществом в качестве его органического элемента. Не все, что порождается самим обществом, может быть удержано в его рамках. В процессе эволюции человечества в эпоху обществ уже возникли, развиваются, накапливаются и набирают силу явления, которые не укладываются в рамки такого социального качества, называемого обществом. Само общество порождает отрицающие его явления.

Верхняя эволюционная граница всякого социального объекта есть предел развития явлений, образующих его нижнюю границу, т. е. предел развития того, что изначально образует качество объекта. Этот эволюционный закон имеет полную силу в отношении общества. Верхнюю границу общества образует предельное развитие потенций человеюника на основе его социальной организации в качестве общества. Человеюники далеко не всегда достигают этой границы (потолка развития). Как правило, они ее не достигают, подобно тому, как ничтожная часть людей доживает до предела биологических возможностей. Жизнь общества может быть оборвана искусственно, какими-то внешними факторами, например в результате поражения в войне. Общество может оказаться в русле эволюции иного типа и подвергаться его влиянию. Общество может по одним линиям достигать верхней границы и даже преодолевать ее, а по другим линиям не достигать ее. В обществе может начаться попятный процесс, деградация. Лишь в идеале можно сказать, что общество достигло верхней границы (потолка), когда все основные компоненты его социальной организации полностью исчерпали свои потенции.

Наличие верхней границы общества не означает, будто невозможна социальная организация иного типа, на основе которой может происходить дальнейшая эволюция человеюников. Наоборот, я утверждаю, что возможен качественно новый, более высокий уровень социальной организации человеюников сравнительно с обществом - уровень сверхобщества. Более того, он не просто возможен, он является реальностью.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Общества возникают, организуются и эволюционируют не изолированно друг от друга, а в более обширной среде миров, которую я называю цивилизацией. Возникновение цивилизаций связано с возникновением обществ. Становясь доминирующим фактором в тех или иных мирах человеюников, общества преобразовывали эти миры в цивилизации. А

цивилизации, со своей стороны, становились колыбелью и средой жизни обществ - тут зависимость взаимная.

Цивилизация есть сложный исторический феномен, при рассмотрении которого надо принимать во внимание следующие его аспекты: 1) определенное множество человеческих объединений, живущее совместной исторической жизнью и являющееся творцом и носителем цивилизации; 2) определенные результаты их совместной жизнедеятельности, воплощающиеся в системе власти, хозяйстве, верованиях, культуре, характере человеческого материала и образе жизни населения объединений; 3) превращение этих результатов, упомянутых выше, в основной фактор дальнейшей совместной жизни и эволюции этих человеческих объединений; 4) условия возникновения, эволюция и границы цивилизации.

В этих четырех аспектах я и рассматриваю цивилизацию как особый социальный феномен, несводимый к другим. Поясню приведенные аспекты несколько подробнее.

Пункт первый. Человеческие объединения, о которых идет речь, возникают, живут и умирают в определенном пространственно-временном объеме, занимаемом множеством объединений в целом. Некоторые из них существуют одновременно, другие - в разное время. Но время жизни каждого хотя бы частично совпадает со временем жизни (по крайней мере, одного) другого члена множества, так что суммарное время жизни множества в целом есть непрерывный исторический интервал, имеющий начало, продолжительность и конец. Без этого невозможна совместная жизнь этих объединений. Продолжительность интервала - века, если не тысячелетия. Аналогично с пространством. Каждое объединение множества соприкасается в пространстве по крайней мере с одним другим, так что образуется единое жизненное пространство множества в целом. Оно может изменяться со временем по размерам и положению на планете, но при этом целостность предполагается как условие возникновения цивилизации. Если последняя уже сложилась, возможны разрывы пространства. Но так или иначе должны сохраняться возможности для регулярных коммуникаций по крайней мере для определяющей части членов множества. Рассматриваемые объединения в силу каких-то исторических причин вынуждены жить совместной жизнью достаточно долго, чтобы зародились предпосылки и основы их цивилизации.

Каждое из объединений рассматриваемого множества на какое-то время образует организованное по социальным законам целое со своим органом власти и управления, хозяйством (экономикой), верованиями (идеологией), языком, культурой, психологией, образом жизни. Но само это множество объединений не есть единое объединение того же рода, что и каждое входящее в него объединение по отдельности. Это множество имеет новую структуру и иные отношения между его членами, чем структура и отношения между компонентами каждого члена множества по отдельности. Например, множество объединений, участвовавших в создании западноевропейской цивилизации, само не есть человеческое объединение того же рода хотя бы потому, что образующие его объединения жили в разные столетия и для них не было единого органа власти и управления. Грубо говоря, стадо коров не есть корова.

Пункт второй. Между объединениями рассматриваемого множества имеют место различного рода контакты, взаимодействия, связи. Какая-то часть из них живет совместной исторической жизнью. Эта часть меняется, одни объединения исчезают, другие появляются, между какими-то обрываются связи и т. п. Но во все периоды имеет место какая-то совместность и преемственность - историческая совместность. Взаимоотношения в этой совместности разнообразны: союзы, слияния, разделения, войны, покорение одних другими, поглощение, разрушение, короче говоря, все то, что образует их конкретную историю. В результате совместной жизни они оказывают влияние друг на друга, одни что-

то заимствуют у других или навязывают им что-то свое. Таким путем они совместными усилиями создают нечто общее, что в тех или иных формах и размерах развивается у них по отдельности, делает их сходными в этих отношениях - социально родственными. Эти сходные черты суть именно результат совместной жизни, они не могли бы у них появиться, если бы они жили изолированно друг от друга. Эти сходные черты охватывают все основные аспекты объединений: власть, хозяйство, идеологию, культуру.

Пункт третий. Результаты совместных усилий рассматриваемых объединений закрепляются в какой-то части объединений множества в каждом по отдельности, вынуждая их уподобляться друг другу и обогащая каждое из них этими социальными изобретениями, а не откладываются где-то вне их. Подчеркиваю, результатом совместных усилий объединений рассматриваемого множества является определенный эволюционный процесс человеческих объединений - социальный прогресс. Достигнув достаточно высокого уровня, достижения этого процесса сами становятся важнейшим фактором, удерживающим отдельные объединения в составе множества и определяющим характер объединений. Результаты этого процесса складываются в целостную социальную систему, которая становится основой социальной системы объединений множества по отдельности. Они становятся социально однотипными и воспроизводятся в этом качестве. Так складывается зрелая цивилизация. Одно дело - цивилизация в начале жизненного пути, другое дело - в зрелом состоянии. В зрелом состоянии в рамках данной цивилизации могут иметь место конфликты, завоевательные войны, ненависть и т. п., а не только некая гармония. Последняя появляется тут лишь частично и на миг. Так что не следует строить иллюзий насчет того, что цивилизация есть абсолютное благо.

Пункт четвертый. Цивилизация есть явление историческое - возникает, живет, совершенствуется, изменяется и погибает. Она возникает и живет при определенных условиях, в число которых включаются размеры объединений, степень их сложности, состояние материальной культуры, характер человеческого материала, возможности автономного существования сравнительно больших регионов длительное время и многое другое. Тут есть свои границы. Эти условия выполнялись далеко не всегда и не везде. Так что возникновение цивилизаций в прошлом не было абсолютной необходимостью. Далеко не любые скопления людей были способны создать или сохранять цивилизацию. Цивилизации возникали и жили в более обширной социальной среде. В этой среде люди создавали и другие формы социального бытия, отличные от цивилизации, - союзы племен, государственно организованные общества, империи с иерархией народов и другие. Такого рода явления и тенденции захватывали и регионы цивилизаций. Так что абсолютно "чистых" форм цивилизаций никогда не было. Все конкретные цивилизации возникали и жили как смещения черт различных форм человеческих объединений. Различные признаки цивилизаций "растворялись" в массе других социальных явлений, модифицировались под их воздействием, принимали чуждые их природе формы и порождали имитации. Так что выделение цивилизаций в "чистом" виде есть довольно сложная абстракция, требующая профессиональных усилий и умения исследователей.

В конкретной истории бывает так, что продукты жизнедеятельности множества человеческих объединений, создавших некоторую цивилизацию, сохраняются и развиваются дальше другими человеческими объединениями после распада, упадка и гибели этой цивилизации. Процесс жизни цивилизации может происходить одновременно с процессом объединения создавшего ее множества объединений в целое иного социального типа, чем цивилизация. Эволюция цивилизации может способствовать этому и завершиться такой социальной организацией. История человечества не исчерпывается историей цивилизаций. Последняя есть лишь частичка и один из аспектов реальной истории.

Цивилизация не есть нечто раз и навсегда данное и застывшее. Она изменяется со временем. Это может происходить в силу воздействия внешних факторов и в силу внутренних законов эволюции. Цивилизация может быть разрушена силами извне. Но она может изжить себя и вследствие внутренней эволюции.

Условия возникновения и существования цивилизации суть точно так же явления исторические. С изменением условий должно происходить приспособление стран и народов, образующих данную цивилизацию, к новым условиям с целью выживания. По мере роста числа людей в объединениях, усложнения системы их управления, усложнения материальной и духовной культуры, усиления угрозы извне, усовершенствования средств коммуникации и изменения других факторов исчезли условия для возникновения новых цивилизаций. И в наше время они, на мой взгляд, исчезали полностью. Сохранившиеся цивилизации, включая западноевропейскую, обречены на исчезновение. На их место приходят социальные феномены иного рода, более адекватные современным условиям на планете. В наше время во всех аспектах человеческой жизни уже не осталось никаких возможностей для автономной эволюции человеческих объединений в течение длительного времени. Даже в случае подходящих условий в каком-то регионе планеты цивилизация не может возникнуть в силу неспособности противостоять внешним воздействиям своими силами, без участия в мировом сообществе.

ЭВОЛЮЦИЯ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Уже в начале нашего века было распространено мнение, будто западноевропейская цивилизация уже исчерпала себя, будто начался ее закат и дни ее сочтены. Но шли годы, а она не только не увядала, а, наоборот, как будто начала переживать новую молодость. Тем не менее идея ее конца не забылась совсем. Она вновь стала появляться в той или иной форме.

На мой взгляд, в идее конца западноевропейской цивилизации есть доля истины: она действительно не вечна. Но она является уникальной сравнительно с прочими видами цивилизации в том отношении, что она убивает сама себя и делает это на пути баснословного прогресса. Она породила предпосылки и возможности для подъема человечества на новую, более высокую эволюционную ступень.

В рамках западной цивилизации зародились и развились две линии социальной эволюции человечества - западнистская и коммунистическая. Первая сформировалась в наиболее "чистой" форме в США. Она затем оказала сильное влияние на Западную Европу, а после Второй мировой войны фактически овладела всем западным миром. Вторая реализовалась впервые в истории человечества в России. Она реализовалась в виде образования человекиника коммунистического типа - Советского Союза. Последний оказал огромное влияние на весь ход мировой истории, стал образцом для значительной части человечества.

Западнизм и коммунизм возникли как антиподы и вместе с тем как конкурирующие варианты эволюции человечества. Они оба шли в одном и том же направлении эволюции, во многом уподобляясь друг другу настолько, что целый ряд западных теоретиков выдвинули концепцию их сближения. Каждый из них содержал в себе какие-то элементы и потенции другого. В каждом из них происходило одновременно два тесно связанных процесса, один из которых относился к истории обществ, а другой - к истории сверхобществ. Причем эти процессы протекали в них в каких-то отношениях противоположно, в одном - в условиях чрезмерной бедности и непреходящих трудностей, в другом - в условиях чрезмерного богатства и баснословных исторических удач.

Западный и коммунистический миры стали "точками роста" в эволюции человечества. Между ними шла непримиримая борьба за роль лидеров мирового эволюционного процесса и за мировую гегемонию. Эта борьба образовала основное содержание социальной жизни человечества в XX веке, особенно во второй его половине. Еще не так давно на роль лидера мировой истории претендовал коммунистический мир, возглавлявшийся Советским Союзом. И не без оснований. Лозунг "Да здравствует коммунизм - светлое будущее человечества" выглядел совсем не утопически. Огромная часть человечества верила в то, что дни капитализма сочтены и что будущее принадлежит коммунизму. После победы Запада в "холодной войне" против советского блока положение в мире коренным образом изменилось. Историческую инициативу и лидерство в эволюционном процессе на планете захватил западный мир, возглавляемый США. Западнистский вариант эволюции человечества стал выглядеть как более перспективный, чем вариант коммунистический. Но торопиться с категорическими выводами не следует. Победа западнистского варианта еще не является окончательной и бесповоротной. Еще живы остатки коммунизма в регионе бывшего Советского Союза. Еще рано исключать их влияние на ход истории и хотя бы частичное оживление и даже возрождение. Еще живет и усиливается коммунистический Китай с его более чем миллиардным населением. Еще сильны антизападные силы на планете, особенно в мусульманском мире. Короче говоря, еще предстоит длительная борьба, в которой западному миру для полной победы потребуются не одно десятилетие, и исход этой борьбы не предreshен фатально.

Но при всех вариантах имеет место неумолимая тенденция эволюции человечества от эпохи обществ к эпохе сверхобществ.

СВЕРХОБЩЕСТВО

Социальный объект А будем называть сверхобъектом по отношению к социальному объекту Б и употреблять выражение "сверх-Б", если, и только если объект А содержит в себе в снятом виде основные (определяющие) признаки объекта Б. В сверхобъекте можно различить две части - базисную и надстроечную. В первую входят свойства объекта Б, содержащиеся в А в снятом виде, во вторую входит то, что вырастает на основе первой и образует новое эволюционное качество А.

Разделение на базисную и надстроечную части не есть какая-то четко обозначенная граница. В реальности могут быть многочисленные явления, в которых перемешаны базисные и надстроечные компоненты. Так что эти части приходится мысленно собирать "по крупицам" в целое. Способ мысленного разделения таков: мы должны сравнивать соответствующие элементы объекта и сверхобъекта и устанавливать, что именно во втором имеется, для чего в первом нет аналога. Например, сравним положение президента страны в обществе и в сверхобществе и обнаружив, что во втором случае он фактически подчиняется какой-то негосударственной власти, мы можем отнести эту власть к надстроечной части.

Сверхобщество по определению есть человек, который является диалектическим отрицанием общества, содержит в себе общество в снятом виде, является человеком более высокого уровня организации, чем общество.

Верхняя граница общества не есть нижняя граница сверхобщества. Последняя есть то, чем сверхобщество отличается от общества, в чем именно первое возвышается над вторым как более высокий "этаж" эволюционной иерархии. Трудность в установлении нижней границы сверхобщества состоит в том, что явления общества и сверхобщества в реальности могут быть перемешаны, явления сверхобщества еще рдятся в одежды явлений общества и

выглядят как продолжение и разновидности их, разбросаны, погружены в совокупность конкретных исторических событий.

Сверхобщества возникают в среде из обществ, на их основе, с использованием их материала и опыта. Но это не означает, будто одни и те же человеичники обязательно проходят в своей эволюции или в принципе могут пройти три стадии - предобщества, общества и сверхобщества. Такого эволюционного закона нет. Возможно также то, что сверхобщество формируется, одновременно развивая в себе в снятом виде компоненты общества, как это имело место, например, в Советском Союзе. Но и эта возможность не есть социальный закон. Тем более советское сверхобщество использовало опыт российского и западных обществ, а также строительный материал России.

Между эпохой обществ и эпохой сверхобществ нет абсолютно строгой границы. Они как бы накладываются друг на друга. Одна еще продолжается, а другая в то же время и в том же социальном пространстве начинается. Должно пройти историческое время, прежде чем для многих станет очевидно, что новая эпоха уже наступила.

Отношение сверхобщества к предобществу, таким образом, характеризуется как отрицание отрицания. Неизбежным следствием отрицания общества является утрата ряда достижений эпохи обществ - никакой прогресс в одних отношениях не происходит без регресса в других. А неизбежным следствием отрицания является "возврат" человеичников по ряду признаков к предобществу, причем не по второстепенным признакам, а по определяющим нижнюю границу сверхобщества.

Эпоха сверхобществ еще только наступает. Это - будущее человечества. Каким оно будет? Прежде чем перейти к рассмотрению этой проблемы, сделаю методологическое отступление.

ПРОБЛЕМА БУДУЩЕГО

О будущем люди думали и говорили испокон веков. Но говорить и думать о будущем социальном строе человеичников люди начали сравнительно недавно. Первыми мыслями такого рода, оставившими заметный след в истории человечества, были "Утопия" Томаса Мора и "Государство Солнца" Томасо Кампанеллы. Историческое расстояние между ними более ста лет, а их имена пишутся обычно рядом так, как будто никакого времени не проходило. Следующий шаг в этом направлении сделали домарксовские социалисты и коммунисты Сен-Симон, Фурье, Оуэн и другие. И опять-таки на этот шаг ушло не одно столетие. И самый значительный шаг связан с именем Маркса. Он стал родоначальником самой грандиозной идеологии социального будущего человечества. Более чем на столетие эта идеология овладела умами и чувствами многих миллионов людей на планете, оказав огромное влияние на социальную эволюцию западного мира и всего человечества. Марксистское учение о будущем (для того времени) "полном коммунизме" стало важнейшей частью идеологии коммунистических стран.

После Второй мировой войны на Западе возникла особая сфера сочинительства, получившая название науки о будущем - футурологии. В большом количестве стали появляться романы и фильмы, посвященные будущему и относимые к категории научно-фантастических. А основы фантастики оказались теми же, что и основы религиозного мракобесия прошлого, - искажение законов природы и логики.

Ни в одном сочинении на тему о будущем я не встречал определения понятия будущего и описания свойств суждений (высказываний, утверждений) о будущем, т. е. предсказаний или прогнозов будущего. Будущее считается чем-то очевидным и само собой

разумеющимся: это - то, что будет существовать и происходить после того времени, в которое заходит речь о будущем и которое считается настоящим. Но ясность тут кажущаяся. Можно ли отнести к будущему завтрашний день? А предстоящий год? Или десятилетие? Смотря для кого и смотря с какой точки зрения. Тут примитивной очевидностью нельзя удовлетворяться. Тут требуется уточнение понятий. Аналогично обстоит дело с прогнозами. Можно ли считать прогнозом утверждение кандидата в президенты, что в будущие два-три года благодаря его умной политике безработица сократится вдвое? Можно ли считать прогнозом утверждение мудреца, что рано или поздно наша планета разрушится? Необходимо хотя бы кратко сказать о логическом аспекте такого рода проблем, ибо без соблюдения элементарных правил на этот счет всякие разговоры о будущем превращаются в словоблудие.

В основе многочисленных предрассудков и заблуждений людей лежит логическая ошибка, которая заключается в следующем. Люди мысленно выделяют (абстрагируют) какое-то свойство эмпирических предметов, наделяют это свойство самостоятельным (отдельно от предметов) существованием и рассматривают его так, будто оно само есть эмпирический предмет. Такую ошибку совершают не только невежественные дикари, но и высокообразованные ученые XX века. Это они (ученые) приписали пространственным и временным отношениям эмпирических предметов свойства самих этих предметов - приписали времени способность ускоряться, замедляться, останавливаться, различно течь в разных местах, а пространству приписали способность сжиматься, растягиваться и искривляться. Но поставьте простой вопрос: что значит - время замедляется или ускоряется? Согласно смыслу понятий ускорения и замедления, которые были выработаны в отношении перемещения и вообще изменения эмпирических предметов, это означает, что за одно и то же время (заметьте: одно и то же время!) проходит разное время. Логическое противоречие очевидно. Но чтобы спрятать его, запутать банальную с логической точки зрения ситуацию и создать видимость необычайной сложности и таинственности, погружают проблему в безудержное словоблудие за счет достижений науки. Аналогично обстоит дело и с другими "открытиями" современной физики в отношении пространства и времени. Нарушение законов логики тут культивируется специально виртуозами словоблудия за счет науки.

Вся совокупность языковых выражений, относящихся ко времени и пространству, образуется так (с логической точки зрения), что в самих времени и пространстве невозможно обнаружить ничего такого, что не привносится способами измерения временных и пространственных отношений эмпирических явлений. Если достаточно строго выявить (эксплицировать) логический аспект этих языковых выражений, можно логически строго доказать (именно доказать!), что все разговоры о некоем ускорении, замедлении, обратном ходе и т. п. времени суть логически бессмысленны или ложны. Можно доказать, например, что время необратимо, что за данное время проходит именно это время, что прошлое невозможно и возврат в прошлое логически (а значит, и эмпирически) невозможен, что время непрерывно, что остановить ход времени невозможно, как и побывать в прошлом и в будущем и вернуться из них обратно. Удивительно то, что сильные мира сего, поощряя всяческий бред насчет времени и пространства, сами никогда не посылают своих представителей в будущее, чтобы выработать наиболее разумную программу действий, и не предпринимают никаких махинаций с пространством и временем, чтобы в считанные секунды оказаться на других планетах, где, согласно бредовым идеям "гениев" современной науки, должна быть еще более высокоразвитая цивилизация, чем наша земная.

ФИЗИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ

Надо различать логический (можно сказать - физический) и социальный аспект понятий времени. В первом аспекте предполагаются какие-то эмпирические (наблюдаемые, физические) события и их последовательность в качестве опорных точек для абстрагирования, осознания и измерения времени, но сами эти события не являются объектами исследования. В социальном же смысле предполагается, что время как-то осознается людьми, принимается во внимание и измеряется, но внимание ориентируется на реальную жизнь людей во времени. Рассмотрим это на понятиях прошлого, настоящего и будущего.

В физическом аспекте вводятся и употребляются понятия одновременности и последовательности событий во времени (раньше, позже). В разговорной практике, когда говорят о прошлом, имеют в виду события, имевшие место до времени, в которое говорят о прошлом и которое считают настоящим, а говоря о будущем, имеют в виду события после этого настоящего. При этом смысл временных понятий зависит от ситуации. Прошлым может быть вчера, прошлый год, прошлое столетие. Будущим может быть завтра, будущий год, будущее столетие. Настоящим может быть сегодня, текущий год, текущее столетие. В таком словоупотреблении термины времени обозначают именно время. Будем в таком случае говорить о прошлом, настоящем и будущем времени или о физическом прошлом, настоящем и будущем.

Для отношения прошлого, настоящего и будущего в социальном смысле мало сказать, что они следуют друг за другом во времени. Тут предполагается некий эмпирический субъект, который живет во времени, осознает свою жизнь во временном аспекте и как-то учитывает это в своей жизнедеятельности. Таким субъектом является человек и объединение людей, живущее как единое целое. Назовем его социальным субъектом. Для него прошлое, настоящее и будущее суть его жизнь в различные периоды времени, а не сами эти периоды времени, как таковые. Это - его состояния в физическом прошлом, настоящем и будущем. Различия этих состояний определяются не периодами времени, а факторами жизни социального субъекта. Он осознает свою жизнь, используя понятия времени, осуществляя деление времени и измеряя время. Но деление времени этим субъектом на прошлое, настоящее и будущее определяется не часами и календарем, а этими эмпирическими факторами. Оно может совпадать с календарными датами и может специально к ним приурочиваться, но как символическое явление или случайное совпадение. Будем в таком случае говорить о прошлом, настоящем и будущем состояниях социального субъекта или о социальном прошлом, настоящем и будущем.

Исходным для понимания социального прошлого, настоящего и будущего является понимание настоящего. Для социального субъекта физическое настоящее не есть лишь миг, не имеющий протяженности. Для него это - протяженный временной интервал, в котором он рассчитывает и совершает свои действия так, как будто время не уходит в прошлое и не приходит из будущего, как будто время есть нечто застывшее. Эту свою жизнь он считает настоящим по отношению к тем событиям в физическом прошлом, о которых он помнит или узнает от других, но которые не принимает в расчет в настоящем, а также по отношению к событиям, которые мыслимы в физическом будущем и с которыми он тоже не считается как с реальностью в его настоящем. Для него настоящее время неразрывно связано с его определенным состоянием, определенным образом его жизнедеятельности. Именно факторы этого состояния определяют границы его социального настоящего в физическом времени.

Социальным прошлым для данного социального субъекта является его состояние в физическом прошлом, которое уже не включается в его социальное настоящее, а

социальным будущим - его состояние в физическом будущем, которое еще не включается в его социальное настоящее, но предполагается, что оно придет на смену ему.

Грань между социальным настоящим, прошлым и будущим не является четко определенной и одинаковой для всех. У различных субъектов разделение социального времени различно. У одних и тех же субъектов это разделение имеет место по многим линиям, причем различно. Однако так или иначе образуются какие-то суммарные и символические рубежи. Они возникают не из физического времени, в котором в самом по себе ничто не возникает и никакого деления на части нет в силу самих наших логических средств фиксирования времени, а из событий в реальной жизни социальных субъектов. То, что данный субъект воспринимает как границы между его прошлым и настоящим и между настоящим и будущим, суть некоторые узловые пункты его эволюции во времени. Люди, повторяю, осознают свое социальное будущее не по часам и календарю, а по качественным переломам в их жизни. Они приурочивают эти переломы к символическим датам физического времени, что играет организующую роль в историческом процессе, а не просто роль точки отсчета времени.

УСТРЕМЛЕННОСТЬ В БУДУЩЕЕ

По мере прохождения физического времени социальное настоящее сдвигается в физическое будущее. Интервал физического будущего, включаемого в настоящее, может увеличиваться. Это означает, что люди все дальше и дальше заглядывают в физическое будущее, все больше в своей жизнедеятельности ориентируются на предполагаемые в будущем события, в наступлении которых они более или менее уверены. Они как бы устремляются в будущее. Для них ход исторического процесса как бы ускоряется. Но возможно и такое, что по мере перемещения социального настоящего в физическом времени граница физического прошлого, включаемого в социальное настоящее, остается той же или сдвигается настолько медленно, что расширение социального настоящего происходит в основном за счет физического прошлого. Ход исторического времени как бы замедляется. Возможно даже такое, что в настоящее начинают включать факторы еще более отдаленного прошлого, и тогда социальное настоящее как бы устремляется в прошлое. Возможно также такое, что у людей вообще не появляется или исчезает отношение к своему социальному бытию как к бытию в социальном времени. Их жизнь при этом есть бытие в бесконечно (в их восприятии) длящемся социальном настоящем. В этом случае возникает ситуация, которую можно считать остановкой исторического времени для данной человеческой общности. Физическое время при этом проходит, но люди не переживают свою жизнь как ориентированную в будущее. Подавляющее большинство народов, живших и живущих на планете, является именно таким.

Устремленность в будущее не есть некое ускорение физического времени - последнее невозможно логически, а значит, и эмпирически. Определите понятие ускорения, и вы сами заметите абсурдность применения его к самому времени. Это - определенное состояние социального субъекта. Оно - не извечное и всеобщее, а сравнительно молодое, исключительное и временное явление. Оно есть изобретение западноевропейской цивилизации. Запад не всегда был устремлен в будущее. Как и прочие, западные народы жили настоящим. Христианская религия вообще снимала проблему будущего как проблему социальную, отнеся ее в сферу загробного бытия и религиозной морали. Практические расчеты не выходили за рамки жизни в настоящем. Начало ориентации Запада на будущее относится, по всей вероятности, к эпохе Возрождения, когда будущее, как фактор

социальный, было из сферы потустороннего спущено на землю, в обычную человеческую жизнь в настоящем.

Возврат в физическое прошлое логически (а значит, и эмпирически, в реальности) невозможен. Время необратимо: если некоторый момент или интервал времени следует за другим относительно любого способа установления временного порядка событий, то невозможно, чтобы отношение интервалов переменялось на противоположное. В социальном же настоящем для данного социального субъекта возможно оживление и возрождение явлений, которые считались явлениями социального прошлого, так что эволюция этого субъекта воспринимается как устремленность в социальное прошлое.

Повторяю, никакого ускорения, замедления, остановки и обратного хода физического времени не происходит. Тут в жизни социальных субъектов происходит нечто такое, что связано с их памятью о прошлом, со способностью сохранять традиции и избегать новшеств, со способностью предвидеть будущие события и последствия своей деятельности, со способностью считаться с ними в их настоящем. Это происходит в их социальном настоящем, которое может охватывать жизнь множества поколений в течение десятилетий, столетий и порою тысячелетий.

Высочайшего уровня устремленность в будущее достигла в Советском Союзе в сталинские годы. Основная масса населения жила будущим в полном смысле слова. Подчеркиваю, не просто мечтала (мечтали-то не все, и даже не большинство, а немногие!), именно жила. Весь образ жизни их был построен так, что исследователь, наблюдающий их как независимое от него, объективное явление бытия, должен был бы обнаружить фактор устремленности в будущее (для наблюдаемых людей, а не для исследователя!) как существенный социальный фактор, игнорируя который он не смог бы объяснить поведение этих людей. В послесталинские годы начался этот спад в этом отношении. К концу брежневского периода спад завершился идейным кризисом советского общества и после 1985 года полным идейным крахом. В посткоммунистической России устремленность в будущее вообще исчезла как социально значимое явление.

Развитие коммунистического социального строя в Советском Союзе в большой степени стимулировало устремленность в будущее во многих странах мира, включая западные страны. Коммунизм становился реальным образцом для многих народов и реальной угрозой существованию западного образа жизни. С этой угрозой приходилось считаться как с явлением из потенциального будущего. Осознавали люди это или нет, фактически их жизнь как массовое и целостное образование так или иначе пропитывалась этим фактором. После Второй мировой войны угроза усилилась и породила "холодную войну", которая по силе устремленности в будущее сопоставима с такой устремленностью в Советском Союзе в сталинские годы. Этот процесс наложился на экономический, научно-технический, культурный и т. д. прогресс на Западе. Проблема будущего приобрела такой вид и заняла такое место в общественном сознании и во всем образе жизни на Западе, какого не наблюдалось тут до сих пор. Западное общество в своем переживании времени устремилось в будущее настолько, что потеряло способность удерживать в сознании и в самой жизни мелькающее настоящее. Идея некоего исторического ускорения времени овладела умами и чувствами миллионов людей, приняв идеологически извращенные и гипертрофированные формы и размеры.

Победа Запада в "холодной войне" не принесла успокоения. Наоборот, идея ускорения хода истории приняла шизофренический характер, заразив все человечество. Поскольку Запад похоронил самую надежду на некое светлое коммунистическое будущее и приоткрыл завесу, скрывающую реальное будущее, в мире началась своего рода историческая паника. Миллиарды людей ринулись приспособливаться в жизни в их настоящем в соответствии с

представлениями о надвигающемся реальном будущем и с тревогой за судьбу своих потомков в нем.

Как реакция на это состояние, усилилась и противоположная ему устремленность в прошлое. Произошла как бы дифференциация человечества в его отношении к социальному времени на устремленных в будущее и устремленных в прошлое. От того, какая тенденция восторжествует, зависит судьба человечества. На мой взгляд, Запад перехватил у коммунистического мира инициативу в устремленности в будущее, придав самой устремленности свой вид.

Будучи порождена характером настоящего данного социального субъекта, устремленность в будущее становится одним из факторов, стимулирующих эволюцию этого субъекта. Ослабление и исчезновение устремленности в будущее является признаком стагнации социального субъекта.

ПРОГНОЗЫ БУДУЩЕГО

Предсказания или прогнозы будущего суть суждения (высказывания, утверждения), которые обладают такими признаками. Во-первых, в них говорится, что что-то будет иметь место или произойдет в будущем. Во-вторых, они относятся к числу эмпирических суждений, т. е. таких, которые подтверждаются или опровергаются не путем логического доказательства, а путем сопоставления с эмпирической реальностью. Они высказываются во время, когда такая реальность еще не существует. Это означает, что в это время они не являются ни истинными, ни ложными. Они в это время оцениваются как обоснованные или необоснованные, как более или менее вероятные, как более или менее надежные, как принимаемые на веру. Когда наступает время, к которому они относятся, то говорят, что они подтверждаются или не подтверждаются, сбываются или не сбываются, сбываются приблизительно или частично. Если прогноз сбылся, это не означает, что он был истинным в то время, когда высказывался. Если прогноз не сбылся, это не означает, что он был ложным во время, когда он высказывался. Да и во время, к которому относится прогноз, его нельзя оценивать как истинный или ложный. Только лишив его статуса прогноза, т. е. изъяв из него суждение о данной реальности, можно такое суждение оценивать как истинное или ложное.

Не любые суждения, в которых фигурирует будущее время, суть прогнозы. Например, суждение "А хочет в будущем году поступить в университет" относится вроде бы к будущему. Но оно не есть прогноз, так как оно на самом деле относится к настоящему и может быть проверено путем обращения к существующей реальности: для этого достаточно спросить Иванова, собирается он в будущем году поступать в университет или нет. А вот суждение "А в будущем году поступит в университет" есть прогноз, ибо будущий год еще не наступил и доказать логически это суждение невозможно. Суждение же "А в будущем году либо поступит, либо не поступит в университет" не является прогнозом, так как оно логически истинно, т. е. истинно в силу свойств логических операторов "либо" и "не" и может быть логически доказано.

Прогнозы различаются по многим признакам, в том числе - по содержанию, по степени обоснованности, по методам обоснования. Одно дело - предсказание моды женской одежды в предстоящем сезоне, и другое дело - предсказание состояния человечества через сто лет. Одно дело - гадание о будущем по линиям на руке или по звездам, и другое дело - расчеты с использованием современной информационной технологии и с участием большого числа квалифицированных специалистов.

Степень обоснованности прогнозов колеблется в диапазоне от нуля до единицы, часто достигая нуля и никогда не достигая единицы. Она зависит от многих факторов, в том числе от характера объекта предсказания, от имеющейся информации, от отдаленности времени, к которому относится предсказание, от данных науки и т. п. Человеческое поведение основывается на прогнозах достаточно высокой степени надежности, но эти прогнозы сравнительно примитивны, и обоснованность их обычно не выражается явно или вообще сводится к привычке.

Надо различать степень обоснованности прогнозов и степень доверия к ним людей. Одни прогнозы люди воспринимают как бесспорные, в других сомневаются, а в третьи вообще не верят. При этом степень доверия к прогнозам зависит не столько от степени их обоснованности, сколько от субъективного отношения людей к тому, что, как и кем предсказывается. Люди чаще верят в нелепые и необоснованные прогнозы, сильно воздействующие на их сознание и чувства, соответствующие их желаниям, ожиданиям, опасениям и т. п., чем обоснованным предсказаниям, не соответствующим их умонастроениям и способностям понимания. В наш век баснословных научных открытий массы образованных людей больше верят средневековым и современным шарлатанам и всякого рода демагогам, чем трезво мыслящим ученым. Феномен Кассандры сохраняет силу и в наше время. Всеобщая враждебность к научной истине в отношении социальных явлений есть один из самых поразительных (для меня) феноменов нашего времени, сопоставимый с аналогичной враждебностью к науке вообще в эпоху средневекового мракобесия.

Прогноз будущего с таким "поворотом мозгов", о котором речь идет в этой книге, руководствуется такими методологическими установками. Прежде всего должен быть четко выделен социальный субъект (в рассмотренном выше смысле). Для нас это - наиболее развитые в социальном отношении человеческие объединения, играющие решающую роль в социальной эволюции человечества и в отношении которых есть основания предположить, что они эту роль не упустят в обозримом будущем.

Социальное будущее данного субъекта есть результат двух совокупностей факторов. К первой совокупности относятся факторы социального настоящего, материал субъекта и объективные социальные законы (о них речь специально пойдет ниже). С этой точки зрения социальное будущее есть реализация тенденций и потенций настоящего. В этом, и только в этом смысле будущее предопределяется настоящим. В этом, и только в этом смысле будущее предсказуемо с нашим "поворотом мозгов".

Ко второй группе факторов, о которых идет речь, относятся такие, которые не зависят от настоящего и не содержатся в нем. Их невозможно обнаружить путем анализа настоящего, поскольку их там вообще нет. От этих факторов зависит то, в какой мере и в какой форме реализуются потенции и тенденции настоящего, как будет жить материал настоящего, в какой форме проявляются объективные социальные законы. В этом смысле будущее не предопределено настоящим и не может быть предсказано с нашим "поворотом мозгов". Более того, исследование с такой ориентацией должно сознательно отвлекаться от факторов второй совокупности. Так что его результат может быть лишь условным. С логической точки зрения результат этот будет иметь такой вид: если рассмотренные в прогнозе тенденции и потенции настоящего не встретят серьезного препятствия в своем дальнейшем действии, то результатом их развития будет то-то и то-то. Ход исторического процесса может быть нарушен и прерван непредвиденными обстоятельствами, но это не будет опровержением прогноза такого логического типа.

Во всех известных мне прогнозах будущего социальных явлений будущее рассматривается как нечто статичное, как раз навсегда данное, как свершившееся, т. е. вне времени. Такой подход оправдан в отношении индивидуальных событий, интересующих

нас исключительно с одной точки зрения - совершаются (происходят) они или нет. Это, например, результат выборов президента или парламента, начало или исход войны. Но он непригоден в тех случаях, когда прогноз касается социальных субъектов, которым предстоит жить в будущем длительное время, - когда прогноз касается социального будущего. Социальное будущее есть явление в физическом будущем относительно времени, когда делается прогноз. Но оно станет социальным настоящим для социального субъекта, к которому относится прогноз. В том будущем состоянии этот субъект будет воспроизводиться, изменяться и эволюционировать во времени. То, что решающим образом определит это состояние данного субъекта в его будущей жизни, зарождается и до известной степени формируется в его социальном настоящем. Задача прогноза в этом случае - не просто предсказать, произойдет что-то или нет, а в том, чтобы выяснить, на какой основе будет происходить жизнь интересующего нас субъекта в социальном будущем.

При такой ориентации исследования главная задача социального прогноза состоит не в гадании по поводу того, что будет в будущем такого, чего нет в настоящем, а в выделении в современной социальной реальности того эмбриона будущего, которого человечество уже носит в своем чреве, т. е. в установлении и описании социальных явлений, уже зародившихся и существующих в настоящем и имеющих шансы сыграть решающую роль в будущей судьбе человечества.

ПРОЕКТЫ БУДУЩЕГО

Коммунисты не просто высказывали идеи относительно устройства человеческих объединений в будущем, но и выдвигали проекты переустройства реальности в соответствии с их идеалами. Особенно отчетливо это выразил Маркс. Он превратил проблему думания о будущем в проблему делания будущего по заранее придуманному проекту. Мыслители, говорил он, до сих пор стремились объяснить мир, задача же состоит в том, чтобы изменить его. Маркс и его последователи (особенно Ленин) разработали программу и стратегию преобразования социальной реальности по своему проекту.

И это были не только слова. XX век был веком колоссальных успехов реального коммунизма. Последний стремительно овладевал планетой, угрожая существованию западного мира. Он на самом деле имел шансы стать будущим для всего человечества, как предсказывали коммунисты. Опасения одних и надежды других, что именно так и будет, доминировали в умонастроениях человечества. Победа западного мира в "холодной войне" против Советского Союза и возглавлявшегося им коммунистического мира, я полагаю, положила этому конец. Во всяком случае, надолго отложило реализацию этого идеала.

Западные футурологи и в этом отношении последовали примеру марксистов. Они занялись не только прогнозированием будущего, которое им представлялось, естественно, не в коммунистическом, а в западообразном виде, но также разработкой проектов будущего и стратегии их осуществления. Возникли специальные учреждения для этого. Стали проводиться конференции на эту тему и публиковаться всякого рода материалы.

Деятельность футурологов в этом направлении, имея много общего с деятельностью коммунистов, отличается от нее по ряду признаков. В коммунистическом учении был один проект, в футурологии - множество. Коммунистический проект видел причину всех зол в социальном строе западных стран, видел спасение от этих зол и достижение всеобщего благоденствия в новом социальном строе, главный источник достижения этого - в совершенствовании социальных отношений, человека и условий труда. Футурологические проекты игнорируют социальный строй вообще или обращают внимание лишь на его

отдельные проявления, оставляя без внимания их причины. О переделке социального строя в них нет даже намеков - этот строй предполагается вечным и в основе своей неизменным. Главное средство преодоления всех зол и установления всеобщего благоденствия усматривается в научном и техническом прогрессе. Они исходят из убеждения, будто западный мир обладает технической и экономической мощью, достаточной для осуществления задуманных проектов. Коммунистический проект сыграл идеологическую роль в возникновении коммунистических обществ. Но последние оказались весьма далекими от проекта. То же самое происходит с футурологическими проектами. Они возникают и функционируют как часть западной идеологии, как-то влияя на творцов истории. Но создаваемое благодаря усилиям этих творцов здание человечества оказывается лишь внешне и лишь по второстепенным признакам похожим на то, как оно изображается и проектируется футурологами.

Хотя различие прогнозов и проектов будущего кажется само собой разумеющимся, практически они смешиваются. Проект будущего может включать в себя элементы прогноза, и наоборот. Тем не менее это - различные явления как с логической, так и с социологической точки зрения. Прогноз есть явление в сфере познания, а проект - в сфере практической деятельности людей.

Действия людей в соответствии с заранее намеченными планами (проектами) того, что они собираются создавать и вообще делать, есть обычное явление в человеческой жизни. Но в нашем случае речь идет о проектах социальных, причем касающихся больших объединений людей, и даже всего человечества, и требующих для своей реализации огромных усилий большого числа людей в течение длительного времени. Самым грандиозным проектом такого рода в истории человечества является марксистский проект будущего коммунистического общества. В попытку реализации его была вовлечена чуть ли не половина человечества. И пока еще рано говорить, что эта попытка провалилась полностью.

Социальный проект будущего в принципе не может быть наукой. Наука в данном случае может появиться только как опытная, т. е. исходящая из факта существования человеческого объединения в реальности, а не только на бумаге. А проект создается тогда, когда такого объекта в реальности нет и нет стопроцентной гарантии, что он будет создан и создан именно таким, каким проектируется. Опыт реализации коммунистического проекта показал, что объект, создаваемый по данному проекту, в силу условий и объективных социальных законов оказывается весьма далеким от проекта. У людей вообще возникает сомнение в том, что это и есть неизбежная реальность воплощения проекта в жизнь. Построить новое общество - это не дом построить!

При построении социального проекта наука может использоваться, как это произошло с марксистским проектом, но лишь в той мере, в какой она подкрепляет соблазнительные обещания изобретателей проекта. Предвидение последствий реализации проекта ограничено интересами вовлечения масс людей в деятельность по преобразованию их объединения. Если людям сообщать все то, что может предвидеть научное исследование в отношении последствий реализации проекта, он успеха иметь не будет. С этой точки зрения социальный проект есть явление идеологическое. Он играет роль средства манипулирования большими массами людей.

ДЕЛАНИЕ БУДУЩЕГО

Отдельно взятые сознательные действия людей характеризуются наличием цели, плана и управляемости. Разумеется, все это - в той или иной степени. Множества сознательных

действий множества людей, как-то связанных в единое целое и совершающихся во временной последовательности, образуют социальные процессы. Эти процессы можно рассматривать с точки зрения целенаправленности, плановости и управляемости. При этом предполагаются какие-то люди или объединения людей, которые определяют цели процессов, строят планы (проекты) достижения целей и предпринимают сознательные действия, имеющие целью управление людьми для осуществления этих планов. Когда такие свойства процессов выражены слабо или отсутствуют совсем, мы говорим, что такие процессы происходят как стихийные или как естественно-исторические. Когда степень целенаправленности, плановости и управляемости процессов оказывается достаточно высокой, мы говорим, что они являются сознательными.

Все известные теории социальной эволюции исходили из явного или неявного взгляда на эволюцию человечества как на стихийный, непланируемый, неподконтрольный воле и сознанию людей естественно-исторический процесс. Этот взгляд сложился, когда люди слишком мало знали о закономерностях своей социальной жизни и имели слишком мало средств оказывать заметное влияние на ее эволюцию и контролировать эту эволюцию. Силы человечества еще были не настолько велики, чтобы допустить самую мысль о возможности сознательного управления ходом истории. Вернее, такая мысль возникала только в сказках, в религиозных учениях и в головах облеченных властью фанатиков. Человечество было раздроблено на огромное число враждующих объединений, и мысль о мировом единстве выглядела неосуществимой утопией. Существовали регионы с высокой степенью автономности эволюции. На значительные эволюционные перемены требовались века и даже тысячелетия. Даже марксизм, выдвинувший идею переделки социальной организации человеческих объединений в соответствии с заранее построенным проектом, фактически разделял рассматриваемый взгляд на эволюцию человечества. Он лишь приспособлял идею сознательной переделки мира к некоему естественному ходу истории в соответствии с некими объективными законами, действующими якобы в пользу трудящихся.

Эти типы процессов имеют общие черты. Но и различаются с точки зрения социальных законов, доминирующих в них. В отношении планируемых и управляемых процессов доминирующими являются осознаваемые законы постановки целей, планирования и управления действиями множеств людей, вовлекаемых в них. В отношении стихийных (естественно-исторических) процессов доминируют неосознанные социальные законы, имеющие силу в отношении множеств действий людей в пространстве и времени, и в их числе - законы диалектики и социальной комбинаторики, о которых мы говорили выше.

В истории человечества происходило увеличение степени сознательности действий, а также масштабов таких действий. Такой же прогресс имел место в отношении сознательных процессов. Увеличивались масштабы планируемых и управляемых процессов и увеличивалась их роль в жизни людей. В наше время прогресс в этом отношении оказался настолько грандиозным, что охватил эволюцию человечества в целом, причем произошел качественный перелом на этот счет. Рассмотренный выше взгляд на социальную эволюцию стал анахронизмом. Человечество вступило в эпоху, когда эволюционный процесс стал происходить в значительной степени не по своему капризу, не стихийно. Сознательный и планомерный элемент в нем приобрел такую силу, что стал доминирующим в комплексе факторов эволюции. В связи с тем, что теперь в эволюционный процесс вовлекаются гигантские массы людей в качестве активных участников событий и гигантские ресурсы, субъективные факторы эволюции приобрели неизмеримо большее значение, чем раньше. Возросла степень запланированности, изученности и осознанности социальных явлений и поведения людей, возросла степень контроля за ходом процессов и следования планам. Неимоверно усилились средства манипулирования массами людей и коммуникации, а

также средства решения проблем большого масштаба. Возникли бесчисленные проблемы, которые в принципе не могут быть решены сами по себе, без участия огромных интеллектуальных сил и без использования огромных материальных средств (экологические и демографические проблемы, например). Все это в совокупности дало новое качество в самом характере эволюции человечества. Степень непредвиденности и неожиданности исторических событий резко сократилась сравнительно с резко возросшей степенью предсказуемости и запланированности. "Холодная война" Запада, возглавляемого США, против коммунистического Востока, возглавляемого Советским Союзом, была с самого начала запланированной операцией, а по затратам, размаху и результатам грандиозной операцией глобального масштаба. В ней было много незапланированного, непредвиденного и неподконтрольного, что неизбежно даже в мелких операциях. Но в целом и в главном, в определяющих ход процесса решениях стратегов войны она была именно такой, как я сказал выше. А самой грандиозной попыткой планируемой и управляемой социальной эволюции был коммунистический эксперимент в Советском Союзе. Чем бы он ни кончился, он оказал неизгладимое влияние на эволюцию всего человечества. Происходящий на наших глазах эволюционный перелом происходит именно как сознательное и планируемое стремление организовать все человечество по принципам западнизма и под эгидой Запада. Он происходит с использованием баснословных ресурсов, какие были немыслимы даже в первой половине века. Причем происходит настолько успешно, что уже возникла иллюзия полной подвластности хода истории воле и желаниям его вдохновителей и исполнителей.

В сознательно проектируемом и делаемом по этому проекту будущему используется наука. Но какая наука и как используется? Научного понимания западнизма нет и вряд ли когда-либо будет в распоряжении творцов истории. Нет и научного понимания создаваемого человеческого объединения, поскольку оно еще не создано, а то, что строится, научному изображению вообще не подлежит. Но есть совокупность знаний о том, как разрушать те или иные нежелательные социальные системы. Так, во второй половине XX века развилась советология, сыгравшая большую роль в разрушении Советского Союза и советского коммунизма. В ней не было никакого научного понимания коммунистического социального строя. Но оно и не требовалось. Более того, оно даже мешало. Чтобы убивать китов, не требуется биологическая наука о животных, нужна наука обнаружения, убийства и разделывания китов. В науку о строении и образе жизни китов не входит описание гарпуна и способа оперирования им.

Помимо науки разрушения, складываются науки созидания человеческих объединений в соответствии с практическими интересами созидателей и с конкретными условиями созидания, скажем практические науки. Так, реальный коммунизм в Советском Союзе не был построен в строгом соответствии с марксистским проектом и не в соответствии с научным подходом к коммунизму, а в соответствии с конкретными условиями страны и планами строителей. Пятилетние планы (пятилетки) не были проектами общества и фрагментами науки о нем. Это были конкретные планы деятельности, подобные проектам домов, заводов, каналов и т. п., только более грандиозного масштаба. Они имели конкретные цели. Масштабы и характер их целей придавали им видимость реализации социального проекта. Но при этом создавалось нечто такое, чего не было ни в каком проекте, а то, что напоминало социальный проект, в реальности оказывалось чем-то качественно иным. Опыт практической деятельности, однако, закреплялся как особая наука и использовался в новых планах и их свершениях.

В сознательном делании будущего используются, далее, многочисленные науки, касающиеся различных явлений природы, людей и отдельных явлений человеческой жизни. Это общеизвестно и очевидно. Наконец, и отдельные элементы научного понимания

социальных явлений используются так или иначе в составе всего того интеллектуального материала, который участвует в делании будущего. Можно сказать, что эти элементы научности содержатся в "растворенном" виде в этом материале, в который включается и идеология. Люди "глотают" частички научности, "пожирая" совсем не научную интеллектуальную "пищу", подобно тому, как они поедают витамины в составе привычной пищи, не подозревая об этом или не выделяя витамины из массы еды.

Сказанное выше вовсе не означает, будто роль объективных социальных законов становится менее важной или исчезает совсем. Возрастает роль субъективных факторов, имеющих свои объективные законы. И роль последних возрастает. Их действие становится близким к их абстрактному описанию и к действию законов природы. Например, раньше казалось, что чем больше и сложнее объединение людей, тем менее оно контролируемо. Это убеждение сложилось на основе условий своего времени. Тогда не принимали во внимание стремительный прогресс средств сбора, обработки и распространения информации, прогресс средств коммуникации, прогресс средств манипулирования массами людей и других факторов контроля за людьми. А в результате совокупного действия этих факторов степень контролируемости человеческих объединений резко возросла. Но это, повторяю, не означает, будто история стала жертвой произвола каких-то сил. Проектируемая и управляемая история имеет свои объективные законы, отличные от стихийного исторического процесса, но все-таки законы. И следствием этих законов является, как бы парадоксально это ни выглядело на первый взгляд, возрастание степени вынужденности социальных действий людей и степени предопределенности эволюции человечества. Творцы истории оказываются в гораздо большей мере детерминированными в своей деятельности по проектированию истории, чем ранее. Они сами управляются тем рулем истории, с помощью которого они управляют историей, в гораздо большей мере, чем их предшественники. Президенты могущественных стран нашего времени, наделенные колоссальной властью, не могут позволить себе капризы, бывшие обычными для королей и императоров прошлого.

Рост сознательно-волевого аспекта социальности вполне уживается с ростом степени принудительности и непослушности исторического процесса в целом ряде его аспектов. Если бы во власти людей было исключить преступность, нищету, инфляцию, безработицу, войны и прочие общеизвестные язвы современного общества, они сделали бы это. Но пока это не в их силах. Приобретая власть над одними явлениями, люди порождают другие неподвластные им явления.

Современный человек есть эмпирическая система из огромного числа различного рода явлений. Для ее нормального существования требуется определенная мера того, что привносится сознательно-волевой деятельностью людей (скажем, искусственности), и того, что складывается само собой, независимо от этой деятельности (скажем, естественным путем). Для элементов системы требуется известная непредопределенность, свобода случайного выбора, достаточно широкий диапазон вариаций и колебаний (скажем, лифт). Это нужно в интересах самоорганизации, для сглаживания ущерба, привносимого сознательно-волевой, но отнюдь не всегда разумной активностью людей. В современном западном мире это условие уже нарушено. Тут происходит нечто подобное тому, что происходит с мощной рекой, загоняемой в бетонное русло и перегораживаемой плотинами. Какой-то прок от этого, конечно, есть - не зря же это делается. Но и потери неизбежны. Порою потери превосходят приобретения. В отношении проектируемой и управляемой истории потери уже начинают пересиливать приобретения.

Не все то, что планируется и делается для осуществления планов, делается к лучшему, на благо людей. Человечество и входящие в него объединения людей не есть нечто однородное. Интересы людей и их объединений различны, зачастую противоположны.

Проектируемость и управляемость эволюции в реальности осуществляются в борьбе враждебных сил, в пользу одних и во вред другим, причем с точки зрения интересов и соотношения сил в настоящем, не считаясь с последствиями в будущем. В 1917 году в России начался грандиозный исторический эксперимент по созданию коммунистического общества, во многом оказавшийся успешным. Одновременно становилось все более очевидным, что самые соблазнительные идеалы коммунистического проекта практически невыполнимы, а те, которые оказались выполнимыми, порождали негативные следствия, непредусмотренные в проекте. Если советские коммунисты стремились перестроить весь мир по коммунистическому образцу, то после сокрушительного поражения советского коммунизма западный мир перехватил инициативу и начал преобразование образа жизни народов и стран планеты по своему, западному образцу. Но и он подвластен тем же самым объективным законам социальной эволюции, как бы велика ни была степень ее проектируемости и управляемости. Активные и могущественные творцы современной истории, действуя в своих интересах, упорно загоняют поток истории в ограниченное искусственное русло, исключая всяческими мерами неподконтрольные ответвления от основного течения. Тем самым они делают исторический поток predetermined, а значит, уже независимым от их воли. Задача их сознательно-волевой деятельности сводится теперь к тому, чтобы достроить до конца единственное искусственное русло исторического потока, охранять его, следить за тем, чтобы в нем не возникали трещины, чтобы какие-нибудь злоумышленники не проделали дыры в нем.

Средства массовой информации запугивают общество последствиями вторжения в биологический механизм наследственности людей и в механизм развития зародышевых клеток зрелых организмов. Но уже произошло нечто более страшное, а именно - люди вторглись в механизм социальной эволюции человечества. Разрушительные последствия этого вторжения дают знать о себе очевидным образом уже теперь, а о причинах их не говорится ни слова. Более того, выяснение этих причин и предание их широкой гласности является фактически запретным или настолько затрудненным, что те сведения, которые как-то доходят до сознания масс, остаются без всяких последствий.

ПОСЛЕДУЮЩЕЕ ИЗЛОЖЕНИЕ

В дальнейшем мы сначала рассмотрим социальный феномен, который я называю западнизмом. Западнизм вызрел в рамках западной цивилизации и стал основой, средой, условием, предпосылкой и т. д. эволюции западного мира в направлении сверхобществ западного (западнистского) типа. Описание западнизма будет, с одной стороны, описанием обществ в их самой развитой форме, а с другой стороны - описанием предпосылок западнистского сверхобщества. Затем мы рассмотрим эволюционный прорыв в будущее, осуществленный Советским Союзом, и советский коммунистический эксперимент, в котором черты сверхобщества обнаруживаются в самом простом и ясном виде, порою близком к лабораторному образцу. И в последней части книги мы рассмотрим западнистский путь к сверхобществу, уже достаточно явный и доступный для наблюдения. Я не рассматриваю попытку построения сверхобщества в гитлеровский период в Германии и других странах под властью Германии, поскольку она была гибридом коммунистического и западнистского вариантов и не успела оформиться достаточно определенно.

Часть четвертая

ЗАПАДНИЗМ

ТЕРМИН "ЗАПАДНИЗМ"

Словом "западнизм" я называю социальный строй современных стран западного мира. К числу этих стран относятся США, Франция, Германия, Англия, Италия, Канада, Австралия, Австрия, Бельгия и другие западноевропейские страны. Я не называю социальный строй этих стран словами "капитализм" и "демократия" потому, что слово "капитализм" характеризует эти страны лишь с точки зрения экономики, да и то односторонне, а слово "демократия" обозначает лишь одну из сторон политической системы этих стран. К тому же эти слова стали многосмысленными идеологическими выражениями, а не научными терминами. Реальный социальный строй современных западных стран содержит элементы капитализма и демократии, но не сводится к ним. Он есть нечто большее. За последние пятьдесят лет с ним произошли настолько значительные изменения, что слова "капитализм" и "демократия", с которыми прочно связано привычное содержание, уже не характеризуют его достаточно адекватно. Нейтральное слово "западнизм" мне представляется более подходящим. Что из себя представляет западнизм как определенный тип социального строя (социальной организации) человекика, мы и рассмотрим в этой части книги.

Общества западнистского типа сложились и завоевали лидирующее положение в человечестве благодаря усилиям народов западноевропейских. При этом более или менее одновременно сформировались французы, немцы, англичане, итальянцы и другие народы. Они сформировались в составе единой западноевропейской цивилизации. У них выработались сходные черты, позволяющие говорить о народах и о людях западнистского типа. Назовем их западоидами.

Все авторы единодушно отмечают такие черты западных народов (народов из западоидов). Повышенная склонность к индивидуализму. Высокий интеллектуальный и творческий уровень (сравнительно с другими народами, конечно). Изобретательность. Практицизм. Деловитость. Расчетливость. Конкурентоспособность. Авантюристичность. Любознательность. Эмоциональная черствость. Холодность. Тщеславие. Повышенное чувство собственного достоинства. Чувство превосходства над другими народами. Высокая степень самодисциплины и самоорганизации. Стремление управлять другими и способность к этому. Способность скрывать чувства. Склонность к театральности. Почти все они в той или иной мере побывали в роли завоевателей и колонизаторов. Читатель должен вспомнить то, что выше говорилось о соотношении качеств народа в целом и качеств отдельных его представителей. Упомянутые качества западоидов не присущи каждому из них по отдельности. Они "растворены" в массе их. Люди западоидного типа и качества западоидности встречаются у всех достаточно больших и сравнительно развитых народов. Но у западных народов процент людей с качествами западоидов и концентрация

"раствора" западоидности выше, чем у других народов, причем величина этого "выше" оказалась достаточной, чтобы образовать качественное отличие.

Упомянутые свойства существовали у предков западоидов в виде каких-то природных задатков. Люди с такими задатками оказались жизнеспособными. Со временем число их росло. Они становились примером для других, культивировали эти свойства у своих детей. Эти свойства доказывали свою полезность и выгоду для отдельных людей и их объединений в целом. Происходил процесс, подобный выведению культурных растений и животных. Только тут активными деятелями процесса были сами выводимые существа. Потом вступили в дело средства воспитания, образования, обучения, идеологии, пропаганды, культуры. Они сделали селекционный стихийный процесс сознательным и целенаправленным. В результате сформировался человеческий материал, благодаря которому западная цивилизация стала самой значительной в истории человечества, породила самые высокоразвитые общества и заняла лидирующее положение в современном эволюционном процессе человечества.

В свое время люди выделились из животного мира и возвысились над ним в эволюции живой материи. В рассматриваемом же здесь случае произошло выделение части человечества из его массы и возвышение этой части над ней. Такие тенденции и попытки имели место и в других частях человечества и имеют место до сих пор - это общая закономерность эволюционных процессов большого масштаба. Без "вертикального" структурирования материи вообще немыслимо никакое развитие, никакой эволюционный прогресс.

Общества западнистского типа сложились и завоевали лидирующее положение в эволюции человечества благодаря той материальной культуре, которую создали западоиды общими усилиями. Она почти на сто процентов определила прогресс материальной культуры человечества в последние несколько столетий. Теперь и в обозримом будущем она не имеет серьезных конкурентов на планете. В основе ее возникновения и развития лежит научное познание мира и технические изобретения, опирающиеся на результаты науки.

Считается, будто научно-технический прогресс нашего времени целиком и полностью заслуга капитализма. Это - идеологическое заблуждение. Конечно, капитализм участвовал и участвует в этом прогрессе, но как один из его факторов наряду с другими. Двигателями его являются также интересы государства, подготовка к войнам и к обороне, рассмотренные выше качества человеческого материала, сложившийся образ жизни и внутренние закономерности самой сферы познания, превратившейся в современных обществах в одну из важнейших сфер жизнедеятельности общества. В значительной мере эта сфера теперь сама задает тон в общественном прогрессе, порождая новые потребности и новые средства их удовлетворения. И теперь трудно порою сказать, какой фактор играет более важную роль - предпринимательство, как таковое, или научно-технический комплекс. Возникновение технократической социальной концепции, очевидно, нельзя считать случайностью.

Возникновение и развитие западнизма, в свою очередь, способствовало прогрессу человеческого материала и материальной культуры. Влияние было взаимным. Эволюционный круг замкнулся. Определяющим фактором эволюции стала социальная организация западнизма.

ЗАПАДНИСТСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Сфера государственности западных стран огромна по числу занятых в ней людей (нанимается от пятнадцати до двадцати и даже более процентов работающих граждан), по затратам на нее общества и по месту, которое она занимает в жизни членов общества. О ней существует необъятная литература. Суждениями о ней переполнены сообщения средств массовой информации. Западная идеология и пропаганда буквально буйствует, прославляя ее. Описания ее можно найти в бесчисленных справочниках, учебниках и специальных монографиях. И в этом океане слов процентов девяносто (если не больше) занимает то, что посвящено демократии. Если западнистскую экономику определяют одним словом "капитализм", то западнистскую государственность определяют одним словом "демократия". Во время "холодной войны" и особенно после поражения советского коммунизма это слово фактически приобрело статус святости.

ДЕМОКРАТИЯ

Что же такое демократия? Можно найти десятки различных явных и неявных определений ее в сочинениях западных авторов, включая выдающихся. Демократия, пишет, например, один такой мыслитель, есть открытое и плюралистическое общество, в котором можно выражать несовместимые взгляды и бороться за достижение конфликтующих целей. Здесь каждый свободен исследовать проблемную ситуацию и предлагать свое решение. Каждый свободен критиковать предложения других. Политика правительства меняется под влиянием критики. Возможно смещать людей у власти в течение разумного времени и без насилия заменять их другими. Возможно альтернативное правительство, причем путем свободных выборов. Имеется возможность повышать жизненный уровень населения, минимизировать страдания и недостатки, максимизировать счастье. У другого мыслителя демократия рассматривается и как защита от тирании, и как мирная передача власти, и как средство защиты свободы личности, и как особая процедура принятия правительственных решений. Утверждается, что демократия возможна только в рамках капитализма. Третий мыслитель характеризует демократию как средство защиты общества от произвола политических лидеров и от засилия бюрократии. Четвертый считает демократию средством образования эффективного и ответственного правительства. По его мнению, демократия дает возможность заместить данного политического лидера или правящую партию другими. В демократии, считает пятый, правительство ограничено в своих решениях и действиях. Общество признается плюралистическим. Правительство правит в интересах всех, а не отдельных групп. Меньшинство имеет шансы стать большинством. Имеется избираемый представительный орган власти. Имеется социальная и экономическая оппозиция власти, включая частные фирмы и их объединения, рыночный механизм, профессиональные ассоциации, политические партии. Имеет место разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную, разделение в рамках законодательной власти и разделение на федеральную и локальные власти.

Приведу еще несколько определений, встретившихся мне в сочинениях крупных специалистов. Демократия есть власть, осуществляемая населением страны (народом) как целым. Представительная демократия заключается в том, что граждане выбирают своих представителей, которые правят в их пользу и ответственны перед ними. Демократия есть политическая система, в которой обычные граждане контролируют правящую элиту и оказывают на нее давление посредством выборов, политических партий, неформальных и формальных групп, прессы, демонстраций, петиций. Демократия есть возможность для

граждан свободно участвовать в принятии политических решений, влияющих на их жизнь. Демократия есть политическая система, в которой власть исполняется с согласия управляемых. Демократия есть управление в рамках правил, установленных с согласия управляемых, в рамках правосудия и справедливости. Демократия есть социально-политическая система, в которой каждый индивид или группа может полностью и свободно выразить свое мнение по обсуждаемым проблемам. Демократия есть политическая система с выборной представительной властью, многопартийностью, плюрализмом, оппозицией, публичностью действий власти.

Одним словом, термин "демократия" не является термином научным в силу аморфности его смысла и многосмысленности даже в рамках сочинений одних и тех же авторов. Он является характерным термином идеологии. Употребляя его, различные люди вроде бы имеют в виду один и тот же объект, но при этом видят его с различных сторон, понимают его различно, испытывают к нему различные чувства и имеют различные цели при его описании. И, как правило, в одну кучу сваливаются различные социальные феномены, невольно или умышленно запутывая довольно тривиальные проблемы. Характерный пример этому можно было видеть в России после 1985 года, где договорились до того, что признаки демократии стали усматривать даже в выборе царя, наделяемого самодержавной властью.

Я считаю, что надо различать прежде всего демократию как элемент государственности (государственную демократию) и демократию как совокупность правовых норм (правовую или гражданскую демократию). В рамках же государственной демократии надо, в свою очередь, различать способ формирования власти, ее структуру и функционирование, т. е. выборность органов власти, разделение властей, публичность работы власти (гласность), официальную оппозицию, многопартийность и другие явления западной государственности, в той или иной форме и комбинации фигурирующие в различных определениях демократии. Гражданская демократия включает в себя правовые нормы, декларирующие общеизвестные права человека и демократические свободы, разработанную на этой основе систему правовых норм, обеспечивающих правовую защиту граждан общества и их объединений, и совокупность учреждений, обеспечивающих соблюдение этих норм на деле.

Между государственной и гражданской демократией имеет место генетическая связь: они родились как две стороны единого явления - западной демократии. Формально решающим событием ее рождения является учредительное собрание (или совокупность таких собраний) представителей народа, которые принимают совокупность правовых норм, определяющих и узаконивающих основы социальной организации нового общества, - конституцию или совокупность равносильных ей документов, а также примыкающие к ним имеющие конституционную силу дополнения.

Апологеты западнизма превозносят западную демократию как образец демократии вообще. Критики же, наоборот, полагают, будто она не есть подлинная демократия или даже совсем не демократия. Я же считаю, что как то, на что обращают внимание одни, так и то, на что обращают внимание другие, суть признаки одного и того же явления, причем признаки, взаимосвязанные так, что достоинства с необходимостью порождают недостатки, а ликвидация недостатков невозможна без потери достоинств. А как называть это явление - демократией или недемократией, дело второстепенное.

Напомню читателю о том, что я говорил о необходимости различения социальных законов и форм их проявления (в разделе о социальных законах). Западнистская демократия именно такова, как об этом говорят ее апологеты. Только это - абстрактное, идеализированное ее описание, отражающее ее абстрактные законы. Это описание должно быть дополнено описанием того, в каких конкретных формах эти законы проявляются в

реальности. На отдельные примеры таких проявлений указывают критики, но они считают их отступлениями от принципов демократии, а не реализацией этих принципов в конкретных условиях. Как говорится, наши недостатки суть продолжения наших достоинств.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Демократия не исчерпывает западнистскую государственность. Она есть лишь часть последней. Она на виду, бросается в глаза, выгодно отличает западнистскую государственность от других ее видов. Потому западная идеология и пропаганда раздувает ее так, что создается впечатление, будто ничего другого нет или по крайней мере все прочее играет второстепенную роль. А между тем в западных странах имеется мощная и довольно стабильная часть государственности, которая находится вне демократической части. Она состоит из административно-бюрократического аппарата, полиции, судов, тюрем, армии, секретных служб и многочисленных учреждений и организаций, так или иначе связанных с государством и работающих на него. В этой части в западных странах занято от пятнадцати до тридцати процентов работающих граждан (численные данные колеблются). Это - самая грандиозная в истории человечества система государственности как особой сферы жизни общества.

Демократическая часть государственности западнизма не есть нечто такое, что вырастает независимо от недемократической части, как полагают некоторые ее апологеты - прямо из капитализма. Она возникает и существует в неразрывной связи с недемократической частью и в принципе невозможна без нее. Она ничто без недемократической части (без государственной администрации, без полиции, без судов, без тюрем, без армии и т. д.), которая строится и функционирует совсем не по демократическим принципам, а именно по принципам отбора и назначения людей на посты сверху, начальствования и подчинения (командования, приказов), негласности, беспартийности.

Я не буду здесь рассматривать, как устроена и работает недемократическая часть западной государственности. Думаю, что читателю это хорошо известно из книг и из личного опыта. Я рассмотрю лишь демократическую "надстройку" над недемократической основой.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ

Подавляющее большинство лиц, так или иначе вовлеченных в западнистскую государственность, нанимается на работу и назначается на должности сверху, без всяких выборов. Напомню, что число их огромно - до двадцати и более процентов работающих граждан общества. Это означает, что фактически такое огромное число людей в капиталистическом мире уже живет по-коммунистически! Лишь ничтожное меньшинство работающих в системе западнистской государственности избирается снизу. Это - представительная часть власти.

Но внимание к представительной части государственности в специальной литературе и в средствах массовой информации неизмеримо превосходит внимание к прочей части. Это объясняется многими причинами, в их числе - интересы идеологии. Определяя демократию как систему власти, которая образуется по воле большинства народа и действует в интересах его, идеологи заботятся не столько о раскрытии, сколько о сокрытии сущности

государственности западнизма. Но и фактическая роль представительной части государственности велика.

Учредительное собрание - одноактное событие. Чтобы утвердить возникновение нового социального феномена надолго (с установкой на вечность), должны быть созданы учреждения, которые следили бы за сохранением созданного и его воспроизведением. Это выразилось в создании в составе государственности постоянно действующего собрания периодически выбираемых представителей населения страны. Кроме того, в жизни общества происходят изменения. Возникает потребность в изменении норм жизни и во введении новых норм. Эти нормы должны принять статус государственных законов. Для этого нужна представительная законодательная власть. Одним словом, процесс жизни демократии - не одна учредительная акция, а постоянно повторяющееся ее учреждение в меняющихся условиях.

Реальные выборы, конечно, имеют мало общего с их идеологически-пропагандистскими восхвалениями. Большое число граждан, имеющих право голоса, игнорирует выборы, мотивируя это тем, что от их участия или неучастия ничто не изменится, что результаты выборов не меняют ничего в их положении, что большинство кандидатов им неизвестно лично, что кандидатов где-то выбирают в узком кругу и потом навязывают избирателям. Но несоответствие реальных выборов их пропагандистскому образу не означает, что они суть нарушения неких разумных норм. Обывательские представления о неких абсолютно справедливых и честных выборах в принципе неосуществимы. Даже тогда, когда выборы должностных лиц происходят в группах из нескольких десятков человек, начинаются конфликты, интриги, махинации, насилие, обман и т. п. А в обществе из многих миллионов человек это тем более неизбежно. Западная система выборов демонстрирует максимум того, что вообще возможно с точки зрения некоей честности по чисто "техническим" причинам. Но если даже допустить, что реализовалась бы абсолютная справедливость, в кандидаты выдвигались бы умнейшие и честнейшие граждане, все кандидаты имели бы одинаковые условия и т. д., положение во власти не улучшилось бы. Скорее всего, оно ухудшилось бы, ибо были бы выбраны не профессионалы управления, а устраивающие большинство безликие дилетанты, и вели бы они себя не по правилам поведения во власти, а как примитивные новички. Единственным спасением тогда было бы, если бы избранные морально чистые гении срочно обучились обманывать, заниматься демагогией, воровать и прочим порокам реальных политиков.

Суть западной системы выборов заключается не в том, чтобы осуществлять абстрактную идею демократии, а в том, чтобы дать возможность практически отобрать каких-то лиц в органы власти и узаконить их в качестве таковых. Выборы есть характерная для западнизма форма легитимации власти. Никакой другой основы легитимации тут нет. Рассматривать в качестве основы легитимности власти законодательство (конституцию) ошибочно чисто логически. Законы устанавливают лишь процедуры легитимации власти. Но легитимацию, как таковую, т. е. общественное признание конкретных личностей в качестве носителей власти, осуществляют лишь выборы.

Западная система выборов при всех ее недостатках (с точки зрения критиков) позволяет решить одну важнейшую проблему власти: она позволяет осуществлять сменяемость формально высшей власти, сохраняя при этом стабильность и преемственность системы государственности. Тем самым общество ограждается от излишних и опасных радикальных перемен. Несмотря на деловую динамичность, западное общество в своей социально-политической части является консервативным.

Органы представительной власти выбираются большинством голосов. Принцип большинства применяется и в случае принятия решений ими. Этот принцип подвергается жестокой критике. Вот характерный пример такой критики. Демократия, претендуя на

право решать большинством голосов любой вопрос, превратилась в форму правления, при которой правящий орган ничем не ограничен. Необходимость создания организованного большинства для поддержки интересов отдельных групп породила новый источник произвола и пристрастности. Большинство в парламенте, чтобы остаться большинством, должно делать все мыслимое в пользу групп со специфическими интересами, т. е. покупать их поддержку, предоставляя им привилегии. Мы, сами того не желая, создали машину, позволяющую именем гипотетического большинства санкционировать меры, неугодные большинству, - такие меры, которые население, скорее всего, отвергло бы.

Это - типичный пример идеологического отношения к социальным явлениям, которое исходит из априорного смысла слов и из абстрактных определений, а не из эмпирической реальности. Для него ошибочными бывают не априорные представления о реальности, а сама реальность. Понятие большинства как определяющего фактора в принятии решений властью лишено смысла, если его истолковывать буквально (т. е. абстрактно) и употреблять его там, где оно вообще неуместно. Правительство и есть воплощение большинства, как бы к его решениям ни относилось само эмпирическое большинство. Последнее вообще не имеет никакой воли. Волей его обычно является воля манипулирующего им меньшинства. Большинство вообще не существует как изначально данный фактор. Оно должно быть создано, организовано как нечто искусственное. В этом и заключается функция демократического правительства. Большинство создается именно благодаря тем мероприятиям власти, которые служат объектом нападков со стороны идеологов обоих направлений - как разоблачителей, так и улучшателей.

РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ

Высший или центральный орган государства западной страны образует законодательное представительное собрание и исполнительная власть. Первое избирается населением страны и представляет его. Это - парламент, конгресс, национальное собрание, бундестаг. Основная задача его - законодательство, представительство интересов населения как целого и его различных подразделений, общий контроль за положением в стране и деятельностью всей системы государственности. Оно имеет свою структуру. Имеются двухпалатные и однопалатные собрания. В том и другом случае имеет место система должностных лиц, система комитетов и экспертов, подсобных служащих - "технический" аппарат, без которого не может работать никакая большая организация людей.

Функции исполнительной власти - руководство повседневной деятельностью государства. Тут тоже есть свои варианты. Основные формы их - президентская и парламентарная системы. Образец первой - США, образец второй - Англия. В случае первой системы глава исполнительной власти (президент) избирается прямо всеобщими выборами, в значительной мере независим от законодательной власти, имеет контроль над назначением членов правительства (кабинета), может апеллировать прямо к народу (референдум, плебисцит). В случае парламентарной системы имеются варианты. Один из них - глава исполнительной власти избирается законодательным собранием, которое доминирует. Другой вариант (английский) - законодательная и исполнительная власть сосредоточены в кабинете, правящая партия решает, кто будет главой исполнительной власти. Французский вариант - смешанный. Его иногда называют квазипрезидентским. Исполнительная власть тоже имеет свой "технический" аппарат с распределением и иерархией функций и должностей.

В американской центральной власти, помимо законодательной и исполнительной власти, имеется еще третий ингредиент - судебная власть (Верховный суд), функция которой - контроль за соблюдением государственных законов.

Описанная структура власти считается реализацией идеи разделения властей: каждая из этих частей власти должна делить некоторую долю власти с другими, снижая возможность для каждой по отдельности стать чрезмерной в исполнении ее функции. Тем самым предполагалось избежать абсолютной деспотической (тиранической) власти. Это было субъективное намерение тех, кто создавал западную государственность. Но поставим вопрос так: а почему создатели государственности решили именно так разделить власть? Ответ очевиден в любой достаточно развитой государственности можно усмотреть функции, которые в результате ее развития так или иначе должны дифференцироваться и до известной степени обособиться в виде особых функций различных подразделений единой власти. В любой! Это - универсальный социальный закон. Но он реализуется в различной форме в различных видах обществ. В одной форме он проявляется в обществе западнотипического типа, в другой - в обществе коммунистического типа. Да и в рамках одного типа можно видеть различные варианты.

То разделение властей, которое считается признаком западной демократии, есть, на мой взгляд, второе великое разделение властей в истории общества. Первым было разделение, в результате которого политическая (гражданская) власть отделилась в качестве государственной. Как увидим дальше, второе разделение не является последним: третьим является разделение на государство и сверхгосударство.

В наиболее "чистой" форме идеал разделения властей реализовался в США. На первый взгляд благодаря ему была достигнута желаемая цель. И в самом деле, здесь судьи в какой-то мере являются законодателями. Исполнительная власть покушается на суд и законодательные функции. Международные соглашения президента, а также назначения президентом людей на посты, включая назначения в Верховный суд, должны быть подтверждены сенатом. Президент имеет право вето на решения конгресса. Конгресс может предъявлять обвинения федеральным судьям и смещать их. Законопроект не может стать законом, пока не одобрен обеими палатами конгресса и не подписан президентом. Верховный суд может объявить действия законодательной и исполнительной власти неконституционными.

Но эти же самые свойства власти с разделением на три подразделения можно истолковать не как средство ограничения власти, а как показатель единства власти, внутренне расчлененной в силу разделения функций. Об этом говорит тот факт, что в правительствах многих западных стран доминирует одна часть, обычно - законодательная. Она тут имеет высшую власть над другими частями. При этом остается разделение функций между различными учреждениями власти как чисто деловое удобство. В Великобритании законодательная и исполнительная власть сосредоточены в одном органе - в кабинете. Если партия выигрывает большинство голосов на выборах, парламент назначает ее лидера премьер-министром, а тот назначает министров - кабинет. Последний несет коллективную ответственность. Главная фигура во власти - премьер-министр. Кабинет - его кабинет. Он представляет нацию. Исполнительная власть здесь есть придаток законодательной, а законодательная - продолжение исполнительной. Последняя действует в соответствии с первой, которая дает согласие. Законодательная инициатива исходит от исполнительной власти.

По мнению ряда авторов, идея разделения властей фактически не воплотилась в жизнь или это разделение утратило ту роль, какую играло ранее. Это проявляется, например, в том, что законодательные органы занимаются не столько разработкой и одобрением общего кодекса поведения, сколько решениями, направляющими конкретные действия

исполнительной власти. Исчезла разница между законодательством и текущими распоряжениями властей, между общими и частными задачами власти. Главной задачей представительной власти стало не законодательство, а управление. Все то, что теперь штампует законодательный орган, стало называться законом. Правительство получило возможность издавать для самого себя удобные ему законы. Правительство вышло из-под контроля закона. Сама концепция закона потеряла значение. Правление стало главной задачей законодательного органа, а законодательство - его побочной функцией.

То, что критики считают плохим уклонением от хорошей идеи разделения властей, я считаю закономерной эволюцией западной государственности. За годы после того, как был выдвинут идеал разделения властей и определены функции представительной власти, в мире произошли перемены, повлиявшие на характер законодательства и на условия деятельности исполнительной власти. Те проблемы, которые кажутся пустяковыми с точки зрения первоначальных задач законодательной власти, оказались более важными, чем некие абстрактные нормы поведения и справедливости (строительство дорог, уборка мусора, меры против загрязнения окружающей среды, цены на товары, налоги, отношения работодателей и нанимаемых, безработица, преступность и т. п.). А главное - надо различать фундаментальное законодательство, определяющее социальную организацию общества (конституция и законы конституционного уровня и масштаба), и законодательство как средство государственного управления обществом. Первое сыграло свою историческую роль, установив государственность, узаконив ее и социальный строй общества, установив правовые рамки и обязанности государства. Основной задачей законодательной власти фактически стало управление текущей жизнью общества путем управления различными частями самого государства и узаконивания текущих распоряжений. Законодательство в высоком смысле просто исчерпало себя. Если к этому и приходится прибегать, то это бывает редко и в исключительных случаях.

ПУБЛИЧНОСТЬ РАБОТЫ ВЛАСТИ

Многие идеи прошлого, в той или иной мере и форме воплотившиеся в жизнь, относились к будущему по отношению к их авторам времени, но возникали на материале их настоящего. Авторы этих идей не могли предвидеть тех перемен в мире, которые произошли ко времени реализации этих идей. В том числе они не могли предвидеть, какой вид примут средства информации в наше время, не могли предвидеть появление телевидения и современных средств коммуникации. Это касается и идеи публичности работы власти. Выдвигалась она как средство контроля населения страны за деятельностью своей власти. И эту роль публичность до некоторой степени выполняла и выполняет до сих пор. Но лишь до некоторой степени, причем не столь значительной в общей сумме действий власти. И трудно сказать, чего в этом больше - объективной информации и реального влияния на власть или дезинформации и манипулирования массами населения. Публичной является лишь работа представительных (выборных) органов власти, да и то далеко не вся. Основная часть работы их аппарата остается скрытой. А то, что выходит на всеобщее обозрение, превращается в своего рода развлекательное зрелище, участвующие в нем политики играют роли политических актеров. Зрелище это играет не столько политическую, сколько пропагандистскую роль.

Вся работа недемократической части власти не является публичной, а в значительной мере она вообще секретна. Это обусловлено не каким-то злым умыслом врагов демократии, а характером самой работы соответствующих учреждений власти. Объем этой работы настолько огромен и работа настолько профессионализирована, что сделать ее всю

публичной невозможно технически и бессмысленно, не говоря уж о государственных секретах. Учреждения недемократической власти совместно со средствами массовой информации производят отбор того, что в работе представительной власти можно и что нельзя сделать публичным. Тем самым публичность из средства демократии превращается в средство недемократической сверхгосударственности.

МНОГОПАРТИЙНОСТЬ

Элементом государственной демократии является многопартийная система. Этот элемент считается настолько важным, что в идеологии и пропаганде часто его используют как определяющий признак западной государственности вообще. Это стало обычным во второй половине XX века, когда западнистская государственность противопоставлялась коммунистической как многопартийная однопартийной.

Некоторые теоретики считают многопартийную систему не частью государства, а околоправительственной организацией. В этом есть доля истины, как и во включении этой системы в государственность. Только надо уточнить, в каком смысле верно одно и в каком другое.

Уточним само понятие многопартийной государственности. Если в стране разрешено много партий, это еще не означает, что государственность многопартийная. Для этого необходимы еще такие условия. Первое - государственность заметным образом зависит от партий. Последние как-то участвуют во власти. Второе условие - участвующие во власти партии не стремятся к изменению социального типа государственности и к ее разрушению или ослаблению. Третье - участвующие во власти партии не превращаются в узаконенные органы власти. Характерными образцами таких партий являются общеизвестные партии западных стран, которые в одиночку или в коалиции становятся "правлящими" - добиваются выбора своих кандидатов в органы власти, существенным образом влияют на политику власти. Они не имеют никаких намерений перестраивать социальный строй своего общества и его государственность. Они стремятся к сохранению западнизма. Они существуют и действуют в рамках законности, а не вопреки ей и не против нее. Назову их западнистскими.

Примерно так понимаются западнистские партии ими самими и западными теоретиками. Политической партией называют, например, объединение людей с общими убеждениями, имеющее целью контролировать правительство или стать его частью, причем конституционным путем. Другой вариант: политическая партия есть формальная организация, сознательная цель которой - ввести в общественные учреждения личности, которые будут контролировать механизм правительства. Различия тут, как и в других вариантах, чисто фразеологические.

В западных странах возникали и возникают партии, имеющие целью радикальное изменение социального строя и даже уничтожение западнизма. Но они не являются западнистскими, т. е. не являются элементом западной государственной демократии.

Западнистские партии состоят из сравнительно небольшого числа профессиональных политиков, которые избираются в органы власти или как-то иначе оказываются в государственном аппарате, и прочей массы членов, остающихся вне власти. Если иметь в виду первую часть, то западнистские партии суть элемент государственности. Если же иметь в виду вторую часть, то эти партии суть околоправительственные организации.

Партия состоит из множества людей (а это - десятки и сотни тысяч человек) и, как таковая, имеет определенную структуру. В одних случаях структура выражена слабо (как в партиях США), в других - сравнительно сильно (как в партиях Англии, Германии и

Франции). Но при всех вариантах в них так или иначе можно выделить три элемента: рядовых членов партии, служащих бюрократического аппарата для повседневной работы и политиков, руководящих партией и участвующих в правительстве. Кроме того, имеет место несколько организационных уровней между рядовыми членами партии и ее высшими органами.

Функции партии западнизма фактически не сводятся к выборам должностных лиц в правительство. Они довольно многообразны. Это, например, рекрутирование новых членов, политическое образование и воспитание населения, информация, воздействие на общественное мнение, выдвижение политических идей и программ, стимулирование дискуссий и участие в них, суммирование и урегулирование интересов, стимулирование политической активности граждан.

В партиях имеются секции для работы с молодежью, с рабочими, с женщинами, с фермерами, со студентами, с интеллектуалами. Это суть рабочие рычаги партии для проведения выборов. При этом дело не ограничивается лишь разговорами о выборах. Предметом внимания становятся все интересующие людей проблемы.

Наконец, имеются околупартийные или околуправительственные организации и группы, поддерживающие партию, особенно - в период выборных кампаний (профсоюзы, ассоциации предпринимателей и т. п.).

Современные западнистские партии не являются выразителями и защитниками интересов каких-то определенных групп населения. Они ориентируются на все категории населения, претендуют на то, чтобы считаться партиями общенародными. Это явление бесклассовости или надклассовости партий в идеологии и пропаганде изображается как показатель социального примирения - будто социальная борьба в старом смысле исчезла, уступив место мирным парламентским дебатам. Мне это напоминает идеологически-пропагандистское изображение ситуации в коммунистических странах в свое время. Тогда отсутствие многопартийности объясняли единством народа, отсутствием антагонистических классов. Социальная борьба в обществе тогда сводилась к борьбе между хорошим и еще лучшим.

Возникнув в определенных исторических условиях, западнистские партии воспроизводятся и существуют как особые объединения людей прежде всего для самих себя - они борются за самосохранение. Чтобы добиться своих целей (занять посты, фигурировать на сцене истории, делать карьеру, ощущать себя причастными к исторической деятельности), партии должны что-то делать для "народа". Это - их способ добывать хлеб насущный. Это - бизнес в политической сфере. Он должен быть организован так, чтобы некоторое множество людей могло жить за его счет, делать карьеру, удовлетворять тщеславие. Партия для этого нуждается в поддержке какой-то части населения, в голосах избирателей, в деньгах. Она должна что-то обещать и какие-то обещания выполнять. Она так или иначе рассчитывает на какую-то часть населения, отдающую ей предпочтение перед другими. Она должна обращаться ко всем, во всяком случае - к возможно более широкому кругу избирателей, чтобы собрать в свою пользу голоса тех, кто ей отдает предпочтение. Раз партия выживает и существует из десятилетия в десятилетие, это означает, что она устраивает какие-то влиятельные силы общества, так или иначе служит им в обмен на их поддержку.

Интересно, что одни и те же партии фигурируют на арене истории в течение многих десятилетий. Новые партии пробиваются к жизни с большим трудом. Это удастся лишь в порядке исключения. Им не дают ходу не ради каких-то высших идеалов, а просто из опасения, что они могут завоевать на свою сторону избирателей и испортить признанным партиям их политическую ситуацию. Политический рынок всячески препятствует появлению потенциальных конкурентов. Заодно укрепившиеся партии выполняют

функцию, за которую их поддерживают, - создать видимость классового примирения, помешать возникновению или усилению классовых партий, которые могли бы объединить недовольных и направить их активность на изменение существующего общественного устройства. В этом смысле они суть партии господствующих сил общества.

Западнистские партии не имеют четкой и систематизированной идеологии, т. е. определенной концепции человеческого общества, истории и человека, совокупности ценностей и моральных принципов, принципов деятельности властей, проектов будущего состояния общества. Партии не имеют далеко идущих целей и программ их достижения. Они действуют, руководствуясь ближайшими практическими целями. Они стремятся завоевать популярность в массах и получить как можно больше голосов на выборах, выдвигая для этого лозунги и программы применительно к конкретным условиям. Всем известно, что к этим лозунгам и программам не следует относиться серьезно. Те, кто избирается в органы власти, хотят быть переизбранными. Поэтому они избегают далеко идущих заявлений

Их принцип - обещать немного всем, не угрожать серьезно никаким значительным силам общества.

Для чего много партий, если все они - "общенародные"? Во-первых, тут сыграли свою роль исторические условия, вследствие которых сложилось именно несколько партий, и они выжили. Во-вторых, любое достаточно большое множество людей распадается на несколько группировок в силу общих законов коммуналности, какими бы хорошими ни были взаимоотношения между людьми. В-третьих, в большом обществе всегда имеет место различие интересов людей и их конфронтация, что находит выражение в самых различных формах, в том числе в форме политических группировок. И в-четвертых, многопартийность как явление в сфере государственности вырождается в двухпартийность. В случае трех и более партий образуются блоки, из которых один становится правящим (побеждает на выборах), а другой остается в оппозиции, получая какой-то кусочек власти и связанных с нею жизненных благ.

Если партия побеждает на выборах, она организует повседневные операции представительных органов (в частности, парламента). Побежденная партия не сходит со сцены. Она остается в качестве лояльной оппозиции, рассчитывая на следующий раз выиграть мяч. Во всяком случае, она не остается обездоленной. На всех уровнях социальной иерархии, начиная от местных общин и кончая уровнем страны в целом, происходит превращение партийных активистов (политиков вообще) в часть правящего слоя, происходит сращивание политики и управления. А с другой стороны, партии "врастают" в хозяйственную жизнь общества и в другие его сферы. Политики становятся сотрудниками концернов, занимают совсем не политические посты. Образуются своего рода картели больших партий и клики профессиональных политиков. Они решают, кто и какие посты будет занимать в учреждениях, в которые власти имеют доступ. Они распределяют в своих кругах возможности иметь жизненные блага и привилегии. Образуются клики по принципам личных связей. Через них происходит допуск к власти. Партии и клики превращают государство в источник карьеры и жизненных благ.

В системе власти складывается ядро из партий, клики и политиков по профессии, которое не менее устойчиво, чем соответствующие "ядра" в государственном аппарате коммунистических стран.

В современном западном обществе никакая более или менее массовая организация не может долго существовать и играть заметную роль в обществе, если она не имеет постоянных источников финансирования. Всякая значительная организация и ее функционирование стоит денег. Все дело в том, кто эти деньги дает и в какой форме. Партии нуждаются в деньгах, а легальные источники явно недостаточны. Партии имеют

возможность добывать средства другими, нелегальными путями. И вынуждаются на это. Они так или иначе финансируются государством и используют свое положение во власти для своего "параллельного финансирования".

Множество партий, допущенных до участия в политической жизни в качестве партий западнизма, можно рассматривать как множество фракций одной партии, еще не дозревшей до образца "партии" коммунистической страны или предпочитающей видимость плюрализма. Общество сопротивляется этому, видя тут угрозу демократии. Но никакие меры против этой тенденции не могут ее заглушить, ибо она есть закономерный продукт именно демократии. Демократии реальной, а не идеализированной.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КЛАСС

В западных странах сложилось довольно обширное множество (класс в логическом смысле) людей, профессионально занятых политической деятельностью в качестве избранных членов правительственных учреждений, обслуживающих их советников, функционеров политических партий и других общественных организаций и движений, как-то причастных к политике, - политический класс. Люди такого рода (т. е. представители логического класса политиков) суть явление не новое. Но во второй половине XX века тут произошел качественный скачок. Этот класс многократно увеличился количественно. В него стали вовлекаться представители самых различных слоев населения, а не только привилегированных. Благодаря масс-медиа их деятельность стала публичной, театрально открытой и рассчитанной на непосредственное воздействие на массы населения. Представители этого класса функционируют и делают карьеру не в одиночку, а в составе различного рода групп, организаций, движений. На высшем уровне они фигурируют как представители политических партий и как партийные функционеры, занимающие посты в государственных учреждениях.

Вместе с тем в жизни политического класса есть такие стороны, которые тщательно скрывают или по крайней мере не афишируют. Это - то, как представители этого класса используют свое положение в корыстных интересах, из каких кругов они рекрутируются, какого типа люди отбираются в их число, какое получают образование, как тренируются на роль политиков, как возвышаются по ступеням карьеры и т. д. Лишь в связи со скандальными разоблачениями на короткое время и частично приподнимается завеса над упомянутыми аспектами жизни класса политиков. Кое-что попадает в мемуарную и художественную литературу, а также в кинофильмы, но обычно в качестве частных и наказуемых преступлений. Для профессиональных политиков важна не компетентность в какой-либо профессии, а компетентность в политической деятельности как особой профессии, в частности коммуникативная компетентность, соответствие духу времени, политические связи, личные отношения с членами клики, услужливость в отношении к влиятельным силам общества. Политики имеют массу привилегий: бесплатные полеты и поездки с высшим комфортом, почетные приемы, возможность бесплатно пользоваться автомашинами, обеспеченная старость, всякого рода подачки и гонорары и т. п. Плюс к тому - практически неразоблачаемая коррупция. Если какой-либо видный политик путем выборного процесса вроде бы исключается из политики, для него, как правило, находится пост, на котором он продолжает пользоваться привычными привилегиями. Образуется своего рода партийная "номенклатура".

Преимущества в классе политиков имеют люди, свободные от моральных ограничений, тщеславные, склонные к закулисным связям и махинациям, способные притворяться,

склонные к позерству и демагогии и т. д. Достаточно понаблюдать некоторое время поведение современных политиков, чтобы без труда фиксировать эти их качества.

Есть универсальные черты политического класса, подобно тому, как универсальные черты имеют бюрократы, военные, работники секретных служб, гангстеры, проститутки, попы и другие категории людей. Например, преимущества с точки зрения попадания в этот класс и успехов в нем имеют индивиды, не обладающие выдающимися способностями и не являющиеся профессионалами высокого класса в какой-то узкой сфере деятельности, но зато обладающие довольно широким спектром посредственных способностей. Тут ситуация подобна той, какая имеет место в спорте: выдающийся в каком-то виде спорта спортсмен не может стать чемпионом по многоборью. А политики подобны в этом отношении стоборцам, если бы такие существовали. Если бы Рейган был выдающимся актером, он не стал бы президентом США. Если бы Шмидт был выдающимся пианистом, он не стал бы канцлером ФРГ.

ПРАВОВАЯ СФЕРА

На основе фундаментального права западнизма развились и достигли колоссального размера государственное и частное право. Разумеется, между этими частями нет полной гармонии. Тем не менее государственное право в принципе не должно выходить за рамки фундаментального, а частное - за рамки государственного. Специальные лица и учреждения следят за тем, чтобы этот принцип выполнялся. Это не во всем удается, но в реальности устанавливается более или менее терпимое соответствие.

Западнистское государство поработало основательно над разработкой правового кодекса общества - государственного права. Если, например, на заре американской государственности налоговые законы были записаны на нескольких страницах, то теперь для записи их потребовалось более десяти объемистых томов - увеличение в тысячи раз! И так во всем. К тому же в десятки раз возросло число сфер, потребовавших правовое регламентирование. И еще более грандиозных размеров достигла сфера частного права.

Западное общество превратилось в общество правового тоталитаризма. Тут сложилась такая густая и запутанная сеть правовых норм и отношений, в которой рядовой гражданин самостоятельно не способен поступать без ущерба для себя. Потребовалось огромное число специалистов в этой сфере. И они появились, образовав особый социальный слой с высоким уровнем доходов и большим влиянием в обществе. Мало кто из граждан общества обходится без их услуг. А для значительной части граждан они суть неотъемлемый элемент их жизни. Такие граждане не могут сделать серьезный шаг без их советов и делового посредничества. Все мало-мальски значительные организации и предприятия имеют их в качестве постоянных сотрудников или партнеров. Этот слой разнообразен по составу. Его представители отчасти суть служащие государства, отчасти служащие частных фирм, отчасти сами частные предприниматели. Но все они выполняют функции в сфере государственности. По делам своих клиентов они имеют постоянные контакты с судебными органами и государственными учреждениями.

Одна из догм западной идеологии гласит, будто суд в западных странах является независимым. Это мнение бессмысленно. Законы выдумывают и утверждают не сами судьи. Судьи суть служащие государства. Суд немыслим без полиции, тюрем и представителей слоя правовиков, о котором я только что говорил. Право не действует автоматически. Его изобретают люди, истолковывают люди, соблюдают или нарушают люди, следят за этим и принимают решения люди. Тут имеют место различные интересы. За правовую справедливость надо сражаться. За нее надо платить, и немало. Тот факт, что в

западном суде представлены различные интересы и есть возможность для выражения различных мнений (это - признак демократичности), не означает, что решение суда есть решение академической задачи. Оно есть результат борьбы различных сил с противоположными интересами, если дело касается каких-то важных проблем, а объективная истина в таких случаях практически недостижима. Правовые нормы составлены так, что допускают различную интерпретацию. Они разнообразны, и в зависимости от ситуации могут быть выбраны различные варианты. От ловкости и связей специалистов-юристов зависит исход дела. На решения судов влияют многие неюридические факторы: средства массовой информации, личности участников дела, характер адвокатов, политические интересы, общественное мнение и т. п. Часто юридические процессы длятся годами и стоят больших денег. Все это общеизвестно. Информацией о юридических скандалах пестрят газеты. Эти скандалы разрушают образ западного суда как объективного, беспристрастного, неподкупного. Однако не стоит впадать и в другую, критическую крайность. Суд выполняет свои функции в условиях живого общественного организма и как элемент системы государственности, а не на небесах божественной справедливости.

В современном западном обществе число возможных и фактических действий людей достигло таких масштабов и эти действия стали такими, что даже существующая правовая система уже не способна охватить их все и давать им однозначную юридическую оценку. Большой процент поступков людей, подлежащих юридическому контролю, вообще ускользает от внимания государства, особенно поступков запрещенных и наказуемых. Так что фактически имеет место сильная тенденция к снижению степени охвата общества правовой защитой. Преступники оказались лучше защищенными правом, чем их жертвы. Сфера социальных прав (право на труд, жилье, бесплатное образование и медицинское обслуживание и другие), высоко развившаяся в свое время в коммунистической России, почти полностью выпала из западного права.

Начиная с некоторого уровня развития общества многие правовые нормы теряют свою действенность. В поведении определенных категорий людей и учреждений решающую роль приобретают внеправовые факторы: соображения целесообразности, тайные соглашения, сила денег, влияние общественного мнения, политические отношения, пресса, социальный статус людей. Вступает в силу древнее правило "что дозволено Юпитеру, не дозволено быку". Непомерно разросшееся право становится источником и оправданием неправовых действий влиятельных личностей, групп и кругов общества. Все это можно наблюдать в западных странах в формах, очевидным образом выходящих за границы правового общества. Многие явления "неправового" общества, служившие объектом критики на Западе, когда эти явления наблюдались в коммунистических странах, имеют место в самом западном мире в изобилии. Интересно, что значительная часть неправовых явлений возникла как результат разрастания правовой сферы. В рамках западного права и с его ведома развилось неправовое нормирование важных аспектов жизни людей, можно сказать - сверхправо.

ЗАПАДНИСТСКИЕ КЛЕТОЧКИ

Западнистское общество содержит клеточки обоих упомянутых в предшествующей части типов. Частные клеточки образуют тут пока подавляющее большинство и задают тон. Их роль тут настолько велика, что западнистское общество вообще рассматривается как частнопредпринимательское.

Частные клеточки повлияли на характер прочих клеточек, так что можно выделить их общие черты. В западнистских клеточках наемные лица принимаются на работу по профессии. Профессиональная пригодность должна быть как-то подтверждена, а в случае достаточно высоких требований к профессионализму подтверждение должно быть, как правило, документальным (дипломы, свидетельства об обучении). Они принимаются на определенный срок. При этом между работодателем и нанимаемым заключается юридический контракт. Существует педантично разработанное законодательство на этот счет. При этом устанавливается заработная плата или ее рамки. Наемные лица получают зарплату независимо от реализации результатов их труда и труда клеточки в целом. От реализации результатов труда клеточки зависит ее судьба, если она частная, и судьба наемных работников в смысле сохранения рабочего места (клеточка может обанкротиться, и работники могут потерять работу). Работодатель не может безнаказанно по своему произволу обращаться с оплатой наемных работников, если это выходит за рамки юридических законов и конкретных договоров. Возможности увольнения работников ограничены законами и профсоюзами, если таковые имеются и если имеются соответствующие договора профсоюзов с предпринимателями.

Западнистские клеточки существуют не сами по себе, а в среде себе подобных - частного предпринимательства, конкуренции, борьбы за существование и за успех, одержимости частной собственностью. В силу условий существования они создаются и существуют исключительно для определенного дела и ни для чего иного. Их структура и функционирование определяются исключительно условиями и интересами дела. Поэтому они максимально упрощены с точки зрения социальной структуры. В них нет никаких лиц, групп и организаций, ненужных с точки зрения интересов дела. Никакая партийная, профсоюзная, молодежная или какая-то иная организация не является здесь элементом структуры множества людей, занятых в клеточке. Сотрудники клеточки могут быть членами такого рода организаций, групп и движений, но не в рамках клеточки, а вне ее и независимо от нее. Этот аспект их жизни не влияет на функционирование их в рамках клеточки и клеточки в целом. Партии, профсоюзы и другие общественные группы и движения оказывают давление на хозяев клеточек и их администрацию, но это - внеклеточное, а не внутриклеточное отношение.

Западнистская клеточка не есть коллектив в строгом смысле. В ней люди работают, и все. Социальная и интимная жизнь людей западного общества происходит вне деловых клеточек, а не в них. Внутри их люди выполняют свои деловые обязанности, продвигаются по службе или повышают квалификацию. У них могут быть свои взаимные симпатии и антипатии. Могут устанавливаться какие-то неделовые отношения, например любовные или криминальные. Но все это не становится общепризнанной нормой и важным фактором их официальной жизни.

В деловых клеточках западнизма нет никакой внутриклеточной демократии. Внутри клеточек царит трудовая дисциплина, можно сказать, деловая диктатура. Западное общество, будучи демократическим в целом, т. е. политически, является диктаторским социально, т. е. в деловых клеточках.

Фундаментальные принципы работы западнистских клеточек таковы: делать дело как можно лучше; добиваться максимального результата с минимальными затратами; максимально использовать силы сотрудников; исключить праздное времяпровождение во время работы; исключить использование сотрудниками рабочего времени и средств клеточки для личных целей, не имеющих отношения к целям клеточки; свести к минимуму число работников; оценивать их прежде всего по деловым качествам.

Характерная клеточка западного общества, превосходно выполняя свои функции, является совершенно пустой и обездушенной с точки зрения социальной жизни внутри ее.

Это - деловой механизм, а не объединение людей со всеми их достоинствами и недостатками.

Для таких клеточек нужен человеческий материал, какой производится в западных странах, опыт организации трудового процесса по законам дела, какой накапливался столетиями, правила взаимоотношений между людьми в клеточках, между клеточками и между клеточками и властью, которые точно так же вырабатывались веками, а также наличие в обществе средств, как-то компенсирующих социальную опустошенность клеточек, на что тоже ушла длительная история.

Такая предельная деловая рационализация западнистских клеточек не означает, что все неделовое, изъятое из нее, вообще изъято из общества в целом. Все то, что имеет какую-то ценность для общества и может стать источником дохода или предметом социальной жизнедеятельности, тут становится либо делом особого рода клеточек, либо функцией особого рода общественных организаций (партий, профсоюзов и т. п.). В обществе в целом происходит максимально возможное разделение дел, способностей, функций людей. Отдельные свойства людей и их объединений обособляются от них в виде дел особых клеточек.

Но при всей рационализации человеческого материала последний остается людьми. А люди имеют потребность в непосредственном общении с другими людьми и в личных неделовых контактах. Западоиды удовлетворяют эту потребность вне клеточек. Но что-то остается и для клеточек. Кроме того, коммунальные отношения не исчезают и в деловых клеточках. И человеческие свойства в какой-то мере сохраняются. Они заглушаются, растягиваются во времени, распыляются, оказываются нерегулярными и фрагментарными. Но если наблюдать поведение членов клеточек с близкого расстояния, длительное время и во всех отношениях с другими членами клеточек, можно заметить все коммунальные и человеческие явления в "разжиженном" и замаскированном виде. Кроме того, они здесь опосредованы деловыми отношениями так, что не всегда обнаруживают себя в качестве неделовых. Тем не менее многие исследователи отмечают, что для значительного числа работающих людей их положение в клеточках превращается в ад. При этом в западнистских клеточках нет общественных организаций, которые могли бы взять под свою защиту жертв внутриклеточных драм.

ДЕЛОВАЯ КУЛЬТУРА

Современное высокоразвитое и достаточно большое общество - это десятки и сотни миллионов работающих людей. И все они должны быть обучены, чтобы выполнять свои деловые функции и поддерживать на должном уровне сложившуюся деловую культуру. Последняя на Западе складывалась в течение многих веков, вошла в плоть и кровь западных людей. Она образует более или менее устойчивую и преемственную часть "скелета" общества. Хотя в ней происходят изменения в характере профессиональной подготовки людей, остаются неизменными требования к качеству исполнения любых деловых функций. В этом смысле деловая культура является одной из принудительных сил, определяющих поведение людей.

Раньше бизнесмены не ломали голову над проблемой воспроизводства человеческого материала на их предприятиях. Он имелся в изобилии независимо от них. Они использовали готовый материал. Это отношение в значительной мере сохранилось до сих пор. США до сих пор "снимают сливки" со всей планеты, соблазняя и подкупая высококвалифицированную и творческую рабочую силу из других стран. Но этот способ

существования не покрывает всех потребностей западного бизнеса. И он на грани истощения.

В последние десятилетия возникли также три главных проблемы деловой культуры. Первая - технологический прогресс потребовал подготовки огромного числа специалистов нового типа с преобладанием высокоинтеллектуальных способностей. Сложившаяся система образования оказалась неподготовленной к такой технологической революции. Вторая проблема - усложнение всей деловой обстановки для предприятий и усиление борьбы за их выживание потребовало создания целой армии специально подготовленных, интеллектуально гибких и инициативных менеджеров, на роль которых годится далеко не всякий гражданин западной страны. Многие крупные фирмы сами стали создавать специальные школы, курсы, семинары с целью решения этой проблемы. И третья проблема - наводнение стран Запада выходцами из других стран породило тенденцию к снижению уровня деловой культуры.

ВНУТРИКЛЕТОЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Мелкие и даже средние предприятия западных стран ни в каком особом органе управления не нуждаются. Функции управляющего органа в них выполняет сам предприниматель, нанимающий в случае надобности одного или нескольких помощников. Самый простой случай - секретарша. Лишь начиная с некоторого достаточно высокого уровня сложности дела возникает потребность в определенном количестве наемных работников, профессионально занятых делом управления - в особом управляющем органе.

Управляющий орган предприятия состоит из наемного управляющего и наемных служащих, в задачу которых входят проблемы организации дела, человеческих ресурсов, финансов, обеспечения, торговли, рекламы, планирования, public relations. Если предприятие является акционерным обществом, оно выбирает совет директоров, который нанимает служащих для управления предприятием. Если предприятие является частным, все равно функция управления есть профессия, для овладения и исполнения которой собственность, как таковая, ничего не значит. Так что главой предприятия при всех вариантах фактически становится не владелец, а профессиональный управляющий.

Система принятия решений является централизованной. Когда говорят о децентрализации и осуществляют ее, имеют в виду предоставление большей инициативы отдельным лицам из управляющего штата, т. е. о распределении власти и ответственности внутри управляющего органа. Но решающее слово все равно остается за главным управляющим (президентом) фирмы. Управляющий орган имеет иерархическую структуру, т. е. лестницу из отношений начальствования и подчинения. Служащим не только предоставляется работа, но и возможность подниматься по ступеням служебной иерархии, т. е. делать карьеру.

Обращаю внимание на то, что образование управляющего органа, разделение функций в нем, иерархия начальствования и подчинения, служебная карьера - все это явления коммунальные, имеющие место в любом предприятии, достаточно большом по размерам и достаточно сложном с точки зрения функционирования.

Каждое западное предприятие свободно выбирать характер своей деятельности (т. е. что производить или какие услуги предлагать), искать клиентов, добывать капиталы и материалы, нанимать людей по своему усмотрению. Однако эта свобода не абсолютна, а ограничена рамками законов и государственных учреждений, которые сдерживают и одновременно поддерживают предприятие. Кроме того, эта свобода играет фактическую роль лишь при основании предприятия и вживании его в среду, а также в критических

ситуациях, когда надо принимать экстренные решения или менять характер и сферу деятельности. Но это происходит не так уж часто. Основная часть функционирования предприятия - более или менее стабильная рутина в рамках уже установившегося ритма работы.

Западное предприятие работает в соответствии с кратковременным (годовым) и долгосрочным планом. План - необходимое условие работы всякого более или менее сложного предприятия в современном сложном общественном организме. Задача плана западного предприятия - сделать предприятие капиталистически рентабельным и конкурентоспособным на рынке сбыта своей продукции и услуг. План преследует прежде всего интересы предприятия, удовлетворяя какие-то потребности общества в качестве условия и следствия его реализации. Государство не командует предприятием, не предписывает ему ничего. Оно лишь регулирует выполнение плана, заставляя предприятие считаться с законами общества. Планы западного предприятия суть своего рода стратегия (долгосрочный план) и тактика (годовой план) поведения предприятия на рынке продукции или услуг. Они здесь не являются инструментом управления клеточкой.

Коммунистическое и западное общество различаются не фактом наличия и соответственно отсутствия плановости работы предприятий, а целями и характером плановости. О коммунистической плановости речь пойдет в следующей части. Здесь же замечу следующее. Если считать плановость характерной чертой коммунизма, то и в западном обществе следует констатировать наличие, огромную роль и тенденцию к росту этого "коммунистического" феномена.

Как я уже говорил, одним из принципов западных деловых клеточек и целых стран является стремление свести к минимуму расходы на дело, и в том числе - расходы на управление. Запад в этом отношении долго противился росту управленческого аппарата внутри клеточек и в обществе в целом. Но развитие пошло таким путем, что сопротивление было сломлено.

Теперь каждая более или менее значительная фирма имеет контору, с помощью которой происходит управление фирмой и ее деятельностью в окружающем мире. Есть конторы, обособившиеся в виде самостоятельных фирм. Они вступают в деловые контакты с другими фирмами, которые что-то производят или предлагают услуги. Эти фирмы имеют свои управленческие конторы, а фирмы-конторы имеют свои деловые части. В обществе таким путем возникает гигантское число контор, которые приобретают огромную власть, так что общество становится своего рода системой контор. Деловая часть становится подчиненной части конторской. Приобретая инерцию роста и завоевав прочные позиции в обществе, управляющая система начинает разрастаться в силу своих собственных законов (частный случай законов коммунальности).

Считается также, что коммунизму присущ командный (наряду с плановостью) способ управления, а западизму - нет. Это мнение верно лишь отчасти. Конечно, государство не командует деятельностью частных клеточек. Но, во-первых, ими в известном смысле "командуют" банки. А во-вторых (и это главное) внутри клеточек действует тоталитарно-командный (можно сказать, диктаторский) режим, чего не скажешь о внутриклеточном управлении в коммунистическом обществе.

ЗАПАДНИСТСКАЯ ЭКОНОМИКА

Самым грандиозным и высокоразвитым образцом экономики является экономика западных стран - западнистская. Изучением ее занимаются множество наук и сотни тысяч

специалистов. Я здесь ограничусь лишь чисто социологическим ее аспектом, к тому же лишь в той мере, в какой это требуется для описания эволюционного перелома нашего времени.

Западнистская экономика не есть нечто раз и навсегда данное. Она прошла исторический путь от самых примитивных форм в виде мелких частных предприятий до современных грандиозных форм. Она в такой мощной степени повлияла на характер западных обществ и их эволюцию, что многие исследователи считали и до сих пор считают экономику основой всякого общества. Эта позиция наиболее отчетливо выражена в марксизме. Обратное влияние других подразделений общества на экономику отошло на задний план. А между тем в западных обществах вообще и в экономике в особенности произошли перемены, показавшие ограниченность этой позиции. Перемены эти заключаются не в том, что экономика стала играть меньшую роль в западном обществе, - ничего подобного не произошло, а в том, что именно чрезмерное развитие экономики прорвало границы экономики "сверху" и породило сверхэкономику, ставшую одним из компонентов сверхобщества.

Западнистская экономика является в своей социальной основе частнособственнической и денежной в формальном аспекте.

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Как я уже сказал выше, западнистское общество считается частнособственническим и частнопредпринимательским. К тому, что говорилось о частной собственности, добавим еще следующее.

Частную собственность обычно рассматривают так, как будто это есть нечто раз и навсегда данное и неизменное. При этом не различают понятие о частной собственности и сам реальный социальный феномен, обозначаемый этим понятием. И понятие при этом фигурирует в самом примитивном и аморфном виде. Частная собственность есть не только то, что как-то отражается в этом понятии, это - сложное, многостороннее и изменчивое явление, представляющее собою жизнедеятельность бесчисленного множества людей на огромном пространстве планеты в течение многих веков, если не тысячелетий.

Частная собственность прошла длительный, сложный и полный драматизма путь, прежде чем достигла состояния, какое можно наблюдать в современных западных странах. На этом пути на нее обрушивали свой гнев лучшие представители рода человеческого, видя в ней источник зол. Против нее устраивались восстания и революции. В борьбе против нее приносились бесчисленные жертвы. Она не оставалась в долгу, сама наступала, сама обрекала на жертвы других, порождала неисчислимые страдания. И, несмотря ни на что, она сохранила обаяние и проявила удивительную живучесть. В каком виде она завершает XX столетие, рассмотрим ниже.

Логический класс (множества) частных собственников в западных обществах стал настолько многочисленным, что эти общества можно считать (по крайней мере, в тенденции) тотально частнособственническими. В этом не было бы ничего удивительного, если бы речь шла об обществах, в которых большинство населения состояло бы из крестьян и мелких ремесленников (как это и было в не столь далеком прошлом). Но речь идет о современном западном обществе, которое, по утверждениям западных мыслителей, превзошло даже стадию индустриального общества и переходит в стадию постиндустриальную.

Теперь мало сказать, что западное общество есть общество частных собственников. Теперь нужно выяснить, из кого состоит множество частных собственников, на какие

подмножества (логические подклассы) оно разделяется. А с этой точки зрения западное общество выглядит так. Помимо традиционных категорий (логических классов) собственников и представителей знатных и богатых родов прошлого, уцелевших несмотря ни на какие исторические потрясения, частными собственниками считаются, например, такие. Городские владельцы частных домов, квартир, земельных участков, более или менее дорогого имущества, автомашин. Владельцы акций различных компаний. Наемные работники, являющиеся совладельцами своих предприятий. Рентнеры. Лица, держащие свои сбережения в банке (в том числе сбережения от зарплаты). Пенсионеры. Владельцы страховых полисов. И это - лишь малая частица видов собственников.

Многие граждане западных обществ становятся частными собственниками не в силу мифического врожденного чувства, а вынужденно. Например, это имеет место в случае покупки жилья. Покупают его чаще в кредит, выплачивая кредит банку из зарплаты или других доходов, и до выплаты кредита собственником жилья хотя бы отчасти является банк. Для большого числа людей такая собственность превращается в кабалу на десятки лет. Многие становятся собственниками, не ведая того. Это, например, все те, кто страхует жизнь и имущество, держит свои деньги в банке, выплачивает из зарплаты на пенсию. Многочисленная категория высокооплачиваемых наемных лиц становится состоятельными частными собственниками, накапливая большие суммы денег и приобретая недвижимое имущество.

Современное западное общество открыло практически неограниченные возможности для большого числа людей наживать значительные и порою гигантские состояния, не занимаясь предпринимательской деятельностью в традиционном смысле. Это - актеры, танцоры, певцы, музыканты, писатели, боксеры, теннисисты, модельерши, гонщики, игроки, изобретатели и т. п. Целый ряд профессий (врачи, юристы, тренеры, дирижеры и т. п.) позволяет человеку подниматься в слой богатейших людей. Одним словом, в современном западном обществе сложилась мощнейшая ткань (слово "слой" тут мало) частных собственников, которая воспроизводится на основе существующих условий. Имеет силу заметная тенденция превратить большинство граждан в частных собственников в той или иной мере, начиная с грошовой и кончая такой, когда отдельный человек оказывается владельцем суммы денег, превосходящей порою годовой бюджет сравнительно большой незападной страны из многих миллионов человек. А когда почти все в обществе суть частные собственники, то выражение "частная собственность" теряет социальный смысл. Оно ничего не говорит о реальной структуре населения страны.

Множество частных собственников разделяется на подмножества, различия между которыми гораздо важнее с социологической точки зрения, чем общий признак быть частным собственником. Для понимания социальной структуры западного общества важнее не то, что владелец грошовой акции и владелец акций на миллионы долларов суть оба частные собственники, а то, что они принадлежат к различным социальным слоям и социальным классам общества. Отношение тут подобно тому, какое имеет место в армии между рядовым солдатом и генералом, - оба принадлежат к логическому классу (множеству) военных. Частная собственность уже сама по себе не является признаком, определяющим социальный статус членов общества. И даже величина собственности не сама по себе разделяет людей на различные социальные категории. Здесь играют определяющую роль и другие, более глубокие признаки.

Сократилась власть многих отдельно взятых частных собственников над объектами их собственности. Не всех, конечно, и не над всеми объектами, но значительной (если не основной) массы собственников и над значительной (если не основной) массой объектов собственности. Произошло это не в силу происков коммунистов. И не потому, что собственники добровольно сдали свои позиции. Ничего подобного! Это произошло потому,

что изменился состав множества частных собственников и характер объектов собственности. Например, собственник пакета акций крупного предприятия может продать эти акции или передать другим, но не в его власти закрыть это предприятие. Тем более мелкие акционеры не имеют никакого влияния на деятельность предприятия, акциями которого они владеют. Частный владелец почтовой компании не может по своему капризу прекратить работу почты. Аналогично обстоит дело с авиационными компаниями, с электростанциями и другими жизненно важными для членов общества объектами.

Кроме того, отношения собственности настолько усложнились, что сами собственники зачастую уже не в состоянии разобраться в правовом аспекте своей собственности и принимать решения по своему усмотрению. Они нуждаются в особых специалистах и в особых государственных учреждениях для этого. Они выглядят в системе отношений собственности подобно мухам в паутине.

Основная часть частной собственности приобрела символический и опосредованный характер. Символический - значит выраженный и зафиксированный в денежных знаках и документах, так или иначе выразимых в деньгах. Опосредованный - это значит, что использование каких-то объектов в качестве собственности осуществляется не самим собственником непосредственно, а посредниками.

Основной функцией частной собственности для большинства граждан западного общества стала функция, подобная социальным гарантиям, какие имели место в коммунистических странах. Это - своего рода эрзац таких гарантий. Люди, обладающие частной собственностью, легче переживают трудные периоды (например, безработицу, инфляцию). Они свободнее и увереннее в выборе жизненного пути. Их дети имеют лучшие условия для жизненного старта, выбора профессии, образования, карьеры. Собственность дает лучшие условия для общения и доступ к жизненным благам, уверенность в обеспеченной старости.

Частная собственность охватила все сферы жизни западных людей, стала всеобъемлющим стимулом их жизнедеятельности, завладела их умами и чувствами. Приобретение и увеличение ее стало основным содержанием всех видов деятельности, включая политику, науку, искусство, спорт, преступный бизнес. Основная масса западоидов с рождения до смерти живет в атмосфере одержимости частной собственностью, стремления иметь ее любой ценой, накапливать, охранять. И нет ничего удивительного в том, что апологеты западнизма считают стремление людей к частной собственности врожденным. Желание освободить людей от проклятия частной собственности, идущее со времен Христа и достигшее апогея в марксизме, завершилось ее триумфом.

Но за это приходится как-то расплачиваться. Как - об этом я уже частично сказал выше. Добавлю к сказанному еще одно - отделение частной собственности от частного предпринимательства.

ЧАСТНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

Частное предпринимательство заключается в следующем. Частные лица, являющиеся юридически свободными гражданами общества, на свои средства (деньги), которые суть их частная собственность, создают деловые клеточки - предприятия. Они суть частные предприниматели. Для этого они приобретают предметы, необходимые для деятельности клеточек, - средства труда. Клеточку могут образовать члены семьи или группа людей, договаривающихся о совместной деятельности. Более сложный случай - создатели клеточек

нанимают людей, способных к деятельности, для которой создается клеточка. При всех обстоятельствах организаторы клеточек становятся их юридическими субъектами. Юридически устанавливаются отношения между юридическими субъектами клеточек и прочими членами (сотрудниками, работниками) клеточек. В случае наемных работников происходит разделение на работодателей и работников (наемных работников). Их отношения точно так же упорядочиваются соответствующими законами.

Частный предприниматель сам волен решать, чем должна заниматься клеточка, как устроена, как сбывать продукцию и т. д. Частные предприниматели имеют право распоряжаться деятельностью клеточки и ее продуктами по своему усмотрению - продавать или передавать другим, закрывать, реорганизовывать. Продукция клеточек предназначена не самим участникам их, а каким-то другим лицам, т. е. предназначена для сбыта за деньги (для продажи). Цель таких клеточек - использовать частную собственность и свой труд или также труд наемных лиц, чтобы оправдать затраты и получить прибыль, которую можно использовать в качестве средств существования членов клеточек, для продолжения деятельности клеточек, для выплаты налогов и, возможно, увеличения клеточек. Частные предприниматели и их предприятия должны это делать в течение длительного времени и регулярно. И лишь постольку, поскольку для достижения этой цели необходимо давать другим людям возможность зарабатывать на жизнь и добиваться каких-то успехов, эти клеточки играют общественно полезную роль.

КАПИТАЛИЗМ

Западное общество с экономической точки зрения считается капиталистическим. Так это или нет? Ответ на вопрос зависит от определения понятий. А их десятки. С точки зрения одних определений западное общество будет оцениваться как капиталистическое, с точки зрения других - как некапиталистическое. Но оставим в стороне терминологический разнобой и примем такие определения.

Не всякий частный предприниматель есть капиталист. Капиталистом я буду называть частного предпринимателя, который за деньги приобретает средства труда, нанимает работников для их использования, организует производство вещей или услуг, сбывает их за деньги. Он это делает с таким расчетом, чтобы после покрытия всех расходов иметь прирост денег - прибыль. Причем он должен это делать в течение длительного времени и регулярно - это должно стать его постоянной работой. Короче говоря, капиталист есть человек (объединение людей), который живет за счет прибыли от организации какого-то дела путем покупки средств труда и найма рабочей силы. Источником его дохода является эксплуатация наемного труда. И делает он это на свой страх и риск. Капиталом я буду называть сумму денег, используемую для приобретения прибыли. Капитализмом я буду называть совокупность явлений данного общества, которые касаются деятельности капиталистов и функционирования капиталов. Общество является капиталистическим, если в его экономике доминирует капитализм.

Капитализм не есть нечто раз и навсегда данное. В западном обществе произошли изменения, причем противоречивые с точки зрения судьбы капитализма. Различают период "старого" и "нового" капитализма. Я их различие вижу в следующем.

"Старый" капитализм был по преимуществу множеством индивидуальных капиталов, вкрапленных в общество некапиталистическое по общему типу. Хотя капиталисты хозяйничали в обществе, последнее еще не было тотально капиталистическим, поскольку степень вовлеченности населения в денежные отношения по законам капитала еще не была

всеобъемлющей. Лишь в XX веке западное общество стало превращаться в тотально капиталистическое, т. е. в западнистское. После Второй мировой войны отчетливо обнаружилась тенденция к превращению больших территорий и целых стран в объединения, функционирующие как огромные денежные системы и капиталы. Дело тут не в концентрации капиталов, хотя и это имело место, а в организации жизни большинства населения этих объединений таким образом, будто оно стало средством функционирования одного капитала. Новое качество в эволюции капитализма возникло по линии вовлечения масс населения в денежные операции по законам капитала, увеличения множества таких операций и усиления их роли в жизни людей. Этот процесс был связан с усилением роли государства в денежных операциях, с разрастанием денежного законодательства, с упорядочиванием и регламентированием отношений между работодателями и наемными лицами, со структурированием предпринимательства, с ограничением конкуренции и свободы ценообразования, короче говоря - с социальной организацией и регулированием всей системы жизни общества по законам функционирования денег в качестве капитала.

В результате этого процесса подавляющее большинство членов западного общества, имеющих какие-то источники дохода, оказалось соучастниками деятельности банков как капиталистов, предоставляя в их распоряжение свои деньги, т. е. осуществляя основную часть денежных дел через банки.

Сделав всех людей, получающих или имеющих какие-то деньги, в той или иной мере частичными капиталистами, не говоря уж об акционерах, западное общество стало тотально капиталистическим.

Но это был лишь один аспект эволюции капитализма. По другой линии происходил процесс в некотором роде (с точки зрения нашей проблемы) противоположный.

ЭВОЛЮЦИЯ ЧАСТНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

В нашем веке, особенно после Второй мировой войны, произошли радикальные перемены в сфере частного предпринимательства. Назову основные из них. Подавляющее большинство частных предпринимателей начинает теперь дело не на свои деньги, а на деньги, взятые в банке в кредит, разумеется под проценты. Тем не менее, взяв деньги в кредит и начав дело, человек становится частным собственником. Становится формально, юридически. Фактическим собственником данного в кредит начального капитала является банк, причем тоже юридически. Взявший в кредит деньги предприниматель фактически выступает тут в роли служащего банка, который сам является частным предпринимателем. Таким образом, происходит разделение частных предпринимателей на две группы - кредиторов и должников. Они совместно затевают дело, деля прибыль между собою.

Большинство мелких и даже средних предпринимателей становятся таковыми не из врожденного стремления к наживе (таковое не существует), а просто будучи вынужденными на это обстоятельствами. Для них это - способ заработать на жизнь, зачастую соответствующий их навыкам и профессиональной подготовке, но не менее часто - не требующий особого обучения. Обычно они еле сводят концы с концами. Главная их цель - выплатить проценты за взятый кредит и сам кредит в банк, оставить себе и своей семье что-то на жизнь и поддерживать ход дела. Так что они в большинстве вынуждены довольствоваться минимальной прибылью. Да и то это далеко не всегда удается. Большой процент их разоряется довольно скоро. Разорение одних и появление других - это нормальное явление в обществе частного предпринимательства. Некоторая часть добывается средней прибыли, позволяющей расширять дело, на что уходят годы каторжного труда. Ничтожное меньшинство ухитряется преуспеть. Их приводят в качестве

пропагандистского примера достоинств частного предпринимательства. Какую роль здесь играет криминальный элемент, я не рассматриваю. Скажу лишь одно: роль огромную.

Частное предпринимательство в рассматриваемом случае есть форма принуждения людей к труду, и к труду не такому уж легкому. Даже в тех случаях, когда дело процветает, частные предприниматели на этом уровне посвящают жизнь в основном работе. Обычно они работают больше своих наемных работников. Этот вид труда связан с нервотрепкой и с постоянной тревогой за будущее. Условия труда лиц соответствующих категорий в коммунистическом обществе (заведующих, директоров предприятий) неизмеримо легче.

Вернемся к банку, у которого наш предприниматель берет деньги в кредит. Юридическим субъектом его может быть группа лиц (директоров, членов совета) во главе с избираемым ими президентом. Они все являются наемными работниками. Ни один из них не является собственником капитала банка. Собственником или собственниками являются другие лица. Так что юридический субъект предприятия, не являющийся собственником его капитала, распоряжается чужой собственностью и при этом считается частным предпринимателем. И одновременно он является кредитором (т. е. собственником!) по отношению к предпринимателю-должнику. Имеют место и другие варианты, которые выглядят нелепостью с точки зрения образцового частного предпринимателя-капиталиста. Но эти курьезные на первый взгляд варианты имеют место в современной реальности западного мира.

Важнейшим следствием усложнения и укрупнения предприятий концентрации капиталов и усложнения ситуации рынка явилось развитие класса управляющих и дифференциация функций предпринимателей на функции собственников и функции управляющих делом. В результате собственники утратили часть своей власти над делом, разделили ее с несобственниками, а порою уступили ее последним полностью.

Большинство крупных фирм управляется не теми, кто ими владеет, а профессиональными менеджерами. Однако многие менеджеры являются собственниками значительной части своих фирм и имеют долю в других. Значительная доля в больших фирмах принадлежит другим крупным корпорациям, обычно - банкам, страховым обществам и другим финансовым организациям. Они контролируют соответствующие фирмы и их менеджеров. Образуется сеть руководства бизнесом, которая принимает решения не только внутри отдельных фирм, но и вне их - в других фирмах, поскольку корпорация владеет в них определенной долей. Лидеры различных корпораций сотрудничают друг с другом. Таким путем владельцы долей капиталов фирм контролируют менеджеров внутри фирм. Одним словом, складывается сложная, многомерная и многоступенчатая сеть отношений собственности и управления предприятиями.

Таким образом, в современном западном обществе за частными предпринимателями сохраняются лишь два признака, определяющие их как особую социальную категорию: они суть юридические субъекты дела и ведут дело на свой страх и риск, не подчиняются в этой функции государству.

С точки зрения характера юридических субъектов, предприятия экономики западнизма разделяются на две группы. К одной группе относятся предприятия, юридические субъекты которых суть индивидуальные лица, а ко второй - такие, юридические субъекты которых суть организации из многих лиц. В обоих случаях юридические субъекты предприятий не являются капиталистами в смысле XIX и первой половины XX века. Таким образом, частное предпринимательство фактически перестало быть неразрывно связанным с отношением частной собственности и с персональными собственниками. Капиталист либо рассеялся в массе людей, каждый из которых по отдельности не есть капиталист, либо превратился в организацию наемных лиц, либо стал подчиненным лицом денежного механизма. Понятия "капиталист" и "капитализм", с моей точки зрения, потеряли

социологический смысл. С их помощью уже нельзя достаточно адекватно описать специфику и сущность западного общества. Мелкий акционер, предприниматель, имеющий кредит в банке и ведущий дела через банк, пенсионер, рентнер, владелец большой суммы денег, президент банка, менеджер с огромным окладом, рабочий, совершающий денежные операции через банк, и т. д. - все это суть представители различных социальных категорий, хотя все они суть соучастники в деятельности одного огромного безликого капитала.

Отмечу, наконец, тот факт, что владельцы предприятий, начиная с некоторых размеров предприятий и степени их важности для общества, теряют право и возможность по своему произволу закрывать предприятия (например, аэродромы, железные дороги, почта, телефон). Предприятия меняют владельцев, но продолжают работать. Нужны особые условия и решения властей, чтобы закрыть их. Так что мелкие и средние предприятия, с одной стороны, и крупные и сверхкрупные, с другой стороны, различаются не только количественно, но и качественно. Начиная с некоторого уровня различие частных и государственных предприятий теряет социальный смысл. Кампании огосударствления (национализации) частных предприятий или, наоборот, приватизации государственных не меняют социальную сущность экономики. Они означают фактически лишь махинации с целью повысить эффективность предприятий, избежать или скрыть банкротство, произвести массовое увольнение работников.

В больших частных предприятиях складывается система управления, которая структурируется и функционирует по законам бюрократических систем, а не по законам экономики, - в экономике вообще для этого нет никаких социальных законов. Положение сотрудников в них аналогично положению в любых других системах того же рода. Тот факт, что предприятие частное, играет роль второстепенную.

РЫНОК

Установился идеологический штамп в изображении рынка, который с незначительными вариациями кочует из книги в книгу. Согласно этому штампу предприниматель на свою личную ответственность принимает решение, какие ценности производить, какие услуги предлагать и как именно все это делать. Он юридически свободен в своей предпринимательской деятельности. Потребитель, в свою очередь, свободен относительно своих доходов и выбора ценностей и услуг, предлагаемых предпринимателем. Предприниматель осуществляет свои планы в рамках свободной конкуренции, договоров, инвестиций и цен в соответствии со своими ожиданиями прибыли. Рынок предоставляет предпринимателю информацию о спросе и предложении и координирует их. Производители узнают от потребителей, что им производить и за какие цены продавать. Производители не зависят друг от друга. Они стремятся делать вещи и выполнять услуги как можно лучше и продавать как можно дешевле, дабы привлечь потребителей. По выражению А. Смита, рыночные операции протекают так, как будто ими манипулирует "невидимая рука". Последняя есть сам рыночный механизм, а не государство. Задача государства - обеспечить рынку возможность выполнять его функции, не мешать ему работать, защищать от постороннего вмешательства.

Надо различать идеологический образ рыночной экономики и ее реальность. Идеологический образ создается так. Из сложной среды реальной экономической жизни общества абстрагируются ее отдельные черты. Они идеализируются и объединяются в некоторое целое. Затем дело представляется так, будто эти черты исчерпывают всю экономическую систему или, по крайней мере, являются главными в ней. Делается это для одурачивания простаков из западных стран с целью внушить им, будто достаточно

ликвидировать их "отсталую" экономическую систему и ввести на ее место "передовую" рыночную экономику в том виде, как ее изображает идеология и пропаганда, как в стране начнется экономическое процветание.

Что такое рынок в реальности? Западная экономика производит товары (вещи и услуги) для продажи за деньги. Совокупность продаж и покупок товаров и образует рынок. Не существует некий абстрактный рынок вообще. Существуют различные регионы, сферы, уровни, стадии развития рынка. Существуют и различные категории участников рынка и различные категории товаров. Одно дело - продажа предметов быта в мелких магазинах. И другое дело - продажа самолетов, кораблей, домов, земельных участков, больших партий оружия. Одно дело - мелкие предприниматели. И другое дело - промышленные империи с десятками и сотнями тысяч сотрудников. Рынок - сложнейшая машина, и функционирует она не сама по себе, а как часть экономики общества и общества в целом. Функционирует изо дня в день, из года в год в океане разнообразных и взаимосвязанных отношений людей, событий и информации.

В реальной жизни рынка можно заметить самые различные и даже взаимоисключающие явления - свободную конкуренцию и препятствование (я употребляю слово "привентация"), определение предложения товаров спросом и определение спроса предложением, снижение и повышение цен, точный расчет и авантюристический риск, взлеты и банкротства, прибыли и убыток, свободное (стихийное) ценообразование и заранее рассчитанное намерение.

Реальная рыночная экономика западных стран - это переплетение всевозможных средств организации сложнейшего процесса и всевозможных способов управления им. Только наивные люди могут верить, будто эта важнейшая сфера жизни западного общества пущена на самотек, предоставлена самой себе и какой-то мифической "невидимой руке". Я думаю, что если бы можно было измерить всю ту интеллектуальную, волевою, расчетную, планирующую и командную работу, которая делается в сфере рыночной экономики Запада, и сравнить ее с соответствующей работой коммунистической командно-плановой системы, то мы были бы потрясены убожеством второй в сравнении с первой.

Государство вмешивается в функционирование рынка в самых различных формах и по бесчисленным каналам - налоги, полиция, суды, законы, министерства, комиссии, советы, кредиты, субсидии и т. п. И все это воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Достаточно проследить за средствами массовой информации хотя бы одну неделю, чтобы заметить то, что государство, партии, общественные организации и всякого рода комиссии занимаются систематическим вмешательством в работу рынка. Рынок постоянно находится под неусыпным оком общества и власти. И если он время от времени выходит из-под контроля и причиняет неприятности, то причины этого надо искать прежде всего в тех, кто его пытается контролировать.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ ОБЩЕСТВА

Производительными силами общества Маркс называет материальные средства производства и рабочую силу, которая их использует для производства вещей и услуг. Он утверждает также, что состояние производительных сил определяет тип "производственных отношений" (социальной организации общества). Я не могу с этим согласиться. Думаю, что в случае с западнизмом (и тем более с коммунизмом, как увидим далее) дело обстояло иначе. Западнизм зародился с теми производительными силами, какие достались от прошлой истории. Он их развил и усовершенствовал. Но свои собственные, качественно новые производительные силы он развил лишь как результат своего расширения и

усиления. И с точки зрения субординации различных феноменов в рамках развитого общества западного типа приоритет принадлежит социально-экономическим отношениям (в марксистской терминологии - "производственным отношениям"), а не производительным силам.

На описание производительных сил, с которыми западнизм начал свою историческую "карьеру", достаточно нескольких десятков страниц. На описание производительных сил современного западного общества нужны сотни томов. Прогресс в этом отношении поистине поразителен. Десятки тысяч различных профессий. Число всякого рода вещей, так или иначе используемых в производстве предметов потребления и услуг, вряд ли можно сосчитать. А с точки зрения сложности, совершенства и мощности современные средства производства превзошли все то, что могла вообразить себе фантазия людей еще недавнего прошлого. Этот баснословный прогресс принято ставить в заслугу капитализму. Это справедливо лишь отчасти. Точнее будет видеть основу его в западнизме, частью которого является капитализм.

Прогресс средств производства сопровождался одновременным прогрессом рабочей силы. Последняя должна была быть в состоянии использовать эти средства производства и служить им, поддерживать их на должном уровне и усовершенствовать их. А это - образование и обучение миллионов людей в ряде поколений. Рабочая сила должна быть адекватной средствам производства - это есть объективный закон производительных сил. Эта адекватность колеблется в более или менее широком диапазоне. Временами она нарушается, как это можно наблюдать в последнее время. Появляется множество книг и статей о том, что система образования и обучения переживает кризис, не отвечает требованиям современности. Появляются и публичные опасения насчет человеческого материала, не удовлетворяющего требованиям все усложняющейся технологии и социальной организации.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

Формирование западнизма имело одним из условий и вместе с тем следствием формирование особого социального феномена, который я называю научно-техническим комплексом. В этот комплекс я включаю науку, технику, научно-техническое просвещение и образование, внедрение научных открытий и технических изобретений в производство.

В XIX веке научно-технический комплекс достиг неслыханного до того уровня развития и обнаружил свои социальные свойства. Начался процесс превращения творческого элемента производства по изобретению и усовершенствованию средств труда в самостоятельную сферу разделения труда, в профессиональную деятельность особой категории людей. Этот процесс стал возможен и дал поразительные результаты благодаря тому, что Запад сам породил достаточно большое число людей с высочайшими творческими и интеллектуальными способностями, а также благодаря тому, что Запад сумел привлечь для этого выдающиеся умы и таланты из других стран и народов.

В XX веке, особенно в период после Второй мировой войны, научно-технический комплекс превратился в фактор социальный. По той роли, какую он стал играть в экономике западных стран, в деятельности государства (в особенности в вооружении армий) и в повседневной жизни граждан, а также по числу занятых в нем людей, по их профессиональной подготовке, по их творческим и интеллектуальным качествам и по их месту в социальной структуре населения он стал самостоятельной сферой жизни общества, вполне сопоставимой с прочими основными сферами - бизнесом, политикой, правовыми отношениями, средствами массовой информации. Высшие круги этого комплекса входят в

высшие, привилегированные слои общества и в правящий его класс наряду с лидерами политики и бизнеса.

В годы после Первой мировой войны роль научно-технического комплекса стала настолько огромной, что на Западе в двадцатые годы нашего века возникло особое социологическое учение - технократическое. Основная идея этого учения - установление политической власти технических специалистов, которые должны управлять обществом не на основе частных интересов каких-то общественных групп (классов, слоев), а на основе научно-технических знаний и в интересах всего общества.

В годы после Второй мировой войны технократическое направление западной общественной мысли еще более усилилось, получив мощнейшую основу в виде научных открытий и технических изобретений, о каких даже думать не смели самые отважные исследователи, изобретатели и фантазеры еще недавнего прошлого. Но из этого никак не следует, что научно-технический комплекс может занять место деловой (экономической в том числе) и государственной сфер общества. Всему свое место. Бизнес и управление обществом имеют свои специфические правила и требуют профессиональной подготовки людей, которая существенно отличается от профессии математиков, инженеров, программистов, экономистов и других представителей научно-технического комплекса. Деловые, социальные, экономические и политические проблемы не являются проблемами чисто академическими, для решения которых нужен лишь "математический" интеллект, т. е. интеллект, ищущий научную истину и оптимальное техническое решение. Это - прежде всего и главным образом проблемы ситуаций, в которых сталкиваются различные и часто (если не чаще) несовместимые интересы людей, групп людей, предприятий, классов, слоев, больших человеческих объединений и даже целых стран. В этих ситуациях идет борьба, считающаяся прежде всего с силами участников их, а не с интересами научно-технических задач, как таковых. Научно-технические знания в таких ситуациях используются в их специфической роли, т. е. как подсобные средства, а не в качестве инструкций поведения для конфликтующих или кооперирующихся сил. Представители научно-технического комплекса участвуют в таких ситуациях в качестве советников, а не ответственных лиц. Если же они попадают в число последних, они действуют все равно по особым правилам поведения деловой или политической сферы, лишь принимая во внимание то, что им известно в качестве выходцев из научно-технического комплекса.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ И ЧАСТНЫЙ СЕКТОРЫ

В экономике современных западных стран существуют предприятия, которые являются государственными ("общественными"). В их число попадают предприятия в силу причин неэкономического характера, а также предприятия, которые важны для государства и общества, но не могут выжить в качестве частных в силу нерентабельности и неконкурентоспособности.

Главное социальное отличие государственных предприятий от частных состоит в том, что они имеют государственные дотации, благодаря которым они могут существовать, даже будучи нерентабельными. Работники их нанимаются, как правило, на постоянную работу, уволить их без достаточно серьезных оснований невозможно. Так что эти предприятия суть своего рода "оазисы" коммунизма в капитализме.

Приватизация государственных предприятий означает изменение их социального статуса, благодаря чему становится безнаказанное (законное) массовое увольнение работников и реорганизация предприятия с целью превращения его в рентабельное.

Государство от этого имеет деньги на свои нужды. А расплачиваться приходится людям, которые строили жизнь с расчетом на постоянную работу по профессии.

ДЕНЕЖНЫЙ ТОТАЛИТАРИЗМ

Я рассмотрел экономику западнизма с точки зрения ее содержания. Перейду к рассмотрению ее со стороны формы. Это разделение формы и содержания не является абсолютным. В процессе эволюции тут происходят такие изменения, что они меняются местами в их проявлениях. Тем не менее в исходном пункте необходимо фиксировать их принципиальное различие.

Деньги являются одним из величайших изобретений человечества, сопоставимым по своей важности с изобретением языка. Они являются также и великим источником несчастий. Но в истории человечества не было ничего значительного, что принесло бы только одно добро, и никогда не будет. Даже изобретение языка не было абсолютным благом. Язык был, есть и будет одним из мощнейших орудий зла.

Возникли деньги задолго до капитализма и Запада. Возникли они как знаки ценности вещей и услуг и как количественная мера (как средство измерения) ценности, т. е. как знаки величин ценностей. Они стали средством обмена и торговли, средством накопления ценностей (богатств), средством осуществления различного рода отношений между людьми, включая брачные, семейные, деловые, политические отношения и действия. Их роль расширялась, упрочивалась и разнообразилась, охватывая все сферы жизни людей. Это послужило одним из важных условий формирования феномена Запада. А с победой западнизма создались ничем не сдерживаемые условия для того, что я называю денежным тоталитаризмом. Из формы (средства) социальных отношений людей деньги превратились в самодовлеющую сущность, сделав людей средством для своего бытия.

Испокон веков деньги выполняли функции знака и меры ценностей. Затем к этим функциям присоединилась функция капитала. В современном западном обществе, особенно после Второй мировой войны, в полную силу развилась еще одна их функция - деньги стали универсальным и всеобъемлющим средством измерения, учета и расчета деятельности людей, учреждений и предприятий, средством управления экономикой и другими сферами общественной жизни, средством управления людьми и контроля за их общественным поведением. В экономической и социологической литературе иногда роль денежной системы сравнивают с ролью кровеносной системы живых организмов. К этому с полным правом можно добавить то, что денежная система выполняет значительную часть и функций нервной системы организма.

Деньги стали (подчеркиваю, стали теперь, а не были такими изначально!) главным регулятором всей основной жизнедеятельности людей западного общества, основным побудительным мотивом, целью, страстью, заботой, контролером, надсмотрщиком, короче говоря - их идолом и богом. Западные люди одержимы деньгами вовсе не потому, что они морально испорчены (в моральном отношении они не хуже людей обществ иного типа), а потому, что деньги стали абсолютно необходимым условием, средством и формой их жизнедеятельности. В деньгах концентрируется и символизируется вся суть жизни людей в этом обществе. Это есть та реальная социальная атмосфера, которой они дышат, социальная пища, которой они питаются, социальная среда, в которой они движутся в поисках средств существования. Деньги для западного человека - это возможность иметь все то, что необходимо для жизни, и иметь то, что сверх необходимого. Это - возможность иметь комфорт, образование, культуру, здоровье, удовольствия. Это - уверенность в завтрашнем дне, уверенность в будущем детей. Кто бы ни был западный человек, он так

или иначе, прямо или косвенно, сам или через других людей вынужден быть участником, объектом и субъектом денежного тоталитаризма.

По вещной форме деньги обычно разделяют на такие категории: 1) товарные деньги, имеющие ценность как вещи, т. е. сами по себе; 2) бумажные денежные знаки и монеты; 3) ценные бумаги, чеки, кредитные карты, юридические денежные документы. Я называю собственно деньгами только указанные во втором пункте денежные знаки, выпускаемые специальными банками и охраняемые государством, - государственные денежные знаки. Так называемые "товарные деньги" начинают играть роль денег в экстремальных ситуациях. В нормальных условиях они суть вещные ценности, оцениваемые в государственных деньгах и в принципе обмениваемые на них. Указанные в третьем пункте бумаги суть (по моей терминологии) знаки денег или метаденьги. Они предполагают в основе государственные деньги и возможность иметь с их помощью денежные знаки. Так что деньги, без которых немыслим капитал и капитализм, суть фактор государственности, т. е. суть явление не только в деловом аспекте общества, но и в коммунальном.

УСЛОВНЫЕ ДЕНЬГИ

Лишь государственные деньги являются тем универсальным и всеобъемлющим инструментом общества, о котором говорилось выше. В этой форме они становятся основой для высшей стадии эволюции денежной системы - для системы условных денег, т. е. для учета, расчета и регулирования деятельности и отношений людей в числах, обозначающих величины денег, но без участия реальных денежных знаков. Люди получают заработную плату, осуществляют покупки, оплачивают бытовые услуги, платят налоги, получают кредиты, короче говоря, осуществляют бесчисленные денежные операции, не прикасаясь руками к деньгам. И все те, кто вовлечен в эти дела, по большей части тоже не прикасаются к этим деньгам. Производятся банковские расчеты в неких потенциальных деньгах, происходит передвижение воображаемых денег путем манипуляций с числами на бумагах, относящихся к определенным людям, учреждениям, организациям и предприятиям.

Как рядовые граждане, так и предприятия во многих случаях должны расплачиваться наличными. Но это в основном мелкие операции. Операции с участием значительных сумм денег и в этих случаях совершаются посредством чеков и кредитных карточек (пластиковых денег), которые делают эти операции безналичными. Огромные денежные суммы циркулируют в сфере преступности и в незаконных операциях в общем и целом неуправляемых граждан. Но это не умаляет доминирующую роль условных денег.

Условные деньги не сводятся к реальным. Они суть новое качество в социальных отношениях людей. Величина условных денег, циркулирующих в обществе, во много десятков раз превосходит величину реальных денег, которых было бы достаточно для нормальной жизни общества, если бы условных денег не было. Но общество уже не может жить без последних.

Уровень условных денег как всеобъемлющих и доминирующих стал возможен благодаря развитию определенной тонкой технологии и компьютерам. Практические удобства их несомненны. Но власть денег над людьми от этого не ослабла, а усилилась. Она приняла еще более принудительные формы, неимоверно расширив при этом круг подвластных. Практически почти все занятые (имеющие работу) люди оказались подданными тоталитарного денежного режима. Ослабить власть этого режима можно только одним путем, а именно - усилением своей деловой активности, стремлением любыми средствами увеличить свой счет в банке или хотя бы свести концы с концами.

Банк, хотя в нем и работают люди, имеет дело с обезличенными числами. Он беспощаден. Власть денежного тоталитаризма вынуждает людей на более интенсивную жизнедеятельность, а все общество - на более интенсивный обмен веществ, какого не знали и не знают общества иного типа. Уйти полностью из-под власти этого режима можно только такими путями: быть от рождения или стать очень богатым человеком, самому войти в касту диктаторов, довольствоваться каким-то постоянным источником дохода, уйти в сферу преступности или опуститься на уровень полной нищеты.

Условные деньги (безналичный денежный расчет) не имеют ничего общего с коммунистической идеей исчезновения денег в некоем будущем обществе всеобщего изобилия. Согласно коммунистическому идеалу надобность в деньгах упадет, поскольку все потребности людей будут удовлетворяться. Утопичность этой идеи очевидна, и нет надобности ее критиковать. По изобилию материальных богатств современное западное общество превосходит все то, что могли себе вообразить коммунисты прошлого. Но роль денег от этого не уменьшилась, а, наоборот, всемерно возросла, подобно тому, как не отмерло, а усилилось государство в коммунистическом обществе, хотя отношения частной собственности были почти полностью ликвидированы.

Высшим результатом развития денег явилось то, что они стали исчезать из повседневной жизни людей как телесные феномены. Но при этом они сохранили и усилили свое значение в бестелесных расчетах денежных учреждений. Они скрылись в оболочке денежного механизма. Они спрятались за кулисы повседневного жизненного спектакля, сохранив за собою функцию режиссера этого спектакля.

Нет надобности доказывать то, каких космических величин достигает объем денежных операций в современном многомиллионном западном обществе. И было бы удивительно, если бы в этом обществе денежного тоталитаризма не сложился механизм, осуществляющий и охраняющий этот тоталитаризм. Он сложился, достиг огромных размеров и стал одной из важнейших опор общества. Описание его можно найти в бесчисленных социологических, юридических и экономических сочинениях, в учебных пособиях, в справочниках, в описаниях стран.

ГОСУДАРСТВО И ДЕНЕЖНЫЙ МЕХАНИЗМ

Мы уже говорили о взаимоотношении государства и экономики. К сказанному добавим еще следующее.

Капитализм не смог бы занять прочное место в мире без покровительства и защиты со стороны государственной власти. Последней самой нужно было, чтобы частное предпринимательство расширялось и укреплялось. Она стремилась установить прочную финансовую систему, урегулировать налоги, ввести правовые нормы, определяющие правила частного предпринимательства. Эта деятельность власти в самой большой степени подготовила буржуазные революции. В результате революций произошли структурные изменения власти и смена лиц, но государство с его функциями осталось. Оно увеличилось в размерах и приспособилось к новым условиям своего собственного (а не в качестве слуги!) существования. Оно укрепило в своей роли важнейшего элемента денежного механизма.

Функция охраны денежной системы испокон веков принадлежала государству. Государства западных стран не являются в этом отношении оригинальными. Новым здесь являются масштабы денежной системы и место государства в ней.

Функции государства в отношении денежной системы общеизвестны. Первая из них - выпуск денежных знаков и контроль за обращением денежных средств. Эту функцию

исполняет центральный банк (Германия) или несколько законодательно ограниченных банков (Англия), среди которых один может быть главным (США). Эти банки считаются независимыми от государства. Но независимость эта ограничена. Центральный банк не может быть независимым от государства, ибо он сам есть часть государства. Я думаю, что в системе разделения властей западнистского государства к трем традиционным его частям - к законодательной, исполнительной и судебной властям - следует добавить четвертую - денежную.

Государство устанавливает свод законов, регулирующих все действия и отношения людей, предприятий и учреждений, так или иначе облаченные в денежную форму. Государственные учреждения следят за исполнением законов и принимают карательные меры в отношении нарушителей их. Государство проводит определенную финансовую политику, принимая меры для обеспечения экономики деньгами и кредитами, регулирует массу денег.

Государство устанавливает определенную систему налогов. Особые государственные службы следят за соблюдением налогового режима. Благодаря налогам государство становится обладателем огромных денежных сумм - самым крупным владельцем денег в стране. И государственные траты денег превосходят все прочие.

Множество людей, так или иначе занятых в налоговой сфере, разнообразно по специализации и по социальному положению, не говоря уж об имущественных различиях. Несмотря на эти различия, однако, эти люди функционируют в сфере государственности, управляющей экономикой.

В западном обществе деньги в принципе должны приобретаться легально, т. е. в соответствии с юридическими нормами (законами), и должны пройти через государственный финансовый контроль, проверяющий их законность и взимающий с них налоги. Так что граф Монте-Кристо в современном западном обществе вроде бы невозможен. Однако принцип легальности денег постоянно нарушается. Мне не попадались обобщающие и суммарные данные на этот счет. Да они и невозможны в силу характера самого феномена. Но по тем сведениям, какие появляются в средствах массовой информации, можно судить, что сфера нелегального функционирования денег огромна. Практически можно истратить любые деньги, неподконтрольные государству. Существуют банки, в которых люди, раздобывшие большие деньги и желающие скрыть их, могут завести секретные счета. "Отмывание" незаконно нажитых денег и сращивание преступного бизнеса с законным стало обычным явлением. Более того, современная западная экономика вряд ли могла бы вообще существовать, если бы она целиком и полностью была заключена в рамки законности.

ИДЕОСФЕРА ЗАПАДНИЧЕСТВА

На Западе до недавнего времени было широко распространено убеждение, будто в западных странах наступила эпоха затухания социальных конфликтов и общенационального согласия интересов. Идеологии, выражавшие частные интересы групп, слоев и классов, потеряли значение. Их место стала занимать наука. Эпоха идеологий прошла, и наступила эпоха деидеологизации общества или постидеологическая эпоха.

При этом убеждении следует обратить внимание на следующее. Имеются в виду частные идеологии, выражающие интересы отдельных групп, слоев и классов. Идеологии связываются с социальными конфликтами. Эти конфликты считаются исчезающими. Считается, что эпоха идеологий вообще прошла. Частные идеологии отождествляются с идеологией вообще.

На все это можно возразить, имея достаточные и очевидные основания. Затухание социальных конфликтов есть явление временное. Одни затухают, другие вспыхивают. Группы, слои и классы с различными интересами не исчезают полностью, одни исчезают, другие появляются. Крах и исчезновение одних частных идеологий не есть исчезновение таких идеологий вообще. На месте одних появляются новые. Фашистская и марксистская идеологии потерпели поражение. Но появились новые, например пацифистская, феминистская, гомосексуалистская и другие. Да и старые еще не добиты совсем.

Но главное даже не в этом. Надо различать менталитетный аспект общества и особую сферу, функцией которой является формирование сознания людей и манипулирование ими путем воздействия на их сознание. Я эту сферу общества называю идеологической сферой, или, короче, идеосферой. В менталитетном аспекте можно наблюдать самые различные частные идеологии. Но далеко не все они попадают в идеосферу. Последняя есть компонент социальной организации общества наряду с государством и экономикой. Никакое общество не может существовать без идеосферы. В западных странах она тоже существует, причем более мощная, чем в коммунистических странах.

Во всех встречавшихся мне работах, в которых в какой-то мере речь шла об идеологии, под идеологией имелись в виду лишь какие-то идеи и учения. Но это - лишь часть сложного комплекса явлений, который я называю идеологической сферой, или идеосферой, общества. Эта сфера состоит из следующих двух основных компонентов. Первый из них образует определенная совокупность представлений, понятий, суждений, идей, учений, концепций, убеждений, мнений и т. п. людей обо всем том, что в данных условиях и в данной человеческой общности считается важным для осознания человеком самого себя и своего природного и социального окружения. Я называю этот элемент идеологической сферы идеологией.

Второй элемент идеологической сферы образует совокупность людей, организаций, учреждений, предприятий и используемых ими средств, так или иначе связанных с разработкой идеологии (можно сказать, с производством идеологических товаров и услуг), с ее распространением и доведением ее до потребителя, т. е. до отдельных членов общества и их объединений. Я называю его идеологическим механизмом.

ИДЕОЛОГИЯ ЗАПАДНИЗМА

Идеология западнизма есть идеология общества как целого. Употребляя выражение "западная (или западнистская) идеология", я имею в виду общие черты идеологии западных обществ, скажем идеологии западнизма. На Западе доминирует убеждение, будто такая идеология не существует. При этом представляют себе идеологию в таком виде, какой она приняла в коммунистических странах, особенно в Советском Союзе, т. е. в виде единого идеологического учения, которое навязывается населению как нечто обязательное, слой единого и централизованного идеологического аппарата, являющегося частью государственного аппарата. Но отсутствие в стране единой государственной идеологии и государственного идеологического аппарата еще не означает отсутствия в этой стране всякой идеологии и всяких средств идеологической обработки населения.

Если сравнить ту сферу общества, которая в коммунистических странах была подвержена деятельности идеологического аппарата и влиянию государственной идеологической концепции, с аналогичной сферой жизни людей западных стран, то без особого труда можно заметить, что в западных странах и без упомянутых средств идеологии достигается аналогичный результат, причем гораздо эффективнее, на мой взгляд, чем в коммунистических странах. Если употребить слово "оболванивание", обычно

применявшееся на Западе к коммунистическим странам, то можно констатировать как факт, что система идеологического "оболванивания" в западных странах является неизмеримо более мощной, чем та, какая была в Советском Союзе в сталинские и даже брежневские годы.

Идеология западнизма (западная идеология) складывалась веками, естественно-историческим путем, в общем процессе духовного и культурного развития народов Запада, а не навязана кем-то сверху как нечто готовое. Будучи сама естественным элементом западнизма, она сложилась по общим законам западнизма и как адекватное ему социальное образование. Адекватное не в том смысле, в каком научные знания считаются адекватными изучаемым объектам (истинными), а в том смысле, что она отвечала условиям своего общества, его культуре, его человеческому материалу, его потребностям.

Идеология западнизма создавалась усилиями огромного числа философов, экономистов, социологов, политологов, писателей, политических и общественных деятелей, ученых. Среди создателей ее были такие выдающиеся личности, как Ф. Бэкон, Локк, Гоббс, Смит, Милль, Монтескье, Руссо, Гельвеций, Дидро, Вольтер, Гольбах, Кант, Гегель и многие другие, имена которых навечно остались в памяти человечества. XIX век вообще можно назвать идеологическим ураганом. А в XX веке сложилась идеологическая среда, в которой стали принимать участие десятки и сотни тысяч специалистов всякого рода.

Идеология западнизма складывалась по самым различным линиям и на различных уровнях как определенная форма понимания мира, человека, познания, общества вообще и нового общественного устройства - как форма самосознания нового общества. Одновременно она складывалась и как организация общественного сознания, и как стандартизация сознания людей, и как совокупность средств ориентации в новой социальной среде и приспособления к ней, и как система самозащиты общества от разрушающих его и противодействующих ему сил. Подобно тому, как западнизм в целом стал основой и остоном западного общества, его идеологическая сфера стала выполнять эту роль для всей сферы общественного сознания западных народов.

В создании идеологии западнизма использовались все лучшие достижения западноевропейской культуры. Родоначальники идеологии западнизма не подозревали того, что они выполняли "социальный заказ", а именно - создавали основы для системы обработки и стандартизации сознания людей, создавали своего рода "духовные" координаты для ориентации людей в сложном окружении и потоке событий, создавали систему ограничителей и критериев оценки поведения людей. Продолжателям их дела в развитом западном обществе эта сфера стала представляться уже как нечто само собой разумеющееся.

Конечно, были и сохраняются в какой-то мере сейчас национальные различия в идеологии западнизма. Но она сложилась как явление общезападное. Пожалуй, в области идеологии западное единство начало складываться как единство западнистское раньше, чем в экономической и политической сферах.

Как в историческом процессе формирования, так и в современном состоянии идеология западнизма не была и не является феноменом, отделенным от науки, литературы, живописи, журналистики и даже от религии. Она растворена, рассеяна во всем и вообще не воспринимается как идеология. Подавляющее большинство западных людей не знает, что такое идеология. В коммунистических странах, наоборот, даже школьники знали, что такое идеология. Идеология четко отличалась от прочих явлений культуры, не растворялась в них. Она была заметна, бросалась в глаза, порой вызывала раздражение и насмешки. Она вообще выглядела как нечто чужеродное и ненужное, хотя на самом деле ее организующая и воспитательная роль была огромна.

На Западе нет единой государственной (официально признанной) идеологии в форме целостного учения, как это было в Советском Союзе до недавнего времени. Тут нет книги, о которой можно было бы сказать, что в ней изложены по крайней мере основы идеологии западнизма. Последняя настолько разбросана, можно сказать, растворена в неидеологических явлениях, что ее как будто бы нет совсем. Можно заметить ее отдельные проявления и кусочки, и нет чего-то более или менее систематизированного и локализованного в откровенно идеологических текстах.

Идеология западнизма изложена в бесчисленных монографиях солидных ученых, в учебных пособиях для школьников и студентов, в популярных книгах и статьях для широкого круга читателей, в лекциях по телевидению, в газетных и журнальных статьях. Все то, что называют общественными науками, так или иначе содержит идеологию в больших дозах. Идеология западнизма является плюралистической в том смысле, что состоит из множества различных идей, учений, концепций, направлений мысли. Ее части невозможно механически объединить в единое логическое целое. Эти части зачастую противоречат друг другу, враждуют между собою. Тем не менее этот плюрализм можно рассматривать как разделение труда в рамках некоторого единства и как выражение индивидуальных различий авторов текстов. Во всяком случае, мы говорим об экономике Запада как о чем-то едином, хотя прекрасно знаем об ожесточенной борьбе между ее частями. Мы говорим о политической системе западных стран, зная о борьбе партий и фракций внутри партий. Так почему нельзя в том же смысле говорить о западной идеологии, если даже она кишит внутренней враждой?!

Идеологический плюрализм создает иллюзию идеологической свободы и свободы от идеологии вообще. Но в реальности это есть лишь свобода выбора идеологической клетки из многих таких клеток, заполняющих все социальные пространства общества, и свобода переходить из одной клетки в другую.

Идеологический плюрализм соответствует обществу демократическому. Он есть тут элемент гражданской демократии. Для общества недемократического характерен идеологический монизм и идеологическая нетерпимость.

Кроме того, западное общество настолько богато и разнообразно с точки зрения "духовных" потребностей, что одно идеологическое учение не может их удовлетворить. Идеологический монизм в значительной мере связан с относительной бедностью общества в смысле "духовных" потребностей.

В идеологии западнизма можно выделить три уровня - элитарный, пропагандистски-просветительский и житейский. Первый уровень образуют сочинения, претендующие на научность, внеидеологичность, творчество. Тут действительно делаются и научные открытия - идеология питается соками науки. Идеология тут облекается в форму высокого профессионализма. Профессиональный уровень в отношении отдельных проблем, конкретных деталей, эрудированности и формального аппарата тут довольно высок. Но он уживается с банальностью выводов, с игнорированием объективных законов социального бытия, с предрассудками и предвзятыми установками.

Второй уровень образует множество книг, статей, лекций и докладов широкого круга специалистов, занятых обучением студентов, выступлениями на конференциях, популяризацией и пропагандой идей, журналистикой. И третий уровень образуют средства человеческой деятельности, которые так или иначе могут быть носителями идеологии, - фильмы, романы, телевизионные передачи, школьные уроки, повседневная пропаганда и даже реклама.

Различия этих уровней настолько значительны на первый взгляд, что идеологи высшего уровня никогда не признаются в том, что они делают общее дело совместно с идеологами низшего уровня. Тем не менее они делают общее дело. Тут имеет место разделение труда в

интересах выполнения разнообразных функций идеологической сферы. Одно дело - выработать рафинированную идеологическую идею с учетом состояния науки, общественного сознания, политической и экономической ситуации, и другое дело - вдалбливать эту идею в головы обывателей, по необходимости придавая ей примитивный вид.

Такое "вертикальное" разделение функций имело место и в идеологии Советского Союза. Аристократы ее, которым было дозволено быть запанибрата с западными коллегами по профессии, с презрением относились к рядовым пропагандистам, поносившим последними словами западных коллег советских идеологических аристократов. Однако рядовые пропагандисты лишь обнажали суть того, что сочиняли аристократы марксизма-ленинизма. Как о коммунистической идеологии нельзя судить лишь по сочинениям Маркса, Энгельса, Плеханова, Ленина и других видных теоретиков марксизма, а нужно опуститься на уровень, на котором идеология поступает к массовому потребителю, так в анализе идеологии западнизма нужно принимать во внимание не только элитарный, но и примитивный потребительский уровень.

Идеология западнизма для всех одна. Если бы можно было извлечь ее из связи с другими явлениями, в которые она погружена, обнаружилось бы, что она с интеллектуальной точки зрения примитивна на всех уровнях. Различаются, строго говоря, не уровни в ней, как таковой, а уровни общих контекстов, в которых она вырабатывается, сохраняется и распределяется. Непримитивны и даже нарочито усложнены эти их контексты. Пилюли идеологии сами по себе не настолько приятны, чтобы люди стали их глотать добровольно и с удовольствием. Они подслащиваются более приятными "веществами" и растворяются в них, чтобы люди могли поглощать их, даже не замечая того. Идеологическая обработка населения западных стран вообще построена не как принудительная обязанность и дополнительная нагрузка, а как развлечение и полезная для потребителей идеологии деятельность.

Идеология западнизма не является идеологией какой-либо социальной группы, партии, слоя или класса. Она есть идеология внегрупповая, внеклассовая, всеобщая. Это не значит, что ее принимают все граждане, все группы, все классы. Это не значит, будто она объединяет все категории и группы граждан, будто она выражает их общие интересы, будто она является идеологией "классового примирения". Это не значит, что она входит во все идеологические концепции и частные идеологические феномены, существующие на Западе. Это означает, что ни один класс, ни один слой, ни одна партия и ни одна социальная группа не заявляет о ней как о своей идеологии. Она возникает, сохраняется и распространяется как особый и самостоятельный элемент общественного устройства. Ее положение в этом отношении сходно с положением государства. Она сохраняет этот статус, если даже отвергается какими-то людьми или группами людей, подвергается критике в каких-то ее проявлениях. Она живет, поскольку она есть сфера жизнедеятельности большого числа людей, занимающих стабильные позиции в обществе, имеющих влияние и сбыт своей продукции, способных отстоять свое положение.

В поле влияния идеологии находятся так или иначе все граждане общества, включая и враждебно настроенных. Раз люди читают книги, газеты и журналы, раз они обучаются в школах и университетах, раз они смотрят фильмы, телевидение и рекламу, раз они слушают своих политиков и общественных деятелей, раз они участвуют в каких-то общественных действиях, они вольно или невольно впитывают в себя идеологию западнизма, подвергаются идеологической обработке ("оболваниванию"). И тем самым они поддерживают идеологию. Потребляя продукцию идеологии, они дают ей возможность существовать - они тем самым питают идеологию. Они просто не могут от нее избавиться,

если бы даже захотели. Идеология западнизма в этом смысле есть дело всего общества, всех групп, слоев, классов.

Должен заметить, что и в этом отношении идеология западнизма не является исключением. Советская государственная идеология с самого начала заявила о себе как об идеологии всех "трудящихся", всего общества. В ней не было особых идеологий для рабочих, крестьян и служащих. Насмехаясь над коммунистическими идеями дружественных классов и бесклассового общества, идеологи западнизма сами проповедуют идеи классового примирения и единства интересов различных классов. Это - одна из задач идеосферы общества.

Неклассовая идеология западнизма, как я уже заметил, не предполагает, что с ней все согласны и все принимают ее. Она имеет противников. Многие безразличны к ней и вообще понятия не имеют о том, что таковая существует. Тем не менее она господствует над сознанием людей. Ею пропитана вся атмосфера, которою дышит сознание людей. Избежать ее власти просто невозможно, живя в западном обществе. Оказывая влияние и на враждебные ей умонастроения, она борется против них не менее ожесточенно, чем религиозные учения прошлого с ересями.

Идеология западнизма возникла в рамках феодального общества как мечта о наилучшем общественном устройстве, якобы соответствующем естественной природе человека, его неким прирожденным потребностям и правам. Когда западнизм начал завоевывать господствующее положение в обществе, обнаружилось, что он несет с собой не только благо, но и зло. Возникла потребность в защите достигнутого и в исправлении недостатков - потребность в апологетике западнизма. И функцию апологетики взяла на себя идеологическая сфера.

Апологетика общественного строя не есть нечто сугубо негативное, достойное морального осуждения. Это есть вполне естественное средство самосохранения общества, подобное с этой точки зрения правовым нормам, судам, полиции, армии, бюрократии. Но надо признать, что на Западе вплоть до середины XX века доминировало не апологетическое, а критическое отношение к западнизму. Преобладали социалистические и даже коммунистические идеи, провозглашавшие порочность капитализма.

Такое идейное состояние западного общества объясняется множеством причин. Среди них следует упомянуть то, что западная демократия сама создавала условия, благоприятные для процветания критических и даже антизападнистских умонастроений. Кроме того, западнизм еще только начинал свою победоносную историю и был уверен в себе. Когда угрозы его существованию стали (начиная с 1917 года) реальными, апологетика западнизма стала первостепенной задачей его идеологии и пропаганды.

К началу девяностых годов стало очевидно, что Запад одержал победу над мировым коммунизмом. Апологетика западнизма получила новые основания - радость победы и надежду на будущее. На Западе поднялся буквально ураган восхваления всего западного и очернения всего коммунистического. Еще никогда в прошлом апологетика западнизма не достигала таких гипертрофированных размеров и циничной откровенности. Нашлись мыслители, объявившие капитализм и демократию, особенно в их американском варианте, конечной целью всей истории человечества. Причем эту цель они объявили достигнутой, объявили это завершением, а кое-кто даже концом истории человечества. Средства массовой информации превозносили эту пропагандистскую чепуху как вершину человеческого разума. А ведь еще совсем недавно коммунистическая идеология объявляла коммунистическое общество конечной целью и вершиной прогресса, и это служило предметом насмешек на Западе. Теперь западнизм перенял претензии поверженного противника.

Нелепо осуждать идеологию за то, что она дает претенциозное и извращенное отражение реальности, ибо она лишь выполняет свои обязанности. Она не добилась бы успехов в борьбе против коммунизма, если бы акцентировала внимание на таких достижениях коммунизма, как ликвидация безработицы и нищеты, удовлетворение минимальных потребностей всех граждан, всеобщее бесплатное образование и медицинское обслуживание и т. д., а при описании западного образа жизни раздувала бы его негативные черты. Западная советология целиком и полностью стояла на позициях тенденциозно-негативного подхода к коммунизму и тенденциозно-позитивного подхода к западному обществу. Именно благодаря этому она стала эффективным оружием Запада в "холодной войне" против Советского Союза и вообще мирового коммунизма. Если бы вместо этого Запад взял на вооружение строгую науку о коммунистическом и о западном обществе, он такого успеха не добился бы.

Апологетика западнизма нуждалась в образе врага, который представлял бы опасность для западного общества и в сравнении с которым последнее выглядело бы как нечто подобное земному раю, во всяком случае - как лучшее из всех возможных общественных устройств. И история сделала такой "подарок" идеологии западнизма: в 1917 году на свет появилось реальное коммунистическое общественное устройство в России. С тех пор антикоммунизм стал превращаться в существенный элемент идеологии западнизма.

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ

Ценности, которые восхваляет и пропагандирует западная идеология, общеизвестны. Это - богатство, власть, слава, мастерство, собственность, комфорт, благополучие, сила, здоровье, удовольствие предпринимательство, свободы, права и т. д. Оргия прославления их достигла апогея в конце "холодной войны", когда стали прославлять все то, что в течение многих веков считалось пороками и наихудшими проявлениями свойств человеческой натуры.

Я не считаю это отклонением от норм западнизма. Наоборот, именно в этой оргии дали знать о себе нормы западнизма, долго сдерживавшиеся и маскировавшиеся вследствие ряда исторических обстоятельств. В течение более ста лет велась ожесточенная критика ценностей западнизма как пороков капитализма, так что вера в эти ценности была расшатана еще до того, как она успела укрепиться. Думаю, что негативный опыт национал-социализма, фашизма и коммунизма способствовал тому, что западные люди начали осознавать и ценить те ценности, какие порождал их социальный строй. Но этот процесс не был стихийным. Его организовали и возглавили профессиональные идеологи. Именно идеология вычленила специфические ценности западного общества и установила, что эти ценности суть результат капитализма и демократии.

Подобно тому, как в деловой сфере символическая и производная экономика берет верх над реальной и основной, в сфере ценностей символические и производные ценности приобретают доминирующее значение. Это имеет следствием извращение всей системы критериев оценки человеческой деятельности. Актеры, играющие роли выдающихся исторических личностей, становятся более известными и популярными, чем сами исторические личности. Исполнители чужих музыкальных произведений становятся известнее их сочинителей и зарабатывают больше, чем последние. Танцоры, боксеры, теннисисты, певцы и прочие развлекатели оттесняют далеко на задний план выдающихся ученых и изобретателей. Парламентские процедуры по поводу законов становятся главнее самих законов. Ураганы в масс-медиа затмевают своими масштабами реальные события, послужившие поводом для них. Короче говоря, вторичные социальные явления начинают

восприниматься людьми как более важные, чем те, на основе которых они возникли в качестве подсобных средств, а относящиеся к ним ценности начинают навязываться в качестве ценностей более высокого уровня, чем ценности фундаментальные. В самом жалком положении оказываются те, кто создает эти самые фундаментальные ценности, а в самом выгодном - те, кто наслаждается жизнью за их счет. Это старо как мир. От этой "несправедливости" законов социального бытия нет избавления. Каждому - свое!

Система ценностей западнизма есть отражение реальности западного общества, а не высосана из пальца прекраснодушными мечтателями. Она не навязывается людям сверху как нечто такое, что требует от людей усилия над собой и самоограничения, не приносящих никакой практической выгоды, даже наоборот, приносящих неприятности. И в этом ее преимущество перед коммунистической системой. Тем не менее потребность в возвышенных, идеальных, духовных ценностях ощущается на Западе. Об этом свидетельствуют, например, массовые движения за осмысленную работу, человеческую солидарность, коллективный и бескорыстный труд. Христианская церковь стремится прививать людям высшие моральные и духовные ценности. Различные молодежные движения выражают неудовлетворенность системой ценностей западнизма и стремятся развить какие-то суррогаты ценностей иного рода.

В многочисленных литературных произведениях и фильмах изображаются вымышленные ситуации, в которых герои поступают в соответствии с ценностями, какие стремились прививать людям в коммунистической России. Эти ситуации вымышленные. Если они и встречаются в реальности, то не как норма, а как исключение.

Система ценностей западнизма в современных условиях переросла в систему соблазнов. Это - нечто новое сравнительно с тем, что было ранее. В обществе произошел баснословный прогресс в отношении жизненных благ, о котором раньше никто не думал. Западнизм способствовал ему, но он не был запрограммирован в самой природе западнизма, подобно тому, как из природы (сущности, законов) западнизма не вытекает атомная бомба, космические полеты и гениальная инженерия. Благодаря масс-медиа все достижения в сфере жизненных благ стали общеизвестными. Молниеносно становится общеизвестным все то, что еще только делается в этом отношении, что будет сделано и что считается возможным. А идеология и пропаганда создают иллюзию, будто все эти сказочные блага общедоступны или в принципе могут быть доступными всем. Они играют в данном случае роль Сатаны-соблазнителя, только сулящего всеобщий земной рай.

Но в реальности жизненные блага распределяются неравномерно. Их много, но не настолько много, чтобы хватило всем. И они не даются даром. Одни из этих благ доступны очень немногим, другие доступны сравнительно многим, но в разной мере. Причем различия в мере огромны. Одним достаются крохи, другие же имеют по потребностям. В результате многие миллионы людей чувствуют себя обделенными и заражаются завистью к тем, кому доступны современные распропагандированные блага и кому они доступны в большей мере, чем им. Они заражаются жадой иметь блага, иметь сразу, иметь как можно больше. Эта жажда лишь в ничтожной мере остается движущим мотивом производительной деятельности общества. Она в основном становится идейно-психологическим состоянием людей, влияющим на их поведение совсем в других направлениях, в том числе в направлении карьеризма, преступлений, приспособленчества. А для большинства людей она становится дополнительным источником пассивных страданий. Они испытывают танталовы муки, видя фантастические современные богатства рядом, но не имея возможности воспользоваться ими.

Как уже говорилось выше, в западном обществе доминирует не стремление к лучшему будущему, а желание сохранить настоящее и страх потерять достигнутые блага. Если тут и происходит какое-то движение к лучшему, оно есть результат действия бездушных законов

западнизма, а не стремлений людей к каким-то идеалам. И это не есть недостаток. Идеалы вообще не играют решающей роли в истории. Они овладевают людьми лишь на короткий срок и в порядке исключения. Таким историческим исключением, т. е. отклонением от общего безыдеального состояния, была ситуация с коммунистическими идеалами. Мне даже кажется, что никаких других общественных идеалов в строгом смысле слова вообще не было и нет. Падение влияния коммунистических идеалов означает просто торжество заурядного, будничного, прозаичного, практичного и т. д. западнизма.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ

Положение с идеологическим механизмом на Западе во многих отношениях противоположно тому, какое имело место в Советском Союзе и других коммунистических странах до восьмидесятых годов нашего века. В них существовал единый и централизованный идеологический аппарат. Он был создан искусственно решениями высших властей и был навязан обществу "сверху". Он составил часть системы власти и управления. Он очевидным образом отличался от других учреждений. Его специальной функцией было все то, что связано с идеологией, с ее разработкой и охраной, с идеологической обработкой населения и идеологическим контролем. В нем профессионально работало множество служащих. Он вторгся во все сферы общества, стремился контролировать все аспекты жизнедеятельности людей. Он принуждал граждан к изучению идеологии, что стоило им немалых усилий, вовлекал их в идеологические мероприятия. Он был очевиден всем, нередко противостоял населению как нечто внешнее их жизни.

В западном обществе такого рода идеологического механизма нет. Но это не значит, что тут вообще нет никакого идеологического механизма. Тут существует свой механизм, по размерам и по характеру деятельности вполне сопоставимый с таковым коммунистических стран, а во многих отношениях превосходящий последний. Он сложился как составной элемент общего процесса формирования культуры, системы образования и воспитания, средств массовой информации, учреждений государства, гражданского общества. Сложился как-то незаметно, без специальных решений высших властей. Власти, создавая какие-то учреждения, понятия не имели о том, что тем самым участвовали в создании его. Он до сих пор не обособился в виде особой системы лиц и учреждений. Функции его в той или иной мере и форме выполняют школы, университеты, исследовательские учреждения, газеты, журналы, издательства, телевидение, литература, кино, реклама, бесчисленные организации, партии, движения и т. д. Он распылен в обществе, растворен в жизнедеятельности таких элементов общества, которые сами по себе идеологическими не являются. Одним словом, его как будто бы нет совсем.

Функции идеологов в западных странах выполняют философы, социологи, психологи, историки, политологи, журналисты, писатели, политики, советники в учреждениях власти и в партиях, сотрудники секретных служб и органов пропаганды. Имеются особые исследовательские учреждения, агентства и центры, так или иначе занятые проблемами идеологии. По крайней мере, во многих газетах, журналах, издательствах, учебных заведениях и т. д. есть люди, выполняющие функции идеологического контроля. Они решают, что писать и как писать, что говорить и как говорить, что печатать и что нет. Они решают, какие делать фильмы, какие составлять программы для телевидения, что и как пропагандировать, какие устраивать зрелища и массовые действия с идеологической подоплекой, какие проводить кампании, как отбирать и препарировать информацию

Эти люди придают единство и преемственность идеологическому плюрализму, образуют связную идеологическую среду. Они изучают сделанное в прошлом, осуществляют отбор, обработку и систематизацию идей и учений, издают и переиздают сочинения отобранных авторов, готовят справочники и учебники, короче говоря, осуществляют своего рода канонизацию имен, идей, учений. Эти специалисты изучают современную им общественную жизнь, данные науки и техники, вообще все то, что считают важным и интересным для масс населения. Они осмысливают изучаемое в рамках привычной для них традиции и с принятыми в их среде критериями, производят дальнейший отбор материала в идеологическую сферу. Это - организованная работа, осуществляемая из поколения в поколение. Лица, вновь вступающие в эту сферу, получают определенную подготовку, продолжают дело предшественников по тем же правилам. Если они не будут это делать, они не попадут в эту сферу, а попав в нее, не будут иметь успеха и не удержатся в ней. Они обязаны следовать определенным правилам профессиональной идеологической среды, чтобы заработать на жизнь, делать карьеру, приобретать известность.

Тут складываются свои группы, школы, течения. Они конфликтуют друг с другом. Но при этом они проявляют терпимость и взаимное внимание. Они сосуществуют и совместно делают одно общее дело. Они суть члены одной корпорации. Они легко опознают друг друга и совместно охраняют свою сферу от посторонних вторжений, угрожающих им как корпорации. Ведь и в рамках единой христианской религии были внутренние враждующие части.

Положение в идеологической сфере с рассматриваемой точки зрения подобно положению в экономике. Тут тоже можно говорить о некоем рынке идей, который функционирует так, как будто им управляет "невидимая рука". Есть те, кто производит и сохраняет идеологию, т. е. предлагает идеологические товары и услуги. Они доступными им средствами доводят свою продукцию до потребителей, т. е. до идеологически обрабатываемых сограждан. Тут имеет место самое настоящее, а не метафорическое потребление идеологической продукции - слушание, чтение, видение. И на этом рынке играет свою роль спрос, с которым считается предложение и который сам формируется предложением. И на этом рынке "невидимая рука" не есть нечто лишь воображаемое. Это - определенная система лиц, учреждений и организаций, вступающих в определенные контакты, достаточно хорошо подготовленных, чтобы оценить положение на идеологическом рынке, и извлекающих для себя определенную выгоду.

Такой идеологический механизм не вызывает негативную реакцию у идеологически обрабатываемых людей, как в коммунистических странах, ибо его как будто бы нет совсем. Если что-то вызывает недовольство, то это - характер фильмов или телевизионных передач, обилие детективной и порнографической литературы, освещение событий в газетах, реклама, школьные и университетские программы и многое другое, но вовсе не идеология и не идеологическое насилие. Ты свободен! Хочешь - покупай, не хочешь - не покупай! Хочешь - смотри, не хочешь - не смотри! Хочешь - слушай, не хочешь - не слушай! Хочешь - участвуй в каких-то мероприятиях (собрания, манифестации, лекции и т. п.), не хочешь - не участвуй! Ты вроде бы свободен. Тот факт, что ты просто не в состоянии вырваться из поля идеологии, остается скрытым от тех, кто так или иначе испытывает его влияние.

Тут как на рынке товаров и услуг. Ты волен покупать или не покупать что-то конкретное, волен выбирать. Но ты все равно вынужден что-то покупать и выбирать. Твои возможности и потребности уже сформированы применительно к условиям рынка. Человек не может жить с закрытыми глазами и ушами, не может полностью изолироваться от всего того, что несет с собой какую-то информацию, что человек вынужден смотреть, читать и слушать, в чем ему приходится принимать участие. Человек просто не в силах уклониться от идеологических пиллль и капель, растворенных во всем, что проходит через его сознание.

Человек вроде бы предоставлен самому себе. Но среда, в которой он живет, не предоставлена самой себе. Среда формируется, а человек приспосабливается к ней. Среда формирует человека.

В западной системе идеологической обработки людей нет надобности специально, явно и принудительно вдалбливать в головы людей идеологию. Такой метод лишь временно имеет успех и ненадежен. Гораздо эффективнее действует другой метод, а именно - дать людям идеологическую свободу, создать иллюзию отсутствия идеологического поля вообще и даже идеологического хаоса, растворяя в жизненном пространстве людей идеологические капли, на заглатывание которых не требуются никакие усилия и способности. Важно лишь не давать при этом другим вносить в идеологический хаос какую-то явную и организованную идеологию - де идеологизировать людей в этом смысле. Но при этом неустанно вносить в этот идеологический хаос свои банальные идеи, отвечающие потребностям "деидеологизированных" сограждан. Идеологическая свобода в условиях западного идеологического поля есть гораздо более сильное средство идеологического оболванивания масс, чем идеологическое принуждение.

Но эта свобода сильно преувеличена в самой западной идеологии и пропаганде. Это скорее искусственно созданный для определенных кругов населения и в определенных границах идеологический хаос, в котором удобно проводить свою совсем не хаотичную линию. Это, можно сказать, "допороговое" явление, не влияющее существенным образом на идеологическое состояние общества. Но за этими границами, т. е. когда речь идет о возможности серьезного влияния на идеологическую атмосферу, вступает в силу мощный идеологический контроль. Пиши и говори, что хочешь! А что в том толку? Чтобы тебя услышало и поняло хотя бы небольшое число людей, нужна трибуна - пресса, телевидение, радио, книжная торговля. А до трибуны допускают не всякого. Хозяева трибун тоже свободны допускать до трибун тех, кто их устраивает, и не допускать тех, кто не устраивает. Чтобы воспользоваться свободой высказывания идей, нужны средства, а они сами суть рычаги идеологического механизма.

В отношении лиц и идей, которые властителями идеологической сферы считаются неприемлемыми, все начинают действовать так, как будто получили инструкцию из какого-то единого центра. Хотя такого центра формально нет, существует механизм согласованных действий. Решения вырабатываются авторитетными специалистами, советниками представителей власти, особыми учреждениями. А масса идеологических работников подготовлена соответствующим образом и имеет опыт работы. Так что нужно незначительное время и порою едва заметные намеки, чтобы механизм идеологии сработал согласованно. Поразительно то, что западный идеологический механизм, несмотря на отсутствие формальной централизации и единства, в последние десятилетия работал быстрее, чем коммунистический, более гибко и адекватно реагировал на обстоятельства. Именно жесткость, обнаженность, прямолинейность, бюрократизм и армейская дисциплинированность коммунистического идеологического аппарата оказались одной из причин его кризиса.

Если роль идеологии и культуры западнизма сопоставимы с ролью религии в феодальном обществе, то аналогом церкви может служить совокупность людей, учреждений, организаций и предприятий, занятых в сфере производства, сохранения и распределения продуктов "религии" западнизма. Грубо говоря, все элементы "церкви" западнизма можно разделить на три группы. К первой группе относится то, что можно назвать общественным сектором "церкви", а именно - различного рода государственные учреждения, включая секретные службы, исследовательские институты, университетские кафедры, общества, клубы, агентства, комиссии. Ко второй группе относится все то, что можно назвать частным сектором "церкви", а именно - множество предприятий, поставляющих продукты

"религии" на рынок идеологии и культуры, и "невидимая рука", управляющая механизмом этого рынка. К третьей группе относится совокупность людей, учреждений и предприятий, образующих то, что принято называть словом "масс-медиа" или просто "медиа". Это - своего рода Ватикан "церкви" западнизма со всей совокупностью учреждений вплоть до местных приходов.

ИДЕОЛОГИЯ И МОРАЛЬ

Надо различать научный и идеологический подход к самим проблемам идеологии. Научный подход в рассматриваемом случае заключается, на мой взгляд, в следующем. То, что критики идейного и морального состояния современного западного общества считают упадком, есть на самом деле существование в диапазоне норм, но не норм традиционного общества, а уже формирующегося нового уровня в эволюции западных человекообразных - сверхобщества. Это - закономерное явление. Называя его кризисным, идеологи создают впечатление, будто это состояние временное, будто его можно исправить в соответствии с рецептами идеологов и моралистов, будто можно организовать воспитание и обучение так, что все "кризисные" явления исчезнут и наступит полное благополучие. Впечатление ложное. В то, что нечто подобное возможно, не верят сами идеологи, политики и специалисты в этой сфере, изображающие из себя оптимистов. Но никакой надобности в искусственном оптимизме нет, так как нет оснований и для пессимизма. Большинство принимает такое состояние сферы воспитания и обучения как нечто неизбежное и приспосабливается к нему. И не исключено, что именно попытки исправить ее в соответствии с рецептами моралистов породят еще худшее состояние.

Впечатление перманентного кризиса западной сферы воспитания, образования и обучения возникает потому, что видят бросающиеся в глаза и очевидные отклонения от норм этой сферы, но не видят скрытые нормы, видят внешние проявления законов этой сферы, но не видят того, что эти проявления суть неизбежные следствия самих законов. При этом к отклонениям от норм и к их внешним проявлениям применяют моральные критерии оценки, чуждые природе западнизма. Западное общество не является моральным по самой своей основе. Если Запад и нужно спасать от чего-то, то здравомыслящие западоиды знают, что тут нужны не традиционные моральные ценности, а мощная экономика, армия, секретные службы и та самая идеология, которую с удовольствием потребляют западные школьники, просиживающие перед телевизорами больше времени, чем над учебниками.

Утверждая, что западное общество не является моральным, я этим не хочу сказать, будто тут отвергаются моральные принципы, будто это общество аморально. Оно не является моральным, как и всякое другое общество, ибо моральных обществ вообще не бывает. На принципах морали не основывается никакое общество. Эти принципы имеют весьма узкую сферу действия. Вне этой сферы они не обязательно нарушаются, просто для них вне этой сферы нет условий. Люди совершают поступки тут в соответствии с другими принципами, а не по принципам морали.

Западное общество является по сути своей расчетливо-прагматичным. Моральное поведение тут является поверхностным и показным. Если же дело касается жизненно важных поступков и решений, если следование принципам морали препятствует достижению важных целей и успеху и, тем более, если это грозит серьезными неприятностями и потерями, то западные люди без колебаний забывают о моральном аспекте поведения и поступают в соответствии с правилами практического и эгоистического расчета. Западные люди моральны в мелочах, без риска, с комфортом и с

расчетом на то, что это видно. И это их качество не есть аморальность. Оно вполне укладывается в рамки морали в том ее виде, как ее представляют себе эти люди. А вне этих представлений мораль вообще не существует как фактор бытия.

Поведение людей в западном обществе вообще, а не только в сфере политики, регулируется главным образом и в основе своей не принципами морали, а принципами рассмотренных выше сфер бытия, а также "религией" и "церковью" западнизма, включая идеологию.

КУЛЬТУРА ЗАПАДНИЗМА

Идеосфера западнизма сложилась во второй половине нашего века как своего рода "надстройка" над наукой и культурой. Она использует их в своих интересах и как источник для своей идеологии, и как средства своего механизма для овладения сознанием и чувствами людей и манипулирования ими путем воздействия на их сознание.

Положение с термином "культура" может служить образцовым примером тому, в каком состоянии находится западная социальная мысль. Известно 175 определений этого термина. И ни одно из них не является общепринятым и бесспорным. Для наших целей будет вполне достаточно просто перечислить, что мы включаем в культуру: это - литература, театр, музыка, живопись, моды, архитектура, дизайн, танцы, кино и т. д. Более или менее образованный человек может по крайней мере в важных случаях отличить деятелей и продукты культуры от того, что в культуру не включается.

Я считаю, что надо различать западноевропейскую культуру и культуру западнизма. Западноевропейская культура, как особый тип культуры, была создана в основном народами Западной Европы. Выходцы из других мест планеты принимали какое-то участие в ее создании, но либо под ее влиянием, либо как ее фактические деятели, лишь жившие вне стран Западной Европы. Таковым, например, был вклад русских и американцев в западноевропейскую культуру. Началом западноевропейской культуры является эпоха Возрождения. Высшего уровня она достигла в XIX веке. Она представлена общеизвестными великими именами, перечислять которые нет надобности.

Западноевропейская культура сложилась как культура высочайшего интеллектуального, морального и профессионального уровня, причем с утонченным и чрезвычайно строгим эстетическим вкусом. Создатели ее были выдающиеся таланты и гении. Их было сравнительно немного. Эта культура сыграла беспрецедентную роль в просвещении и нравственном совершенствовании человечества. Это была культура аристократическая и элитарная в том смысле, что ее творили исключительно личности и ей покровительствовали тоже личности в своем роде исключительные. Эта культура создавалась не как кастово-аристократическая и не как кастово-элитарная. Она создавалась по законам культуры как особого социального феномена (по законам литературы, живописи, музыки и т. д., как таковых) и во всю мощь талантов ее творцов, а не по внешним для культуры, как таковой, законам социальной организации общества. Она аристократична и элитарна в том смысле, что не опускалась добровольно или по принуждению до плебейского уровня масс, а, наоборот, возвышала массы до высочайшего интеллектуального, морального и эстетического уровня своего времени, т. е. до уровня исключительной части граждан общества. Она была критичной по отношению к самим устоям своего общества и к его идеологии. Она была самой свободной культурой в истории человечества в смысле ее независимости от политики, идеологии и мнений "черни".

В XX веке начался упадок западноевропейской культуры как особого исторического типа культуры. Это отмечали многие. Я хочу сейчас сказать лишь о том, как я понимаю этот

упадок. Он, на мой взгляд, не есть деградация всякой культуры в Европе. Он заключается в том, что стала относительно снижаться роль западноевропейского типа культуры в общественной жизни Запада. Она утратила роль лидера общественного прогресса, перестала быть просветителем и учителем нравственности и вкусов общества. Относительно сократился ее объем в культурной жизни стран Запада. Ее потеснили явления культуры иного типа. Она не умерла совсем. Она продолжает жить в смысле сохранения того, что уже было создано. Но то, что делается как вклад в нее именно как в особый исторический тип культуры, уже не есть высшее достижение современной культуры. Новые открытия в культуре выходят за ее рамки. Они чужеродны для нее. Они суть открытия в сверхкультуре.

СУПЕРУРОВЕНЬ ЗАПАДНИЗМА. СОЦИАЛЬНЫЕ КЛАССЫ

Суперуровень общества является наиболее развитым в обществах западнистского типа. Выше нам уже пришлось не раз говорить о нем в связи с другими темами. Здесь мы сосредоточим на нем внимание специально.

Суперуровень общества, повторяю, образует структурирование и функционирование членов общества вне объектов социальной организации на микроуровне и макроуровне, но на их основе и в зависимости от них.

В течение длительного времени на Западе имел влияние марксистский подход к социальной структуре населения. В основе его лежало деление людей на основные классы, противостоящие друг другу. Основными классами западного общества как общества капиталистического считались владельцы средств производства и наемные рабочие - капиталисты и пролетарии. Этот подход в XX веке был несколько модифицирован немецким социологом Максом Вебером и сохранил некоторое влияние до сих пор. Но большинство авторов считает его лишенным смысла в отношении современного западного общества. И не без оснований.

Анализ деловых клеточек западного общества обнаруживает сложную социальную структуру занятых в ней людей с иерархией социальных позиций и с отношениями начальствования и подчинения. А если принять во внимание разнообразие и иерархию клеточек, а также систему коммунальных клеточек, включая систему государственной власти, то обнаружим социальную структуру членов общества в десятки раз более сложную, чем на уровне отдельных клеточек.

В реальной структуре западных стран нет такой поляризации классов, на какой базировалась марксистская идеология. Вместо абстрактного капиталиста Марксовой схемы можно увидеть множество людей различных социальных категорий - занятого тяжким трудом мелкого или среднего предпринимателя, находящегося в вечном долгу у банка; наемных лиц, выполняющих функции управляющих и надсмотрщиков; менеджера, распоряжающегося акционерным или частным капиталом; директора банка; президента банковского совета или еще какой-то вариант. И лишь в порядке исключения тут увидишь марксовского капиталиста, да и то в частичном виде.

Точно так же обстоит дело с другим элементом схемы - с наемными лицами. В их числе окажутся директора банков, получающие больше денег, чем миллионеры-предприниматели; менеджеры; государственные чиновники вплоть до президентов, министров, генералов; инженеры; профессора; артисты; спортсмены и прочие лица, ничего общего не имеющие с пролетариатом. В промышленности западных стран занято меньше трети работающих людей, по крайней мере половина которых не является рабочими по профессии. Рабочие в сельском хозяйстве суть ничтожная часть населения. Много людей в

сфере обслуживания заняты физическим трудом. Но они не образуют никакой социальной класс. Рабочий класс в том виде, в каком он послужил основой для марксистских идей классовой борьбы и диктатуры пролетариата, вообще больше не существует в западных странах.

Выше я уже говорил о таком явлении в структуре населения, как превращение многих миллионов рядовых граждан в собственников каких-то денежных сумм, которые в совокупности образуют огромные капиталы. Хотя эти люди не становятся капиталистами, они в этой их роли становятся участниками жизни капиталов отнюдь не в роли наемных рабочих, а мелких собственников и участников капиталов. Наемные рабочие, попадающие в это множество, теряют свою "классовую чистоту", если так можно выразиться.

Означает ли это, однако, что общество уже не распадается на классы с различными интересами, что наступила эпоха единства всех слоев населения и классового примирения? Ни в коем случае! Изменилась структура расслоения членов общества на различные категории, слои, классы и т. п., так что старые представления утратили реальный смысл, что было воспринято как исчезновение социального расслоения вообще.

НАНИМАТЕЛИ И НАНИМАЕМЫЕ

Пожалуй, самыми обширными классами современного западного общества являются класс работодателей (или нанимателей) и класс работников (или нанимаемых). Элементами первого класса являются не только отдельные предприниматели, но и группы людей, совместно распоряжающихся ресурсами дела и организующих дело. В наше время такие группы играют решающую роль. Они имеют различные размеры - от нескольких человек до многих тысяч, как это можно видеть в больших компаниях. В эти группы входят как собственники средств деятельности, так и наемные лица - менеджеры, работники контор и канцелярий, короче говоря, все те, кто представляет и отстаивает интересы группы-работодателя, будучи членами этой группы. Работодателем может быть не только группа, владеющая и распоряжающаяся средствами частной компании, но и общественное и государственное учреждение. Определяющим признаком работодателя является то, что он распоряжается средствами деятельности и может нанимать других людей, т. е. функция в отношении "наниматель - нанимаемый". Вне этого отношения работодатели и члены групп работодателей обладают другими признаками, в том числе сходными с представителями класса нанимаемых. Классовое расчленение общества есть лишь одна из частичек его структуры, а не вся структура.

В класс нанимаемых входят не только рабочие, но и служащие всякого рода, включая государственных служащих. Важно отметить одну особенность членов класса нанимаемых: это - отдельные люди, а не группы людей, не организации, не учреждения. Если работодатель имеет дело с группой, учреждением или организацией, он имеет с ней дело не как работодатель и не как с нанимаемым, а как предприниматель с другим предприятием. Это - отношение иного рода, не отношение классовое.

Как показало забастовочное движение в последние годы, работники общественных служб (почта, уборка мусора, транспорт) и даже государственных учреждений (включая полицию) ведут себя в качестве нанимаемых по отношению к нанимателям точно так же, как рабочие. Это вызвало волну возмущения в общественном мнении. Но никто не обратил внимания на то, что имевшие тут место конфликты суть конфликты классовые, которые раньше признавались только в отношении собственников-капиталистов и наемных рабочих, занимавшихся в основном физическим трудом. Теперь же можно констатировать новый вид классовых отношений и классовых конфликтов.

В класс наемных работников входят и лица, сами являющиеся собственниками денежных сумм, акций, имущества (домов, земельных участков, вещей). В подавляющем большинстве это - не пролетарии в том смысле, как их описывали Маркс и Энгельс. Тем не менее это не устраняет того, что они занимают определенное положение в отношении "наниматель - нанимаемый", а именно являются в этом отношении нанимаемыми. Этим классовым отношением не исчерпывается их социальный статус. Их интересы как нанимаемых не совпадают полностью с интересами нанимателей. А иногда они вступают в конфликт.

Члены логического класса нанимателей образуют различного рода объединения, разумеется - в своих интересах. Тем самым они организуются в класс нанимателей в социальном смысле. Именно организуются. Эта их классовая организация есть существенная часть структуры общества. Объединяются в социальный класс и нанимаемые. Происходит это благодаря профсоюзам, партиям, демонстрациям, забастовкам. Тут организация не является такой сильной, как у нанимателей. Однако она настолько сильна, что некоторые апологеты капитализма видят в этом угрозу демократии и рыночной экономике.

Класс нанимаемых не есть нечто однородное. Он разделяется на множество различных категорий по различным признакам. Важное значение, например, имеет разделение на работающих по контракту на определенное время и постоянно. Порою контракт оказывается формальностью, и работа превращается в постоянную. Превращение нанимаемых в постоянных служащих деловых клеточек есть тенденция, имеющая основания в условиях деятельности и организации клеточек.

Хорошо оплачиваемая постоянная работа по профессии имеет много преимуществ в глазах членов общества, особенно высокообразованных и высококвалифицированных. Тут сама работа представляет интерес, имеются возможности для успеха, удовлетворения честолюбия, для общения. Тут отсутствует тревога за судьбу дела, отсутствуют неприятные отношения с банком и государством. Для значительной части граждан работа по профессии является гарантированной. У наемных лиц есть организации, защищающие их интересы (профсоюзы), и правовая защита.

Фактическая эволюция западного общества порождает и все более усиливает эту, по сути дела, коммунистическую тенденцию к превращению значительной части работающих граждан в наемных служащих государства и больших частных предприятий. В обществе уже сложились обширные и влиятельные социальные классы таких граждан. Хотя время от времени предпринимаются усилия как-то сдерживать их непомерное разрастание и поощрить частное предпринимательство, остановить процесс коммунизации (назовем так эту тенденцию) западного общества уже невозможно. То, что эта тенденция выходит за рамки западнизма, я думаю, очевидно.

Некоторые западные социологи фиксируют особый подкласс класса наемных работников. Он характеризуется такими чертами. Большинство из них имеет хорошее образование, окончили колледжи или университеты. Многие имеют ученые степени. Они имеют дело с теми или иными жизненными проблемами не непосредственно, а путем манипулирования с символами, со знаковыми данными о реальных явлениях, операциях, процессах. Их орудия - математические алгоритмы, научные теории, кодексы законов, финансовые операции, психологические средства, логические рассуждения. Они отражают реальность в абстрактных образах, перерабатывают последние и экспериментируют с ними, передают другим специалистам и в конце концов воплощают результаты своей деятельности в реальность. К этой категории относятся, например, ученые, инженеры-дизайнеры, юристы, финансовые советники, советники по налогам, издатели, журналисты, работники телевидения, создатели фильмов, работники рекламы, деятели искусства, проектировщики и т. д. Представители этой категории работают в одиночку или

небольшими группами. Они редко вступают в непосредственные контакты с теми, кто использует их труд. Они чаще имеют партнеров или помощников, чем начальников или надзирателей. До 20 процентов работающих попадает в этот подкласс.

КЛАССОВЫЕ КОНФЛИКТЫ

Главное в Марксовом учении о классах - фиксирование существования антагонистических классов и борьбы между ними. С логической точки зрения антагонистические классы суть частный случай логических соотносительных (парных) классов. В случае таких классов выделяются и определяются не отдельные классы, а пары классов, которые определяются совместно. Определение одного из них предполагает определение другого, один определяется путем противопоставления другому, ибо они друг без друга не существуют. Иначе говоря, такие классы определяются лишь через определение их отношения друг к другу. Примеры таких классов: рабы и рабовладельцы, начальники и подчиненные, кредиторы и должники, учителя и ученики. Выделяя антагонистические социальные классы, Маркс фиксировал не только их логическую парность, но и взаимосвязь их существования, противоположность их интересов, эксплуатацию одним классом другого. Кроме того, он выделял такие классы, которые имели место в самом базисе общества.

Марксистское учение выросло не на пустом месте. Оно отражало то, что имело место в реальности обществ прошлого и в западных странах в XIX веке. Сравнительно с современными западными обществами социальный строй их в эпоху Маркса был намного проще, выделяемые им классы действительно выделялись из всех остальных как основные, эксплуатация одним классом другого действительно была очевидной, трудящиеся классы действительно кормили все общество, борьба между классами проявлялась в бесчисленных забастовках, восстаниях, революциях.

Сохранились ли антагонистические классы и классовая борьба в современных обществах? Чтобы ответить на этот вопрос, надо изучить всесторонне состояние этих обществ и их положение в современном мире. По моим наблюдениям, они изменили формы, как бы "растворились" в мешанине других явлений, но все же время от времени дают о себе знать, например в открытых выступлениях наемных работников против ухудшения условий их труда и в образовании организаций, выражающих классовые интересы. Но борьба при этом обычно идет за перераспределение в пользу нанимаемых долей доходов и средств, которыми располагают предприятия и учреждения и которыми распоряжаются работодатели, а также за незначительные (с социологической точки зрения) изменения в условиях труда. Социальные отношения вообще не подвергаются критике и не ставятся под сомнение. Они устраивают обе стороны. Борьба идет в этих рамках. В этом смысле классовые конфликты уже не направлены против установившихся порядков, как это было в XIX столетии и в начале XX. В связи с теми изменениями, какие произошли в структуре собственности, вопрос о ней вообще потерял смысл как вопрос классовой борьбы. Доля нанимаемых в распределении благ зависит не столько от того, сколько капиталисты оставляют себе, эксплуатируя наемных лиц, сколько от общей экономической конъюнктуры и от положения предприятий и учреждений в этой конъюнктуре, а также от общей экономической политики государства. Сокращение личной доли работодателей в распределении благ не удовлетворило бы претензий нанимаемых даже в ничтожной мере. По этой причине классовые конфликты такого рода разрешаются путем переговоров враждующих сторон и экономических расчетов, составляющих часть экономических расчетов в обществе в целом. Классовая борьба в старом смысле перестала существовать.

Ее роль как борьбы социального масштаба перешла к массовым движениям иного рода и к борьбе между различными феноменами внутри системы западнизма.

СОЦИАЛЬНЫЕ УРОВНИ И СЛОИ

В западной социологической и экономической литературе принято делить население на три уровня - на высший, средний и низший. Основанием для деления служит размер собственности и дохода. Каждый такой уровень разделяется в свою очередь на подуровни, обычно на три. Например, по одной из таких классификаций средний уровень подразделяется на такие: 1) собственники мелких предприятий, местных магазинов, небольших ферм; 2) управляющие фирмами и представители профессий высокого уровня; 3) служащие контор, учителя, низший медицинский персонал и т. д. Низший уровень делят на квалифицированных рабочих, неквалифицированных рабочих, работающие этнические меньшинства. По другим классификациям в низший класс попадают безработные и вообще лица, имеющие доход ниже минимального.

Такого рода классификации очевидным образом искусственны. Почему три уровня, а не четыре или пять? В реальности имеет место непрерывная линия уровней собственности и доходов. В ней просто нет естественных точек разграничения. Фактическая роль таких классификаций - идеологическая: признав очевидный факт социальных и материальных контрастов, направить внимание людей на удобную для апологетики статистическую середину. Когда сообщают, что высший уровень составляет пять процентов населения, низший - десять, а средний - восемьдесят пять, то всякая социальная критика общества должна умолкнуть. В средний уровень при этом попадают мелкие и средние предприниматели, государственные служащие, профессора, артисты, квалифицированные специалисты, адвокаты, врачи и т. д. О какой тут классовой борьбе может идти речь?!

Разделение населения на высший, средний и низший уровни и установление их численности не есть конец анализа социальной структуры населения. Это - только начало анализа. Средний уровень не есть всего лишь один из уровней наряду с другими. Он представляет основное население страны, социальную структуру которого надо еще исследовать.

На мой взгляд, более адекватно западной современной реальности разделение населения на социальные слои в соответствии с социальным статусом членов общества. Имеют место многочисленные слои в различных измерениях, в различных районах и подразделениях общества, на различных уровнях. Образуется сеть и иерархия слоев, которая не укладывается в грубую схему трех уровней.

В значительной мере размываются границы между социальными классами и слоями. Вследствие усложнения материальной культуры и социальной организации на микроуровне и макроуровне все большее значение приобретают социальные объединения, выходящие за рамки социальной организации общества. Подробнее о них скажу ниже.

СЛОЙ БОГАТЫХ

Я думаю, что в социальной структуре западного общества следует выделить богатство не просто как обладание ценностями, но как особую социальную категорию того же типа, как капитал, наемный труд, бюрократия. И прежде всего для этого надо выяснить отношения богатства и капитала.

Не всякое богатство наживается и функционирует как капитал. Не всякий богатый человек есть капиталист. Не всякий капиталист богат. Капитал вообще не есть богатство. Он может служить лишь средством приобретения богатства, причем далеко не единственным. И в западном обществе существуют многочисленные способы обогащения, отличные от капиталистического, - наследование имущества и денег, высокая плата за занимаемую должность, махинации с имуществом и финансами, игра, грабеж, организованная преступность, плата за открытия и изобретения, огромные гонорары, мошенничество.

Богатство есть какая-то сумма ценностей. Эти ценности суть земли, дома, драгоценности, ценные вещи (мебель, посуда, одежда, ковры, картины, коллекции всякого рода). И, само собой разумеется, деньги и ценные бумаги. Но не любая такая сумма ценностей считается богатством, а лишь такая, которая превышает некоторую общественно значимую величину. Последняя определяется условиями данного общества. То, что является богатством в одном человеческом объединении и в одних условиях, может не быть таковым в других.

Но богатство - не просто сумма ценностей, подобно тому, как капитал не есть всего лишь деньги, приносящие прибыль. Богатство существует не само по себе, а как собственность особого рода людей, живущих среди других людей и вступающих с ними в определенные социальные отношения. Обладающие богатством люди образуют особый социальный слой. Это - феномен социальной структуры человеческих объединений.

Какими бы разнообразными путями богатые люди ни приобретали свои богатства и какой бы разнообразный образ жизни они ни вели, они образуют группы на основе личных контактов, а эти группы сплетаются в единые слои в масштабах районов, стран и континентов.

Слой богатых возникает во всяком обществе, в котором возможно накопление богатства. Возникает как нечто производное от фундаментальных социальных отношений. Но возникнув и укрепившись, он становится хозяином общества, точнее говоря, становится организатором господствующих слоев общества в единое целое - в общество богатых. Он сравнительно немногочислен. Но он овладевает львиной долей богатств общества, основными и самыми щедрыми источниками доходов, наилучшими каналами карьеры и вообще средствами жизненного успеха.

Слой богатых сохраняет и увеличивает свои богатства самыми различными путями, причем как некапиталистическими (я о них уже упоминал выше), так и капиталистическими. Хочу особое внимание обратить на то, что в высших этажах денежной системы оперирование огромными денежными суммами и приобретение их в личное владение в значительной мере выходит за рамки капиталистического бизнеса в собственном смысле слова. Это - игра на бирже, грандиозные банковские махинации, валютные операции высших финансовых учреждений, государственные денежные операции больших масштабов, операции на уровне символической экономики вообще, взаимоотношения бизнеса и представителей власти. В средствах массовой информации время от времени предаются гласности случаи, из которых можно видеть, как огромные суммы денег некапиталистическими методами перекочевывают в карманы представителей слоя богатых.

НАСЛЕДОВАНИЕ

В западном обществе существуют две формы наследования. Первая из них - наследование материальных ценностей (имущества, земли, денег и ценных бумаг) и дела родителей или других лиц в соответствии с правовыми нормами. Исторически оно было

необходимым условием возникновения и укрепления капитализма. Со временем тут произошли изменения, но сущность этого наследования сохранилась.

В мелком и среднем (в какой-то мере и в крупном) бизнесе большое число наследников продолжает дело предшественников, чаще - в силу необходимости зарабатывать на жизнь. Но в той сфере бизнеса, которая задает тон в экономике, наследование занятий происходит редко и не по правовым нормам. Многие дети бизнесменов предпочитают профессии иного рода.

Наследование материальных ценностей остается незыблемой основой общества. Тут имеют место юридические ограничения (налоги), но они не меняют сути дела. К тому же находятся способы их обойти. Далеко не все наследуемые ценности используются как капитал. Многие просто проживаются. Но значительная часть используется как средство наживы и накопления богатства.

Вторая форма наследования заключается в том, что наследуется социальный статус. Происходит это не в силу правовых норм, а благодаря тем возможностям, какие родители и родственники предоставляют наследникам, чтобы они смогли удержаться на том же социальном уровне и даже повысили его. Наследники начинают жизненный путь не с нуля, а уже с более или менее высокого уровня, будучи подготовлены к выполнению определенных функций и к борьбе за успех.

Эта форма наследования играет роль не только заботы родителей о потомстве. Она есть явление социально значимое и целесообразное. В огромном обществе с колоссальным разнообразием выполняемых людьми функций и иерархией степеней их сложности и важности невозможно, чтобы все дети начинали жизненный путь с нуля и проходили одинаковую подготовку. Они должны стартовать с разных уровней и с разными возможностями. Изображение западного общества как общества равных возможностей есть идеологический миф, в который никто не верит.

ДРУГИЕ КАТЕГОРИИ

Сказанное выше далеко не исчерпывает различные категории населения западных стран. Упомяну еще некоторые.

Современное западное общество уже немыслимо без иностранных рабочих. В Западной Европе их десятки миллионов. Они образуют особый слой, сопоставимый с рабами Римской империи. Они бесправны, как и рабы. Во всяком случае, права их ограничены сравнительно с коренным западным населением. Условия их жизни тоже сопоставимы с рабскими. Конечно, с ними обращаются лучше, чем с рабами в Риме или в США в прошлом веке. Тем не менее они попадают в западные страны извне в качестве дешевой рабочей силы и для видов труда, какими граждане западных стран считают недостойным себя заниматься.

Существование рассматриваемого слоя уже породило на Западе проблемы, которые вошли в число важнейших и труднейших проблем современности. Представители этого слоя утвердились в западных странах и начали борьбу за условия жизни и работы, по крайней мере близкие к таковым коренного западного населения. Последнее увидело в них конкуренцию и угрозу своему будущему. Естественно, начались конфликты, получившие название расовых. В США они давно стали привычными. Теперь и Западная Европа становится ареной для них.

К сказанному следует добавить еще тот факт, что большое число западных предприятий вынесено вовне, в те места планеты, где имеется дешевая рабочая сила и не действует

западное законодательство в отношении работающих на этих предприятиях туземцев. Эти люди косвенно - тоже элемент социальной структуры множества людей, вовлеченных в жизнедеятельность западного общества.

Постоянным фактором жизни западных стран является безработица. Наличие безработных вызывает недоумение по целому ряду причин. В стране миллионы безработных граждан, одновременно в ней занято в два раза больше иностранных рабочих. С другой стороны, предприниматели данной страны инвестируют свои капиталы и создают предприятия в других странах, давая там работу большому числу людей. Почему эта "нелепость" имеет место? То, что предпринимателям это выгодно, очевидно и общеизвестно. Иностранным рабочим меньше платят, чем своим. Они не имеют профсоюзов. Не надо тратить на их социальное обеспечение. В других странах рабочая сила дешевле. Не надо думать о социальных проблемах чужого населения. Но дело не только в этом. Безработица, возникнув как постоянно действующий фактор, воспроизводится уже с необходимостью и выполняет разнообразные функции, не заложенные в ней, как таковой. Она играет роль фактора трудовой дисциплины, сдерживает претензии работающих, заставляет благополучных ценить то, что они имеют. Многие граждане страны не хотят работать на тех же условиях, на каких работают иностранцы, и заниматься тем же унизительным трудом. А другие хотели бы, да не могут, так как места уже заняты и требуется профессиональная подготовка, какой у них нет. Многих устраивает пособие по безработице.

Безработица вполне уживается с дефицитом рабочей силы. Имеются профессии, в которых условия труда тяжелые, а оплата низшая (например, низкий медицинский персонал), и люди не идут на эту работу, предпочитая пособие по безработице или случайные заработки. А с другой стороны, возникают новые профессии, требующие высокой и необычной квалификации, на овладение которой нужно время, усилия и способности, какими обладает далеко не всякий. Развитие западнотской цивилизации пошло в таком направлении, что проблема способностей большого числа людей для овладения новыми профессиями приобретает все более важное значение. Думаю, что дефицит людей, способных на это, будет возрастать и может со временем стать препятствием прогресса.

Нет надобности говорить о том, что означает безработица для людей в материальном и в морально-психологическом отношении. В США миллионы людей из поколения в поколение не имеют постоянной работы. О том, что они живут на уровне ниже нищенского, не раз говорили президенты США. Страх потерять работу является важнейшим фактором, определяющим душевное состояние людей в странах Запада. Спад экономической активности в начале девяностых годов и рост безработицы резко усилили, по моим наблюдениям и по сведениям прессы, состояние душевной депрессии в широких слоях населения.

Наконец, нищие. Существование их признается официально. Число их огромно. Появление их закономерно. На одном полюсе общества происходит накопление баснословных богатств, на другом - беспросветной нищеты. Одна часть членов общества имеет доступ ко всем жизненным благам, ко всем достижениям цивилизации, о которых еще совсем недавно не могли мечтать даже самые привилегированные люди, а другая часть лишается той крупницы благ, какую раньше располагали даже бедняки.

ДОБРОВОЛЬНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ

Добровольные социальные объединения разделяются на две группы - на гражданские и личные.

Гражданские объединения добровольны в юридическом смысле, т. е. нет юридических законов, принуждающих людей создавать такие объединения и вступать в них. Конечно, могут быть обстоятельства, принуждающие к этому, но не юридические. Они не приносят никакого дохода. Те средства, которые какими-то путями оказываются в их распоряжении, только тратятся. Люди вступают в них не ради того, чтобы иметь в них какие-то источники дохода. Конечно, некоторые члены их, выполняющие в них какие-то деловые функции, могут получать за это вознаграждение. Но число таких невелико. Эти объединения узаконены в том смысле, что должны получить разрешение властей на их образование, должны сообщить властям цели объединения и основные его характеристики. В них должны быть лица, ответственные за их деятельность перед властями, - юридические лица, которые обычно осуществляют и руководство ими. Объединения, не удовлетворяющие этим требованиям, в эту категорию объединений не входят и не являются компонентами социальной организации общества на суперуровне.

Гражданские объединения создаются гражданами общества для защиты сходных интересов, для удовлетворения сходных потребностей, для участия в общем деле. Примеры таких организаций - партии, профсоюзы, союзы представителей одной профессии, союзы работодателей, союзы инвалидов, союзы съемщиков квартир, союзы сдающих квартиры, союзы налогоплательщиков, женские организации, организации защиты природы и животных, союзы молодежи и т. д. В современных развитых обществах число их огромно (многие десятки тысяч). Они различаются по размерам, по степени организованности, по времени существования, по источникам финансирования, по влиянию в обществе и многим другим признакам. Социологи называют их совокупность гражданским обществом.

Объединения членов общества, которые я называю личными, отличаются от гражданских объединений тем, что они не узаконены юридически. Они молчаливо допускаются или признаются в какой-то негосударственной форме (например, паблисити). Примеры таких объединений: школы и направления в науке; течения в искусстве; связанные личными отношениями группы в прессе, кино, телевидении; "команды" политических деятелей; группы с целью личного общения. Эти объединения образуются в личных интересах участников, для укрепления их личного положения, для их успеха и вообще какой-то личной выгоды. Они сами по себе не являются источниками дохода. Но принадлежность к ним позволяет приобретать лучшие позиции в профессиональной сфере, добиваться улучшений. Зачастую судьба человека вообще зависит главным образом от принадлежности или непринадлежности к таким объединениям. Сила их в политике, науке, культуре, идеологии и других сферах общеизвестна. К числу таких объединений относятся объединения людей в зависимости от их социального статуса с целью личного общения, для поддержания статуса и передачи его наследникам, для установления полезных связей, для обмена важной информацией. При этом в одну группу попадают люди различных социальных категорий. Например, в одну группу могут собраться политики, банкиры, танцоры, кинозвезды, ученые и писатели, не связанные коммерческими и государственными отношениями. Различный же социальный статус разбрасывает по разным группам коллег по работе, соседей и даже родственников. В обществе образуется огромное число таких групп на разных уровнях и в разных районах страны. Между ними устанавливаются разнообразные отношения и связи, так что некоторая часть общества оказывается совокупностью лично (непосредственно и опосредованно) связанных людей.

Это своего рода социальная ткань или среда приобретает большую силу в обществе Тут формируется общественное мнение.

В достаточно большом и развитом обществе возникает множество "точек", вокруг которых группируются люди самых различных социальных категорий с целью карьеры, источников дохода, паблисити, полезных связей. Эта группировка происходит на основе личных отношений. Образуются всякого рода клики, мафиозного типа группы, сговоры. Их участники делят между собой возможности, предоставляемые такими "точками", оказывают взаимные услуги, отталкивают посторонних. Они через эти "точки" сосут соки общества. Многие из них являются паразитами. Такие "точки" образуются во всех сферах общества.

ФЕОДЫ. СВЕРХОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Упомяну еще образование своего рода "дворов" или "свит" при личностях, обладающих способностью и средствами содержать штаты обслуживающих их людей (прислуга, деловые помощники, охрана, любовницы или любовники, адвокаты, детективы и т. п.). Многие из таких "феодов" (назовем их так) достигают больших размеров, являются долговременными. Они не создают никаких ценностей, с социальной точки зрения являются паразитарными. Но и они имеют силу в обществе.

Рассматриваемые феоды разделяются на две группы. Они различаются характером "феодала", т. е. личности, за счет которой и для которой они создаются. В одной из этих групп "феодалом" является более или менее значительная личность в системе власти и управления, оплачивающая услуги своих "вассалов" путем их устройства на соответствующие посты и других подачек за счет власти, а не из своего кармана. В другой группе "феодалом" является частное лицо, оплачивающее своих "вассалов" из своих средств. Эти "феоды" являются добровольными образованиями, но отнюдь не бескорыстными. Все более или менее значительные (по положению и по средствам) личности обрастают такими "феодами" начиная от нескольких человек и кончая сотнями.

НЕГЛАСНЫЕ СГОВОРЫ

Негласными сговорами я называю такие объединения людей, в которых отсутствует формальная организация, отсутствуют официальные лидеры и не обязательны личные контакты. Но поступают члены таких объединений так, как будто такая организация существует, как будто она имеет руководителей, как будто в ней имеет место разделение функций.

Примером таких негласных сговоров являются случаи, когда одним и тем же видом деятельности занимается сравнительно большое число людей. При этом они могут не иметь личных контактов и даже не знать о существовании друг друга. Вполне достаточно того, что они имеют представление о том, что делают другие, и положение каждого из них в какой-то мере потенциально или актуально зависит от деятельности других. Благодаря современным условиям (образование, средства коммуникации и информации) у них вырабатывается сходное понимание многих явлений действительности и сходная реакция на них. Хотя они лично могут быть не связаны друг с другом, в некоторых ситуациях они поступают сходным образом так, как будто сговорились или получили указание из какого-то единого управляющего ими центра.

Формально тут никакой организации не существует, но фактически такие негласные сговоры обладают порою чудовищной силой. То, что называют общественным мнением, есть совокупность такого рода незримых объединений людей. Помимо однородных объединений, тут возникают и смешанные, из множеств людей различных профессий и социальных категорий.

К числу таких объединений относятся так называемые элитарные образования. Обычным является понимание их как совокупности лучших представителей того или иного логического класса. Так, правящая (политическая) элита оценивается именно как совокупность самых умных, талантливых и т. п. представителей рода человеческого, которым в силу их превосходства над прочим человечеством положено быть его правителями. Это понимание - не просто вздор, это - циничная идеологическая апологетика существующего социального строя. В реальности же отбор в любые элиты, а в правящие - в особенности, происходит по социальным законам рационального расчета, делания карьеры, бизнеса, а отнюдь не по критериям отбора лучших. Впрочем, кого считать лучшим?

Третий компонент суперуровня общества образуют явления, вырастающие на основе компонентов социальной организации общества, вырастают в силу их развития, преодолевая сложившиеся рамки.

Можно констатировать такую закономерность социальной эволюции. В предобществах доминировали явления микроуровня, развивались явления макроуровня, о суперуровне вряд ли можно говорить как о чем-то значительном. В обществах доминируют явления макроуровня, явления суперуровня развиваются настолько, что в современных обществах социальная организация их оказывается уже не в состоянии справиться с ними. Создаются предпосылки для более высокого уровня социальной организации - для сверхобщества. Если рассуждать логически, в сверхобществах должны доминировать явления суперуровня человекоидов. Но дело не ограничивается лишь логическим предположением: эмпирическая реальность современных обществ дает достаточно оснований в его пользу.

Часть пятая

ОЧЕРК СОВЕТСКОГО КОММУНИЗМА

УСЛОВИЯ ИЗУЧЕНИЯ

Во всех известных мне сочинениях о коммунизме непроизвольно или умышленно смешиваются самые различные явления - домарксовский коммунизм, марксовский проект коммунизма, марксистско-ленинское учение, марксистская идеология в реальном коммунистическом обществе, исторически конкретная форма коммунизма в Советском

Союзе и других коммунистических странах, черты реального коммунизма в конкретный период истории, коммунизм как тип социальной организации и многое другое. Все, написанное и сказанное о коммунизме в советский период в Советском Союзе и на Западе, имеет мало общего с научным подходом как к учению о коммунизме, так и к реальному коммунизму. А после поражения советского коммунизма на Западе и в бывших коммунистических странах началась такая оргия извращения всего, что касается коммунизма, что ни о каком научном подходе к нему в официальной науке и речи быть не может, не говоря уж об идеологии и обслуживающей ее современной культуре.

Исследователь, которому удастся научно подойти к социальным объектам, сталкивается с целым рядом трудностей при попытке реализовать этот подход в отношении коммунизма. Последний просуществовал в Советском Союзе и странах советского блока ничтожно (с исторической точки зрения) короткое время, причем в необычайно трудных условиях. Он не изжил себя, как единодушно утверждает западная и прозападная идеология и пропаганда, а был искусственно разрушен в самом начале своего исторического пути. Он не успел в полную меру раскрыть заложенные в его основаниях жизненные потенции.

Что в наличном и известном эмпирическом материале коммунизма есть исторически преходящее и что есть постоянное? Что относится к условиям конкретных стран и что является всеобщим? Какие явления должны были отойти на задний план и какие усилиться? Список такого рода вопросов можно продолжить. На них практика коммунизма не успела дать ответы. В сохранившихся коммунистических странах, включая Китай, эволюция под давлением Запада пошла таким образом, что советский коммунизм, по всей вероятности, на долгое время (если не навечно) останется самым развитым и четко выраженным образцом реального коммунизма. Так что мне придется удовольствоваться тем, что я сумел обнаружить в одиночку, живя в Советском Союзе, и сохранил в своей памяти. Вся та информация, которую я получал о других коммунистических странах и из сочинений других авторов, не давала мне абсолютно ничего нового, поскольку все эти экземпляры коммунистических человекоидов создавались по советскому образцу и ничего принципиально нового в советский опыт не вносили, кроме элементов ослабления, замутнения и разрушения классического (советского) образца.

КОММУНИЗМ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ И РЕАЛЬНЫЙ

Прежде всего надо различать коммунизм как идеологию и коммунизм как реальность, т.е. коммунизм как совокупность идей (как учение) и коммунизм как определенный тип социальной организации человекоида, существующий или существовавший в реальности. Различие их, казалось бы, очевидно. Но их постоянно смешивают. Происходит это не только в силу недисциплинированности мышления и злого умысла, но и в силу предрассудка, будто реальное коммунистическое общество в Советском Союзе было построено строго по марксистскому идеологическому проекту. Но советский опыт показал, что на самом деле все было значительно сложнее. Коммунистическая идеология возникла в одних исторических условиях, на базе одного жизненного материала. Она сформировалась по специфическим законам феноменов такого рода. Она возникла в странах Западной Европы на основе наблюдения капитализма и интеллектуального наследия предшествующей истории. Реальный же коммунизм возник в других исторических условиях, сформировался по объективным социальным законам и сложился впервые в истории человечества в России после революции 1917 года. На его формирование ушло несколько десятилетий.

Марксистское учение о коммунистическом обществе было выработано в условиях общества капиталистического, причем как отрицание того, что марксизм усмотрел в капитализме. Оно строилось как нечто нормативное, т.е. по принципу, что в коммунистическом обществе должно быть и чего не должно быть. В нем не должно быть эксплуататорских классов, стихийности и анархии производства, безработицы, экономических кризисов, денег, экономического и социального неравенства. Вместо этих зол, должны наступить блага. Производительные силы в коммунистическом обществе получают неограниченные возможности для развития, целью производства станет не получение прибыли путем эксплуатации наемного труда, а удовлетворение постоянно растущих потребностей трудящихся, наступит изобилие предметов потребления, на место отношений классовой вражды придут отношения дружбы и взаимопомощи.

Учение о высшей стадии коммунизма (о полном коммунизме) образует своего рода райскую часть марксизма. Здесь рай спущен с небес на землю. И хотя он обещался в неопределенном будущем, но все-таки не после смерти всех людей, а при жизни потомков. Опыт реального коммунизма XX века показал, что по ряду причин ни одно важное предсказание марксизма относительно полного коммунизма (исчезновение денег и государства, материальное изобилие, ликвидация классов и т.д.) не сбылось.

Говоря о реальном коммунизме (или, для краткости, просто о коммунизме) или о коммунистическом социальном строе (о коммунистическом типе социальной организации человека), я имею в виду не некое воображаемое общественное устройство, а вполне реальный тип такого устройства, который можно было видеть во многих странах планеты и классическим образцом которого может служить социальный строй Советского Союза в лучшие годы его жизни. Этот строй обладает такими чертами (это предварительное или ориентировочное описание). Ликвидированы классы частных собственников. Ликвидирована частная собственность на землю и природные ресурсы. Обобществлены все средства производства. Все взрослое и трудоспособное население организовано в стандартные деловые коллективы. Трудоспособные граждане отдают свои способности и силы обществу через деловые коллективы, получая за свой труд вознаграждение, необходимое для их существования и существования их семей. Все они суть наемные работники государства. Создана единая, централизованная и иерархизированная система власти и управления. Создана единая плановая экономика, контролируемая и управляемая государством. Централизована и унифицирована система воспитания и образования молодежи. Создана единая государственная идеология и централизованный аппарат идеологической обработки населения. Гражданам гарантирована работа, бесплатное медицинское обслуживание, бесплатное образование, пенсия по старости и инвалидности и другие минимальные социальные блага. Созданы мощные карательные органы и органы общественного порядка, а также вооруженные силы, способные защищать страну от внешних нападений.

Надо различать субъективные и объективные факторы, сыгравшие роль в русской революции и в возникновении русского коммунизма. Первые из них - это то, что люди делают сознательно, преднамеренно, планируя заранее. Вторые - то, что происходит в силу объективно данных условий и объективных социальных закономерностей, неподвластных воле людей. Реальный коммунизм зародился в России под лозунгами идеологического коммунизма (марксизма). Инициаторы, организаторы и вожди революции вдохновлялись идеями коммунистической идеологии. Можно с полным правом признать, что, не будь марксизма, не будь Ленина и его соратников, русского коммунизма не было бы. Но вместе с тем русский коммунизм, зародившись, начал складываться во многом совсем не так, как рассчитывали революционеры, вопреки фундаментальным принципам марксизма, в отсталой крестьянской стране со слабо развитыми капиталистическими отношениями. Это

послужило одним из важнейших условий успеха коммунистического эксперимента! Он сложился в силу объективных законов организации больших масс населения в единый социальный организм в определенных исторически данных условиях, - развал всех основ предшествовавшего социального строя, характер населявшего страну человеческого материала, исторические традиции, международная ситуация и т.д. Осуществленная революцией ликвидация частной собственности на средства производства была одним из условий построения реального коммунизма, но она сама по себе еще не была элементом здания нового общества.

Реальный коммунизм явился не покорным воплощением распоряжений вождей и рекомендаций идеологов, как правило либо бессмысленных, либо заведомо невыполнимых, либо обрекавших людей на гибель, а результатом великого исторического творчества миллионов людей, которые либо вообще понятия не имели о марксизме, либо знали о нем весьма смутно и истолковывали на свой лад. То, что получилось на деле, лишь по некоторым признакам похоже на марксистский "проект". Например, были ликвидированы классы частных собственников, широкие слои населения получили образование и были вовлечены в систему власти и управления, со временем были удовлетворены на каком-то уровне (пусть примитивном) основные жизненные потребности и т.п. Но во многом другом реальный коммунизм резко отличался от этого "проекта". Например, государство не отмерло, как обещали марксисты, а, наоборот, усилилось сравнительно с государством царской России. Не исчезли деньги. Не исчезло социальное и материальное неравенство. Ленину пришлось столкнуться с реальностью коммунизма в незначительной мере, и то он был потрясен, настолько эта реальность оказалась непохожей на идеологический "проект". И надо отдать должное Сталину: реальность коммунизма его не испугала и не разочаровала, он начал руководить построением реального коммунизма в реальных условиях России, с реальным человеческим материалом, в окружении реальных врагов. Идеологический коммунизм он использовал как орудие, приспособив его к потребностям реального.

Сказанное выше не следует истолковывать так, будто советский коммунизм сложился стихийно, будто строители его не ведали, что творили. Возглавляемые сталинской властью, строители коммунизма сознательно, планомерно и целеустремленно создавали новый тип человека. Они создавали его, не имея научной теории реального коммунизма (таковой не было хотя бы уже потому, что еще не было самого объекта теории). Но это не исключает планомерности, целенаправленности и управляемости этого исторического процесса.

Советский коммунизм сложился не сразу. И он изменялся со временем. Можно констатировать такие периоды в его истории: зарождения, юности, зрелости, кризиса и краха. Первый период охватывает годы от Октябрьской революции 1917 года до избрания Сталина Генеральным секретарем партии в 1922 году или до смерти Ленина в 1924 году. Этот период я называю ленинским по той роли, какую в нем сыграл Ленин. Второй период охватывает годы после первого периода до смерти Сталина в 1953 году или до XX съезда КПСС в 1956 году. Это - сталинский период. Третий период начался с приходом к высшей власти Хрущева. При Брежневе русский коммунизм достиг состояния зрелости и добился наивысших успехов планетарного и эпохального значения. Я этот период называю хрущевско-брежневским. Четвертый период начался в 1985 году с приходом к высшей власти Горбачева и был завершен в результате переворота 1991 года, возглавленного Ельциным. Я его называю горбачевско-ельцинским. Многие считают его периодом старения и естественной смерти русского коммунизма. Это грубая ошибка или, скорее, умышленная фальсификация истории. Русский коммунизм был молодым социальным явлением. Он еще только вступил в период зрелости, еще не проявил все заложенные в нем потенции. Его жизнь была искусственно прервана усилиями внешних врагов и внутренних

предателей и коллаборационистов. Он был убит в самом начале зрелой жизни. {Широко распространенное убеждение, будто он потерпел банкротство исключительно в силу внутренней несостоятельности и изжил себя, есть бездоказательная идеологическая ложь.}

РОЖДЕНИЕ СОВЕТСКОГО КОММУНИЗМА

Все социалисты (и коммунисты) до 1917 года были убеждены в том, что социалистическая революция произойдет сначала в Западной Европе, а уж потом перекинется на другие страны. Сам Ленин буквально за несколько дней до Февральской революции 1917 года в России говорил, что социалистическая революция сначала произойдет на промышленно развитом Западе с сильным рабочим классом, а не в отсталой, крестьянской России с малограмотным населением. Это убеждение вполне соответствовало марксистской доктрине. Но история распорядилась по-своему. С точки зрения здравого смысла, не зараженного идеологической доктриной, было очевидно, что новый тип человека не мог возникнуть в центре западной цивилизации, - его тут просто не допустили бы, как это случилось с Парижской коммуной и с попытками социалистической революции в Германии и Венгрии. Именно на периферии западной цивилизации, в России сложились условия для успешного коммунистического эксперимента.

Согласно марксизму формирование социально-экономического базиса предшествует формированию надстроек, в их числе - государства. Социальная революция приводит надстройки в соответствие с базисом. Советский коммунизм возник совсем не по этой схеме. До Октябрьской революции 1917 года в России не было никакого коммунистического базиса в марксистском смысле. Формирование коммунизма здесь началось с политической революции, которая положила начало системе власти нового типа, и эта власть начала развиваться во власть коммунистического типа, создавая социально-экономический базис в марксистском смысле.

Ленин поразительно быстро оценил представившуюся возможность и использовал ее. Его великая историческая роль заключалась в том, что он разрабатывал и пропагандировал идеологию социалистической революции, создал организацию профессиональных революционеров, рассчитанную на захват власти, возглавил силы для захвата и удержания власти, когда представился случай, оценил этот случай и пошел на риск захвата власти, использовал власть для социальных преобразований, организовал массы на защиту завоеваний революции от контрреволюционеров и интервентов, т.е. в создании необходимых условий для построения коммунистического социального строя. Но сам этот строй сложился уже после него, в сталинский период.

Коммунистический человек сформировался не сразу в результате революции. В результате Октябрьской революции 1917 года сравнительно небольшая группа людей, возглавлявшихся большевиками, захватила высшую власть в стране. Социальную сущность этого политического переворота не понимал никто, включая Ленина. Коммунизм как особый тип человека сложился много лет спустя. Революция лишь осуществила эволюционный прорыв. А дальнейший процесс протекал уже по социальным законам, о которых никто не имел понятия. В этом процессе новая власть предпринимала какие-то действия в отношении подвластного человека, в последнем происходили какие-то события, это оказывало влияние на власть, вынуждая ее на определенные действия в отношении самой себя. Власть строила нового человека, человек порождал эволюцию власти. В начавшемся после революции процессе происходило взаимодействие всех компонентов растущего человека, происходила его историческая жизнь.

В возникновении советского коммунизма сыграло роль совпадение множества исторических обстоятельств. Назову основные (на мой взгляд) из них.

Коммунизм принадлежит к такому типу организации человеков, при котором доминирующей является не самоорганизация масс людей снизу, а принудительная организация сверху, как это имело место в истории России с самого начала ее существования. При этой организации решающая роль в объединении людей в целое принадлежит системе власти и управления, а не другим факторам, в том числе - не экономике. Тут структурирование системы власти и управления образует основу социального структурирования вообще. Тут человек структурируется прежде всего в коммунальном аспекте, а на этой основе - в деловом и прочих аспектах.

Российское предреволюционное общество базировалось не на двух типах социальных отношений - феодальном и капиталистическом, как принято считать, а на трех. Имелась еще "третья сила", которая никем не воспринималась как основа социальных отношений будущего коммунизма, а именно - отношения коммунальные, которые нашли свое выражение в государственном аппарате, в отношениях всех слоев общества с этим аппаратом, в средствах поддержания общественного порядка (полиция, жандармерия, суды и т.д.), в армии, в общинном землевладении и т.д. В результате Октябрьской революции 1917 года были сметены отжившие феодальные и еще неокрепшие капиталистические отношения, а "третья сила" получила простор для своего развития. На месте разрушенного государственного аппарата царизма немедленно сложился новый аппарат власти и управления, который превзошел его во всех отношениях.

Второе из рассматриваемых обстоятельств - крах российского самодержавия, разруха в результате войны и развал всего российского общества. Основной проблемой для страны стала проблема выживания, создания общественного порядка, который мог бы обеспечить это. В такой ситуации вступил в силу социальный закон регенерации: если разрушается социальная организация человека, но при этом сохраняется человеческий материал, основы его материальной культуры и другие необходимые факторы выживания, то из обломков разрушенной социальной организации образуется новая, максимально близкая в основных чертах к прежней. Не случайно потому большинство населения послереволюционной России на первых порах восприняло революцию просто как смену власти.

Третий фактор, придавший событиям того периода характер глубокой социальной революции, заключался в том, что в России в течение целого столетия зрели идеи преобразования общества, которыми заразились все сравнительно образованные слои и даже правящие классы. Во второй половине XIX века получили распространение идеи социализма и затем марксизма (коммунизма). В начале XX века сложилась организация профессиональных революционеров, готовившаяся к революции и взятию власти. Лениным была разработана целая теория на этот счет. Когда возглавляемые Лениным большевики в октябре 1917 года взяли власть, они привнесли в происходящие события фактор, благодаря которому в России стало складываться именно коммунистическое сверхобщество, а не что-то иное. Без большевиков эволюция России вряд ли приняла бы такое направление.

Четвертый фактор - человеческий материал России. В наше время признание роли этого фактора в формировании социальных систем стало фактически табу и расценивается как расизм. Смысл этого табу очевиден: западная идеология стремится убедить всех, будто западный социальный строй является наилучшим и годится для всех народов мира. И тем более она не может даже допустить намека на то, что коммунистический строй лучше соответствует природе каких-то народов. Но абсолютно ничего расистского в том, что я сказал выше, нет. Более того, игнорировать качества человеческого материала в

исследовании важнейших социальных феноменов современности - значит заведомо закрывать себе путь к их пониманию.

Коммунизм имел успех в России в значительной мере благодаря характеру и состоянию русского населения. В стране было более ста различных этнических объединений, живших до известной степени автономно, находившихся на низкой, фактически догосударственной (дообщественной) ступени социальной эволюции и не имевших никаких шансов подняться на более высокую ступень самостоятельно. Лишь российская самодержавная власть сдерживала это скопление людей в единстве.

Основной русский народ - русские - обладал качествами, которые, с одной стороны, делали сильную диктаторскую власть необходимой для его выживания, а с другой стороны - делали эту власть возможной. Перечислю эти качества. Слабая способность к самоорганизации и самодисциплине. Склонность к коллективизму, к покорности перед властями, к лени. Способность легко поддаваться влиянию демагогов и проходимцев. Способность переносить трудности и жить на низком уровне. Терпеливость. Гостеприимность. Чрезмерная психическая гибкость, доходящая до угодничества и хамелеонства. Слабая бережливость. Неуважение своих соотечественников, преклонение перед всем иностранным. Взгляд на жизненные блага как на дар судьбы или свыше, а не как на результат своих усилий, инициативы и риска. Вследствие своего характера русский народ не смог воспользоваться плодами своей великой революции и плодами победы в войне над Германией, не смог завоевать привилегированное положение в своей стране, оказался неконкурентоспособным в борьбе с другими народами за лучшие социальные позиции и блага. Русский народ не оказывал поддержку своим наиболее талантливым соплеменникам, а, наоборот, всячески препятствовал их выявлению, продвижению и признанию. Он никогда всерьез не восставал против глумления над ним, исходившего от представителей других народов, позволяя им при этом безбедно жить за его счет.

Пятый фактор - состояние материальной культуры страны. Я уже упоминал о разрухе в стране вследствие Первой мировой войны. Но она лишь усилила то, что было до войны и независимо от нее, а именно - низкий (сравнительно с Западом) уровень материальной культуры вообще, примитивное в целом хозяйство, огромная (если не решающая) роль физического труда масс населения. В условиях послевоенной разрухи первостепенное значение приобрела организация больших масс людей на коллективные действия и возбуждение массового энтузиазма. Это могла осуществить только власть, подобная дореволюционной, но превосходящая ее именно в манипулировании массами. Революция и породила такую форму власти, которая в процессе эволюции страны стала, с одной стороны, создавать новую государственность, а с другой стороны - создавать ее так, что сама стала превращаться во власть сверхгосударственную, во власть коммунистическую.

Русский коммунистический эксперимент интересен тем, что тут в силу исключительных исторических условий на развалинах Российской империи сразу складывалось сверхобщество, развивавшее в себе одновременно потенциальные общества, тогда как в западном мире имеет место процесс, противоположно направленный, а именно - сверхобщество возникает путем образования особого социального феномена в качестве своего рода "надстройки" над развитыми обществами, которая становится господствующим элементом человекизма в целом.

Русский коммунизм возник не как нечто совершенно чуждое и постороннее для западной цивилизации, а как ее детище. Дореволюционная Россия складывалась и жила под сильнейшим влиянием западной цивилизации. Она фактически была сферой колонизации и периферией последней. Идеи коммунистического социального строя и коммунистической революции родились на Западе и были занесены затем в Россию. Коммунистическую революцию в России осуществили люди, прошедшие школу революционеров на Западе.

Русская революция имела сильный резонанс на Западе. Большое число людей на Западе рассматривало ее как начало революции в западном мире. Русская революция имела поддержку со стороны Запада. Без влияния Запада и без контактов с ним построение коммунистического социального строя в России было бы невозможно.

Рождение советского коммунизма началось с Октябрьской революции 1917 года. Она явилась лишь началом социальной революции, растянувшейся на несколько десятилетий. Ударной силой и исполнителями этой революции стали народные массы. Не просто множество граждан страны, а именно массы как особый социальный феномен.

МАССЫ

В годы подъема коммунизма, национал-социализма и фашизма и в годы по окончании Второй мировой войны тема масс была весьма актуальной. На эту тему были написаны тысячи работ. Потом интерес к ней спал. Возродился он вновь в конце "холодной войны", когда в странах советского блока и Советского Союза возникли именно массы, которые использовались западными манипуляторами в качестве ударной силы для разгрома коммунистической социальной системы в этих странах.

Но как в тот, так и в этот период само понятие "массы" осталось аморфным, не определенным достаточно точно. Авторы работ о массах обычно называют признаки масс, которые иногда обнаруживаются очевидным образом, бросаются в глаза. Это, например, иррациональность поведения, сильное возбуждение, образование сборищ. Такие признаки, однако, можно видеть и в поведении других скоплений людей, которые нельзя считать массами в социологическом смысле (в очередях, на железнодорожных станциях, в моменты природных катастроф, в толпах беженцев). А главное - названные выше признаки суть временные состояния масс, а не нечто присущее им постоянно.

Авторы сочинений о массах, как правило, рассматривают частные случаи масс, которые дали знать о себе в коммунистических, нацистских и фашистских движениях, и как нечто исключительное, а не как явление, ставшее заурядно-повседневным в наше время. А кое-кто из них считает массы вообще мифом или явлениями прошлого.

Я слово "масса" ("массы") употребляю в излагаемом ниже смысле. Массу образует множество людей вне их постоянной деятельности и привычного образа жизни, причем в тот период, когда они в какой-то мере предоставлены самим себе. Масса в этом смысле образуется из обычных людей, имеющих возможность думать о своем положении и имеющих возможность какую-то часть времени проводить по своему усмотрению, способных совершать какие-то поступки без принуждения, свободно. Они способны на это главным образом во вне рабочее время, когда вообще теряют работу или по каким-то причинам вырываются из привычного ("нормального") образа жизни. В таком положении оказываются люди различных возрастов, положений, профессий. Для образования массы, повторяю и подчеркиваю, необходимо сравнительно большое число людей, имеющих свободное время и силы использовать его для вне рабочих занятий.

Как понимать предоставленность людей самим себе? В жизнь людей всегда кто-то вмешивается извне и стремится оказать на них какое-то влияние. Но все же у них остается часть времени и часть их сознания и чувств, о которых можно сказать, что тут они предоставлены самим себе. Эти части должны быть достаточно большими, чтобы образовалась масса. Массы кажутся политикам и теоретикам таинственными и непредсказуемыми именно потому, что они не учитывают эту предоставленность людей самим себе, которая время от времени образуется и заполняет сознание людей неизвестным этим политикам и интеллектуалам содержанием.

Масса не есть всего лишь множество людей. Она есть их своеобразное объединение, социальное целое. Между членами массы имеют место общения, обмен информацией и мнениями. Образуются более или менее устойчивые группы. Возникают более или менее обширные сборища. Не все члены массы в одно время собираются вместе (хотя такое не исключено), а какие-то ее части. Границы массы строго не определены (тут нет формального членства), тем не менее она не безгранична. Масса не хаотична полностью, хотя уровень хаотичности высок. В ней имеют место элементы организованности, причем как идейной, так и поведенческой. Имеются свои авторитеты, вожаки, влиятельные личности и группы.

Поведение массы нельзя считать полностью иррациональным и непредсказуемым. Иррациональность есть в любом поведении. Степень иррациональности и рациональности различна. Это некоторым наблюдателям и теоретикам поведение массы кажется иррациональным, ибо они имеют свои ограниченные представления на этот счет. Масса, устраивающая, например, суд Линча или участвующая в сожжении "ведьмы", поступает вполне рационально. Современные массовые движения порою более рациональны, чем поведение правительств и идеологов. Просто поведение масс осуществляется по своим социальным законам. Причем в поведение массы входят не только активные действия, но и уклонение от них, - поведенческая пассивность. И примеров на этот счет наше время дает более чем достаточно.

Массы образуются в основном из представителей низших и отчасти средних слоев населения. Представители высших и близких к ним средних слоев предпочитают быть вне масс и использовать массы в своих интересах. Они образуют объединения иного рода.

Как представители масс, люди общаются между собою, влияют друг на друга. Тем самым они заполняют часть своего сознания, о которой я говорил выше, определенным содержанием и настраивают определенным образом свою эмоциональность - вырабатывают массовое сознание или сознание массы как целого. Этот процесс в той или иной степени является стихийным. Его до поры до времени не замечают или игнорируют. Он привлекает к себе внимание, когда масса становится социально заметным и значимым фактором жизни человека. Находятся желающие воздействовать на людей в этом состоянии, использовать их в своих интересах. Эти заинтересованные лица вносят в стихийный процесс свои идеи, лозунги, организацию. Возникают массовые движения.

Идеи, говорил Маркс, становятся материальной силой, когда они овладевают массами. Но не любые идеи.

Если вы, например, постройте на высочайшем научном уровне теорию общества и разработаете научно обоснованную программу его преобразования, ваши идеи никогда не овладеют массами. Идеи должны отвечать умонастроениям и желаниям масс. Должны быть предельно простыми и словесно понятными массам без специального и длительного образования. Должны создавать иллюзию быстрой выполнимости желаний масс. Нацистские и фашистские идеи имели массовый успех лишь постольку, поскольку достигали сознания масс в самом примитивном виде, не имели ничего общего с научным пониманием реальности и сулили массам скорейшее исполнение их чаяний.

И даже идеи, максимально адекватные массам и ситуации, сами по себе не заползают в головы людей. Они должны в эти головы вдальбываться, вдальбываться методично, по определенным правилам, специальными людьми. Для этого нужна организация, специально занимающаяся этим делом и располагающая средствами идейной обработки масс.

В предреволюционной России все рассмотренные факторы были налицо. Сложились огромного размера массы: это - миллионы крестьян и рабочих, одетых в солдатские шинели и волею обстоятельств превратившиеся в массы в рассмотренном смысле. Имелись организации революционеров, которые вели пропагандистскую работу среди населения.

Имелись идеи, доходившие до миллионов людей в самом простом и общепонятном виде: долой войну, землю крестьянам, фабрики рабочим, долой помещиков и капиталистов, долой самодержавие, власть рабочим, крестьянам, солдатам! И эти идеи полностью соответствовали интересам большинства населения страны, включая массы. Имелись средства массовой информации, по тем временам достаточно эффективные с точки зрения манипулирования массами. Быстро выработались средства непосредственного общения вождей и агитаторов с массами - митинги, собрания, демонстрации. Период между Февральской и Октябрьской революциями послужил школой для практической деятельности масс и управления ими революционными организациями. Большевики во главе с Лениным поразительно умно использовали все это. Без этого революция не смогла бы быть такой победоносной.

В сталинские годы организация населения страны в массы, сознательная организация масс по определенным правилам и стандартам и управление массами вошли в социальную организацию коммунистического человекика в качестве постоянно действующих компонентов. Советский Союз выступил в этом отношении (как и в ряде других) новатором в социальном творчестве человечества.

ЮНОСТЬ КОММУНИЗМА

Сейчас в мире прочно утвердилось представление о сталинском периоде как о преступном, а о самом Сталине - как о самом большом злодее в истории человечества. Всякие попытки высказаться объективно об этом периоде и о личности Сталина расцениваются как апологетика сталинизма.

Рассматривать сталинскую эпоху как эпоху преступную есть грубое смешение понятий. Понятие преступности есть понятие юридическое или моральное, но не историческое и не социологическое. Оно по самому своему смыслу неприменимо к историческим эпохам, к обществам, к целым народам. Сталинская эпоха была трагической и страшной эпохой. В ней совершались бесчисленные преступления. Но сама она как целое не была преступлением. И не является преступным общество, сложившееся в эту эпоху, каким бы плохим оно ни казалось с чьей-то точки зрения.

Понять историческую эпоху такого масштаба, как сталинская, - это значит понять сущность того нового общественного организма, который созревала в то время. Для этого ее надо брать как нечто единое целое и рассматривать ее объективно. Но именно это, казалось бы простое и естественное, требование понимания не соблюдается. Во всех сочинениях на эту тему, с которыми мне приходилось иметь дело, обычно выделяется какой-то один аспект исторического процесса, раздувается сверх всякой меры и изображается с тем или иным пристрастием. Целостность и сложность процесса исчезает, получается односторонне-ложная его картина. Поверхностное и чисто фактологическое описание скрывает суть эпохи. Все то, что происходило в массе населения, т. е. основной поток истории, вообще не принимается во внимание или затрагивается лишь в ничтожной мере и как нечто второстепенное. Потому сталинизм представляется как всего лишь обман и насилие, тогда как в основе своей он был добровольным творчеством многомиллионных масс людей, организуемых в единый поток, порой посредством обмана и насилия.

Коммунизм формировался в России по многим линиям одновременно. Основные из этих линий суть следующие: 1) система власти и управления; 2) социальная организация населения; 3) экономика; 4) идеология. Рассмотрим особенности сталинского периода в этих аспектах.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Все известные мне авторы рассматривают советскую систему власти и управления так, как будто она сразу же после Октябрьской революции 1917 года появилась в готовом виде. Я не буду здесь касаться изменений во власти, которые произошли в сталинский период сравнительно с ленинским, - в сталинский период выкристаллизовалось и приняло более или менее определенные формы то, что в ленинский период находилось в состоянии мешанины, хаоса, брожения. Тут не было качественного изменения, которое можно было бы зафиксировать на уровне понятий социологии. Тогда как переход от сталинского периода к брежневскому означал качественное изменение в самой структуре общества.

Сталинская система власти и управления была с самого рождения ее двойственной. С одной стороны, это было народовластие с его системой вождей, активистами, волюнтаризмом, призывами и прочими его атрибутами. А с другой стороны, это была система партийно-государственной власти с ее бюрократизмом, рутинной, профессионализмом и прочими ее атрибутами. Первый аспект играл главную роль, достиг в те годы наивысшего уровня. Второй был подчинен первому, служил орудием первого. Он еще только формировался в те годы. Тем не менее он набирал силу. Шла постоянная борьба этих аспектов, сторон, частей власти. Уже в сталинские годы второй аспект зачастую доминировал над первым, проявлял тенденцию к господствующей роли вообще. Сталинские репрессии в значительной мере отражали стремление народных масс помешать превращению партийно-государственного аппарата власти в нового господина общества. Так как первый аспект (народовластие) в сталинские годы все же преобладал, сталинскую систему власти и управления можно считать народовластием. Думаю, что тут мы имеем пока самый яркий образец этой власти.

Сталинский период был периодом подлинного народовластия, был вершиной народовластия. Если вы не поймете эту фундаментальную истину, вы ничего не поймете в этой эпохе. Народовластие не есть нечто очень хорошее - пусть слово "народ" не сеет на этот счет иллюзий. Сталинский террор, массовые репрессии и все такое прочее - это суть признаки именно народовластия. Десталинизация страны, включавшая в себя ликвидацию народовластия, была шагом вперед в эволюции коммунистической государственности.

Сталинская власть была народовластием прежде всего в том смысле, что это была не профессиональная, а дилетантская власть. Подавляющее большинство постов в ней с самого низа до самого верха заняли выходцы из низших слоев населения и люди, никогда ранее не помышлявшие о том, чтобы кем-то управлять. Это - общеизвестный факт, на который теперь почему-то перестали обращать внимание. А это - миллионы людей. И по образу жизни это множество людей мало чем отличалось от управляемой массы. Для большинства из них это была бедная трудовая жизнь, причем в толще прочего населения. Для многих из них это была тяжелая обязанность по настоянию коллективов и вышестоящих властей, обязанность временная и рискованная. Люди менялись на всех постах с неслыханной быстротой. Еще не умели управлять. Коррупция, бытовое разложение. Невозможность решить проблемы, которые заставляли решать. Процент репрессированных в этой среде был если не самым высоким, то близким к этому.

Характерной чертой сталинского народовластия, далее, было то, что вышедший из народа руководитель обращался в своей руководящей деятельности непосредственно к народным массам, игнорируя официальный государственный аппарат, но игнорируя его так, что тот служил руководителю и средством власти, и козлом отпущения дефектов власти. Народным массам государственный аппарат представляется как нечто враждебное им и как помеха их вождю-руководителю. Тем более государственный аппарат тогда имел

такой вид, что вполне заслуживал подобное отношение. Человеческий материал, доставшийся от прошлого, был неадекватен новой системе по психологии, образованию, культуре, профессиональной подготовке и опыту. Постоянно складывались мафиозные группы. Возникали склоки, жульничество. Одним словом, сама эта система нуждалась в контроле со стороны еще какой-то системы сверхвласти, стоящей над ней. Эту функцию и взяло на себя сталинское народовластие. Не будь ее, миллионы людей, вовлеченных в государственные органы, сожрали бы все общество с потрохами, разворовали бы все, развалили бы страну. Когда партийно-государственная власть приобрела более или менее приличный вид, сталинизм как форма власти изжил себя и был отброшен. Народовластие кончилось, к великому облегчению жизни именно народа.

Характерными для народовластия являются волюнтаристские методы управления. Высший руководитель мог по своему произволу манипулировать чиновниками нижестоящего аппарата официальной власти, назначать и смещать их, предавать суду, арестовывать. Руководитель выглядел народным вождем, революционным трибуном. Власть над людьми ощущалась непосредственно, без всяких промежуточных звеньев и маскировок. Власть как таковая, не связанная ничем, кроме еще более высокой инстанции (если таковая имелась).

Схематично власть в стране в целом выглядела так. Наверху - сам высший вождь (Сталин) с ближайшими соратниками. Внизу - широкие народные массы. Между ними - механизм управления страной, рычаги власти. Эти рычаги многочисленны и разнообразны: личные уполномоченные вождя, органы государственной безопасности, партийный аппарат, советы, профсоюзы, комсомол, многочисленные общества и союзы (вроде союзов писателей, художников, музыкантов) и т.д. Это суть именно рычаги, орудия системы народовластия, а не самодавяющие элементы государственности. К их числу следует добавить еще номенклатуру, выдвиженцев, систему осведомительства и т.п.

Народ при этом должен быть определенным образом организован, чтобы его вожди могли руководить им по своей воле. Воля вождя - ничто без соответствующей подготовки и организации масс. Такие средства организации масс, как партийные и комсомольские организации, общие собрания, митинги, коллективные мероприятия и т.д., общеизвестны. Я хочу здесь особое внимание обратить на такой важный элемент народовластия, как феномен активистов. Масса людей в принципе пассивна. Чтобы держать ее в напряжении и двигать в нужном направлении, в ней нужно выделить сравнительно небольшую часть. Эту часть следует поощрять, давать ей какие-то преимущества, передать ей какую-то долю власти над прочей пассивной частью населения. И во всех учреждениях и предприятиях возникли неофициальные группы активистов, которые держали под своим наблюдением и контролем всю жизнь коллективов и их членов. Они приобрели огромную силу. Они могли кого угодно "сожрать", включая руководителей учреждений. Руководить коллективами без их одобрения и поддержки было практически невозможно. Была выработана своего рода "технология" работы таких активов. Она лишь в малой степени была затронута в художественной литературе, но осталась совершенно не изученной научно.

Активисты в большинстве занимали сравнительно невысокое социальное положение, а зачастую - самое низкое. Часто это были бескорыстные энтузиасты. Некоторые из них делали какую-то карьеру и выбирались в партийные бюро первичных организаций. Но большинство были рядовыми работниками с жалкой зарплатой и скверными бытовыми условиями.

Важнейшим элементом народовластия была оргия разоблачений врагов (часто воображаемых), открытых и тайных доносов, репрессий. Сейчас предают анафеме тайное доносительство. Но открытое доносительство и разоблачительство было распространено еще более, приносило еще больший эффект.

Помимо активистов, получили распространение и приобрели большое влияние на массы всякого рода зачинатели, инициаторы, новаторы, рационализаторы, ударники, герои. Если активисты держали под своим контролем первичные деловые коллективы, то упомянутая категория выделяемых граждан служила целям разжигания энтузиазма масс, поддержки решений властей, побуждения людей своим примером на действия, желаемые с точки зрения руководства страны.

В самой системе власти и управления сложился особый институт номенклатурных работников. Сейчас слово "номенклатура" употребляется в ином смысле, чем в сталинские годы. Тогда в номенклатуру включались особо отобранные и надежные, с точки зрения высшей власти, лица, которые руководили большими массами людей в различных районах страны и в различных сферах общества. Ситуация руководства была сравнительно простой. Общая линия руководства была ясна и стабильна. Методы управления были примитивны и стандартны. Культурный и профессиональный уровень масс был сравнительно низкий. Практически любой функционер, включенный в номенклатуру, с одинаковым успехом мог руководить индустрией, целой областью, спортом, сельским хозяйством и литературой. Главная задача руководства заключалась в том, чтобы утвердить единое и централизованное управление страной.

КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ

При критике сталинизма обычно наряду с репрессиями, коллективизацией сельского хозяйства, гонениями на церковь, преследованиями некоторых отраслей науки и деятелей культуры в числе его грехов называют культ личности Сталина. При этом причины культа видят в тщеславии Сталина и в холуйстве подчиненных. А социальную сущность этого явления нередко игнорируют.

Не Сталин изобрел культ личности. И не для одного Сталина он создавался. Вспомните Наполеона, Гитлера, Мао, Муссолини. До Сталина в Советском Союзе был культ Троцкого, Бухарина. Ошибочно объяснять это явление личными качествами тех, чей культ создается, и тех, кто его создает. С социологической точки зрения, культ личности вождей есть элемент организации власти сверхобщества. Высшие подразделения власти сверхобщества и олицетворяющие их личности не являются таковыми на основе юридических законов - они нелегитимны. Создание культа определенных учреждений (например, органов государственной безопасности) и определенных постов (например, главы партии), принимающее форму культа личностей, является средством принуждения людей к признанию их фактического статуса. Это аналог легитимации власти общества. В западных странах, где вроде бы нет явления, аналогичного культу Сталина, на самом деле есть его аналоги в другой форме - культ должности президента, популяризация личностей в средствах массовой информации (популизм).

Десталинизация в послесталинские годы приняла форму разоблачения и отмены культа Сталина, что нанесло удар по самой системе сверхгосударственной власти Советского Союза. Попытка сделать культ Брежнева выродилась в фарс, ставший предметом всеобщих насмешек. И это тоже способствовало ослаблению советской власти.

СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Формирование советского коммунистического сверхобщества происходило в противоречии с марксистскими основоположениями: тут не власть приводилась в

соответствие с неким существовавшим "экономическим базисом", а, наоборот, это "базис" создавался заново усилиями складывавшейся (и до известной степени сложившейся) власти в соответствии с конкретными условиями страны. В результате этих усилий удалось мобилизовать подавляющее большинство населения страны на величайшую в истории социальную революцию, охватившую все аспекты жизни человека. Эта способность системы власти и управления человека распоряжаться огромными человеческими массами и материальными ресурсами, причем в соответствии с заранее выработанными планами организации и преобразования человека, есть одна из фундаментальных черт сверхобщества. Самыми значительными действиями советской сверхвласти сталинского периода были коллективизация сельского хозяйства, индустриализация, культурная и идеологическая революция, организация войны 1941 - 1945 годов против Германии и восстановление разрушенного в войне хозяйства.

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Считается, будто колхозы суть на сто процентов выдумка сталинистов. Почитайте книги русских дореволюционных историков, которых никак нельзя обвинить в симпатиях к большевикам (они тогда были почти неизвестны), и вы увидите, что у колхозов были предшественники и предпосылки в далеком прошлом в виде общинного и государственного земледелия. В значительной части крестьяне не были собственниками земли. Единоличность хозяйства заключалась лишь в том, что семья индивидуально использовала отведенные ей участки земли. Землю нельзя было продать и даже передать другим во временное пользование за плату. Революция ликвидировала помещичье землевладение. Производительность крестьянского труда была низкая. Продукты труда продавались лишь в исключительных случаях. Это не было источником регулярного дохода. Многие работы выполнялись коллективно (починка дорог, рытье прудов, сенокос). Коллективизация не была для крестьян чем-то абсолютно новым и неожиданным.

Существует устойчивое мнение, будто колхозы были выдуманы сталинистами из чисто идеологических соображений. Это чудовищная нелепость. Идея колхозов не есть идея марксистская. Она вообще не имеет ничего общего с классическим марксизмом. Она не была привнесена в жизнь из теории. Она родилась в самой практической жизни реального, а не воображаемого коммунизма. Идеологию лишь использовали как средство оправдания своего исторического творчества. Коллективизация была необходима в тех условиях, когда необходимостью стала индустриализация страны. А индустриализация сама была обусловлена достаточно серьезными причинами: необходимостью защиты страны от внешних врагов, необходимостью обеспечения населения и народного хозяйства минимальными средствами существования и функционирования.

Все "прелести" колхозной жизни сразу же обнаружили себя в жестокой и вместе с тем карикатурно усиленной форме: обезличка, бесхозяйственность, ничтожная плата за труд и прочие общеизвестные явления. Началось такое бегство людей из деревень, какого еще не знала русская история. Многие завербовывались на стройки на Север и в Сибирь, лишь бы избавиться от колхозов. Призванные в армию ребята почти совсем не возвращались домой. Деревни стали пустеть и исчезать с лица земли.

И несмотря на это, ошибочно видеть в колхозах одно лишь зло. Реальный процесс жизни многосторонен и противоречив. Его не сведешь к одной простой формуле. В нем участвуют многие люди, имеющие различные интересы и находящиеся в различных отношениях к происходящему. Колхозная жизнь имела не только недостатки, но и несомненные

достоинства. Достоинства не абсолютные, а относительные. Но все-таки достоинства с точки зрения охваченных колхозами людей. Молодые люди получили возможность становиться трактористами, механиками, учетчиками, бригадирами. Вне колхозов появились "интеллигентные" должности в клубах, медицинских пунктах, школах, машинно-тракторных станциях. Совместная работа многих людей становилась общественной жизнью, приносившей развлечение самим фактом совместности. Собрания, совещания, беседы, пропагандистские лекции и прочие явления новой жизни, связанные с колхозами и сопровождавшие их, делали жизнь людей интереснее, чем старая. На том уровне культуры, на каком находилась масса населения, все это играло роль огромную, несмотря на убогость и формальность этих мероприятий.

Но главным соблазном коллективизации для миллионов русских крестьян было не то, какой вид принимала жизнь в деревнях, а то, что большинство из них получило возможность и массовый толчок к переходу к городскому образу жизни, причем в новом обществе. Нет худа без добра. Благодаря коллективизации многие миллионы русских людей бросили тупую, тяжелую, грязную, голодную и беспросветную деревенскую жизнь и устремились в города, т.е. к культуре, к образованию, к развлечениям, к гигиене, к сытости, к более легкому и интересному труду. Подсчитайте, сколько крестьянских детей стали врачами, учителями, учеными, профессорами, писателями, артистами, художниками, инженерами, офицерами и т.д.! А вся прочая масса покидавших деревни людей так или иначе находила в новой жизни какое-то жилье и работу. Насилие тут имело место, это бесспорно. Но оно играло роль стимула к освобождению и организующего средства добровольности. Добровольности массовой - вот что тут важно понять. А всякая организация массовости есть насилие с индивидуальной точки зрения.

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ

В антикоммунистической и антисоветской печати индустриализация (как и коллективизация) вырывается из конкретной исторической связи и рассматривается с точки зрения абстрактных критериев морали и идеализированной индустриализации стран Запада. Предполагается, будто были возможны более эффективные и "человечные" методы индустриализации, а то и вообще необходимость таковой отвергается. Я утверждаю, что и тут сталинское руководство действовало не в угоду некоей идеологической доктрине, а в силу необходимости. И выбрало наиболее подходящий для условий страны тех лет путь. Этот путь был сопряжен с колоссальными трудностями, потерями, жертвами. Но в высшей степени несправедливо приписывать их неким злым умыслам и глупости сталинистов. И просто фактически ошибочно замалчивать то, что это был великий исторический подъем многомиллионных масс людей, организованных советской властью.

Все наиболее важные мероприятия руководства страны осуществлялись вовсе не потому, что сталинисты вычитывали какие-то инструкции на этот счет в марксистских текстах. Таких инструкций вообще не существовало. А если и было нечто похожее на них, то эти слова лишь постфактум интерпретировались применительно к тому, что свершалось без них, причем апологеты коммунизма истолковывали их как оправдание действий власти, а антикоммунисты истолковывали так, будто "большевики" действовали в угоду марксистской доктрине и вопреки каким-то природным законам и натуре человека. Конечно, идея необходимости создания пролетариата для того, чтобы реализовать марксистскую идею диктатуры пролетариата, как-то фигурировала в умах деятелей той эпохи. Но марксизм предполагал уже существующий пролетариат как условие коммунистической революции, а не революцию как условие создания пролетариата.

Сталинское руководство действовало прежде всего в силу необходимости, которая возникала в исторически сложившихся условиях и вынуждала именно на такие действия.

Благодаря индустриализации появились бесчисленные трудовые коллективы, учебные заведения, научные учреждения, средства транспорта и многое другое, чего не было ранее. И более 90 процентов всего этого создавалось заново, а не было лишь переделкой дореволюционного наследия. Россия в поразительно короткие сроки (в истории человечества не было ничего сопоставимого с этим!) стала современным индустриальным обществом. Не случись этого, ей пришлось бы удовлетворяться судьбой западной колонии уже в двадцатые и тридцатые годы. Сталинизм отбросил и эту перспективу по крайней мере на 50 лет!

Бесспорно, что в сталинские годы широко использовался принудительный труд, включая труд заключенных. Но это - лишь одна второстепенная сторона дела. Имела место и была более важной другая: массовый энтузиазм, массовое самопожертвование, миллионы добровольцев. Это было время великих строек, требовавших огромного числа людей и усилий всей страны. Это было время планов и свершений, вовлекавших в их реализацию всю страну, все ее людские и материальные ресурсы. Никто не осуждает Петра Великого, угробившего на строительстве петербургских дворцов людей в процентном отношении больше, чем Сталин на строительстве сооружений на благо всего народа. Никто не осуждает тех, кто обрекал на гибель несметное число людей на строительстве пирамид. И трудно назвать другого исторического деятеля, на которого обрушили столько злобы и клеветы, как на Сталина, сделавшего на благо народа больше, чем прочие великие деятели, вместе взятые. Почему?! Именно потому, что он сделал это.

КОЛЛЕКТИВИЗМ

Важнейшим результатом революции, привлечшим на сторону нового строя подавляющее большинство населения страны, было образование коллективов, благодаря которым люди приобщились к публичной социальной жизни, ощутили заботу о себе общества и власти и сами почувствовали себя носителями власти. Тяга людей к коллективной жизни, причем без хозяев и с участием всех, была неслыханной ранее нигде и никогда. Эта тяга подкреплялась принудительностью коллективов.

Коллектив есть не просто скопление множества индивидов, а такое их объединение, которое существует и действует как единое целое. Человек как член коллектива совершает поступки в соответствии с правилами коллектива, а не в соответствии с какими-то своими принципами поведения. Тут может быть совпадение: многие правила поведения в коллективе становятся принципами поведения индивида. Но может быть и расхождение: люди поступали бы иначе в тех случаях, если бы не зависели от своего коллектива.

Коллективные явления существуют не так, как существует общее в индивидуальном (единичном, отдельном), а как определенного рода связи и отношения между индивидуальными предметами внутри некоторого их единого целого, оказывающие существенное влияние на свойства этих индивидуальных предметов как составных элементов целого. Коллективные явления суть свойства коллективов как индивидов более высокого уровня сложности, чем образующие их базисные индивиды. Они оказывают влияние на базисные индивиды, порождая среди них такие, которые становятся выразителями свойств целого коллектива, - образцовые, или характерные, индивиды. Последние нельзя рассматривать как средние или типичные представители коллектива. То, что можно сказать о характерном члене коллектива, нельзя распространять на каждого члена коллектива по тем же правилам, по каким общие утверждения распространяются на

частные случаи. Игнорирование эффекта коллективности является одной из причин того, что принципы поведения граждан коммунистической страны остаются непонятными для людей западных.

Огромное число вновь создававшихся государственных (общественных) предприятий было вынуждено позаботиться о жилье, одежде, питании, отдыхе, лечении, детских учреждениях, развлечениях и вообще обо всем жизненно важном для своих работников. В результате деловые клеточки стали превращаться в коммунальные. Коллективистская жизнь воспринималась как показатель именно народовластия. И это было нечто большее, чем только иллюзия. Народные массы заняли нижние этажи социальной сцены и приняли участие в социальном спектакле не только в качестве зрителей, но и в качестве актеров. Актеры на верхних этажах сцены и на более важных ролях тогда тоже в массе своей выходили из народа. На нижних уровнях сцены разыгрывались в миниатюре все те же спектакли, какие разыгрывались в масштабах всей страны.

Строители нового общественного устройства не имели целью сознательно строить именно ту социальную организацию, какая получилась на самом деле. Перед ними стояли конкретные задачи, осознаваемые как задачи установления общественного порядка, создания школ и больниц, обеспечения городов продуктами питания, создания средств транспорта, создания фабрик и заводов для производства необходимых для жизни населения и для обороноспособности страны предметов и т.д. Они понятия не имели о том, что они тем самым создавали ячейки нового общественного организма с их закономерной структурой и объективными, не зависящими от воли и сознания людей социальными отношениями. Да и сейчас еще даже профессиональные теоретики не понимают этого феномена коммунизма. Они видят основы последнего в чем угодно, только не в его фундаментальной социальной организации.

Революция 1917 года ликвидировала классы капиталистов и помещиков. Земля, фабрики и заводы были национализированы, огосударствлены. Но много ли было в стране на самом деле частных предприятий как в городах, так и в деревнях?! И в каком они находилось состоянии?! В сталинские годы практически почти все делалось заново, во всяком случае то, что было построено, по объему во много раз превосходило то, что было, а по социальному статусу изначально было государственной собственностью. Государственные учреждения, органы порядка, больницы, учебные заведения и т.д., как правило, и ранее не были частными. А в сталинские годы всего этого было создано столько, что дореволюционное наследие выглядело во всем этом каплей в море. То, что обобществлялось, на самом деле было не столь значительным, как об этом принято говорить. Основу нового общества пришлось создавать заново после революции, используя для этого новую систему власти и новые условия. Да к тому же ликвидация частной собственности на средства производства была негативной акцией революции - она уничтожила один из фундаментальных элементов базиса старого общества. Но отсутствие чего-то, ликвидация чего-то не могла стать основой здания нового общества. Такой основой могло стать лишь нечто позитивное. И такой основой на самом деле стала та коллективистская организация, которая сложилась в результате конкретно-исторического процесса по своим объективным социальным законам. Наука об этом феномене так и не появилась ни в Советском Союзе, ни на Западе. Этому помешала апологетическая идеология с одной стороны, и антикоммунистическая идеология - с другой. И те и другие выдвигали на первый план факт ликвидации частной собственности на средства производства и "эксплуататорских" классов, непомерно преувеличивая (приукрашивая или очерняя) его роль в формировании реального коммунизма.

Важно не столько то, что исчезло в результате революции, сколько то, что развилось взамен. А взамен пришли стандартные первичные деловые коллективы с определенной

структурой сотрудников, с отношениями начальствования и подчинения, причем с иерархией и сетью таких отношений. Эти отношения стали неустранимой основой социального и материального неравенства граждан общества, - основой для нового классового структурирования населения. Со временем конкретно-исторические задачи, вынуждавшие строителей нового общества осуществлять коллективизацию сельского хозяйства, индустриализацию страны, культурную революцию и т.д., отошли на задний план или исчерпали себя, а неосознанный и незапланированный социальный аспект заявил о себе как одно из главных достижений этого периода истории русского коммунизма.

Советский коллективизм был в значительной мере обусловлен бедностью бытовых условий жизни подавляющего большинства населения. Почти все жизненные блага люди получали благодаря государственному распределению и через их трудовые коллективы. Через государство и коллективы к людям шло бесплатное образование, обучение, культура, развлечения, жилье, медицина, отдых, пенсия. Как только общество стало богатеть, и люди стали жить зажиточнее, коллективизм пошел на спад, и все сильнее обществом стал овладевать индивидуализм. На деле самым сильным врагом коммунизма оказалось то, к чему коммунисты призывали как к конечной цели, - изобилие предметов потребления.

КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Одной из величайших заслуг сталинской эпохи явилась культурная революция. Новое общество нуждалось в миллионах образованных и профессионально подготовленных людей. И оно получило возможность удовлетворить эту потребность в первую очередь. Это поразительный феномен: самым доступным для нового общества оказалось то, что было самым труднодоступным для прошлой истории, - образование и культура. Оказалось, что гораздо легче дать людям хорошее образование и открыть им доступ к достижениям культуры, чем дать им приличное жилье, одежду и пищу. Доступ к образованию и культуре был мощной компенсацией за бытовое убожество. Люди переносили такие бытовые трудности, о которых теперь страшно вспоминать, лишь бы получить какое-то образование и приобщиться к культуре. Тяга миллионов людей к этому была настолько сильной, что ее не могла бы остановить никакая сила в мире. Всякая попытка вернуть страну в дореволюционное состояние воспринималась как страшнейшая угроза этому завоеванию революции. Быт играл при этом роль второстепенную. И казалось, что образование и культура автоматически принесут бытовые улучшения. Для очень многих это происходило на самом деле, и это создавало иллюзию возможности того же для всех.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Рождение советской идеологии как идеологии реального коммунистического общества началось в двадцатые годы и завершилось в основном в послевоенные годы. В эти годы определилось содержание идеологии, определились ее функции в обществе и методы воздействия на массы населения, определилась структура идеологических учреждений и выработались правила их работы. Эта беспрецедентная идеологическая революция произошла под руководством Сталина и его соратников.

Кульминационным пунктом этой идеологической революции стал выход в свет работы Сталина "О диалектическом и историческом материализме". Существует мнение, будто эту работу написал не сам Сталин, а кто-то другой или другие. Возможно, что это так и было. Но если даже Сталин присвоил чужой труд, он сыграл неизмеримо более важную роль, чем

сочинение довольно примитивного, с интеллектуальной точки зрения, текста: он дал этому тексту свое имя и навязал ему огромную историческую роль.

Эта сравнительно небольшая статья явилась идеологическим шедевром в полном смысле этого слова. Не научным (научного в нем почти ничего не было), а именно идеологическим. Поясню, в чем тут дело.

До революции партия, послужившая предпосылкой будущей КПСС, была сравнительно небольшой. Вопросами теории занимались одиночки - партийные вожди, теоретики, профессора, писатели, журналисты. Причем занимались либо в социально-политическом плане (проблемы политической борьбы, революции, власти, событий в мире), либо в сфере абстрактного теоретизирования. После революции положение партии в обществе изменилось, изменилась сама партия, изменилась роль того, что называли вопросами теории. Встала задача идейного воспитания новой гигантской правящей партии, воспитания многомиллионных масс населения, управления ими, мобилизации их на строительство нового общества. А с чем приходилось иметь дело сначала? Малограмотное и совсем безграмотное население, процентов на девяносто - религиозное. Теперь возникла задача переориентировать основную "теоретическую" работу на массы низкого образовательного уровня.

Нужны были идеологические тексты, соответствовавшие новой задаче. Нужна была идеология как таковая, с которой можно было бы уверенно и систематично обращаться к миллионам рядовых членов партии и к десяткам миллионов рядовых граждан. Сталинистам надо было занизить уровень исторически данного интеллектуального материала марксизма так и настолько, чтобы он стал идеологией интеллектуально примитивной и плохо образованной массы населения. Главной проблемой для них стало не развитие марксизма как явления культуры, а приспособление его к интересам именно идеологической работы. Нужно было создать учение, понятное широким слоям населения, а не только узкому кругу профессионалов, свободное от религиозных предрассудков и, вместе с тем, создающее иллюзию приобщенности к высотам науки, освященное авторитетом науки. Сталинская работа стала фокусом, ориентиром, острием решения этой эпохальной задачи, своего рода главнокомандующим и знаменосцем армии прочих идеологических текстов, которые стали производиться по этому образцу в гигантских масштабах и завоевывать все идейное пространство общества.

Общеизвестно, какая борьба велась против религии в сталинские годы. Нелепо объяснять ее беспричинной злобностью и глупостью строителей нового общества, действовавших якобы в угоду марксистской доктрине. Последняя действительно сыграла роль. Но дело не столько в этом. Это - лишь поверхность исторического процесса, а не глубинный поток. Чтобы рожденный революцией человек выжил, он должен был перевоспитать и воспитать многомиллионные массы населения, он должен был породить многие миллионы более или менее образованных людей, способных хотя бы на самом минимальном уровне выполнять бесчисленные и разнообразные функции в обществе, начиная от простых рабочих и кончая государственными руководителями всех рангов и профилей. Коммунистическая идеология должна была в этом беспрецедентном в истории социальном, культурном и духовном перевороте сыграть решающую роль. Религия и церковь, доставшиеся в наследство от прошлого, разрушенного революцией социального устройства, встали на пути этого переворота как одно из главных препятствий. Началась битва за души и умы масс населения. Коммунистическая идеология должна была занять в обществе то место, какое до революции занимала религия, причем всемерно и всесторонне расширить и усилить эту роль. А массы людей, совершенно не знакомые с марксизмом, с ликованием ринулись в безбожие. Для них это был беспрецедентный в истории человечества праздник освобождения от пут религии. Без широкой поддержки населения

власти не смогли бы добиться такой блистательной и стремительной победы над религией, прораставшей в душах людей в течение многих столетий.

ВОЙНА 1941-1945 ГОДОВ

В истории человечества имели место примеры, когда власть мобилизовала и организовала огромные человеческие и материальные ресурсы в интересах войны. Я думаю, что самым значительным примером такого рода до XX столетия была власть, созданная Наполеоном. Это была предшественница современной сверхгосударственности. В XX веке грандиозным явлением такого рода была гитлеровская власть. Но сталинская власть превзошла их во всех отношениях. Я эту тему здесь опускаю.

Восстановительный период

Хотя состояние страны после войны было ужасающим, благодаря коммунистической социальной организации за поразительно короткий срок было восстановлено все, разрушенное войной. Более того, начался необычайный подъем во всех сферах жизни страны. Именно эти успехи Советского Союза, а не некий "черный провал", послужили основной причиной "холодной войны" западного мира против советского коммунизма.

СТАЛИНСКИЕ РЕПРЕССИИ

Ссылки на сталинские репрессии стали одним из главных аргументов в антикоммунистической и антисоветской пропаганде. Все, что писалось и пишется на эту тему, может служить примером идеологического способа мышления и идеологической фальсификации истории. Я ограничусь на эту тему краткими, чисто социологическими замечаниями.

Не Сталин изобрел этот социальный феномен. Он широко применялся в истории человечества и применяется до сих пор. И будет применяться в будущем как одно из закономерных явлений человеческой жизни. А в условиях сталинских лет без репрессий в принципе было бы невозможно построение новой социальной организации. Без них страна погибла бы не после 1985 года, а на несколько десятков лет раньше, во всяком случае - уже в 1941 году наверняка. Сталинские репрессии были особенно сильным проявлением объективных социальных законов, о которых говорилось в предшествующих частях книги.

Все критики сталинизма усматривают в репрессиях проявление бесправия коммунистической социальной организации. Это ошибочно как теоретически, так и фактически. Тут имело место нечто иное. На самом деле в сталинские годы в Советском Союзе происходило интенсивное формирование юридической (правовой) сферы. Но происходило одновременно и формирование сверхправовой "надстройки" - сверхправа. Последнее опиралось на право, включало его в себя в снятом виде, но доминировало над ним как явление нарождавшегося сверхобщества. В стране формировался аппарат сверхвласти, включавший в себя партийный аппарат, в котором вырабатывались и принимались решения по всем важнейшим проблемам. Эти решения не имели юридической силы сами по себе, но они приобретали принудительную силу, поскольку аппарат сверхвласти распоряжался всеми средствами легитимной государственности. И деятельность всех тех, кто был вовлечен в репрессивную систему, так или иначе узаконивалась - осуществлялась в рамках права, а не бесправия.

УТОПИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Сталинская эпоха была воплощением в жизнь сказки, утопии. Но воплощение это произошло в такой форме, что идеалы превратились в объект насмешки. И не потому, что реальность оказалась хуже утопии, - во многом она оказалась гораздо лучше, - а потому, что жизнь пошла совсем в другом, непредвиденном направлении, и идеалы утратили смысл.

Коммунистическая утопия создавалась при том условии, что многие существенные факторы человеческой жизни игнорировались, а именно: распадение человечества на расы, нации, племена, страны и другие общности, усложнение хозяйства и культуры, иерархия социальных позиций, изобилие соблазнов, власть, слава, карьера и т.п. Утопия предполагала лишь сравнительно небольшие объединения более или менее однородных индивидов, со скромным бытом и потребностями, с примитивным разделением функций. Утопия создавалась для низших слоев населения и низшего уровня организации общества.

Люди верили в коммунистическую утопию, не подозревая о том, что отвлекаются от упомянутых выше факторов. В самом деле, почему бы не жить в мире и дружбе, почему бы не проявлять заботу друг о друге, почему бы не распределять жизненные блага по справедливости, почему бы не вознаграждать людей по заслугам, почему бы не трудиться добросовестно и т.д.? И, абстрактно рассуждая, т.е. не принимая во внимание факторы, исключающие эти блага и добродетели, все это кажется возможным. Но абстрактная возможность еще не есть возможность реальная. И когда проходили годы, а абстрактные возможности не реализовывались, люди обвиняли в этом высшее начальство, социальный строй, сочинителей утопии. И тем не менее прогресс в жизни миллионов людей был настолько значительным, что сталинский период прошел в атмосфере если не веры, то желания верить в утопию.

Для миллионов рабочих и крестьян было благом то, что принесла им революция и новая, коммунистическая система. Миллионы крестьян переселялись в города, приобщались к образованию и культуре, получали более легкие условия труда. Миллионы простых людей из народа становились мастерами, инженерами, начальниками. Дети рабочих и крестьян в огромном числе получали среднее и высшее образование, становились инженерами, врачами, учителями, профессорами, офицерами, чиновниками, учеными, артистами и т.д. Но их дети уже не были детьми рабочих и крестьян. У них уже были другие критерии сравнения и другие потребности.

Уже в сталинские годы распределение людей по ступеням и ячейкам этой структуры происходило далеко не всегда по принципам, какие стремилась привить людям коммунистическая идеология, а именно - в соответствии со способностями, трудовыми усилиями и нравственными качествами людей. Но все же эти принципы фактически реализовались для большинства вступавших в жизнь молодых людей, и на отклонения от них еще смотрели как на пережитки капитализма. В послевоенные годы все с большей силой стали давать знать о себе объективные законы структурирования общества и распределения людей в новой структуре. Те принципы, какие проповедовала коммунистическая идеология, стали отступать на задний план. На первый план стали выходить принципы реального коммунизма, о которых предпочитали помалкивать или говорить как о пережитках прошлого и как о тлетворном влиянии Запада. Хотя первые сохраняли значение в определенных случаях и пределах, вторые стали оказывать более сильное воздействие на состояние сознания и чувств людей.

ДЕСТАЛИНИЗАЦИЯ

Хрущевский период был переходом советского общества от состояния юности к состоянию зрелости. Этот переход растянулся на несколько лет. Ничего необычного в этом нет. Исторические процессы протекают во времени, как и любые другие материальные процессы. Основным явлением этого периода была десталинизация страны.

Что означала эта десталинизация по существу, с социологической точки зрения? Сталинизм исторический как определенная совокупность принципов организации деловой жизни страны, принципов управления и поддержания порядка и принципов идеологической обработки населения сыграл свою великую историческую роль и исчерпал себя. Он стал помехой для нормальной жизни страны и дальнейшей ее эволюции. В силу исторической инерции он еще сохранял свои позиции. Миллионы людей, которые были оплотом сталинизма, привыкли и не умели жить по-иному, сохраняли свои руководящие позиции и влияние во всех подразделениях общества. Вместе с тем в стране отчасти благодаря сталинизму и отчасти вопреки ему созрели силы и возможности его устранения. В годы войны и в послевоенные годы предприятия и учреждения страны уже во многом стали функционировать не по-сталински. Благодаря культурной революции изменился человеческий материал, и потери в войне не остановили этот процесс. В массах населения назрела потребность жить иначе, назрел протест против сталинских методов, ставших бессмысленными. В сфере управления обществом сложился государственный чиновный аппарат, который стал играть более важную роль сравнительно с аппаратом сталинского народовластия и сделал последний излишним. В сфере идеологии сталинский уровень идеологии перестал соответствовать интеллектуальному уровню населения и его настроениям. В стране выросли огромные кадры идеологически подготовленных людей, которым сталинские идеологи казались примитивными и мешали делать то же дело лучше, чем раньше. Десталинизация страны происходила вопреки всему и несмотря ни на что, происходила объективно, явочным порядком. Происходила как естественный процесс созревания, роста, усложнения, дифференциации социального организма. Так что хрущевский "переворот" означал приведение официального состояния общества в соответствие с его фактическими тенденциями и возможностями.

Хрущевский "переворот" имел успех лишь в той мере, в какой он был официальным признанием того, что уже складывалось фактически. Он имел успех лишь в той мере, в какой нес облегчение и улучшение условий жизни широким массам населения. Он был прежде всего в интересах сложившегося к тому времени мощнейшего слоя руководящих работников всех сортов и уровней (начальников и чиновников), которые стремились сделать свое положение стабильным, обезопасить себя от сложившихся при Сталине методов руководства, опиравшегося на органы государственной безопасности и массовые репрессии, и от методов такого рода на всех уровнях социальной иерархии. Этот правящий слой больше всех был подвержен произволу народовластия. Он стал господствующим фактически и хотел иметь личные гарантии своего привилегированного положения.

Сталинская власть создавала государственную власть, используя ее как свое орудие и вместе с тем готовя себе смену в форме, выходящей за рамки государственности "сверху", - в форме сверхгосударственности. Десталинизация страны в послесталинские годы в сфере власти заключалась в переходе к системе власти сверхгосударственности, содержащей в себе в снятом виде государственность. Сохранились некоторые черты вождистской системы, которые ассимилировались сверхгосударством. Советская власть сложилась как единство государственных и сверхгосударственных элементов власти.

ЗРЕЛОСТЬ КОММУНИЗМА

Снятие Хрущева и избрание на его место Брежнева было заурядным спектаклем в заурядной жизни партийной правящей верхушки, сменой одной правящей группы другою. По моим наблюдениям, равнодушной была и реакция населения, которого смена лиц на вершинах власти вообще не касается непосредственно. Хрущевский "переворот" был переворотом прежде всего социальным. Он был подготовлен глубокими переменами в самих основах страны. Он отражал перелом в эволюции страны, перелом огромного исторического масштаба и значения. Брежневский же "переворот" был верхушечным, лишь в высших этажах аппарата власти. Он был направлен не против того состояния страны, какое сложилось в послесталинское время, а лишь против нелепостей хрущевского руководства, против Хрущева лично, против хрущевского волюнтаризма, исчерпавшего свои позитивные потенции и превратившегося в авантюризм, опасный для множества лиц в системе власти и для страны в целом. С социологической точки зрения брежневский период явился продолжением хрущевского, но без крайностей переходного характера.

Брежневское руководство сохранило основные итоги десталинизации страны и направило ее по пути нормальной (для этого типа общества) эволюции зрелого социального организма. В первые годы брежневского руководства улучшения условий жизни и либерализации были гораздо более значительными, чем в хрущевские годы. Хрущевские улучшения казались более важными, поскольку сравнивались непосредственно со сталинскими годами. После брежневского "переворота" сравнение производилось уже с достижениями периода хрущевского, что создавало ложное впечатление брежневской "реакции", якобы наступившей после хрущевской "либерализации".

Брежневские годы теперь считаются застойными. На самом деле это фактически неверно. Как раз наоборот, это были годы самого стремительного прогресса во всех основных сферах советского общества. В эти годы Советский Союз стал второй сверхдержавой планеты. Было построено огромное число новых предприятий. Необычайно усложнилось хозяйство, культура и быт населения. Вырос образовательный уровень населения. Возросло число ученых и деятелей культуры. Улучшились бытовые условия для огромного числа людей. Были достигнуты колоссальные успехи в науке и технике. Произошла общая либерализация социальных отношений. Был окончательно ликвидирован "железный занавес", необычайно расширились контакты с Западом.

Тот факт, что одновременно в стране происходило наращивание экономических и бытовых трудностей, а также усиление морального и идейного разложения, ничуть не противоречит сказанному. Это говорит лишь о сложности и противоречивости исторического процесса.

Общий жизненный уровень в Советском Союзе в брежневский период был сравнительно высокий, думаю, что самый высокий за всю историю России. А в некоторых районах он был выше, чем даже в западных странах. Были, конечно, недовольные. Но это было недовольство особого рода, скорее недовольство относительно сытых и благополучных людей, хотевших еще большего, соблазненных сказочным (как им казалось) благополучием Запада. При этом мало кто хотел поломать советский социальный строй и заменить его западным. Идеи такого рода пришли позднее, причем сверху и извне, а не из недр общества.

Коммунистический человек, сложившийся в советский период, не был случайным нагромождением разнородных и независимых друг от друга явлений. В нем различные его части, органы, ткани, сферы и т.д. были скоординированы, соответствовали друг другу, обуславливали друг друга, короче говоря - находились в органическом единстве, образовывали органическое целое. И как бы мы ни относились к нему, независимо от

наших субъективных оценок, оно объективно было целостным социо-биологическим организмом. Сложилась устойчивая организация многомиллионных масс населения и многих сотен тысяч предприятий и учреждений. Даже маленькие изменения в этом гигантском объединении зависели от бесчисленного множества факторов.

А всякое значительное преобразование, которое само по себе (т.е. взятое изолированно) казалось разумным и возможным, на деле могло оказаться вообще невозможным или могло привести к негативным и даже катастрофическим последствиям. Советская история давала бесчисленные примеры на этот счет.

Высшее советское руководство доперестроечного периода, опиравшееся на практический опыт проб и ошибок многих десятилетий, отдавало себе отчет в том, о чем я только что сказал. Оно проявляло вполне объяснимую осторожность и даже явный консерватизм в отношении радикальных преобразований. Дело тут было не в субъективных качествах правителей, не в отдельных бюрократах, которые якобы не хотели изменений. Дело тут было в совокупной системе социальных отношений, вынуждавших становиться консервативными бюрократами всех вовлеченных в нее людей. Более того, рассматриваемый консерватизм был вполне естественной самозащитной мерой против изменений, угрожавших самим основам советского общества.

Несмотря на пресмыкательство перед Западом части общества, в советский период выработалась вполне реалистичная концепция исторической стратегии. Основные ее пункты таковы. Первый пункт: идти своим самостоятельным путем, не тягаться с Западом в экономике, развивать социальный аспект общества (социальные права и гарантии), прививать людям свою систему ценностей (коммунистическое воспитание). Второй пункт: воздействовать на отсталые и эксплуатируемые народы мира не только своим примером, но и оказывая им помощь в их национально-освободительной борьбе. Третий пункт: развитие военной промышленности, укрепление вооруженных сил, мировая активность с опорой на военную мощь. И вряд ли кто будет оспаривать тот факт, что Советский Союз добился грандиозных успехов, став второй сверхдержавой планеты.

В брежневские годы реальный коммунизм достиг степени зрелости. Конечно, он во многом остался незавершенным. Но не в марксистском смысле - марксистское различие первой стадии коммунизма (социализма) и высшей стадии (полного коммунизма) я считаю чисто идеологической конструкцией. Реальный советский коммунизм остался незавершенным в том смысле, что в нем сохранились явления, чуждые природе "чистого коммунизма", не вытекающие из его закономерностей. Например, осталась частная собственность в довольно больших размерах, возможность накапливать большие богатства частными лицами, некоторые формы частного предпринимательства, возможность жить независимо от государства и от первичных коллективов и многое другое. Я в дальнейшем буду эти явления оставлять без внимания и рассматривать советский коммунизм в "чистом" виде, близком к абстрактному образцу.

КОММУНИЗАЦИЯ ПЛАНЕТЫ

Во всяком достаточно большом и развитом человекике возникает стремление к подчинению других человекиков. Не буду уходить далеко в историю. Обращусь к недавнему прошлому западных стран. Многие из них создавали колониальные империи. При этом они не стремились менять социальный строй колоний и поднимать их до своего уровня. Если в колониях и происходило что-то в этом отношении, это происходило просто под влиянием метрополий, а не в силу установки метрополий на это. Главным средством захвата колоний были вооруженные силы.

Совсем недавно гитлеровская Германия захватила огромные территории в Европе. Какими принципами она руководствовалась? Захватить жизненное пространство, использовать захваченное в интересах немцев-арийцев, другие народы истребить, сократить численно, занизить во всех отношениях до уровня слуг и рабов. Как это выглядело на деле, можно было с полной очевидностью видеть на оккупированных немцами территориях Советского Союза и Польши. Идеологически-пропагандистские средства гитлеровцы использовали внутри своей страны, а не вне ее. Вне страны открыто провозглашалась идеология расовой исключительности немцев-арийцев и неполноценность прочих (покоряемых) народов.

Советскому человеку тоже было свойственно стремление к овладению окружающим миром, как и странам Запада, Германии эпохи Гитлера, фашистской Италии и Японии тех лет. Но принципы, которыми он руководствовался при этом, были иными. Он стремился к овладению окружающим миром путем навязывания другим странам и народам своего типа социальной организации, т.е. коммунизма, можно сказать - стремление к коммунизации других народов и стран. Таким путем Советский Союз, одержавший победу над Германией во Второй мировой войне, навязал коммунистический социальный строй ряду стран Восточной Европы. В дальнейшем он способствовал созданию коммунистических ("марксистских", как выражались в западной пропаганде) режимов во многих местах планеты и поддерживал их. При этом он использовал не только военные, экономические и политические средства, но и средства идеологии и пропаганды, причем те же, что и внутри страны. В этом отношении он выступал как новатор в деле покорения планеты. Западный мир фактически пошел по стопам Советского Союза, когда ход "холодной войны" стал склоняться в его пользу.

Мотивы такого стремления к коммунизации планеты очевидны. Это - естественное стремление усилить свою обороноспособность, переходящее столь же естественно (закономерно) в стремление к мировой гегемонии. При этом действовала уверенность в том, что коммунизм есть благо для всех народов и что народы мира примут его добровольно и с энтузиазмом. Действовала также уверенность в том, что союзники с такой же социальной организацией надежнее, что с ними легче устанавливать контакты, что крепче будет их зависимость от метрополии коммунизма (от "Москвы"). И как следствие коммунизации получались выгоды, хотя на первых порах она требовала огромных затрат, а в ряде случаев коммунизируемые народы все время находились на содержании "Москвы". Это оправдывалось интересами мировой и эпохальной борьбы с западным миром за мировую гегемонию.

Советский Союз потерпел поражение в этой борьбе. Думаю, что это произошло не случайно. Во-первых, Советскому Союзу просто не хватило сил конкурировать с Западом в борьбе за мировое господство - Запад превосходил его во много раз во всех отношениях, важных в этой борьбе. Во-вторых, и это главное, советский коммунизм вообще оказался по самой своей природе неспособным к организации таких огромных массивов людей, народов и стран в единое целое.

Те суперструктуры, которые раньше создавали западные страны, и та мировая суперструктура, которую сейчас стремится создать Запад, суть структуры имперские, "вертикальные". В советском же человеке для этого не было необходимых условий. Не было человеческого материала с качествами народа господ, какими в избытке обладают западоиды. В самой социальной организации советского коммунизма не было предпосылок для вертикального структурирования народов и стран. Советский Союз в западной идеологии и пропаганде рассматривался как империя, что было вопиющей ложью. Если тут и было что-то имперское, то наоборот, ибо основной народ этой "империи" - русские - жил в гораздо худших условиях, чем прочие народы, которые он якобы эксплуатировал. На

самом деле Россия служила сферой колонизации для многих других народов, а русское население в основной массе своей обрекалось на жалкое существование на низших уровнях социальной иерархии. Советская идеология в принципе исключала вертикальную суперструктуру народов и стран мира. А то мировое объединение коммунистических и стремившихся к коммунизму стран, какое на короткое время возникло на планете, было "горизонтальным" объединением взаимозависимых стран. Это было одной из причин того, что блок коммунистических стран в Европе распался с поразительной легкостью и быстротой, а руководящая верхушка Советского Союза просто бросила на произвол судьбы (т.е. предала) своих коммунистических братьев на всей планете.

Советская идеология ориентировала на содружество народов на одном и том же уровне социальной организации, на отношения координации, а не субординации, без которых объединение больших масс людей на большие исторические сроки в принципе (в силу социальных законов) невозможно. "Москва" претендовала на эту роль. Но она не могла у себя дома создать уровень и образ жизни, какому стали бы завидовать все прочие братья по коммунизму, а на роль лидера мирового коммунизма не хватило сил. Траты на эту роль стали одной из причин нагревания кризиса. К тому же у "Москвы" появился мощный конкурент на эту роль - Китай.

"ХОЛОДНАЯ ВОЙНА"

Коммунизм с первых же шагов на исторической арене выступил как явление антикапиталистическое. Естественно, он не мог вызвать симпатий у носителей и апологетов капитализма. А после Октябрьской революции 1917 года в России ненависть к нему и страх перед ним стали непременным элементом западной жизни. Советский Союз стал заразительным примером для многих народов мира. В самих западных странах стало угрожающе расти коммунистическое движение. Реакцией на это явилось возникновение национал-социализма в Германии и фашизма в Италии и Испании, которые на время остановили угрозу внутреннего коммунизма на Западе.

Первая военная атака Запада на коммунизм в России имела место уже в 1918 - 1920 годы. Она провалилась. Лидерам западных стран удалось в ходе Второй мировой войны направить агрессию Германии против Советского Союза. Но попытка разгромить его военным путем и руками Германии не удалась. В результате победы над Германией в войне 1941 - 1945 годов Советский Союз навязал свой социальный строй странам Восточной Европы и колоссально усилил свое влияние в мире. Коммунизм стал стремительно распространяться по планете. Соответственно стали сокращаться возможности Запада в отношении колонизации планеты в своих интересах. Над Западом вообще нависла угроза быть загнанным в свои национальные границы, что было бы равносильно его упадку и даже исторической гибели. Советский Союз стал превращаться во вторую сверхдержаву планеты с огромным и все растущим военным потенциалом. Угроза мирового коммунизма стала выглядеть вполне реальной. В этой ситуации идея особого рода войны против наступающего коммунизма - идея "холодной войны" - возникла как нечто само собой разумеющееся.

Обычно выражение "холодная война" употребляют как обозначение конфликта между коммунистическим и западным миром, особенно между США и Советским Союзом, начавшегося сразу после окончания Второй мировой войны. Его называли "холодным", поскольку не были вовлечены вооруженные силы во всю мощь и непосредственно в отношения между противниками. По единодушному признанию политических и

идеологических лидеров Запада, "горячая" война с использованием современного оружия была бы безумием. Она привела бы к гибели обоих противников и сделала бы планету вообще непригодной для жизни. К тому же сложилось убеждение, что коммунистические режимы свергнуть военным путем невозможно. Так что "горячая" война ограничилась "малыми" войнами и участием в войнах между другими странами.

Фактически "холодная война" вышла далеко за рамки просто послевоенного конфликта между США и СССР. Она явилась продолжением антисоветской политики лидеров Запада в период между мировыми войнами и войны Германии с ее союзниками против СССР в 1941 - 1945 годы. По своему размаху она охватила всю планету и все сферы жизни человечества: экономику, политику, дипломатию, идеологию, пропаганду, культуру, спорт, туризм. Использовались все средства воздействия на людей: радио, телевидение, секретные службы, конгрессы, дискуссии, культурный обмен, подкуп, паблисити. Использовались любые поводы, любые уязвимые точки противника, любые человеческие слабости; национальные разногласия, религиозные предрассудки, любопытство, тщеславие, корысть, зависть, критические унастроения, страх, склонность к приключениям, эгоизм, любовь и т.п. Одним словом, это была, пожалуй, первая в истории человечества глобальная и всеобъемлющая война нового типа.

"Холодная война" не ограничилась сдерживанием советского проникновения в Европу. Она превратилась в борьбу против расползания коммунизма по всей планете. Целью ее стало вообще полное разрушение Советского Союза и всего блока коммунистических стран. Разумеется, это облекалось в идеологическую фразеологию освобождения народов от ига коммунизма, помощи в овладении западными (в первую очередь - американскими) ценностями, борьбы за мир и дружбу между народами, за демократические свободы и права человека.

"Холодная война" была войной особого типа, первой в истории человечества "мирной" войной. Хотя противники обладали вооружением, каким ранее не обладала ни одна армия, они не пустили его в ход непосредственно друг против друга. Общепринятое объяснение этого факта - применение современного оружия привело бы к гибели обоих противников и к мировой катастрофе. Но когда это было, чтобы в смертельной схватке опасения последствий останавливали врагов?! Американцы все-таки сбросили две атомные бомбы на Японию! Конечно, страх последствий имел место, и он всячески раздувался искусственно. И это само по себе было оружием "холодной войны". Гонка вооружений и политика на грани "горячей" войны были со стороны Запада войной на истощение противника. Советский Союз и его союзники вынуждались на непосильные траты.

Главным оружием в "холодной войне" были средства идеологии, пропаганды и психологии. Запад бросил колоссальные людские силы и материальные средства на идеологическую и психологическую обработку населения Советского Союза и его сателлитов, причем не с добрыми намерениями, а с целью деморализовать людей, оболванить, пробудить и поощрить в них самые низменные чувства и стремления.

Организаторами и исполнителями "холодной войны" ставилась задача атомизировать советское общество идейно, морально и психологически. Лишать массы способности к сопротивлению. Разрушать идейно-психологический иммунитет советского населения. В качестве средства использовалась мощная пропаганда, переключавшая внимание людей с социальных проблем на секс, интимную сферу кинозвезд и гангстеров, на преступность, извращенные формы удовольствия. Провоцировались и раздувались национальные и религиозные чувства, создавались и навязывались ложные мифы и кумиры.

В эту работу были вовлечены многие десятки (если не сотни) тысяч специалистов и добровольцев, включая агентов секретных служб, университетских профессоров, журналистов, туристов. Работа велась с учетом опыта прошлого, особенно - геббельсовской

пропагандистской машины, а также достижений психологии и медицины, особенно - психоанализа.

Педантично используя идеологически-психологическое оружие в течение более сорока лет, не скупясь на баснословные траты, Запад (и главным образом США) деморализовал советское общество, и прежде всего - его правящие и привилегированные слои, а также его идеологическую элиту и интеллигенцию.

Принято считать, будто поражение Советского Союза и его сателлитов в "холодной войне" доказало несостоятельность коммунистического социального строя и преимущество строя капиталистического. Я считаю это мнение ложным. Поражение коммунистических стран обусловлено сложным комплексом причин, среди которых сыграли свою роль и недостатки коммунистического строя. Но это еще не есть доказательство нежизнеспособности и несостоятельности коммунистического типа общественного устройства. Победа капиталистического Запада точно так же обусловлена сложным комплексом причин, среди которых сыграли свою роль и достоинства капитализма. Но это еще не есть доказательство преимуществ капитализма.

Запад использовал слабости Советского Союза, в том числе - дефекты коммунизма. Он использовал также свои преимущества, в том числе - достоинства капитализма. Но победа Запада над Советским Союзом не была победой капитализма над коммунизмом. "Холодная война" была войной конкретных народов и стран, а не абстрактных социальных систем. Можно привести примеры противоположного характера, которые можно истолковать как "доказательство" преимуществ коммунизма перед капитализмом. Это, например, молниеносная индустриализация Советского Союза, реорганизация промышленности в ходе войны с Германией и победа над ней, а также ситуация в коммунистическом Китае сравнительно с капиталистической Индией. Но и эти примеры ничего не доказывают сами по себе.

Реальное коммунистическое общество существовало слишком короткое время, причем в крайне неблагоприятных условиях, чтобы делать категорические выводы о его несостоятельности. "Холодная война" даже отдаленно не отвечает условиям лабораторного эксперимента. Чтобы сделать вывод о том, что тут капитализм победил коммунизм, нужно было, чтобы противники были одинаковы во всем, кроме социального строя. Ничего подобного в реальности не было. Запад просто превосходил Советский Союз по основным факторам, игравшим решающую роль в "холодной войне".

Последующее развитие событий показало, что понимание сущности исторического процесса в период "холодной войны" как борьбы двух социальных систем капитализма и коммунизма - было поверхностным. Тут за сущность процесса приняли его историческую форму. По сути дела, это была борьба Запада за выживание и за господство на планете как необходимое условие выживания. Коммунистическая система в других странах была средством защититься от этих претензий Запада. Коммунистические страны переходили сами к нападению. Но инициатива истории исходила не от них, а от Запада. Она пряталась в глубинах исторического потока, порою скрывалась умышленно. Историческая инициатива не есть программа партий и правительств. Она редко осознается людьми в адекватной ей форме. Коммунизм стал объектом атаки со стороны Запада, поскольку сопротивляющийся Западу и отчасти атакующий его мир принял коммунистическую форму. Он мог сопротивляться и даже временами побеждать лишь в такой форме. Потому именно на коммунизме сосредоточилось внимание. Кроме того, борьба против коммунизма давала Западу оправдание всему тому, что он предпринимал на планете в эти годы.

КРИЗИС КОММУНИЗМА

Советская идеология, настаивая на неизбежности кризисов при капитализме, считала коммунистическое общество бескризисным. Это убеждение разделяли даже критики коммунизма. Не было сделано ни одного исследования, результатом которого явилось бы предсказание кризиса коммунизма или хотя бы вывод о его возможности. Были бесчисленные предсказания гибели коммунизма в Советском Союзе и других странах, но они не имели ничего общего с предсказанием именно кризиса. Он произошел неожиданно для политиков, специалистов и масс населения. Его стали осознавать как кризис лишь после того, как он разразился во всю мощь, да и то не в адекватной ему форме.

Хотя кризис назрел уже в брежневские годы, даже Горбачеву еще не приходила в голову мысль о нем. Он начал свои маниакальные реформы в полной уверенности в том, что советское общество покорно подчинится его воле и призывам. Он сам больше, чем кто бы то ни было, способствовал развязыванию кризиса, не ведая о том.

Когда на факт кризиса уже стало невозможно закрывать глаза, его осознали в извращенной форме, а именно - как некое обновление и выздоровление общества, как некую "перестройку". В советском руководстве и его интеллектуальном обслуживании не нашлось ни одного человека, кто посмотрел бы на реформоманию как на характерный признак именно кризиса. Вместо выяснения сущности и реальных причин кризиса, все бросились искать виновников нарастающих трудностей и козлов отпущения. И нашли их в том, на что указали западные наставники, - в лице Сталина, Брежнева, консерваторов, бюрократов, органов государственной безопасности, в партийном аппарате и, само собой разумеется, в идеологии.

Кризисы суть обычное явление в жизни всякого общества. Переживали кризисы античное, феодальное и капиталистическое общества. Нынешнее состояние западных стран многие специалисты считают кризисным. Кризис общества не есть еще его крах. Кризис есть отклонение от некоторых норм существования общества. Но не всякое отклонение есть кризис. Уклонение от норм может быть результатом природной катастрофы, эпидемии или внешнего нападения. В 1941 - 1942 годах Советский Союз был на грани гибели. Но это не был кризис коммунизма как социального строя. Наоборот, именно в эти тяжелые годы коммунизм обнаружил свою жизнеспособность. Кризис является таким отклонением от норм, которое возникает в результате действия внутренних закономерностей общества, причем в условиях его нормальной и даже успешной жизнедеятельности.

Каждому типу общества свойствен свой, характерный для него тип кризиса. Для капиталистического общества был свойствен так называемый экономический кризис, который проявляется в перепроизводстве товаров, избыточности капиталов и дефиците сфер их приложения. Коммунистический кризис очевидным образом отличается от него. Он заключается, коротко говоря, в дезорганизации всего общественного организма, достигая, в конце концов, уровня дезорганизации всей системы власти и управления. Он охватывает все части и сферы общества, включая идеологию, экономику, культуру, общественную психологию, нравственное состояние населения. Но ядром его становится кризис системы власти и управления.

Ставя вопрос о причинах кризиса, надо различать, по крайней мере, такие факторы, играющие различную роль в его возникновении: 1) механизм потенциального кризиса; 2) условия, в которых возможность кризиса превращается в действительность; 3) толчок к кризису. Механизм потенциального кризиса образуют те же самые факторы, которые обеспечивают нормальную жизнедеятельность общества. Они органически присущи коммунистическому социальному строю. Они действуют всегда, порождая тенденции отклонения от его норм. Постепенно накапливаясь и суммируясь, эти отклонения создают

предпосылки для кризиса. Чтобы описать механизм кризиса конкретно, нужно по мере описания общества в его нормальном ("здоровом", идеальном) состоянии в каждом пункте описания указывать, в чем именно заключается отклонение от нормы и почему оно происходит, т.е. закономерность самого нарушения норм. Например, плановая экономика неизбежно порождает элементы хаоса и незапланированности, без которых вообще невозможно осуществление планов. Единство системы власти и управления порождает распад ее на враждующие группировки, причем порой мафиозного типа. Прогресс экономики, культуры и прочих аспектов общества порождает расхождение между потребностями управления и возможностями их удовлетворения. Тотальная идеологическая обработка порождает идеологический цинизм и ослабление иммунитета против влияния враждебной идеологии. Общество вынуждено постоянно принимать меры против таких отклонений от норм, чтобы удерживать их в терпимых пределах. Но это удается лишь частично и до поры до времени.

Условия кризиса суть нечто внешнее для сущности коммунизма как такового. Они способствуют созреванию кризиса и его наступлению, но сами по себе они не порождают его. Кризис мог произойти при других условиях, даже при противоположных. Он мог не произойти и при данных условиях. Условия кризиса не обязательно суть нечто неблагоприятное для общества или неудачи. Это могут быть и успехи, и благоприятные обстоятельства. Среди условий рассматриваемого кризиса следует назвать то, что в послевоенные годы, особенно в годы брежневского правления, в стране произошел колоссальный прогресс сравнительно со сталинским периодом. Это не были годы "черного провала" и "застоя". Среди условий кризиса следует упомянуть прирост населения. Население увеличилось более чем на сто миллионов человек. Никакая западная страна не выдержала бы такую нагрузку, не впад в кризисное состояние из-за одной этой причины. Прирост населения сопровождался возрастанием доли непродовольственного населения и непомерным ростом его аппетитов в отношении материальных благ.

Важнейшую роль в созревании кризиса сыграла "холодная война", которая по своей силе и ожесточенности может быть поставлена в один ряд с войнами "горячими". Советский Союз вынуждался на непосильные траты и на такие взаимоотношения с окружающим миром, которые истощили его силы и принесли ему репутацию "империи зла". Советское проникновение на Запад было палкой о двух концах: оно непомерно усилило западное проникновение в Советский Союз и страны его блока. Запад стал неотъемлемым фактором внутренней жизни страны, в огромной степени способствовавшим ослаблению защитных механизмов советского общества как общества коммунистического.

Надо, далее, различать возможность кризиса, которая постепенно усиливается в течение многих лет, но до поры до времени остается скрытой, и превращение этой возможности в действительность. Последнее происходит взрывообразно, сравнительно со временем накопления кризиса - внезапно. Те факторы, которые приводят к такому кризисному взрыву, образуют толчок к кризису. В брежневские годы накопились предпосылки для кризиса - созрел потенциальный кризис. Но в действительность он превратился с приходом к высшей власти Горбачева и с началом "перестройки". Горбачевское руководство развязало кризис, дало толчок к нему. Горбачев своей политикой "нажал кнопку", и бомба кризиса взорвалась. Возможно, у горбачевцев было искреннее намерение улучшить положение в стране, но оно реализовалось в таких мерах, которые ускорили и углубили кризис. Процесс вышел из-под контроля властей, превратив их в своих марионеток и навязав им форму поведения, о какой они не помышляли ранее.

Дело обстоит не так, будто в обществе начался кризис, вынудивший власть на определенную политику реформ, а наоборот, власть начала проводить определенную политику, мотивируясь соображениями, ничего общего не имевшими с интересами

предотвращения надвигавшегося кризиса (об этом вообще не думали), и будучи уверенной в том, что общество будет продолжать жить под ее контролем и следовать ее предначертаниям. Расчет власти оказался ошибочным. Общество, созревшее для кризиса, реагировало на политику власти неожиданным и нежелательным для нее образом. Превратившись в марионетку неуправляемого процесса, власть сделала хорошую мину при плохой игре: стала изображать роль сознательного реформатора общества.

Послужив толчком к развязыванию кризиса, горбачевская политика перестройки сама стала главным источником кризиса и его самым сильным проявлением. Начавшись с идеологии и морального состояния общества, кризис углубился до самых его основ, охватив систему власти и управления и социальную организацию населения.

Был нарушен фундаментальный принцип владения. Поощрение форм владения, приближающихся к форме частной собственности, в огромной степени способствовало разрушению коллективистских оснований коммунизма. Нарушилась стабильность социальной структуры населения и механизма ее воспроизводства. Произошла та самая дестабилизация общества, о которой так долго мечтали на Западе. Усилилась сверх меры ненадежность социального положения людей, ослабли гарантии удовлетворения минимальных потребностей. Ослабла заинтересованность массы людей в делах и жизни их деловых коллективов. Произошло ослабление и порою даже разрушение прикрепленности граждан к деловым коллективам, а также ослабление власти коллектива над индивидом. Произошло вопиющее нарушение принципов вознаграждения за труд и распределения жизненных благ.

Кризис власти (государства) проявился прежде всего в том, что стало невозможно сохранять ее как единое и слаженное целое. Во власти всегда происходила борьба группировок. Но вовне власть всегда выступала как единое целое. Теперь она раскололась, и внутренние конфликты стали предметом всеобщего достояния. Группировки проявили непримиримую вражду по отношению друг к другу. Высшая власть утратила прежний контроль над нижестоящими подразделениями. Стержневая часть утратила прежний контроль над прочими разветвлениями власти. Органы порядка перестали выполнять свои функции на должном уровне. Милиция оказалась неспособной бороться с ростом преступности. Органы государственной безопасности оказались бессильными бороться против нарастающих антигосударственных и антикоммунистических умонастроений и действий.

Власть сама усилила этот аспект кризиса, реабилитировав прежних диссидентов и присвоив себе разоблачительские функции диссидентов. Заигрывания с Западом породили серию либеральных жестов, поощрив тем самым бунтарские, антигосударственные, антипартийные и антикоммунистические силы в стране. В том же направлении действовали разоблачения сталинизма и брежневизма. Расчеты власти на завоевание популярности не оправдались. Наоборот, она потеряла авторитет в глазах населения. Разоблачения сталинистов и брежневистов фактически наносили удар по власти вообще. Начались такие массовые нападки на власть, каких не было за всю советскую историю. Они приняли откровенно антикоммунистический характер.

В самой сильной степени кризис власти затронул ее стержневую часть - партийный аппарат. Он утратил былой контроль за системой власти и оказался изолированным от управляемого общества. На него взвалили главную ответственность за то, в каком положении оказалась страна. Все нападки на представителей власти, обвинения их в коррупции, бюрократизме и консерватизме относились прежде всего к работникам партийного аппарата. Антипартийные и фракционные выступления членов партии и даже представителей органов власти стали обычным делом. За них никто не наказывался ощутимым образом. Многие стали демонстративно выходить из партии.

Антикоммунистические выступления и неподчинение властям перестали даже удивлять. На выборах в советы кандидаты партийных органов стали терпеть сокрушительное поражение. Допущение формы выборности в отношении невыборной по существу власти поставило всю профессиональную власть на грань катастрофы.

Политика гласности углубила и расширила идеологический кризис. Началось безудержное и бесконтрольное словоблудие, мазохистское саморазоблачение, оплевывание всех святынь советской истории, очернение советской реальности. Все истины марксизма-ленинизма были подвержены осмеянию. Всякая защита даже бесспорных истин его рассматривалась как признак реакционности и отсталости. Короче говоря, с марксизмом-ленинизмом обходились чуть ли не как с враждебным идеологическим учением. Одновременно началось столь же безудержное заимствование идей из западной идеологии.

Неверие в марксистские идеалы и отказ от марксизма-ленинизма как от руководства к действию захватил самые верхи правящего слоя. Дискредитация идеологии стала стимулироваться сверху. И это несмотря на то, что многие положения марксизма-ленинизма могли бы, как никогда, послужить путеводной звездой в современной запутанной ситуации в мире. Получалось, что коммунисты предавали марксизм-ленинизм именно тогда, когда на нем стоило настаивать особенно упорно.

Была потеряна эпохальная цель общества - его ориентация на "полный коммунизм". Доминирующим стало состояние беспросветности. Идейные интересы заглохли или оттеснились куда-то на задворки человеческих душ. Разрушилось также сознание исторической миссии советского народа и сознание внешнего эпохального врага. Советские люди стали видеть коммунистический идеал на Западе. Все то, что советская идеология и пропаганда с полным основанием утверждала о реальном капитализме и о Западе, стало восприниматься как идеологическая ложь, а идеологическая ложь и дезинформация, идущая с Запада, - как святая правда.

В течение всей советской истории советским людям со стороны государственной идеологии прививалась негативная картина Запада. Ничего преступного и аморального в этом не было. Это - обычное дело в реальной истории. Ведь и на Западе даже без единой государственной идеологии массам населения прививались и прививаются с удвоенной силой теперь идеологически тенденциозные и ложные представления о Советском Союзе и о коммунистическом обществе вообще.

Теперь же произошел беспрецедентный перелом в отношении к Западу даже в сфере официальной идеологии.

Она ринулась в другую крайность, причем с ведома высшей власти страны, по ее примеру и по ее указаниям. Советским людям стали с неслыханной силой навязывать позитивный образ Запада и западофию. В идеологическом оболванивании советского населения в прозападном духе приняли активное участие многочисленные перевертыши, ранее ревностно проводившие установку на западофобию; работники идеологического и пропагандистского аппарата; советские средства массовой информации; советские эмигранты на Западе; советские деятели культуры, добивавшиеся популярности на Западе; советские граждане, побывавшие на Западе и привезшие оттуда дефицитные вещи; представители высшего советского руководства. Свой огромный вклад в это внесла западная пропаганда. Ей не только перестали чинить препятствия, но стали всячески помогать. Многие лица, занимавшиеся активной антисоветской и антикоммунистической пропагандой, стали почетными гостями в Советском Союзе. Их стали печатать в советской прессе. На них стали ссылаться как на авторитеты, причем даже высшие лица руководства. К ним стали обращаться за советами, какие меры надо принимать, чтобы быстрее разрушить все советское и уподобиться Западу.

Советская официальная идеология обнаружила полную неспособность отстаивать положительные достижения своего общественного строя и критиковать дефекты западного, оказалась неподготовленной к массовой идеологической атаке со стороны Запада. В стране началась идеологическая паника. Появились идеологические дезертиры, предатели, перевертыши. Идеологические генералы начали перебегать к противнику. Началась беспримерная оргия очернения всего, что касалось советской истории, советского социального строя и коммунизма вообще.

Идеологический перелом не ограничился сферой сознания. Я думаю, что западные стратеги "холодной войны", в отличие от советских реформаторов, понимали сущность и важность консерватизма доперестроечного советского руководства, а именно - понимали, что этот консерватизм был важнейшим условием стабильности и живучести советского общества. Западная пропаганда начала педантично вбивать в головы советской правящей и идеологической элиты мысль, будто "дальше так жить нельзя", будто "нужно что-то делать". И она добилась выдающегося успеха. В России до сих пор не могут избавиться от этого наваждения. До сих пор люди не могут признаться себе в том, что эта идейная установка была началом всех последующих бед. В ситуации тех лет надо было набраться терпения и сделать все зависящее от людей, чтобы не делать ничего радикального.

Идеологией "нужно что-то делать" заразились молодые карьеристы из партийного и идеологического аппарата, начавшие успешную карьеру еще в сталинские годы и прошедшие школу сталинского волюнтаризма. Что именно нужно делать, они не знали. Зато это отлично знали их западные наставники и дирижеры. Последним сильно повезло: дорвавшиеся в 1985 году до высшей власти реформаторы сделали неизмеримо больше того, на что рассчитывали на Западе.

Новая идеология ("новое мышление") стала внедряться в практику. Начав с серии бессмысленных насильственных реформ и потерпев на этом пути банкротство, советские реформаторы встали в конце концов на путь насильственной "перестройки" советского общества по западным образцам. При этом они игнорировали тот факт, что западные образцы не являются универсальным благом для всего человечества. Эти образцы дали хорошие результаты только для небольшой части человечества, а именно - лишь для самих народов западных стран. Для подавляющего большинства народов планеты они были и остаются чужеродными. Не являлись на этот счет исключением и народы Советского Союза.

Подчеркиваю искусственный и насильственный характер этих преобразований. В Советском Союзе не созрели и не могли созреть в принципе никакие предпосылки для перехода к капиталистическим социальным отношениям и к соответствующим им политическим формам. В массе населения не было никакой потребности в переходе к капитализму. Об этом мечтали лишь преступники из "теневой экономики", отдельные диссиденты, скрытые враги и часть представителей привилегированных слоев, накопившая богатства и хотевшая их легализации.

В обществе сложилась ситуация, которую можно было бы назвать революционной, если бы в реальности назрели предпосылки для настоящего революционного переворота. Но таких предпосылок не было. И массы устремились не вперед, не в будущее, а назад, в прошлое. Псевдореволюционная ситуация могла породить только одно: попытку контрреволюции по отношению к революции, в результате которой возникло коммунистическое общество. С точки зрения эволюции коммунизма, массы выступили как сила глубоко реакционная. Естественно, и вожди масс, отражающие их умонастроения, выступили с лозунгами, которые нисколько не считались с внутренними закономерностями и возможностями страны. Все идеалы ими были заимствованы в дореволюционной России, которую они идеализировали, и на Западе, причем не в западной реальности, которую они

плохо знали и совсем не понимали, а в западной идеологии и пропаганде, рассчитанной на дураков из коммунистических стран.

СОВЕТСКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

В период между избранием Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС в 1985 году и расстрелом Белого дома по приказу Ельцина в октябре 1993 года произошла совокупность событий, в результате которых был разгромлен коммунистический социальный строй, сложившийся в Советском Союзе благодаря Великой Октябрьской революции 1917 года. Поэтому я считаю себя вправе называть эти события словами "советская контрреволюция".

В западной идеологии и пропаганде советская контрреволюция изображается обычно так, будто советский социальный строй (коммунизм) рухнул в силу своей внутренней несостоятельности, будто он изжил себя сам по себе, будто советские люди сами (на своем жизненном опыте) пришли к мысли о необходимости отказа от коммунизма и перехода к капитализму. В России эта концепция принята как нечто само собой разумеющееся. И это не просто по недомыслию (хотя и недомыслие тут имеет место). Разгром советского коммунизма еще не завершился полностью. У западных организаторов и российских исполнителей советской контрреволюции еще нет стопроцентной уверенности в том, что с коммунизмом в России покончено навсегда. Соккрытие истины относительно сущности советской контрреволюции еще остается важнейшей задачей ее идеологов и апологетов.

А советским (и затем российским) исполнителям контрреволюции к тому же хочется выглядеть благородными освободителями советских людей и прочего человечества от гнева и ужасов некоего коммунистического зла, а не послушными марионетками западных хозяев и не добровольными предателями великих исторических завоеваний, достигнутых их соотечественниками и предшественниками ценой колоссальных усилий и жертв.

Детальное научное исследование советской контрреволюции есть задача для ученых будущего, когда остынут страсти и кому-то будет позволено приоткрыть завесу идеологической лжи, скрывающую социальную сущность этого исторического явления. Я здесь ограничусь лишь некоторыми соображениями относительно того направления, по какому должна (с моей точки зрения) двигаться стремящаяся к истине мысль.

Советская контрреволюция была порождена комплексом многочисленных факторов. Этот комплекс является многомерным. В одном из этих измерений (аспектов) различаются факторы внутренние и внешние. К внутренним относится все то в рамках Советского Союза, что так или иначе способствовало контрреволюции. К внешним относится все то за пределами страны, что так или иначе было связано с подготовкой и осуществлением контрреволюции в Советском Союзе. В другом измерении различаются факторы объективные и субъективные. К субъективным относится идеологическое, моральное, психологическое и интеллектуальное состояние людей, которые как-то были вовлечены в подготовку и осуществление контрреволюции и от которых зависел ее успех. К объективным факторам относятся такие, которые были объективно даны людям в качестве условий их жизнедеятельности и которые были неподвластны их сознанию и воле при подготовке и осуществлении контрреволюции. Имеются и другие измерения. Обычно они смешиваются явно или неявно, по неведению или умышленно.

Различение упомянутых измерений и факторов не является абсолютным. Одни и те же факторы могут фигурировать в различных измерениях. Таковы, например, социальные законы коммунистического общественного строя. Они суть внутренние и объективные факторы. Между различными факторами имеют место многообразные отношения и связи.

Например, влияние Запада на внутреннюю жизнь Советского Союза было внешним фактором, но образующееся под его влиянием идеологическое и психологическое состояние советского населения - внутренним. Одни и те же факторы играли одновременно различные и даже противоположно направленные роли. Роль факторов менялась со временем. Так, в начале "холодной войны" доминировали факторы внутренние и объективные, во второй ее стадии все большее значение стали приобретать факторы внешние и субъективные. Одни факторы сыграли решающую роль в том смысле, что они придали единство и направленность всему комплексу, определили его конечный результат. Другие же послужили условиями для этого.

Чтобы установить, какие именно факторы и какую роль сыграли в советской контрреволюции, необходимо прежде всего выделить (абстрагировать) ее в качестве особого объекта нашего внимания. Для этого нужно точно выявить множество образующих ее конкретных действий людей и установить, что именно связало эти действия в единое целое, в одно сложное совместное действие множества различных людей. Общим для всех этих действий было то, что они так или иначе разрушали социальный строй страны, - разрушали реальный советский коммунизм. И именно эта их антикоммунистическая направленность объединяла их в огромное единое историческое действие, имевшее результатом разгром советского коммунизма.

Но чтобы выполнить эту задачу, необходимо точно знать, в чем именно заключалась коммунистическая социальная организация (социальный строй) советского общества. Знать объективно, а не в том виде, как его изображали и изображают в идеологии и пропаганде (как в советской, так и в антисоветской). У тех людей, которые разрушали советский коммунизм, не было, конечно, научного его понимания. Но для разрушения это и не требовалось, было вполне достаточно идеологических представлений. Научный подход нужен, чтобы понять социальную сущность того, что сотворили эти люди совместными усилиями, мотивируемые и манипулируемые отнюдь не интересами научного познания.

Самая глубокая сущность реальной коммунистической организации общества заключается в организации системы власти и управления обществом и в ее положении в обществе. Эта система пронизывала все общество во всех жизненно важных измерениях и на всех уровнях социальной иерархии, начиная с ее вершины и кончая первичными деловыми коллективами. Можно сказать, что коммунистическое общество в Советском Союзе было государственно организованное человеческое объединение. Более того, тут следует говорить даже не просто о государственности, а о сверхгосударственности. А основу, ядро, стержень, скелет и голову этой сверхгосударственности образовал социальный феномен, который называли словом "партия", но который на самом деле не был партией в смысле привычных политических партий Запада. Он лишь имел подобные партии, имел какие-то генетические источники в партии. Но фактически он был явлением качественно иного рода.

Если исходить из реальной, а не из воображаемой коммунистической социальной организации советского общества, если исходить из научного понимания ее, а не из идеологических ложных догм, то начало советской контрреволюции следует отнести к тому моменту советской истории, когда начали сознательно разрушать советскую систему власти и управления, и еще точнее говоря - когда начали разрушать аппарат КПСС. И началось это вскоре после избрания Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС. Началось по инициативе Горбачева и было поддержано высшим партийным руководством и его идеологическими холоуями. Началось с вершины власти. Началось изнутри системы власти, т. е. из самых глубин базиса коммунистической социальной организации. А завершение советской контрреволюции произошло уже при Ельцине, когда была ликвидирована КПСС и по приказу Ельцина были расстреляны жалкие остатки советской

государственности. Советская контрреволюция хронологически и по составу образующих ее событий заключена в эти рамки. Относить ее начало в более отдаленное прошлое (а ее относят даже к временам Хрущева), а окончание - в годы после расстрела Белого дома, значит растворять ее в более обширном историческом потоке и искажать тем самым ее социальную сущность. События, предшествовавшие началу деятельности Горбачева по разрушению КПСС и так или иначе связанные с этим, сыграли роль условий и предпосылок контрреволюции, а все события, произошедшие после прихода Ельцина к высшей власти в России и расстрела Белого дома, явились неизбежными следствиями уже свершившейся контрреволюции. Здание советского общества как общества коммунистического рухнуло как следствие того, что был разрушен его социальный фундамент.

Советская контрреволюция есть явление внутренней жизни советского Союза и затем (после распада последнего) России. Естественно, раз она произошла, она имела на то основания в самом советском обществе. Эти основания можно разделить на объективные и субъективные. Из объективных факторов отмечу два - расслоение советского общества и назревание кризиса.

Вопреки марксистскому учению о бесклассовости коммунистического общества, в реальном советском обществе с самого начала наметилось расслоение населения на социальные классы, занимающие различное положение в структуре общества и, соответственно, обладающие различными возможностями в распределении жизненных благ. Неравенство в этом отношении было не каким-то отклонением от неких "правильных" норм, предписанных классиками марксизма, а проявлением объективных законов социального бытия. К концу брежневского периода классовое расслоение советского общества достигло высокого уровня. Стала очевидной тенденция к снижению вертикальной динамики населения, т. е. сокращались возможности перехода из одних слоев в слои более высокого уровня. Представители высших слоев редко стали опускаться в низшие слои. Они имели разнообразные привилегии сравнительно с низшими слоями и возможности приобретать жизненные блага благодаря своему положению в обществе. Они были хозяевами общества. Ничто не угрожало их привилегированному положению. Они имели такие гарантии своего положения, каким могли завидовать привилегированные слои западных стран. Они имели блага без риска потери, без особых усилий и забот.

А между тем произошло нечто такое, что находится в явном несоответствии с социальными законами и даже со здравым смыслом. Те советские люди, которые стали активными идеологами и деятелями контрреволюции, как правило, были выходцами из высших слоев общества, принадлежали к его привилегированной части, занимали в нем высокие посты (достаточно назвать самих Горбачева и Ельцина), принадлежали к идеологической и культурной элите. Они поднялись в высшие слои за счет советской системы, в ней добились успехов, сделали карьеру. Согласно социальным законам они по своему положению в обществе должны были служить опорой этого общества, его апологетами и защитниками. А они ринулись разрушать его, превзойдя на этом пути диссидентов, критиков режима, самых отъявленных антикоммунистов Запада. Они начали с остервенением рубить сук, на котором сидели. Почему?! Никаких объективных факторов в социальной организации советского общества не было. Очевидно, вступили в силу факторы, действовавшие извне советского общества, причем действовавшие как факторы, породившие в нем определенное идейное, моральное и психологическое состояние населения, т. е. как факторы субъективные.

Не следует забывать о том, что сразу после окончания Второй мировой войны началась "холодная война" западного мира, возглавляемого США, против советского блока во главе с Советским Союзом. Теперь общеизвестно, что основным оружием в ней были средства воздействия на идейное, моральное и психическое состояние советских людей. И надо

признать, что это воздействие было весьма эффективным. Особенно сильным оно было в отношении самой социально активной части высших и средних слоев советского общества, включая правящую и идеологическую элиту. "Холодная война" длилась сорок лет до начала советской контрреволюции - срок более чем достаточный для того, чтобы эта часть советского населения, которой предстояло стать основной силой и опорой контрреволюции, подверглась моральному и идейному разложению. Она стала прозападно настроенной и возжаждала иметь для себя западные жизненные блага, сохраняя то, что уже имела. Этот фактор послужил одним из важнейших условий успеха контрреволюции. Но сам по себе он не порождал никаких намерений и планов осуществить контрреволюцию на деле. Для этого не было других условий. Чтобы это условие вступило в силу, контрреволюция должна была быть развязанной каким-то образом, причем безопасным для этой категории граждан. Каким - об этом еще не знал никто вплоть до того момента, когда контрреволюция уже достигла стадии очевидности, когда было дано разрешение на нее с вершины власти. И даже более того, последовал призыв к ней и поданы примеры не только ненаказуемого антикоммунистического поведения, но даже поощряемого.

К концу семидесятых годов в Советском Союзе сложилась ситуация в экономике, получившая название застоя. В сравнении с процветавшей в те годы экономикой западных стран этот фактор вносил свой вклад в умонастроения советских людей, подогреваемые западной пропагандой. Многие советские люди, разуверившиеся в скором приходе коммунистического изобилия ("по потребности"), стали видеть земной коммунистический рай на Западе. Этот фактор стал одним из условий успеха будущей (для тех лет) контрреволюции.

Коммунистическое общество считалось бескризисным не только лидерами и идеологами коммунистических стран, но и лидерами и идеологами стран западных, т. е. и антикоммунистами и антисоветчиками. И это убеждение было бы верным, если бы никаких других кризисов, кроме кризисов капиталистических, в природе не происходило. Советское общество было бескризисным в том смысле, что в нем были исключены капиталистические экономические кризисы, ибо оно было обществом не капиталистическим, а иного типа. Но это не избавляло его от кризисов иного рода. Всякое общество так или иначе переживает кризисные ситуации, соответствующие его природе. В советском обществе назревал кризис, но кризис специфически коммунистический - первый в истории кризис такого рода. В силу того, что отсутствовало научное понимание советского общества, согласно которому складывавшееся положение можно было бы оценить как предкризисное, приближение кризиса просто проглядели, не заметили и не захотели замечать. Это положение стали рассматривать как показатель несостоятельности коммунистической экономики. Процветание же экономики на Западе стали приписывать исключительно капитализму. Причем такое понимание возникло вовсе не спонтанно, а было навязано извне западной идеологией и пропагандой. Последняя имела в Советском Союзе колоссальный успех, поскольку начисто отсутствовало научное понимание не только своего, советского социального строя, включая экономику, но и западного социального строя (западнизма, по моей терминологии), а также поскольку к этому времени западнистская система ценностей почти полностью вытеснила систему коммунистических ценностей в массах советского населения, в особенности и в первую очередь в его высших и близких к высшим слоям.

Что на самом деле имело место в Советском Союзе в эти годы? Советский Союз превратился во вторую сверхдержаву планеты отнюдь не за счет экономической несостоятельности коммунизма и застоя, а, наоборот, за счет необычайно интенсивного развития. Только одни проглядели его вследствие самоослепления, а другие умышленно сфальсифицировали, изобразив как провал. В послевоенные годы население Советского Союза выросло на сто миллионов человек! Повысился жизненный уровень. Выросли

потребности людей. Теперь речь шла не просто о хлебе и какой-то крыше над головой, а о комнатах, квартирах, телевизорах, холодильниках, мотоциклах, автомашинах и т. д. И страна так или иначе делала колоссально много, чтобы жить на достаточно высоком уровне.

В послевоенные годы (в особенности в "застойные"!) буквально в десятки раз увеличилось число предприятий, учреждений, организаций, произошло усложнение общества в таких масштабах и с такой скоростью, какой никогда до этого не было в истории человечества для объединения таких огромных размеров, каким был Советский Союз. Усложнились все аспекты жизни общества, образование, культура, коммуникации, международные отношения и т. д. Естественно, назрели проблемы и возникли трудности, с которыми уже нельзя было должным образом справляться прежними средствами. В стране стала назревать кризисная ситуация. Но какой именно кризис назревал? И как осознавалась эта угроза советскими лидерами и идеологами?

Сущность надвигавшегося кризиса заключалась в том, что сложившаяся и нормально функционировавшая до этого система власти и управления советского общества стала неадекватной новым условиям. И по мере прогресса общества степень неадекватности все более возрастала. Этот процесс можно было остановить, т. е. предотвратить кризисный взрыв или смягчить его. Его можно было преодолеть теми средствами, какими советское общество располагало, т. е. средствами коммунистическими. При этом не требовалась никакая перестройка социальной системы. Наоборот, необходимо и достаточно было усовершенствование именно коммунистической социальной организации. Необходимо было увеличить аппарат власти и управления, особенно партийный аппарат. Он был уже мал для возросшего числа объектов, подлежащих управлению, и не соответствовал усложнившейся структуре общества, а также усложнившимся условиям управления. Необходимо было усилить систему планирования и ввести более строгий контроль за выполнением планов. Необходимо было повысить квалификацию работников системы власти и управления именно как работников коммунистической системы, разработать экономическую теорию именно для этой системы, усилить централизацию экономики и управления ею и т. д. Короче говоря, надо было идти по пути усиления и усовершенствования всего того, что в западной идеологии и пропаганде подвергалось критике и осмеянию именно потому, что это фактически работало и могло позволить Советскому Союзу преодолеть трудности. Но советские руководители, подталкиваемые своими идеологическими советниками, поступили как раз наоборот. Они ринулись в "перестройку", гибельность которой была очевидна заранее. "Перестройка" развязала кризис, который стал всеобъемлющим, охватив и сферу экономики. К чему это привело, известно. Нет надобности еще раз говорить об этом.

Почему высшее советское руководство во главе с Горбачевым поступило так? Можно ли это объяснить только глупостью, тем, что не ведали, что творили, руководствуясь добрыми намерениями? Думаю, что нет. Объяснить этот феномен, игнорируя внешние факторы, невозможно. При всех недостатках того состояния советского общества накануне контрреволюции, в нем самом по себе не назрела никакая потребность в ослаблении и разрушении государственности, в разрушении экономической системы и прочих жизненно важных сфер общества. И идеи такого рода не владели умами и чувствами достаточно значительных и влиятельных слоев общества. Все это пришло и охватило страну, как внезапная эпидемия или природная катастрофа, лишь на основе свершившейся контрреволюции, как ее следствия.

Обратимся к внутреннему субъективному аспекту - к идейному и психологическому состоянию советского населения. Оно определялось условиями жизни, воспитанием, образованием, идеологией и пропагандой. Оказывал влияние и Запад (ведь шла "холодная

война"!)), но до определенного момента, о котором скажу ниже, влияние внутренних факторов доминировало. И каким бы ни было недовольство населения отдельными явлениями советской жизни (нет такого общества, в котором все и всегда довольны всем!), даже мысли не возникало о ликвидации советской социальной организации. Ее достоинства еще ощущались старшими поколениями на своем опыте, а молодежь не имела источников для другой идеологии, чтобы можно было говорить о внутреннем переломе. Даже диссиденты и критики советского строя не выдвигали лозунгов свержения коммунизма. И организации, способные возбудить массы на это, были немыслимы, всякие намеки на это искоренялись, и поддержки в массах не могло быть никакой.

Советская контрреволюция не может быть научно объяснена, если не принимать во внимание внешние факторы, ибо она была задумана и спланирована на Западе и навязана советским людям со стороны Запада. Ее совершили советские люди. Но их побудили на это силы Запада. Ими манипулировали силы Запада. Это была эпохального и глобального масштаба операция, лишь принявшая форму локально-советского социального переворота. Разумеется, это произошло не сразу. Не надо забывать, что сразу после Второй мировой войны началась "холодная война", которая длилась почти полвека, война нового типа, по своим масштабам и последствиям превзошедшая все прочие войны в истории человечества. В самом ее начале ставилась задача лишь ограничивать Советский Союз, сдерживать его мировые претензии, всячески дискредитировать и ослаблять. В ходе ее были испробованы самые разнообразные средства. Инициаторы ее начали эту войну нового типа, поскольку решили, что победить Советский Союз в привычной "горячей" войне невозможно. И лишь в конце ее, убедившись в том, что и идеологически-пропагандистское воздействие на советское население не имеет желаемого результата, стратеги "холодной войны" использовали подходящий случай и осуществили диверсионную операцию, принявшую форму контрреволюции. Советская контрреволюция явилась завершающей операцией Запада в "холодной войне" против Советского Союза. Именно эта сознательная и заранее запланированная операция объединила различные факторы воедино и направила их совокупное действие в одну "точку".

Выше я упомянул о случае, сыгравшем переломную роль в ходе "холодной войны". Что это за случай? Имя этому случаю - Горбачев. Горбачев не просто как конкретная личность, а как символ начала запланированной диверсионной операции, закончившейся разгромом основы советского общества - советской государственности.

Деятели "холодной войны" с самого начала изучали советскую систему власти и управления, особенно высшее руководство, обозначаемое словом "Кремль". В составе советологии возникла особая ее отрасль - кремлинология. Она самым педантичным образом изучала структуру советской государственности, партийный аппарат, центральный партийный аппарат, ЦК КПСС, Политбюро и лично работников аппарата власти. Изучали, не брезгуя даже анализом мочи и кала высших руководителей власти. Но основное внимание в течение длительного времени (пожалуй, до конца семидесятых годов) было направлено на идеологическую и психологическую обработку широких слоев населения и создание прозападно ориентированной массы советских граждан, фактически игравших роль пятой колонны Запада и занимавшихся (вольно или невольно) идейно-моральным разложением советского населения (не говоря уж о прочих функциях). Так было создано диссидентское движение. Одним словом, основная работа велась по линии разрушения советского общества "снизу". Тут были достигнуты серьезные успехи, ставшие одним из факторов будущей контрреволюции. Но они были не настолько значительными, чтобы привести советское общество к краху.

К концу семидесятых годов западные деятели "холодной войны" поняли это. И поняли, что основу советского коммунизма образует его система власти, а в ней - партийный

аппарат. Изучив досконально структуру партийного аппарата, характер отношений сотрудников в нем, их психологию и квалификацию, способ отбора и прочие его черты, деятели "холодной войны" пришли к выводу, что разрушить советское общество можно только сверху, разрушив его государственность, а для разрушения последней необходимо и достаточно разрушить партийный аппарат, начав это разрушение с самого высшего уровня. Такая возможность представилась, когда начался кризис высшего уровня власти в связи с запредельным постарением (можно сказать, одряхлением) Политбюро ЦК КПСС (последние годы Брежнева, годы Андропова и Черненко). В это время командование западных сил "холодной войны" выработало совершенно определенный план завершения войны: захватить высшую власть Советского Союза в свои руки, проведя на пост Генерального секретаря ЦК КПСС "своего" человека, вынудить его разрушить аппарат КПСС и осуществить преобразования, которые должны породить цепную реакцию распада всего советского общества. Такой план стал реальным лишь постольку, поскольку такой "свой" человек на эту роль уже имелся: Горбачев. Проведение Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС было фактически первым действием в составе грандиозной операции по осуществлению советской контрреволюции. Горбачев вполне оправдал расчеты своих западных манипуляторов. И даже превзошел их.

Если припомнить то, что конкретно делал Горбачев, то без особых усилий станет очевидно, что вся его деятельность была планомерным и преднамеренным разрушением партийного аппарата КПСС. В те годы шутили по этому поводу: в Советском Союзе осуществляется разгром КПСС под руководством... КПСС. И это было на самом деле так. Но это было не шуточное развлечение, а великая историческая трагедия. Эту деятельность высшего руководства КПСС по разрушению основы советского общества советские люди завершили уже под руководством Ельцина, который просто запретил КПСС. А глава партии Горбачев покорно подписал бумагу о самоликвидации ЦК партии, хотя по всем законам поведения обязан был призвать партию к сопротивлению. После этого процесс разрушения всей системы советской государственности пошел с поразительной быстротой. И молниеносно рухнуло все общество - первичные коллективы, экономика, идеология, культура и т. д. Такое никак не могло случиться неким естественным путем. Такое стало возможно лишь постольку, поскольку разгром советской государственности был осуществлен самими ее руководителями под диктовку западных манипуляторов.

У советского коммунизма не оказалось серьезных защитников. Он был разрушен почти без всякого сопротивления со стороны широких слоев населения, членов партии (а их было около 20 миллионов!) и партийных функционеров. Имели место два открытых выступления - так называемый "путч" в августе 1991 года и "бунт" депутатов Верховного Совета в сентябре - октябре 1993 года. Но и они имели место не как попытки защитить коммунизм, а совсем иное оформление. Большинство вождей и участников "бунта" 1993 года были люди, участвовавшие в разгроме КПСС и в ликвидации "путча" 1991 года, а "путчисты" были сами участниками горбачевского переворота в партии и системе власти в целом. Некоторые западные авторы называли советскую контрреволюцию бархатной. В западной и российской прозападной пропаганде "объясняли" (и до сих пор "объясняют") этот феномен отсутствия у советского коммунизма массовых и серьезных защитников некоей ненавистью советских людей к коммунизму, якобы страдавших под игом этого чудовищного тоталитаризма, стремлением к освобождению от этого гнета и т. п. Это "объяснение" не имеет ничего общего с реальностью. Чтобы дать научное объяснение этого феномена, необходимо научное понимание сущности коммунистической организации советского общества и характера самой контрреволюции как военной (в смысле "холодной войны") операции.

Если даже допустить, что Горбачев был ранее как-то вовлечен в деятельность западных секретных служб, занимавшихся подрывной деятельностью в Советском Союзе, и что какие-то лица из советского руководства и идеологической элиты были агентурой этих служб, советское политическое и идеологическое руководство просто не отдавало себе отчета в том, на какой путь оно направляло страну и к каким последствиям должна была привести их деятельность. Многие были уверены в незыблемости социального строя страны. Даже сам Горбачев сначала публично заявлял лишь об усовершенствовании этого строя (о "социализме с человеческим лицом"). Многие активные участники процесса сделали карьеру вместе с горбачевским руководством и благодаря участию в его политическом курсе. Они воспринимали горбачевскую "перестройку" просто как условие своего личного успеха, наплевав на всякую гражданскую ответственность за это, - по самим условиям образования, воспитания, отбора в систему власти и функционирования в ней, они поступали как обычные карьеристы. Прочая масса чиновников всех сортов осуществляла разрушение коммунизма как исполнение своих рутинных функций, внося в свою работу коррективы в духе новых установок. Контрреволюция не сразу обнаружила свою социальную натуру. Каждое мероприятие по отдельности не выглядело как контрреволюция, а их связь не обнаруживала себя очевидным образом. Контрреволюция сначала происходила как совокупность сравнительно мелких преобразований внутри партийного аппарата, причем на высшем уровне. Если при этом и имела место какая-то борьба, она не выходила за рамки партийного аппарата. Мероприятия, в совокупности осуществлявшие контрреволюцию, постепенно сверху спускались в партийный аппарат низших инстанций и постепенно охватывали всю систему власти.

Инициаторы и активные деятели контрреволюции не сразу открыто заявили о своих намерениях. Сначала они еще клялись верности коммунизму, обещая лишь улучшения. Потом заговорили о "перестройке" социально-политической системы, наконец - о решительном отказе от коммунизма. Добавим к этому фактор западного идеологического давления. Что касается масс населения, они по своему положению в обществе воспринимали действия своей власти как новый курс, не ведущий к краху общества. Когда массы стали что-то осознавать, контрреволюция уже практически совершилась. Они ее просто проглядели. И опять-таки не надо забывать о том, что почти полвека шла мощнейшая антикоммунистическая пропаганда со стороны Запада, подхваченная и усиленная внутренними силами контрреволюции. В течение многих лет осуществлялась идеологическая обработка советского населения и преднамеренное моральное разложение всех слоев общества путем навязывания западной системы ценностей, органически чуждой советскому обществу как обществу коммунистическому. Широкие слои населения были деморализованы, впали в состояние идейной и психологической растерянности и стали в высшей степени подверженными современным средствам манипулирования ими.

О том, что советская контрреволюция была спланирована на Западе и осуществлена силами самих советских правителей и их идеологических слуг как диверсионная операция "холодной войны", свидетельствует и то, какой социальный строй установился в стране вследствие ее. Если даже допустить, будто коммунистический социальный строй в Советском Союзе рухнул в силу своей внутренней несостоятельности (что, повторяю, есть идеологическая ложь!), из этого никак не следует, что в результате его краха на его место должен был прийти социальный строй западного образца. Последний стал навязываться советскому населению сверху и искусственно, причем вопреки интересам народа и с очевидными катастрофическими последствиями для страны.

Обратимся к социальной организации коммунизма, взяв за образец советский коммунизм. Хотя он и был самым развитым образцом человекизма коммунистического типа, он остался незавершенным, не был достроен до конца. Но не в марксистском смысле,

- марксистское различие неполного коммунизма (социализма) или первой (низшей) стадии коммунизма и полного коммунизма или высшей стадии коммунизма, - я считаю идеологической чепухой, о чем я буду еще говорить в дальнейшем. Советский коммунизм остался незавершенным в том смысле, что в нем сохранились явления, чуждые природе "чистого" коммунизма, не вытекающие из его закономерностей. Например, частная собственность в довольно больших размерах, возможность накапливать большие богатства, некоторые формы частного предпринимательства, дополнительные источники заработков, возможность существования независимо от государства и первичных коллективов и многое другое. Я в дальнейшем буду эти явления оставлять без внимания и рассматривать советский коммунизм в "чистом" виде, близком к абстрактному образцу.

Часть шестая

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ СВЕРХОБЩЕСТВО

МИКРОУРОВЕНЬ КОММУНИЗМА

Чтобы понять секреты коммунизма, надо от его поверхностных проявлений спуститься в его недра, т. е. туда, где протекает повседневная жизнедеятельность людей. Однажды возникнув, коммунистическое общество воспроизводится естественным образом как результат этой обычной, рутинной, "пустяковой" жизни миллионов людей. Все внешне великие явления коммунизма

имеют самую глубокую основу именно в этих житейских "пустяках".

Основу коммунистического человекика на микроуровне образуют такие деловые клеточки (первичные деловые коллективы), которые являются самыми маленькими, стандартными и относительно автономными в своей жизнедеятельности частичками общества, обладающими основными чертами общества в целом, представляющие собою общество в миниатюре. Такие клеточки я называл выше коммунальными. Это суть предприятия и учреждения, созданные для выполнения некоторых деловых функций и относительно автономные в этом своем деле. Клеточка имеет свою дирекцию (орган управления), бухгалтерию, отдел кадров, партийную организацию, профсоюзную организацию, комсомольскую организацию и прочие элементы стандартного первичного коллектива. Это - хорошо всем известные заводы, фабрики, институты, фермы, конторы, магазины, совхозы, колхозы, школы и другие предприятия и учреждения, в которых взрослые и работоспособные члены общества принимаются на работу, получают вознаграждение за труд, добиваются успехов, делают карьеру, получают награды и различного рода жизненные блага. Если такая клеточка есть общество в миниатюре, то общество в целом - многократно расчлененная и разросшаяся до гигантских размеров клеточка.

Коммунистические клеточки создаются, преобразуются и уничтожаются решениями властей. Их статус устанавливается законодательно. При этом определяется характер и объем их деятельности, число и категории сотрудников, величина их оплаты, взаимоотношения с другими клеточками и властью. Они функционируют в рамках планов работы. Главный критерий оценки их работы - соблюдение того, что предписано их статусом, и выполнение планов.

Юридические лица коммунистических клеточек одновременно суть их руководители (распорядители). Они назначаются учреждениями власти. Иногда их выбирают коллективы. Но это - формальная операция.

В структуру коммунистических клеточек, помимо деловых групп, входит множество неделовых организаций - партийная, профсоюзная, молодежная и другие. Руководители партийной и профсоюзной организаций входят в число руководителей клеточек. Эти организации активно вмешиваются в деловую деятельность клеточек. Тут имеет место своеобразная деловая демократия.

Все взрослое и трудоспособное население общества организовано в клеточки. Жизнь людей на уровне клеточек образует основу всего коммунистического образа жизни. Назову некоторые ее важные черты. Коллектив людей, работающих в одной клеточке общества, для исполнения своих функций получает во владение от общества необходимые средства деятельности. Коллектив владеет этими средствами и эксплуатирует их. Но они не есть его собственность. Все члены коллектива социально не различаются по отношению к средствам деятельности, как это имеет место в обществе феодальном или капиталистическом. Они различаются лишь в системе организации деятельности. Директор фабрики или заведующий учреждением находятся в таком же социальном отношении к средствам деятельности, как подчиненные или рабочие и служащие. Если одной фразой определить, что такое коммунизм с этой точки зрения, то можно сказать, что это - общество, в котором все люди суть служащие государства, вернее - сверхгосударства (об этом скажу ниже).

Трудоспособные граждане коммунистического общества обязаны трудиться, т. е. быть членами каких-то первичных коллективов. Эта обязанность обусловлена тем, что по идее люди не имеют никаких иных источников существования, кроме тех, какие им предоставляются в первичных коллективах. Для подавляющего большинства населения коммунистической страны это имеет место на самом деле. Уклонения от этого (например, частные предприятия) суть явления временные и не характерные для коммунизма.

Для большинства граждан такое положение есть благо. Им гарантирована работа, дающая какие-то средства существования. Если они не нарушают норм поведения, их трудно уволить. Их защищает коллектив. Основное назначение деловых коллективов - дать занятия и посредством их средства существования гражданам общества. Потому здесь трудно ликвидировать нерентабельные в экономическом смысле предприятия и затруднена интенсификация труда, что могло бы привести к безработице. Следствием этого является сравнительно низкий уровень заработной платы. Люди не всегда стремятся работать усердно, наоборот, стараются всячески уклоняться от работы, работать лишь в той мере, в какой это достаточно для отчетов и видимости работы. Лишь немногие энтузиасты стараются повысить свой жизненный уровень за счет героического труда.

Гарантированное трудоустройство имеет следствием скрытую безработицу, т. е. распределение тягот потенциальной безработицы между всеми работающими. Это способствует снижению эффективности производства и зарплаты.

Стало общим местом говорить о низкой экономической и вообще деловой эффективности коммунистических предприятий и учреждений. При этом к ним применяют чуждые им критерии капиталистической эффективности. Коммунистическая

эффективность характеризуется совсем иными параметрами. Я ввел для этой цели понятие социальной эффективности в отличие от эффективности экономической. В горбачевские годы заговорили о необходимости повышения экономической и вообще деловой эффективности клеточек общества. Но это было продиктовано причинами, имеющими мало общего с внутренними закономерностями коммунизма, в том числе влиянием Запада, потребностью рабочей силы в местах и сферах, где люди не хотят работать добровольно.

Членам коллективов гарантирован оплачиваемый отпуск, оплата времени болезней, бесплатное медицинское обслуживание, пенсия по старости и инвалидности, жилье, детские сады, образование, обучение профессиям и другие жизненные потребности. Основные жизненно важные потребности граждан так или иначе удовлетворяются, хотя и на невысоком уровне. Впрочем, уровень этот повышается с повышением социальной позиции и является высоким для средних и тем более высших слоев населения.

Жизнь в коммунистическом обществе формально является сравнительно простой. Человек здесь не опутан такой системой правовых отношений, как в западных странах. Жизненные линии являются простыми и обычно ясными наперед. Человек имеет минимум документов. Налоги высчитываются автоматически. В принципе без налоговой системы тут вообще можно обойтись.

Основное содержание жизни работающих граждан общества составляет то, что они делают в первичном коллективе и через него. Жизнь в коллективе есть их подлинная жизнь, а жизнь вне его лишь условие для нее. Здесь люди не только трудятся, но проводят время в обществе знакомых, обмениваются информацией, развлекаются, налаживают нужные контакты, добиваются успехов, делают карьеру, посещают собрания, получают жилье, повышают квалификацию, занимаются спортом, участвуют в разных кружках и т. д. Тут происходит жизнь в самом точном смысле слова со всеми ее радостями и горестями, удачами и неудачами. При этом жизненные блага не даются людям сами собой. Тут во всю мощь разворачиваются законы коммунальности. Спасаясь от них, т. е. от самих себя, люди здесь изобрели общественно-значимые средства в виде системы правил и организаций, следящих за соблюдением этих правил. Таковы партийная, профсоюзная, комсомольская организации, а также всякого рода контрольные органы. Эти средства изобретаются на основе явлений коммунальности и как их продолжение, т. е., в свою очередь, как явления коммунальности.

Жизнь коллектива включает в себя также личные взаимоотношения, сплетни, гостевание, любовные связи, дружбу, совместную выпивку, локальные группки, мафии, круговую поруку, взаимные услуги. Все это сплачивает коллектив в своего рода единую суперличность. Здесь носителем личностного начала становится не отдельный человек, а целое учреждение. Потому здесь лозунг "Интересы коллектива выше интересов индивида" есть практически действующий принцип коммунального ограничения индивида. Самая глубокая и вместе с тем самая поверхностная суть коммунизма проявляется там, где люди работают и добывают средства существования, - в их первичных коллективах.

Результаты деятельности клеточек вливаются в общий "общественный котел". Клеточка получает из этого "котла" определенную долю средств для вознаграждения ее членов за труд. Это - денежные суммы для выплаты заработной платы, премий и ссуд, жилищный фонд, дома отдыха и санатории, средства транспорта и многое другое. Существенно здесь то, что члены коллектива вознаграждаются за их деятельность по установленным нормам, причем независимо от реализации результатов деятельности коллектива. Коллектив вообще может заниматься никому не нужным делом. Его продукция может просто пропадать. Но раз он официально признан в качестве клеточки, члены коллектива получают свою долю вознаграждения. С социологической точки зрения, главной целью клеточки является приобщение к деятельности и обеспечение членов ее средствами существования. Хотя с

точки зрения интересов целого общества, главным является дело, делаемое клеточкой, с точки зрения ее членов - главным является получение средств существования и вообще удовлетворение каких-то потребностей за счет деятельности в клеточке. Это имеет свои недостатки, нередко проявляющиеся в равнодушии к производительности труда, в халтуре, в имитации деятельности и других явлениях. Но для подавляющего большинства граждан такое положение вещей есть благо. Оно освобождает их от всяких тревог за реализацию продуктов деятельности коллектива и позволяет сосредоточить их усилия на борьбе за увеличение личной доли вознаграждения. Попытки руководства страной сделать членов коллективов ответственными за реализацию продуктов их деятельности и поставить вознаграждение их в зависимость от этой реализации массового успеха не имели и иметь не могут в принципе.

В оценку сотрудников коммунистической клеточки включаются многочисленные внеделовые качества (партийность, общественная работа, активность, моральные качества, связи), зачастую оттесняющие на задний план качества деловые. В дилемме "Быть или слыть?" предпочтение отдается "Слыть".

Анализ самых глубоких слоев коммунистического образа жизни обнаруживает, что добродетели и дефекты коммунизма имеют один и тот же источник. Более того, здесь дефекты являются неизбежными следствиями того, что на первый взгляд выглядит и большинством граждан воспринимается как достоинство. Гарантия основных жизненных потребностей, являющаяся высшим социальным достижением коммунизма, имеет неизбежным следствием сравнительно низкий уровень удовлетворения этих потребностей, подчинение индивида коллективу, неравенство в распределении благ, принудительный труд, низкий уровень деловой активности и другие дефекты коммунизма, ставшие теперь всем очевидными.

Работающие граждане коммунистического общества имеют меньше жизненных благ, чем представители соответствующих профессий в западных странах. Но зато они и трудятся меньше. Степень эксплуатации есть отношение вознаграждения за труд к трудовым усилиям, затрачиваемым на это. При коммунизме степень эксплуатации ниже. Но следствием этого является и более низкий жизненный уровень.

Величайшим достижением коммунистического коллективизма и условий жизни масс населения является ощущение человеком своей нужности обществу и приобщенности к общественной жизни, уверенность в некотором минимуме обеспеченности жизненных потребностей (а не вера в "по потребности!"), уверенность в своем будущем и будущем детей. Но это достижение имеет обратную сторону: подчинение индивида коллективом, всевластие властей, ограничения гражданских свобод, дефицит всего необходимого и многое другое, что является объектом антикоммунистической пропаганды.

"Базисными" социальными отношениями коммунизма являются отношения между людьми в клеточках и между клеточками. Это прежде всего отношения начальствования и подчинения, а также отношения соподчинения. Эти отношения являются чрезвычайно сложными, если не сказать запутанными. Клеточки разделяются на более мелкие группы вплоть до минимальных. И в каждой из них главным социальным отношением является отношение начальников и подчиненных. С другой стороны, клеточки объединяются в более сложные группы благодаря особым клеточкам, выполняющим функции начальствования или руководства. Таким путем в обществе образуется многоступенчатая иерархия отношений начальствования и подчинения людей и целых коллективов. Она порождает иерархию социальных позиций людей, которая становится неустранимым источником социального, материального и других форм неравенства, основой разделения людей на различные социальные слои или категории.

На создание коммунистического микроуровня в Советском Союзе ушли десятки лет титанических усилий системы власти и управления, идеологического механизма и бесчисленных активистов. Потребовалось насилие, включая массовые репрессии, - такой огромный феномен не мог вырасти сам собой. И все-таки работа осталась незавершенной.

Сравнение микроструктуры западнизма и коммунизма показывает, что они несовместимы в самой клеточной основе своей. Естественное (путем эволюции в силу внутренних социальных законов) превращение одного в другого исключено. Они могут во многом уподобляться. Но уподобление социальных систем не есть превращение одной в другую. Млекопитающие, живущие в воде, во многом уподобляются рыбам, но не превращаются в рыб.

УПРАВЛЕНИЕ НА МИКРОУРОВНЕ

В первичных коллективах люди имеют дело с непосредственными начальниками, а также начальниками более крупных объединений, т. е. с властью деловой. К этому присоединяются руководители общественных организаций (партийной, профсоюзной, комсомольской), а также различные контрольные органы. Власть здесь не воспринимается как насилие. Она здесь выглядит как нечто вполне естественное, обусловленное интересами дела и организацией людей в единое целое. Даже высшие руководители коллектива не противостоят здесь рядовым членам коллектива так, как это имеет место в случае отношения хозяев предприятий и наемных рабочих в капиталистическом обществе или в случае отношения помещиков и крестьян в обществе феодальном. Власть коммунистического общества является демократичной в своей основе. Но на демократической основе власти в коллективах вырастает весьма недемократичная власть в масштабе районов, областей и страны в целом.

Руководитель первичного делового коллектива назначается вышестоящими органами управления. Но санкцию на его назначение дает соответствующая партийная инстанция. Должностные лица внутри клеточки на более низкие должности частично тоже назначаются высшими инстанциями, частично же назначаются руководством клеточек. Отбор людей на руководящие посты на этом уровне происходит как будничный деловой процесс по мере надобности. Отбор и назначение производится по определенным правилам. Принимаются во внимание различные качества кандидатов, в том числе - моральные, идеологические, деловые. Назначающие лица и органы учитывают и свои интересы.

Тот факт, что все основные и постоянно действующие руководители назначаются сверху, а не выбираются снизу, не есть злой умысел высшего начальства. Это определено самими условиями деятельности. Для руководства требуются какая-то профессиональная подготовка и другие качества, какими обладает далеко не всякий. Но если бы даже ввели законом выборность должностных лиц снизу, все равно фактически получился бы отбор их сверху, лишь санкционируемый выборами снизу. В противном случае клеточка не смогла бы функционировать нормально. И состав руководства, избранный снизу, в массе не стал бы лучше того, какой отбирается и назначается сверху. Тем более в массе назначающие органы принимают во внимание мнение о кандидатах в коллективах или в более широкой сфере.

Власть начальников (руководителей) в клеточках не является неограниченной. Она ограничена потребностями и условиями дела, законами, общественными организациями, вышестоящими властями. С точки зрения организации дела руководители мало что способны изменить. Их деловая активность ограничена статусом руководимых коллективов и планами, а также членами коллективов и их отношением к труду.

Такое положение устраивает подавляющее большинство руководителей. Ограничение инициативы освобождает их от риска потерять свое положение из-за своих ошибок. Они отбираются так и проходят такую подготовку, что инициатива для них становится качеством второстепенным. Это способствует общей тенденции к застою.

Самоуправление коллектива не имеет при коммунизме перспектив. Оно на практике вырождается в хаос. Поэтому сами массы населения предпочитают управление свыше, оставив для самоуправления минимум. И они его фактически имеют. Управление по принципу "сверху вниз" не есть результат захвата власти высшими органами над населением, это результат добровольного согласия населения на это. Власть сверху на практике не столь унижительна и тяжка, как власть ближних собратьев.

Является грубой ошибкой считать коммунизм абсолютно недемократичным. Тут имеет место своя форма демократии. Заключается она в том, что многие должности являются выборными. Хотя кандидаты намечаются заранее, сам факт их предварительного отбора есть своеобразная форма выборов. В этом принимают участие многие люди и органы власти, обсуждаются различные кандидатуры. Кроме того, при коммунизме большое значение приобретают всякого рода собрания, совещания, заседания, съезды, конференции и т. п., призванные по идее коллективно решать какие-то проблемы. И далеко не всегда они формальны. На уровне первичных коллективов они играют существенную роль.

Число лиц, выполняющих функции начальников (руководителей), в коммунистическом обществе огромно. И сократить это число ниже некоторого минимума в принципе невозможно. Можно устранить некоторые официальные должности, но они так или иначе восстановятся явочным порядком (неофициально). Не менее 20 процентов взрослого населения коммунистической страны оказывается так или иначе вовлеченной в систему управления.

Согласно законам коммуналности позиция начальника (руководителя) выгоднее позиции подчиненного (руководимого). Чем выше ранг руководителя, тем больше он имеет благ, тем защищеннее и почетнее его положение.

Поэтому за посты руководителей и за продвижение на более высокие посты идет ожесточенная борьба. Число лиц, претендующих на роль начальников и способных ими быть, намного превышает число начальнических постов. На низших уровнях в руководители отбираются способные и среднеспособные индивиды, наиболее удобные для этой роли. Поскольку руководители высших рангов отбираются из числа руководителей низших рангов по тем же правилам, то с повышением ранга руководителей нередко происходит снижение интеллектуального потенциала, уровня культуры и профессиональности. Профессия руководителя заключается главным образом в руководстве людьми, делающими свое профессиональное дело, а для этого средние и даже маленькие способности в подвластных профессиях вполне достаточны.

Руководители стремятся изобразить свои личные интересы как интересы руководимых коллективов и использовать последние в своих личных интересах. Если они что-то делают в интересах коллективов, то это есть лишь одно из средств достижения их личных целей. Руководитель, хорошо организовавший дело, иногда имеет больше шансов на карьеру. Но часто карьера бывает успешной за счет кажущихся, а не действительных успехов коллектива. Отсюда - очковтирательство, дезинформация.

Системы принятия решений руководства в западных и коммунистических клеточках различаются коренным образом. Они различно ориентированы. С одной стороны, принятие решений руководством коммунистической клеточки проще, чем таковое в западной клеточке, поскольку для первого имеется предписываемый государством план, и руководству клеточки остается лишь выполнять его, а руководство западной клеточки должно само производить исследование ситуации и проявлять инициативу. Но с другой

стороны, ситуация принятия решения в западной клеточке является сильно упрощенной сравнительно с ситуацией в коммунистической клеточке. На практике выполнение государственного плана коммунистической клеточкой превращается в задачу необычайно сложную. Директору и его администрации приходится прилагать невероятные усилия к тому, чтобы его предприятие как-то держалось в рамках плана. А это - жизнь, полная драматизма. Тут вступают в силу склоки, интриги, клевета, доносы. Идут бесконечные собрания и совещания. В дело вмешиваются различные государственные и партийные органы: трест, комитеты партии, советы. Дирекции приходится регулярно совершать запрещенные законом действия.

МАКРОУРОВЕНЬ КОММУНИЗМА

Макроуровень коммунизма образуют общеизвестные сферы, охватывающие общество в целом: государство, право, армия, органы внутреннего порядка, промышленность, сельское хозяйство, идеология, культура, образование и другие. Прежде чем рассмотреть их специфику как коммунистических и их взаимоотношения, рассмотрим кратко организацию этих сфер с точки зрения законов микроуровня.

С точки зрения микроструктуры, сферы макроструктуры можно рассматривать как гигантские сложные клетки, состоящие из многих тысяч клеток. Весьма упрощенно и схематично это можно изобразить так.

Возьмем сложную клетку, состоящую из двух или более простейших клеточек и органа, управляющего сложной клеткой в целом. Каждая клеточка, входящая в сложную, имеет управляющий орган. Назовем такую сложную клетку клеткой второго уровня. Ее управляющий орган управляет клеточками первого уровня (базисными), управляя управляющим органом базисных клеточек.

Оставим пока без внимания структуру управляющих органов. Сложные клетки третьего уровня состоят из клеток второго уровня, клетки четвертого уровня - из клеток третьего уровня и т. д. Управляющий орган клетки данного уровня управляет клетками, управляя управляющими органами клеток низшего уровня. Так складывается иерархия уровней в управлении данной сферой, начиная с высшего и кончая низшим (уровнем базисных клеточек).

Управляющие органы сложных клеток начиная с некоторого уровня сами являются клетками. И уровень их сложности повышается по мере повышения уровня сложности управляемых клеток. Они сами нуждаются в управлении по общим принципам управления. Имеют место более высокие уровни и тут, образуется иерархия управления самой системой управления. Поскольку при этом одной из важнейших задач управления является координация деятельности многих клеток, имеют место "горизонтальные" линии управления. В результате образуется не только "вертикальная" иерархия управления, но и "горизонтальная" сеть. Если читатель попытается изобразить эту систему на бумаге, ему потребуется большое число огромных листов, чтобы охватить эту систему во всех измерениях. Да и то это будет еще весьма абстрактная схема.

Множество клеточек общества, таким образом, разделяется на базисные клеточки, которые производят какие-то ценности, обслуживают эти клеточки или непосредственно население и никем не управляют, и не управляющие клеточки, специальным делом которых является участие в управлении первыми. Управляющие клеточки сохраняют общие свойства коммунистических деловых клеточек. Но по отношению к базисным клеточкам они входят в управляющий орган человека в целом.

В большой коммунистической стране из десятков и даже сотен миллионов человек, каким был Советский Союз, рассмотренная система по степени сложности оказывается сопоставимой со сложностью структуры головного мозга человека. Тут есть свои пределы управляемости. В Советском Союзе они были нарушены к концу брежневского периода, что послужило одной из главных причин первого (и последнего!) коммунистического кризиса.

Имеется система определенных правил управления, составляющая существенную часть правил коммуналности. Большинство этих правил усваивается на опыте работы. Некоторым из них обучают специально.

Огромная система управления складывается в каждой сфере общества. В единое целое они сливаются благодаря коммунистической системе власти и управления человеком как единым целым.

СУММАРНАЯ ОЦЕНКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Наибольший интерес для изучения коммунистической власти имеет власть, существовавшая в Советском Союзе. Сделаю несколько суммарных замечаний о ней.

Советская система власти складывалась не по какому-то конкретному марксистскому проекту. Такого проекта вообще не было. Были идеологические постулаты, сыгравшие свою роль в становлении советского человека. Но не они определили тип советской власти. Идея диктатуры пролетариата была идеологическим и политическим лозунгом, в котором не содержалось ни малейшего намека ни на советы, ни на партийный аппарат, ни на вождизм и прочие явления исторического творчества советского народа. Да и идея советов не была специфически марксистской. Советская система власти называлась словом "советская". И сложилась она в течение нескольких десятилетий, а не в один день. И не на пустом месте. Она сложилась на основе тысячелетнего опыта российской истории, в силу необходимости для страны выжить в труднейших исторических условиях, в массе проб и ошибок, ценой огромных жертв, в соответствии с объективными социальными законами.

В западной печати советская власть изображалась и изображается как монстр тоталитаризма, бюрократизма, насилия и прочих зол. Однако это есть явное идеологически-пропагандистское преувеличение. Оказавшись на Западе, я увидел, что западная власть ничуть не уступала советской в отношении подобных зол и не очень-то превосходила ее в отношении добродетелей. Например, в советской власти было занято от 10 до 12 процентов работающих, а в западной более 15 процентов, в некоторых странах - до 30 процентов. Особенным нападкам подвергался партийный аппарат. Его изображали так, будто он состоял из миллионов привилегированных грабителей. На самом деле в аппарате ЦК КПСС было всего 2000 функционеров, а во всем аппарате КПСС - немногим более 150 тысяч. Познакомившись с западными учреждениями власти, я увидел, что это было смехотворно мало для руководства партии из 19 миллионов человек, не говоря уж о той роли, какую этот аппарат играл в системе власти.

Советскую власть считают недемократической, тоталитарной. Я считаю это утверждение идеологическим предвзвешенным. Если рассматривать различные типы власти по существу, а не по внешним признакам, то в западной власти можно обнаружить тоталитаризма ничуть не меньше, чем в советской, а в советской можно обнаружить не меньше демократии, чем в западной. В любой развитой власти можно увидеть элементы тоталитаризма (диктатуры) и элементы демократии, если все формы демократии не сводить к западной, а все формы диктатуры - к сталинской или гитлеровской.

В советской системе власти процент выборных лиц, например, был выше, чем в западной, а процент невыборных ниже. Считается, что советская выборность была формальной. Но аналогична и выборность в западных странах. Выборы в органы власти и тут формальны, несмотря на многопартийность. И на Западе мало кто верит в то, что выборы на самом деле выражают свободную волю народа. К тому же выборность властей по существу не следует отождествлять с техническими процедурами выборов. В советской системе лица во власть попадали не случайно, а в результате тщательного отбора и выборов иного типа, чем на Западе. И на Западе такой тип отбора имеет место, только он замаскирован. И он фактически там играет роль более важную по существу, чем шумные и всячески раздуваемые выборные кампании.

Возьмем, далее, разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную. Оно считается одной из величайших добродетелей западной государственности. Напомню, что его изобрели в борьбе против феодализма. С тех пор в мире многое изменилось. Многие авторитетные западные авторы, которых никак не заподозришь в антипатиях к западному обществу и в симпатиях к коммунизму, отмечают, что это разделение властей фактически стало фиктивным. Пусть оно есть и важно. Но ведь и в советской системе имело место разделение; советы, аппарат министерств, партийный аппарат, местные власти. Было и разделение законодательной и исполнительной властей. Были и судебные органы с известной долей автономии...

Советскую власть считают продуктом идеологии. Она на самом деле имела идеологическую концепцию своего общества, своей роли в нем, западного и прочего мира, исторического процесса и будущего общества. Как бы мы ни оценивали ее с научной точки зрения, роль ее была огромной. Мы ведь не отвергаем историческую роль религии, зная, что ее утверждения ложны или бессмысленны с научной точки зрения: религия - не наука, не является наукой и идеология. Советская идеология на самом деле была руководством к действию (по словам Сталина) для советской системы власти. Она придавала ей идейное единство и целеустремленность. Ослабление роли идеологии послужило одной из причин кризиса советской системы власти к концу брежневского периода, а отказ от нее стал одной из важнейших причин краха советского общества. Но какая государственность складывалась без идеологического оформления и подкрепления?!

Советскую власть упрекают в неэффективности и даже в неспособности управлять страной. Насколько на самом деле была эффективной советская власть? Система власти возникает как сфера объединения людей того или иного типа. И оценивать ее нужно как таковую, т.е. критериями данного объединения, а не критериями абстрактных идеалов и не критериями объединения другого типа. Обычным в оценке советской власти на Западе был подход к ней с мерками, привычными для западных людей и западной идеологии и пропаганды. Аналогично смотрели на западную государственность в Советском Союзе с советскими мерками. Получались, естественно, ложные идеологические оценки как в том, так и в другом случае.

При оценке эффективности власти надо также принимать во внимание исторические условия ее возникновения и деятельности. Это требование игнорировалось и игнорируется в западной идеологии и пропаганде, а также в сочинениях и речах критиков советского общества. Все то, что было результатом необычайно трудных исторических условий, рассматривается как дефекты советской власти самой по себе. Не мешало бы вспомнить о том, как советская власть в труднейших условиях осуществила молниеносную индустриализацию страны, мобилизовала силы страны на победу над сильнейшим в истории человечества в военном отношении врагом, вывела страну на уровень второй сверхдержавы планеты в соревновании с западным миром, во много раз превосходившим нашу страну по всем основным параметрам. Именно это советское чудо встревожило Запад,

а не мифический "черный провал в русской истории", не вымышленная несостоятельность советской системы.

Эффективность власти проявляется не только в способности решать проблемы большого исторического масштаба, но и в повседневной жизни граждан общества, в житейских мелочах. Только прожив на Западе много лет без всяких привилегий и понаблюдав западную государственность на личном опыте с этой точки зрения, я понял, что означали учреждения советской власти для широких, непривилегированных слоев населения. Все их недостатки теперь показались мне именно мелочью в сравнении с тем, что они давали именно низшим слоям. Крушение советской системы является невосполнимой потерей прежде всего для них.

Разумеется, советская власть имела свои недостатки. Они общеизвестны. Не вижу надобности говорить на эту тему, я об этом много писал и говорил в те годы, когда все (и я в том числе) были уверены в ее незыблемости. Сейчас важно подчеркнуть то, что она была достаточно эффективна, в общем и целом справлялась со своими задачами. Она переживала трудности, даже вступила в кризисное состояние. Однако эти кризисные явления могли быть вполне преодолены в рамках советского (коммунистического) социального строя, причем без больших потерь, без шумихи и бессмысленных реформ, можно сказать - в рабочем порядке. Она была разрушена искусственно, разрушена в самом начале своего исторического пути, а не изжила себя в силу внутренней несостоятельности.

Научное изучение советской системы власти представляет не только исторический интерес, но прежде всего имеет целью выявление закономерностей формирования сверхгосударства, свойственных и западнизму. В том, что имело место в Советском Союзе, эти закономерности выступают в максимально близком к условиям лабораторного эксперимента виде.

СТРУКТУРА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Советская (коммунистическая) власть складывалась по многим линиям. Основные из них суть государственная, деловая и партийная. Первую линию образовывала иерархия советов разных административно-территориальных уровней (сельский округ, район, город, область, край, республика, вся страна). Советы состояли из центральных органов, избравшихся на определенный срок прямыми, всеобщими, равными выборами, а также из сети подчиненных им невыборных учреждений, занимавшихся текущим управлением различными сферами подвластного региона. Совокупность этих учреждений была рабочим аппаратом советов.

Советы сначала мыслились как стержневая (главная) власть, а партийный аппарат - как их помощник и орудие. Но реальное положение оказалось противоположным. Советы и остались высшей государственной властью. Они были легитимной властью в самом строгом и современном смысле слова. Особо обращаю внимание на то, что легитимность государственности придают не конституция и кодексы законов сами по себе, а определенного рода учреждения государственности самим фактом своего постоянного существования. Они вообще могут мало что делать, казаться безвластными и фиктивными. Для них достаточно просто быть. Их специфическая функция - быть официально (формально) признанным органом легитимации государственности. Без них любые законы суть просто ничего не значащие бумаги. Такими легитимирующими органами государственности в Советском Союзе и были выборные органы советов и их собрания. Но произошло нечто, не предвиденное никакими теоретиками и практиками коммунизма: над государственностью коммунизма возникла сверхвласть, подчинившая ее и превратившая

всю систему власти в феномен более высокого уровня организации - в сверхгосударство. Эту функцию присвоила себе третья из упомянутых линий - партийная.

Вторую линию коммунистической власти образовало управление различными сферами общества помимо государственной и партийной - иерархия органов управления начиная от базисных клеточек и кончая министерствами и советом министров страны. Все работники этих учреждений сплошь выборные наемные служащие. Эта линия, как и линия советов, оказалась точно так же подчиненной партийному аппарату сверхвласти. Одним словом, советская власть (власть Советского Союза) сформировалась как единство государственности и сверхгосударственности. Будем в дальнейшем всю систему власти коммунизма называть сверхгосударственной, а не только определившей ее партийный аппарат.

В формировании советского сверхгосударства решающую роль сыграли следующие факторы: ликвидация частного предпринимательства; мобилизация всех сил и ресурсов страны на физическое выживание и на оборону от внешних врагов; огромность страны, разнородность населения; стремительное усложнение общества во всех жизненно важных аспектах. Поэтому проблема управления гигантским человекой оказался важнейшей. Для решения ее традиционные средства государственности были очевидным образом недостаточны или не годились совсем. Так что необходимость создания сверхгосударственности диктовалась реальными потребностями и условиями страны, а не была выдумана кучкой революционеров и идеологов. Ее создатели не видели того, что именно они творили. Они сначала цеплялись за идею диктатуры пролетариата. Потом выдвинули идею диктатуры трудящихся. Наконец остановились на концепции общенародного государства. Именно государства! У них не было ни малейшего понятия о том, что их руками история творила нечто большее, чем государство, а именно - сверхгосударство. Творя новое, они оставались в плену представлений прошлого.

Ошибочно рассматривать такое состояние умов просто как показатель недомыслия, хотя и это сыграло свою немалую роль. Важнее тут обратить внимание на то, что процесс формирования сверхгосударственности был в самом начале и не завершился достаточно определенным образом вообще, так как советская система власти была разрушена искусственно. До самого последнего момента в ней шла борьба двух тенденций - сталинистской и брежневистской. В первом случае аппарат сверхвласти образовывался как аппарат личной власти вождя, стоявший над партийным аппаратом, подчинявший его себе как свое орудие. Во втором случае аппаратом сверхвласти становился сам партийный аппарат. При этом, конечно, возникла и правящая элита сталинистского типа, но она так или иначе ограничивалась рамками или властью партийного аппарата. В первом случае аппарат сверхвласти был догосударственным явлением, во втором - сверхгосударственным. В реальности тут имела место борьба различных групп, идеологические извращения, умышленное искажение и т.п. В горбачевские годы наметилась сильнейшая тенденция вернуть систему власти к добрежневскому (сталинистскому) состоянию, а в идеологии и пропаганде она приняла извращенную форму борьбы за демократию, гласность, многопартийность, тогда как более демократичная по существу брежневистская тенденция была изображена как сталинизм, консерватизм, антидемократизм и т.д. Победила горбачевская линия, которая привела советскую власть к полному краху. Я считаю тот вариант системы власти, который сложился в брежневские годы и в котором партийный аппарат стал органом сверхвласти, более адекватным сущности коммунистического сверхгосударства.

Партийный аппарат не сам по себе стал органом сверхвласти, а как аппарат партии - КПСС. Слово "партия" вводит в заблуждение. Во-первых, под именем "партия" смешивают различные социальные объекты, так что специфика КПСС пропадает. В частности,

отождествляют КПСС с национал-социалистской партией Гитлера и фашистской партией Муссолини, хотя первая отличается от вторых по всем основным параметрам - по идеологии, по структуре, по месту в системе власти. В коммунистической стране стоящая у власти партия не есть политическая партия в собственном смысле слова или по крайней мере в смысле политических партий Запада. Партия есть добровольное объединение людей, не зависящее от социальной структуры общества. Члены партии объединяются независимо от того, в каких коллективах они работают. Должности партийных функционеров не являются должностями в государственном аппарате. Если партийные функционеры как-то попадают в государственные учреждения, то они там занимают должности, не совпадающие с их ролью в партии. Победившая на выборах партия не становится элементом структуры власти. Партия в коммунистической стране этим требованиям не удовлетворяет.

Во-вторых, игнорируются различные исторические периоды в истории партии и различная роль партии в системе власти и в обществе в различные периоды. Одно дело - партия коммунистов до революции 1917 года, и другое дело - после революции. Дореволюционная партия была лишь одним из условий КПСС, а КПСС не была всего лишь дальнейшей эволюцией дореволюционной партии. Это - качественно новое явление. Одно дело - КПСС в системе сталинской организации власти, и другое дело - КПСС в системе сверхгосударственности послесталинского периода. В первом случае это - орудие надпартийной власти Сталина, во втором случае ядро и стержень сверхгосударства. В-третьих, КПСС вырывается из связи с другими социальными явлениями, совместно с которыми она образует специфическое социальное целое, и рассматривается в отрыве от системы государственности, от социальной организации общества, его экономики и идеологии.

Рассмотренная структура власти сложилась не потому, что будто бы одна партия захватила власть и установила однопартийную систему, как это преподносит западная идеология. КПСС вообще никакую власть не захватывала, она сложилась после захвата власти другими. Коммунистическое общество вообще не является однопартийным, оно является, по сути дела, беспартийным. Если в нем и допускались какие-то партии, кроме партии в рассмотренном смысле, то это была пустая формальность или дань пропаганде.

КПСС состояла из множества автономных партийных организаций в первичных коллективах и партийного аппарата. Первые были элементами социальной организации клеток, второй - элементом системы власти. Вместе с тем она была единым целым, благодаря которому система власти человека вращалась в управляемое тело и вырастала из него.

ПЕРВИЧНЫЕ ПАРТИЙНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Члены партии были наиболее активные в социальном отношении граждане коммунистического общества. Многие из них вступали в партию с корыстными и карьеристскими целями, ибо без этого, как правило, нельзя было занимать ответственные, престижные и выгодные посты, нельзя было успешно продвигаться по служебной лестнице. Но далеко не все были такие. Большинство никакой карьеры не сделало и никаких преимуществ от своей партийности не имело. Более того, они безвозмездно выполняли общественную работу сверх своих деловых обязанностей, что само по себе имело ценность как элемент их общественной жизни. Не хлебом единым жив человек.

В антикоммунистической пропаганде члены партии изображаются как худшие, самые безнравственные люди общества. Это чепуха. Члены партии были не только не хуже беспартийной части населения, а во многих отношениях лучше.

В партию принимали далеко не всех желающих. Происходил отбор по определенным критериям. И это в значительной мере удерживало поведение людей в рамках принятых норм.

КПСС считалась партией трудящихся - рабочих и крестьян. Но крестьян в ней было совсем мало, да и то это в основном рабочие; служащие и интеллигенты, живущие и работающие в деревне. Процент рабочих в ней неуклонно сокращался. Это происходило потому, что сам рабочий класс относительно сокращался, снижалась его социальная роль, пребывание в партии для рабочих теряло практический смысл. Партия фактически превратилась в основном в партию служащих, для которых карьера и жизненный успех зависели от пребывания в партии существенным образом. Искусственными мерами партийное руководство старалось держать процент рабочих в партии на высоком уровне, чтобы сохранить видимость КПСС как партии рабочего класса. Но это не меняло фактического статуса партии.

Члены партии и кандидаты в члены, работавшие в одном и том же первичном коллективе, образовывали первичную партийную организацию. Если последняя была достаточно большая, она разделялась на более мелкие части в зависимости от структуры самого первичного коллектива. В организации в целом и в ее частях (если они есть) выбирались руководящие органы и лица (бюро, парторги, секретари). Все члены бюро, секретари и парторги оставались сотрудниками коллективов, не становились тем самым профессиональными партийными работниками. Это была их общественная работа как членов партии. Для некоторых из них это была подготовка к работе профессиональных партийных функционеров. Но таких оказывалось ничтожное меньшинство.

Активность первичных партийных организаций ограничивалась рамками их коллективов, клеток. Но роль их здесь была весьма значительная. Они вмешивались во все аспекты жизни коллективов, влияли на общую атмосферу в них и на поведение начальства. В базисных клеточках они были важнейшей формой специфически коммунистической демократии.

Секретари и члены партийных бюро и парторги групп были первичными партийными работниками. Они являлись обычными работниками в своем профессиональном деле - не худшие, но и не лучшие. Хотя их роль не оплачивалась, она приносила им удовлетворение и косвенные выгоды. Кое-кто из них с этого начинал свой путь в систему власти и управления. Секретарь партийного бюро коллектива являлся одним из руководителей коллектива наряду с директором и председателем местного комитета профсоюзов. Порою партийный секретарь играл в этом триумвирате первую роль.

Партийные организации различных коллективов между собою не были связаны в некоторые более обширные организации сами по себе. Они выбирали делегатов на районные партийные конференции, на которых формировалась основа партийного аппарата. И лишь благодаря этому аппарату они образовывали некоторое целое.

ПАРТИЙНЫЙ АППАРАТ

Партийный аппарат начинается с районных комитетов (райкомов) и имеет в основном территориальную и связанную с ней иерархическую структуру - районные, областные, краевые, республиканские и центральный (для всей страны) комитеты партии. Имеют место исключения, не влияющие существенным образом на основную структуру. Районные

комитеты являются связующим звеном аппарата партии с партийными организациями и с рядовыми членами партии.

Партийный аппарат есть совокупность комитетов партии, начиная от низших (районных и на правах районных) и кончая высшим. Выражение "комитет партии" двусмысленно. Оно обозначает совокупность членов комитета, избранных на соответствующей партийной конференции. Эти члены комитета не образуют комитет как особое учреждение. Большинство из них работает в каких-то других учреждениях. В качестве членов данного партийного комитета они функционируют только в периодических собраниях (плenums) комитета. Лишь часть из них становится постоянными сотрудниками данного партийного комитета как особого делового учреждения. Во втором смысле выражение "партийный комитет" обозначает такое постоянно действующее учреждение (деловую клеточку), в котором работают не только упомянутые члены комитета в первом смысле, но и лица, таковыми не являющиеся. Более того, большинство сотрудников партийного комитета как учреждения не является членами комитета в первом смысле.

Партийный комитет как учреждение есть постоянно действующий деловой коллектив. В нем работают сотрудники таких категорий: 1) руководящий персонал (секретари, заведующие отделами, их заместители); 2) сотрудники отделов, через которых лица первой категории осуществляют руководящую работу; 3) подсобный персонал. Руководящий персонал избирается делегатами на партийные конференции или съезды и здесь избирается членами комитетов в первом смысле. Процедура выборов может варьироваться, может быть прямой или многоступенчатой. Но при всех вариациях она лишь формально узаконивает по существу невыборную процедуру отбора людей в аппарат власти. Эти люди являются профессиональными партийными работниками. Процедура выборов является лишь внешней формой их профессиональной карьеры, связанной с тем фактом, что тут профессией является руководящая деятельность, причем в стержневом аппарате власти. Сотрудники комитетов второй категории отбираются для работы в аппарате уже без всяких выборов и назначаются на должности как обычные чиновники. Часть из них переходит в первую категорию.

Партийный аппарат структурировался по принципу сверху вниз с точки зрения его формирования и работы. Процедуры, идущие снизу вверх, лишь формально узаконивали власть сверху. В высших инстанциях заранее намечали кандидатов в делегаты на конференции и съезды, а также на ответственные посты в аппарате. Партийным организациям и собраниям делегатов предлагалось узаконить это путем формального избрания. Высший орган аппарата самовоспроизводился путем сохранения и преемственности фактически правившего ядра из высших руководителей партии.

Профессиональные партийные работники (работники партийного аппарата) отбирались из активистов первичных партийных организаций (парторгов, членов и секретарей партбюро), из активистов и функционеров других организаций (советов, профсоюзов, комсомола), из начальников внепартийной части системы управления, из деятелей науки и культуры. Отбираемые лица, как правило, имели образование, включая институты и университеты. Многие затем учились в партийных школах. Отбор производился тщательный, это была святая святых воспроизводства системы власти. Отбор производился многими ответственными лицами и учреждениями и по многим параметрам. Поэтому отбирался, как правило, самый "средний" человеческий материал. Но именно такой человеческий материал являлся более адекватным системе власти, чем множество людей с выдающимся интеллектом и талантами. Интеллектуальный уровень системы не сводится к интеллекту ее отдельных представителей. В системе закрепляется коллективный ум множества людей "среднего" уровня. Главным для системы является то, как она организована, кто и как отбирается в нее, как распределены функции ее частичек, какие

выработаны правила работы и как они соблюдаются. И аппарат КПСС в послевоенные годы пошел именно по этому пути, постепенно превращаясь в хорошо работающий механизм организации всей системы власти и управления.

Сотрудники механизма власти, в свою очередь, разделяются на тех, кто образует мозг власти, и тех, кто образует ее мускулы (рычаги), т.е. на тех, кто исполняет волю власти в отношении подвластных. Те, кто образует мозг власти, разделяются на тех, кто олицетворяет волевой аспект власти (представительное руководство, руководители), и на тех, кто олицетворяет интеллектуальный аспект власти (исполнители рутинной работы мозга власти, аппаратчики в узком смысле слова).

Руководители на виду, в президиумах собраний, на трибунах, среди людей. Они известны, их деятельность публична. Формально они являются выбираемыми, проходят какие-то процедуры выборов, чтобы получить законное утверждение занимать соответствующие посты и играть ту роль во власти, на которую выбираются. Занимаемые руководителями посты считаются начальствующими. Хотя все более или менее важные решения власти подготавливаются аппаратчиками, последнее слово, придающее решениям законную силу, принадлежит руководителям.

Большинство аппаратчиков отбирается руководителями аппарата индивидуально и назначается на те или иные должности. Эти должности являются подчиненными руководителям. Аппаратчики обычно остаются в тени. Их имена и функции почти совсем неизвестны населению. Плоды их труда приписываются руководителям, подобно тому, как честь победы (как и позор поражения) приписывается командующим частям, а не штабным работникам. Большая часть работы аппаратчиков не подлежит огласке.

ПРАВЯЩИЕ ГРУППЫ

Партийный аппарат сам есть совокупность большого числа учреждений и людей, имеющая иерархическую и территориальную структуру. Он сам нуждался в управлении. Для этого помимо официальных учреждений складывалась неофициальная (не узаконенная государством и не признанная партийным уставом) правящая группа. В сталинские годы она формировалась из лично преданных Сталину людей, работников его личной канцелярии и номенклатуры в смысле тех лет. В хрущевские и брежневские годы такая группа складывалась из группы партийных работников высшего уровня и из обслуживавших их помощников и советников на основе личных контактов, взаимной выгоды и поддержки. В нее попадали и другие лица, близкие к главе партии (Генеральному секретарю ЦК КПСС - генсеку), включая даже родственников. Она становилась аппаратом личной власти генсека. Она держала под контролем весь партийный аппарат и имела тенденцию возвыситься над ним и выйти за его рамки. Со сменой генсека менялся и состав этой группы.

Аналогичные правящие группы складывались на более низких уровнях системы власти и управления - на уровнях республик, краев, областей, районов, городов. И даже на уровне первичных коллективов складывались группы около управляющих органов, но выходящие за рамки этих органов. Такие группы складывались и в других сферах - в хозяйстве, культуре, идеологии и т.д. Так что имела место иерархическая система групп, связываемых в единое целое, официально признанных органов власти и управления. Эта система как бы обволакивала скелет власти и управления.

Между группами устанавливались как горизонтальные, так и вертикальные отношения, на основе личных контактов - образовывались особые слои на суперуровне сверхобщества.

ПАРТИЯ И СИСТЕМА ВЛАСТИ

Партийный аппарат был частью системы власти. Но частью особой. Он был частью, которая управляла всей остальной системой власти и управления. Он был властью над властью, властью второго уровня или сверхвластью. Поскольку он был властью и над государственностью, он был сверхгосударственностью. И тем самым он придавал всей системе власти и управления характер сверхгосударственности. Он был аппаратом сверхгосударственности. Государственность была как бы продолжением и разветвлением этого аппарата. Она содержалась в сверхгосударственности в снятом виде. В обратном направлении она как бы стекалась в партийный аппарат, концентрируясь в нем.

Это - в идеале. Конкретно же история дала слишком мало времени, чтобы идеал осуществился достаточно полно и четко и чтобы фактическое положение было адекватно осознано. На практике четкое определение структуры сверхгосударственности не произошло и не было осознано.

Партийный аппарат не был легитимным подразделением государства, но вел себя как высшая власть - как сверхвласть. Это выглядело как своего рода двоевластие: формально - высшая власть советов и фактически - высшая власть партийного аппарата. Включение в брежневскую Конституцию пункта о руководящей роли КПСС означало весьма туманное узаконивание партии и партийного аппарата в системе власти, но не включение их в государственность. Руководители и идеологи советского общества не знали, как поступить в сложившейся ситуации, но ощущали ее ненормальность. Объявить партийный аппарат официально высшей властью не решились, боялись обвинений в партийной диктатуре. А попытка сделать советы фактической высшей властью, предпринятая в горбачевские годы, кончилась крахом как партийного аппарата, так и советов. И какую-то роль в этом сыграло то, что эта попытка означала стремление загнать в рамки государственности систему власти, которая была фактически уже сверхгосударственностью.

Партийный аппарат был не только властью над государством, но и над системами управления всех прочих сфер макроуровня, будучи властью и над "правительством" - над советом министров. Опять-таки это его положение не было достаточно четко осознано как более высокий уровень организации власти сравнительно с уровнем государственности. Более того, оно подвергалось жестокой критике в западной пропаганде как вмешательство не в свои дела, как "диктатура партии", как "партократия".

Рассматриваемая структура коммунистической власти явно проявлялась в отношениях между ее высшими лицами. Первым человеком был Генеральный секретарь ЦК КПСС, т.е. глава партийного аппарата и всей партии. Вторым был либо Председатель Президиума Верховного Совета, т.е. глава государственной власти, либо Председатель Совета Министров, т.е. глава "правительства" (в основном - хозяйственной власти). Оба они были членами Политического Бюро (Политбюро) ЦК КПСС - высшего органа аппарата партии. По этой линии вторым лицом считался глава идеологии. Это - на высшем уровне. На низших уровнях иерархии власти всегда первым лицом был глава партийного аппарата того или иного уровня (республика, край, область, город, район), а вторым, третьим и четвертым - глава идеологии, государственности или хозяйства этого уровня (тут имели место варианты в зависимости от разных причин, в том числе - от личности).

Возникает вопрос: как это возможно, что высшая законная государственная власть признает власть над собой неузаконенной организации, не нарушая законности? Партийный аппарат управлял всей системой власти и управления, контролируя назначение начальников на все более или менее важные посты и их деятельность на этих постах. Они фактически были представителями партийного аппарата. Председатель Президиума

Верховного Совета СССР, например, был членом Политбюро ЦК КПСС, т.е. высшего органа партийной власти. Целый ряд высших лиц государства были членами ЦК КПСС, а на более низком уровне - членами республиканских, краевых, областных и районных учреждений партийного аппарата. И, как таковые, они исполняли волю этого аппарата, занимая решающие посты в учреждениях государства. Почти все работники системы власти были членами КПСС.

Партийная власть есть прежде всего подготовка и подбор руководящих кадров, контроль за ними и руководство ими. Партийный аппарат распоряжался практически всеми людьми в системе власти и управления как членами партии. Членство партии было, за редкими исключениями, условием для назначения на посты и для служебной карьеры. Эта власть над людьми подкреплялась подвластными партийному аппарату карательными органами и властью в деловых клеточках и сферах.

Для обозначения рассмотренного аспекта партийного аппарата употреблялось слово "номенклатура". Об этом на Западе много писали, причем исключительно негативно, как о категории привилегированных чиновников, сильно преувеличивая размеры привилегий и преуменьшая их профессиональные способности. А суть этого феномена полностью игнорировалась.

Слово "номенклатура" употреблялось в двух смыслах, которые не различались. В первом смысле оно обозначало множество особо важных служебных должностей и отбор кандидатов, назначение на которые зависело от партийного аппарата и утверждалось им. Во втором смысле оно обозначало множество конкретных лиц, лично известных работникам партийного аппарата, проверенных, опытных и считавшихся надежными, которыми партийный аппарат располагал при подборе подходящих кандидатов на важные посты. Это множество людей было аналогом "политического класса" западных стран. Только множество номенклатурных работников было шире по объему, поскольку в него включались не только лица, функционирующие в политической сфере.

Номенклатура имела сложную структуру в разных измерениях. Были уровни ее начиная с районного и кончая высшим. Имелись свои номенклатуры в различных сферах, выходящие за рамки партийной. Фактически это была организация правящего класса коммунистического человекика.

Партийный аппарат непосредственно распоряжался самыми важными, с точки зрения власти, "рычагами" - органами государственной безопасности, армией, силами внутреннего порядка (включая милицию), идеологическим и пропагандистским механизмом, средствами массовой информации. Через партийные организации, насчитывавшие многие миллионы людей (более 18 миллионов к 1985 году), партийный аппарат контролировал почти всю массу населения. Плюс к тому - ему подчинялся аппарат профсоюзов и союза молодежи.

Партийный аппарат, повторяю, не был законодательным органом. Ему не было в этом надобности, так как он имел для этого в своем распоряжении государственные органы - советы. Он был инициатором законодательной деятельности власти и контролировал ее. Но все его решения приобретали силу законов, будучи формально приняты в качестве таковых советами.

Работа партийного аппарата лишь в ничтожной мере была публичной. В основном же она была скрытной и даже секретной. Значительная ее часть состояла из непосредственных контактов с людьми, устных бесед, советов, распоряжений, порицаний, угроз, похвал и т.п., не фиксируемых документально. Трудно сказать, какая часть действий партийного аппарата была незаконной, - данных на этот счет нет. Но по всей вероятности, процент таких действий был высок. Вообще говоря, сверхгосударственная и неузаконенная власть действовала (и должна действовать!), не считаясь с юридическими рамками. Ей подчинялась и правовая (юридическая) сфера. Она была сверхправовой.

Наряду с партийным аппаратом в Советском Союзе существовал профсоюзный аппарат и аппарат комсомола (Коммунистического Союза Молодежи). Они имели структуру, аналогичную партийному аппарату, функционировали, подчиняясь партийному аппарату, и были фактически ответвлениями последнего. В принципе их функции могли выполнять соответствующие отделы партийного аппарата.

В систему внесударственной власти и управления входили также многочисленные общественные организации, контролировавшиеся партийным аппаратом.

ФУНКЦИИ СВЕРХГОСУДАРСТВА

Коммунизм есть всеобщая организация населения страны в систему отношений начальствования и подчинения. Здесь власть есть орудие внутренней организации масс людей, а не нечто внешнее им и стоящее над ними, есть форма и средство самоорганизации. Система власти вырастает здесь из потребности обеспечить существование страны как единого социального организма, вырастает как грандиозная система учреждений, функцией которой является сохранение целостности общества и управления им как единым целым. Так что марксистская теория возникновения государства оказалась неверной в отношении государства коммунистического, "предсказав" его отмирание. Коммунистическое общество без государства в такой же мере возможно, в какой возможен сложный и развитый биологический организм без центральной нервной системы. Государство при коммунизме не исчезает, а, наоборот, превосходит все прошлые формы государственной машины прежде всего по роли, играемой в жизни общества. Оно тут превращается в нечто большее, чем его предшественники, - в сверхгосударство.

В сферу внимания коммунистического сверхгосударства в принципе входят все аспекты жизни страны, включая внешнюю политику, внешнюю торговлю, промышленность, сельское хозяйство, культуру, спорт, быт и отдых людей, воспитание детей. Нет такого аспекта жизни людей, который так или иначе не подлежал бы контролю со стороны сверхгосударства. Если что-то и выпадает из-под его контроля, то это происходит в силу отклонения от фундаментального принципа тотальной подконтрольности, а не в силу отказа сверхгосударства от этого принципа. Последний здесь обладает такой практической силой, что сверхгосударство подчиняет жизнь всего общества интересам управляемости. Интересам управляемости служила и система планирования, и прикрепление граждан к местам работы и жительства, и транспортные ограничения, и дефицит предметов потребления и жилья, и общественная работа, и карательные органы, и система образования и трудоустройства, и организация деятельности предприятий и учреждений. Разумеется, в большом современном обществе практически невозможно включить абсолютно все в сферу власти сверхгосударства. Имеются объективные пределы управляемости, не зависящие от воли и желаний правителей. В обществе постоянно происходят нарушения принципа тотальной подконтрольности, постоянно возникают неподконтрольные явления. Поскольку сама власть не может разрастаться сверх определенной меры и поскольку разрастание ее имеет неизбежным следствием снижение степени ее эффективности, то сама она становится главным ограничителем такой эволюции общества, которая имеет следствием нарастание неподконтрольности. Тенденция к упрощению подконтрольного тела общества становится одной из объективных тенденций эволюции.

В основе всех (как общих, так и специфических) функций коммунистического сверхгосударства лежит функция обеспечения жизнедеятельности общества как

органического целого. В этом обществе для каждого коллектива и каждого более значительного объединения коллективов должны быть определены его положение в стране, деловые функции, отношения с другими коллективами, внутреннее строение, доля в производимом продукте и в получаемом вознаграждении. Здесь сверхгосударство присвоило себе все те функции, какие в западных странах выполняют частные предприниматели и их конторы, банки и всякого рода негосударственные организации и механизмы самоорганизации.

Важнейшим проявлением рассмотренной фундаментальной функции сверхгосударства является планирование и контроль за исполнением планов. Планирование деятельности всех частей общественного организма есть чисто коммунистическое средство сохранения единства общества, ограничения коммунальной стихии и хаоса, неизбежного без этого в большом скоплении людей. Планы определяют статус коллективов и их объединений в обществе в целом, а выполнение плана является основным показателем их деятельности. Обязанность руководства - заставить коллективы действовать в рамках планов. С чисто экономической точки зрения они могут быть нерентабельными, но они что-то делают полезное и дают трудоустройство определенному числу граждан. И это оправдывает их существование. Коллективам и руководству предоставляется инициатива, но в рамках планов и с целью их осуществления. Ослабление плановости коммунистического общества ведет к возникновению неподконтрольных явлений, хаосу, преступности.

Планирование само по себе еще не гарантирует гармоничность общественной жизни. Относительная гармония достигается ценой огромных потерь и лишь как доминирующая тенденция в массе других, ведущих к хаосу и неподконтрольности. Планирование само порождает явления противоположного порядка. Поскольку судьба коллективов часто не зависит непосредственно от результатов их деятельности, они изобретают различные средства обхода планов, обмана властей и очковтирательства. Плюс к тому - незапланированные события и меры властей, ведущие к отклонению от планов. Но несмотря на это, планирование остается абсолютной необходимостью жизнедеятельности коммунистического общества. Ликвидация его привела бы к полному краху. Оно, несмотря ни на что, удерживает общество в рамках единства.

Коммунистическому сверхгосударству принадлежит также функция реформаторства и прогресса. Это обусловлено самим положением и ролью руководства. Руководство не просто захватывает эту функцию из каких-то эгоистических соображений, а вынуждается на это всей организацией жизни общества. Здесь все значительные преобразования осуществляются как решения свыше. Кроме того, руководство здесь выполняет функцию прогресса не из любви к прогрессу, как таковому, и не из желания облагодетельствовать массы граждан, а из соображений самосохранения и сохранения общества, в котором они занимают привилегированное положение. Ведь и короли стремились сохранить свои королевства не из любви к подданным, а из желания сохранить свою корону. Наконец, в коммунистическом обществе даже для сохранения данного состояния требуется производить какие-то улучшения во избежание деградации. Поэтому здесь борьба против тенденции к деградации принимает форму реформ, навязываемых сверху. При этом властям приходится преодолевать косность и инертность масс населения.

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

В силу ликвидации частного предпринимательства коммунистическая власть взяла управление деловым аспектом в свои руки. Упомянутая выше вторая линия власти стала

формально (законно) подчиненной советам. Но лишь формально. Фактически они были во многих отношениях автономны. Между ними имело место разделение функций. Линия советов была территориальной властью, вторая же была отраслевой, в основном не считавшаяся с административно-территориальным делением страны.

Есть два аспекта управления: управление конкретным делом и управление людьми, независимо от того, каким делом они заняты. В коммунистическом управлении доминирует второй аспект. В условиях отсутствия частного предпринимательства средством управления обществом становится организация масс населения в стандартные деловые коллективы, установление их статуса и обязанностей, структуры, отношений с другими коллективами и властями, их финансирования и планирования их деятельности. Обязательность труда для работоспособных граждан означает фактически прикрепление их к каким-либо трудовым коллективам. Коллектив наделяется огромной властью над индивидом. Власть получает возможность управлять индивидами не непосредственно, на что у нее просто не хватило бы сил, а через коллективы. Коммунистическое управление обществом есть прежде всего управление коллективами. В Советском Союзе сравнительно быстро выработалась детальнейшая "технология" управления такого рода как со стороны властей в отношении коллективов, так и со стороны коллективов в отношении индивидов.

Есть две крайности в отношениях между управляющими и управляемыми объектами. Первая из них - управляющие лица и органы стремятся сделать объектами своего управления как можно больше явлений и управлять ими как можно педантичнее, максимализировать свой контроль за управляемой сферой. Вторая крайность - управляющие лица и органы стремятся свести к минимуму число "точек" и число акций управления, минимизировать свой контроль за управляемой сферой. Реальное управление всегда колеблется между этими крайностями. Коммунистическое управление стремится к максимально полному и всеобъемлющему контролю за всеми аспектами и сферами жизни страны, включая государственность, экономику, культуру, идеологию, быт и отдых граждан, воспитание и образование детей, медицинское обслуживание, обеспечение людей в старости, науку, спорт и т.д. Если что-то выпадает из-под контроля власти, это происходит как отклонение от принципа тотальной подконтрольности или в силу обстоятельств, а не в силу добровольного отказа власти от этого принципа.

Советская система управления была предельно централизованной и работала по принципам командования (сверху вниз). Такая система, как я уже писал, порождает безынициативность, бесхозяйственность, бессмысленные потери средств, застой в производительности труда и многие другие отрицательные явления, которые хорошо известны. Вместе с тем в этом есть и свои достоинства, которые тоже известны: увеличивается степень плановости, возможно сосредоточивать большие средства на решение крупных проблем (особенно в войне). К тому же мера добра, привносимого децентрализацией, сомнительна. Она заметна в малых масштабах. Но в масштабах общества в целом она может привести к еще большим трудностям, чем те, которые возникают без нее.

Но коммунистическое управление не исключает децентрализацию. Оно допускает ее в силу обстоятельств и необходимости.

В Советском Союзе в брежневские годы наметилась сильная тенденция к децентрализации управления. Руководители предприятий и целых отраслей требовали большей свободы деятельности и явочным порядком добивались в ряде случаев или получали ее в виде исключения (например, в особо важных сферах атомной физики, электроники, космических полетов). Территориальные власти во многом фактически стали неподконтрольными Москве.

Имеется два аспекта во взаимоотношениях между властью и управляемым обществом: 1) власть приспосабливается к управляемому обществу; 2) общество приспосабливается к управляющей им власти. В коммунистическом управлении доминирует второй аспект. Здесь интересы управляемости общества становятся в конечном счете главным фактором в жизни системы власти. Они лимитируют развитие общества, становятся внутренними препятствиями использования заложенных в нем потенциалов. Но в силу причин, не зависящих от власти (например, необходимость обороны страны), общество вынуждается на такое развитие, при котором растет число подлежащих управлению объектов и усложняется само управление ими. Лишь эти внешние для власти принудительные обстоятельства вынуждают ее на приспособление к управляемым объектам.

Рост числа всякого рода начальников и руководящих учреждений, обусловленный потребностями управления усложняющимся обществом, порождает дополнительный и автономный процесс увеличения системы управления самой по себе, уже безотносительно к управляемому обществу. Управление становится способом жизнедеятельности для пятой части (а то и более) работающих граждан. Сократить это число ниже некоторого минимума в принципе невозможно. Сокращение его в одних местах ведет к увеличению в других.

Система управления становится здесь частью власти и превращается в нечто самодовлеющее. Вся система власти превращается в гигантское образование, живущее за счет общества, которое оно по идее должно обслуживать. Отношение оборачивается: тут уже не столько власть служит обществу, сколько само общество служит власти. Общество становится арендой и материалом деятельности власти, сферой приложения его сил, средством удовлетворения его амбиций и потребностей. Власть тут становится монопольным субъектом истории. Его жизнь со всеми его официальными спектаклями навязывается обществу в качестве всеобщего жизненного спектакля. Советский опыт интересен в этом отношении тем, что он в обнаженном виде проявил аналогичную тенденцию эволюции западного мира в эпоху становления сверхобщества.

Вследствие общих условий коммунистического социального строя (отсутствие частного предпринимательства, ограничения на имущества, социальные права и гарантии и т.д.) законодательный аспект деятельности власти оказывается крайне упрощенным. Главным в нем становятся не политические и правовые проблемы, как это имеет место в западной государственности, а хозяйственно-бытовые. Центр тяжести работы власти смещается в исполнительный аспект. Парламентские спектакли устраиваются изредка, в установленные сроки. Их исход предрешен заранее.

Деятельность коммунистической власти лишь в ничтожной мере публична, да и то скорее в пропагандистских, а не деловых целях. Основная деятельность происходит негласно, то, что передается гласности, как правило, подвергается тщательной идеологической и пропагандистской обработке.

Коммунистическая власть нуждалась в определенных интеллектуальных средствах. В отношении экономики, военной сферы, науки, культуры и других сфер никаких проблем в послевоенные годы на этот счет не было: Советский Союз в изобилии обеспечил их достаточно квалифицированными специалистами. Проблемы были в сфере государственности и в партийной сфере, т.е. в отношении политической власти (во власти в узком смысле слова). Во власть попадали далеко не лучшие в интеллектуальном отношении индивиды. И образование они имели далеко не первоклассное. Образовательный и интеллектуальный уровень массы представителей власти был ниже такового в творческой части населения. Но он был выше уровня большинства населения страны.

Из чего складывался интеллект власти? Это прежде всего идеология. До начала кризиса (в 1985 году) идеология служила своего рода инструкцией для высшей власти. В сталинские годы она вообще имела явно нормативный характер. Марксизм, утверждал

Сталин, не догма, а руководство к действию. В послесталинские годы эта нормативность несколько ослабла. Тем не менее идеология оставалась теоретическим орудием деятельности высшего руководства страны. Когда советские вожди говорили, что они действовали в соответствии с учением марксизма-ленинизма, они не лицемерили. В марксизме-ленинизме на самом деле содержались идеи, позволявшие давать оценку исторического процесса, подтверждавшуюся в основных чертах на практике.

В распоряжении представителей власти, далее, имелись помощники и советники, специально выполнявшие интеллектуальные функции. Интеллектуальный уровень их был выше уровня тех, кого они обслуживали. Наконец, в распоряжении партийного аппарата были исследовательские учреждения всей страны. Хотя и они были переполнены карьеристами и невеждами, в них работало довольно большое число специалистов высокого класса.

При выработке и принятии решений коммунистическая власть колебалась между двумя крайностями - между волюнтаризмом и приспособленчеством. В случае волюнтаризма власть стремится заставить подвластных жить так, как хочется самой власти. Наиболее сильное выражение волюнтаризм нашел в сталинизме. В случае приспособления к стихийному ходу событий доминирует рутинно-бюрократический стиль руководства. Наиболее четко он выразился в брежневизме.

Подавляющее большинство действий властей совершается в соответствии с инструкциями. Инструкции упрощают интеллектуальную работу представителей власти и снимают с них персональную ответственность за последствия их действий. Инструкции не являются государственными законами, но имеют силу таких законов для их исполнителей. Система инструкций дополняется системой установок. Установка есть решение органа власти, обязывающая определенный круг подчиненных совершать какие-то действия с определенной ориентацией. Установка задает эту ориентацию, предоставляя исполнителям некоторую свободу выбора конкретных мер по ее реализации. Инструкции и установки могут быть отменены и заменены другими сравнительно быстро и без особых проблем.

При принятии решений, затрагивающих интересы представителей различных подразделений власти, происходит согласование этих решений в среде лиц, как-то причастных к делу. Цель согласования - не нахождение наилучшего варианта решения деловой проблемы, а нахождение наилучших взаимоотношений между участниками ситуации решения. Огромную роль в работе власти играют всякого рода совещания, собрания, устная договоренность, устные и письменные распоряжения.

При рассмотрении значительных событий в жизни коммунистического общества надо установить, что в этих событиях является неподконтрольным власти и что является результатом ее провокации.

Причем соотношения этих факторов могут быть различными. Провокация может породить стихийность, стихийность может быть усилена провокацией. В самих действиях власти, в свою очередь, надо различать то, что вынуждено давлением снизу и часто не соответствует ее желаниям, и то, что является результатом желаний самой власти.

В какой форме и в какой мере власть превращает вынужденные ответные меры в преднамеренную операцию, зависит от обстоятельств. Принцип власти тут таков: из любой плохой ситуации надо извлечь пользу, любое поражение надо превратить в победу. С точки зрения коммунистической власти, любой ход событий может быть превращен в операцию власти, если только ей удастся внедриться в него и взять его под свой контроль. Нет плохих результатов хода событий, есть лишь плохое использование его и плохое руководство им.

К сказанному следует добавить еще и то, что связано с функционированием самого механизма власти как особого социального феномена. В отношении его трудно найти однозначное объяснение причин, мотивов и намерений властей, если это сделать в

принципе возможно, не впадая в ошибки. Дело в том, что все более или менее значительные действия коммунистической власти неоднозначны и неустойчивы с точки зрения их мотивации, намерений и интерпретации. Совершенно незначительное явление здесь может послужить толчком к принятию важного решения. Затем этот исходный мотив может вообще исчезнуть и быть забытым, уступив место мотивации иного рода, возникшей уже в ходе принятия и даже исполнения решения. По мере осуществления мероприятия могут измениться его мотивация и цели. То, что получается в результате осуществления решения, вообще может отличаться от того, что было задумано в самом начале, и все компоненты ситуации решения могут быть пересмотрены и заменены новыми. В процессе выработки, принятия и исполнения решения возможно возникновение новых намерений и забвение прежних. Причем все это облекается в словесные формы, которые обычно не совпадают с существом дела. В языке власти есть много такого, что имеет различный смысл для самих участников аппарата власти и посторонних наблюдателей. Все то, что воплощается в официальных документах, выходит на страницы прессы и потом входит в исторические книги, на самом деле есть лишь одна из возможных интерпретаций прошлого, обычно мало что общего имеющая с тем, как реально протекал процесс такого рода.

ВОСПРОИЗВОДСТВО ВЛАСТИ

Система власти сохраняется путем воспроизводства. В нее привлекаются люди извне, осуществляется замена постаревших или по другим причинам негодных людей новыми, происходит перераспределение людей по ячейкам и ступеням власти.

Есть два способа и два аспекта воспроизводства системы власти и управления: 1) отбор кандидатов и назначение на посты сверху; 2) выборы путем голосования из числа кандидатов, выдвигаемых снизу. Для коммунистического общества характерным является первый способ. Второй играет роль подчиненную, санкционируя predetermined результаты первого и маскируя его. При отборе кандидатов на посты в соответствующих инстанциях аппарата власти, контролирующих эти посты, рассматривается не один подходящий человек, а многие. Отбираются не худшие граждане. Какими бы качествами ни обладали кандидаты на посты, они, будучи назначены или выбраны на эти посты, должны затем исполнять свои функции по законам власти и управления, а не в соответствии с какими-то лозунгами и прекрасными намерениями. Это - особая профессиональная работа. А условия этой профессии таковы, что даже самые честные, умные и деловые граждане, приступив к работе, превращаются в таких же бюрократов, консерваторов, карьеристов, стяжателей и взяточников, какими являются самые жуликоватые, глупые и бездельные. Но коммунистическая власть была организована так, что даже глупые и ленивые сотрудники были вынуждены работать более или менее терпимо. А система контроля была такова, что служебные преступления сдерживались в терпимых рамках.

В процессе воспроизводства власти надо различать повседневную рутину и особые периоды, когда в течение короткого периода (в течение нескольких дней или недель) производятся более или менее массовые замены в личном составе органов власти. Это - периоды регулярных перевыборов органов власти и время от времени случавшиеся "чистки". Надо различать, далее, отбор людей вне системы власти в органы власти и продвижение массы чиновников по службе вверх по иерархической лестнице. И в этом процессе имеют место постоянная рутина и переломные ситуации. Последние обычно имели место тогда, когда в стране назревала потребность в переменах, на которые было не способно старое руководство, требовалось преодоление его консерватизма и значительные

перемены в составе высшего руководства. Такие ситуации играли в жизни страны роль огромную. Они проходили порою в ожесточенной борьбе "старых" и "молодых", "ястребов" и "голубей", "консерваторов" и "реформаторов". Последняя борьба такого рода в Советском Союзе привела к победе "реформаторов" во главе с Горбачевым и затем Ельциным и завершилась разгромом советской системы власти и коммунистической социальной организации в целом.

Основная масса работников системы власти получала профессиональное образование по многочисленным каналам: партийные, комсомольские и профсоюзные учебные заведения, пропагандистские кружки, курсы, семинары и т.п., а также разделы в деловой системе образования. Недостаток образования восполнялся опытом работы в учреждениях власти и в общественных организациях. Тенденция к превращению системы власти в профессиональную была очень сильной. Но все же профессионализация власти не была доведена до уровня, на котором произошел бы качественный скачок в этом отношении. В систему власти попадали многочисленные случайные люди со стороны и дилетанты. Образование оставалось неадекватным требованиям профессионализма. Причем дилетантизм даже поощрялся под тем или иным предлогом (омоложение руководства, либерализация, инициатива и т.п.), что послужило одним из источников кризиса системы власти в восьмидесятые годы.

НОРМАТИВНАЯ СФЕРА КОММУНИЗМА

Советское общество считалось неправовым, в отличие от западнистского, которое считается правовым. Это мнение весьма неопределенно. Советское общество, как и всякое общество, было правовым в том смысле, что функционировало в рамках развитой системы юридических законов. Но оно отличалось от западнистского общества по содержанию этих законов и по степени схваченности общественной жизни ими. Советское общество с правовой точки зрения было предельно упрощенным сравнительно с западным. Число действий людей, охваченных правовыми нормами, в советском обществе было ничтожно в сравнении с западным. Это объясняется тем, что сама жизнь людей и деятельность клеток были максимально упрощены и не требовали от людей инициативы и риска, конфликтные ситуации, как правило, разрешались без вмешательства правовых органов, неправовыми средствами. Люди были прочнее прикреплены к местам жительства и работы, чем на Западе. Имущественные отношения большинства граждан были просты. Социальная жизнь людей сосредоточилась в их деловых коллективах и контролировалась последними. Огромную роль играли меры воздействия на людей, вообще не требовавшие правового оформления. Кроме того, в применении правовых норм учитывалось социальное положение людей, а власти в случае надобности могли игнорировать юридические законы или истолковывать их так, как им это требовалось. Старинная пословица "Закон, что дышло, куда повернешь, туда и вышло" точно отражала правовую ситуацию в стране. Неразоблачимые, неразоблачаемые и ненаказуемые злоупотребления служебным положением были обычными. Мелкие преступления, без которых была практически невозможна обычная жизнь совсем не преступных граждан, вообще не поддавались правовой оценке. Естественно, неправовые средства соблюдения общественного порядка приобретали тут гораздо большее значение, чем в обществе западном. Так что репрессии и непомерно большое число заключенных были обусловлены не какими-то личными качествами правителей и "большевиков", а самими условиями страны.

Но наиболее интересным с точки зрения цели нашего анализа является то, что в коммунистическом сверхобществе до огромных размеров разрастается нормативный

аспект, выходящий за рамки правовой сферы. В нем формируется и приобретает доминирующее значение сверхправовая "надстройка" над правовыми нормами. Она включает в себя уставы, кодексы, постановления, распоряжения, инструкции, установки различного рода организаций и учреждений, не являющихся подразделениями государства. Тем не менее эти нормативные явления имеют принудительную силу для того или иного круга граждан, а некоторые из них - для всех членов человеческого сообщества. Таковы, например, постановления высших партийных органов. Кроме того, эта "надстройка" включает в себя систему устных советов, приказов, просьб и т.п., также имеющих принудительную силу, но не фиксируемых документально. В результате для высших слоев населения "базисная" (юридическая) часть нормативной сферы оказывается второстепенной, а для прочих граждан она оказывается таковой в некоторых случаях и отношениях, имеющих жизненно важное значение. Наконец, рассматриваемая "надстройка" включает в себя неписаные правила поведения людей в коллективах, официальные процедуры мероприятий, ритуалы. Одним словом, здесь "оживают" доправовые (дообщественные) нормативные явления, но теперь они действуют на основе правовых явлений, уподобляются им, используют их применительно к конкретным ситуациям. Правовые нормы при этом становятся неопределенными, допускающими ситуационно различные толкования и применения.

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Коммунизм особенно сильно (после репрессий) подвергался критике на Западе за якобы экономическую несостоятельность. Это - грубая и преднамеренная идеологическая ложь. Критиковать коммунизм за экономическую несостоятельность - все равно как критиковать рыб за то, что они не летают в небе, не выют гнезда на деревьях или на земле и прочие "привычки" водного образа жизни. Коммунизм на самом деле создавал нечто иное и нечто большее, чем экономика в западном понимании, а именно - он создавал сверхэкономику, которая содержала в снятом виде экономику, т.е. систему более высокого уровня социальной организации, чем экономика.

Коммунистическая сверхэкономика осталась непонятой не только западными теоретиками, которые даже в мыслях не допускали ничего, выходящего за рамки западной экономики, но и советскими философами, социологами и экономистами. Это объясняется комплексом причин, в их числе - недостаток времени, российские условия, давление Запада и идеологические табу.

Марксизм, имевший колоссальное влияние на теоретиков всех сортов и направлений и ставший основой советской идеологии, в отношении экономики оставался при всей его критичности к западной экономике в рамках последней. Распространение его понятий и утверждений на советское хозяйство стало практически неодолимым препятствием на пути его научного понимания, что негативно сказалось на практике советского сверхгосударства в развитии хозяйства.

Из специфических условий Советского Союза назову то, что дореволюционная Россия была отсталой сельскохозяйственной страной. Подавляющее большинство населения были крестьяне, причем на сравнительно низком уровне материальной культуры и производительности труда. Превратить такую махину в отпущенные историей мизерные сроки в часть хозяйства, отвечающую требованиям коммунистического человеческого сообщества, было абсолютно невозможно. И хотя большинство деревенских жителей приобщилось к условиям индустриального общества и образовало коммунистические коллективы, в деревнях до последнего времени сохранялись допотопные (дообщественные) формы в виде колхозов. Колхозы не были достижением коммунизма, они были обусловлены исторически

преходящими условиями. В перспективе колхозы должны были исчезнуть, уступив место полноценным коммунистическим предприятиям в сельском хозяйстве. Совхозы уже были переходной формой на этом пути.

Коммунистическое хозяйство в Советском Союзе формировалось как смешение доэкономических, экономических и сверхэкономических явлений. При этом доминировала ориентация на сверхэкономику коммунистического (а не западнистского!) типа. Одновременно происходило развитие и усиление явлений экономики, главным образом в силу действия двух факторов: 1) в силу необходимости иметь дело с Западом, соревноваться и бороться с ним, готовиться к войне с ним и вести войны; 2) в силу закона снятия, согласно которому сверхэкономика вынуждена развивать в себе экономику определенного типа, она просто невозможна без экономики по своей сути.

Все то, что выше говорилось о коммунистических клеточках, целиком и полностью относится к клеточкам хозяйственным. Совокупность деловых клеточек, задача (функция) которых заключается в производстве и распределении материальных благ, совместно с системой учреждений, управляющих этой совокупностью, образует экономику коммунистического человеичника. Я употребляю тут слово "экономика" с полным правом, если читатель вспомнит определение экономики в части книги, посвященной обществу. Экономика как часть коммунистического хозяйства отличается от экономики западнистского типа. В западных странах в силу доминирования денежной формы экономики и капитализма над вещественным содержанием хозяйственной сферы экономика, взятая в общем смысле, утоплена в сферу инвестиций капиталов и частного предпринимательства, так что сфера культуры, спорта, науки и другие оказались сферами экономики. В коммунистическом человеичнике существуют денежные отношения, банки, денежные расчеты, инвестиции денег и даже прибыль. Но доминирующей в экономике является ее изначальная и фундаментальная функция - снабжение человеичника предметами материального (вещного) потребления, а не деньгами, не книгами, не газетами, не песнями, не зрелищами и т.п. Здесь культура, спорт, медицина, образование и многое другое, что в западной экономике входит в сферу функционирования экономики, в экономику не входит никак. И попытки советской власти (как правило - неудачные) сделать советские предприятия самоокупающимися и даже прибыльными в западном смысле являются результатом полного непонимания сущности своей собственной экономики и подражания Западу. Неспособность последовательно проводить политическую стратегию в соответствии с объективными законами коммунизма (о которых советские правители не имели ни малейшего понятия) стала одной из причин поражения советского коммунизма.

Рассмотрим основные особенности коммунистической экономики. Экономические клеточки коммунистической страны не предоставлены самим себе. Сверхвласть в лице подчиненных ей властей экономической сферы определяла их статус, что и как они должны были делать, сколько иметь наемных работников и каких, как их оплачивать и все прочие аспекты их жизнедеятельности. Это не было делом полного произвола властей. Последние принимали во внимание реальное положение и состояние клеточек, их реальные возможности. И жизнедеятельность клеточек в заданных рамках не превращалась в нечто автоматическое. Требовались усилия властей и руководства клеточек, чтобы установленные для них рамки соблюдались.

Экономические клеточки включались в систему других клеточек, т.е. были частичками больших экономических объединений (как отраслевых, так и территориальных) и в конечном счете - экономики в целом. Они, конечно, имели какую-то автономию в своей жизнедеятельности. Но в основном они были лимитированы задачами упомянутых объединений и экономики в целом. Над ними возвышалась разветвленная иерархическая и сетчатая структура из учреждений власти и управления, которая обеспечивала их

согласованную деятельность. Эта структура была своего рода нервной системой экономики. Она была организована по принципам начальствования-подчинения. На Западе это называли командной экономикой и считали величайшим злом. Эта экономическая власть была настолько мощной, что даже заявляла претензии на независимость от государственной власти и даже от партийной власти. Конфликты разрешались всегда в пользу последней.

Коммунистическая экономика как организуемая и управляемая сверху (в конечном счете сверхгосударством) имеет целевую установку как единое целое. Она заключается в следующем. Во-первых, обеспечить страну материальными средствами, позволяющими ей выжить в окружающем мире, сохранить независимость, идти в ногу с прогрессом. Во-вторых, обеспечить граждан общества средствами существования. В-третьих, обеспечить всех трудоспособных работой как основным и для большинства единственным источником средств существования. В-четвертых, вовлечь все трудоспособное население в трудовую деятельность в первичных деловых коллективах.

В силу указанной выше целевой установки, которая является не только лозунгом, но и социальным законом, экономика тут выполняет не только экономические, но и политические, идеологические и другие неэкономические функции. Если в западном обществе сверхэкономика разрастается и охватывает все сферы общества, то в коммунистическом человеке нечто подобное происходит со сверхгосударством.

Опыт Советского Союза обнаружил еще один аспект во взаимоотношениях власти и экономики, который не так развит и замечен в человеках иного типа, а именно - способность коммунистического сверхгосударства использовать экономику как средство управления массами людей.

Из рассмотренного характера и положения экономики с необходимостью следуют такие важнейшие признаки коммунистической экономики. Во-первых, преобладание социально-политических соображений при решении экономических проблем. Это касается распределения бюджета, установления цен на массовые продукты, шкалы заработной платы, состава продукции, районирования предприятий и т.д. Во-вторых, ориентация на удовлетворение самых фундаментальных нужд населения и решение самых важных для выживания страны проблем. Препятствование производству продуктов сверх необходимого и разрастанию паразитарных явлений. Тенденция к дефициту средств потребления. И в-третьих, необходимость централизованного управления и планирования деятельности экономики, начиная с первичных клеточек и кончая экономикой в целом.

Плановость коммунистической экономики вызывала особенно сильное раздражение на Западе и подвергалась всяческому осмеянию. А между тем совершенно безосновательно. Коммунистическая экономика имеет свои очевидные недостатки. Но причина их - не плановость, как таковая. Наоборот, плановость позволяла удерживать эти недостатки в терпимых рамках, сдерживать другие негативные тенденции, преодолевать трудности.

В чем состоит суть планирования экономики? Это - не субъективный произвол высших властей. Планирующие органы исходят из того, что уже имеется в наличии, каковы возможности существующих предприятий. А при планировании новых затрат они исходят из реальных потребностей страны. Их можно критиковать за то, что они плохо справляются со своими обязанностями. Но это не есть основание для ликвидации самой системы планирования. Последняя есть средство сохранения единства общества, ограничения коммунальной стихии и тенденции к хаосу.

Надо различать две функции планирования Первая - установление определенного распорядка жизнедеятельности предприятий и отраслей экономики в настоящем, т.е. нормального воспроизводства того, что есть. Вторая - проектирование будущего

предприятий и экономики в целом. Это делается и в западной экономике, но в иной форме. И при этом никаким нападкам не подвергается.

Коммунистическая экономика является денежной в том смысле, что деньги в ней выполняют свою фундаментальную функцию, а именно - служат средством измерения ценностей, затрат труда и ресурсов, средством учета, распределения, планирования, управления. Но они не являются капиталом для частных лиц. В оценке деятельности предприятий, отраслей и экономики в целом использовалась терминология, выработанная для западной экономики. Но с массой оговорок, которые лишь в ничтожной мере отражали существенное отличие экономики коммунизма от западной. А на радикальной пересмотр экономической науки советские ученые так и не решились. Для этого потребовалось бы отвергнуть марксистское учение как ненаучное, что было исключено.

Общепринято думать, будто экономика западного общества является высокоэффективной, а коммунистического - неэффективной. Я считаю такое мнение совершенно бессмысленным с научной точки зрения. Для сравнения двух различных феноменов нужны четко определенные критерии сравнения. А в зависимости от выбора таких критериев и выводы могут оказаться различными. Возможны, в частности, чисто экономические и социальные критерии оценки производственной деятельности людей, предприятий, экономических систем и целых обществ. Экономические критерии основываются на соотношении затрат на какое-то дело и его результатов. Если есть количественное выражение тех и других, то отношение этих величин дает величину, характеризующую экономическую эффективность производства. Экономические принципы имеют целью так организовать дело, чтобы экономическая эффективность была как можно более высокой или по крайней мере не была ниже некоторого минимума. Это - суть принципы экономии трат и выгоды. Социальные же критерии основываются на том, в какой мере деятельность предприятий соответствует интересам целого общества или какой-то его части. При этом предприятиям устанавливаются определенные рамки деятельности, включая источники сырья и сферу сбыта продукции. И эффективность их характеризуется тем, насколько успешно они придерживаются установленных для них норм. Главным, подчеркиваю, здесь является не экономическая эффективность отдельно взятых предприятий, а интересы целого, причем не обязательно экономические. Например, коммунистические предприятия должны обеспечить работой и тем самым дать источники существования максимально большому числу людей, в принципе исключив безработицу.

В капиталистическом обществе доминирует экономический подход к производственной деятельности людей, в коммунистическом - социальный. Они не совпадают. Коммунизм имеет более высокую степень социальной эффективности сравнительно с капитализмом, но более низкую степень экономической эффективности. Социальная эффективность экономики характеризуется многими факторами. Среди них - способность существовать без безработицы и без ликвидации экономически нерентабельных предприятий, сравнительно легкие условия труда, способность ограничивать и вообще не допускать избыточные предприятия и сферы производства, не являющиеся абсолютно необходимыми, способность сосредоточивать большие средства и силы на решении исторически важной задачи, милитаризация страны и другие.

Повторяю и подчеркиваю, что для предприятий в коммунистическом обществе нет необходимости быть рентабельными экономически, достаточно быть социально оправданными. Они должны удовлетворять в первую очередь внеэкономическим требованиям. Их судьба зависит от решений управляющих органов. С чисто экономической точки зрения все сто процентов коммунистических предприятий, взятых по отдельности, являются нерентабельными. И все же они существуют. Какие из них считать экономически

нерентабельными, это решают управляющие органы, а не принципы выживания вроде тех, по каким существуют предприятия в обществе капиталистическом.

Понятие производительности труда людей в экономическом смысле имеет в коммунистическом обществе весьма ограниченное значение. Огромное число граждан общества выполняет свои обязанности более или менее удовлетворительно. Это - чиновники, учителя, врачи, ученые, офицеры, писатели, журналисты, директора. Они работают так, как позволяют им обстоятельства и как это нужно, чтобы считаться нормальным работником и как-то улучшать условия своей деятельности и быта. Призывы повышать производительность труда в отношении к ним лишены смысла. Они имеют смысл лишь в отношении всей системы, в которую они включены. А эффективность системы зависит от факторов социальных в первую очередь и лишь в малой степени от факторов экономических.

Наконец, при оценке эффективности экономики надо принимать во внимание исторические условия. Советская экономика, родившаяся в чудовищно трудных условиях, блестяще доказала свои преимущества перед западной в период подготовки к войне с Германией, в период войны и в последующий восстановительный период. В течение многих десятилетий "холодной войны" Советского Союза с превосходящим по силам противником она выдерживала тяжелые испытания. Думаю, что она выдержала бы до конца, если бы советские руководители не встали на путь предательства и капитуляции.

Идеологи коммунизма, не имевшие ни малейшего представления о том, каким будет реальный коммунизм, были искренне убеждены в том, что коммунизм обладает неограниченными способностями к прогрессу и быстро превзойдет капитализм в сфере экономики. С первых же дней существования Советского Союза был выдвинут лозунг "Догнать и перегнать передовые капиталистические страны в сфере экономики". В сталинские годы этот лозунг казался реальным. Тогда все начинали с нуля, и в процентном выражении успехи страны производили ошеломляющее впечатление. А "железный занавес" позволял создавать такое впечатление о ситуации на Западе, что массы советских людей невольно поверили в пропагандистские лозунги. Кризис конца двадцатых и начала тридцатых годов на Западе добавил свою долю в укрепление этих иллюзий.

В послевоенные годы наступило отрезвление. После хрущевских экспериментов советское руководство фактически отказалось от идеи "догнать и перегнать". Это, однако, не избавило от необходимости считаться с Западом. Это ставило Советский Союз в невыгодное положение и вынуждало на действия, чуждые природе коммунизма. Требовалось также улучшать жизненные условия населения. А Запад породил в этом отношении колоссальные соблазны, заражая ими советских людей.

Но как бы то ни было, советское руководство нашло естественный выход из положения. Оно создало свой мировой экономический регион, отношения внутри которого базировались не на принципах западной экономики, а скорее на принципах взаимных услуг. В самом Советском Союзе отрасли науки, техники и экономики, имевшие особо важное значение, выделились из общей среды и получили привилегированное положение. Это позволило Советскому Союзу во многих отношениях быть на уровне мировых стандартов и даже кое в чем превосходить их. Во всяком случае, Советский Союз стал второй сверхдержавой планеты. Одно это отвергает утверждение, будто коммунистическая экономика оказалась несостоятельной. Она оказалась неконкурентоспособной в западном смысле, но она вполне справлялась со своими обязанностями в отношении своей страны.

Теперь принято считать, будто коммунистическая система власти оказалась неспособной управлять экономикой. Я отвергаю это мнение как совершенно необоснованное и идеологически тенденциозное. Если принять во внимание всю совокупность факторов, так

или иначе сыгравших роль в крахе советского коммунизма, то с гораздо большими основаниями можно утверждать противоположное.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КОММУНИЗМА

Как в идеях коммунизма, так и в реальном коммунизме не было предусмотрено и заложено то направление эволюции материальной культуры, какое определилось во второй половине нашего столетия. Идеалы коммунизма базировались на современных им достижениях материальной культуры. Воображение Ленина не пошло дальше электричества. Ему принадлежит формула: "Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны". Фантазии коммунистов не шли дальше идеалов освобождения людей от тяжелых форм труда, ликвидации противоположности умственного и физического труда и уравнивания мужчин и женщин с точки зрения их трудовой деятельности. Прогресс мыслился в основном за счет разумной организации общественной жизни, ликвидации социального и снижения материального неравенства, за счет коммунистического воспитания людей, в результате которого должен возникнуть новый тип человека.

Реальный советский коммунизм начал свою историю с необходимости индустриализации страны, без которой было невозможно поднять жизненный уровень населения до мало-мальски сносного и обеспечить обороноспособность страны от внешних нападений. А угроза таких нападений висела над страной с первых дней существования коммунизма. После ряда неудачных попыток она реализовалась в величайшей в истории человечества войне - в войне с Германией 1941 - 1945 годов.

После победы в войне с Германией угроза со стороны Запада не ослабла, а усилилась. Сразу началась "холодная война", длившаяся почти полвека. Советский Союз вынужден был соревноваться с Западом в сфере материальной культуры не в силу имманентно присущих коммунизму потребностей и стимулов (таковых в природе коммунизма вообще нет или они незначительны), а в силу упомянутых внешних обстоятельств. Благодаря коммунистической социальной организации Советский Союз добился колоссальных успехов, во многом опередив Запад. Но силы были слишком неравными, и Советский Союз уступил лидерство Западу.

Свой собственный, отличный от западного путь развития материальной культуры советский коммунизм не успел выработать. Тенденции к этому были (например, более грубые и упрощенные формы технологии). Но они вряд ли могли иметь успех. Триумфальный прогресс западной материальной культуры овладел всем человечеством, и шансы Советского Союза составить ему конкуренцию к концу "холодной войны" стали минимальными.

Но было бы ошибочно вообще игнорировать историческую роль коммунизма, которую он мог бы сыграть в жизни человечества, если бы Советский Союз уцелел и сохранил свой статус второй сверхдержавы планеты. В отношении материальной культуры я вижу эту роль в сдерживании безудержного западного прогресса, далеко переступившего допустимую меру и превращающегося в свою противоположность.

МЕНТАЛИТЕТНАЯ СФЕРА КОММУНИЗМА

Менталитетная сфера Советского Союза, конечно, уступала таковой западного мира, у которого позади столетия выдающихся достижений цивилизации, но в сравнении с дореволюционным состоянием России прогресс ее был ошеломляющим. В основном это было детище коммунизма. То лучшее, что досталось от прошлой истории, было сохранено и приспособлено для интересов нового социального строя. Я не собираюсь описывать конкретные достижения на этот счет. Остановлюсь лишь на их социальном аспекте.

Менталитетная сфера отчетливо дифференцировалась на множество частичных сфер. Основные из них - наука, воспитание и образование молодежи, литература, музыка, изобразительное искусство, театр, кино, телевидение. И само собой разумеется - идеологическая сфера. Каждая из них представляла собою единое целое, управляемое системой особых учреждений системы власти и управления. Они объединялись в тех или иных комбинациях в более сложные сферы и в конце концов в единую менталитетную сферу, обеспечивающую потребности советского человека в плане формирования менталитета людей и снабжения их "духовной пищей". Главенствующая роль в объединении их в единое целое и в управлении их деятельностью играла идеологическая сфера. Все прочие сферы в той или иной мере и форме выполняли идеологические функции. Через них идеологическая сфера запускала свои щупальца во все места человека вплоть до сознания каждого члена человека. Она составляла часть партийной сферы, а управляющая ею система учреждений и лиц составляла часть партийного аппарата. В этом смысле она была не просто идеологической, а сверхидеологической сферой советского человека.

ИДЕОСФЕРА КОММУНИЗМА

С самого начала возникновения на исторической арене коммунисты рассчитывали на некие добрые природные качества в людях. И даже марксисты, объявившие материальное производство базисом общества, рассчитывали на высокий уровень сознания и нравственности людей при коммунизме, считали это непременным условием реализации принципа "по потребности" и установления идеальных отношений между людьми. После революции 1917 года в России проблема воспитания нового человека, необходимого для реального коммунизма, и воспроизводства такого человеческого материала в массовых масштабах встала перед творцами нового общества как проблема первостепенной важности. Они в беспрецедентных масштабах развернули работу по воспитанию, образованию, просвещению и идеологической обработке широких слоев населения всех возрастов и сословий, и молодых поколений - в первую очередь. Для руководства этим грандиозным процессом и для его организации с поразительной быстротой сложилась единая государственная идеология и единый механизм идеологической обработки населения.

ИДЕОЛОГИЯ

Советская идеология сложилась как идеология в принципе всего советского народа, лишь формально кажущаяся идеологией партии. Это не значит, что весь народ жаждал иметь такую идеологию и сам вырабатывал ее. С этой точки зрения большинство членов партии так же мало хотели иметь такую идеологию и так же мало участвовали в ее создании. Это

значит, что она есть результат коллективных усилий, продукт массового творчества, навязываемый каждому по отдельности как нечто внешнее ему и даже чуждое. Она есть идеология для всего советского народа, а не для каких-то его избранных представителей и отдельных его групп. Ведь и религиозное учение не есть лишь учение для церковной организации, для попов и теологов. Через них религиозное учение навязывается всему населению страны без разбора. Точно так же обстоит дело и с идеологией.

Советская идеология была государственной, обязательной для всех советских граждан. Отступления от нее и тем более борьба против нее считались преступлением.

Официально считалось, что советская идеология была марксизмом-ленинизмом. Это верно в том смысле, что марксизм и ленинизм послужили основой и исторически исходным материалом для нее, а также образцом для подражания. Но неверно сводить ее к марксизму-ленинизму. Она сложилась после революции 1917 года. В разработке ее приняли участие тысячи советских людей, включая Сталина и его соратников. В нее вошла лишь часть идей и текстов марксизма XIX века, причем в основательно переработанном виде. Даже из сочинений и идей Ленина в нее вошло не все буквально в том виде, как оно возникло в свое время. Ленинизм вообще вошел в нее в значительной мере в сталинском изложении. Отражение жизни человечества и интеллектуального материала XX века заняло основное место в советской идеологии. Естественно, она складывалась как отражение и осмысление опыта реального коммунизма в Советском Союзе и других странах планеты, как феномен общества коммунистического. История не дала ей достаточно времени стать полностью адекватной своей роли в этом обществе, но в тенденции она стремилась к этому.

Советская государственная идеология имела сложную структуру. В ней было устойчивое ядро. Только чрезвычайные обстоятельства могли позволить изменить его границы и что-то в его содержании. Например, для исключения из ядра идеологии формулы диктатуры пролетариата в применении к послевоенному советскому обществу и замены ее формулой общенародного государства потребовались десятки лет, в течение которых непригодность формулы диктатуры пролетариата в новых условиях стала очевидной для всех.

Ядро идеологии было погружено в идеологическую среду, которую можно назвать актуальной идеологией. Границы последней не столь определены, как граница ядра, и содержание ее более подвержено изменениям. Актуальная идеология, в свою очередь, погружена в более обширную идеологическую сферу, которую можно назвать потенциальной идеологией. Границы ее еще менее определены, чем границы актуальной идеологии, а содержание еще более изменчиво. Эти три сферы идеологии можно проиллюстрировать таким примером. В ядре идеологии есть принцип познаваемости мира и объективности истины. Он не подлежит сомнению. В актуальной идеологии он обрастает комментариями и пояснениями, сложившимися под влиянием науки XX века, некоторыми сведениями из логики, психологии и других наук.

В потенциальной же сфере допускается говорить о принципиально неразрешимых проблемах.

Сочинения Маркса, Энгельса и их последователей, признаваемых в советской идеологии, входили в потенциальную идеологию целиком и полностью. Но далеко не все из них входило в актуальную часть. То, что было включено в актуальную часть и переработано в ней, функционировало уже само по себе, без содержательной связи с контекстом исторического марксизма. Ссылки на Маркса и Энгельса делались, но они носили уже сугубо формальный и даже ритуальный характер. В большинстве случаев они имели целью поднять престиж изрекаемых банальностей. Сочинения классического марксизма лежали на складах потенциальной идеологии. Их использовали лишь специалисты. Но даже многое из того, что из марксизма вошло в актуальную идеологию и в ее ядро, уже не могло на все сто процентов удовлетворить советскую идеологию.

Идеология имеет два аспекта - мировоззренческий (учение о мире, о человеке, об обществе, о познании и т.д.) и практический (правила идеологического мышления и поведения). Практическая идеология есть совокупность некоторых образцов понимания явлений действительности, отобранных для тренировок людей в способе понимания, для натаскивания на некоторый стандартный способ понимания. В результате прохождения этого курса упражнений все люди в случае надобности понять новые (для них) явления действительности поступают сходным образом, у них вырабатывается сходная интеллектуальная реакция на окружение. Поэтому советские люди не сговариваясь и без подсказки со стороны высшего начальства одинаково реагировали на события, происходившие в стране и за границей, на научные открытия, на явления культуры и даже на явления природы. Идеология не просто формирует и организует сознание людей, она создает специальный коллективный интеллект и интеллектуальные стереотипы мышления. Об этом мы много говорили выше.

Практическая идеология создает совокупность правил и навыков поведения людей в социально важных ситуациях. Зная ее, можно заранее предсказать, как будет себя вести средненормальный идеологически обработанный гражданин коммунистической страны в ситуациях такого рода. Это суть априорные правила в отношении конкретных индивидов в конкретных ситуациях, своего рода алгоритмы мышления и поведения.

Особо важное значение практическая идеология имела для деятельности руководящих (управляющих) органов коммунистической страны, ибо она содержала целый ряд инструкций для их поведения. В сталинские годы идеология имела явно нормативный характер. В послесталинские годы эта роль идеологии внешне вроде бы ослабла. Но по сути дела, она лишь изменила форму и ушла вглубь. Идеология ставила перед руководителями страны общую цель, которая, независимо от ее достижимости или недостижимости, играла организующую роль и определяла направление стратегической деятельности руководства. Идеология давала общую ориентацию жизни коммунистического человека и устанавливала рамки и принципы деятельности его власти. Она являлась основой и стержнем всей системы установок. Не случайно поэтому отказ от нее после 1985 года поверг советскую власть и советское население в состояние растерянности.

Несмотря на значительные перемены в советской идеологии после Второй мировой войны, ее ядро все-таки составляли идеи, извлеченные из марксизма. Исторически марксизм возник с претензией на то, чтобы быть наукой. Эту претензию он сохранил и в качестве основы советской идеологии. Он оказался удобным в качестве идеологии побеждающих коммунистических режимов вовсе не потому, что он научен. Если бы он был наукой, он успеха иметь не мог бы. Для изучения науки, как известно, нужно специальное образование. Нужны годы и годы. Марксизм оказался удобным именно потому, что породил огромный поток идеологических текстов, обещаний и лозунгов, похожих на науку, но не требующих никакой научной подготовки. А "Капитал" Маркса стал своего рода библией идеологии главным образом потому, что его мало кто читал и еще меньшее число людей понимало. В России марксизм имел успех в значительной мере потому, что был западным явлением. Хотя в России своих доморощенных мудрецов было более чем достаточно, они не имели никаких шансов стать пророками в своем отечестве.

Марксистская философия не стала наукой о мире, о познании мира и о мышлении по причинам как идеологического, так и внеидеологического характера. Однако это несколько не умаляет ту роль, какую она фактически сыграла в советском обществе. Она возглавила колоссальную просветительскую работу, какую до того не знала история. Через нее и благодаря ей достижения науки прошлого и настоящего стали достоянием широких слоев населения. В антисоветской критике обратили внимание на отдельные случаи, когда советская философия играла консервативную роль (отношение к теории относительности,

генетике, кибернетике и др.), и раздули эти случаи так, что они заслонили собою все остальное. Но они на самом деле затронули незначительную часть прозападно настроенной интеллигенции, которая мало что понимала в этом.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ

Идеи, овладевая массами, становятся материальной силой, гласит одно из положений марксизма-ленинизма. Но что это означает на самом деле? Означает ли это, что достаточно людей ознакомить с некоторыми идеями и они, поняв их справедливость, начинают поступать так, как это предписывается познанными ими идеями? Идеи овладевают массами лишь при том условии, если какая-то категория людей сумеет овладеть массами, используя для этой цели идеи, отражающие интересы масс и служащие для удовлетворения их практических потребностей. Проблема состоит в том, чтобы овладеть массами, используя идеи лишь как лозунг, знамя, организующую форму. Советское общество создало для этого грандиозный идеологический механизм овладения массами. Главным в идеологии коммунистического общества является не идеологическое учение, а идеологический механизм.

Идеологический механизм в широком смысле есть вся совокупность компонентов организации идеологической жизни общества. Он огромен. Вот в качестве примера лишь некоторые его элементы. Второй человек в системе власти курировал всю идеологическую жизнь специально. В ЦК КПСС был специальный секретарь по идеологии. Вопросами идеологии занимается несколько отделов - пропаганды, науки, культуры. На всех ступенях системы партийной власти имеется то же самое, что и на высшем уровне. То же самое в первичных партийных организациях. Аналогичную картину мы имеем в ВЛКСМ (в союзе молодежи). В армии - политическое управление, политические отделы, заместители командиров по политической части. Идеологические отделы в КГБ. Специальные идеологические учреждения вроде институтов в академиях наук (философии, экономики, истории), Академия общественных наук при ЦК КПСС, партийные и комсомольские школы. Идеологические отделы во многих учреждениях и органах власти, управления, образования. Идеологические факультеты и кафедры в учебных заведениях. Пресса, кино, телевидение, литература, искусство, спорт - и везде имеются идеологические работники, отделы, учреждения.

Идеологический механизм советского общества в основных чертах сложился еще в довоенные годы. Но зрелого состояния он достиг в послевоенные годы, в особенности - после смерти Сталина. В его задачу входило, во-первых, сохранение идеологического учения в том виде, в каком оно было канонизировано в то время. Охранять его от ересей, расколов, ревизий, чуждых влияний. Содержать учение в состоянии актуальности. Принимались важные партийные и государственные решения. Вожди произносили длинные речи. В мире происходили важные события. Так что идеологам постоянно приходилось "подновлять" учение хотя бы свежими примерами к старым догмам. Осуществлять истолкование всего происходящего в мире в духе идеологического учения. Во-вторых, осуществлять идеологический контроль за всей "духовной" сферой жизни общества. В-третьих, осуществлять идеологическую обработку населения, создавать в обществе требуемое идеологическое состояние, пресекать всякие отклонения от идеологических норм.

Идеологическая обработка людей есть основа и сущность процесса формирования человека коммунистического общества. Она охватывала все слои советского общества и все

сферы и все периоды жизни людей, включала в себя идеологическое образование, идеологическое воспитание и вовлечение в идеологическую деятельность.

Идеологическое образование есть ознакомление людей с идеологическим учением и развитие навыков идеологического мышления о явлениях, с которыми так или иначе приходится сталкиваться людям, а также ознакомление людей с событиями в стране и в мире, с достижениями науки и техники, истолкованными в духе идеологии. Идеологически образованный человек не становится глупее аналогичного ему во всех прочих отношениях человека. Скорее наоборот, как показывает опыт. Одна из причин сравнительно низкого интеллектуального уровня сочинений, критикующих советское общество и разоблачающих его язвы, заключается именно в плохом идеологическом образовании или в полном идеологическом невежестве их авторов.

Идеологическое образование играло важную роль в профессиональной подготовке работников системы власти и управления, особенно - партийного аппарата. Через идеологию они получали какую-то более или менее правильную и даже научную информацию о человеке, человеческом обществе, о своем обществе и об окружающем мире и т.д., короче говоря - узнавали о том, что играло какую-то роль в их деятельности как правителей общества.

Цель идеологического образования - привить людям определенные представления о себе и своем природном и общественном окружении. В результате прохождения этого курса все люди в случае надобности понимать какие-то новые явления действительности поступали сходным образом: у них вырабатывалась сходная интеллектуальная реакция на окружающее. Поэтому советские люди не сговариваясь и без подсказок со стороны начальства более или менее одинаково реагировали на события, происходящие в стране и за границей, на научные открытия, на произведения искусства, даже на явления природы.

Задача идеологического воспитания - привить людям определенные качества, проявляющиеся в их поведении, важном с точки зрения признанных норм поведения в данном обществе. Не следует думать, что идеология стремится привить людям отрицательные качества - эгоизм, карьеризм, двуличие, продажность, ненадежность. Наоборот, стремится привить людям самые что ни на есть лучшие качества. Стремление идеологии прививать людям положительные личные качества (честность, отзывчивость, скромность, правдивость, самоотверженность, ответственность перед коллективом и др.) выражает лишь стремление общества к самосохранению.

Задача идеологического воспитания - воспитывать и поддерживать в людях качества, требующиеся от них как от членов коллектива. Человек коммунистического общества по преимуществу должен быть коллективистом. По этой причине главным объектом идеологического воспитания является не отдельно взятый человек (индивид), а коллектив людей как единое целое. И лишь как следствие воспитания коллектива объектом воспитания становятся его члены, т.е. отдельные индивиды. Идеологическое воспитание есть воспитание человека как члена коллектива. Воспитать коллектив - значит натренировать его жить и функционировать как единое целое в соответствии с требованиями, которые общество предъявляет к социально здоровому коллективу. А это - функционирование партийных, профсоюзных и комсомольских органов, деловых групп, администрации и всех прочих элементов целого. Коллектив должен быть способен своими силами обеспечить правильное исполнение этих функций.

Третий аспект идеологической обработки населения - вовлечение людей в идеологические действия. Задача этого вовлечения - сделать всех граждан общества соучастниками и даже сообщниками мероприятий, затеваемых на высшем уровне, возложить на всех людей ответственность за совершаемое и прививать людям сознание ответственности за судьбы общества в целом. Это выражается в том, что все социально

активное население страны принимает участие в бесчисленных общественных мероприятиях - собраниях, демонстрациях, выборных кампаниях, общественной работе. Регулярно проводятся идеологические кампании, охватывающие целые районы, области, республики и даже всю страну. Эти кампании приурочиваются к каким-то важным датам, постановлениям высших властей и из ряда вон выходящим событиям. От человека коммунистического общества требуется не покорность и послушание, а активность, но активность, желательная для власти.

Результатом идеологической обработки является не некий фанатик идеологического учения наподобие религиозных фанатиков, а просто человек с определенным типом интеллекта ("поворота мозгов"), приспособленный жить в условиях коммунизма.

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ПУТЬ К СВЕРХЧЕЛОВЕКУ

В эпоху Возрождения зародились две тенденции в эволюции человеческого материала. Одна из них исходила из благих намерений воспитать идеального человека на основе идей гуманизма, морали и просветительства, выработанных лучшими представителями рода человеческого. Принимались меры к воплощению этих идеалов человека в жизнь. И многое было достигнуто на этом пути. Самая грандиозная попытка воспитать образцового, высоконравственного и всесторонне развитого человека в массовых масштабах была предпринята в коммунистических странах, прежде всего - в Советском Союзе. Она имела частичный и кратковременный успех, поскольку массы людей поднимались из состояния нищеты, необразованности и мракобесия на уровень сравнительного благополучия, образования и культуры, а также поскольку все силы общества были брошены на обработку людей в духе светлых идеалов. Но исторические обстоятельства и природа людей оказались сильнее, и великий эксперимент по воспитанию нового коммунистического человека потерпел крах.

Как я уже писал, советская идеология не стремилась прививать людям отрицательные качества - эгоизм, карьеризм, двуличность, ненадежность, продажность, подхалимство, лень, склонность к халтуре и обману и т.п., эти качества как раз порицались, сдерживались и ограничивались. Поощрялись самые лучшие качества - честность, отзывчивость, скромность, правдивость, трудолюбие, самоотверженность, преданность родине, стремление к образованию, к овладению культурой, к развитию способностей, к достойному поведению в коллективе и т.д. То же самое делалось для воспитания идеальных отношений между людьми и народами - дружбы, взаимного уважения, взаимопомощи, братства, равенства и т.п. И это не было лицемерие. Органы власти, деловые коллективы, школа, общественные организации и идеологические учреждения прилагали титанические усилия к тому, чтобы сделать людей и целые народы именно такими, сделать их своего рода коммунистическими ангелами. Если бы это не делалось, то жизнь в стране превратилась бы в кошмар. Советский Союз не выжил бы в труднейших условиях и десятки лет, не победил бы в войне 1941 - 1945 годов Германию, не стал бы второй сверхдержавой планеты.

В Советском Союзе была предпринята попытка превратить все то, что было связано с трудовым процессом и жизнью первичных деловых коллективов, в главные жизненные ценности. До некоторой степени это удалось. Миллионы людей были захвачены трудовым энтузиазмом и романтикой труда. Западному обществу такое отношение к труду не свойственно. Тут работают, причем много лучше, чем в коммунистическом обществе. Но сам процесс труда и совместная деятельность людей тут не являются ценностью, как

таковой, и в массовых масштабах. Они являются ценностью лишь в порядке исключения, да и то где-то на заднем плане. Тут работа рассматривается прежде всего и главным образом как дело и как техническая организация дела. Они оцениваются исключительно с той точки зрения, с какой они дают жизненные блага. Но сами по себе они не рассматриваются как блага. Они не есть самоцель и ценность независимо от приносимых ими благ.

Попытка навязать всему обществу коллективный труд как высшую жизненную ценность имела некоторый успех, пока страна была бедной, общий жизненный уровень был низкий, материальные контрасты были сравнительно слабыми, а новые условия труда для многих были благом сравнительно с прошлым. По мере повышения жизненного уровня, роста образованности и культуры и более резкого расслоения общества стала формироваться новая система ценностей, оттеснившая ценности труда и коллективной жизни на задний план. Плюс к тому многие люди часто видели, что гораздо большего жизненного успеха добиваются не за счет героического труда и бескорыстного служения обществу, а за счет иных качеств - подхалимства, карьеризма, обмана, демагогии, жульничества, очковтирательства и прочих морально порицавшихся феноменов поведения. Была фальсифицирована сама система оценки качеств работников и вознаграждения лучших, так что лучшие отбирались с учетом качеств, мало общего имевших с реальными трудовыми и коллективистскими качествами людей. В результате верх взяла система ценностей, разрушавшая официально навязываемую, но исключая возможность ее открытого признания, - система ценностей, официально осуждавшаяся как аморальная и преступная.

Различие западнистского и коммунистического путей в отношении формирования сверхчеловека особенно отчетливо видно на примере критериев оценки отдельно взятого человека. Хотя марксизм выдвинул идею, согласно которой человек есть совокупность общественных отношений, для коммунистического общества он сделал исключение. В этом обществе, по идее марксизма, человек будет иметь ценность сам по себе, будет оцениваться по его личным достоинствам. В проблеме "Иметь или быть?" марксизм отдал предпочтение "Быть". Но намерение реализовать эту установку в реальном коммунизме потерпело неудачу.

Упомянутая установка потерпела неудачу потому, что не соответствовала объективному социальному закону в оценке социальной значимости (важности) личности. Согласно этому закону член человеческого общества оценивается как личность того или иного масштаба (ценности, важности) не биологическими, а социальными критериями, а именно - тем, какими социально значимыми способностями обладает человек, какое положение занимает в человеческом обществе, чем владеет, какими материальными ресурсами и каким множеством людей распоряжается, на какое множество людей оказывает влияние, насколько известен, какова репутация, каковы социальные связи и перспективы. Все природные способности людей суть лишь средства достижения этого. Способности, которые не приносят человеку этого, не имеют социальной значимости. Их все равно что нет. И что бы ни говорили всякие морализаторы, будто человек ценен сам по себе, это было, есть и будет утешением для безвластных, бедных и безвестных. Когда говорят, что тот или иной человек есть безликое существо, это означает, что он имеет самую низкую оценку как личность. Значительные личности имеют высокую оценку в качестве личностей, хотя они могут быть полными ничтожествами как индивиды сами по себе. Примеры такого рода можно в изобилии видеть среди правителей, богачей и знаменитостей.

Стремление иметь соответствует социальным законам. Бывают, конечно, исключения, но они суть отклонения от нормы. Стремление быть приносит социальный успех лишь как средство для удовлетворения стремления иметь.

Советская идеология исходила из предпосылки, будто человек есть "совокупность общественных отношений" и будто из любого человека любого народа можно воспитать

"коммунистического ангела". Этот эксперимент удался лишь отчасти и лишь на короткий срок. Природные качества людей и целых народов и те качества, которые вырабатывались у них в опыте практической жизни и под влиянием всякого рода негативных воздействий, оказались сильнее прививаемых искусственно советской идеологией. Западная идеология и пропаганда и заразные примеры западного образа жизни нашли в Советском Союзе благоприятную почву. Началось стремительное идейное, моральное и психологическое разложение советского человеческого материала. Великий исторический эксперимент по изготовлению идеального человеческого материала закончился с негативным результатом.

Реальные советские люди в массе своей воспринимали "высшие ценности" коммунизма не как самоцель, а лишь как путь к ценностям "низшим", как средство достижения материального благополучия, карьеры и привилегий. По мере того как повышался жизненный уровень населения, расширялись слои благополучных, росло число богатых и привилегированных и увеличивались их богатства, жители коммунистических стран все больше отдавали предпочтение "низшим" ценностям перед "высшими". Они стали видеть реализацию коммунистического идеала на Западе, представляя Запад в том виде, как его изображала западная антикоммунистическая пропаганда.

Одной из черт рассматриваемой тенденции в отношении отдельно взятых людей было стремление сделать каждого человека всесторонне образованным и всесторонне развитым. Для этого делалось очень много. Широта и многосторонность советской системы образования и поощрение природных способностей детей были признаны во всем мире. Вместе с тем советское воспитание и образование было избыточным, практически нецелесообразным, излишне широким и в конце концов практически ненужным. В людях развивались претензии и самомнение, не соответствовавшие их природным данным и условиям их жизни. В посткоммунистический период широкая образованность советских людей буквально испарилась бесследно.

Особенность Советского Союза (и России) заключалась в том, что он состоял из большого числа различных народов и этнических групп. Так что тут с самого начала встала задача, выходящая за рамки общества, а именно - задача создания новой, наднациональной общности людей, т.е. сверхнарода. Задача эта была осознана. Но решение ее удалось лишь отчасти и на короткое время. В целом же решить ее так, чтобы новая общность стала исторически устойчивым объединением людей, не удалось. После формальной ликвидации Советского Союза в 1991 году эта общность быстро распалась на множество народов и этнических групп.

Эта неудача не случайна. Создать единый народ тут было невозможно в силу геополитических условий, размеров страны и численности населения, этнических различий, различий в характерах народов и недостатка исторического времени. А для образования сверхнарода требовалось "вертикальное" структурирование населения, т.е. требовался народ-гегемон, какого в Советском Союзе не оказалось. Основной народ (русские) на эту роль не успел подняться. К тому же он исторически привык выживать за счет приспособления к условиям жизни на низшем социальном уровне, а политика власти и идеология сознательно препятствовали возвышению русских. Тут действовала установка на уравнивание различных народов и этнических групп, на некое братство, причем большей частью - за счет русских.

Стремление сделать каждый народ страны всесторонне развитым, так что даже малые и отсталые народы приобрели быстро все те атрибуты, которыми обладали народы большие (академии наук, университеты, консерватории, учреждения власти и т.д.), принимало карикатурные формы, гипертрофически развивало самомнение этих народов, не соответствовавшее их реальным данным. Рассматриваемая установка практически оказалась нежизненной, как и общая установка на воспитание идеальных людей. Так что

уже на уровне человеческого материала советский коммунизм имел мало шансов выиграть битву с Западом за мировую гегемонию.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЖИЗНЕННЫХ БЛАГ

В коммунистической идеологии считается, будто в коммунистическом обществе на первой стадии действует принцип "От каждого по способности - каждому по труду", а на высшей стадии - принцип "От каждого по способности - каждому по потребности". Первая часть этих принципов якобы регулирует то, как члены общества отдают свои силы обществу, а вторая регулирует распределение жизненных благ. Эти принципы допускают различную интерпретацию. И при любой интерпретации они на самом деле не являются специфическими закономерностями реального коммунизма.

Рассмотрим первую часть этих принципов. Выражение "по способности" можно истолковать в житейском вульгарном смысле, будто каждый будет развивать все заложенные в нем способности, проявлять их и использовать. Ясно, что в таком смысле этот признак никогда не будет осуществлен хотя бы по следующим причинам. Не любые способности индивида приемлемы для окружающих индивидов и для общества в целом. Не любые способности представляют интерес. У индивида просто не хватит сил и времени развивать все его потенциальные способности. Индивид может вообще не догадываться о том, на что он способен.

Но это выражение можно истолковать и иначе, например так: 1) общество устанавливает, что считать способностями данного индивида в его данной социальной позиции; 2) в среднем и в тенденции индивиды, допущенные обществом к исполнению данных функций, исполняют их в меру своих средненеобходимых способностей. Этот принцип касается не потенциальных, а актуальных (реализующихся) способностей людей. Если подходить к проблеме способностей с массовой точки зрения, то потенциальные способности массы людей в данных условиях реализуются в их актуальных способностях - последние суть показатель первых. Для отдельных людей тут может иметь место несовпадение. Однако и в отношении отдельных людей совершенно бездоказательны утверждения о их якобы загубленных талантах. О загубленных талантах есть смысл говорить лишь тогда, когда человек обнаружил свой талант заметным для окружающих образом и затем как-то потерял возможность его развивать далее и использовать (Мусоргский, Лермонтов, Есенин, Маяковский). Но это - исключения из общего правила. Обычно подавляющее большинство людей среднеспособно или среднебездарно. В таком практически трезвом понимании этот принцип реализуется во всяком большом и сложном обществе, а не является особенностью коммунизма.

Конечно, от способностей зависит то, какое место в обществе занимают отдельные люди. Но этот фактор - не единственный, влияющий на судьбу этих людей. А когда речь идет о десятках и сотнях миллионов непосредственных людей в сложном обществе с разнообразными профессиями, социальными позициями, должностями, способами добывания средств существования и т.д., распределение людей по ячейкам общества, по должностям, по профессиям и прочим "точкам" приложения их сил осуществляется совсем по другим принципам. Природные же способности используются лишь как одно из средств занять наилучшее положение в жизни и получить для себя как можно больше различных благ.

Обратимся ко второй части рассматриваемых принципов. Допустим, вы решили педантично следовать принципу "Каждому - по труду" при вознаграждении работников за

их деятельность. Если люди заняты одинаковой деятельностью, еще можно сравнивать их труд по их результатам. Но как быть, если люди заняты разнородной деятельностью и сравнивать их труд по результатам деятельности оказывается невозможным? Как сравнить труд начальника и подчиненного? Имеется единственный общественно-значимый критерий сравнения труда в таких случаях: это - фактические социальные позиции людей. Средненормальное осуществление деловых функций человеком в данной его социальной позиции соответствует его труду, отдаваемому обществу. Практически принцип "Каждому - по труду" реализуется как принцип "Каждому - по его социальному положению". И реальные люди в реальном коммунистическом обществе прекрасно это понимают на своем опыте. Следствием действия этого принципа является борьба людей за улучшение своей социальной позиции.

Распределение жизненных благ есть то, с чего граждане начинают познавать сущность своего общества. Неравенство в распределении прежде всего прочего порождает социальные эмоции. Люди, как правило, стремятся устроиться в жизни так, чтобы иметь как можно больше жизненных благ, тратя на это как можно меньше сил и избегая риска. Поднятие производительности труда, на которое рассчитывали идеологи коммунизма, оказалось одной из самых трудных проблем для этого общества в значительной мере из-за такого отношения к труду. Поэтому коммунизм вынужден прибегать к мерам внешнего принуждения и контроля, а также к созданию таких условий деятельности, в которых люди вынуждаются как-то исполнять свои обязанности под угрозой наказания и потери достигнутого.

Выражение "по потребности" тоже допускает различные интерпретации, по крайней мере такие: 1) будет достигнуто изобилие жизненных благ; 2) любые потребности людей будут удовлетворены; 3) общество будет решать, что считать потребностью человека. Очевидно, что во втором смысле принцип "по потребности" никогда реализован не будет. Изобилие же - понятие относительное, исторически определенное. Тот жизненный уровень, который в прошлые века мыслился как изобилие, в Советском Союзе мы имели для огромного числа людей. Число людей, живших у нас по потребности в этом "скромном" смысле, было больше, чем все население России до революции. Тем не менее это не устранило неравенство, недовольство своим положением, зависть, жажду иметь больше. Я вообще считаю, что рост благосостояния населения стал одной из причин краха нашего русского коммунизма. Он усилил расслоение общества и материальное неравенство. Жажда иметь росла быстрее и сильнее, чем возможность ее удовлетворять. На этой основе возникло другое, чисто обывательское истолкование принципа "по потребности" - как удовлетворение желаний современных людей. А желания эти возросли настолько, что даже официальная идеология Советского Союза отодвинула исполнение этого принципа в неопределенное будущее. Советские люди уже представляли себе изобилие коммунизма по крайней мере в виде высокого жизненного уровня некоторых западных стран. Основатели учения марксистского коммунизма вряд ли подозревали о холодильниках и телевизорах как предметах первой необходимости, вряд ли думали, что автомобиль станет заурядным средством транспорта. Но советский обыватель уже не мыслил себе коммунизма без многокомнатной квартиры со всеми удобствами, без телевизора и холодильника, без личного автомобиля и без дачи.

Официальная идеология Советского Союза почувствовала опасность, которая кроется в таком истолковании весьма неосторожного заявления классиков марксизма, и стала говорить о разумных потребностях, контролируемых и регулируемых обществом. А это была лишь замаскированная форма выражения фактического положения вещей, а именно - того факта, что потребности человека в коммунистическом обществе определены возможностями их удовлетворения. Советская идеология невольно стала склоняться к

третьему, к социологическому пониманию потребностей: не всякое желание человека есть потребность, а лишь такое, которое общество признает в качестве потребности этого человека. А это значит, что предполагается некоторый общезначимый уровень удовлетворения нужд человека на данном уровне его социальной иерархии, т.е. некоторая норма потребления. Иметь по потребности - значит иметь в рамках этой нормы, а иметь не по потребности - значит превышать или не достигать нормы. Реализация принципа "по потребности" не устраняет на деле экономического и тем более социального неравенства людей.

Большинство советских людей жило, как говорится, "от полочки до полочки", имея незначительные накопления или не имея их совсем. Но некоторая часть населения накапливала значительные богатства и передавала их по наследству. Это - представители высших слоев, а также лица, имевшие возможность безнаказанно грабить государственную собственность, спекулянты, деятели теневой экономики, члены уголовных мафий и т.д. К концу брежневского периода произошло сращивание этого криминального слоя с правящими слоями.

Накопленные материальные богатства являются при коммунизме личной собственностью. Они проживаются (тратятся), передаются по наследству, используются для карьеры и устройства детей. Но они не используются как средство приобретения новых богатств, т.е. как капитал. Это делается в порядке исключения и нелегально.

Главными источниками жизненного успеха при коммунизме является образование, квалификация, личные способности, личные связи (протекция) и карьеристская ловкость. Со временем все большую роль стало играть социальное положение родителей. Основное богатство человека коммунистического общества - его положение на лестнице социальной иерархии, его социальное положение, занимаемая им должность (пост). Вокруг этого основного богатства крутятся самые сильные интересы и страсти. Деньги, конечно, играют роль, но иную и иначе, чем в обществе капиталистическом. Имея хороший пост - имеешь и деньги, а многое имеешь и без денег, используя возможности, какие предоставляет пост. Деньги, приобретенные без поста, суть либо продукт преступления, либо исключение.

Преимущество коммунистического богатства перед прочими формами состоит в том, что его не захватят грабители, не украдут. С ним не потерпишь банкротство и не разоришься. В большинстве случаев оно гарантировано. Оно автоматически растет с каждым шагом карьеры. Вся основная борьба за богатство здесь происходит в сфере делания карьеры, причем по правилам карьеры, т.е. по правилам коммунальности, которые люди постигают чуть ли не с пеленок и которые легко усваиваются и даже открываются вновь даже самыми безнадежными тупицами. Неизбежным следствием этого является низкая (сравнительно с Западом) деловая активность и тенденция к экономическому застою.

В коммунистическом обществе распределение жизненных благ оторвано от их производства, лишь в незначительной степени зависит от последнего. Причем в социальном отношении распределение доминирует над производством, так что это общество можно назвать распределительским. Государству приходится прилагать огромные усилия, чтобы поддерживать и развивать производство. Коммунистическое неравенство создается в силу принципов распределения, порожаемых законами коммунальности.

В коммунистическом человеке распределение жизненных благ есть функция системы власти и управления. В идеале тут все работоспособные должны иметь в качестве источника существования заработную плату, и только. Прочие должны жить за счет работающих членов семьи или на пенсию. Хотя различия в уровне тут огромные, коммунизм создавал более равномерное распределение благ, чем в обществах западного типа. Здесь ограничивались высшие уровни и повышались низшие. Тяготы распределялись на всех. Конечно, не в одинаковой мере, но все же резкие контрасты сдерживались. Нищета

в строгом смысле слова тут ликвидировалась, а чрезмерное обогащение преследовалось как преступление.

Коммунизм оказался способным даже в труднейших условиях Советского Союза обеспечить удовлетворение некоторых минимальных потребностей практически всех граждан в жилье, пище, одежде, образовании, обучении профессии, медицинском обслуживании, отдыхе, развлечениях и безопасности. Люди жили с уверенностью в этом. И это было величайшим достижением в истории человечества.

Что касается изобилия, то по этому поводу следует сказать следующее. Изобилие не есть "по потребности". Изобилие относительно. Что есть изобилие для одних и в одно время, выглядит как бедность для других и в другое время. Изобилие не есть равенство (нечто одинаковое для всех), бывает иерархия изобилии. Идея создать изобилие для всех утопична. Реалистична идея изобилия для избранных, которая всегда осуществлялась для более или менее широкого круга людей. Прогресс человечества в этом отношении заключается в расширении круга избранных и в повышении уровня изобилия. В наше время многие миллионы людей живут лучше, чем в прошлом жили самые богатые и знатные люди, включая вождей и королей. Уровень средних слоев Советского Союза (не говоря уж о странах Запада) показался бы сказочным даже состоятельным людям прошлых веков.

Изобилие не устраняет неравенства в распределении - это объективный социальный закон. Для широких слоев населения психологически важно не то, чтобы все стали богатыми (в это не верит никто). А то, чтобы не было чрезмерно богатых. Исторически были найдены способы решения этой практически неразрешимой проблемы: привилегированные (избранные) слои населения всегда так или иначе отделялись от прочей массы людей, образуя особые замкнутые слои, классы, касты и т.п. Этот процесс начался и зашел достаточно далеко и в советском человеке.

СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ

Официально советское население делилось на классы рабочих и крестьян и межклассовую прослойку - интеллигенцию. В официальных документах выделяли также категорию служащих. Но это все давно упрямое представление о реальной структуре населения. Процесс социального структурирования советского населения еще не успел завершиться в смысле стабильности различных категорий (групп, слоев, классов и т.п.) и их количественных характеристик. Еще росли одни из них и сокращались другие. Еще сильна была вертикальная динамика, т.е. переходы в более высокие слои и опускания вниз. Еще колебались уровни благосостояния. Однако в качественном отношении структура населения определилась достаточно явно.

Население коммунистической страны структурируется по многим линиям, если даже ограничиться лишь социальным аспектом и не принимать во внимание другие (например, национальный, религиозный, территориальный, родственник и т.п.). Я хочу выделить в переплетении этих линий то, что является в них определяющим, и их суммарный эффект.

Определяющим для коммунизма является различие людей не по отношениям собственности, не по сферам занятости, не по профессиям, а по социальному положению в коллективах и в обществе в целом - по социальному статусу. С этой точки зрения можно различить три слоя - высший, средний и низший (конечно, схематично). Грани между ними не абсолютны. Многие люди переходили из одних слоев в другие или занимали промежуточное положение. Внутри каждого множества имели место свои подразделения и иерархия уровней. Тем не менее это разделение ощущалось достаточно отчетливо.

К высшим слоям на районном уровне принадлежат высшие лица аппарата власти, директора наиболее значительных предприятий и учреждений, подконтрольных районным властям, и сравнительно неопределенная категория лиц, так или иначе связанных с руководящими лицами района, входящих лично в районную правящую группу. На более высоком уровне (город, область) в высшие слои входят не все представители высшего слоя района, а лишь основные. На этом более высоком уровне в высшие слои входят высшие лица аппарата власти этого уровня (города, области), начальники наиболее значительных предприятий и учреждений городского или областного значения, а также ряд привилегированных лиц, связанных с областным начальством, имеющих высокий социальный престиж. Высшие слои этого уровня, таким образом, не есть сумма представителей высших слоев районов. Это есть более широкое и вместе с тем более высокого ранга множество привилегированных лиц. Такая иерархия высших слоев образуется вплоть до масштабов всей страны. Высшие слои страны в целом включают в себя часть представителей высших слоев более низких уровней. Но ядро их образует множество высших лиц центральной власти и системы управления, а также множество лиц, обладающих высоким престижным уровнем в масштабах страны (привилегированные директора, ученые, писатели, музыканты, художники).

Представители высших слоев имеют самый высокий жизненный стандарт. Их богатством являются не деньги, а социальное положение. На всех уровнях они связаны служебными и личными отношениями, взаимными услугами. Они образуют правящие группы, часто принимавшие мафиозный характер и зачастую перерождавшиеся в уголовные. Мощный аппарат власти и идеологии охранял их привилегированное положение.

Средние слои образуют сотрудники системы власти и управления среднего уровня, директора и заведующие обычных предприятий и учреждений, преподаватели высших учебных заведений, деятели культуры, научные работники, - короче говоря, основная масса служащих и начальников среднего уровня иерархии, а также творческая и интеллектуальная часть населения. К этим слоям относятся также многочисленные деятели спорта и других непроизводительных профессий. Эти слои самые разнообразные по составу. Их положение является двойственным. В одних отношениях они тяготеют к высшим слоям. Многие их представители обслуживают высшие слои, имеют с ними контакты и переходят в них. Для некоторой их части это вообще есть лишь этап на пути в высшие сферы. В других отношениях и в других частях они близки к низшим слоям, разделяют их судьбу.

В средние слои входят работники идеологии и пропаганды, сотрудники партийного аппарата, карательных органов. Вместе с тем эти слои являются основой новых веяний в стране, прогрессивных и даже порою оппозиционных умонастроений. Они имеют самый высокий образовательный и культурный уровень. В них входит самая деловая и творческая часть населения. В них гораздо больше возможностей для неофициальных объединений, чем в низших слоях.

К низшим слоям относятся рабочие всех типов, работники сферы обслуживания, не занимающие постов, лица, занятые на подсобных работах в различных учреждениях, служащие контор и канцелярий, низший медицинский и научный персонал, воспитатели детских учреждений, рядовые милиционеры и прочие лица, выполняющие непосредственные деловые функции на низших ступенях социальной иерархии. К этим слоям относятся также начальники самых низших категорий. Социальная активность низших слоев близка к нулю. Они раздроблены, имеют самый низкий образовательный уровень, легче всего поддаются манипуляциям властей. Их солидарность ограничивается бытовыми отношениями асоциального характера. Их интересы представляют официальные

общественные организации, администрация и органы власти. Их материальное положение в основном зависит от общих условий в стране и от политики руководства.

Структурирование советского населения не успело приобрести качественную и количественную завершенность. Больше всех увеличились средние слои как абсолютно, так и относительно (т.е. их пропорции в массе населения). Высшие слои тоже значительно увеличились сравнительно с дореволюционными высшими слоями, а также и в отношении к прочей массе населения. Число рабочих и крестьян, занятых непосредственным физическим трудом, сократилось как абсолютно, так и относительно. Но зато выросло число других категорий граждан, относящихся к низшим слоям, - мелких служащих, низшего персонала научных учреждений и больниц, шоферов, секретарш, работников транспорта и связи, воспитательниц детских учреждений, учителей низших категорий.

Образовался довольно многочисленный слой граждан, которые по их социальному положению должны быть отнесены к средним и даже низшим слоям, а по материальному уровню - к высшим. К этой категории относились служащие и даже рядовые работники системы торговли и распределения материальных ценностей, имевшие возможность безнаказанно наживаться за счет государственной собственности, спекулянты, деятели теневой экономики, представители организованной преступности и т.д. Они вступали в контакт с работниками аппарата официальной власти, подкупали их.

Выше я уже говорил о том, что в Советском Союзе происходил интенсивный процесс образования привилегированных слоев и их замыкание. Именно слоев: 1) это имело место в разных районах страны, на разных уровнях и в различных сферах; 2) эти образования были в значительной мере автономными. Эта ситуация в некотором роде напоминала структурирование дворянства и купечества в дореволюционной России.

Ликвидировав частное предпринимательство (оставив его в ничтожных размерах), коммунизм не уничтожил неравенство в распределении жизненных благ и частную собственность на них. По мере роста благосостояния общества и в силу неравенства в распределении стал складываться слой богатых людей. На это обращали внимание многие авторы из кругов коммунистов. Они при этом считали это признаком перерождения советского общества в капиталистическое. На самом деле это было образование некапиталистического слоя богатых людей в рамках коммунистического общества, на чисто коммунальной основе. Этот слой возникал из партийных и государственных чиновников, директоров предприятий, высокооплачиваемых деятелей культуры. К числу богатых в то же время относились главари преступных организаций, мошенники и прочие категории граждан, имевшие дело с деньгами и материальными ценностями.

Коммунистический слой богатых в советском обществе становился все более влиятельным, вербуя в свой состав склонных к обогащению граждан. Он и стал опорой тех преобразований советского общества, которые начались в 1985 году и привели к распаду Советского Союза и катастрофическому состоянию страны. В результате этих преобразований слой богатых, который до этого существовал скрытно и даже считался преступным, вышел на поверхность и был признан законным - стал социальным классом.

Западная пропаганда изображала этот процесс как переход к капиталистической рыночной экономике и демократии. На самом деле это был процесс в рамках коммунизма. Стремительно складывался непроизводительный слой богатых, прибиравший к рукам всю экономику и оставлявший ничтожные возможности для капитализма. Русские предприниматели, пытавшиеся действовать по принципам капитализма, жаловались именно на это.

Частная собственность сохранила полную силу для слоя богатых как условие его существования. В данном случае это не есть средство организации деловой жизни общества, как это имеет место в отношении капитализма. Тут это есть средство

удовлетворения классового эгоизма. Класс богатых не является классом производительным. Лишь допуск в него представителей бизнеса несколько затушевывает его паразитизм.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Термин "интеллигенция" многосмыслен, причем в каждом случае смысл довольно неопределен. И дело тут не просто в игнорировании требований логики к терминологии, а в сложности социальной структуры населения, в ее изменениях и многоплановости.

До революции в интеллигенцию включали писателей, художников, ученых, врачей, инженеров, учителей, профессоров и т.п., короче говоря - более или менее образованных людей, занимавшихся интеллектуальным трудом или по крайней мере трудом, требовавшим образования и интеллектуальных усилий. Таких людей было сравнительно немного. Они образовывали особую социальную категорию. Их социальную роль видели в просвещении "народа" и в его идейно-моральном улучшении. Они сыграли огромную роль в критике дореволюционного общества и в идейной подготовке революции 1917 года.

После Октябрьской революции еще имела место какое-то время инерция дореволюционного статуса этой категории граждан общества. Однако вскоре вступили в силу новые факторы. Во-первых, общее и профессиональное образование стало достоянием миллионов людей, так что этот признак уже не выделял интеллигенцию в старом смысле из прочей массы людей.

Во-вторых, сферы деятельности, ранее считавшиеся сферами интеллигенции, разрослись настолько, что число занятых в них людей стало исчисляться сотнями тысяч и даже миллионами. Причем и их коснулись общие законы социального структурирования. На первый план вышли социальные различия людей, занятых в совокупности в одном и том же виде интеллектуальной, творческой, культурной и т.д., в общем - "интеллигентской" деятельности. Например, в науке установилась многоступенчатая иерархия социальных позиций от академиков, принадлежавших к самым высшим и привилегированным слоям общества, и до младших научных сотрудников, технического персонала и всяких подсобных работников, принадлежавших к низшим слоям. Разница в жизненных благах для них достигла колоссальных размеров. Аналогичная ситуация сложилась и в других сферах "интеллигентского" труда.

И в-третьих, высоко образованные люди заполнили все прочие, "неинтеллигентские" сферы общества - государственные учреждения, управленческий аппарат, органы государственной власти, милицию, юридические учреждения, армию, спорт и т.д. Большое число ученых, писателей, художников, музыкантов, профессоров, юристов, врачей и т.д. заняли в обществе такое положение, что их скорее следовало отнести к категории чиновников системы власти и управления, чем к интеллигенции в старом смысле.

Тем не менее в послесталинские годы сложилась определенная категория людей, которую можно назвать интеллигенцией. В широком смысле слова. В эту категорию вошли люди с высшим и специальным средним образованием, занятые трудом по профессии, приобретенной благодаря образованию (научные работники, преподаватели, врачи, инженеры, журналисты и т.д.). Для них источником средств существования и жизненного успеха стало именно их профессиональное образование и успехи в профессиональной работе. Многие из них заняли довольно высокое положение в обществе, большинство - среднее, прочие имели шансы как-то повысить свой статус и улучшить свои жизненные условия. В целом эта категория имела целый ряд преимуществ перед другими - сравнительно обеспеченное положение, легкая и интересная работа, минимум или отсутствие риска, гарантии положения, возможности улучшений, доступ к культуре, среда

общения и многое другое. Кто-то пустил в ход слово "образованщина", вполне подходящее для этой категории.

С моральной точки зрения "образованщина" была (и остается) наиболее циничной, приспособленческой, трусливой и подлой частью населения. Она была лучше других образована. Она была уверена в своей профессиональной нужности и ценности. Ее менталитет был гибок, изворотлив. Она умела представить любое свое поведение в наилучшем свете и найти оправдание любой своей подлости. Она стала добровольным оплотом режима. Она была не жертвой режима. А его носителем, его слугой и хозяином одновременно. Она была социально эгоистичной, думала только о себе. Ее роль представляется двойственной. С одной стороны, она поставляла людей в оппозицию к режиму, сочувствовала диссидентам и даже поддерживала их, была подвержена влиянию западной пропаганды. А с другой стороны, она поддерживала антиопозиционные действия властей и сама активно громила диссидентов и "внутренних эмигрантов".

Одновременно с рассмотренным процессом происходило формирование сравнительно немногочисленного слоя, который можно назвать (и часто называют) интеллигенцией в узком смысле слова или "интеллектуалами". К концу брежневского периода этот слой стал весьма ощутимой силой в обществе. В него вошли представители науки, литературы, музыки, журналистики, профессуры, театра, изобразительного искусства и других сфер культуры. Это - известные личности, имевшие более или менее широкое и сильное влияние на умы и чувства людей. Но не только они. В этот слой вошли и многие тысячи людей "помельче", рангом ниже, но на своем уровне, в своем регионе и в своей сфере выполнявшие сходные функции, занимавшие сходное положение. И так вплоть до самых "маленьких", своего рода "солдат" и "чернорабочих" этой армии интеллектуалов, которые выполняли функции распространителей влияния интеллектуальных "офицеров" и "генералов", а также служили резервом воспроизводства этого социального монстра.

Этот слой "властителей дум" советского сверхобщества был базой западного идейного наступления на советское сверхобщество, поставщиком в пятую колонну Запада в Советском Союзе. Одновременно его "генералы" и "офицеры" делали успешную карьеру, добивались успеха, наживались, приобретали репутацию борцов за прогресс, умело использовали конъюнктуру дома и на Западе. В этой среде вызрела идея: элита общества должна жить по-западному, для чего надо "народ" заставить работать на нее тоже по-западному.

"ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО"

Не все то, что возникало в коммунистическом человеке, соответствовало его социальной организации. Многие возникали под влиянием извне и на основе некоммунистических явлений человеческого бытия. Более того, развитие человеческого бытия на основе коммунистической организации порождало явления, не укладывавшиеся в рамки коммунизма и даже имевшие антикоммунистическую направленность. Выше нам неоднократно приходилось встречаться с такими явлениями. Это, например, когда речь шла о правящих группах и о попытках создания нового человека, а также о слоях богатых. К этому добавлю еще следующее.

Чем более развивалось, усложнялось и богатело советское общество, тем более социальная структура его сближалась с таковой западного общества, исключая частное предпринимательство. Последнее допускалось в ничтожной мере (так, чтобы такой слой не мог возникнуть) или было преступным ("теневая экономика").

Возникали многочисленные объединения людей и даже организации за пределами власти, экономики и идеологии. Некоторые из них узаконивались. Но в большинстве случаев они никак не оформлялись и не поддавались контролю со стороны властей и коллективов. Они возникали главным образом в кругах "образованщины" и интеллектуалов, причем на основе личных контактов. Они образовывали нечто вроде гражданского общества западных стран.

"ОБЩЕСТВО" ВТОРОГО УРОВНЯ

В советской истории с самого ее начала в силу ряда обстоятельств - бедность страны, ограниченность средств, важность и срочность задач, возможность власти бесконтрольно распоряжаться ресурсами и другие - регулярно создавались и допускались для отдельных личностей, групп, отраслей и направлений в науке и технике, предприятий, строек и т.д. исключительные условия, которые были невозможны или недопустимы для прочего общества. Классическим примером на этот счет может служить ситуация с ядерной физикой, атомной и водородной бомбой и космической программой. Таким путем в стране произошло разделение на особую элитарную, или привилегированную, часть и прочее общество, скажем - на "общество" первого (прочее общество) и второго уровней (элитарная часть).

"Общество" второго уровня первоначально существовало за счет "общества" первого уровня полностью и было не очень значительным. Но постепенно оно разрасталось, приобретало все более важное значение, стало абсолютно необходимым для существования страны и даже стало прибыльным. Например - это атомные электростанции, электроника, торговля продукцией военно-промышленного комплекса, развитие авиации, выдающиеся достижения в культуре и многое другое. К концу брежневского периода "общество" второго уровня стало не временной мерой власти, а постоянным компонентом социальной структуры советского коммунистического человекика. Никакие точные данные о соотношении обществ первого и второго уровней мне не попадались - они либо были секретными, либо никому в голову не приходила идея осуществить тут какие-то измерения. Но по ряду косвенных и случайных данных можно было сделать некоторые хотя бы приблизительные выводы.

По моим расчетам, по крайней мере 5 процентов работающих граждан было вовлечено в деятельность "общества" второго уровня. Причем это в значительной мере была элитарная часть населения. Уровень жизни в среднем по крайней мере в 4 - 5 раз выше, чем в прочей части страны. Неизмеримо ниже степень мелочного давления коллективов на индивидов и идеологической обработки. Одним словом, по уровню и образу жизни, а также по характеру деятельности эта часть советского общества жила почти по-западному.

Такое "вертикальное" структурирование общества отразилось, естественно, в" системе власти и управления, а также в рассмотренном выше расслоении населения. По некоторым признакам можно было судить о том, что происходило разделение и в высших эшелонах власти, и в привилегированных слоях. Так что общество второго уровня пополнялось представителями системы власти и высших слоев.

Пространственно "общество" второго уровня локализовалось в основном в Москве и в некоторой степени в столицах республик Советского Союза - традиционное разделение на столицу и провинцию становилось формой правления "вертикального" структурирования сверхобщества.

СЛОЖНОЕ СВЕРХОБЩЕСТВО

Считается, будто Советский Союз был империей. Слово "империя", как и все прочие термины социологии, неопределенно. Но если в понятие империи включать разделение на метрополию и эксплуатируемые ею колонии, то Советский Союз империей не был. Это было сложное сверхобщество, состоявшее из множества сверхобществ. Причем последние порою сами были сложными сверхобществами. Например, Россия была частью Советского Союза и была сверхобществом. Сама она включала более мелкие территориальные единицы, имевшие социальную структуру сверхобществ.

Часть седьмая

ЗАПАДНИСТСКИЙ ПУТЬ В БУДУЩЕЕ

ФУТУРОЛОГИЯ

Как я уже отметил в первой части книги, после Второй мировой войны на Западе оформилась особая сфера сочинительства, получившая название футурологии. Назову ее характерные черты.

Футурологи полностью игнорируют правила логики и методологии науки, не считаются с объективными закономерностями социальных явлений и со свойствами конкретных человеческих объединений. Человечество рассматривается как нечто социально однородное. Полностью игнорируется его социальная структура. Выделяются лишь отдельные аспекты жизни людей или сенсационные научные открытия и технические изобретения, которым дается тенденциозная интерпретация, и будущее общество изображается так, как будто вся жизнь в нем крутится вокруг этого, и будто в нем ничего другого нет. Предсказания касаются частных и второстепенных явлений. Предсказания же большого социального масштаба являются заведомо вздорными или вообще бессмысленными. Преобладают методы идеологии, развлекательства и бизнеса.

Представители "научного коммунизма" делали упор на рост сознательности граждан и трудовой героизм, футурологи же делают упор на технологию. Вот что, например, предсказывает один из них. Производство и распределение жизненных благ будет осуществляться устройствами, управляемыми компьютерами. Гражданам будет гарантировано основное содержание (оклад). При этом каждый сможет зарабатывать сверх этого гарантированного минимума по своим потребностям. Все предсказания такого рода суть лишь перефразировка марксистских обещаний общества, в котором люди будут иметь

жизненные блага по потребностям, причем - безденежно. Один футуролог предсказал, что к середине XXI века все обитатели планеты будут сыты и будут иметь бесплатное медицинское обслуживание. Если бы в восторженных отзывах на его книгу не сообщили, что он - один из богатейших людей Европы, то можно было бы подумать, что эту книгу сочинил специалист по "научному коммунизму" еще в сталинские годы в Советском Союзе.

Многие футурологи предсказывают постиндустриальное или информационное общество. Описание этого общества будущего по своей фантазии и несостоятельности превосходит даже описание "полного коммунизма" в марксизме. Например, футурологи предсказывают, что благодаря информационной технике резко улучшатся жизненные условия людей, так как они будут разумно управляться. Производительность труда возрастет настолько, что все потребности людей можно будет удовлетворить с помощью незначительной рабочей силы. Сам доступ к информации и использование ее приобретут статус богатства наряду с владением землей и средствами производства.

Тут что ни фраза, то несусветная чушь. Зачем, спрашивается, сто с лишним лет издевались над марксистским "полным коммунизмом", если сами не способны придумать ничего другого, как то же самое удовлетворение всех потребностей, да еще с незначительными затратами труда?! Что касается превращения информации в богатство наряду с богатством материальным, то трудно придумать что-либо более убогое интеллектуально и подлое с моральной точки зрения, чем это утешение для все растущего числа нищих и неимущих. Планета захламлена информацией не меньше, чем отходами индустрии, нанесшими непоправимый ущерб природной среде. Информация стала самым дешевым продуктом жизнедеятельности человечества. От этого хлама не стало спасения, как от мусора. Но миллиарды людей не стали от этого ощущать себя богачами.

Реальный западный мир уже встал на путь в будущее, которое не имеет и не может иметь ничего общего с предсказаниями футурологов, - на путь эволюции к сверхобществу и организации человечества по принципам сверхобщества западнистского образца. Ниже мы рассмотрим основные черты этого будущего, которые заметны достаточно отчетливо уже теперь.

ЗАПАДНИСТСКИЙ ПУТЬ К СВЕРХОБЩЕСТВУ

Выше мы рассмотрели попытку построения коммунистического варианта сверхобщества. Хотя она и оказалась незавершенной, хотя советский коммунизм был искусственно разрушен в самом начале своего исторического бытия, он может служить классическим образцом сверхобщества такого типа. Теперь мы рассмотрим тенденцию к образованию сверхобщества западнистского типа, какую можно наблюдать в странах западного мира (в рамках западной цивилизации).

Пока еще невозможно назвать какую-то конкретную страну, в которой западнистское сверхобщество уже сложилось более или менее отчетливо, как это можно было сделать в отношении сверхобществ коммунистического типа. Не исключено, что такой ярко выраженный образец вообще не появится в силу условий западного мира. Потому наша задача заключается в том, чтобы описать тип социальной организации этих человекоидов, отвлекаясь от того, в каких конкретных формах этот тип реализуется. Пока положение на этот счет такое: этот тип социальной организации растворен в массе человекоидов (обществ) западного мира и даже в массе человекоидов всей планеты. И нужно применить методы абстрагирования, чтобы его обнаружить, а в значительной мере применить методы прогнозирования (гипотезы, экстраполирование, интерполирование, мысленный эксперимент и т.д.). Бесспорно то, что "точки роста" интересующих нас сверхобществ

находятся в западном мире. И в последнем уже накопилось достаточно материала во всех измерениях человеичиков для качественного эволюционного "скачка".

Чтобы описать специфику западнистского пути к сверхобществу, полезно сопоставить его с коммунистическим, взяв за образец последнего советский коммунизм. Он, напоминая, возникал в условиях военной и послевоенной разрухи, нищеты, голода, хаоса, безграмотности населения, дефицита культуры, одним словом - в условиях, образно говоря, социальной пустыни. Коммунистическое сверхобщество складывалось сверху, по инициативе высшей революционной власти и благодаря ее усилиям. Власть мобилизовала и организовала на это массы населения, заручившись их поддержкой. Сверхобщество тут складывалось в постоянной борьбе с внешними и внутренними врагами, складывалось как средство физического выживания народа. Оно тут возникало в условиях ослабленной и даже разрушенной социальной организации общества. Последняя тут создавалась заново усилиями высшей власти, которая, создавая государственность, сама превращалась в надстроечную часть сверхгосударственности. Власть создавала сверхэкономику, сверхидеологию, сверхкультуру. Власть предпринимала попытки воспитания в массовых масштабах сверхчеловека ("нового человека") и сверхнарода ("новую человеческую общность"). Хотя все это выглядело кустарно (а у кого было учиться?!) и упрощенно, в значительной мере - жестоко и неудачно, тем не менее по социальному типу это было зародышем социальной организации более высокого уровня, чем общественная. Процесс, повторяю, происходил в условиях предельной бедности и на пределе выживания в борьбе с врагами. Потому он происходил в крайне упрощенной и обнаженной форме. Происходил революционным путем, когда насилие и жестокие меры были необходимыми средствами выживания человеичика. Добавлю к сказанному также огромную территорию страны, разбросанность и разнородность населения, слабые связи между его частями, отсутствие опыта "гражданского общества", неблагоприятные природные условия.

Западнистский путь к сверхобществу является в рассмотренном смысле прямой противоположностью советско-коммунистическому. Он является другой крайностью эволюционного процесса. Он имеет место в условиях баснословного богатства и изобилия, процветания всех сфер общества, сказочного прогресса материальной культуры, благоприятных природных условий, высокой концентрации населения, всесторонних связей различных регионов, богатейшего опыта гражданской демократии, одним словом - в условиях "социальных джунглей". Сверхобщество вырастает тут не по инициативе сверху, а снизу, из всех основ жизни общества, во всех сферах его социальной организации. Общество тут не было ослаблено и разрушено, а, наоборот, достигло всестороннего развития и высочайшего уровня. Сверхобщество тут формируется в условиях триумфальных побед западного мира над своим эпохальным противником (над советским коммунизмом) и побед в борьбе за мировое господство. Тут нет насилия и жестокости, какие имели место в случае советского варианта. Функции этих мер выполняют меры западной демократии и экономического принуждения, не уступающие по социальной эффективности мерам коммунистическим и более адекватные условиям западного мира и его человеческого материала. Потому тут процесс формирования сверхобщества остается неявным, скрытым, трансформированным массой обстоятельств конкретной истории. Таковыми являются и черты самого строящегося человеичика нового типа.

Вместе с тем формирование западнистского сверхобщества происходит по тем же социальным законам, что и коммунистического. Напомню, что социальные законы универсальны, т.е. имеют силу в любых ситуациях, где для них имеются должные условия. Они имеют силу на любых уровнях социальной организации. Например, солдат, жаждущий стать ефрейтором и подставляющий ногу другому солдату, претендующему на ту же должность, и генерал, жаждущий подняться на более высокий пост и делающий пакость

другому генералу, конкурирующему с ним за этот пост, поступают в силу одного и того же социального закона. Различие тут лишь в условиях и в форме проявления этого закона. Бандитская шайка и группа лиц правящей элиты организуются по тем же законам рационального расчета и социальной комбинаторики. Различие тут лишь в том, что положение их в человеке и условия жизнедеятельности несколько различаются. Инопланетянин, рассматривающий наши земные дела с точки зрения универсальных социальных законов, имеющих силу и для его инопланетянских объединений, вряд ли заметил бы существенную разницу между главой мафии и главой современной финансовой и политической организации глобального масштаба. Особенность рассматриваемой нами ситуации состоит в том, что социальные законы касаются жизнедеятельности людей на уровне социальной эволюции, предполагающем эпоху и уровень обществ и включающем в свои условия общества. Люди, о которых идет речь, живут и действуют, можно сказать, на "генеральском" (а не на "солдатском") уровне эволюции человечества.

Формирование западнистского сверхобщества идет одновременно во всех измерениях, во всех подразделениях и на всех уровнях западнистских человеков по отдельности и в их совокупности, т.е. в масштабах западной цивилизации в целом. Описать этот процесс достаточно полно, всесторонне и точно - это дело ученых будущего, причем армии ученых в ряде поколений. Я здесь ограничусь описанием лишь основных, на мой взгляд, аспектов этого процесса, да и то в той мере, в какой это доступно исследователю-одиночке, оперирующему лишь средствами "логической социологии".

НА ПУТИ К СВЕРХОБЩЕСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Социальные законы, подчеркиваю, одинаковы как для сверхобществ коммунистического, так и западнистского типа. Различными являются лишь формы проявления этих законов. Так что мы вправе в качестве эвристического приема, а также с целью пояснения наших учреждений можем использовать сопоставление западнистского варианта сверхобщества с коммунистическим, в котором черты сверхобщества выступают, как уже говорилось, в достаточно отчетливом и обнаженном виде, близком к лабораторному образцу. Принцип сопоставления при этом таков. Для каждого компонента социальной организации развитого коммунистического сверхобщества найдется какой-то компонент в социальной организации развитого западнистского сверхобщества, который выполняет аналогичные функции. Для каждой функции, выполняемой каким-то компонентом социальной организации развитого коммунистического сверхобщества, найдется аналогичная функция социальной организации развитого западнистского сверхобщества, которую выполняет какой-то ее компонент. Этот принцип ничего не доказывает. Он является именно эвристическим, т.е. лишь облегчающим абстрагирование (мысленное выделение) социальной организации западнистского сверхобщества или выдвижение научного прогноза на этот счет. Компоненты социальной организации западнистского сверхобщества или их предпосылки должны быть так или иначе обнаружены в реальных человеках. К тому же коммунистический тип сверхобщества может вообще отсутствовать или быть неизвестным исследователю. Это - дело случая, что коммунистическое общество было в течение многих лет объектом моих наблюдений. И наличие сходства упомянутых сверхобществ не избавляет нас от главной задачи - от задачи описания именно специфики западнистского сверхобщества, т.е. отличия его от коммунистического варианта.

Формирование западнистского сверхобщества происходит как выход за рамки западнистской социальной организации общества. Подчеркиваю: западнистской, а не какой-либо другой. Это принципиально важно иметь в виду. Разрыв рамок социальной

организации обществ любого иного типа в результате внутреннего развития его компонентов может привести к гибели общества или к возникновению общества с иной социальной организацией, но не к образованию сверхобщества. С другой стороны, разрыв рамок социальной организации обществ западнистского типа на пути их внутренней эволюции может иметь результатом возникновение сверхобществ западнистского, а не иного типа.

Выход за рамки западнистской социальной организации общества не есть разрушение ее, если происходит на пути западнизма. Такой выход означает изменение ориентации социальной эволюции всего западного мира.

Представим себе жизнь общества в виде некоторого потока событий и действий людей. Чтобы этот поток не растекался (не распадался), а сохранялся как единое целостное движение, общество создает множество всякого рода преград (плотин), направляя отдельные многочисленные ручейки жизни в единое русло. Поток по каким-то причинам переполняется. Какие-то ручейки пытаются просочиться через щели в плотинах. Если это не спасает от переполнения, поток должен изменить направление, т.е. найти новое русло в обход препятствующих ему плотин в привычном старом русле. Поток должен поменять свое основное русло или наряду с прежним руслом найти новое, которое становится основным. Старые плотины сохраняются, старое русло сохраняется, но они как бы уходят в глубь нового направления потока, поглощаются им. Они сохраняются, чтобы новое русло могло закрепиться и функционировать в качестве основного и чтобы поток вообще мог сохраниться.

Вот в таком виде можно образно представить себе то, что наблюдается в происходящем процессе формирования западнистского сверхобщества, - как образование нового русла исторического потока западного мира.

Напомню читателю в двух словах о некоторых из тех тенденций, о которых речь шла в четвертой части. В экономической сфере происходят изменения, в результате которых отношения частной собственности переструктурируются и "растворяются" в отношениях другого рода и главную роль начинает играть не сам факт собственности, а внутренние отношения в сложной системе собственности, аналогичные отношениям коммунальности. Приобретают решающее значение отношения руководства, в основном являющиеся коммунальными. Вся сфера банков и крупного бизнеса организуется по принципам бюрократии.

Изменяется социальная структура населения таким образом, что сокращается пропорция лиц, занятых непосредственно в деловой сфере, и возрастает пропорция и роль занятых в сфере коммунальности, т.е. в сфере власти и управления, в идеологии и пропаганде, в масс-медиа, в культуре и т.д. Возникают бесчисленные объединения, организации и движения в сфере гражданского общества, что так или иначе ведет к разрастанию средств манипулирования массами и контроля. Дает знать о себе ограниченность "свободного" рынка, тенденция к экономическому спаду и финансовому кризису, что вынуждает государственную власть на поведение, аналогичное поведению государства коммунистического, а экономическую власть - на поведение, аналогичное поведению власти политической. Научно-технический прогресс требует объединенных усилий всей страны и государства. Наука и техника стали важнейшим элементом производительных сил, находящимся во власти крупных корпораций и организаций, действующих аналогично государству, или непосредственно во власти государства.

Разрастается и приобретает все большую силу сфера идеологии, культуры и масс-медиа, которые в значительной мере (если не вообще) суть явления в сфере коммунальности. Происходит сращивание политической и экономической власти, а также структурирование власти с преобладанием коммунальных функций. Короче говоря, если принять во внимание

всю совокупность факторов и тенденций западнизма, то можно констатировать суммарную его тенденцию к разрастанию коммунального аспекта общества и к возрастанию роли законов коммуналности во всех сферах общества, включая экономику.

Во второй половине нашего века произошло взрывное увеличение числа проблем и усложнение проблем, с которыми пришлось иметь дело западным обществам. Возникли проблемы, решение которых не под силу отдельным предприятиям и даже их крупным объединениям. Для решения их потребовались усилия всего общества и даже совместные усилия ряда обществ, а порою всего западного мира. Проблемы эти общеизвестны. Это - космические и энергетические программы, демографические и экологические проблемы, проблемы мирового порядка, мировой финансовой системы и т.д. Одни только проблемы "холодной войны" потребовали мобилизации сил и ресурсов западного мира во всех основных сферах жизни западных стран. Внутри западных стран возникли и необычайно усложнились проблемы трудоустройства миллионов людей, образования и обучения масс молодежи, преступности, наркомании, медицинского обслуживания, транспорта, коммуникации, природных катастроф, миграции масс людей и т.д. Все эти проблемы возникали не как случайные и спорадические, а как необходимые и регулярные. Они вошли в жизнь современного западного мира как проблемы повседневные. А грандиозные усилия по их решению должны как-то и кем-то организовываться, направляться, контролироваться. Кто-то должен принимать по ним решения, и решения эти должны претворяться в жизнь. И исполнители решений должны признавать их как обязательные.

Для рассмотренной ситуации имеет силу такой социальный закон. Если для человеиника возникают какие-то жизненно важные проблемы регулярно (они становятся постоянным условием его жизни), то, чтобы человек выжил, в нем должен появиться какой-то орган, функцией которого должно стать решение этих проблем. Если человеиник выживает с этими проблемами, то это означает, что в нем такой орган появился. Причем совокупности и масштабы проблем, о которых идет речь, таковы что для их регулярного (рутинного) решения должен возникнуть не просто какой-то один орган, а сложнейшая система из многих сотен и тысяч органов, образующих согласованно действующее целое.

В непосредственной связи с этим процессом произошло также взрывообразное усложнение функций, которые должны регулярно выполнять различные компоненты социальной организации западных обществ. Это усложнение произошло не только в горизонтальном, но и в вертикальном аспекте. Произошла многоступенчатая дифференциация уровней функций по их социальному статусу, т.е. по широте охвата человеиника, по степени важности и престижности, по используемым человеческим и финансовым средствам и другим жизненно важным признакам. Возник новый функциональный уровень, который я называю стратегическим. Функции этого уровня охватывают жизнедеятельность современных западных человеиников в мировом и эпохальном масштабе. Опять-таки в силу социального закона функционального структурирования человеиника должны возникнуть органы, исполняющие эти функции. Компоненты социальной организации общества, как бы их ни увеличивали, в принципе не способны на нормальное профессиональное исполнение этих функций, если над ними не вырастет некая "надстроечная" часть.

Кроме того, в реальном обществе вообще не все охватывается его социальной организацией, а то, что охватывается, охватывается не полностью и не навечно. В обществе происходят какие-то изменения, за которыми не поспевает наиболее устойчивая (консервативная) его часть - его социальная организация. В обществе остаются и возникают новые явления, которые в принципе не могут быть загнаны в рамки его социальной организации. Последняя как-то ограничивает и направляет поведение членов общества. Реальная жизнь постоянно выходит за эти рамки. Общество стремится удерживать эти

выходы в допустимых пределах, восстанавливает достаточно нормальное состояние. Но это не может продолжаться бесконечно. Эти выходы стали такими многочисленными, разнообразными и значительными, что никакие компоненты социальной организации общества и никакие доступные им меры не в состоянии с ними справиться должным образом, т.е. взять их под свой контроль и предотвратить западный мир от неизбежного краха, если не будут изобретены средства сверхобщественные, адекватные возникшим проблемам. Сами по себе (стихийно) эти средства возникнуть не могут. К выработке их должны быть привлечены огромные материальные ресурсы, организованные усилия огромных масс людей, огромный коллективный интеллект. Этот процесс уже начался и успешно совершается в основах жизни западного мира.

ИСТОЧНИКИ ЗАПАДНИСТСКОГО СВЕРХГОСУДАРСТВА

Западнистское сверхгосударство вырастает отчасти на основе демократии и как ее развитие, отчасти на основе недемократической части государственности и как отрицание демократии, отчасти из негосударственных источников и как явление негосударственное, причем по всем упомянутым линиям в самых разнообразных формах. Его явления не выражены явно, не локализованы достаточно четко, никак не узаконены и структурно не организованы. Они еще не изучены на научном уровне. Более того, познание ИХ есть одно из табу западного общества. Но все же отдельные материалы, свидетельствующие о них, время от времени появляются в средствах массовой информации, в художественной и специальной литературе, в фильмах. Эти материалы убедительно говорят о том, что в системе власти и управления современным западным обществом существует феномен, выходящий за рамки государственности и фактически управляющий ею. Но этот феномен рассматривается как уклонение от неких хороших принципов демократии, а не как закономерное следствие развития западнистской системы власти и управления в современных условиях жизни человечества.

Рассмотрим основные, на мой взгляд, линии формирования сверхгосударства. Это прежде всего разрастание самого государства сверх всякой меры. Как я уже отмечал, в сфере государственности занято от 15 до 20 процентов работающих членов западного общества. Это - больше, чем общее число людей, занятых физическим трудом в сельском хозяйстве и в промышленности. Любопытно, что бы сейчас сказал Маркс, суливший пролетариату как растущему классу великое историческое будущее?! Стал бы он сулить такое будущее растущему классу людей, занятых в системе власти и управления?! И как он обошелся бы с идеей отмирания государства?!

Разрастание государственности происходит главным образом по той причине, что происходит увеличение и усложнение обществ, увеличение подлежащих управлению объектов, усложнение условий управления, обогащение общества, увеличение материальных средств государства и другие перемены. Следует упомянуть также самовозрастание сферы государственности в силу законов коммунальности.

К рассмотренным выше внутренним факторам эволюции западнизма следует добавить еще два фактора внешнего порядка. Первый из них заключается в том, что борьба против коммунистического лагеря во время "холодной войны" привела к необычайному усилению активности политической власти западных стран, к созданию мощных вооруженных сил, к развитию исследований в военных целях и военной промышленности, к разрастанию и усилению секретных служб и пропагандистского аппарата. Победа в "холодной войне" не означала, что борьба закончилась и что можно свертывать и даже уничтожать созданное. Хотя было сказано много слов в этом духе и были предприняты какие-то практические

шаги в этом направлении, все это имело более пропагандистский, чем фактический характер. Скоро даже перестали скрывать намерения сохранить и усовершенствовать орудия войны. Победа в "холодной войне" означала начало нового периода, в котором средства войны стали не менее необходимы, чем ранее. Надо было удержать завоеванные позиции, а для этого надо было демонстрировать преимущества западного образа жизни. Преимущества эти скоро окажутся сомнительными, а западнизация не даст тех результатов, на какие рассчитывали в бывших коммунистических странах. Аппарат "холодной войны" должен сохраниться как постоянно действующий фактор последующей истории. А это означает усиление коммунального аспекта западнизма.

Вторым из упомянутых двух внешних для западнизма, как такового, факторов его эволюции является процесс интеграции западных стран в более сложные социальные объединения, а также процесс глобализации основных аспектов их жизнедеятельности, породивший сильную тенденцию к образованию "глобального человечника". Этот процесс выдвигает на первый план государство как орган, регулирующий взаимоотношения своей страны с другими в новом, чрезвычайно сложном и полном конфликтов объединении, а также порождает новые социальные структуры, в которых законы коммунальности приобретают доминирующую силу.

Надежды идеологов и футурологов на то, что система власти будет сокращена за счет современной интеллектуально-информационной технологии, достойны смеха. Занятые в системе власти люди добровольно не отдадут источники своего существования. При таком сокращении возрастет число людей, обслуживающих упомянутую технологию и осуществляющих контакт ее с оставшимися в системе власти людьми. Сокращение коснется не той категории людей, из-за которой разрастается власть. Сокращение может произойти в государственности, но ценой увеличения сверхгосударственности.

Возьмите справочники, в которых дается скупая и бесстрастная информация о системе власти западных стран. Вы увидите, каким числом различных учреждений, организаций, комитетов, комиссий, министерств, департаментов и т.п. обросла только высшая (центральная) представительная часть власти страны. Все они не являются узаконенными на уровне фундаментального права. Они введены, можно сказать, явочным или "рабочим" порядком. Во всех них занято огромное число профессиональных и высокопрофессиональных работников. Они не избираются снизу, а отбираются сверху. Они работают и делают карьеру по тем же принципам, что и в административно-бюрократическом аппарате государства. И кто бы ни избирался на выборные должности, какая бы политическая линия ни проводилась, эти упомянутые выше явления уже играют более важную роль во власти, чем преходящие фигуры "избранников народа".

Военная сфера, секретные службы, внешнеполитическая сфера приобрели такие размеры и влияние, что сами конкурируют с центральной властью в борьбе за реальную власть. Все эти мощные и в значительной мере автономные сферы нуждаются в координации. Непомерно разросшаяся государственность сама нуждается в управлении, можно сказать - в своей внутренней власти. Последняя не конституируется формально, т.е. как официально признанный орган государственной власти. Она складывается из людей самого различного рода - представителей администрации, сотрудников личных канцелярий, сотрудников секретных служб, родственников представителей высшей власти, советников и т.п. Сюда входит совокупность секретных учреждений официальной власти и вообще всех тех, кто организует и осуществляет скрытый аспект деятельности государственной власти. Каковы масштабы этого аспекта и какими средствами здесь оперируют, невозможно узнать. Публичная власть не делает важных шагов без его учета. Сюда входит также множество людей, состоящее из представителей частных интересов, лоббистов, мафиозных групп,

личных друзей. Это - "кухня власти". Она является постоянно действующим элементом власти, стоящим над государством и отнимающим у него часть суверенитета.

Наряду с "кухней власти" сложилась среда из активных и влиятельных личностей, занимающих высокое положение на иерархической лестнице социальных позиций. По своему положению, по подлежащим их контролю ресурсам, по их статусу, по богатству, по известности, по популярности и т.п. эти личности являются наиболее влиятельными в обществе. В их число входят ведущие бизнесмены, банкиры, крупные землевладельцы, хозяева газет, издатели, профсоюзные лидеры, кинопродюсеры, хозяева спортивных команд, знаменитые актеры, священники, адвокаты, университетские профессора, ученые, инженеры, хозяева и менеджеры масс-медиа, высокопоставленные чиновники, политики и т.д. Эта среда (слой) получила название правящей элиты. В западной социологии ей придается особое значение. Сложилась целая отрасль социологии - теория элиты.

Имеются десятки определений элиты. Это объясняется не столько сложностью и изменчивостью самого объекта (какой социальный объект не сложен и не изменчив?!), сколько характером способа мышления теоретиков. Они выделяют отдельные черты объекта, смешивают его с другими объектами, стремятся в определение втиснуть все то, что им удастся узнать об объекте. Многие теоретики вообще исходят не из реальности объекта, а из уже имеющихся определений и ищут в них сумму признаков для лучшего (с их точки зрения) определения. В результате получается не научное определение эмпирически существующего объекта, а манипуляция с наличными идеологическими представлениями о нем.

Обычно элита рассматривается как структурный компонент всякого общества и даже всякого человекика. Считается, будто она извечно и навечно присуща человечеству. Меняются якобы лишь ее формы. В результате элита как специфическое явление современного западного общества теряется в множестве разнородных социальных явлений.

Основную функцию элиты социологи усматривают в управлении обществом. При этом управление понимается крайне абстрактно и неопределенно. Вместе с тем элита рассматривается как власть немногих. Но реальное управление обществом есть сфера, в которой заняты миллионы людей, до двадцати процентов работающих граждан общества. И подавляющее большинство из них ни в какую элиту не входит. В элиту включается лишь некая правящая верхушка. Причем в нее включают такого рода граждан общества, многие из которых вообще никакого отношения к управлению обществом не имеют и не оказывают на управление никакого влияния (например, официально признанные деятели науки, писатели, художники, артисты и т.п.).

В том, что элите приписывается функция управления обществом, в идеологически извращенной форме отражается тот факт, что над государством, которому в принципе должна принадлежать суверенная власть над обществом, возникла сверхвласть, подчиняющая себе государство.

Обычно считается, что в элиту входят лучшие члены общества, самые умные, талантливые, образованные и т.д. В реальности элита (даже в том ее понимании, о котором идет речь) комплектуется совсем не по принципам отбора самых умных, талантливых и т.п. граждан страны, а по принципам социального отбора. В нее попадают те, кто на то имеет наилучшие возможности, кто способен использовать свой социальный статус, способности, образование, связи и другие обстоятельства для карьеры, успеха, обогащения, славы. Если бы было дозволено измерить интеллектуальный и творческий уровень представителей элиты, то результат был бы весьма разочаровывающий. И даже в тех публикациях, которые делаются под строгим контролем средств массовой информации, создается образ элиты, мало общего имеющий с суждениями социологов.

Не лучше обстоит дело с описаниями других явлений формирующегося сверхобщества.

С точки зрения принципов государственной демократии задача государства в отношении экономики - законодательство, принуждение участников экономической сферы к соблюдению этих законов и охрана должного порядка в этой сфере. Государство должно получать все средства для своего функционирования из сферы экономики в виде налогов. Но в реальности этот идеал не соблюдается буквально. В реальности государство само становится феноменом в сфере экономики. Это выражается в том, что государство удерживает за собою эмиссию денег и вообще контроль за денежной системой, которая сама по себе есть важнейший фактор экономики. Государство может предоставить это право какому-либо банку, но все равно при этом оно сохраняет контроль за ним. Огромные суммы денег, поступающие государству в виде налогов, суть капитал со всеми атрибутами капитала, а не просто пачки ассигнаций. Государство является крупнейшим банкиром страны. В отличие от обычных банкиров оно использует деньги не столько как капитал, сколько тратит их. Причем тратит, как правило, больше, чем получает дохода, отсюда рост государственного долга. Тем не менее оно в качестве банкира предоставляет кредиты частным фирмам.

Второе обстоятельство, вынуждающее государство на экономическую роль, образует набор общественных нужд, которые не в состоянии удовлетворить частный сектор (рынок). Для этого складывается так называемый общественный сектор, в который попадают предприятия, отрасли промышленности и мероприятия, которые имеют значение для страны, но не по силам отдельным частным фирмам. Это - энергетика, транспорт, связь, защита от эпидемий и стихийных бедствий, дороги, почта, образование, информационная служба, безопасность, социальное страхование, забота о стариках и инвалидах и многое другое. Это происходит в силу объективной необходимости, а не просто в силу стремления государства ко всевластию. Происходит это в рамках демократии, но результат выходит за эти рамки. Время от времени усиливающаяся тенденция приватизации государственных предприятий не снимает с государства обязанности контроля за приватизированными предприятиями, поскольку последние по самой своей деловой функции охватывают интересы всего общества. Приватизация осуществляется не по принципу "Покупай кто хочет и делай с покупкой что хочешь". Продается далеко не всякому. И с покупкой разрешается делать далеко не все. Речь идет о таких предприятиях, которые жизненно важны для общества. Они и дальше должны действовать, как раньше, в смысле удовлетворения привычных потребностей потребителей. Приватизация осуществляется с надеждой поднять рентабельность предприятия или как махинация с целью повысить цены и уволить массу работников.

Достаточно перечислить явления огромного масштаба, ставшие обычными в современном западном мире и в мире вообще вследствие активности Запада, чтобы отбросить всякие сомнения насчет ограниченности традиционных средств власти. Махинации гигантских предприятий в сфере экономики, укрывательство от налогов, порча природной среды и продуктов питания, организованная преступность, научно-технические проекты неслыханных ранее масштабов, грандиозные стройки, военные операции, международные финансовые проблемы, демографические проблемы, миграция миллионов людей, безработица и т. д. и т. п. Список таких явлений, требующих усилий власти в больших масштабах и постоянно, можно продолжать и продолжать. Теперь очевидно для всех, что власти западных стран уже занимаются со всем этим как со своим повседневным делом.

Вследствие разрастания и усложнения человеко-человеческих, усложнения их взаимоотношений, усложнения задач, которые должна решать власть, разрастания и усложнения самой сферы власти и других перемен произошло разделение задач и деятельности власти на обычные и стратегические. Возник стратегический уровень - уровень задач, ресурсов и действий

власти, превосходящий обычные по масштабам, значимости и продолжительности. Возникли задачи и операции власти, рассчитанные на многие годы, стоящие колоссальных затрат средств, вовлекающие огромные массы людей, использующие новейшие научные открытия и технические изобретения, использующие всю интеллектуальную мощь общества и блоков обществ. Такими были, например, пятилетние планы в Советском Союзе, мероприятия гитлеровской Германии в подготовке к войне и ее проведении, операции антигитлеровской западной коалиции во Второй мировой войне, план Маршалла, "холодная война" со стороны Запада. Такими являются действия западных властей в манипулировании огромными суммами денег, космические программы, война США против Ирака, операция по дезинтеграции Югославии и Советского Союза.

Короче говоря, возникли задачи и операции властей, качественно, а не только количественно отличные от традиционных задач и операций власти государственной. Причем это стало регулярным и повседневным в жизнедеятельности власти, а не редким исключением, как это бывало в прошлом (например, большие войны). Сейчас перед западными странами встали проблемы, на решение которых нужны десятки лет (если не века), ресурсы астрономических масштабов, высочайший интеллектуальный потенциал многих тысяч специальных учреждений и миллионов квалифицированных сотрудников. Уже сейчас эта сфера в значительной мере обособилась от привычной сферы государственности и становится доминирующей над ней.

Выработалась и тактика решения стратегических задач. Сложился особый аппарат для этого. Тут мы видим совсем иное измерение власти сравнительно с тем, в котором произошло разделение функций законодательной и исполнительной власти. Пока аспект стратегической власти еще спутан с аспектом обычной государственности. Но уже сейчас можно заметить в правительствах и в политике западных стран две тенденции. Стратегическая постепенно берет верх. Наиболее сильные фигуры во власти (в США и Франции - президент, в Англии - премьер-министр, в Германии - канцлер), как правило, выражают стратегическую тенденцию власти, а парламенты - традиционную.

Другим источником западнистского сверхгосударства является сверхвласть, вырастающая в сфере экономики. Она не афиширует себя. Но дает о себе знать настолько ощутимо, что некоторые теоретики считают ее главной властью западного общества, а государство ее марионеткой. Но суть дела тут серьезнее: в западных странах складывается новый уровень власти, который уже не есть ни государство, ни экономика, а качественно новое явление, поглощающее то и другое.

Следующая линия формирования сверхгосударства связана с взаимоотношениями западных стран между собою, с взаимоотношениями западного мира с другими частями человечества, с проблемами мирового масштаба. По этой линии в период "холодной войны" (а она длилась почти полвека!) сложились бесчисленные учреждения и организации, которые даже формально возвышаются над государствами отдельных стран. Сферой их деятельности являются блоки и союзы западных стран, весь западный мир и даже вся планета. В их деятельность вовлечены сотни тысяч людей. Они распоряжаются колоссальными материальными, интеллектуальными, идеологическими, пропагандистскими, культурными, психологическими и военными ресурсами.

Сфера сверхгосударственности не содержит в себе ни крупинки демократической власти. Тут нет никаких политических партий, нет никакого разделения властей, публичность сведена к минимуму или исключена совсем, преобладает принцип секретности, кастовости, личных контактов и сговоров. Тут вырабатывается особая "культура управления", которая со временем обещает стать самой деспотичной властью в истории человечества. По объективным законам управления огромными человеческими объединениями и даже всем

человечеством, на что претендует западный мир во главе с США, демократия в том виде, как ее изображает западная идеология и пропаганда, абсолютно непригодна.

Надстроечные явления сверхгосударственности не обладают законодательными функциями. Последние были и остаются функциями государственности. Если надстроечной части требуется что-то в отношении законодательства, она для этой цели имеет в своем распоряжении государственность, которая при этом фактически утрачивает статус суверенности. Надстроечная часть обладает негосударственными средствами принуждать государственность поступать так, как это требуется сверхгосударственности. Эти средства, например, суть личные связи, проведение своих людей на ответственные должности, лобби, манипулирование финансами и средствами массовой информации, манипулирование партиями и массами, подкуп и т.п. Они все хорошо известны из скандальной информации, литературы, кино.

ПРАВО И СВЕРХПРАВО

Западнистские общества сложились как общества правовые, т.е. пронизанные юридическими законами, на страже которых стоит мощная система западнистской государственности. Возникает резонный вопрос: как это возможно, чтобы в рамках мощнейшей и детальнейшей системы юридических законов, охраняющих западнистскую социальную организацию общества, стали возникать, разрастаться и усиливаться явления, выходящие за эти рамки? Более того, они не просто вышли за эти рамки, но стали возвышаться над ними и подчинять их себе. Почему это стало происходить?

Надо различать юридические и социальные законы. Юридические законы (нормы) суть часть сознательной социальной организации общества. Они отражают социальные законы. Но отражают не так, как это делает наука и идеология. Они отражают ту форму, какую принимают социальные законы (проявляются) в поведении людей. Причем они делают это как определенные нормы поведения - как запреты, разрешения, обязанности, допущения.

Весь объем человеческих действий охватить юридическим нормированием практически невозможно, хотя общество и стремится к этому. Поток истории находит русло в обход юридическим плотинам. Происходит переориентация потока жизни, переход в иное измерение. И это новое измерение усиливается, приобретает доминирующее значение для людей, подчиняет себе прежнее измерение.

Кроме того, юридическая сфера допускает и даже поддерживает такие явления, которые в исходном пункте укладываются в ее рамки, но со временем набирают силу, выходящую за эти рамки. Будучи юридически законными (вырастая на правовой основе), они перерастают рамки законности и сами становятся господами над своей юридической основой, возвышаются над ней.

По упомянутым линиям складывается новый объем событий человеческой жизни и поведения людей, в котором приобретают силу определенные нормы поведения, но не юридические, а иного рода. Они предполагают юридические нормы в качестве основы. Но они возвышаются над ними. Образуется надстроечный уровень нормативной сферы общества - сверхправовой. В него входит вся совокупность норм, обусловленных свойствами современной материальной культуры и организации ее функционирования. Эти сверхправовые нормы являются точно так же сознательными, как и правовые. Они имеют силу, повторяю и подчеркиваю, лишь при условии норм правовых.

Таким путем формируется сверхправо, которое содержит в себе в снятом виде правовую сферу, но кроме нее содержит: во-первых, средства использования правовых норм; во-вторых, средства сопротивления им - контрправо; в-третьих, нормирование поступков, не

охватываемых правовыми нормами. Надправовая и контрправовая "надстройка" имеет также принудительную силу. Она использует все средства общества (полицию, суды, юридические учреждения и т.д.), присоединяя к ним средства сверхгосударства и сверхэкономики.

По традиции какая-то часть сверхправовых норм принимает форму юридических законов (всякого рода парламентские решения, добавления к законам, распоряжения властей и т.п.). В результате в западных человеиниках сложилась гигантская нормативная сфера, в которой перемешаны нормативные явления различного социального качества и эволюционного уровня. На практике и в сфере профессионалов осуществляется классификация этих явлений, которая затемняет сущность происходящего эволюционного перелома.

СВЕРХЭКОНОМИКА

Западнистская сверхэкономика складывается на основе экономики и по законам экономики, но она уже вышла за рамки экономики по всем ее основным линиям. Мы уже достаточно говорили на эту тему. К сказанному добавлю еще следующее.

Вертикальная структура экономики имеет свои границы. Причем как нижняя, так и верхняя границы отражаются в правовой сфере. Существование нижней границы фиксируется законодательством, устанавливающим статус хозяйственных единиц с точки зрения уплаты налогов и их права и обязанности по отношению к государству и друг к другу. Верхнюю границу ("потолок") экономики характеризует такое состояние, которое исчерпывает возможности правовых отношений участников экономической сферы, а также возможности решения важнейших экономических проблем специфически экономическими средствами. Общеизвестно, что в западной экономике крупные предприятия содержат целые штаты юристов для решения своих проблем, причем их цель состоит не столько в том, чтобы следить за юридическими границами деятельности подопечных, сколько в том, чтобы лавировать на грани законности и даже за ее пределами, избегая наказания. А судьба многих крупных предприятий и подразделений экономики зависит в большой степени (а порою решающим образом) от неэкономических действий властей.

Укрывательство от уплаты налогов и обман финансовых органов стал всеобщим явлением. Это произошло не из-за особой склонности к преступлениям и корысти (хотя и это не исключено), а главным образом из-за правовых норм. Если педантично им следовать, то большинство предприятий просто обанкротится. Я уже не говорю о том, каких масштабов достиг преступный бизнес. Одним словом, западное хозяйство уже не укладывается в юридические рамки экономики.

Точно так же обстоит дело с социальными законами экономики как делового аспекта человеиника. Определяющую роль в экономике стали играть предприятия и целые отрасли с наивысшим технологическим уровнем, с максимальным использованием результатов научно-технического прогресса. Они имеют более высокую сравнительно с другими предприятиями прибыль за этот счет, а не за счет эксплуатации наемных работников по законам экономики. С другой стороны, многие крупные предприятия работают в убыток и спасаются за счет всякого рода неэкономических махинаций. Другие требуют таких затрат, которые окупаются в течение времени, выходящего за пределы долговременных инвестиций по законам экономики, или не окупаются совсем. Такие предприятия существуют лишь постольку, поскольку жизненно необходимы или постольку выгодны каким-то людям, наживающимся именно на убытках и банкротствах предприятий. У этих предприятий нет хозяев, для которых убытки предприятий суть их личные потери.

Если бы можно было получить точные данные о том, какими путями в наше время наживаются состояния на самом деле, я думаю, что доля таких, которые делают это по законам экономики ("честный труд" и "честный бизнес"), оказалась бы поразительно низкой (это - мое предположение). Во всяком случае, она имеет тенденцию к снижению.

Фундаментальная функция экономики - снабжать общество средствами существования - отошла на задний план или перешла в значительной мере к явлениям неэкономическим. Тон в экономике задают не первые уровни (о них речь шла выше), а вторые и более высокие - производство сверх необходимого, инвестиции с целью извлечения доходов из экономики низших уровней, паразитарные предприятия, предприятия, обслуживавшие сверхпотребности высших слоев общества, символическая экономика и т.п. Экономика в гораздо большей мере обслуживает самое себя, чем общество вне ее. Глобализация экономики позволяет западному миру эксплуатировать всю планету методами, которые по форме выглядят как экономические (эквивалентный обмен, свобода предпринимательства, свободный рынок и т.п.), а по сути дела не являются таковыми. Например, вынос предприятий в страну, где сырье и рабочая сила в десятки раз дешевле, чем дома, не есть операция чисто экономическая. Она невозможна без политической, идеологической и военной защиты. Здесь политика, армия, полиция, специальные службы, средства массовой информации являются не обычными средствами защиты экономики, а завоевательными средствами насилия в чужой стране. Ограбление европейскими завоевателями аборигенов Америки не было экономической операцией. Так и теперь.

В основе западнистской экономики лежат принципы эквивалентного обмена. Использование преимуществ положения и конкретной ситуации с целью проиобретения прибыли есть нарушение этих принципов. Это - не эквивалентный обмен, подобно тому, как таковым не является "обмен" сена на молоко в отношениях с коровами, "обмен" виски на Манхэттен в отношениях с индейцами, "обмен" финансовых подачек на разорение страны в отношениях с Россией. Не являются экономическими и операции, называемые словами "экономическая помощь" в отношениях стран Запада с незападными народами, находящимися в тяжелом положении.

Экономические гиганты внутри западных стран организуются как своего рода автономные общества со своей социальной структурой, подобной структуре коммунистической страны. А выйдя за пределы "национальных государств" на мировую арену, они стали вести себя во многом не как подвластные своего государства, а как равные ему партнеры. Еще дальше в этом направлении пошли наднациональные экономические гиганты. Они вообще ведут себя как суверенные человеики. Если они кому-то и в какой-то мере подчиняются, так это - глобальному денежному механизму. Наднациональные и глобальные экономические империи и организации приобрели такую силу, что теперь от них решающим образом зависит судьба экономики национальных государств Запада, не говоря уж о прочем мире. Они властвуют над экономикой в ее традиционном смысле. В их деятельности все большую роль играют политическое давление и вооруженные силы стран Запада.

Одним словом, в хозяйственном аспекте западных стран произошли такие грандиозные перемены, что прежние представления об экономике утрачивают смысл. Требуется научный (а не идеологический!) анализ реальности, чтобы прийти к какой-то ясности в ее понимании.

В системе власти западных стран фактически происходит разделение функций в вертикальном аспекте: часть государственности, возглавляемая обычно главой исполнительной власти (президентом, канцлером, премьер-министром), выполняет функции участников и представителей денежного механизма. Фактическая система власти

и хозяйства западного мира таковы, что государственность и экономика отдельно взятых стран все более превращаются в их частицы, причем в "снятом" виде.

Считается, будто некая "невидимая рука" рынка управляет западной экономикой. Фактически и рынком, и экономикой, и государством, и обществом в целом уже управляет вполне видимая, хотя и прячущаяся рука сверхэкономики-сверхгосударства, исполнительным органом которого является денежный механизм.

ДЕНЕЖНЫЙ ТОТАЛИТАРИЗМ

Механизм денежного тоталитаризма образует гигантская финансовая система общества, которая теперь обусловлена прежде всего необъятным числом денежных операций, охватывающих все аспекты жизни людей и общества в целом, в том числе и все то, что связано с капитализмом. Этот механизм есть механизм особого подразделения делового аспекта общества - денежного дела. Но в силу особой роли этого подразделения общества он превратился в механизм общества в целом. Он включает в себя два рода учреждений и предприятий: 1) банки и другие финансовые предприятия, которые называются другими словами, но выполняют ту же роль или разделяют с банками отдельные функции денежного дела (сберегательные кассы, страховые компании, кредитные учреждения и т.д.), а также крупные фирмы и концерны, обладающие большими суммами денег и выполняющие функции, аналогичные отдельным функциям банков; 2) государственные финансовые учреждения.

Число денежных предприятий огромно. Имеет место сложнейшее разделение их функций (специализация), а также разделение ими территорий действия и сфер общества. Есть банки частные и общественные, отдельные и объединенные в группы, личные и акционерные, универсальные и отраслевые, кредитные, ипотечные, коммерческие, национальные, международные. Сами они имеют сложную структуру - иерархию подразделений, начинающуюся центральным отделением и доходящую до местных отделений, непосредственно имеющих дело с клиентами. В их деятельности заняты миллионы людей. Используется самая современная технология, без которой вообще уже невозможно функционирование денежного механизма.

Денежный механизм почти полностью укомплектован наемными работниками, каждый из которых по отдельности есть лишь его слуга. Внутри его господствуют отношения начальствования и подчинения, сговоры, согласования, принуждение и прочие явления, не имеющие ничего общего с отношениями чисто экономическими. Он антидемократичен. В каждом его подразделении господствует беспощадная, роботообразная дисциплина. Он деспотичен по отношению к прочему обществу. Никакая диктаторская власть в мире не может сравниться с ним в этом качестве.

В современном западном мире денежный механизм из средства экономики (из ее слуги) превратился в ее доминирующий фактор (в господина над ней). Благодаря этому в сферу экономики включились сферы культуры, образования, развлечения, спорта и все другие, ранее таковыми не являвшиеся. Изменилось само понятие экономики.

Произошло "вертикальное" структурирование экономики: над экономикой, создавшей ценности, выросла экономика, использующая упомянутую (скажем, экономику первого уровня) в качестве источника доходов для занятых в ней (в экономике второго уровня) лиц. Она разрослась и усилилась настолько, что стала играть не менее важную роль в обществе, чем экономика первого уровня. И над всем этим выросла сфера экономики на уровне механизма условных или символических денег - символическая экономика, т.е. экономика огромных символических капиталов.

В настоящее время реальная и символическая экономика существуют в значительной мере независимо друг от друга. Сумма условных (символических) денег, циркулирующих на уровне символической экономики, во много десятков раз превосходит ту, какая достаточна для экономики реальной.

Наконец, денежный механизм вышел в своей власти над обществом за пределы экономики, став частью механизма сверхгосударственности. Неверно утверждать, будто экономика стала властителем общества. Тут произошло нечто более значительное, а именно - сложился уровень сверхэкономики и сверхгосударственности, подчинивший себе и государственность, и экономику. Возник качественно новый социальный феномен в структуре человеческого, выходящий за рамки социальной организации общества "сверху".

Обычно акцентируют внимание на денежной форме и специфических правилах функционирования денежного механизма, а не на его социальном содержании. А последнее состоит в том, что в обществе сложился новый феномен, овладевший денежным механизмом и использующий его в качестве средства власти над обществом, а не только и не столько в качестве капитала. Лишь отчасти этот механизм функционирует как капитал. В большей мере и в основном он превратился в сверхкапитал. Функция капитала стала одной из его функций, подчиненных функции власти. Он руководствуется прежде всего не экономическими, а иными расчетами, а именно - расчетами организации и удержания своей сверхобщественной власти над обществом.

Денежный механизм имеет доходы не за счет эксплуатации наемных работников - вовлеченные в его работу люди получают заработную плату, не производя никакой прибыли. Они суть служащие аппарата власти, подобного государственному. Этот аппарат берет дань с подвластного человеческого в виде платы за услуги и процентов за кредиты. Это похоже на извлечение прибыли путем инвестиции денег. Но только похоже, поскольку этот аппарат оперирует деньгами, и это путает. На самом же деле он имеет доходы подобно тому, как их имеет государство, не производящее ничего. Он берет дань с тех, кого он обслуживает, т.е. эксплуатирует.

Государство оперирует огромными суммами денег. Но оно делает это не по законам экономики. Оно не инвестирует их с целью получения прибыли (нечто подобное бывает лишь в порядке исключения). Оно их тратит на свои нужды, распределяет по различным подразделениям общества, тратит как средство своих политических целей. То же самое делает денежный механизм. В нем есть части, функционирующие по законам экономики, т.е. как капиталы. И это затемняет те его части, которые стали феноменами сверхэкономики и сверхгосударства. Не все банки и не все функции банков одинаково входят в эту сферу. Тут переплетаются феномены экономики и власти. И это переплетение вполне нормально, так как власть такого рода вырастает из экономики и над ней.

Денежный механизм в его высшей функции власти над экономикой и над человеком вообще определяет судьбы социальных феноменов огромного масштаба - экономических империй, отраслей экономики, слоев населения, народов и даже целых регионов планеты. Он определяет социальную стратегию большого исторического масштаба. Очевидно, например, планирование и руководство крупнейшей в истории операцией Запада, именуемой "холодная война", и финансирование ее (т.е. траты на нее) были делом рук денежного механизма Запада. Теперь он стал явлением глобального масштаба.

СВЕРХКЛЕТОЧНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

В западной экономике давно стали возникать сверхклеточные образования. В самом фундаменте западнизма (в его социальной организации) это не было predetermined. Это выходило за рамки не только западнизма, но общества вообще. До поры до времени такие образования были сравнительно редкими и существенно не влияли на состояние социальной организации в целом. В наше время положение коренным образом изменилось: именно эти образования увеличились в числе, в размерах и в видах и стали играть доминирующую роль в западнистских человекишках.

Сверхклеточные образования возникали в разных измерениях одновременно, главным образом - по линии развития материальной культуры общества и по линии развития экономики в западном смысле, т.е. капитализма. Рассмотрим их основные (на мой взгляд) виды и особенности.

К числу сверхклеточных образований относятся гигантские по размерам и по инвестированному капиталу клеточки. Они возникают в силу необходимости большого числа людей и средств для выполнения задачи клеточки, т.е. в интересах дела, или в экономических интересах, например - увеличение предприятия приносит большую прибыль, необходимо для рентабельности и конкурентоспособности. При этом клеточка оказывается внутренне расчлененной на части. Устанавливается иерархия частей (части делятся на еще меньшие). В каждой части возникает управляющий орган. В случае дифференциации исходной клеточки сохраняется управляющий орган клеточки в целом, а в случае слияния нескольких клеточек в одну создается такой орган. Между управляющими органами частей и управляющим органом клеточки устанавливаются отношения субординации и координации. Происходит распределение функций управления. Сравнительно большие части становятся потенциальными клеточками в случае внутренней дифференциации клеточки или сохраняются в качестве потенциальных клеточек в случае слияния клеточек.

Второй тип сверхклеточных образований - кооперации клеточек, т.е. объединения клеточек в интересах дела или экономики (они те же, что и в случае гигантских клеточек) с сохранением статуса клеточек. При этом в объединении в целом возникает особая клеточка, которая становится управляющим органом кооперации. Имеют место различные варианты: временная и постоянная кооперация, частичная и полная, однородная, комбинации упомянутых. При частичной кооперации клеточки объединяются только в отношении совместного дела, а в остальном они продолжают прежнюю жизнь. Соответственно и система управления оказывается лишь частичной. Например, так бывает, когда несколько независимых предприятий объединяются для строительства большого сооружения (туннель, канал, мост). При полной кооперации объединяющиеся клеточки не имеют иного дела, кроме того, какое они выполняют в рамках кооперации.

Одним из вариантов кооперации является такой, в которой члены объединения работают независимо друг от друга, но под руководством управляющей клеточки. Пример ее - объединение отелей, разбросанных по стране и даже по многим странам.

Не буду перечислять все возможные варианты - они все логически вычислимы и для всех мыслимых вариантов в наше время наверняка найдется эмпирический пример. Скажу кратко еще о двух важных с точки зрения нашей цели видах сверхклеточных образований.

Особого внимания заслуживает самый грандиозный и высокоорганизованный вид таких образований - деловые империи (так будем их называть), состоящие из большого числа клеточек и сверхклеточных образований, разбросанных на большой территории (даже в разных странах планеты), нанимающие десятки и даже сотни тысяч работников самых разнообразных профессий, имеющие разветвленную и иерархизированную систему управления. Эта система управления подобна государственной администрации и армейской. Пример таких империй - газетные, книжные, телевизионные, авиационные,

кино, высокой технологии и т.п. Они централизованы, управляются диктаторскими методами сверху вниз, обладают сравнительно большой автономией в своей деятельности. Они имеют структуру, масштабы, ресурсы и систему власти и управления, вполне сопоставимые с таковыми целых обществ.

Второй вид сверхклеточных образований, о котором я хотел сказать, это деловые объединения, подобные эконоимическим империям, но не являющиеся экономическими, поскольку они не приносят никакой прибыли, они только тратят средства, предоставляемые им государством, банками и экономическими гигантами. К ним относятся, например, организации, мобилизующие ресурсы общества на выполнение космических программ, на решение проблем вооружения армий современным оружием, на решение проблем огромного масштаба вроде демографических и экологических. Эти образования множатся в большом числе по самым различным поводам. Они приобрели огромный вес в жизни западного мира и совместно с упомянутыми сверхклеточными образованиями уже прорвали рамки социальной организации обществ и вошли в число важнейших предпосылок и условий эпохи свехобществ.

Сверхклеточные образования не вытесняют обычные клеточки общества. Последние сохраняются, множатся и совершенствуются. Но доминирующая роль в экономике и вообще в жизни обществ переходит к сверхклеточным структурам.

В деловом аспекте западнестских человеииков возникло большое число клеточек, которые имеют дело с государством не непосредственно, а как элементы сверхклеточных структур. Тут мы видим аналог отраслям хозяйства в коммунистических человеииках. С другой стороны, возникло большое число деловых клеточек, которые сами не выполняют хозяйственных функций, но участвуют в организации сверхклеточных структур и в управлении хозяйственными клеточками. Тут мы видим аналог системы управления коммунистическим хозяйством. Одним словом, происходит своего рода коммунизация делового аспекта.

НА ПУТИ К СВЕРХИДЕОЛОГИИ

Как уже говорилось выше, надо различать менталитет отдельных людей и менталитет человеческих объединений. Первый заключается в состоянии менталитета человека, который формируется в результате воздействия множества факторов на прирожденный менталитетный аппарат людей (органы чувств, нервную систему, мозг). Второй заключается в состоянии особой менталитетной сферы человеиика, которая формируется и сохраняется в результате деятельности множества особых людей, учреждений и организаций. Он закрепляется, существует и распространяется в виде книг, речей, фильмов, театральных представлений, картин и т.д. Состояние менталитета отдельных людей формируется путем воспитания в семье, влияния окружающих людей, образования, личного опыта, а также путем воздействия менталитетной сферы человеиика.

В истории менталитетной сферы можно различить два периода. В первый период менталитетная сфера так или иначе считалась с природными свойствами ментального аппарата людей, приспособлялась к ним. Во второй период она достигла таких масштабов и изобрела такие средства производства, хранения и распространения менталитета людей, а также средства воздействия на менталитет людей, что отношение ее к последнему изменилось на противоположное: она стала приспособлять менталитетные способности людей к своим интересам - к производимой ею менталитетной продукции. Производство этой продукции стало происходить по законам коммунального и делового аспектов, причем в значительной мере независимо от законов менталитетного аспекта

жизни людей. Предложение этой продукции стало доминировать над спросом - стало формировать ее потребителей. Тут, пожалуй, мало сказать, что наступила новая эпоха в истории менталитетной сферы. Тут следует говорить о новой эпохе в менталитетной культуре человечества.

В западной печати новая эпоха в менталитетной культуре изображается в таком духе. Культура стала наиболее динамичным элементом цивилизации, превзойдя динамизм технологии. Характерной чертой культуры стало неудержимое стремление к поискам новых и оригинальных будущих форм. Ею овладела идея (я бы сказал - мания) изменений и новизны. Причем это стремление не встречает никаких препятствий внутри культуры, а общество с энтузиазмом приняло его. Культура заполонила своей продукцией рынок, и эта продукция жадно пожирается. Культура стала формировать качественно новое состояние эмоциональной сферы людей, можно сказать - сенсibilitета (по аналогии с менталитетом). Искусство стало раскованным, стало ломать все жанры и стили, стало использовать все способы производства сенсаций.

Даже сумасшествие стало рассматриваться как высшая форма творчества. Новизна приобрела ценность сама по себе. Новое, не встречая сопротивления, стало быстро распространяться, овладевая большими массами людей. С установкой на новизну пришла идеология, согласно которой искусство должно служить авангардом социального прогресса. Поскольку исчерпали или дискредитировали себя старые радикальные политические идеи, продолжение радикализма стало возможно не в политике, а в культуре. И культурный авангард взял на себя эту роль.

В отличие от социальной структуры, управляемой экономическими принципами рациональности, культура беспорядочна, в ней доминируют иррациональные настроения. Отвергнуты все "буржуазные" ценности. Никакой самодисциплины, никакого самоконтроля. Современная культура не рассматривает себя как отражение социальной реальности, она открывает путь чему-то радикально новому, стремится к утверждению своего приоритета в сфере нравов и морали. Искусство становится все более автономным, деятели искусства сами творят вкусы.

Я не могу сказать, что все в этом описании есть ложь, но не могу сказать, что оно есть истина. Ни то ни другое. Просто констатация очевидных и общеизвестных фактов и их идеологическая (именно идеологическая!) интерпретация. Я на эти факты смотрю иначе.

Тот тип культуры, который вытеснил классическую традиционную западноевропейскую культуру и безраздельно овладел западным обществом, есть сверхкультура западнизма. Она сложилась в течение длительного, т.е. исторического времени. У нее были предпосылки в традиционной западноевропейской культуре. Кое в чем она претендует быть ее продолжением. Но в общем и целом это есть новое явление, противоположное западноевропейской культуре, убивающее ее: в крайнем случае отводящее ей второстепенную роль. У нее есть свои корни, основы и источники, отличные от тех, из которых вырастала западноевропейская культура. Последняя была настолько сильна, что новая культура западнизма пробилась к жизни и заявила о себе громогласно лишь в XX столетии. И лишь во второй половине XX столетия она завладела ареной истории и стала неотъемлемой частью "религии" западнизма.

Еще Сен-Симон высказал идею создания культа искусства (культуры) вместо христианства. На первый взгляд его идея реализовалась. Во всех общественных местах, в учреждениях, в конторах, в ресторанах, на площадях, в частных квартирах, в газетах, в журналах, на обложках книг, на плакатах, в рекламе, в кино - короче говоря, везде и во всем можно видеть "иконы" этого нового культа. Но воскресни сейчас Сен-Симон, он вряд ли был бы в восторге от этого. Та культура, которая стала частью "религии" западнизма, и та

культура, которую Сен-Симон хотел сделать "религией" вместо христианства, суть явления различные и в каких-то отношениях взаимоисключающие.

Назову основные, на мой взгляд, черты западнистской сверхкультуры. Прежде всего, изменились масштабы культуры, ее положение в обществе и роль в жизни людей. Культура западнизма проникла во все сферы жизни людей до такой степени, что грани между этими сферами и культурой стали неопределенными, а отчасти исчезли совсем. Мир буквально наводнился продуктами культуры. Трудно назвать виды деятельности людей и предметы их потребления, в которых не сказывалось бы и не замечалось бы проявление культуры. Дома, парки, средства транспорта, технические сооружения, одежда, посуда, мебель, оформление книг и журналов, реклама, афиши, спорт, сервис, детские игрушки, еда, предметы домашнего обихода... Такого вторжения культуры в повседневную жизнь людей в истории человечества никогда и нигде еще не было.

Культура стала общедоступной. Практически подавляющее большинство людей не только постоянно обитает в окружении культуры и потребляет ее произвольно, но и может пользоваться достижениями культуры в традиционных формах, - я имею в виду общедоступность музеев, библиотек, телевидения, кино, театров. Огромное число рядовых граждан получило возможность самим заниматься культурной деятельностью - музыкой, изобразительным искусством, танцами, сочинительством. Культура как бы растеклась по обществу, стала необходимым и привычным элементом жизни всех слоев, всех категорий, всех возрастов населения. Так что теперь следует говорить о культурной среде жизни людей, а не об особой культурной сфере, независимой от большинства и доступной немногим.

Социальная среда жизни людей стала неизмеримо эстетичнее, чем когда-либо в истории человечества. Прекрасное заполонило мир до такой степени, что люди уже воспринимают его как нечто само собой разумеющееся или вообще не замечают его. Тут, пожалуй, произошло нарушение меры, наступило перепроизводство культуры, и она утратила ту ценность в глазах людей, какую она имела в эпоху ее дефицита.

Основными потребителями культуры стали широкие слои населения, занятые повседневной деятельностью и не имеющие возможности получать специальное образование и усовершенствовать свои эстетические вкусы, не имеющие времени на такое отношение к культуре, какое имело место в прошлом в узком кругу праздных людей с утонченными вкусами и неторопливым образом жизни. Это, естественно, сказалось на самом характере культуры. Культура, рассчитанная на сотни миллионов рядовых граждан, вовлеченных в динамичную и напряженную жизнь современного общества, стала адекватной своему потребителю и, более того, сама со своей стороны стала формировать массы людей в духе общей ситуации в их странах и на планете.

Следующий важнейший признак культуры западнизма - ее масштабы как сферы производства культуры, т.е. с точки зрения числа людей, учреждений, организаций и материальных средств, занятых в ней. В истории человечества эта сфера никогда не достигала таких размеров ни относительно, ни тем более абсолютно. По доле занятых в ней людей она превзошла сельское хозяйство и стала сопоставимой с промышленностью.

Хотя число тех, кто непосредственно занят творческой деятельностью (писателей, художников, композиторов и т.д.), колоссально возросло сравнительно с прошлым, их процент в общем числе тех, кто так или иначе занят в сфере культуры, резко сократился. Произошло разжижение творческого ядра культуры как в смысле распределения творческих функций между большим числом творцов культуры, так и в смысле разрастания нетворческой части ее. Творческий потенциал культуры западнизма в этом смысле сократился сравнительно с культурой западноевропейской.

Необычайно расширились и усовершенствовались технические средства производства культуры. Развитие новых технических средств (фотография, звукозапись, радио, кино, телевидение) привело к тому, что они сами превратились в новые формы культуры, заняв в ней главенствующее положение. И им суждено было стать могильщиками социальных, моральных и эстетических ценностей, какие вносила в мир традиционная западноевропейская культура.

Культура стала сферой капиталистического бизнеса. Сложилось все расширяющееся производство предметов культуры и зрелищ. Сфера культуры превратилась в рынок. Высшими критериями ценности продуктов культуры стали отношения спроса и предложения. Рыночная цена вытеснила эстетическую оценку. Масштабы творческой личности стали определяться не тем, что она внесла в свою сферу сравнительно с предшественниками, а тем, каков ее рыночный успех. Судьями качеств произведений культуры стали эксперты масс-медиа, руководствующиеся отнюдь не критериями эстетики, морали, просвещения, гуманизма. Все это общеизвестно, и нет надобности продолжать описание этого аспекта дела.

У истоков культуры западнизма стояли личности выдающиеся. Их было не так уж много. Когда дело культуры взяли в свои руки бизнесмены и масс-медиа, на смену им пришли многие тысячи посредственностей. Основную массу творцов новой культуры составили люди средних интеллектуальных и творческих способностей. Новаторство ее иллюзорно, поверхностно, мелочно. Оно в основном есть результат недостатка таланта и мастерства, а не избытка их. Это - культура в основном посредственностей и для посредственностей. Гений и талант в ней допускаются лишь в ничтожных размерах и лишь в таких формах, какие не угрожают всеобъемлющей власти посредственности. Большинство деятелей культуры, общественно признаваемых в качестве талантов и гениев, на самом деле суть лишь имитация таковых, раздутая в средствах массовой информации сверх всякой меры.

Главными фигурами в культуре стали бизнесмены и организаторы непомерно разросшейся по числу участников той сферы общества, которая связана с эксплуатацией и реализацией культуры. Причем и в множестве деятелей культуры, образующем творческое ее ядро, главными фигурами стали лица, вторичные по отношению к творчеству, как таковому, - исполнители, имитаторы, интерпретаторы, компиляторы, эксплуататоры культуры прошлого, плагиаторы и т.п. Характерным примером на этот счет может служить процесс создания кинофильмов и использования их, а также деятельность множества людей, так или иначе связанных с этим. Попробуйте среди десятков тысяч людей, занятых в этом деле, найти личности, сопоставимые с такими величинами западноевропейской культуры, как Шекспир, Бальзак, Гюго, Достоевский! А когда творчество гигантов прошлого используется в рамках культуры западнизма, им отводится роль второстепенная, с их творчеством обращаются так, как будто они суть заурядные сочинители пошлых сценариев для пошлых голливудских фильмов.

Для гигантского числа писателей, художников, создателей фильмов и прочих деятелей культуры невозможно всем быть не то что гениями, но даже мало-мальски способными творцами нового и первооткрывателями. Есть пределы в самой культуре, как таковой, для подлинного новаторства в рамках эстетических критериев. Надо любыми путями выделиться, произвести впечатление, привлечь к себе внимание, урвать известность и деньги - к этому вынуждают законы рынка культуры. Поэтому успех достигается не за счет подлинных творческих достижений, а за счет разрушения всяких сдерживающих рамок, включая рамки морали и эстетики. Безудержное псевдоноваторство оттеснило на задний план новаторство в смысле западноевропейской культуры.

Многие авторы отмечали отсутствие в современной западной культуре больших имен, сопоставимых с гениями прошлого. Это не значит, будто гении перестали рождаться. Они

рождаются. И может быть, в большем числе, чем ранее. Но в условиях современного западного общества они просто не имеют возможности проявиться в качестве таковых и быть замеченными. Их заслоняет огромное число посредственностей, имитирующих гениев и более удобных в культурной жизни общества. То, что раньше делал один гений, теперь растаскивается и молниеносно реализуется десятками и сотнями ловкачей, имеющих достаточно высокий уровень профессиональной подготовки. Масс-медиа способствует созданию извращенной системы оценок творческих достижений, раздувая сверх всякой меры сенсационные посредственности и замалчивая настоящее творчество.

Многие авторы отмечали также бессодержательность современного западного искусства. Думаю, тут мало констатировать этот факт. Дело в том, что изменилось само понятие содержания искусства. То, что в западноевропейской культуре считалось формальными средствами изображения какого-то содержания, в искусстве западнизма само стало содержанием. Изобразительные эффекты, не требующие интеллекта, стали сутью искусства. Искусство с высокоинтеллектуального уровня опустилось на уровень примитивно-эмоциональный.

Характерным для искусства западнизма является уход от реальности, сознательный антиреализм. Создается вымышленный мир, не обязательно положительный, но и отрицательный, главное - чтобы он был ярким, полным соблазнов и приключений, с сильными страстями любого сорта, с захватывающими ужасами, со сверхчеловеческими существами и ситуациями. Один немецкий социолог заметил, что жизнь становится все серее и скучнее, а фильмы и книги - все ярче. Литература, кино и телевидение создают ложное впечатление, будто "маленькие" люди ведут интересную и социально насыщенную жизнь. В реальности же их жизнь есть мещанская скука и столь же унылая работа по обеспечению этой скуки.

Сотни тысяч людей, творящих непрерывным потоком продукцию культуры для сотен миллионов себе подобных, не могут создать ничего иного. Сотни миллионов потребителей культуры и не требуют ничего иного. Достигшие высокого совершенства средства культуры приобрели самодовлеющее значение и стали ее подлинным содержанием. Искать в ней какое-то иное содержание так же бессмысленно, как искать чистоту в грязных политических и экономических махинациях.

Культура западнизма приспособилась к тому человеческому материалу, на который она рассчитана, и одновременно приспособила этот материал к тому, что она способна производить. Она имеет успех, поскольку рассчитана на самые широкие слои, на самые примитивные потребности, на самые примитивные вкусы, на самый убогий менталитет. При этом высшие классы и образованные слои общества отнюдь не сохранили для себя некую элитарную культуру, являющуюся продолжением и развитием культуры западноевропейской. Они в первую очередь стали потребителями современной плейбойской культуры, поощрили и поддержали ее, возвели ее на пьедестал высших достижений, способствовали извращению всей ситуации в сфере культуры. В Древнем Риме аристократия имела привилегированные места, но смотрела те же зрелища, что и плебс, причем аристократия стремилась видеть зрелища ближе и детальнее.

Кино возникло в XX веке и является по самому своему рождению элементом культуры специфически западнистской. На первых порах оно испытало огромное влияние западноевропейской культуры, особенно - литературы, и подарило миру бессмертные шедевры. После Второй мировой войны имела место вспышка кино именно в качестве продолжения традиций западноевропейской культуры. Но затем начался стремительный процесс его западнизации, можно сказать - голливудизации. Необычайно возросла производительность киноиндустрии. Высочайшего уровня достигла техника кино, исполнительное искусство актеров, режиссура и вообще все то, что касалось технологии

изготовления фильмов. Кино стало ведущим видом искусства, начало оказывать влияние на прочие виды. Но при этом с точки зрения того, что считалось главным в западноевропейском искусстве, а именно - с точки зрения содержания фильмов, оно утратило все основные признаки искусства, превратилось в то, что бесчисленные критики культуры западнизма стали называть антиискусством. Бессодержательность, аморализм, проповедь разврата, извращений и насилия, идейное убожество, эмоциональный примитивизм, уход от реальности или искажение ее и прочие явления, порицаемые с точки зрения критериев западноевропейской культуры, стали характерными качествами западного кино. Отдельные фильмы, которые можно считать подлинными произведениями искусства, стали редким исключением.

В западноевропейской культуре литература занимала главенствующее положение, хотя писателей было сравнительно немного, книг печаталось тоже мало сравнительно с нынешними масштабами, тиражи книг были невелики. Теперь число писателей выросло в сотни раз сравнительно с XIX веком, а число книг стало астрономически огромным. Если измерять прогресс этими параметрами и тем, сколько времени человечество тратит на чтение, то вывод следовало бы сделать весьма оптимистический, а именно - в пользу колоссального прогресса литературы. Но такого рода критерии в данном случае суть средства идеологии. На самом деле положение литературы в современной культуре Запада и ее состояние таковы, что оптимизм тут был бы по меньшей мере неуместен. Литература утратила ведущую роль в культуре. Хотя печатаются миллионы книг и журналов, основная масса печатаемой продукции образует резкую противоположность тому, что составляло основу и ядро литературы западноевропейской. Интеллектуальный и эстетический уровень ее чрезвычайно низок, а с моральной точки зрения она превратилась в средство развращения и дезорганизации масс. Подавляющее большинство печатаемых книг таково, что на сочинение их не нужен ни ум, ни особый литературный талант, ни длительные усилия. Оцениваются книги не специфическими критериями литературного творчества, а с точки зрения финансового успеха, газетных сенсаций, социального статуса авторов и т.п. Творческий аспект литературы оказался делом десятистепенной важности. Доминирующей стала тривиальная литература, вообще не имеющая никаких творческих амбиций.

Можно констатировать как факт, что в современном западном мире произошло слияние ранее обособленных подразделений менталитетной сферы в новое единство под эгидой идеосферы, так что образовалась сверхидеологическая сфера. Сложился и механизм ее. И решающая роль в нем принадлежит средствам массовой информации (масс-медиа, или, короче, медиа).

"ВАТИКАН" ЗАПАДНИЗМА

Выражением "масс-медиа" или просто "медиа" принято обозначать совокупность таких явлений современного западного общества, как радио, телевидение, газеты, журналы, различные периодические, спорадические и одноразовые издания типа газет и журналов, а также другие средства, выполняющие аналогичные функции. Этимологически это выражение означает множество средств массовой информации. Но функции этих средств вышли за пределы распространения информации. Они сказались более разнообразными и более серьезными. Кроме того, они теперь суть не просто сумма различных

[592]

явлений. Они образовали особую целостную сферу западного общества со своими законами (правилами) существования и функционирования. Так что я здесь буду игнорировать этимологический аспект рассматриваемого выражения и употреблять его как

социологический термин, причем без всякой дефиниции, просто как обозначение известных всем явлений, упомянутых выше (радио, телевидение, газеты и т.д.).

После Второй мировой войны в эволюции западных медиа произошел грандиозный качественный "скачок" - они оформились в одну из важнейших сфер общества. Так что их теперь следует рассматривать не просто как множество разрозненных явлений со сходными свойствами, а как единое целое со сложной структурой, с разнообразными частями и функциями. Исторические условия этого "скачка" суть следующие: 1) колоссальный количественный рост составных элементов медиа; 2) их техническое усовершенствование; 3) изобретение новых средств; 4) усовершенствование их работы; 5) возникновение разнообразных связей между ними; 6) расширение сферы их деятельности и усиление их роли в общественной жизни.

Социально-экономический статус медиа разнообразен и изменчив. Тут можно видеть всевозможные варианты, тенденции и процессы. Я этот аспект их опускаю как второстепенный для темы книги. Конечно, медиа есть одна из сфер приложения и активности капиталов, и интересов государства. Но сводить их к этому ошибочно. Они суть нечто большее, выходящее за рамки бизнеса и политики. Это, можно сказать, есть "третья сила" западнизма. Это - и информация, и дезинформация, и апологетика, и критика, и услуги властям и бизнесу, и оппозиция к власти и к бизнесу, и проповедь морали, и проповедь разврата, и просвещение, и оглушение, и борьба идей и интересов, и отражение жизни, и искажение реальности, и делание жизни, короче говоря - квинтэссенция общественной жизни во всех проявлениях ее субъективного фактора. Медиа есть арена общественной жизни, ставшая сама одним из важнейших факторов этой жизни. Она состоит из десятков тысяч учреждений, организаций, предприятий. В ее работу вовлечены в качестве сотрудников сотни тысяч людей. Она привлекает для участия в своей работе миллионы людей всех социальных категорий. Медиа - это могущественный инструмент формирования сознания, чувств и вкусов огромных масс людей и инструмент воздействия на них в желаемом для кого-то духе. Но это - такой инструмент, который сам осознает себя в качестве силы, использующей всех прочих и все остальное в качестве инструмента своей власти над обществом.

Формально не существует единый центр управления медиа. Но фактически они функционирует так, как будто получает инструкции из некоего руководящего центра наподобие ЦК КПСС. Тут есть своя "невидимая рука". Она почти совсем не изучена. Данные о ней редко попадают в печать. Ее образует сравнительно небольшое число лиц, которые санкционируют рекомендации, выработанные более широким кругом политиков, бизнесменов, политологов, журналистов, советников и т.д., и подают сигнал к согласованной деятельности медиа по определенным проблемам. Имеется большое число опытных сотрудников учреждений медиа, которые сразу угадывают новую установку и даже опережают "высшую инстанцию". И в дело немедленно вступает огромная армия исполнителей, подготовленных выполнить любые задания в духе новой установки. Между людьми, образующими этот механизм, имеют место бесчисленные личные контакты. Почти вся работа этого механизма протекает как своего рода функциональная самоорганизация (так я называю этот тип организации), а не как система документально фиксируемых команд и отчетов об их исполнении. Такой механизм скрыт и неуязвим от нападков извне.

Медиа сложились именно такими, какими они требуется обществу и какими вообще возможны. Нелепо винить их в очевидных недостатках, игнорируя то, что их недостатки имеют не меньший спрос, чем достоинства. И что считать недостатком? С какими критериями оценивать работу медиа? Они выполняют свои функции, причем лучше, чем прочие социальные институты. Но лучше не с точки зрения моралистов, ратующих за некую правдивость и справедливость, а с точки зрения обработки людей в нужном для

общества духе и с точки зрения удовлетворения потребностей людей именно в такой продукции для их разума и чувств

Функции и свойства медиа многообразны, так что при желании можно создать любую их характеристику, как позитивную, так и негативную, причем как в том, так и в другом случае опираясь на достоверные данные. В дополнение к сказанному выше отмечу еще некоторые черты медиа, не придавая им никакой субъективной оценки.

Медиа стали не орудием сбора и распространения информации, производимой кем-то другим, а производителем, контролером и властителем информации. Они имеют свои мощные и профессионально обученные кадры для этого. В их распоряжении фактически все силы общества, как-то связанные с информацией. Они формируют информацию по своим правилам, придают информации вид, отвечающий ее интересам. Информационный поток, минующий их, ничтожен сравнительно с тем, какой проходит через нее, а роль его еще ничтожнее. Она сконцентрировала в себе основные и наиболее влиятельные информационные потоки и силы общества.

Медиа вторгаются во все сферы общества - в политику, экономику, культуру, науку, спорт, бытовую жизнь. Им до всего есть дело. Они не просто влияют на умы и чувства людей. Они проявляют власть над ними, причем власть диктаторскую. Эта власть осуществляется по многим каналам. Назову основные из них.

Медиа буквально приковывают к себе внимание подавляющего большинства населения западных стран, снабжая людей в изобилии практически любой нужной им информацией, сплетнями, развлечениями, сенсациями. Они обладают для этого неограниченными средствами, самой совершенной технологией и отработанными приемами. Невозможно подсчитать, сколько времени и сил тратят люди, просиживая перед телевизорами, читая газеты и журналы, слушая радио. Никакая церковь не может с этой точки зрения сравниться с "церковью" западнизма. Они удобны и с точки зрения способа вовлечения людей в их деятельность. Человек может потреблять продукцию медиа в одиночку, сидя дома, находясь в транспорте, даже во время работы.

Уже одно то, что телевидение приковывает к своим экранам сотни миллионов людей, удерживая их от выхода на улицу и от образования неподконтрольных масс, делает медиа в современном перенаселенном, практически безбожном, нетерпеливом и алчном мире важнейшим средством манипулирования людьми.

Вторым важнейшим каналом всевластия медиа является то, что они контролируют и направляют всю интеллектуальную и творческую деятельность общества, создавая паблисити творцам произведений культуры, давая им оценку, отбирая их, показывая их. Медиа присвоили себе функции публичного судьи того, что производит культура, предопределяя само это производство с точки зрения тематики, идейной ориентации и эстетических вкусов. Они определяют то, какой круг людей выпускается на арену культуры, какие произведения, какие идеи, какие моды. Не гений и ум творцов произведений культуры определяет их судьбу, а отношение к ним - масс-медиа. Они в состоянии возвеличить ничтожное и бездарное, если оно соответствует ее интересам и конъюнктуре, и не допустить к жизни великое и талантливое, если такого соответствия нет.

Третьим важнейшим каналом всевластия медиа является то, что они дают трибуну политикам и арену для политических спектаклей. Они раздувают и используют непомерное тщеславие политиков. Они влияют на их успехи и неудачи, порою роковым образом. Без нее немыслимы никакие выборные кампании, парламентские баталии, встречи, визиты, выступления, демонстрации, массовые движения, партийные мероприятия и вообще все важнейшие явления общественно-политической жизни западных стран.

Наконец, медиа сконцентрировали в себе общественное мнение и гражданское общество, став их рупором и одновременно лишив их самостоятельности. Они нашли в медиа свою

организирующую силу, отчуждая им свою собственную независимость и власть. Медиа стали чем-то вроде "государства" для внегосударственной жизни общества.

Критики медиа обращают внимание на то, что их средства находятся во владении каких-то других сил, что ими кто-то управляет как своим орудием. Я не отвергаю это. Но я считаю, что не в этом суть дела. Средства медиа могут принадлежать частным лицам, государству, общественным организациям, корпорациям, банкам. Их может использовать крупный капитал, правительство, какие-то клики и группы. Но все это не лишает их той роли, какую они играют в обществе, и их положения в системе прочих социальных феноменов. Они занимают такое положение и играют такую роль в обществе, которые позволяют им со своей стороны диктовать свою волю всем тем, кто в какой-то мере манипулирует ею, и своим формальным хозяевам. Все те, кто считается их хозяевами и манипуляторами, вынуждены подчиняться самим тем условиям, благодаря которым они хозяйничают и манипулируют медиа. Тут скорее имеет место сговор и дележ власти между более или менее равными по силе сообщниками, чем отношение господства и подчинения. Хозяин газеты, например, влияет на политическую линию газеты. Но одновременно он сам подвластен своей газете как феномену, играющему особую роль в обществе.

Медиа есть безликое божество западного общества, которому поклоняются и все те, кто считается или воображает себя их хозяевами и начальниками. Самое большее, что на самом деле эти люди делают, это - прислуживание своему божеству в качестве его жрецов, разумеется - за хорошую плату и за прибыли. Медиа есть социальный феномен, концентрирующий и фокусирующий в себе силу безликих единичек общественного целого - зрителей, читателей, ученых, артистов, идеологов, политиков, спортсменов и прочих граждан. Это их коллективная власть, выступающая по отношению к каждому из них по отдельности как власть абсолютная. Сила церкви в эпоху феодализма ведь тоже была не в сравнительно небольшом числе церковников, а во всей массе населения, принимавшего церковь и приносявшего в нее кусочки своего отчужденного "я".

Благодаря современным средствам массовой информации почти все граждане имеют в изобилии информацию обо всем на свете. Информацию яркую, развлекательную и привлекающую. Информацию хорошо обработанную, отобранную, пригодную к потреблению без усилий и размышлений. Задача этих средств - забить мозги людей до отказа, чтобы в них не осталось места ни для чего другого и чтобы отпала всякая потребность "шевелить мозгами". Посеять в сознании людей такой хаос, чтобы люди не смогли упорядочить его разумным образом. Набить мозги шаблонами, клише, пустышками, образцами поведения, соблазнами. Эти средства фактически сняли с людей всякие моральные табу, подменили веками выработанные нормы здоровой жизни всякого рода извращениями, подменили высшие достижения культуры массовой псевдокультурой, систематически реализуют установку на психологическое и идейное упрощение и стандартизацию человеческого сознания.

В западном мире в результате действия идеосферы сложилось состояние, которое многие теоретики и даже апологеты западнизма называют кризисом всей системы воспитания людей. Причину этого видят в отступлении от принципов морали, а выход из него в необходимости прививать людям традиционные принципы морали. В реальности же тут произошел перелом, от последствий которого не может избавить никакая мораль.

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В ЦЕЛОМ

Социальная организация западнистского сверхобщества как целое есть диалектическое отрицание социальной организации западнистского общества. Она удерживает в себе

вторую в снятом виде. Она, таким образом, состоит из двух частей - из базисной и надстроечной. Чтобы понять ее строение, нужно вспомнить о том, что она является отрицанием отрицания по отношению к социальной организации предобщества. С этой точки зрения она является как бы возвратом к дообщественному уровню, но на более высоком уровне. В ней происходит как бы слияние в единое целое подразделений и функций социальной организации человеичника, которые имели место в недифференцированном или слабо дифференцированном виде в предобществе и достигли предела дифференцированности в обществе. Тут вступают в силу факторы организации, отличные от таковых уровня общества, но аналогичные уровню предобщества. Происходит как бы возрождение догосударственных, доправовых, доэкономических и т.д. явлений. Не случайно многие авторы пишут о конце демократии и "свободного капитализма", о моральной деградации, о крахе культуры и других явлениях современного западного мира, воспринимаемых как признаки упадка западной цивилизации. Они не замечают того, что это все суть проявления и следствия эволюционного прогресса - перехода от эпохи обществ к эпохе сверхобществ.

Как я уже отметил, социальная организация западнистского сверхобщества как целое разделяется на надстроечную и базисную части. Чтобы описать ее строение и свойства, мы должны, естественно, обратиться именно к ее надстроечной части, уделяя внимание базисной в том свете, какой на нее бросает надстроечная часть.

Надстроечная часть, о которой идет речь, не есть всего лишь сумма надстроечных явлений сверхгосударства, сверхэкономики, сверхидеологии и других компонентов западнистского человеичника. Ошибочно также представлять себе положение так, будто надстроечные части компонентов социальной организации общества превращаются в соответствующие компоненты социальной организации сверхобщества. Упомянутые надстроечные явления общества суть лишь отдельные потоки эволюционного процесса, которые сливаются в нечто единое и перемешиваются в этом единстве. Тут происходит взаимное проникновение надстроечных явлений, взаимное влияние, обмен свойствами и функциями, возникновение новых явлений как средства единства и как следствия его. Сюда включаются результаты изменения ориентации эволюционного потока. Вносят свою долю новые органы, возникающие в силу закона порождения особых органов для исполнения постоянных функций (о нем упоминалось выше). В результате на этом уровне теряет смысл разделение частей и функций, имеющее место на уровне общества и в снятом виде в базисной части. Надстроечная часть социальной организации сверхобщества как целое выступает как сверхгосударственность по отношению к государственности, как сверхэкономика по отношению к экономике, как сверхидеология по отношению к идеологии и т.д., а не отдельными ее подразделениями с упомянутым разделением функций. Она образует высшее подразделение системы власти и управления сверхобщества. Потому для краткости будем называть ее сверхвластью.

Сверхвласть сверхобщества состоит из множества людей. В социологии принято называть их правящей элитой. Но сказать это - значит сказать нечто пустое по смыслу. В таком понимании "правлящую элиту" можно найти в любом достаточно большом человеичнике, как это обычно и делают социологи. Специфика сверхвласти сверхобщества при этом испаряется. Сверхвласть есть определенное множество людей, которое определенным образом организуется, занимает определенное положение в системе власти и управления в целом, выполняет в ней не все функции, а лишь частичные и отличные от функций других подразделений власти, и выполняет эти функции определенными, только ей присущими средствами.

Сверхвласть не является не только выборной, но и вообще узаконенной. Чтобы она сложилась, необходимо достаточно большое число людей, обладающих следующими

признаками. Эти люди имеют настолько высокий социальный статус, что являются фактически независимыми от государственной власти, а также от политической и экономической конъюнктуры. Они регулярно воспроизводятся в этом состоянии, в значительной мере наследуют свой статус. Они имеют влияние на правящие круги человеческого и на привилегированные слои, являются известными личностями в человеческом, связаны личными знакомствами и в значительной мере родственными отношениями. Они образуют иерархию позиций как с точки зрения их социального статуса, так и с точки зрения ролей в рамках сверхвласти. Они образуют основной компонент человеческого материала сверхвласти. Кроме них в рассматриваемое множество входят обслуживающие их лица, исполнители их решений и другие категории.

Рассматриваемое множество людей группируется в множество разнообразных объединений в различных измерениях. Эти объединения образуют сложную и иерархизированную сеть, так что образуется плотная, связанная среда. Положение людей в этих объединениях зависит от их положения в базисной части сверхобщества. Но и последнее зависит от первого. Эти объединения не узаконены юридически. Они складываются по социальным законам коммуналности, а также в силу условий их функционирования в системе власти и управления, личных и деловых отношений, взаимных услуг и т.д. Они разнообразны по степени организованности, начиная от случайных и аморфных и кончая постоянными, с установленной структурой правилами, разделением функций и т.д. Они формально добровольны, но фактически обладают достаточно прочными нитями, связывающими их в целое. Тут связи аналогичны связям в объединениях на дообщественном уровне, только тут это имеет место на сверхобщественном уровне. Члены таких объединений обладают способностью опознавать "своих" и "чужих", идентифицировать себя в качестве членов тех или иных объединений. С этой точки зрения сверхвласть вырастает как показатель доминирования суперуровня человеческого над прочими уровнями.

Объединения, из которых состоит сверхвласть, возникают и действуют в рамках юридических законов, но они не являются юридически узаконенными в качестве органов власти. Они присваивают себе функции власти, используя средства и возможности, выходящие за рамки государственности и подчиняющие ее себе. Мы об этих возможностях говорили выше. Они позволяют надстроечной части социальной организации управлять самой системой власти и выполнять функции стратегического управления, непосильные для государственности. Эти функции охватывают многолетние планы и особо важные проблемы, для выполнения которых и решения которых требуются усилия всей страны, положение страны в окружающем мире, направление эволюции страны вообще.

Сверхвласть сверхобщества состоит из двух частей. В первую из них входит все то (люди, объединения, учреждения, предприятия), что занято выработкой и принятием решений, скажем, решающая часть. Она есть аналог законодательной части власти общества. Вторая часть включает в себя то, что осуществляет исполнение решений первой части. Это - исполнительная часть.

Хотя решения первой части не являются юридически законными, они имеют принудительную силу для тех, кто их исполняет. Им подчиняются те, кого они касаются. Исполнители подчиняются, поскольку от этого зависит их вознаграждение и вообще положение в человеческом (успех, карьера, общение, судьба детей). Прочие люди подчиняются, поскольку в распоряжении сверхвласти находятся все средства принуждения базисной части сверхобщества - администрация, суды, полиция, денежный механизм, средства массовой информации.

Исполнительная часть сверхвласти образуется из надстроечных элементов социальной организации общества. Она включает в себя также государственную бюрократию, армейское

командование, органы государственной безопасности, аппараты партий и т.д. Тут имеет место, можно сказать, аппаратный плюрализм. Чтобы представить себе, что это такое, надо выделить различные подразделения аппарата коммунистической сверхвласти и представить их себе как различные аппараты, объединяющиеся в единое целое благодаря упомянутым выше объединениям "правлящей элиты". Роль, аналогичную партийному аппарату в коммунистической системе власти, здесь выполняет совокупность людей и организаций, которые держат в своих руках денежный механизм человеенника.

К числу важнейших компонентов социальной организации западнистского сверхобщества относится то, что я называю социальным активом. Это - аналог тому, что в советском коммунизме было представлено партией, союзом молодежи, профсоюзной организацией, многочисленными профессиональными учреждениями и "общественными" организациями (союзы писателей, художников, композиторов, инвалидов, охотников, филателистов и т.п.). В западных странах такого рода явления образуют "гражданское общество". Некоторая его часть фактически организуется в социальный актив (партии, профсоюзы, молодежные организации, массовые движения и т.д.), играющий важную и постоянную роль в жизнедеятельности всех сфер человеенника. В отличие от коммунизма, в западнизме эта часть не выражена так строго, плюралистична, хаотична. Но и здесь она так или иначе управляется (манипулируется) сверхвластью.

В западнистском человееннике, как и в коммунистическом, образуется особая элитарная часть - "общество второго уровня". В отличие от коммунизма, где эта часть была довольно слабой, здесь она достигает огромных размеров. И роль ее здесь гораздо значительнее. Подчеркиваю, речь здесь идет не просто об избранной части членов человеенника, а о совокупности предприятий, организаций, учреждений и других человеческих объединений с их организацией и всевозможными ресурсами и средства жизнедеятельности. Это - именно совокупность частей социального организма, которые в силу сложившихся обстоятельств оказались в исключительном (привилегированном) положении сравнительно с прочими частями того же (соответственного) рода. Это, например, особо важные предприятия, исследовательские учреждения, секретные предприятия и организации стратегического значения, подразделения медицины, обслуживающие высшие слои, крупнейшие банки, предприятия и учреждения наднационального и планетарного масштаба и т.д. Они изобретают и производят новейшую технологию, средства коммуникации, интеллектуально-информационную технику. В них делаются новейшие научные открытия, изобретаются средства манипулирования огромными массами людей. Они владеют и распоряжаются самыми мощными материальными и интеллектуальными ресурсами. В них вырабатываются стратегические планы использования ресурсов всей планеты и способы их реализации.

Эта элитарная часть человеенника образует особого рода объединение, для которого прочая часть становится его средой существования. Она использует в своих интересах прочную часть человеенника и его окружение в мире. Она имеет более высокий уровень жизни, чем другая часть. Общие нормы жизни, имеющие силу в отношении другой части, ослаблены или вообще не действуют в ней. Она живет по своим правилам. Ее отношение к остальной части можно сравнить с отношением между метрополией империи с ее колонией. Тут складывается своего рода эволюционная (или, скажем, внутренняя) империя в отличие от пространственной (или внешней для общества) империи. Это было отчетливо выражено в Советском Союзе, где сфера деятельности элитарной части была локализована, и менее отчетливо в западных странах, где она выходит за рамки "национальных государств".

ЗАПАДНИСТСКИЙ ПУТЬ К СВЕРХЧЕЛОВЕКУ

Как было сказано в четвертой части книги, в эпоху Возрождения наметились две тенденции в эволюции человеческого материала. Одну из них мы рассмотрели в части о коммунизме. Вторая тенденция, в отличие от первой, исходила из реальных качеств людей, благодаря которым сложилась западная цивилизация и западные общества, и из реальных условий этих обществ. Она оказалась успешнее и перспективнее с точки зрения характера эволюции человечества, определившейся во второй половине нашего века. Эта тенденция реализовалась в развитии тех качеств западоидности, о которых говорилось выше. Рассмотрим основные линии этого развития.

В современных западных человеёчниках качества западоидности стали всеобъемлющими как в смысле распространения в массе людей, так и в смысле проявления их в массе поступков каждого из них по отдельности. Если раньше люди с заметными чертами западоидов более или менее часто встречались в массе людей, а черты западоидности они проявляли в исключительных случаях, то теперь вся масса коренного населения западных стран (за редким исключением) стала обладателем этих черт в той или иной мере, а черты эти проявляются во всех мало-мальски важных жизненных ситуациях. Колоссально возросло число таких действий людей, для которых потребовались качества западоидности. Произошло измельчение основной массы этих действий. Качества западоидности стали использовать в поступках, которые кажутся пустяковыми в сравнении с самими качествами. Западоидность для основной массы людей и для основной массы их поступков превратилась в мелочный житейский педантизм. Человек, затевавший раньше дело с риском потерять состояние, и человек, приобретающий на небольшую сумму денег акции какой-то компании почти со стопроцентной гарантией, оба поступают как западоиды. Таких, как первый, было немного, а таких, как второй, - миллионы

Произошло ослабление и снижение роли качеств людей, считавшихся добродетелями с моральной точки зрения. То, что раньше западоиды имели благодаря наличию таких качеств у других людей (благодаря их "человечности"), теперь они это имеют благодаря более сильным и надежным средствам, а именно - благодаря деньгам, власти, славе, правовым нормам, договорам, открытиям науки и медицины, короче говоря - благодаря средствам надприродным и внеморальным, можно сказать - сверхчеловеческим. Если и произошло какое-то обесчеловечивание человека, то не за счет опускания его вниз, а за счет осверхчеловечивания, т.е. за счет прогресса. Деграция человека была платой за его прогресс. Если, например, в любом возрасте и с любыми скверными внешними данными возможно при желании иметь за деньги молодого и красивого партнера для сексуальных развлечений, если тебе на помощь приходит медицина и сексуальная техника, позволяющая иметь удовольствие больше и лучше, чем благодаря человеческой любовной страсти, как правило выдуманной и преувеличенной писателями, то никакая человечность в этом деле не может конкурировать с ее сверхчеловеческим заменителем. Если какие-то человеческие достоинства становятся источником денег и успеха, то никакой нормальный западоид не будет их консервировать или раздавать другим даром.

Уже в первой половине XX века многие авторы отмечали, что западное общество стало расчетливо-прагматичным, сверхморальным. Моральное поведение стало для западоидов поверхностным, формальным, показным. Если же дело касается жизненно важных поступков и решений, если следование принципам морали препятствует достижению важных целей и успеху, и тем более если это грозит серьезными неприятностями и потерями, то западные люди без колебаний забывают о моральном аспекте поведения и поступают в соответствии с правилами практического и эгоистического расчета. Западные люди моральны в мелочах, без риска, с комфортом и с расчетом на то, что это видно. И это

их качество не есть аморальность. Оно вполне укладывается в рамки морали в том ее виде, как они ее представляют себе.

Западоиды внутренне свободны от моральных и прочих человеческих ограничений. Тут действует принцип: если западоид может совершить в своих интересах порицаемый или наказуемый поступок, будучи уверен в том, что ему удастся избежать порицания или наказания, он совершает его. Только страх разоблачения, порицания и наказания, а также практическая невозможность, чрезмерная трудность или нецелесообразность совершить порицаемый или наказуемый поступок удерживает западоида от него.

Внутренне нравственный западоид существует как исключение. Как говорится, в семье не без урода. А как правило, западоиды лишь притворяются нравственными из тех или иных практических соображений, да и то лишь иногда. Они различаются не степенью нравственности, а лишь степенью притворства в нравственности. Еще Адам Смит сформулировал принцип западоидов: действовать в своих интересах, не действовать во вред себе. Это не есть принцип морали. Человек, который действует по принципам морали, не считается с тем, какие это имеет последствия для него. Он зачастую действует в ущерб себе. Он оказывается в худшем положении в борьбе за существование, чем человек неморальный. Западоид же не может позволить себе ничего подобного.

Эмоциональная сфера западоидов выглядит как ослабленная сравнительно с другими народами. Западоид на самом деле является не сдержанным за счет воспитания и волевых усилий, как принято думать и до сих пор изображать в книгах и фильмах, а холодным, черствым, бесчувственным по природе. Эмоциональная ослабленность западоидов компенсируется и прикрывается двумя факторами. Первый из них - информированность о тех явлениях, в которых по идее должна проявляться эмоциональность. Западоиды знают о чувствах неизмеримо больше, чем имеют их, чем ощущают их в себе. Второй фактор - высоко развитая культура имитации эмоций. Западоиды не столько проявляют природную эмоциональность (ее почти нет или нет совсем), сколько играют в нее. Отсюда чрезмерно преувеличенные проявления или изображения радости, бодрости, веселости, интереса к пустякам.

Современный западоид выглядит психологически упрощенным сравнительно с другими типами людей и даже сравнительно с предшественниками. Тут надо иметь в виду то, что личности со сложной внутренней жизнью, какие изображала западная литература прошлого, либо были выдуманы писателями, либо существовали как исключение, да и то не в такой яркой форме. На самом деле они были гораздо скучнее и примитивнее. При всем при том эти личности были свободны, имели достаточно времени для самоанализа (как правило - кустарного) и размышлений. Средства коммуникации были не такие, как они начали развиваться после Первой мировой войны, так что образованный человек, который мог поддержать беседу, имел ценность. Объектов культуры было не так уж много. Книги были редкостью и ценились. Одним словом, для богатой внутренней жизни нужны определенные условия. Это - материальная обеспеченность хотя бы на минимальном уровне, праздность, любопытство, образованность, информационный и культурный голод, интерес к человеку. Теперь на Западе для большинства людей этого нет. Объекты культуры имеются в изобилии. От людей некуда податься. Информация избыточна. Развлечений сколько угодно. Люди заняты и озабочены, им не до праздных размышлений. Нет жизненных гарантий. Нужно все силы вкладывать в дело или работу. Сознание людей ориентировано иначе. Исключительные личности теряются в океане средних.

Представим себе два технических устройства, выполняющих сходные функции в качестве деталей сложных, точно так же сходных в целом механизмов. Одно из этих устройств имеет очень сложное внутреннее строение, снабжено десятками взаимосвязанных колесиков, рычажков и поршеньков. Второе же имеет крайне

упрощенную внутреннюю структуру. Зато оно имеет сложную внешнюю форму, напоминающую скульптуры Генри Мура. Пусть первое устройство функционирует, приводя в движение свой внутренний механизм с его колесиками, рычажками и поршеньками, а второе выполняет свою функцию за счет своей причудливой внешней формы. При этом первое устройство работает хуже, чем второе, делает ошибки, ломается. Второе же ошибок не делает, не ломается, точно выполняет свои функции.

Если сравнивать эти устройства не сами по себе, а в контексте истории науки и техники, то проблема их сложности и простоты будет выглядеть иначе. Для изобретения первого устройства достаточен сравнительно низкий уровень науки, доступный даже школьникам, и довольно низкий уровень технологии. Второе же возможно лишь на основе высокоразвитой науки и технологии. Для создания его требуется самый сложный аппарат науки, каким и сейчас-то владеют редкие специалисты. В общем контексте развития науки и техники второе из рассматриваемых устройств выглядит как нечто более сложное и совершенное, чем первое.

Первое устройство можно уподобить менталитету незападоидов. Второе же можно уподобить менталитету западоидов. Западоид сравнительно с незападоидом кажется внутренне упрощенным. Но это упрощение есть преимущество западоида с точки зрения его усовершенствования внешнего, т.е. в его функционировании в качестве члена своего общества. Общественный механизм тем самым стал независимым от неконтролируемых процессов внутри его "винтиков", исключив самую возможность таких процессов. Все то, что когда-то было внутренним содержанием западоида как человека, стало внешней организацией западоидов как сверхлюдей.

Западнистское общество рационализировало человека, исключив из его внутреннего мира все то, что не является необходимым для выполнения им частичных деловых функций. Ненужные для дела потенции отдельных людей не исчезли из общества насовсем. Они стали частичными деловыми функциями особых профессий. Причем люди, сделавшие их своим особым делом, сами стали такими же опустошенными, как и прочие, ибо, будучи вырваны из общей связи человеческих качеств, образовывавших внутренний мир людей, они утратили качество быть элементами внутреннего мира. Отсутствие всесторонности развития компенсируется упрощенными и стандартизированными суррогатами массовой культуры и средств массовой информации. В результате массовый западоид получает информацию обо всем, толком и глубоко не понимая ничего.

К сказанному следует добавить, что западоиды стали искусственными существами и на бытовом уровне. Конечно, люди всегда были искусственными существами в той мере, в какой они перенимали от предшествовавших поколений накопленные ими навыки, обычаи, вещи. Но в нашем, XX веке произошел качественный перелом и в этом отношении. Весь бытовой аспект жизни западоидов (вид одежды, характер питания, обиходный язык, обстановка жилья, режим дня, виды развлечения, манера обращения с ближними, секс и все прочее) стал формироваться специалистами и специальными учреждениями и через телевидение, кино, литературу, газеты, лекции, рекламу навязываться тотально всему населению так, что избежать этого воздействия стало невозможно. В сочетании с упрощенным и шаблонным образованием это дало желаемый эффект стандартизации бытового поведения западоидов до такой степени, что их стало так же трудно индивидуализировать, как муравьев.

Западоид есть высший продукт эволюции человека. Это - искусственно выведенное существо, а не результат чисто биологической эволюции. О нем с полным правом можно сказать, что это - сверхчеловек. А сверхчеловек в каких-то отношениях есть деградация человека. Никакой прогресс не дается даром. Сверхчеловек - это не то всесторонне развитое и совершенное во всех отношениях существо, о котором говорили мечтатели

прошлого, а именно реальный западоид, т.е. внутренне упрощенное, рационализированное существо, обладающее средними умственными способностями и контролируемой эмоциональностью, ведущее упорядоченный образ жизни, заботящееся о своем здоровье и комфорте, добросовестно и хорошо работающее, практичное, расчетливое, смолоду думающее об обеспеченной старости, идеологически стандартизированное, но считающее себя при этом существом высшего порядка по отношению к прочему (незападному) человечеству.

Такой рационализированный человек, я бы сказал - полуробот или социобиологический робот, стал абсолютной необходимостью существования западного мира. Дело в том, что жизнь этого социального гиганта есть совокупность многих миллиардов действий многих десятков и сотен миллионов людей или действий самого различного рода, с вещами, со знаками, с людьми и т.д. Одни виды этих действий могут выполнять любые нормальные люди со средними способностями и даже ниже. Но имеется огромное число видов действий, для выполнения которых нужны особые навыки, особая подготовка, особые природные данные. На это способны далеко не все люди. Не любые народы способны производить достаточно большое число таких индивидов. На это оказались способными лишь западные народы, причем ценой превращения западоидов в сверхлюдей в том смысле, в каком я об этом говорил выше. Никакие другие народы не способны на такое историческое дело. Да и то теперь на Западе ощущается дефицит в таком человеческом материале, и он вынужден производить отбор его в прочей части человечества.

Породив в массовых масштабах сверхчеловека, Запад породил также в массовых масштабах сверхчеловечные отношения между ними.

Я разделяю личные отношения людей на два уровня - человеческий и сверхчеловечный. К первому уровню я отношу такие личные отношения между людьми, которые строятся на основе личных симпатий и антипатий людей друг к другу. При этом человек имеет или не имеет ценность для другого, как таковой, т.е. независимо от его социального статуса (богатства, известности, должности) и независимо от практических расчетов другого. Эти отношения бывают "душевными", доверительными, искренними, проникающими в тайники сознания. Они имеют свои плюсы. Это - внимание к ближнему, сочувствие, сострадание, солидарность переживаний, бескорыстность, взаимопомощь, соучастие. Они имеют и минусы. Это, например, бесцеремонное вторжение в чужую душу и личную жизнь, стремление контролировать поведение ближних, насилие над индивидом со стороны окружающих путем чрезмерного внимания, несоблюдение дистанции в отношениях, потеря уважения вследствие наблюдения людей с близкого расстояния, стремление к поучительству, раздражение, грубость.

Для западоидов характерны отношения, которые я отношу ко второму уровню - к сверхчеловечным отношениям. Они обладают другими качествами сравнительно с человеческими, в значительной мере - противоположными. Назову основные из них.

Смысл жизни западоидов свелся в конечном счете к двум пунктам: 1) добиваться максимально высокого жизненного уровня или хотя бы удержаться на достигнутом; 2) добиваться максимальной личной свободы, независимости от окружающих и личной защищенности. Первое стремление делает человека прагматичным, второе толкает его на самоизоляцию.

Западоид имеет настолько мощную правовую защиту, что практически он лишь в ничтожной мере нуждается или совсем не нуждается в поддержке коллектива по работе и общественных организаций. Естественно, ослабляется или пропадает совсем внимание последних к нему в личном отношении. Если общественные организации и проявляют заботу о нем, как это делают профсоюзы, например, то он при этом фигурирует как

представитель класса, а не как индивидуальная личность. Внимание других организаций к нему имеет место постольку, поскольку оно оплачивается.

К сказанному следует добавить бытовые удобства, телефон, телевидение, автомобиль, изолированное жилье, возможность обслуживать себя, отсутствие надобности в тесных контактах с соседями, напряженную работу. Важную роль сыграла необходимость защищаться от негативных проявлений человеческих отношений. При этом люди невольно ослабляли и даже заглушали совсем позитивные стороны человеческих отношений, неразрывно связанные с негативными.

С точки зрения сверхчеловеческих отношений человек не имеет ценности сам по себе. Даже в тех случаях, когда кажется, будто он ценен сам по себе (например, красив, здоров, сексуален, умен), он ценен как предмет удовлетворения потребностей. Способности человека имеют ценность для других, поскольку они могут реализоваться в жизненном успехе и другие могут за его счет поживиться.

Проблему "Быть или иметь?" западоиды решили в пользу "Иметь". Но они не отбросили "Быть", а отождествили его с "Иметь". Их формула - "Быть - значит иметь". Если у тебя много денег и высокий социальный статус, так что за твой счет могут поживиться другие, то ты можешь иметь и дружбу, и любовь, и внимание, и заботу. Правда, они суть эрзацы. Но они ничуть не хуже человеческих отношений такого рода. Не надо идеализировать человеческие отношения. Качество сверхчеловеческих отношений, как правило, выше, чем человеческих. И они надежнее человеческих. Человеческие друзья предадут не реже, а чаще сверхчеловеческих. А о любовницах и говорить нечего. То же самое можно сказать и о прочих отношениях.

Проблему "Быть или слыть?" западоиды решили в пользу "Слыть". Но они не отбросили "Быть", а отождествили его со "Слыть". Не имеет значения то, что творится в голове человека, важно то, как он выглядит в глазах окружающих. А это зависит от реальных поступков, очевидных для окружающих, а не от незримых намерений и не от незаметных действий. Иметь как можно больше и выглядеть в глазах окружающих как можно лучше - это стало важнейшими принципами поведения западоидов.

Сверхчеловеческие отношения являются неглубокими. Они легче устанавливаются и безболезненно обрываются. Они расчетливы, предполагают выгоду и полезность. Они не так обременительны, как человеческие. При этом сохраняется дистанция, спасающая от бесцеремонных вторжений посторонних в твою душу и личную жизнь. Они позволяют не тратить зря время, силы, чувства, мысли и средства. Они искусственные, "деланные". Это позволяет людям скрывать подлинные мысли и чувства, быть "социальными", т.е. более терпимыми в общественной жизни. С этой точки зрения общество западоидов напоминает великосветское общество, только в "разжиженном" виде и в массовом исполнении.

Следствием сверхчеловеческих отношений является холодность и сдержанность, равнодушие к судьбе ближнего, дефицит "душевности", одиночество, ощущение ненужности и другие явления западного образа жизни.

В XVII веке философ Гоббс определил человеческие отношения формулой "Человек человеку - волк". Эта формула до сих пор многими мыслителями считается отражением сущности человеческой природы и человеческих отношений. На мой взгляд, она уже устарела давно. Западоиды сделали шаг вперед. Для них более адекватной является формула "Сверхчеловек сверхчеловеку - робот".

Сверхчеловек есть вторичный человек, т.е. человек, способный лучше других людей использовать в своих интересах результаты деятельности и способности других людей, лучше людей ориентироваться в социальной среде и в материальной культуре, созданной другими людьми. Он лучше подходит в качестве вещества для сверхобщества.

Футурологи предсказывают наступление в будущем времени постчеловеческой эпохи. В эту эпоху, по их мысли, на нашей планете будут господствовать сооружения или существа, превосходящие людей по основным социально значимым качествам, - сверхлюди. По мнению одних из них, такими сверхлюдьми будут роботы, изобретенные людьми или заброшенные к ним инопланетянами. По мнению других, такими сверхлюдьми станут инопланетяне или сверхлюди, искусственно выведенные людьми с помощью генной технологии и бионики. Предсказание этих провидцев будущего уже сбылось в том смысле, что постчеловеческая эпоха действительно наступила. Но оно не сбылось в том смысле, что создателями и носителями постчеловеческой эпохи стали не роботы, не инопланетяне и не искусственные человекоподобные существа, а самые обыкновенные западоиды.

В отношениях между людьми и окружающей их средой имеют место два аспекта: приспособление людей к условиям среды и приспособление среды к характеру и потребностям людей. У различных типов людей и народов соотношение этих аспектов может быть различным. У одних может преобладать первый над вторым, у других - второй над первым. Одни могут проявлять гибкость в отношении среды, другие - жесткость. Развив до высочайшего уровня свою власть над средой, западоиды почти полностью утратили способность приспосабливаться к среде. Приспосабливательная жесткость западоидов в сочетании с их другими качествами способствовала тому, что характерным для них стало активное приспособление среды к своей натуре и своим потребностям. Это сказалось и в отношениях с другими народами. Характерным для западоидов стало стремление подчинять себе другие народы, влиять на них, навязывать им свой образ жизни. Сложилась идеология превосходства.

ИДЕОЛОГИЯ ПРЕВОСХОДСТВА

Надо различать констатацию того факта, что народы различаются по каким-то социобиологическим признакам, и идеологию, согласно которой представители одних народов рассматривают себя как существа более высокого порядка по отношению к иным народам, а эти народы как существа низшего сравнительно с ними порядка. Это - идеология социального превосходства одних народов над другими, идеология господства первых над вторыми. Ослабленная форма ее - идеология руководства одних народов другими, "покровительства", "братской помощи" и т.п. Другая крайность - "обоснование" такой идеологии ссылками на биологические качества и различия народов, идеология высшей биологической расы - расизм в строгом смысле слова. Расизм есть лишь частный случай и крайность идеологии превосходства.

Идеология превосходства есть идеология западная. По целому ряду причин ее не выражают явно, прячут, маскируют и даже порицают. Чтобы отвлечь от нее внимание и помешать ее обнаружению представителями народов, фактически считаемых народами низших сортов по отношению к народам западным, всячески раздувают расизм как главную опасность и объявляют расизмом всякие попытки научного исследования свойств и различий народов. Фактически не допускается такое исследование и народов западных (западоидов), так как такое исследование обнаружило бы факт зараженности западоидов идеологией превосходства, а также тот факт, что западоиды, превосходя другие народы (незападоидов) в одних отношениях, уступают им в других отношениях и деградируют.

Нет надобности говорить о том, что вся история западного колониализма проходила с идеологией превосходства. Хочу обратить внимание на явления такого рода в нашу эпоху. Приглядитесь внимательнее к тем фактам и документам "холодной войны", которые теперь стали доступны! Приглядитесь к тому, в каком виде изображаются в западных средствах

массовой информации, пропаганде, кино, литературе и т.д. западные люди (западоиды) и в каком виде, например, русские! Западоиды изображались и с удесятеренной силой изображаются теперь как существа высшего сорта. Причем в таком виде они выглядят даже тогда, когда критикуются, разоблачаются, изображаются в качестве преступников, злодеев, насильников, развратников. А, например, русские изображаются как существа не то что второго, а даже как самого низшего сорта. Причем такими они выглядят даже тогда, когда о них говорят что-то положительное, хвалят их, сочувствуют им. Это - снисходительная похвала и сочувствие существ высшего сорта к существам сорта низшего. И это - не правдивое отражение реальности, а фальсификация реальности по правилам идеологии. Здесь идеология превосходства принимает наиболее изощренные и лицемерные формы.

Идеология превосходства служит цели колонизации Западом ("Глобальным обществом") прочих народов планеты, которым неявно, но систематически внушается идея их собственной неполноценности, будто они - существа низшего сорта по отношению к западоидам, якобы несущим им все мыслимые блага цивилизации. И что особенно важно понять, дело не ограничивается воздействием на психику людей. Делается нечто более значительное и глубокое, а именно - систематически принимаются практические меры к тому, чтобы помешать другим народам развить в себе качества, которые имеют существенное значение для цивилизации и благодаря которым они могли бы достичь уровня народов Запада и даже превзойти их. Это прежде всего качества интеллектуально-творческие, важные для развития науки, техники, социального самосознания народа.

НА ПУТИ К МАТЕРИАЛЬНОЙ СВЕРХКУЛЬТУРЕ

На основе западнизма западный мир развил материальную культуру, не имеющую серьезной конкуренции на планете. На короткое время Советский Союз сделал значительную попытку вырваться вперед. Кое в чем она удалась. Но его бег был прерван. В обозримом будущем Россия вряд ли способна подняться настолько, чтобы сравняться с ролью разгромленного Советского Союза.

Современная материальная культура западнизма характеризуется такими чертами. Предметы ее в западном мире производятся в огромных массовых масштабах. Происходит усложнение и усовершенствование ее предметов, растет число их видов. Усложняются правила оперирования ими. Обычными стали сооружения таких гигантских масштабов по затратам интеллекта, вещества, усилий и средств, какие еще совсем недавно были не по силам всему человечеству. Египетские пирамиды и гигантские храмы кажутся в сравнении с ними детской забавой. А с точки зрения времени изготовления тут вообще и речи не может быть о какой-то сопоставимости.

Материальная культура проникает во все сферы жизни людей, возникает везде, где есть малейшая возможность для нее, проникает во все "щели" и "поры" человеческой жизни. Практически в жизни людей не остается места, где бы ее не было, - где бы "ни ступала нога прогресса материальной культуры". Образуются многочисленные профессии не только в ее производстве и в усовершенствовании, но и в использовании. В большинстве случаев требуется специальное обучение правилам оперирования ее предметами. Практически для всех членов общества требуется длительное обучение навыкам жить в среде современной материальной культуры. Общество тратит на это огромные средства и усилия.

Есть основания утверждать, что растет степень несоответствия человеческого материала той материальной культуре, которая создается его самыми изобретательными представителями и при его участии, можно сказать - им самим. Сами творцы материальной культуры становятся препятствием на пути ее дальнейшего прогресса. Это, с одной

стороны, вынуждает на новые изобретения с целью компенсации несоответствия. А с другой стороны, это становится одним из важнейших факторов иерархического структурирования людей в плане создания, сохранения, эксплуатации и усовершенствования материальной культуры, причем структурирования в диапазоне между величайшими научными и техническими открытиями и изобретениями, с одной стороны, и самыми примитивными явлениями, напоминающими о происхождении человека из животного мира, с другой стороны. На высшем уровне этой иерархии уже происходит интенсивный процесс выделения человеческой элиты (сверхлюдей) из миллиардов прочих людей, сопоставимый по своим эволюционным последствиям с выделением мира людей из мира животных. И это уже в той или иной мере ощущается миллиардами людей на планете. Западная пропаганда стремится внушить им, будто достижения западной материальной культуры доступны всем, конечно - при условии гегемонии Запада и западнизации планеты. Но в условиях демографического взрыва и самого примитивного представления, что этих благ на всех просто не хватит, происходящий процесс уже породил состояние человечества, которое я назвал бы эволюционной паникой. Думаю, что это состояние пришло надолго, может быть, на столетия.

Научно-технический прогресс во второй половине нашего века неизмеримо превзошел все то, что в этом отношении было сделано в прошлом, и все фантазии прошлого на этот счет по широте, по глубине проникновения в тайны мироздания, по уровню интеллекта, по дерзости идей и экспериментов, по изобретательности. Он охватил, повторяю, все сферы бытия, начиная от бытовых пустяков и кончая проблемами всего мироздания. Он решительно отбросил все табу прошлого и взялся за проблемы, считавшиеся непосильными ни для какой науки и техники. Это был взрыв открытий, изобретений и дерзаний, какой по мощности, скорости и всепроникаемости можно сравнить разве что со взрывом множества ядерных бомб одновременно. Собственно говоря, взрыв атомных бомб в Японии в 1945 году, созданных общими усилиями творческого интеллекта западного мира, символизировал начало новой эпохи в истории человечества. За ним последовали выход человечества в космос, бум автоматике и электроники, триумф информационно-интеллектуальной техники, проникновение в тайны человеческого организма и многое другое.

Достижения научно-технического прогресса с поразительной быстротой вошли в материальную культуру общества, кардинально преобразовав и увеличив ее. Влияние этой революции на умы и чувства людей было стремительным и всеобъемлющим. Сложилась вера во всемогущество науки и техники. В них увидели панацею от всех бед и средство решения всех проблем.

На первых порах не замечали, игнорировали или считали временными негативные следствия этого прогресса. Не заметили того, что человек, биологически сформировавшийся в естественной природной среде и развившийся в социальной среде, соразмерной среде природной, почти внезапно (с точки зрения исторического времени) оказался в искусственной, созданной им самим среде материальной культуры, и эта среда обнаружила себя как неподконтрольная ему сверхприрода. Человеческий материал общества оказался неподготовленным к такому перелому. С восторгом приняв позитивные достижения этого перелома, он не сразу ощутил их негативных спутников и свое бессилие перед ними.

Общеизвестно, что принципы взаимоотношений между материальной культурой и природной средой были нарушены вследствие рассмотренного перелома. Сообщениями на эту тему заполнены средства массовой информации, печатаются тысячи книг, проводятся бесчисленные конференции, принимаются решения на высотах власти, создаются всякого рода организации. Одним словом, проблема природной среды в условиях современной

материальной культуры (обратите внимание - не проблема материальной культуры в условиях природной среды, а, наоборот, проблема природной среды в условиях материальной культуры!) завладела вниманием человечества. Но при этом тот факт, что оказались нарушенными гораздо более важные принципы взаимоотношений между человеческим материалом и материальной культурой, остался в тени.

Вопиющим нарушением социальных законов, касающихся взаимоотношений между материальной культурой и человеческим материалом, явилось, например, образование сверхгигантских городов. В них искусственно созданная среда "каменных джунглей" стала вообще средой обитания сотен миллионов людей. Во многих местах планеты материальная культура вообще поглотила природную среду.

Баснословный взлет средств транспорта и коммуникации сделал планету маленькой, в сочетании с демографическим взрывом - слишком тесной для жизни людей.

Развитие информационно-интеллектуальной техники произвело революцию в материальной культуре. Идеологи заговорили о новой эпохе в истории человечества, назвав ее информационным обществом. Я думаю, что слово "общество" тут уже становится неуместным. В сочетании с другими факторами эта революция знаменует нечто более значительное и глубокое, а именно - конец эпохи обществ и вступление в эпоху сверхобществ.

При оценке прогресса материальной культуры надо принимать во внимание баланс его позитивных результатов и негативных следствий, баланс выгод от него и затрат, соотношение следствий разумного и неразумного использования. Уже теперь можно констатировать сильнейшую тенденцию к тому, что негативные следствия прогресса пересиливают позитивные его результаты, затраты на него пересиливают выгоды от него, именно разумное использование результатов прогресса становится основной причиной его негативных последствий. И что особенно интересно, это то, что избежать прогресса материальной культуры уже невозможно, ибо он стал принудительным. Ослабить рост негативных его следствий можно теперь только на пути дальнейшего прогресса. Остановка последнего и даже ослабление ниже некоторого уровня приведут к жестокому всестороннему кризису и даже к катастрофе. Прогресс материальной культуры становится врагом человечества. Но он же стал единственным спасением от этого врага, т.е. от самого себя.

Материальная культура становится чрезмерной с точки зрения живущих в ней людей. Она отнимает слишком много времени и сил на овладение правилами поведения в ней и использования ее. Она имеет свои объективные законы, нарушить которые человек вообще не в состоянии или нарушение которых ведет к тяжким последствиям и строго наказуется. Вся жизнь человека оказывается регламентированной неподвластными им силами сверхприроды. Свобода поведения и воли сводится лишь к выбору варианта "канала", в котором (причем в любом) человек становится рабом сил и законов материальной культуры.

Человеческий материал оказался неадекватным созданной им самой материальной культуре. У первого потолок развития ниже, чем у второй, а скорость движения к потолку тем более ниже. Человек просто не в состоянии овладеть и нормально оперировать непомерно большим числом довольно сложных операций с предметами материальной культуры, без которой он уже не может сделать ни шагу. Дело в том, что изобретали материальную культуру немногие таланты и гении, а иметь дело с ней приходится миллионам посредственностей и даже индивидов ниже среднего уровня. Жалобы на дефицит человеческого материала время от времени вырываются в сфере гласности в современных, наиболее высокоразвитых обществах.

Отмечу еще одно важное социальное следствие прогресса материальной культуры западнизма. Увеличение человеколюбия по числу членов есть лишь один аспект социальной эволюции. Другой аспект - усовершенствование объектов, выполняющих конкретные функции, что бывает связано с уменьшением их размеров, т.е. числа людей, необходимых для выполнения тех же функций. Наше время дает этому бесчисленные примеры. Тенденция к минимизации социальных объектов столь же объективна, как и тенденция к максимизации. Колоссальный прогресс материальной культуры и средств организации деятельности людей после Второй мировой войны, ставший одним из условий эволюции западного мира к сверхобществу, стал одной из главных причин образования избыточного человеческого материала в странах западного мира. Это, со своей стороны, способствует изменению социальной структуры населения, взаимоотношений между компонентами социальной организации и других компонентов жизни западных обществ.

Но самый, пожалуй, грандиозный взлет в западной материальной культуре произошел в сфере знаковой культуры.

Люди сами изобретают знаковую культуру как материальную культуру, скажем, второго уровня. И сами они устанавливают правила ее функционирования, организации и использования. Но, вступив в силу, эти правила приобретают характер законов природы, вернее - сверхприроды. Сверхприроды не в смысле чего-то сверхъестественного, а в смысле искусственно изобретенной природы над природой естественно данной. Творения человека, призванные служить ему, превращаются в беспощадных и бесчувственных господ над своими творцами, заставляя последних служить им. Они воплощают в себе коллективную волю человеколюбия и его коллективную власть над отдельным индивидом. Люди могут бороться с себе подобными, бунтовать против них, упрекать их во всех грехах. Но ничего подобного они не могут позволить себе в отношении вещного мира. Если кто-то отказывается от роли прислуги вещей, он либо заменяется другим, послушным человеком, либо вещный мир вообще начинает обходиться без людей, либо случаются какие-то неприятности, обычно преодолеваемые в пользу вещей.

Знаковая культура западного мира достигает астрономических размеров. Она в миллионы раз превосходит знаковую культуру прочих стран. Одно это ставит западный мир в особое положение в истории человечества. В мире нет и вряд ли когда появится другой социальный феномен, способный на аналогичное творчество.

На создание, сохранение, воспроизводство, дальнейшее усовершенствование и обогащение знаковой культуры и использование ее Запад затрачивает астрономических размеров средства и усилия. Пока эти траты оправдываются. Но всему есть предел. Во-первых, достигла огромных размеров и все увеличивается паразитическая и негативная (вроде рака) часть этой культуры, и никто не в состоянии остановить этот процесс. Во-вторых, все дороже обходится сохранение и воспроизводство навыков обращения с нею. В-третьих, все дороже обходится каждый шаг вперед. И в-четвертых, передача многих функций знаковой культуры и значительного объема операций с нею техническим устройствам, усиливая и облегчая некоторые аспекты интеллектуальной деятельности людей, одновременно ограничивает возможности знакового творчества.

Во второй половине нашего века второй уровень материальной культуры в западных странах разросся и приобрел большую силу. Это изменило профессиональный состав работающих членов общества настолько, что число занятых на этом уровне западоидов приблизилось к числу занятых на первом уровне. Их труд стал подобен труду занятых в системе государственности чиновников, всякого рода общественных деятелей и прочих лиц "чистых" ("бумажных") профессий. Профессии, ранее считавшиеся собственно трудовыми, оказались в меньшинстве. И число занятых в них людей стремительно сократилось. Западные общества стали обществами с преобладанием легких (по старым понятиям) форм

труда, ранее считавшихся непроизводительными и в значительной мере оставшихся такими. Эти виды деятельности обладают повышенной способностью к автономному саморазрастанию, к работе на себя, а не на общество. Они имеют тенденцию к превращению в касты, подобные кастам жрецов прошлого.

Значительное место в современной материальной культуре заняли знаковые системы, фиксирующие результаты познания и правила поведения людей. Напоминаю, что знаки суть явления мертвой природы, а не нечто бестелесное (идеальное в смысле нематериального), как утверждают философы, заимствовавшие идею нематериальной субстанции из религии. Денежные знаки и всякого рода документы также суть вещи неживой природы. Любая информация есть определенного вида знаки или состояния вполне материальных приборов, аппаратов, сооружений.

Самым значительным, на мой взгляд, признаком произошедшего перелома в сфере материальной культуры является то, что люди во все возрастающей степени стали совершать поступки и организовываться не в соответствии с законами живых существ, а в соответствии с законами созданного и воспроизводимого ими вещного мира. Этот мир имеет свои законы, неподвластные живым существам. Одни из этих законов непосредственно и очевидным образом суть законы природы, в соответствии с которыми создаются и используются здания, машины, приборы и прочие вещи. Другие же проявляют свою силу законов природы через коллективную и безликую силу множества живых существ, навязываемую вещам и передаваемую из поколения в поколение. Такими являются, например, правила оперирования всякого рода знаками и вещами, содержащими знаки (в частности, документы), а также правила, регламентирующие расположение и эксплуатацию вещей (в частности, расписания самолетов). Совокупность таких правил обладает силой, с которой ни в какое сравнение не идет власть правительств, концернов, организаций, партий, движений, сект, мафий. Человечество преодолевает уровень живой материи. На смену социальной организации живых существ приходит социальный механизм, воплощающий в себе отчужденные волю и интеллект человечества.

НА ПУТИ К ГЛОБАЛЬНОМУ ЧЕЛОВЕЙНИКУ

Мы рассмотрели происходящий эволюционный перелом в истории человечества в аспекте формирования человеичников более высокого уровня организации, чем общество, - сверхобществ. Этот процесс есть лишь часть более сложного процесса, захватившего всю западную цивилизацию и все человечество. Детальное описание его выходит за рамки задачи этой книги. Тем не менее вообще оставить его без внимания нельзя. Так что я должен хотя бы кратко сказать об основных его чертах.

Выражение "Глобальное общество" стало привычным в сочинениях и речах на социальные темы. При этом "глобальное общество" понимается как объединение всего человечества в единое целое, подобное привычным обществам (их часто называют национальными государствами), с единым мировым правительством и прочими учреждениями современных стран, только большего размера. Обоснование такого мирового социального монстра (около шести миллиардов человек, а футурологи обещают в будущем десять миллиардов и более!) идет по многим линиям. Перечисляются проблемы, которые якобы можно решить лишь совместными усилиями всех стран и народов планеты (демографические, экологические, голода, преступности, болезней и т.п.). Ссылаются на то, что складывается мировая экономика, ломающая границы национальных государств и решительным образом влияющая на их экономику. Ссылаются, наконец, на то, что мир уже пронизан сетью международных объединений, учреждений и организаций, сплотивших

человечество в единое целое. В мире не осталось ни одного уголка, где какая-либо более или менее значительная человеческая группа вела изолированную жизнь. Жизнь людей все более и более находится под влиянием событий, происходящих далеко от тех мест, где они живут. Осуществилась глобализация средств массовой информации. Сложилась международная система производства, распределение и потребления информации. Благодаря ей разбросанное по всей планете человечество ощущает себя живущим в одном мировом объединении. Складывается единая мировая культура.

Тут все вроде бы верно. Но при этом все, говорящие и пишущие на эту тему, за редким исключением, отодвигают на задний план или совсем игнорируют тот факт, что сама идея "Глобального общества" есть идея западная, а не всеобще-мировая. Инициатива и усилия движения к такому объединению человечества исходят от Запада. В основе его лежит не стремление различных стран и народов планеты к объединению - такое стремление появляется чрезвычайно редко, - а стремление определенных сил Запада занять господствующее положение на планете, организовать все человечество в своих конкретных интересах, а отнюдь не в интересах некоего абстрактного человечества. Мировая экономика есть прежде всего завоевание планеты транснациональными компаниями Запада, причем в интересах этих компаний, а не в интересах прочих народов планеты. Некоммерческие международные организации в подавляющем большинстве суть организации западные, контролируемые силами Запада и так или иначе поддерживаемые и используемые ими. Мировой информационный порядок есть порядок, устанавливаемый странами Запада, и прежде всего - США. Фирмы и правительство США осуществляют контроль глобальной коммуникации. Западные медиа господствуют в мире. Мировая культура есть прежде всего американизация культуры народов планеты. Одним словом, идея "Глобального общества" есть лишь идеологически замаскированная установка западного мира, возглавляемого США, на покорение всей планеты и на установление своего господства над всем прочим человечеством.

Идея "Глобального общества" есть идея прежде всего американская. После распада советского блока и самого Советского Союза США остались единственной сверхдержавой с претензией диктовать свой порядок всей планете. Однако она есть идея не только американская, а общезападная. Чтобы установить желаемый мировой порядок, США должны мобилизовать усилия всего западного мира. В одиночку им эту задачу не решить. С другой стороны, западные страны по отдельности не в состоянии сохранить свое положение в мире. Они могут удержаться на достигнутом ими уровне лишь совместными усилиями. А США уже заняли место лидера в их совместном движении к мировой гегемонии.

Единое человечество возможно, но не как мирное сосуществование равноправных стран и народов, а как структурированное социальное целое с иерархией стран и народов. В этой иерархии неизбежны отношения господства и подчинения, лидерства, руководства, т.е. отношения социального, экономического и культурного неравенства. Дело тут не в каких-то биологических причинах и не в плохих расистских идеях, а в объективных социальных закономерностях организации больших масс населения. Знание этих закономерностей вовсе не означает, что люди должны перед ними капитулировать. Люди боролись, борются и будут бороться против стремления других людей господствовать над ними и вообще против их превосходства над собою. И идеи равенства и некоей нравственной справедливости при этом играли и будут играть свою роль. Но было бы по меньшей мере наивно закрывать глаза на упомянутую объективную тенденцию к вертикальному структурированию стран и народов. В качестве составных частей единого человечества народы подчиняются действию общих коммунальных законов, имеющих силу для любых

объединений людей. Так что явное или скрываемое стремление какой-то страны к мировой гегемонии есть один из составных элементов тенденции к единству человечества.

Я говорю именно о вертикальном структурировании, а не просто о разделении мирового общества на регионы. Причем я это представляю себе не как одну иерархическую линию, а как переплетение многих линий, в котором единая мировая иерархия проступает лишь как тенденция. И среди этих линий следует в первую очередь назвать разделение человечества на западную и прочую (незападную) части. Отношения между ними являются совсем не братскими. Ни о каком их равенстве и равноправии и речи быть не может. Западная часть возвышается над незападной. В значительной мере первая уже господствует над второй и имеет тенденцию к полному мировому господству. Каждая из упомянутых частей имеет иерархическую структуру в самых различных измерениях. В западной части на вершине иерархии находятся США. Уровнем ниже находятся ведущие западные страны - Германия, Англия, Франция, Канада. Еще ниже - Италия, Австрия, Бельгия, Голландия. И прочие западные страны как-то упорядочиваются на социальной "вертикали" в том или ином разрезе. И незападные страны занимают разное положение в мировой иерархии. Уровнем ниже западных стран располагаются полузападные страны - Чехия, Словакия, Польша, Венгрия и другие. Они не являются западными, но из прочих незападных стран ближе к западным. На еще более низком уровне располагаются прочие страны. Причем и они занимают различные уровни в зависимости от степени подчиненности Западу. И на самом низшем уровне находятся страны и народы, враждебные Западу или вообще невосприимчивые к его влиянию.

Насколько я помню, во все послевоенное время западные политики, идеологи и журналисты постоянно говорили о Западе как о чем-то едином. Но стоит постороннему человеку заговорить о Западе именно как о таком целом, как немедленно следуют возражения, будто никакого единого Запада вообще нет в природе. В качестве аргументов при этом приводятся различия интересов западных стран, конфликты между ними и т.п.

Очевидно, когда говорят о единстве Запада, имеется в виду единство в одном смысле, а когда единство отрицается - в другом. Конечно, Запад как единое национальное государство вроде Франции, Италии и т.д. не существует. Но национальные государства суть не единственная форма человеческих объединений. После Второй мировой войны тенденция к интеграции стран Запада в новое огромное единство стала доминирующей в современной эволюции человечества, так же как и тенденция к образованию глобального общества под эгидой интегрирующегося Запада. Европейское сообщество, немыслимое без участия США, есть реальность, а не вымысел. Возьмите любой справочник по состоянию планеты, и вы в нем увидите бесчисленные организации, учреждения и предприятия общезападного характера. Добавьте к этому бесчисленные сговоры стран, бесчисленные встречи их глав, совместные мероприятия.

Современный Запад не есть всего лишь сумма стран США, Англии, Германии, Франции и других им подобных западных "национальных государств". Это есть социальное образование, более сложное и более высокого уровня организации. Оно включает в себя в качестве основы и структурных компонентов упомянутые "национальные государства", но не сводится к ним. Оно является молодым с исторической точки зрения: оно начало складываться после Второй мировой войны и еще находится в стадии формирования. Оно не есть нечто идиллически гармоничное целое. Формирование его происходит в острой борьбе. Внутри его имеют место конфликты и дезинтеграционные тенденции. Но это - обычное явление в любых больших объединениях людей. Существенно тут то, что интеграционный процесс доминирует, и "национальные государства" все более и более утрачивают автономию и суверенитет.

Запад есть вполне конкретное социобиологическое образование. Японцы, корейцы, поляки, чехи, русские и представители других незападных народов могут стать и становятся частичками тела Запада не в качестве граждан своих стран, тяготеющих к западным образцам, но лишь покинув их и внедрившись в страны Запада. Да и это не так-то просто. Десятки миллионов иностранцев годами и десятками лет живут в странах Запада, оставаясь тут чужеродным явлением.

Запад есть явление уникальное, т.е. единственное в своем роде и неповторимое в истории человечества. Наша планета не так уж велика, Запад уже существует, он занимает свое место на планете, в обозримом будущем он способен это место удержать за собой и не допустить другой "Запад" рядом с собой. Стечение обстоятельств, благодаря которым Запад сложился исторически, является уникальным и неповторимым. Когда народы Восточной Европы и Советского Союза вознамерились уподобиться Западу, они полностью игнорировали то, что это уподобление не может стать превращением их в части Запада или в западные страны по двум основным причинам (не считая других). Первая причина - навязывание этим народам отдельных свойств Запада (капитализм, рынок, демократия и т.д.) не есть превращение их в части Запада, ибо реальный Запад вообще не сводится к этим свойствам. Реальный социально-политический строй, экономика, идеология и другие основы обществ западного типа имеют мало общего с тем идеологически-пропагандистским их изображением, какое навязывалось этим народам. Последние могут лишь имитировать реальный западный тип общества, но не более того. Вторая причина - место и роль Запада на планете уже заняты, и самое большее, на что могут рассчитывать уподобляющиеся Западу народы, это оказаться в сфере власти, влияния и колонизации со стороны Запада, причем на тех ролях, какие им позволит играть сам единственный и неповторимый Запад.

Тенденция к интеграции Запада имела место всегда. Она принимала самые различные формы - взаимное проникновение, культурное влияние, экономические связи и т.д. Эту тенденцию выражали и войны, включая мировые. Что нового внесло в эту тенденцию наше время? Это новое связано с формированием сверхобществ и с их объединением на этой основе, т.е. с "вертикальным" структурированием человечества. Последнее заключается в том, что возникают бесчисленные и разнообразные организации, учреждения и предприятия общезападного (наднационального) характера. Их уже сейчас насчитываются десятки (если не сотни) тысяч. Они не принадлежат ни к какой отдельной стране. Они возвышаются над ними. В их деятельность уже сейчас вовлечены многие миллионы людей. Они организуются и функционируют по социальным законам (правилам), отличным от тех, по каким организуются и функционируют компоненты привычных (традиционных) "национальных государств" Запада. Они служат основой для образования своего рода "общества второго уровня", которое возвышается как "надстройка" над обычными обществами и фактически подчиняет последние в основных аспектах их жизнедеятельности. Это образование, используя средства западных обществ ("национальных государств"), фактически контролирует более пятидесяти процентов всех мировых ресурсов (по некоторым данным - более семидесяти процентов). Оно опутало своими щупальцами всю планету. Так что в отношении его вполне уместно выражение - "Глобальное сверхобщество".

Глобальное сверхобщество складывается не по типу обществ западного типа, а по типу сверхобществ. Его компонентами становятся формирующиеся западнистские сверхобщества. И объединяет их в целое надстроечная часть глобального сверхобщества - "общество второго уровня" мирового масштаба. Именно оно правит человечеством в наше время, а не какая-то небольшая кучка богачей. Оно включает в себя, конечно, денежный механизм западного мира и использует его как средство управления Западом и прочим

человечеством. Но для управления одним Западом, в котором живет до миллиарда человек, этого мало. А для удержания под своим контролем около пяти миллиардов прочего человечества - тем более. Нужны мощные вооруженные силы, политический аппарат, секретные службы, средства массовой информации. Нужно иметь возможность распоряжаться ресурсами "национальных государств" Запада, принуждая к этому их систему власти и управления.

В этом аспекте все западные страны, включая США, являются ареной деятельности этого глобального монстра. Верхушка его находится в США. Последние суть главная резиденция этого "мирового правительства", поставщик мировых вооруженных полицейских сил, место расположения "штабов" для управления различными рычагами мировой власти, кузница командных, карательных и идеологических кадров и исполнителей воли хозяев планеты. Но подразделения глобального сверхобщества имеются во всех частях западного и западнизируемого незападного мира.

С возникновением глобального сверхобщества произошел перелом в самом типе эволюционного процесса: степень и масштабы сознательности исторических событий достигли такого уровня, что стихийный эволюционный процесс уступил место проектируемой и управляемой эволюции. Это, напоминая, не означает, будто все в эволюции человечества стало планироваться и ход эволюции стал управляться в соответствии с планами. Это означает, что целенаправленный, планируемый и управляемый компонент эволюционного процесса стал играть определяющую роль в конкретной истории человечества. Цели при этом не обязательно благородные, они могут быть (и являются таковыми на самом деле) эгоистичными, гнусными, коварными и т.д. Планы не обязательно целесообразные и разумные, они могут быть нелепыми и даже безумными. Управление не обязательно по правилам разумного управления и не обязательно эффективно, оно может быть дилетантским, неэффективным. Но это не влияет на сам тип эволюции, подобно тому, как плохая государственность не меняет тип власти как государственной, плохая экономика не меняет тип хозяйства как экономический.

Принципиально важно здесь то, что в западном мире сложилась социальная структура, в которой имеются компоненты, ставящие цели эволюционного характера и глобального масштаба, вырабатывающие планы достижения этих целей, обладающие способностью и средствами управлять огромными массами людей, принуждая их к деятельности по реализации этих планов, распоряжающиеся колоссальными материальными ресурсами, достаточными для того, чтобы исторические процессы, ранее бывшие стихийными, сделать сознательными.

ЗАПАДНИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Западные страны сформировались исторически в "национальные государства" как социальные объединения более высокого уровня социальной организации сравнительно с другими странами, как своего рода "надстройка" над прочим человечеством. Они развили в себе силы и способности доминировать над другими народами, покорять их. А историческое стечение обстоятельств дало им возможность использовать свои преимущества в своих интересах. Воздействие этого явления на судьбы человечества было и остается противоречивым. Оно было могучим источником прогресса. И оно же было не менее могучим источником несчастий. Оно явилось причиной бесчисленных кровопролитных войн, включая две мировые, а также причиной гибели многих народов и целых цивилизаций. Оно не только не исчезло со временем, но усилилось. Оно лишь приняло новые формы и масштабы. Теперь западные страны покоряют планету не

поодиночке, а совместно. Теперь они стремятся покорить все человечество и организовать его так, чтобы они могли удержать свою мировую гегемонию за собой навечно и чтобы могли эксплуатировать всю планету в своих интересах наивыгоднейшим для себя образом.

Стремление западных стран к овладению окружающим миром не есть всего лишь злой умысел каких-то кругов этих стран - "империалистов". Оно обусловлено объективными законами социального бытия. Более того, овладение другими странами и народами стало необходимым условием выживания стран и народов Запада. Оно есть принудительное средство сохранить достигнутое положение и выжить в угрожающе сложных исторических условиях. Всем ходом исторического развития Запад вынуждается на то, чтобы установить мировой порядок, отвечающий его интересам. Он не просто имеет возможности и силы для этого, он уже не может уклониться от этой эпохальной задачи.

В ходе "холодной войны" была выработана стратегия установления нового мирового порядка - стратегия создания реального "Глобального общества". Я называю ее словом "западнизация".

Сущность западнизации состоит в навязывании незападным народам и странам социального строя, экономики, политической системы, идеологии, культуры и образа жизни, подобных таковым (или имитирующих таковые) западных стран. Идеологически и в пропаганде это изображается как гуманная, бескорыстная и освободительная миссия Запада, который при этом изображается средоточием всех мыслимых добродетелей. Мы свободны, богаты и счастливы, - так или иначе внушает западная идеология и пропаганда западнизируемым народам, - и мы хотим помочь вам стать такими же свободными, богатыми и счастливыми, как мы. Но для этого вы должны сделать у себя, в своих странах, то, что мы вам посоветуем.

Это - на словах. А на деле западнизация (в рассматриваемом здесь смысле!) имеет реальной целью довести намеченные жертвы до такого состояния, чтобы они потеряли способность к самостоятельному существованию и развитию, включить их в сферу влияния и эксплуатации западных стран, присоединить их к западному миру не в роли равноправных и равномошных партнеров, а в роли зоны колонизации.

Западнизация не исключает добровольность со стороны западнизируемой страны и даже страстное желание пойти этим путем. Запад именно к этому и стремится, чтобы намеченная жертва сама полезла ему в пасть да еще при этом испытывала бы благодарность. Для этого и существует мощная система соблазнов и идеологическая обработка. Но при всех обстоятельствах западнизация есть активная операция со стороны Запада, не исключаящая и насилие. Добровольность со стороны западнизируемой страны еще не означает, что все население ее единодушно принимает этот путь своей эволюции. Внутри страны происходит борьба между различными категориями граждан за и против западнизации.

Была разработана также и тактика западнизации. В нее вошли меры такого рода. Дискредитировать все основные атрибуты общественного устройства страны, которую предстоит западнировать. Дестабилизировать ее. Способствовать кризису экономики, государственного аппарата и идеологии. Раскалывать население страны на враждующие группы, атомизировать его, поддерживать любые оппозиционные движения, подкупать интеллектуальную элиту и привилегированные слои. Одновременно вести пропаганду достоинств западного образа жизни. Возбуждать у населения западнизируемой страны зависть к западному изобию. Создавать иллюзию, будто это изобилие достижимо и для них в кратчайшие сроки, если их страна встанет на путь преобразований по западным образцам. Заражать их пороками западного общества, изображая пороки как добродетели, как проявление подлинной свободы личности. Оказывать экономическую помощь западнизируемой стране в той мере, в какой это способствует разрушению ее экономики,

порождает паразитизм в стране и создает Западу репутацию бескорыстного спасителя западнизруемой страны от язв ее прежнего образа жизни.

Одной из черт западнизации является мирное решение проблем. Но эти мирные методы обладают одной особенностью: они принудительно мирные. Запад обладает огромной экономической, идеологической и политической мощью, достаточной, чтобы заставить строптивых мирным путем сделать то, что нужно Западу. Но мирные средства ничто, если они не базируются на мощи военной. И в случае надобности Запад, как показывает опыт (например, Югославия), не остановится перед применением оружия, будучи уверен в своем подавляющем превосходстве.

Западнизация есть особая форма колонизации, в результате которой в колонизируемой стране принудительно создается социально-политический строй колониальной демократии. По ряду признаков это есть продолжение прежней колониальной стратегии западноевропейских стран. Но в целом это есть новое явление. Назову характерные признаки его.

Колониальная демократия не есть результат естественной эволюции данной страны в силу ее внутренних условий и закономерностей ее исторически сложившегося социально-политического строя. Она есть нечто искусственное, навязанное этой стране извне и вопреки ее исторически сложившимся возможностям и тенденциям эволюции. Она поддерживается мерами колониализма. При этом колонизируемая страна вырывается из ее прежних международных связей. Это достигается путем разрушения блоков стран, а также путем дезинтеграции больших стран, как это имело место с советским блоком. Советским Союзом и Югославией. Иногда это делается как освобождение данного народа от гнета со стороны других народов. Но чаще и главным образом идея освобождения и национальной независимости есть идеологическое средство манипулирования людьми.

За вырванной из прежних связей страной сохраняется видимость суверенитета. С ней устанавливаются отношения как с якобы равноправным партнером. В стране в той или иной мере сохраняются предшествующие формы жизни для значительной части населения. Создаются очаги экономики западного образца под контролем западных банков и концернов, а в значительной мере - как явно западные или совместные предприятия. Внешние атрибуты западной демократии используются как средства совсем не демократического режима и как средства манипулирования массами. Эксплуатация страны в интересах Запада осуществляется силами незначительной части населения колонизируемой страны, наживающейся за счет этой ее функции и имеющей высокий жизненный стандарт, сопоставимый с таковым высших слоев Запада.

Колонизируемая страна во всех отношениях доводится до такого состояния, что становится неспособном на самостоятельное существование. В военном отношении она демилитаризируется настолько, что ни о каком ее сопротивлении и речи быть не может. Вооруженные силы выполняют роль сдерживания протестов населения и подавления возможных бунтов. До жалкого уровня низводится национальная культура. Место ее занимает культура, а скорее - псевдокультура западнизма.

Массам населения предоставляется суррогат демократии в виде распушенности, ослабленного контроля со стороны власти, доступные развлечения, предоставленность самим себе, система ценностей, избавляющая людей от усилий над собой и моральных ограничений.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Переход к эпохе сверхобществ, сохраняя и приумножая многие достижения эпохи обществ, одновременно означает и утрату многих достижений эпохи обществ. Среди этих потерь следует назвать резкое сокращение числа участников эволюционной конкуренции. В эволюционную борьбу человеиники включаются не поодиночке, а в составе миров. А миров, способных сражаться за самостоятельный эволюционный путь, на планете осталось совсем немного. До недавнего времени главными конкурентами в борьбе за мировую эволюцию были коммунизм и западнизм. После поражения советского коммунизма инициативу захватил западнистский вариант эволюции. Прочие варианты (мусульманский мир, африканский континент, Южная Америка) суть либо эволюционные тупики, либо подражания западнизму, либо зоны колонизации для Запада. Во всяком случае, что бы ни происходило в этих регионах, изменить направление социальной эволюции уже невозможно в силу закона эволюционной инерции. А изменить направление эволюционного процесса внутри самого западного мира невозможно в силу его внутренней социальной организации. Поражение коммунистического мира в "холодной войне" надолго (если не навсегда) похоронило возможность и даже идею социальной революции.

Мюнхен, 1998